СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

№6 2024

Российское научно-образовательное издание
Издается с 1973 года

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Маханева Е.А. Социально-философские основания концепции мультикультаризма 5
Раджабова А.О. Некоторые исторические аспекты виноградарства и виноделия в России 7
Ян Цяньвэнь. Применение инструментов «музейной дипломатии» в сфере формирования социально-культурного пространства Китая 10
Янь Вэйсюань. Создание и развитие полифонической музыки на Западе от Средневековья до эпохи Возрождения 15

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Бикметов Е.Ю., Фролова И.В., Уразова А.И. Человекоцентричное управление как альтернатива технократическому подходу и основание корпоративной солидарности 21
Еничева А.И. Адаптация иностранных студентов к условиям трансграничного социокультурного пространства российского образования: на примере Тихоокеанского государственного университета 24
Золотухин А.А. Повышение эффективности реализации программ ресоциализации безработных в центрах занятости населения 28
Кокорева М.Е. Социальная реабилитация военнослужащих, участников СВО и их семей 33
Михайлюк А.А. Управленческая модель менеджеризма в здравоохранении: проблемы функционирования санаторно-курортного лечения 37
Скрипкина Н.В. Влияние мотивационных ориентиров в профессиональной деятельности учителя 42
Цыганкова А.Н. Преобразование форм занятости в цифровой экономике: социологический анализ 48
Чернов П.А. Социальные факторы развития электронных социальных сетей 53
Чжао Юньхуэй, Гавриленко О.В. Разработка методического подхода к изучению социальных механизмов управления предприятием в Китае 63
Шинкевич В.Е. Социальная практика оценки наркоситуации, определение веса основных ее детерминант по единым заданным параметрам в ходе ежегодного мониторинга 67
Шипилов С.В. Роль социальных институтов в профессиональном самоопределении студенческой молодёжи России 72

Учредитель: **ООО «Издательство «КноРус»**

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.
ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д.14, корп. 2
E-mail: **shk_journal@mail.ru**
Сайт: **http://socgum-journal.ru**

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:
Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, профессор Московского педагогического университета, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция)
Ответственный секретарь:
Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор действительный член РАЕН; **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ; **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России; **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Института социологии и регионалистики, ЮФУ; **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, действительный член Академии литературы, почетный доктор Института социологии РАН; **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой по научной работе, МГУ им. М.В. Ломоносова; **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник, ИСПИ РАН; **Карпухин Олег Иванович** – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета; **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Польша); **Кривопусков Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления; **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института Высшей школы (Беларусь); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета; **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН; **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, заведующий кафедрой гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, член международной федерации журналистов, профессор Московского педагогического государственного университета, почетный работник Высшего профессионального образования РФ; **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, Президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского университета; **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры Корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО; **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной социологии факультета социологии, декан Факультета социологии СПбГУ, директор Центра изучения Германии и Европы; **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы.

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. *Подписано в печать:* 30.06.2024 *Цена свободная*

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Бакаев Д.А., Ольхин Г.С. Мифогенные факторы формирования смыслового пространства культуры и общества 75
Бочарова В.С., Басманова А.А., Бакшеев А.И. Социально-философский анализ феномена публичной смертной казни в регулировании общественных отношений в Средневековье 79
Евлоева Ф.Р., Евлоева Л.М. Социально-философский анализ трансформации духовных потребностей молодежи 82
Заклинский П.А. Новозаветные тексты как места памяти 87
Иванова М.Ю. Эволюция правовой системы в контексте развития общественных отношений: социально-философский анализ 91
Кадыгрова В.И., Апсаматова Э.Д., Стамова Р.Д., Брусиловский Д.А., Майрамбек А. Новаторские идеи художников Кыргызстана и их вклад в национальную идентичность 94
Лустин Ю.М. Философская рефлексия как конструктивное средство диалектико-типологического взаимодействия человека и общества: логико-гносеологический аспект 99
Митин А.В., Полозова И.В. Социальная философия: к вопросу об основоположениях 104
Михайлова О.А. Осмысление феномена звукового ландшафта города с позиции физикалистского подхода ... 107
Мишечкин Г.В. Концепт «цивилизация» в социально-политической философии Ф.И. Тютчева 111
Мышко Е.Ф., Захаров М.Ю. Роль кодекса чести «бусидо» в традиционной духовной культуре Японии 114
Попова В.В. Социально-философский анализ феномена одиночества эпохи метамодернизме в лирике 2000–2020-хх: на примере творчества Александра Красовицкого 118
Тазов П.Ю. Поколение Z в цифровой среде (особенности, риски) 122

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Аванесова Г.А., Миронов А.В. Постижение России: прорывы и тупики в развитии отечественной гуманитарной мысли (XVII – начала XXI вв.)1 126
Ореховская Н.А. Анализ существующих практик передачи духовного опыта поколения в современной высшей школе 133
Раджабов О.Р., Ляшенко О.В., Раджабов Р.О. Патриотизм как основа формирования общенациональной гордости 138
Стрелкова Е.Ю. Феномен голоса человека в философских учениях 143

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Аторин Р.Ю. Краткая биография старообрядческого епископа Михаила Семенова (к 150-летию со дня рождения) 146
Номеровский В.О. Паллиативная помощь как способ поддержки ВИЧ-инфицированных 149

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Абдыкахаров Э.А., Апсаматова Э.Д., Фрунзеева Ж.Н., Токторбаева Т.М., Брусиловский Д.А. Конструирование идентичности как политико-коммуникативный процесс на просторах Евразии 153
Зимовец Л.Г., Куликовский А.В. «Мы подданные империи права…»: юридический ракурс американской интеллектуальной традиции в свете политико-философского осмысления 157
Лаффах А.М. Феномен «навязанной социальной реальности» в общественно-политических процессах 163
Погорелый А.П. Духовно-идеологическая безопасность как элемент национальной безопасности Российской Федерации 169
Потапов Д.В. Информационные процессы в вопросах трансформации политических режимов 175
Пушкарева В.В. Фактор Сары Вагенкнехт в современной политической жизни Германии 179
Ровинская И.В. Эволюция доктринальных установок реализации концепции «государства всеобщего благосостояния» в Норвегии 185

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Бондарев В.Г. Ценностные основания российской цивилизационной идентичности 189
Столяров А.Н., Козлов Д.В. Военные угрозы безопасности Союзного государства на современном этапе 194
Сунь Ин. Исследование текущей ситуации и стратегии китайско-российского сотрудничества в области лесного хозяйства в рамках инициативы «Один пояс, Один путь» 198

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Смирнов М.М., Вожегов И.А. Соответствие международного и национального законодательства Швеции в области кибербезопасности 204
Тараки Ф.А. Российско-катарское взаимодействие. Перспективы форума стран-экспортёров газа (ФСЭГ) 208
Хэ Юйвэй. Молодежный культурный обмен в рамках Российско-Китайского тематического года 212

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Конычева Ю.Д., Филимонова И.В. Социально-психологические аспекты работы психолога на фрилансе 217
Ушаков Е.В. Умное управление (smart governance): поиск эффективных структур современного публичного управления 222
Швачкина Л.А., Родионова В.И., Игошева М.А. Социально-философский анализ самореализации личности: сферный подход 226

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

Makhaneva E.A. Socio-philosophical foundations of the concept of multiculturism 5

Rajabova A.O. Some historical aspects of viticulture and winemaking in Russia 7

Yang Qianwen. Application of the tools of "museum diplomacy" in the formation of the socio-cultural space of China 10

Yan Weixuan. The creation and development of polyphonic music in the West from the Middle Ages to the Renaissance 15

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Bikmetov E.Yu., Frolova I.V., Urazova A.I. Human-centered management as an alternative to the technocratic approach and a basis for corporate solidarity ... 21

Enicheva A.I. Adaptation of foreign students to the conditions of the cross-border sociocultural space of russian education: the example of pacific national university 24

Zolotukhin A.A. Increasing the effectiveness of the implementation of resocialization programs for the unemployed in employment centers 28

Kokoreva M.E. Social rehabilitation of military personnel, members of the armed forces and their families 33

Mikhailyuk A.A. Management model of managerialism in health care: problems of functioning of sanatorium-resort treatment 37

Skripkina N.V. The influence of motivational guidelines in the professional activity of a teacher 42

Tsygankova A.N. Transforming forms of employment in the digital economy: a sociological analysis 48

Chernov P.A. Social factors of the development of electronic social networks 53

Zhao Yunhui, Gavrilenko O.V. Methodological approach to the study of social mechanisms of enterprise management in china 63

Shinkevich V.E. The social practice of assessing the drug situation, determining the weight of its main determinants according to uniform set parameters during annual monitoring 67

Shipilov S.V. The role of social institutions in the professional self-determination of Russian students 72

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Bakaev D.A., Olkhin G.S. Mythogenic factors forming the meaning space of culture and society 75

Founder: **LLC Publishing House «KnoRus»**

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: **shk_journal@mail.ru**
Website: **http://socgum-journal.ru**

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Secretary of the editorial staff:
Mironova Elena Vitalievna

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)
Avanesova Galina Alekseevna – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences; **Balbeko Anatoly Mikhailovich** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of Journalism, Communications and Media Education, member of the Union of Journalists of Russia; **Volkov Yuri Grigorievich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University; **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Academy of Literature, Honorary Doctor Institute of Sociology RAS; **Kapitsyn Vladimir Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Head of the Department for Scientific Work, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Doctor of Chemical Sciences, Professor, Chief Researcher, ISPI RAS; **Karpukhin Oleg Ivanovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor of Moscow University for the Humanities, Honored Scientist of the Russian Federation; **Kefeli Igor Fedorovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Sociology, Baltic State Technical University; **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Institute of Sociology (Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor at the State University of Management; **Makarov Anatoly Vasilievich** – Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Head. Department of Design of Educational Systems of the Republican Institute of Higher School (Belarus); **Matyukhin Andrey Viktorovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head. Department of Philosophy and History of Moscow Financial and Industrial University; **Mikhailenok Oleg Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for the Study of Socio-Political Relations of the Center for Political Science and Political Sociology of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Orekhovskaya Natalya Anatolyevna** – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentina Vasilievna** – deputy editor-in-chief, candidate of philosophical sciences, professor, member of the International Federation of Journalists, professor of Moscow Pedagogical State University, honorary worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Pulyaev Vyacheslav Tikhonovich** – Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Humanities, Professor of St. Petersburg University; **Subochev Nikolay Sergeevich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Corporate Governance at RANEPA, Honorary Worker of Higher Professional Education; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Comparative Sociology of the Faculty of Sociology, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University, Director of the Center for the Study of Germany and Europe; **Khaziev Valery Semenovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Director of the Research Center for the Development of Islamic Education of the BSPU named after. M. Akmulla .

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); Socio-Political Journal" (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18 Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.05.2024. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

Bocharova V.S., Basmanova A.A., Baksheev A.I. Social and philosophical analysis of the phenomenon of public death penalty in the regulation of social relations in the Middle Ages 79

Evloeva F.R., Evloeva L.M. Social and philosophical analysis of the transformation of the spiritual needs of youth 82

Zaklinsky P.A. New Testament texts as places of memory 87

Ivanova M.Yu. The evolution of the legal system in the context of the development of public relations: a socio-philosophical analysis 91

Kadygrova V.I., Apsamatova E.D., Stamova R.D., Brusilovskii D.A., Mayrambek A. Innovative ideas of artists of Kyrgyzstan and their contribution to national identity 94

Lustin Yu.M. Philosophical reflection as a constructive means of dialectical-typological interaction of person and society: logical-gnoseological aspect 99

Mitin A.V., Polozova I.V. Social philosophy: towards the question of fundamentals 104

Mikhailova O.A. Understanding the phenomenon of the city soundscape from the perspective of a physicalist approach 107

Mishechkin G.V. The concept of "civilization" in F.I. Tyutchev's social and political philosophy 111

Myshko E.F., Zakharov M.Yu. The role of the code of honor «bushido» in the traditional spiritual culture of Japan 114

Popova V.V. Social and philosophical analysis of the phenomenon of loneliness of the metamodern era in the lyrics of the 2000–2020s: using the example of the work of Alexander Krasovitsky 118

Tazov P.Yu. Generation Z in the digital environment (features, risks) 122

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

Avanesova G.A., Mironov A.V. Understanding Russia: Breakthroughs and Dead Ends in the Development of Russian Humanitarian Thought (XVIII – early XXI centuries) 126

Orekhovskaya N.A. Analysis of the existing practices of transfer of spiritual experience to a generation in a modern higher school 133

Radjabov O.R., Lyashenko O.V., Radjabov R.O. Patriotism as the basis for the formation of national pride 138

Strelkova E.Yu. The phenomenon of the human voice in philosophical teachings 143

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

Atorin R.Yu. A brief biography of the old believer bishop Mikhail Semenov (for the 150th anniversary of his birth) 146

Nomerovsky V.O. Palliative care as a way to support HIV-infected people 149

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

Abdykakharov E.A., Apsamatova E.D. Frunzeeva Zh.N., Toktorbaeva T.M., Brusilovskii D.A. Identity construction as a political-communicative process in Eurasia 153

Zimovets L.G., Kulikovsky A.V. «We are subjects of law's empire…»: the legal perspective of the american intellectual tradition in the light of political and philosophical understanding 157

Laffakh A.M. The phenomenon of "imposed social reality" in socio-political processes 163

Pogorely A.P. Spiritual and ideological security as an element of the national security of the Russian Federation 169

Potapov D.V. Information processes in matters of transformation of political regimes 175

Pushkareva V.V. Sahra Wagenknecht' influence in the modern political life of Germany 179

Rovinskaya I.V. The evolution of doctrinal guidelines for the implementation of the concept of the "welfare state" in Norway 185

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Bondarev V.G. Value bases of Russian civilizational identity 189

Stolyarov A.N., Kozlov D.V. Threats to the military security of the Union State at the present stage 194

Sun Ying. A study of the current situation and strategy of sino-russian cooperation in the field of forestry within the framework of the "One belt, One road" initiative 198

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

Smirnov M.M., Vozhegov I.A. Compliance with Swedish international and national cybersecurity legislation 204

Taraki F.Ah. Russian-Qatari cooperation. Prospects of the gas exporting countries forum (GECF) 208

He Yuwei. Youth Cultural Exchange within the framework of the Russia-China Thematic Year 212

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

Konycheva Y.D., Philimonova I.V. Socio-psychological aspects of the work of a freelance psychologist 217

Ushakov E.V. Smart governance: search of effective structures of modern public administration 222

Shvachkina L.A., Rodionova V.I., Igosheva M.A. Social and philosophical analysis of personal self-realization: spheral approach 226

Социально-философские основания концепции мультикультаризма

Маханева Екатерина Александровна,
аспирант кафедры истории и философии,
РЭУ им. Г.В. Плеханова

В статье проводится анализ основных идей и представлений о мультикультурализме. Выявляются проблемы противопоставления «чужого» и национальности универсальности в современном обществе. Определяется, что каждая культура имеет свой собственный способ общения и представления себя, и понимание этих различий может помочь построить более эффективные и глубокие мультикультурные отношения. Сделан вывод о том, что успех мультикультурализма основан на факторе толерантности, и именно она помогает обществу взглянуть на мир иначе и увидеть уникальность разнообразия культур.

Ключевые слова: мультикультурализм, толерантность, идентичность, плюрализм, культура, взаимодействие.

Вопрос мультикультурного сосуществования и, более того, межнационального диалога остро интересует современное философское сообщество. К решению задач, требующих глубокого философского анализа, подталкивает «скопление» разных национальных групп, вынужденных делить быт на близкой друг к другу территории. Именно поэтому приступая к изучению этого социально-философского феномена, необходимо придерживаться ясной, как можно более объективной точки зрения. По мнению американского исследователя Ричарда Бернстайна, «мультикультурализм – это «определенно», неопределенное понятие. По мнению советско-российского политолога, этнографа и исследователя Эмиля Паина: «Мультикультурализм – это новое понятие, вошедшее в научный оборот только в 1980-х годах и, поскольку оно концептуально не разработано, не имеет серьезной теоретической базы». И это действительно так: мультикультурализм сегодня представляет собой утонченную мысль, которая содержит в себе различные понимания и представления людей, с помощью которых и складывается общая картина мира о культурном феномене наций[1].

Подтекст мультикультурализма содержит два аспекта: первый – философский, в котором монокультурность переосмысляется через модель западной культурной традиции, второй – политический, который основывается на культурном доминировании одной или нескольких наций в определённых регионах по исторически обусловленным причинам. Очевидно, в основе концепции мультикультурализма лежит понятие культуры, если говорить о доминировании одной или нескольких культур в регионе, то становится совершенно понятно наличие на определённой территории нескольких культур, которые должны мирно сосуществовать. Проблема мультикультурализма зиждется на преодолении вопроса дискриминации по религиозному, расовому и других принципах.

Владимир Котельников, российский радиофизик и криптограф, дает более общее представление о мультикультурализме, представляя его как идеологию, предполагающую признание того, что все культуры равны и имеют одинаковое право на жизнь. Российский философ Сергей Чукин считает, что «мультикультурализм – это практика и политика бесконфликтного сосуществования в среде многих разнородных культурных групп». Мультикультурализм направлен на снижение напряженности между местными традициями этнических групп и универсальными образцами, созданными западными традициями, которые должны сохранять собственную идентичность, обеспечивая при этом общее существование общества[2]. Таким образом, можно считать, что мультикультурализм – это цивилизованный ответ на радикальный плюрализм, в котором мировое общество определяется тем, насколько безопасно чувствуют себя различные группы людей.

Идея этнокультурного разнообразия была разработана в XX веке. Учитывая растущую роль культурной диф-

[1] Галинская И.Л. Мультикультурализм и межкультурная коммуникация // Культурология: дайджест. 2005. № 4 (35). С. 7.

[2] Чукин С.Г. Хабермас versus А.Макинтайр: к вопросу об основаниях современного философствования. //Серия «Мыслители», Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. Выпуск 11/ к 75-летию профессора М.Я. Корнеева., СПб., 2002. С. 76–77.

ференциации в возникновении политических и военных конфликтов, основная идея американского исследователя Сэмюэла Э. Хантингтона заключалась в следующем: «В новом мире самые распространенные, серьезные и опасные конфликты будут возникать не между социальными классами, не между богатыми и бедными, не между экономическими группами, а между людьми разных культур. Поэтому человечеству необходимо постоянное сотрудничество, а точнее, государство, которое постоянно сотрудничает во всех сферах жизни, должно учитывать культурную самобытность, традиции, национальный быт и образ мышления исторически сложившихся народов»[1].

Юрген Хабермас, один из выдающихся немецких философов и социологов, который изучал и работал над различными современными проблемами мультикультурализма, поднял проблему «чужого» и проблему противопоставления национальности универсальности в современном обществе и был единственным, кто считал, что функция коммуникации играет в современном государстве связующую роль. Мультикультурализм имеет важные преимущества, такие как признание и защита прав меньшинств, избавление от различных стереотипов и предрассудков. Однако наравне с этим существуют недостатки в виде страха рассеянности: в стремлении сохранить этнические особенности группы могут пойти на крайности для достижения этой цели[2]. Исходя из вышесказанного, можно сказать, что не совсем понятно, какие изменения претерпит нынешняя идеология и каков будет конечный результат, но что можно сказать с уверенностью, так это то, что современное состояние развития культурных отношений крайне благоприятно для сохранения и возрождения обычаев и культурных традиций этнических меньшинств.

Следует отметить, что понятие «мультикультурализм» связано с вопросами свободы мысли и толерантности. Таким образом, установление интервалов действия толерантности, а также ее собственное формирование особенно актуальны для современного общества. Теперь мировая культура и религия превратились в процесс интеграции, в котором происходит смешение различных культур, которое само по себе неоднородно и выглядит как разнообразная панорама международных религий, традиций, обычаев, образа жизни и обычаев. Многие ученые подтверждают центральную идею о том, что концепция взаимодействия между различными культурами вселенной лежит в основе глобальной культуры, и именно с ней связана модель культурной диффузии, которая включает межкультурные заимствования, которые реализованы через следующие механизмы, которые находят свое выражение в различных теориях о способах осуществления заселения многих существующих культур: достижения, предполагающие добавление существенных элементов, которые отсутствуют в более развитой культуре, к недостаточно развитой (стратегии и элементы структуры власти, оружейные технологии, определенные методы социальной интеграции); мирного заимствования и сепаратного подражания, образцом культуры (искусство, урбанизация, профессиональная специализация). Однако советский философ, доктор философских наук Мераб Мамардашвили заключает, что «культура не является совокупностью высоких концепций или высоких ценностей. В конце концов, ценность по определению является чем-то конечным, а основное значение культуры – «бесконечная ценность», то, что ни в какой точке не имеет какой-либо конкретной размерной ценности, кроме разрыва, движения вперед. Кроме того, настоящая культура вовсе не в музеях и не сводится к посещению, а заключается в ощущении бытия или небытия, которое человек переживает в процессе духовного производства[3].

Исходя из вышесказанного можно подытожить, что успех мультикультурализма основан на факторе толерантности, и именно она помогает обществу взглянуть на мир иначе и увидеть уникальность разнообразия культур. Таким образом, толерантность и мультикультурализм являются основополагающими принципами современного общества, и без сосуществования и взаимодействия различных культур не может быть будущего.

Литература

1. Галинская И.Л. Мультикультурализм и межкультурная коммуникация // Культурология: дайджест. 2005. № 4 (35). С. 7.
2. Мамардашвили М.К. Мысль в культуре / М.К. Мамардашвили // Журнал «Философский науки». М., 1989, № 11, с. 75–81.
3. Ушанова И.А. Глобализация и мультикультурализм: пути развития // Вестн. Новгород. гос. ун-та. 2004. № 27. С. 64.
4. Чукин С.Г. Хабермас versus А.Макинтайр: к вопросу об основаниях современного философствования. // Серия «Мыслители», Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. Выпуск 11/ к 75-летию профессора М.Я. Корнеева., СПб., 2002. С. 76–77.
5. Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон: [Пер. с англ. Ю.Новикова]. – М.; СПб.: АСТ, 2003. С. 77.

SOCIO-PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF THE CONCEPT OF MULTICULTURISM

Makhaneva E.A.
G.V. Plekhanov Russian Economic University

This article analyzes the main ideas and perceptions of multiculturalism. The problems of opposing the “foreign” and nationality to universality in modern society are identified. It is determined that each culture has its own way of communicating and presenting itself, and understanding these differences can help build more effective and deeper multicultural relationships. It is concluded that the success of multiculturalism is based on the factor of tolerance, and it is this factor that helps society to look at the world differently and see the uniqueness of the diversity of cultures.

Keywords: multiculturalism, tolerance, identity, pluralism, culture, interaction.

References

1. Galinskaya I.L. Multiculturalism and intercultural communication // Culturology: digest. 2005. No. 4 (35). P. 7.
2. Mamardashvili M.K. Thought in culture / M.K. Mamardashvili // Journal of Philosophical Sciences. M., 1989, No. 11, p. 75–81.
3. Ushanova I.A. Globalization and multiculturalism: ways of development // Vestn. Novgorod. state un-ta. 2004. No. 27. P. 64.
4. Chukin S.G. Habermas versus A. MacIntyre: on the question of the foundations of modern philosophizing. //Series “Thinkers”, Reflections on philosophy at the crossroads of the second and third millennia. Issue 11/ for the 75th anniversary of Professor M. Ya. Korneev., St. Petersburg, 2002. pp. 76–77.
5. Huntington S.F. Clash of Civilizations / S. Huntington: [Trans. from English Yu. Novikova]. – M.; St. Petersburg: AST, 2003. P. 77.

[1] Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций / С.Хантингтон: [Пер. с англ. Ю.Новикова]. – М.; СПб.: АСТ, 2003. С. 77.

[2] Ушанова И.А. Глобализация и мультикультурализм: пути развития // Вестн. Новгород. гос. ун-та. 2004. № 27. С. 64.

[3] Мамардашвили М.К. Мысль в культуре / М.К. Мамардашвили // Журнал «Философский науки». М., 1989, № 11, с. 75–81.

Некоторые исторические аспекты виноградарства и виноделия в России

Раджабова Асият Османовна,
аспирант кафедры плодоовощеводства, виноградарства и ландшафтной архитектуры, Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джамбулатова

В статье дан анализ некоторых исторических аспектов развития виноградарства и виноделия в России. На основе документальных и исторических сведений автор приходит к выводу, что виноградарство получило развитие на Древней Руси в IX–XII вв. Развитию виноградарства и производству вина особое внимание уделялось в советский и постсоветский период. СССР по посадкам винограда занимал второе место в мире после Испании, а по вину третье место после Франции и Италии. Современная Россия занимает по производству вина 12 место, по виноградарству – 19 место.

Ключевые слова: виноградарство, вино, возделывание, виноделие, алкоголь, хранение.

Кубок янтарный полон давно
Я- благодарный – пью за вино.
А.С. Пушкин

Многие ученые на основе археологических данных утверждают, что виноградарство возникло 6–7 тыс. лет до н.э.: в Древнем Египте, Греции, Месопотами, на Кипре и в Иране. Так, на территории Ирана в районе Хаджи-Фируз, заселенном 7 тыс. лет назад, нашли кувшин с остатками вещества, который однозначно являлся виноградным вином.

На Руси виноградное вино появилось при князе Олеге. Возвращаясь в 907 году из похода на Константинополь, он вместе с золотом и драгоценными камнями привез вино. Документальные сведения о культуре винограда в России относятся к IX–XII векам. Наибольшие массивы виноградников принадлежали в Киевской Руси монастырям. При царях Михаиле Федоровиче и Петре I стали насаждаться государственные «регулярные сады» и виноградники (в том числе в Измайлово под Москвой). По сведениям немецкого ученого-энциклопедиста Адама Олеария, автора широко известной книги «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и назад», первый виноградник на территории Российской империи появился в 1613 году в Астрахани. По приказу царя Михаила Федоровича был заложен «настоящий сад для двора Государева». А в 1656 г. для царского двора были изготовлены первые партии вина. После 1660 года виноградники были разбиты в Тамбове, Курске и Туле. В 1706 году Петр I повелел разводить виноградники на Дону.

Во время царствования Федора Алексеевича (1661–1682) появился так называемый Приказ Большой Казны, в ведомство которого поступали дела по винной регалии всего государства. Местное управление над винной регалией принадлежало в городах наместнику, в волостях – волостелям. Во второй половине XVIII века виноградарство в России развивалось очень интенсивно.

Посетивший терские казачьи станицы академик И.П. Фальк отмечал, что в хозяйствах казаков преобладало садоводство и особенно виноградарство [4, с. 98].

До начала XVII в. в России вино было только привозным. Первый виноградник был засажен в 1613 г. в Астрахани при царе Михаиле Федоровиче. Петр I способствовал развитию виноградарства в окрестностях Астрахани, для чего выписал венгерские сорта винограда и специалиста-виноградаря (в 1700 г.) из Франции. В 1794 г. вокруг Астрахани было уже 330 десятин виноградников. На Дону от древней культуры остались только одичавшие кусты. Здесь в 1706 г. по указу Петра I около станиц Цымлянской и Раздорской виноградники закладывались сортами, завезенными из Астрахани, Франции и Венгрии. Эти сорта в настоящее время носят местные названия [1, с. 43]. С 1785 г. виноградарство начинает развиваться в Терской и Прикумской областях (сорта выписаны с Кавказа и из Персии), с 1864 г. в Кубанской области и с 1772 г. в Дербенте [5, с. 15].

Крымское виноградарство развивалось с древнейших времён, но в результате нашествий гуннов, хазар, печенегов, половцев и татар край подвергся разорению. В 1280 г. виноградарство и виноделие в Крыму были восстановлены генуэзскими колонистами, главным об-

разом в Кафе (Феодосия) и в Сугдее (Судак), где производились известные в то время «сурожские» вина. В 1475 г. Крым был завоёван турками, и к этому времени следует отнести распространение столовых сортов (Шабаш, Ташлы, Асма, Чауш). После 1783 г. виноградарство Крыма было восстановлено на основе сортов, завезенных из Греции, Турции и с Кавказа, а несколько позже и из Франции. На Черноморском побережье в районах Анапы, Новороссийска и Туапсе виноградарство начинает развиваться с 1868 г. после ввоза сюда французских сортов.

После присоединения к России Крыма князь Г.А. Потемкин закупил для посадок более 20 тысяч черенков винограда в Венгрии. По мере расширения Российской империи на юге сформировались регионы первичного виноделия – Ставропольский и Краснодарский края, Ростовская область, Дагестан (кстати, здесь история виноградарства насчитывает уже более 2 тысяч лет).

В 90-х годах XIX века «питейный» доход российской казны составлял почти 300 млн руб. в год (для сравнения: сумма всех поземельных налогов, полатей и налогов с недвижимости не превышала 50 млн). В 1914 году был разработан первый российский Закон о вине под названием «Правила о выделке вина». В нем был дан ряд классификационных определений и ставились барьеры на пути производства некачественной продукции. К этому времени российские виноградники занимали 50 тыс. га [1, с. 38].

Особое место в истории российского виноделия принадлежит графу М.С. Воронцову и князю Л.С. Голицыну. Граф Воронцов, назначенный во время войны с Наполеоном комендантом Парижа, прославился тем, что оплатил из собственного кармана местным ресторатарам, кабатчикам, владельцам гостиниц и винных погребов долги некоторых представителей русского воинства. Ему принадлежало самое известное в 1820-е годы винодельческое хозяйство Крыма в Аи-Даниле. Владелец «Массандры», граф М.С. Воронцов учредил в своем имении виноградарско-винодельческое хозяйство. Он создал инфраструктуру, которая впоследствии была преобразована в знаменитую «Массандру». В 1828 году Воронцов получил императорское разрешение «учредить на земле урочища Магарач особое заведение для опытов по выделке вин и посадки в большом виде всех сортов винограда, признанных лучшими».

Так было основано Магарачское училище виноградарства и виноделия, ставшее базовым учебным заведением и научным центром виноградарства и виноделия всей России. Благодаря ему в Крыму началось производство игристого вина, объем которого достиг 2 тысяч бутылок в год. Один из основателей российской винной индустрии князь Л.С. Голицын, готовивший себя к карьере юриста, стал виноделом благодаря женитьбе на Надежде Засецкой, дочери известного российского генерала Захара Херхеулидзева, оставившего своим детям в наследство крымское имение «Новый Свет». Здесь выпускник Сорбонны и Московского университета, философ и публицист Лев Голицын производил игристые вина, пользовавшиеся в России большим успехом. И это при том, что импорт французского шампанского достиг к концу 1890-х годов своего пика – 800 тыс. бутылок. С 1890 года Голицын заведовал всеми виноградниками и винодельческими хозяйствами, принадлежавшими царской семье и Удельному ведомству в Крыму и на Кавказе. Князь превратил «Массандру» в образцовое виноградо-винодельческое хозяйство, создал массандровскую коллекцию вин, готовил профессиональные кадры виноделов. [2, с. 44]. В 1894 году в окрестностях Ялты началось строительство первого в России подземного завода туннельного типа для производства и выдержки столовых и десертных вин. Самый большой объем Новосветского шампанского был разлит в 1899 году, и оно было лучшим. А в 1900 году князь представил свои вина на Всемирной выставке в Париже, и одно из них получило Гран-при. В 1912 году в центре Москвы, в Трубниковском переулке, по проекту князя Голицына и архитектора П.П. Малиновского были построены «Винные погреба Главного управления уделов императорского двора». Площадь подвалов составляла 2474 кв.м. Там находился завод вторичного виноделия, были созданы уникальные условия для хранения и переработки вина. Огромные дубовые бутыли вместимостью 8500–9000 литров были заполнены лучшими винами Российской империи. Л.С. Голицын мечтал о том, чтобы рабочий, мастеровой, мелкий служащий пили хорошее вино.

В 1985 году СССР по посадкам винограда занимал второе место в мире после Испании. По выпуску вин – третье, после Франции и Италии. Страна производила 20 литров вина на человека в год. В СССР было 206 зон виноделия, из них в 196 выращивали виноград для изготовления вин [2, с. 45]. В современной России вино производят в 5 регионах: в Ингушетии, Дагестане, Ростовской области, на Ставрополье и в Краснодарском крае (при Екатерине II для развития и улучшения садоводства и виноградарства в Екатеринодаре был учрежден сад-питомник, в котором насчитывалось 25 тысяч лоз, вывезенных из Крыма). Виноград в России выращивают практически повсеместно вплоть до северных регионов. Однако это лишь приусадебное виноградарство садоводов-любителей. Если же говорить о промышленном виноградарстве, то оно сосредоточено на сравнительно небольшом участке между Черным и Каспийским морями. Всего два региона – Краснодарский край и Республика Дагестан обеспечивают около 80% урожая отечественного винограда. В южной части РФ сосредоточены значительные ресурсы для производства винограда, но они не используются в полной мере из-за больших затрат, которые окупятся только через несколько лет. Поэтому на сегодняшний день получение качественного виноматериала крайне актуально [6].

Во времена СССР Дагестан входил в число крупнейших виноградарских регионов по выращиванию винограда и производству вин. В отдельные периоды собирали более 380 тыс. т ягод. Сегодня в Дагестане выращиваются различные сорта винограда, включая сорта для столового использования, а также сорта, предназначенные для производства вина. Среди популярных сортов можно назвать «Ркацители», «Саперави», «Алиготе» и другие. Выбор сорта зависит от целей выращивания и климатических особенностей региона. Республика производит более 29,1% от общего объема производства винограда в России. По данным республиканского Минсельхозпрода, общая площадь виноградников в Дагестане составляет 25,8 тыс. га, в том числе в плодоносящем возрасте-20,4 тыс. га. В 2020 году было собрано более 189 т. винограда, урожай стал рекордным за последние 30 лет.

На сегодняшний день общая площадь виноградников составляет около 26 тыс. га. 25–30% из них – это столовые сорта. До последнего времени в сортименте столового винограда Дагестана превалировали сорта позднего и очень позднего срока созревания. Представители раннего срока созревания составляли небольшой процент, это сорта с мелкими ягодами – Премьер, Жемчуг Сабо, Ранний Магарача, Кодрянка и др. [7].

Перед Первой мировой войной на Кубани ежегодно собирали до 1 млн пудов винограда. А в конце XIX века в Черноморской губернии ежегодное производство виноградного вина доходило до 100 тысяч ведер. Де-

сертные вина производят сегодня на Дону, Кубани и в Кабардино-Балкарии. Широко известны в России вина из Абрау-Дюрсо. История виноделия началась здесь в 1874 году с первой посадки виноградников. В 1874 году Л.С. Голицын построил подвал на 10 тысяч ведер вина, а к 1897 году таких подвалов было уже 5. Первая партия шампанского из 25 тысяч бутылок под маркой «Абрау» была выпущена в декабре 1898 года. Сегодня КГУП «Абрау-Дюрсо» является ведущим российским производителем игристых вин. Практически в каждом крупном областном центре страны есть заводы, выпускающие Советское шампанское. Кстати, в 1997 году Россия приняла на себя обязательство запретить использование обозначений «шампанское» и «коньяк» для российских товаров, идущих на экспорт. В течение 20–25 лет должна произойти замена наименования «шампанское» на «игристое» и на внутреннем рынке. В 2001 году Россия произвела 26,7 млн декалитров виноградных вин (по сравнению с 2000 годом рост составил 12,1%). По классу «вино и алкогольные напитки» в стране зарегистрировано более 10 тысяч товарных знаков. Вторичным виноделием, т.е. фактически хранением и розливом вин и бренди, завезенных из регионов первичного виноделия (в основном из стран СНГ), в России занимаются более 50 крупных заводов в Москве, Санкт-Петербурге и других городах. Около 46% импорта алкоголя в Россию составляют напитки стран дальнего зарубежья. Из СНГ в самых больших объемах Россия ввозит молдавские и грузинские вина, а также бренди из Армении и Азербайджана. По данным Национальной алкогольной ассоциации, с января по август 2001 года в Россию было ввезено около 17 млн дал вина. 12,7 млн дал составили вина из стран СНГ. Среднедушевое потребление абсолютного алкоголя в России составляет 14,5 литра в год, из них вина – 5–6%. Для сравнения: в северных странах (Финляндия, Швеция, Норвегия) доля вина составляет от 12 до 20%. Лучшие российские сухие, полусухие и десертные вина неоднократно завоевывали награды на международных конкурсах. Бутылка самого дорогого российского вина дореволюционного периода с оттисками императорской печати – «Портвейн Белый Ливадия» урожая 1891 года из коллекции «Массандра» – была продана на аукционе Сотби в Лондоне за 2900 фунтов стерлингов. Хочется надеяться, что когда-нибудь этот рекорд перекроют современные российские вина [4, с. 67].

Литература

1. Акчурин, Р.К. Виноградарство / Р.К. Акчурин. Москва. 1976. 211 с.
2. Батукаев А. Состояние виноградарства и виноделия в мире. // Виноградарство и виноделие России. 1996. № 3.
3. Телли Гасан. Разработка системы культуры винограда. – Кишинев, 1990.
4. Музыченко Б. Виноградарство в современном мире. Тенденции и перспективы // Виноградарство и виноделие России. 2001. № 2.
5. Панасюк А.Л. Виноградарство и виноделие в мире // Виноградарство и виноделие России. 1999. № 1.
6. https://abcentre.ru/news/vinograd-ploschadi-vinogradnikov-i-obemy-sborov-vinograda-v-rossii-v-2001–2019.
7. Караев М.К., Магомедова А.Г. Продуктивность интродуцированных сортов столового винограда в условиях приморской зоны Дагестана // Овощи России. Научно-практический журнал. 2020. № 6.

SOME HISTORICAL ASPECTS OF VITICULTURE AND WINEMAKING IN RUSSIA

Rajabova A.O.
Dagestan State Agrarian University named after M.M. Dzhambulatov

The article analyzes some historical aspects of the development of viticulture and winemaking in Russia. Based on documentary and historical information, the author concludes that viticulture was developed in Ancient Russia in the IX–XII centuries. Special attention was paid to the development of viticulture and wine production in the Soviet and post-Soviet periods. The USSR ranked second in the world in grape planting after Spain and third in wine after France and Italy. Modern Russia ranks 12th in wine production and 19th in viticulture.

Keywords: viticulture, wine, cultivation, winemaking, alcohol, storage.

References

1. Akchurin, R.K. Viticulture / R.K. Akchurin. Moscow. 1976. 211 s.
2. Batukaev A. The state of viticulture and winemaking in the world. // Viticulture and winemaking in Russia. 1996. № 3.
3. Telly Hasan. Development of a grape culture system. – Chisinau, 1990.
4. Muzychenko B. Viticulture in the modern world. Trends and prospects // Viticulture and winemaking in Russia. 2001. No. 2.
5. Panasyuk A.L. Viticulture and winemaking in the world // Viticulture and winemaking of Russia. 1999. № 1.
6. https://abcentre.ru/news/vinograd-ploschadi-vinogradnikov-i-obemy-sborov-vinograda-v-rossii-v-2001–2019
7. Karaev M.K., Magomedova A.G. Productivity of introduced table grape varieties in the conditions of the coastal zone of Dagestan // Vegetables of Russia. Scientific and practical journal. 2020. № 6.

Применение инструментов «музейной дипломатии» в сфере формирования социально-культурного пространства Китая

Ян Цяньвэнь,
аспирант, Пекинский университет иностранных языков
E-mail: yqw1108@163.com

На фоне глобализации и стремительного развития информационных технологий интересы всех стран мира переплетаются, и обмены между ими в политической, экономической и культурной сферах становятся все более частыми, что делает международные отношения чрезвычайно сложными. Появление концепции культурной «мягкой силы» переключило внимание стран на их культуру, идеологию, ценности и др. В результате дипломатические отношения перестали ограничиваться традиционными политическими, экономическими и военными сферами, и культурная дипломатия как новый вид дипломатии стала занимать центральное место на мировой арене. Являясь сокровищницей исторических и культурных ресурсов страны, музеи представляют собой важную часть культурной дипломатии. В последние годы по мере бурным развитием музейного дела в Китае возникла и музейная дипломатия, которая достигла плодотворных результатов, но все еще сталкивается с некоторыми актуальными проблемами. В данной статье в основном рассматриваются основные формы музейной дипломатии в Китае и основные проблемы, с которыми она сталкивается.

Ключевые слова: Китай, музей, дипломатия.

С момента образования национальных государств культурные обмены и столкновения между ними никогда не прекращались. Социальный прогресс и быстрое экономическое и технологическое развитие ускоряют распространение и обмен информацией, и в процессе этого культуры проникают друг в друга между национальными государствами. Культурные обмены постепенно переходят от спонтанных культурных связей между людьми к культурным обменам под руководством правительств стран и на высшем уровне, превращаясь в неотъемлемую часть дипломатической стратегии. На фоне эскалации геополитической напряженности в отношениях между странами мира и все более ожесточенной конкуренции «мягкую силу» культурная дипломатия выполняет миссию передачи идей, культурных ценностей и национальных убеждений между странами для укрепления взаимопонимания и играет все более важную роль в международных отношениях. Музей – это некоммерческое общественное учреждение, которое собирает, изучает, охраняет и демонстрирует историко-культурное наследие страны, является носителем историко-культурной памяти страны, интерпретирует и выражает духовную культуру и идеологические ценности страны. Применение музеев как ключевой инструмент стратегии культурной дипломатии отвечает объективным требованиям всех стран в развитии внешних отношений и совместном поддержании мира и развития на планете. Поэтому музейной дипломатии отдают предпочтение страны всего мира.

Понятие и теоретические основы музейной дипломатии

Понятие музейной дипломатии

В настоящее время человеческое общество вступило в цифровую эпоху, характеризующуюся стремительным научно-техническим развитием, и в таком случае в международных отношениях наметилась тенденции диверсификации субъектов и способов обмена и расширения сферы общения. Суть дипломатии заключается в установлении и поддержании постоянных контактов между странами и разрешении международных споров с помощью переговоров и договоренностей между различными государствами и организациями. Страхи и болезненные воспоминания о войнах прошлого века заставили страны быть более осторожными в своих внешних отношениях. Таким образом, военно-политическое соперничество перестало быть основой урегулирования внешних отношений, а решение проблем путем дипломатии и диалога становится все более предпочтительным для всех стран. Поэтому для достижения своих поставленных целей и защиты национальных интересов государства часто прибегают к культурной дипломатии в своей дипломатических деятельностях. Культурная дипломатия – это основанная на культурных ресурсах дипломатия. Дипломатические деятельности осуществляемые в культурой форме, интерпретирующей «духовное ядро», образ мышления, ценности и традиционные обычаи нации, не только укрепляют взаимопонимание между странами, но и помогают достичь дипломатических целей в межкультурной коммуникации.

Музей играет все более важную роль в современном обществе как носитель истории и культуры страны и как социокультурный институт, распространяющий знания и традиционные ценности. В 1946 году в Париже был создан Международный совет музеев (ИКОМ), это неправительственная профессиональная международная организация музеев и музейных специалистов, которые занимаются хранением, развитием и взаимодействием общества и мирового природного и культурного наследия. 24 августа в рамках 26-й Генеральной конференции ИКОМ, состоявшейся в Праге, Чрезвычайная Генеральная Ассамблея ИКОМ одобрила новое определение понятия «музей». Согласно ему, «музей – это некоммерческая, постоянно действующая организация на службе общества, которая исследует, собирает, сохраняет, интерпретирует и экспонирует материальное и нематериальное наследие. Открытые для публики, доступные и инклюзивные, музеи способствуют развитию многообразия и устойчивости. Они работают и коммуницируют этично, профессионально и с участием сообществ, предлагая разнообразный опыт для образования, наслаждения, размышлений и обмена знаниями». [1] Очевидно, что музеи становятся все более инклюзивными и открытыми, а также их функции – все более богатыми.

Роль музеев менялась на разных этапах развития человеческого общества. Сначала музей был создан для удовлетворения потребностей частной коллекции европейской аристократии и социальной элиты, но начиная с XIX века частные музеи открываются для публики, общественности и постепенно выполняют социальную и образовательную функцию передачи знаний, истории и культуры. Воспитательно-образовательная функция музеев постепенно привлекает внимание правительств, и государство использует ее для воспитания патриотических чувств у граждан, продвижения ценностей, соответствующих основной культуре общества, и укрепления национальной культурной идентичности. Таким образом, сам музей несет в себе политическую цель и значение. Помимо передачи знаний и культурных ценностей своим гражданам, образовательная функция музеев обладает большим потенциалом для участия в дипломатических деятельностях. Исторические, культурные и художественные ценности, представленные в музеях, а также наглядная демонстрация этих реликвий перед иностранными друзьями при проведении мероприятий по внешнему обмену имеют неоценимое значение для формирования хорошего международного имиджа государства. Кроме того, в последние годы музеи проводят самые разнообразные мероприятия, межмузейные связи становятся все более тесными, а также выезжают за границу для проведения мероприятий глобального масштаба, например, проводят совместные выставки с другими странами мира, отправляют свои коллекции на выставки за границу, пропагандируют свою культуру и так далее. Именно Стремительное развитие музеев и их интернационализация создают благоприятные условия для их участия в дипломатии.

Хотя в китайских академических кругах до сих пор не дано четкого определения музейной дипломатии, в целом политическая окраска музеев и их роль в качестве важного культурного ресурса определили их миссию служить дипломатическим целям. Исходя из этого, в данной работе утверждается, что понятие музейной дипломатии должно содержать как политические, так и культурные смыслы: «Музейная дипломатия – это деятельность по межкультурному обмену, осуществляемая дипломатическими субъектами в разных странах с использованием культурных ресурсов музеев в качестве средства достижения поставленных целей, которая по своей сути относится к культурной дипломатии».

Теоретические основы музейной дипломатии

Теоретическая поддержка музейной дипломатии включает в себя в основном теории «мягкой силы» и «культурной дипломатии». Для того чтобы глубже понять суть музейной дипломатии и повысить ее роль в дипломатических делах, необходимо рассмотреть теории «мягкой силы» и «культурной дипломатии». После холодной войны экономические, политические и культурные обмены между странами мира усилились в условиях экономической глобализации, и страны начали искать более экономичные и эвфемистические способы урегулирования межгосударственных отношений. «Жесткая сила», основанная на военно-политических силах, больше не является основным средством защиты национальных интересов, а конкуренция в области мягкой силы, такой как культура и ценности, стала основным направлением деятельности международного сообщества. Концерция «мягкой силы» родилась в США. Она была разработана известным американским политологом профессором Гарвардского университета Дж. Наем-младшим. «Мягкая сила – это способность оказывать влияние на других через поиск союзников, разработку повестки дня, убеждение, создание притяжения в целях достижения предпочтительного результата».[2] «Мягкая сила» – это совокупность культуры, ценностей, традиционных обычаев, национального темперамента, религии, искусства и других элементов общего облика страны. Она позволяет избегать конфликтных ситуаций, даже скрытых и все чаще становится важным показателем международного влияния и статуса страны. Процесс распространения культурных элементов, содержащихся в «мягкой силе», также является процессом передачи культурных и политических идей, которые могут улучшить понимание между станами и заставить их культурно и эмоционально резонировать, чтобы реализовать совпадение и объединение национальных интересов и достичь цели дипломатического успеха. Следовательно, страны начали создавать свою собственную культурную «мягкую силу», стремясь сформировать хороший национальный имидж и повысить свой международный статус и международное влияние. И музеи, как сокровищница, хранящая и демонстрирующая исторические и культурные наследия страны, естественно, стали передовой линией в построении культурной «мягкой силы».

На протяжении всей истории развития человечества происходили культурные обмены между странами. Развитие информационно-коммуникационных технологий в условиях глобализации в значительной степени способствует межкультурным обменам, в результате чего культура естественным образом включается в практику дипломатии как важная ее часть и острый инструмент.

В связи с этим возникла новая форма дипломатии, фоном, содержанием и средством которой является культура, а именно «культурная дипломатия». Определение этого термина учеными разных стран существенно отличается. По мнению китайских ученых, «культурная дипломатия – это дипломатия, основанная на распространении культуры, обменах и коммуникации для достижения конкретных политических целей или внешних стратегических намерений». [3] Как было сказано в начале статьи, Как было сказано, музей имеет политическое значение и является наиболее наглядным проявлением культуры, и с приведенным выше определением музейной дипломатии можно с уверенностью утверждать, что музейная дипломатия относится к одному из типов культурной дипломатии. В последние годы музейное дело в Китае переживает подъем, и в этом контексте практика музейной дипломатии также достигла плодотворных результатов.

Роль музейной дипломатии в Китае

В 1983 году Китайская ассоциация музеев приняла участие в 13-й Генеральной ассамблее ИКОМ и стала его членом, что положило начало официальному выходу Китая на международную арену в области музейного дела. С тех пор Китай вкладывает много человеческих, материальных и финансовых ресурсов в развитие своих музеев и участвует во всех крупных международных и региональных конференциях, чтобы укрепить обмены с музеями других стран на всех уровнях. Музейное дело Китая бурно развивается, и помимо того, что музеи играют важную роль в стране как социальные и культурные институты для сбора и сохранения исторической памяти страны и как уникальные образовательные центры, они также играют уникальную роль в дипломатической работе страны.

Музей как эффективная платформа для демонстрации истории и культуры Китая

В последние годы все страны мира нацелены на демонстрацию своей истории, культуры и цивилизации и повышение свою культурную «мягкую силу» посредством расширения культурных ресурсов своих музеев, организации международных обменов, создания филиалов музеев, приглашения иностранных лидеров и т.д. Во время визита премьер-министра России Дмитрия Медведева в Китай в декабре 2015 года он вместе с премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном посетил Национальный музей Китая и восхитился такими выставками, как «Искусство древних китайских бронз». Во время 21-й регулярной встречи глав правительств России и Китая в Санкт-Петербурге в ноябре 2016 года премьер Госсовета КНР Ли Кэцян в сопровождении премьер-министра РФ Дмитрия Медведева посетил Эрмитаж, где премьеры обменялись мнениями о классиках, хранящихся в музее. Именно С помощью музеев Китай и Россия не только представляют лидерам друг друга историю, культуру и искусство своих стран, но и обеспечивают эффективную платформу для углубленного обмена мнениями между лидерами, чтобы улучшить их взаимопонимание и углубить дружбу между двумя странами.

Музей как культурная опора для выражения политической позиции

Музей также служит свидетелем важных исторических событий, таких как становление национальных государств, и выступает важным связующим звеном между прошлым и настоящим, а также между Китаем и другими странами мира. Формирование и экспонирование коллекции имеет определенное политическое значение, и многие страны используют исторические музеи в дипломатии для выражения своих политических позиций, и Китай не является исключением. Музей «Дуннинская крепость», построенный на базе места сражения крепости Дуннин в память о кровопролитных сражениях Второй мировой войны, рассказывает о жизни людей в районе Дуннин во время войны, о преступлениях, которые японские войска совершали во время вторжения в Китай, а также об исторических фактах, касающихся того, что народоы Китая и России сражались плечом к плечу. Китай и Россия отметили семьдесятшестую годовщину годовщину китайского народа в Войне сопротивления японским захватчикам, а также в мировой антифашистской войне. Памятные мероприятия прошли в городе Дуннин китайской провинции Хэйлунцзян. Участники от обеих стран возложили венки и живые цветы к памятнику советским воинам, погибшим при освобождении Северо-Восточного Китая от японских захватчиков, посетили музей «Дуннинская крепость», а также почтили память героев минутой молчания. Организаторами мероприятий выступили Канцелярия иностранных дел провинции Хэйлунцзян и Генеральное консульство России в Харбине. Министры иностранных дел России и Китая выразили единодушную политическую позицию, осудив искажение исторических фактов Второй мировой войны и борьбы с фашизмом с помощью деятельности, проведённой в музее «Дуннинская крепость». Это яркий пример высокого соответствия ценностей и взаимного доверия, разделяемых Китаем и Россией.

Музей как важное окно для диалога между китайской и зарубежными цивилизациями

Музей – это важное окно для распространения культуры и культурного обмена между странами. В настоящее время все больше стран полагаются на силу культуры в развитии своих внешних отношений, и музей, как наследник истории и культуры, выдвигается на передний план культурной дипломатии, в которой он выполняет свою функцию цивилизационного диалога. В 2021 году исполнилось 20 лет со дня подписания российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. По этому случаю Всероссийский музей декоративного искусства, Российско-китайская ассоциация каллиграфии и живописи и Русско-Китайская ассоциация деятелей искусства совместно организовали выставку, на которой были представлены работы российских и китайских художников, в которых были включены каллиграфия, китайская живопись, акварель, акрил, гравюра, скульптура и т.д. Безусловно, на этой выставке обмен и взаимодействие культур между двумя странами сближали сердца двух народов.

Основные формы китайской музейной дипломатии

История участия китайских музеев в культурной дипломатии берет свое начало в 1970-х годах, когда в июле 1971 года во дворце Ци Нин дворца Гу Гун была организована выставка некоторых найденных артефактов для посещения иностранными гостями. С тех пор музейное дело в Китае развивается более активно, количество музеев растет с каждым годом. По данным Национального управления культурного наследия, к 2022 году музейная сеть Китая включала 6565 музеев. В течение года было проведено 34 000 офлайн выставок и почти 230 000 образовательных мероприятий, которые посетили 578 миллионов человек, было запущено почти 10 000 онлайн выставок и более 40 000 образовательных мероприятий, было собрано около 1 миллиарда просмотров на сайте и более 10 миллиардов просмотров в новых медиа. Более 90 процентов музеев Китая открыты для бесплатного посещения.[3] По мере расширения масштабов китайских музеев и обогащения их деятельности, постепенного превращения в социальные и культурные центры, обогащающие духовную жизнь народа, музей становится важной частью культурной дипломатии, внося свой уникальный вклад в китайскую дипломатию. Музейная дипломатия Китая осуществляется в основном в следующих формах.

Создание механизмов международного сотрудничества

Развитие музейной дипломатии в Китае осуществляется в рамках международных организаций и механизмов сотрудничества, включающих международные форумы и семинары. Международные организации музеев, созданные в рамках инициативы «Один пояс и один путь» служат самыми характерными примерами: Международный союз дружбы музеев Шелкового пути, международный музейный альянс «Шелковый путь» и т.д. Они

представляют собой неправительственные, некоммерческие платформы, организующие тематические выставки в государствах вдоль Шелкового пути, обмен информацией, конференции и подготовки специалистов в сфере музейного дела, а также оказывающие содействия расширению международного сотрудничества между музеями в странах и регионах вдоль Шелкового пути. Не менее важный аспект их деятельности – укрепление и расширение контактов между музеями и связанными с ними учреждениями и организациями. Основная цель этих организаций – привлечь внимание общественности к сотрудничеству стран в сфере культуры, укрепить связи между народами стран вдоль Шелкового пути.

Усиление развития механизмов культурного сотрудничества между Китаем и государствами вдоль Шелкового пути в сферфх археологических исследований, реставрации и экспозиции объектов культурного наследия, подготовки кадров, музейных обменов и включения объектов в Список всемирного наследия и д.р. было зафиксировано в Программе действий по культурному развитию в рамках «Один пояс и один путь», опубликованной в декабре 2016 г. Министерством культуры КНР. В этом контексте такие механизмы сотрудничества достигли плодотворных результатов, и их масштаб постоянно расширяется.

Международный союз дружбы музеев Шелкового пути – некоммерческая организация, объединяющая на добровольной основе музеи стран и регионов вдоль Шелкового пути. Основные ее задачи – обмен выставками, развитие культурных связей и общее пользование кадровыми ресурсами. При этом организация призвана содействовать построению нового типа отношений в рамках народной дипломатии, основанных на равноправных коммуникациях, дружественном сотрудничестве и совместном развитии. В сентябре 2017 года 2-я конференция Международного союза дружбы музеев Шелкового пути прошла в музее «Датан Сиши», организующем во время конференции «выставку культурного изящества Шелкового пути». Кроме того, до сих пор трижды успешно проводилась конференция Международного анльянса музеев «Шелковый путь». 1–2 ноября 2023 года 3-й конференция международного музейного альянса «Шелковый путь» проходила в Национальном музее Китая в Пекине. В ходе конференции представители стран-членов альянса провели обмен мнениями и дискуссии на темы «Музей способствует распространению общих ценностей всего человечества», «Музей и наследование и инновация цивилизаций» и т.д. Участники поделились успешным опытом и полезными попытками, а также выдвинули предложения по качественному строительству «культурного шелкового пути».

Наряду с вышеупомянутыми международными организациями, проведение международных форумов и семинаров представляет собой важный механизм сотрудничества в реализации музейной дипломатии. Например, 18 мая 2021 года по случаю Международного дня музеев китайские и французские музеи совместно устроили онлайн-семинар под названием «транспространственная и транс-временная коммуникация и исследование цифровой охраны по Дуньхуановедению», в ходе которого обе стороны обменялись мнениями о сохранении и инновационном распространении культурного наследия в цифровую эпоху. Проведение таких академических обменов имеет огромное значение для взаимного изучения опыта развития музеев и углубления взаимопонимания между народами.

Вышеупомянутые международные организации и международные научные деятельности заложили техническую и интеллектуальную основу для музейной дипломатии, которая в значительной степени может способствовать достижению плодотворных результатов, а также в полной мере демонстрирует уникальную роль музеев в китайской дипломатии в создании положительного международного имиджа и усилении его международного влияния.

Обмены и выставки культурных объектов

В последние годы выставки культурных реликвий, ввозимых и вывозимых из страны, играют главную роль в двусторонней, многосторонней и гражданской дипломатии. Обмен культурными ценностями стал важной составляющей дипломатической деятельности Китая и зарубежных стран, такой как «Год обмена», «Год дружбы», «Год культуры» и празднование установления дипломатических отношений. Китай использует общие ценности, к которым стремится и которые признаны человечеством, содержащиеся в музейных экспонатах, для достижения консенсуса между странами с целью преодоления расхождений, устранения барьеров и создания сообщества единой судьбы человечества. Обмен культурными ценностями осуществлялся в форме выставок в рамках таких мероприятий, как совместные годы культуры Китая и Турции в 2012 и 2013 годах, празднование 50-й годовщины установления дипломатических отношений между Китаем и Францией в 2014 году и отмечание 45-й годовщины нормализации дипломатических отношений между Китаем и Японией в 2017 году. В октябре 2021 года Шанхайский музей совместно с Национальным музеем азиатского искусства Гиме (Франция) организовал выставку, в которой представлены работы, отражающие историю торговли и культурного обмена на заре глобализации и приняли участие шедевры из семи стран и 13 знаменитых музеев.

«Дипломатия главы государства»в музейном пространстве

Музей представляет собой не только важную площадку для демонстрации национальной истории и культуры внешнему миру, но и позволяет выразить политическую позицию. Итак, приглашение глав государств посетить конкретные музеи имеет особое культурное и политическое значение. Например, 8 ноября 2017 года во время визита президента США Дональда Трампа в Китай он был приглашен китайским председателем Си Цзиньпином посетить музей Гугун. Председатель КНР Си Цзиньпин познакомил Трампа с историей музея Гугуна, подчеркнув, что он является незаменимым культурным памятником для понимания истории и культуры Китая, и Трамп был восхищен впечатляющей природой ансамбля Гугуна. В ходе визита главы двух государств также обменялись мнениями по вопросам, представляющим взаимный интерес. Всем известно, что Запретный город, являющийся крупнейшим в Китае музеем древней культуры и искусства, – один из символов китайской истории и культуры. Использование музея Гугуна для проведения интерактивного обмена отражает повышенное внимание Китая к распространению китайской культуры и четко выражает важность, которую китайские лидеры придают отношениям между Китаем и Соединенными Штатами.

Проблемы и размышления в китайской музейной дипломатии

Несмотря на то, что китайские музеи находятся в расцвете своего развития, что Китай стремится к участию в глобальном управлении музеями, активно занимается нормотворчеством в международной музейной индустрии и охраной культурных ценностей, активно взаимодействует с другими странами в таких областях, как обмен

информацией, опытом, подготовка кадров и другие виды деятельности, и достигает плодотворных результатов сотрудничества, но все еще существуют некоторые проблемы, которые необходимо решить, когда китайские музеи играют дипломатическую роль.

Одной из наиболее актуальных проблем является защита культурных ценностей, выставляемых за рубежом. Культурные ценности составляют основу музейной дипломатии, при обмене культурными ценностями с зарубежными выставками и другими мероприятиями, отобранные культурные ценности отправляются через океан посредством перевозки на дальние расстояния и других процессов, с тем чтобы прибыть в место назначения, в процессе культурные ценности очень легко поддаются повреждениям. Причём нередки бывают случаи, когда в период проведения выставки культурным ценностям наносится антропогенное нарушение. В 2017 году во время выставки терракотовых статуй воинов и коней из гробницы китайского императора Цинь Шихуанди, организованной Центром обмена культурными рели квиямипровинции Шэньси совместно с Научным музеем Франклина в Филадельфии США, пьяный турист сломал палец терракотовому воину и украл его, что привело к повреждению артефакта, который до сих пор находится на реставрации, процесс которой настолько сложно, что нет никакой гарантии, что он будет восстановлен в первоначальном состоянии. Ущерб, нанесенный культурным объектам в зарубежной стране, не только оказывает негативное влияние на эффективность выставочной деятельности, но и вызывает разрыв между двумя странами и бросает тень на их отношения. Поэтому Китай должен создать соответствующие механизмы безопасности в соответствии с конкретными условиями мест, где культурные реликвии выставляются за рубежом, и разработать соответствующие программы защиты культурных ценностей, призванные обеспечить их доставку в места назначения и беспрепятственную демонстрацию.

Во-вторых, необходимо повысить общий уровень цифровизации китайских музеев. Развитие сетевых технологий и средств массовой информации внесло изменения в развитие многих отраслей и наполнило их жизненной силой. И применение интернет-технологий и социальных сетей для распространения китайской культуры и преодоления ограничений времени и пространства, несомненно, усилит международное влияние музеев как важного информационного института. Такие учреждения, как музей Гугун и Шанхайский музей, завоевали международное признание и постепенно стали представителями китайской культуры, сочетая онлайн- и офлайн-модели для проведения различных мероприятий. Однако в настоящее время уровень развития музейного дела в разных регионах Китая варьируется, и масштабная цифровизация музеев нуждается в поэтапной реализации. Руководство должно мобилизовать все ресурсы для развития цифровизации музеев, сделать акцент на подготовке руководителей и сотрудников музеев в области цифровизации и профессиональных навыков, содействовать модернизации музеев, позволяющей музеям лучше служить дипломатии.

Литература

1. Чрезвычайная Генеральная Ассамблея ИКОМ одобрила новое определение музея – URL: https://artguide.com/news/8626 (Дата обращения: 10.01.2024)
2. Nye J.S., Jr.Soft Power. The Means to Success in World Politics, p.5–11.
3. Сунь айхуэй, Ли айхуа. Уникальная ценность культурной дипломатии // Журнал Шаньдунского педагогического университета. 2007. № 01. С. 69–72.

APPLICATION OF THE TOOLS OF “MUSEUM DIPLOMACY” IN THE FORMATION OF THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF CHINA

Yang Qianwen
Beijing Foreign Studies University

Against the background of globalization and the rapid development of information technology, the interests of all countries of the world are intertwined, and exchanges between them in the political, economic and cultural spheres are becoming more frequent, which makes international relations extremely difficult. The emergence of the concept of cultural “soft power” has shifted the attention of countries to their culture, ideology, values, etc. As a result, diplomatic relations were no longer limited to traditional political, economic and military spheres, and cultural diplomacy as a new type of diplomacy began to occupy a central place on the world stage. As a treasure trove of the country’s historical and cultural resources, museums are an important part of cultural diplomacy. In recent years, with the rapid development of the museum business in China, museum diplomacy has also emerged, which has achieved fruitful results, but still faces some urgent problems. This article mainly examines the main forms of museum diplomacy in China and the main problems it faces.

Keywords: China, museum, diplomacy

References

1. The ICOM Extraordinary General Assembly approved a new definition of the museum – URL: https://artguide.com/news/8626 (Date of access: 01/10/2024)
2. NYE J.S., Jr.Soft Power. The Means to Success in World Politics, p.5–11.
3. Sun Aihui, Li aihua. The unique value of cultural diplomacy // Journal of Shandong Pedagogical University. 2007. No.01. pp. 69–72.

Создание и развитие полифонической музыки на Западе от Средневековья до эпохи Возрождения

Янь Вэйсюань,
магистр, Шэньянская консерватория музыки
E-mail: 756292995@qq.com

В исследовании рассматривается развитие полифонической музыки на Западе от Средневековья до эпохи Возрождения. Исследование сосредоточено на анализе средневековых и ренессансных музыкальных композиций, а также на формировании и эволюции полифонической музыки. Исследование использует методы исторического анализа и музыкально-теоретического анализа и состоит из трех частей: в первой части анализируются музыкальные произведения Средневековья, во второй части исследуется возникновение и развитие полифонической музыки, а в третьей части подробно анализируются формы и стилистические особенности музыки Средневековья и Возрождения. Новизна исследования заключается в том, что оно раскрывает развитие полифонической музыки через глубокий анализ средневековых и ренессансных музыкальных композиций, а также демонстрирует эволюцию полифонической музыки от религиозной к светской на конкретных музыкальных примерах. Это закладывает теоретическую основу для понимания развития последующей музыки. Средневековая полифоническая музыка выражала благоговение перед Богом и глубокие религиозные идеи, в то время как музыка эпохи Возрождения отражала подъем новых идей и значительный социальный прогресс. Благодаря более глубокому пониманию музыки этих периодов можно лучше оценить ее сущность и очарование.

Ключевые слова: средневековая музыка, полифоническая музыка, музыка эпохи Возрождения, исторический анализ, анализ теории музыки, характеристика музыкальных стилей.

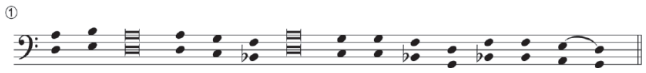
Введение

Процесс развития полифонической музыки претерпел значительные изменения от Средневековья до эпохи Возрождения, и эта тема заняла важное место в музыковедении. Средневековая музыка была преимущественно религиозной, выражая благоговение перед Богом и глубокую религиозную мысль, в то время как музыка эпохи Возрождения отражала подъем гуманистической мысли и значительный социальный прогресс. Поэтому изучение развития полифонической музыки не только помогает понять эволюцию истории музыки, но и дает важные теоретические ориентиры для современного музыкального творчества. Современные исследования полифонической музыки достигли значительного прогресса, однако до сих пор остается много вопросов, на которые нет ответов. Традиционные исследования в основном сосредоточены на анализе конкретных произведений, в то время как систематическое изучение общего развития полифонической музыки является слабым. Поэтому целью данного исследования является выявление процесса развития средневековой и ренессансной полифонической музыки и присущих ей закономерностей с помощью методов исторического анализа и музыкально-теоретического анализа, чтобы заполнить исследовательский пробел в этой области. Цель данной работы заключается в том, чтобы внести новый вклад в понимание развития полифонической музыки и ее важного места в истории музыки, а также дать полезные рекомендации для дальнейших исследований в смежных областях.

Анализ средневековых музыкальных произведений

Этапы анализа средневековых музыкальных произведений

Спектральный пример 1



Жанры и типы голосов

Самыми ранними жанрами западной музыки в Средние века были вокальные жанры, такие как григорианский хорал – монофонический вокальный жанр. Форма его исполнения – несколько человек, поющих одним и тем же голосом, что характерно для вокально-хоровых произведений. Где реприза (репертуар) – это один человек на каждый голос; в то время как большой хор (ансамбль) – это большое количество людей на каждый голос, а малый хор (ансамбль) – это не большое количество людей на каждый голос. Хотя наша музыка в самом начале была монофонической, она с самого начала была групповой, и поэтому было решено, что она не может быть монофонической вечно, потому что диапазон, тембр и регистр у всех разные, и поэтому групповая музыка неизбежно заложила основу для создания последующей полифонической музыки. Таким образом, спектральный пример

1 – это вокально-хоровое произведение, исполняемое мужским голосом.

Определение мажора и полифонии

Общая характеристика мажора и полифонии заключается в том, что они оба имеют две или более голосовых частей. Мажорная музыка имеет одну основную мелодию, а остальные голосовые части – это сопровождающие голосовые части; полифония имеет несколько голосовых частей, которые все имеют мелодические линии, поэтому мажорная музыка вертикальная и эхообразная, а полифония – горизонтальная. В этом произведении два голоса, голоса без сопровождения – мелодические, верхний голос – более важный мелодический голос, мелодия григорианского песнопения. Нижние голоса – это параллельные голоса, привязанные к определенному количеству тонов, отсюда и полифония.

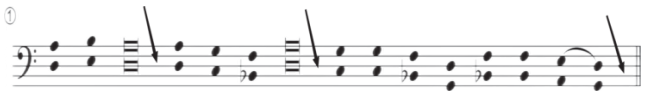
Музыка эволюционировала от монофонической к полифонической, от вокальной к инструментальной и от полифонической к доминантовой. В Средние века и эпоху Возрождения вся музыка была полифонической, а понятие тональной музыки еще не возникло.

Определите гармоническую прогрессию или отношения между голосами

Если пьеса написана в доминантовом ключе, следует сосредоточиться на гармонической прогрессии произведения; если она полифонична, необходимо проанализировать отношения между голосами. Согласно приведенному выше описанию, Партитура 1 – полифоническая музыка, и отношения между голосами – один тон к одному тону, с параллельными чистыми пятыми от начала до конца. Важно отметить, что при анализе произведения верхние голоса представляют собой более важные мелодии григорианского распева, а нижние голоса – параллельные голоса, присоединенные к определенному количеству степеней, поэтому наличие вариаций в нижних голосах не имеет практического значения, так как вариации в нижних голосах – это полностью вариации чистых пятых в верхних голосах.

Характеристика и структура мелодических голосов

Мелодический характер здесь относится к каскадам и пропускам, а структура может быть разделена на структурированную и неструктурированную.



Спектральный пример 2

В партитуре примера 1 все это – во второй прогрессии, поэтому в мелодическом характере преобладают каскады. Три воздуха (см. пример 2), о которых можно судить по положению длинных нот, имеют небольшое ощущение фразировки, но не настолько, чтобы называть ее фразировкой. Поэтому их нельзя классифицировать в соответствии со стандартной фразировкой классико-романтического периода. Это связано с тем, что понятия фразы, раздела и структуры в этот период еще не были определены.

Таким образом, первая характеристика мелодии из примера 1 – преимущественно прогрессивная, вторая – отсутствие структурных подразделений.

Тюнинг

В западной музыке существует два типа систем настройки: Средневековье (церковная настройка) и мажорная и минорная настройка. Средневековье до эпохи Возрождения было религиозной музыкой; в эпоху барокко сосуществовали светская и религиозная музыка, например, произведения Баха; после эпохи барокко – только светская музыка; эпоха Возрождения была первоначальным зародышем светской музыки, а классический и романтический периоды – чисто светская музыка. Поэтому при анализе средневековых произведений важна доминантовая (нисходящая, завершающая) нота.

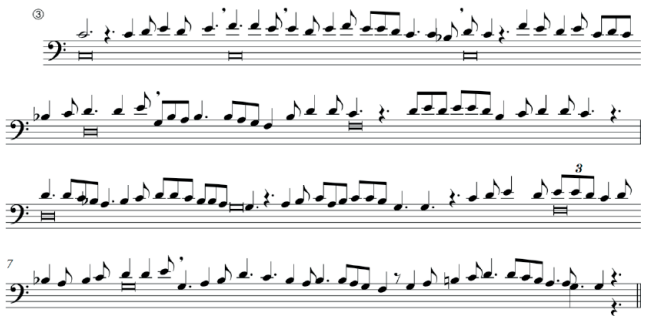
В этом произведении она приходится на D, но это не окончательный ключ, поэтому тональная шкала строится от D для шести тонов D, E, F, G, A и B. Таким образом, это дорийский лад, или последовательность из шести тонов с D в качестве доминанты.

Другие характеристики

Включая ритм, метр и знаки выражения, ритм был создан в 11–12 веках, это произведение двухголосное, что позволяет предположить, что оно создано после григорианского распева (9 век), следовательно, это произведение между 9 и 11 веками, которое относится к раннесредневековой музыке. В произведении нет ноты, что указывает на отсутствие временного значения, из чего можно сделать вывод, что в произведении нет ритма; отсутствуют штриховые линии, что указывает на отсутствие регулярного цикла акцентов, а также нет экспрессивных обозначений.

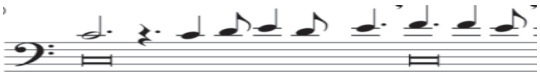
Конкретный анализ средневековых музыкальных произведений

Спектральный пример 3



Нижний голос в Партитуре 3 – это григорианский напев с удлиненным ритмом (см. Партитуру 4), а верхний голос – это самосозданный голос (совершенно свободный голос), создающий однонотный контрапункт многонотному контрапункту.

Интервальные отношения в этом произведении – это в основном чистые октавы, чистые четверти и чистые пятые, что соответствует средневековым конкордатным интервалам. Стоит отметить, что трети и шестые не признавались согласными интервалами вплоть до эпохи Возрождения.



Партитура 4

Возникновение и развитие полифонической музыки

1. **Путь полифонии к главному ключу**

Григорианский хорал

Григорианский хорал – величайшее монофоническое произведение VI века, сыгравшее огромную роль в развитии западной музыки и искусства.[5] послужила материалом для развития последующей полифонической музыки; она также послужила основой для мелодии «Олганон».

Параллель Ольгон

Олганон ни в коем случае не был зародышем раннего многоголосия, но фактически являлся кульминацией раннего многоголосия, которое использовалось в реальном пении гораздо раньше.[6] Поэтому мы можем лишь сказать, что самая ранняя запись о полифонической музыке содержится в IX веке в «Руководстве по музыке», и это не означает, что полифоническая музыка возникла в IX веке».[7]

Параллельный оргонон появился в IX веке, в двух голосах, где верхний голос – оргонон, а нижний – дополнительная идентичная параллельная чистая четвертая или чистая пятая. И временное обозначение его, не имеющее фактического тонального значения, – это просто параллельный тон, созданный параллельными степенями.

1) Свободный ольганон

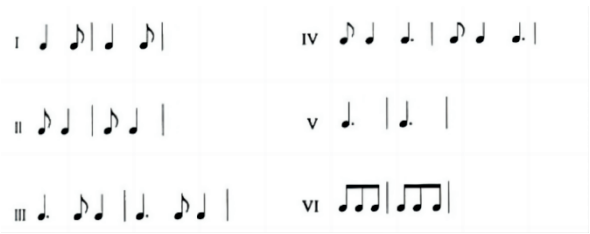
Два голоса больше не идут в совершенной параллели, но по-прежнему преобладают чистые четверти, чистые пятые и чистые октавы, но использование последовательных параллельных интервалов сокращено; два голоса по-прежнему находятся в отношении один тон к одному тону. Как правило, она начинается и заканчивается чистыми октавами или чистыми единицами, что усиливает ощущение замкнутости модальной мелодии, и этот стиль письма стал основным принципом написания более поздней полифонической музыки. [1]

2) Витиеватый Ольгон

В XII веке появление оргонона внесло новые изменения в форму полифонической музыки. Напев переместился в басовый голос и растянул ритм, в то время как верхний голос стал более свободной прогрессией, что привело к двухголосной полифонической форме одного тона против многих.

Тискаунт

Спектральный пример 5



В примере 5 представлено шесть типов ритмов, начиная с ритма третей, потому что ритм третей совпадает с фонологическими ритмами латинского языка, а музыка рассматривается как более высокий уровень развития языка. Штриховая линия служит регулярным циклом акцентов, таким образом, порождая ритм. 2\4 и 4\4 различаются по силе, темпу, содержанию и простоте, например, народные песни. 2\4 ритм – относительно простая структура, часто используется в жанрах, где содержание лаконично и просто, например, в вокальных жанрах, в частности, народных, детских песнях и маршах. 4\4 ритм сложнее, чем 2\4, и имеет больше содержания, подходит для любого жанра, 3\8 и 6\8 отличаются силой, темпом, стилем. 3\8 часто используется в гармонической музыке, очень быстро. 6\8 часто используется в средневековой и ренессансной религиозной музыке, из ритма третей создается 6\8 ритм, например, романтическая лодочная песня, более лиричная. 3\4 и 3\8 отличаются временем, скоростью. 3\4 используется в хороводах, умеренно быстро, не быстро. Круглые танцы, умеренно быстрые, не слишком быстрые, не слишком медленные, средней скорости.

В XII веке существовали ритмические рисунки свободного ольганона, по-прежнему один тон на один тон. Появление ритмических ладов позволило сочинять музыку с большим количеством вариантов.

Клаузура

В XII веке Clausura означало «предложение, параграф, окончание» – не жанр, а способ письма. На основе оргонона была создана форма письма «один ко многим» с ритмическим рисунком и метрическими характеристиками (стиль «тискаунт»), заложившая основу для более позднего стиля письма с окончанием.

Клаузура обозначает направление (прогрессию) голоса (части) в окончании. Каждая клаузура содержит три тона, первоначально в одноголосной партии, но позже расширена до гармонической системы с полифоническими последствиями. Существуют две типичные формы клаузуры: вспомогательная сопрановая клаузура и проходящая теноровая клаузура.

Кондуктус

XIII века, представляет собой трехголосную форму один к одному с гибкими ритмами и контрастами между голосами. Нижний голос представляет собой распев в свободном темпе, а два верхних голоса – автографы.

Басовый и средний голоса разделены пятью степенями, а средний и верхний – четырьмя, причем мелодия повторяет нижний голос для акцента. Хотя аккорды и гармонии не появляются, повторение баса заложило основу для повторения корневой ноты в следующих трезвучиях.

Песни Священного Писания

К концу XIII века трехголосие, каждый из которых сильно отличается от другого, достигло пика развития контрастной полифонии.[8]Также известна как «Клаузура с текстом», тексты светские по содержанию, каждая часть имеет свою мелодию, при этом тексты, язык, содержание и стиль частей различаются.

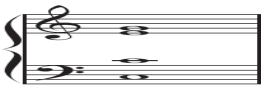
Модерн

Конец 14 века, средневековый период, появился во Франции, одним из важнейших вкладов модерна является создание синкопированных ритмов, синкопированный ритмический рисунок тяжелого ритма без акцента, смещение акцента является основой написания фуги. А фуга относится к имитационной полифонии, поэтому ее появление заложило основу имитационной полифонии.

Песни

В XV веке началось Возрождение, когда светская музыка находилась в стадии становления. Появление «хороводного пения», сочетания нескольких голосов с разницей во времени, положило начало развитию имитационной полифонии.

Нидерландская музыкальная школа



Спектральный пример 6

В XV веке Диффе разработал четырехголосное письмо, в котором басовый голос обычно повторяется в теноре (см. спектральный пример 6), и Диффе сформулировал правила гармонии: бас и тенор могут находиться на расстоянии более октавы друг от друга, а между верхними голосами они не могут находиться на расстоянии более октавы друг от друга, иначе акустический эффект будет слишком пустым и неустойчивым. Это положило начало триаде повторяющихся корневых тонов и расположению разреженного низа и плотного верха, заложив основу для аккордового расположения, которое привело к возникновению гармонии. Нидерландская школа охватывает несколько поколений музыкантов и поэтому известна как Первая нидерландская школа, Вторая нидерландская школа и Третья нидерландская школа. От сочинений Диффе (представителя первой школы), Окгона (вторая школа) и Жоскена де При (третья школа) до Лассо – это не только различные этапы развития жанра, но и эволюция музыкального мышления, реорганизация полифонических музыкальных структур, поиск новых композиционных принципов и форм, освоение новых образов и средств выражения.[3]

Фобулдон

В XV веке это слово означает «ложный бас», а начиная с XII века песнопения всегда исполняются в басовом голосе, и басовая партия имеет большее значение. Здесь бас – это не «фиксированная мелодия», а параллельный контрапункт ниже мелодии, а между высоким и низким голосами часто присутствуют импровизированные голоса, расположенные на расстоянии четырех градусов от сопрано. Соотношение между сопрано и басом – шестая и октава, что больше не используется в песнопениях и придает большую значимость мелодической части, которая отныне является светской.

Теория двенадцати тональностей

Определение тональности в XVI веке, особенно в 1547 году, основывалось на идее, что ионийский (светлый) и ионийский (темный) представляют собой два полюса тональной окраски, заложив основу для возникновения мажорной и минорной тональных систем.

Пассаж баса

По мере того как XVII век переходил в эпоху барокко, в мелодии появлялось все больше орнаментов и, соответственно, она становилась более заметной. Пишутся только высокий и низкий голоса, остальные обозначаются цифрами под басом, по которым можно узнать количество степеней в среднем голосе. Сквозной бас – это аккордовая форма, положившая начало развитию доминантовой музыки.

Рамо

Гармония в XVII веке была очень богата, и действительно сформировать их в теоретическую систему является в 1722 году «основы гармонии» от обертонов основе функциональной гармонической системы, но и знаменует собой формальное формирование основных ключевых музыки.

Вклад эпохи Возрождения

Эпоха Возрождения стала источником многих важных музыкальных явлений. Первым большим вкладом стало признание шестой степени как конкордантного интервала, а также закладка основ трезвучия; во-вторых, в жанре охотничьих песен появилось колесное пение, заложившее основу для возникновения имитационной полифонии; затем Диффе разработал четырехчастное письмо, в котором тенор повторяет бас, что в сочетании с появлением трезвучия в предыдущей части заложило основу для базового расположения гармонии; а в Фубертене на первый план выдвинулись голоса сопрано, в то время как и, наконец, двенадцатитоновая теория, в которой Иония и Иония представляют два полюса тональной окраски, заложившая теоретические основы для рождения и развития мажорной и минорной тональных систем.

Музыкальные формы и стилистические особенности Средневековья и Возрождения

1. **Музыкальные формы и стилистические особенности Средневековья**

В большинстве древних музыкальных произведений, связанных с церковными ритуалами, смысл был подчинен ритуалу: задача музыки – очистить душу, заставить ее взлететь ввысь, мобилизовать эмоции на служение Богу, а потому музыка должна быть набожной, возвышенной и торжественной [2]. Чистый человеческий голос и никакого женского голоса, против использования инструментов, потому что музыка без текста не может чувствовать смысл религии; мелодия, чтобы избежать великолепный, радостный, но к гладкой, каскадной, диапазон был строго контролируется в пределах октавы; важный период развития полифонической музыки, барокко и барокко до, по сути, являются важным периодом развития полифонической музыки, полифония в целом делится на два вида полифонии, один называется имитационной полифонии, а другой называется контрастным Существует два вида полифонии.

Ритм латинского языка подходит, поэтому люди того времени считали, что музыка без текста, не имеет этого ритмического чувства ритма, и не может прочувствовать смысл религии, поэтому музыка этого периода – это вокальные темы. Согласно анализу вышеупомянутых произведений, можно узнать, что мелодия Средневековья в основном имела плавную прогрессию, а между тоном и тоном была вторая степень и изредка третья, и не было большей степени скачкообразности. Длина каждого произведения также относительно невелика, а диапазон строго ограничен октавой.

Мелодия созвучна ритму языка, и в ней нет регулярного акцентированного цикла ударов. Биения возникают не только потому, что у него есть номера тактов, но, главное, благодаря наличию штриховых линий. Наличие штриховой линии разделяет меры, при этом количество тактов в каждой мере остается неизменным, и в то же время отделяет сильные удары от слабых. Первый такт справа от штриховой линии всегда является самым сильным тактом меры. Таким образом, когда количество ударов в каждой мере одинаково, а первый удар каждой меры – самый сильный, образуется регулярный акцентированный цикл. Изначально в музыке не было ритма и ударов, затем ритма и ударов, появления штриховой линии, ритма и ударов, в конечном счете, количе-

ства ударов. Средневековая музыка прошла через этот процесс развития.

В основном одночастная структура – наложенные фразы, сквозные композиции Большая часть музыки Средневековья была короткой, одночастной или состояла из одной части.

Песнопения на латыни, из Библии или псалмов; структура не ясна и не регулярна, с появлением церковных ладов и структурных особенностей.

2. **Музыкальные формы и стилистические особенности эпохи Возрождения**

Термин «Ренессанс» первоначально означал отказ от Средневековья и возрождение характерных искусств Древней Греции и Рима, но его достижения вышли далеко за пределы античности. Это был период новых идей, новых открытий и больших скачков в развитии человеческого общества, постепенного упадка феодальной системы и папского правления, развития городских ремесел и торговли и вступления человечества в эпоху цивилизации. В области идеологии он выступал против церковной теологии и феодальной культуры и выражал свою заботу и уважение к человеку идеологией «человекоцентризма».

В области теории музыки «Зарино из венецианской школы продемонстрировал теоретическую обоснованность третьей и шестой как гармонических интервалов», что заложило основу для возникновения трезвучия, а возникновение трезвучия – для формирования гармонической теории.[4] Третьи и шестые являются консонирующими интервалами, однако в эпоху Средневековья они считались диссонирующими, а в эпоху Возрождения – консонирующими. Став консонантными, эти интервалы стали активно использоваться в композициях. Независимо от того, добавляется ли тон к терции или к шестерке, он образует аккорд с тремя наложенными степенями, тем самым создавая основу для создания аккордов. Когда аккорды исполняются последовательно, они образуют знакомую гармонию.

В эпоху Возрождения появились и контрасты, и имитации, таким образом, унаследовав контрастную полифонию Средневековья и подготовив почву для становления имитационной системы полифонии более позднего периода. Основная образная тема произведения несет на себе основную тяжесть музыкального развития на протяжении всего произведения. Темы и мотивы сходны и различны в том, что, во-первых, они появляются в начале, во-вторых, предвещают основной стиль произведения, в-третьих, раскрываются по мере его развития. Они различаются масштабом фраз: тема обычно звучит в масштабе одной фразы и имеет мелодический характер, в то время как мотив может быть в несколько тонов или в определенную тональность

В эпоху Возрождения уже существовал зародыш рекапитуляции одного трезвучия, так что до эпохи Возрождения рекапитуляции не сопоставлялись. В качестве резюме к концу вся пьеса предполагает первое и последнее эхо и проходящую через все это тему, что еще больше подчеркивает важную роль темы. С точки зрения композиции, это говорит о формировании репертуара. Важнейшие периоды в развитии полифонической музыки – имитационная полифония и контрастная полифония; «тема», являющаяся основным образом произведения, начинает складываться и определяет основное содержание музыкального развития. Тема развивается с самого начала и часто используется в качестве резюме к концу произведения. Светская музыка вступила в свои права, изменив монотонность преимущественно религиозной сцены и создав новую схему параллельного развития религиозной и светской музыки. Вокальная и инструментальная музыка развивались параллельно, причем инструментальная музыка постепенно избавлялась от зависимости от вокальной и становилась самостоятельной, что заложило основу для расцвета инструментальной музыки в эпоху барокко. Начали формироваться композиционные формы, в том числе изложение-расширение (двухчастная форма), вариации на тему (вариационная форма), а также стал появляться репертуар.

Заключение

Средневековая музыка выражает благоговение и глубокие мысли о Боге, заставляя нас почувствовать святость и величие религии. Ренессанс, напротив, был временем новых идей, открытий и значительных достижений в человеческом обществе. Модуляция, интервалы, ритм и метр сыграли ключевую роль в развитии музыки. Полифония от Средневековья до эпохи Возрождения заложила основу для последующего развития музыки. Поэтому только через более глубокое понимание качеств и подтекста этих периодов можно по-настоящему оценить суть музыки.

Литература

1. Ван Юэ. Исследование формирования средневековой полифонической музыки и техники композиции // Сианьская консерватория музыки. 2021.
2. Вязкова Е. О смысле в полифонической музыке // Ученые записки Российской академии музыки имени Гнесиных. 2012. 3. С. 3.
3. Москва Ю В. Модальность григорианского хорала на примере мессы францисканской традиции: дис… д-ра искусствоведения // М.: Моск. гос. консерватория им. ПИ Чайковского. 2007.
4. Рякина О Р, Доброскокина Т А. Музыкально-дидактическая интерпретация хорового письма композиторов XV–XVI веков // Концепт. 2015. 10. С. 116–120.
5. Фэн, З.П. Восприятие истории и шедевров западной музыки // Народное музыкальное издательство «Паблишинг Тайм Пресс». 2006.
6. Цянь Ипин и Ван Даньдань. Эволюция жанров и форм западной музыки // Шанхайская музыкальная пресса. 2003.
7. Юй Су Сянь. Курс полифонической музыки // Шанхайское музыкальное издательство. 2001.
8. Reese, Guatave. Music in the Middle Age // New York, W.W. Norton-Company.1968.

THE CREATION AND DEVELOPMENT OF POLYPHONIC MUSIC IN THE WEST FROM THE MIDDLE AGES TO THE RENAISSANCE

Yan Weixuan
Shenyang Conservatory of Music

This study examines the development of polyphonic music in the West from the Middle Ages to the Renaissance. The study focuses on analyzing medieval and Renaissance musical compositions and the formation and evolution of polyphonic music. The study uses methods of historical analysis and music-theoretical analysis and consists of three parts: the first part analyzes musical works of the Middle Ages, the second part explores the emergence and development of polyphonic music, and the third part analyzes in detail the forms and stylistic features of medieval and Renaissance music. The novelty of the study lies in the fact that it reveals the development of polyphonic music through an in-depth analysis of medieval and Renaissance musical compositions, and demonstrates the evolution of polyphonic music from religious to secular music through specific musical examples. This provides a theoretical foundation for understanding the development of subsequent music. Medieval polyphonic music expressed reverence for God and deep religious

ideas, while Renaissance music reflected the rise of new ideas and significant social progress. Through a deeper understanding of the music of these periods, one can better appreciate its essence and charm.

Keywords: medieval music, polyphonic music, renaissance music, historical analysis, music theory analysis, characterization of musical styles.

References

1. Wang Yue. Study of the formation of medieval polyphonic music and composition techniques // Xi'an Conservatory of Music. 2021.
2. Vyazkova E. About the meaning in polyphonic music // Scientific notes of the Gnessin Russian Academy of Music. 2012. 3. P. 3.
3. Moscow Yu V. Modality of the Gregorian chant on the example of the Mass of the Franciscan tradition: diss… Doctor of Art History // M.: Mosk. state Conservatory named after Tchaikovsky's PI. 2007.
4. Ryakina O R, Dobroskokina T A. Musical and didactic interpretation of choral writing by composers of the 15th-16th centuries // Concept. 2015. 10. pp. 116–120.
5. Feng, Z.P. Perception of the history and masterpieces of Western music // People's music publishing house "Publishing Time Press". 2006.
6. Qian Yiping and Wang Dandan. The evolution of genres and forms of Western music // Shanghai Music Press. 2003.
7. Yu Su Xian. Course of polyphonic music // Shanghai Musical Publishing House. 2001.
8. Reese, Guatave. Music in the Middle Age // New York, W.W. Norton-Company.1968.

Человекоцентричное управление как альтернатива технократическому подходу и основание корпоративной солидарности

Бикметов Евгений Юрьевич,
д.с.н., профессор, Уфимский университет науки и технологий
E-mail: bicprof@mail.ru

Фролова Ирина Васильевна,
д.ф.н., профессор, Уфимский университет науки и технологий
E-mail: irina.v.frolova@mail.ru

Уразова Амина Ильдусовна,
к.и.н., доцент, Уфимский университет науки и технологий
E-mail: amina.urazova@mail.ru

Статья посвящена осмыслению существующих сегодня управленческих стратегий. Технократический подход выражается в стандартах, детерминирующих выбор управленческих решений. Это приводит к диссонансу между управляющими и управляемыми, препятствует развитию организационной солидарности, без которой невозможна эффективная деятельность. Результативность современной управленческой парадигмы во многом обусловлена установкой на человекоцентричность. Индекс человекоцентричности становится важным индикатором оценки деловых организаций, что отражает ориентацию на диалоговую, коммуникационную модель их функционирования. Подобная установка позволяет избежать как отчуждения работников, так и профессионального выгорания.

Ключевые слова: концепция управления, человекоцентричное управление, технократический подход, организационная солидарность.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23–28–01474 «Солидарное общество: от дискурсивного анализа – к социальной практике», https://rscf.ru/project/23–28–01474/

Актуальность избранной темы определяется рядом обстоятельств. Во-первых, характеризуя общество «радикального модерна», Э. Гидденс обращает внимание на качественное возрастание рисков для его членов [1], отмечая, что возникающие угрозы препятствуют осмыслению человеком/социальной группой стратегической линии развития. Потребность общества в рациональных решениях в долгосрочной перспективе, принимаемых агентами перспективного (стратегического) действия, становится при этом все более востребованной. Стратегии и стратегемы целеориентируют деятельность. Во-вторых, современная модель управления предполагает трансформацию форм и методов информационного взаимодействия, направленных на развитие потенциала организации и личности, усиление роли символических, эмоциональных, моральных регуляторов. Научность стратегии управления состоит в предвидении субъектом социальных и нравственных последствий решений в отношении управляемого объекта, коммуникация с которым имеет обратную связь. Эту тенденцию связывают с антропоцентрическим («человекоразмерным», человекоцентрированным, гражданско-центрированным и др.) поворотом [2, с. 131]. Неслучайно сегодня в социально-гуманитарном и особенно в управленческом дискурсе все чаще фигурирует категория «человекоцентричность», под которой понимают ориентированность деятельности организаций на соблюдение интересов человека как личности, как части команды и как члена общества [3, 4, 5].

Использование термина «человекоцентричность» восходит еще к творчеству К. Роджерса, который подчеркивал значимость чувства эмпатии и взаимоуважения как инструмента обеспечения гармоничного сосуществования в обществе [6]. Сегодня человекоцентричность становится одним из ключевых индикаторов деятельности компаний. В 2024 году было проведено второе исследование по методологии ее оценки, разработанной Росатомом в партнерстве с НИУ ВШЭ и в соответствии с международными стандартами ESG-отчетности компаний – «Индекс человекоцентричности компаний 2024». Исследование охватило 304 компании из пяти стран (России, Турции, Бразилии, Мексики и Индии), а также стран СНГ (Армении, Белоруссии, Казахстана и Узбекистана). Индекс человекоцентричности состоит из двух субиндексов – «Сотрудники» и «Сообщество» [7].

Это подтверждает тот факт, что сегодня обычные люди – граждане, работники, призваны становиться «двигателями» изменений, действующими и созидающими акторами. В то же время зачастую социальное управление как операционная деятельность по-прежнему осуществляется автоматически, рутинным образом, приводя к отчуждению. Социальной основой последнего выступает ставшее товаром бытие вещей и людей, возникающее, когда работник отчужден не только от результатов своей трудовой деятельности, но и от самой деятельности. Менеджеры отвечают за принятие решений, которые бы учитывали интересы взаимодействующих сторон, но де-факто исповедуют технократический подход, который выражается в стандартах, детерминирующих выбор управленческих решений. Это приводит к диссо-

нансу в отношениях между управляющими и управляемыми, препятствующему развитию организационной солидарности, без которой невозможна эффективная деятельность.

Проиллюстрируем данный тезис на конкретном примере. Результаты прикладного исследования трудовых отношений на крупном промышленном предприятии г. Уфы в 2021–2022 г., проведенного под руководством Бикметова Е.Ю., показывают, что линейные руководители (94%) и рабочие (99%) признают, что все рабочее время уходит на выполнение текущих операций, а возможностей для развития практически нет. Организационные отношения характеризуются обеими группами участников опроса как «в зависимости от ситуации: дружеские или враждебные». Однако 53% работников, занимающих рабочие должности, проявляют равнодушие к своим руководителям, а у 30% проявляется антипатия. Эта оценка почти совпадает и с мнением об отношении рабочих к ним. Иными словами, организационная культура, построенная на технократическом подходе, изжила себя. Затруднена или отсутствует непосредственная прямая/обратная связь между руководителями и рабочими, что выступает индикатором неэффективности управления. Это же можно сказать и о доминировании отношения к работникам с позиции управленческой концепции homo economicus. Согласно этой концепции, общество рассматривается как механизм, состоящий из «колесиков» и «винтиков», а люди оказываются в неких «промежуточных пространствах» в зависимости от масштаба их шансов в экономической жизни. Некомпетентные и неспособные управленцы стремятся достичь результатов без активизации творческого потенциала людей, так как не могут, а порой и не желают идти навстречу их интересам.

Востребованность парадигмы человекоцентричного управления объясняется еще и тем, что люди в современном обществе подвержены процессам социального и духовного выгорания. Эмоциональная устойчивость человека в отношении к стресс-факторам связана с пониманием специфики социальности, внутриорганизационных и личностных факторов работника [8]. Если разрушается устойчивость, то нарушается и коллективный характер деятельности человека, утрачивается априори присущая ей солидаристкая установка. Личность выгорает в условиях технократического подхода, предполагающего максимальное использование ее ресурсов для решения необходимых организации задач, но причиной выгорания может быть и навязываемый коллективизм, принуждение к солидарности или манифестирование этой идеи.

Выгорание личности основано на разрушении единства идеальной цели и цели материальной, связано с непониманием цели-образа и цели-результата. В управлении идеальная и материальная цели могут быть рассмотрены как противоположные стороны, которые образую сущность целеполагания. Управление включает в себя динамику существования цели, субъективной и объективной целей, их переход друг в друга. Если нет субъективной цели, то наблюдается выгорание субъекта, поскольку отсутствует актуальное, настоящее состояние человека. Но и отсутствие объективной цели разрушает управленческий процесс, так как исчезает перспективное будущее. Профессиональное выгорание, таким образом, препятствует актуализации человеческого потенциала сотрудников, являющегося основой эффективной деятельности предприятия, так как конкурентоспособность организации напрямую зависит от объема знаний и профессиональных компетенций сотрудников [9].

Сохраняющуюся ориентацию на принципы технократического подхода мы наблюдаем не только на российских промышленных предприятиях. В практике и идеологии управления в высших учебных заведениях реализуется концепция менеджериализма с присущими ему ценностями всеобщего контроля, тотальной рационализации всех действий, абсолютизацией количественного подхода к оценке эффективности [10], что приводит к разрыву между управленческой верхушкой и профессорско-преподавательским составом. Проблема диссонанса между «академиками» и «администраторами» обусловлена доминированием власти менеджеров и ее дефицитом у профессорско-преподавательского состава. Технократизм противоречит современной стратегии университетского развития, предполагающей превращение вузов в драйверы научно-технического и отраслевого развития, а также человекоцентричной парадигме управления, которая предполагает ориентированность на сотрудничество, командную работу всего коллектива на принципах доверия, солидарности. Однако сегодня идеология менеджериализма в университетском управлении де-факто порождает сегментацию и поляризацию. Наблюдается фрагментация университетского сообщества, отчуждение профессорско-преподавательского состава от процесса принятия решений, замыкание на рутинных и бюрократизированных практиках обеспечения учебного процесса [11, 12]. В свою очередь последнее также является причиной профессионального выгорания, связанной с отсутствием творческой компоненты, неспособностью испытать радость от своего труда.

Человекоцентричная установка исходит из того, что участникам управленческого процесса необходима диалоговая коммуникация, позволяющая сблизить их мировоззренческие позиции. Она образует основание организационной солидарности, которая выражается в созидании универсального духовно-нравственного ресурса сообщества, его социального капитала, способствует гармонизации, единству общего и единичного [13]. Мышление руководителя деформируется, если он абсолютизирует групповой интерес менеджмента, игнорируя при этом в своих решениях и действиях интересы сотрудников. Управленческие технологии, построенные на принципах человекоцентричности, предполагают аккумуляцию духовного и культурного опыта людей, обеспечивают единство объекта и субъекта социального управления. Преобразованный и структурированный объем формализованных знаний преобразовывается во внутриличностную систему представлений, определяющую поведенческие практики [14, с. 116].

Таким образом, современному руководителю при принятии решений необходимо отказаться от технократического подхода в оценке реальности, чтобы увидеть богатство человеческих отношений, ориентироваться не только на значительное, но и значимое, выходящее за пределы тотальности прагматического духа. В процесс принятия решений в управлении и управленческое общение необходимо внедрять культурный дискурс, дискурсивные практики, которые противодействуют фрагментации мышления, формируя основания организационной солидарности и культуры.

Литература

1. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структурации. – М.: Академический проект, 2003. – 525 с.
2. Груничев М.М. «Человекоцентричный» («человекоразмерный») поворот в эволюции концепции «smart city» и участие субъектов гражданского общества

в принятии политических решений // Управленческое консультирование. 2023. № 6(174). С. 130–136.
3. Галеева А.Р. «Человекоцентричность как ценность руководителя в системе государственного управления» // Личность: ресурсы и потенциал. 2023. № 3 (19). С. 77–86.
4. Попов Е.А. Человекоцентричность современного социального знания // Актуальная культура. 2023. № 2. С. 1–12.
5. Ткаченко И.Н. К созданию общих ценностей и устойчивого развития через «человекоцентричность» // Урал – драйвер неоиндустриального и инновационного развития России. Материалы V Уральского экономического форума. Екатеринбург, 2023. С. 270–275.
6. Rogers C.R. Carl Rogers on personal power: inner strength and its revolutionary impact. – New York, Delacorte Press, 1977. – 240 p.
7. Отчет по Индексу человекоцентричности компаний 2024. – URL: https://research.rosatomimpact.com/?ysclid=lwv0bk8hts775135542#/ (дата обращения: 05.06.2024).
8. Бикметов Е.Ю., Галиханов Р.Р., Голиков С.В., Кузнецова Е.В. Формирование социального иммунитета в организационных отношениях // KANT: Social sciences & Humanities. 2023. № 3(15). С. 72–77.
9. Жагловская А.В. Концепция человекоцентричных предприятий в отраслевой экономике: имущественный аспект // Вестник евразийской науки. 2023 Т. 15. № 6. – URL: https://esj.today/PDF/67ECVN623.pdf (дата обращения: 05.06.2024).
10. Ермолаева С.Г. Проблема фрагментации университетского сообщества в оценках вузовских преподавателей // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2022. Т. 15. № 1. С. 27–40.
11. Финогентов В.Н., Фролова И.В. Высшее образование в современной России: бюрократия, рынок, экспертное сообщество // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. № 5(161). С. 30–34.
12. Фролова И.В. Солидарность университетских преподавателей в России (историческая и современная проекции) // Уфа университетская: тренды развития науки и технологий в новейшей России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Р.Р. Газизов, И.В. Фролова. – Уфа: Книга-принт, 2023. – С. 80–88.
13. Белоусова Л.А. Корпоративная солидарность в качестве социального капитала сообщества // Проблемы современной науки и образования. 2015. № 10. С. 105–116.
14. Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В. Технократическая и гуманитарная мысль: от цифрового общества к диалектическому мышлению: монография. – Уфа: УУНиТ, 2023. – 168 с.

HUMAN-CENTERED MANAGEMENT AS AN ALTERNATIVE TO THE TECHNOCRATIC APPROACH AND A BASIS FOR CORPORATE SOLIDARITY[1]

Bikmetov E.Yu., Frolova I.V., Urazova A.I.
Ufa University of Science and Technology

The article is devoted to the comprehension of existing management strategies today. Technocratic approach is expressed in the standards that determine the choice of managerial decisions. This leads to dissonance between managers and managed, prevents the development of organizational solidarity, without which effective activity is impossible. The effectiveness of the modern managerial paradigm is largely due to the attitude to man-centeredness. The human-centeredness index is becoming an important indicator for assessing business organizations, which reflects the orientation towards a dialogical, communicative model of their functioning. This attitude helps to avoid both alienation of employees and professional burnout.

Keywords: концепция управления, человекоцентричное управление, технократический подход, организационная солидарность.

References

1. Giddens E. The Structure of Society: An Essay on the Theory of Structuration. – M.: Academic project, 2003. – 525 p.
2. Grunichev M.M. “Human-centric” (“human-dimensional”) turn in the evolution of the “smart city” concept and the participation of civil society actors in political decision-making // Management Consulting. 2023. No. 6(174). pp. 130–136.
3. Galeeva A.R. “Human-centricity as a value of a leader in the public administration system” // Personality: resources and potential. 2023. No. 3 (19). pp. 77–86.
4. Popov E.A. Human-centricity of modern social knowledge // Current culture. 2023. No. 2. P. 1–12.
5. Tkachenko I.N. Towards the creation of common values and sustainable development through “human-centricity” // Ural – the driver of neo-industrial and innovative development of Russia. Materials of the V Ural Economic Forum. Ekaterinburg, 2023. pp. 270–275.
6. Rogers C.R. Carl Rogers on personal power: inner strength and its revolutionary impact. – New York, Delacorte Press, 1977. – 240 p.
7. Report on the Human-Centered Companies Index 2024. – URL: https://research.rosatomimpact.com/?ysclid=lwv0bk8hts775135542#/ (access date: 06/05/2024).
8. Bikmetov E.Yu., Galikhanov R.R., Golikov S.V., Kuznetsova E.V. Formation of social immunity in organizational relations // KANT: Social sciences & Humanities. 2023. No. 3(15). pp. 72–77.
9. Zhaglovskaya A.V. The concept of human-centric enterprises in the sectoral economy: the property aspect // Bulletin of Eurasian Science. 2023 T. 15. No. 6. – URL: https://esj.today/PDF/67ECVN623.pdf (access date: 06/05/2024).
10. Ermolaeva S.G. The problem of fragmentation of the university community in the assessments of university teachers // News of higher educational institutions. Sociology. Economy. Policy. 2022. T. 15. No. 1. P. 27–40.
11. Finogentov V.N., Frolova I.V. Higher education in modern Russia: bureaucracy, market, expert community // Economics and management: scientific and practical journal. 2021. No. 5(161). pp. 30–34.
12. Frolova I.V. Solidarity of university teachers in Russia (historical and modern projections) // Ufa University: trends in the development of science and technology in modern Russia. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference / resp. ed. R.R. Gazizov, I.V. Frolova. – Ufa: Book-print, 2023. – P. 80–88.
13. Belousova L.A. Corporate solidarity as the social capital of the community // Problems of modern science and education. 2015. No. 10. pp. 105–116.
14. Bikmetov E.Yu., Lukyanov A.V. Technocratic and humanitarian thought: from digital society to dialectical thinking: monograph. – Ufa: UUNiT, 2023. – 168 p.

[1] The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23–28–01474 “Solidarity society: from discourse analysis to social practice”, https://rscf.ru/project/23–28–01474/

Адаптация иностранных студентов к условиям трансграничного социокультурного пространства российского образования: на примере Тихоокеанского государственного университета

Еничева Александра Игоревна,
аспирант, старший преподаватель Высшей школы лингводидактики, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»
E-mail: 010290@pnu.edu.ru

В последнее время большое количество российских университетов стремятся к тому, чтобы получить признание на международном уровне. В связи с этим, актуальность трансграничного и приграничного образования в России обусловлена регионализацией и растущим миграционном потоком населения, в том числе и образовательной мобильность студентов. Глобализация высшего образования расширила выбор студентов со всего мира, дав им возможность свободно выбирать университеты и страны, соответствующие их карьерным целям. Но это, тем не менее сопряжено с проблемой интеграции в новую академическую и культурную среды, с проблемой адаптации будущих студентов к новой окружающей обстановке. Данная статья посвящена исследованию тех проблем, с которыми сталкиваются иностранные студенты в трансграничном и социокультурном пространстве российского образования на примере студентов Тихоокеанского государственного университета.

Ключевые слова: адаптация, иностранные студенты, трансграничное сотрудничество, высшее образование.

Введение

В последнее десятилетие возрос интерес к социальным функциям государственных границ и их влиянию на социальную и культурную среду приграничных территорий. Одной из современных тенденций в мировом высшем образовании является появление региональных пространств, выходящих за национальные границы, способствующих трансграничной интеграции и сотрудничеству. Среди многообразия направлений международного и межрегионального сотрудничества стран постсоветского пространства отмечается активное развитие сотрудничества университетов, а также создаются новые научно-образовательные направления.

Развитие сотрудничества приграничных территорий сопредельных государств способствует повышению уровня жизни населения приграничных территорий и поддержанию исторически сложившихся связей и контактов в социальной, культурной, информационной и других сферах.

Приграничное сотрудничество является механизмом продвижения социальной и образовательной повестки дня и в то же время укрепления потенциала участвующих университетов.

Интерес к трансграничному высшему образованию не вызывает сомнений и растет благодаря ряду факторов. Эти факторы включают изменения в мобильности студентов, программной мобильности, дистанционном обучении и глобальную тенденцию увеличения набора студентов.

Трансграничное высшее образование не является новым явлением, поскольку история обмена студентами, профессорами и знаниями насчитывает столетия. Однако за последние два десятилетия в мире произошел значительный рост трансграничного высшего образования, во многом благодаря изменениям в оффлайн и онлайн обучениях.

Установление базового значения трансграничного образования имеет долгую историю развития. В условиях непрерывного развития экономической интеграции в мире важность трансграничной образовательной деятельности постепенно становится знакомой преподавателям

Трансграничное образование основано на культурном общении между двумя странами, поэтому исследовательская работа в области трансграничного образования полностью транснациональна. Например, в процессе реальной педагогической работы преподаватели и учащиеся культурного содержания приезжают из разных стран и регионов. Учителя обычно восполняют недостатки и недостатки в своей педагогической работе, используя преимущества педагогических ресурсов других стран в практическом обучении.

Развитие трансграничного образования и педагогической работы представляет собой случайный поток культурного контента и элементов знаний между различными национальными границами. Например, поток ученых в разные страны, обмен и обучение преподавателей в разных национальных границах, а также взаимная пе-

редача преподавательских ресурсов между различными образовательными регионами являются репрезентативными проявлениями трансграничной образовательной мобильности.

Под влиянием непрерывного развития технологий передачи информации через Интернет виртуальные сетевые университеты и учебные центры постепенно стали популярными моделями обучения. Поставщики трансграничных образовательных и обучающих ресурсов также имеют характеристики разного уровня разнообразия. Все это дает возможность развитию международного образовательного обмена и повышение мобильности молодежи. Как уже было отмечено выше, в стремлении усилить международную конкурентоспособность, российские вузы активно привлекают иностранных студентов, способствуя созданию мультикультурной среды. Но несмотря на то, что это способствует расширению образовательных возможностей, это также ставить перед вузами новые задачи.

Приезжая на учебу в другую страну, каждый студент привозит с собой мировоззрение, сформированное социокультурной обстановкой его родной страны. Поступая на первый курс, они погружаются в совершенно иную культурную среду, общаются и учатся иначе, сталкиваются с незнакомыми национальными, культурными и социальными нормами. Поэтому адаптация к такой среде имеет решающее значение для их дальнейшей успешной социализации [9, 10, 12].

Адаптация иностранных студентов происходит на протяжении всего обучения, но особенно сложно она проходит в первый год обучения. Адаптация – это процесс приспособления человека к изменениям в окружающей среде, включая новый культурный контекст. Каждый человек по-разному адаптируется к новым условиям. Он может испытывать страх, дискомфорт, тревожность или отчуждение. Кроме того, студенты также сталкиваются с языковым барьером. Так же успешная адаптация студентов и их знакомство с новой социокультурной средой во многом зависят от их понимания и усвоения ее ценностей и норм. Эти ценности отражаются в правилах и требованиях, влияющих на различные аспекты жизни.

Также нужно отметить, что субъективные (набор общественных моральных и этических норм и глубоко укоренившиеся, иногда логически непонятные подсознательные убеждения, проявляющиеся во всех аспектах национальной культуры) объективные факторы играют немаловажную роль в успешной адаптации. Сюда же можно отнести и личные характеристики (адаптационный потенциал) [11].

Поэтому изучение и содействие успешной адаптации помогает иностранным студентам быстрее интегрироваться студенческое сообщество и облегчает их обучение в течение всего периода пребывания в зарубежном вузе [1, 2, 5].

Как уже отмечалось выше, адаптация – это сложный процесс для каждого студента, приезжающего в другую страну. Степень адаптации иностранных студентов является ключом к минимизации стресса и помогает им легче интегрироваться в местное сообщество. Важно помочь им освоить язык, культуру и обычаи новой страны, чтобы они чувствовали себя комфортно и уверенно. Создание дружественной обстановки в учебном заведении, предоставление им информации о местной культуре, обычаях, правилах и традициях может существенно облегчить данный процесс для иностранных студентов.

Поддержка со стороны университета и других студентов также играет важную роль в успешной адаптации. Таким образом, совместные усилия студентов, преподавателей и администрации университета помогут иностранным студентам успешно пройти процесс адаптации и полноценно включиться в учебный процесс и жизнь университета.

Методология исследования

С целью выявления проблем, с которыми сталкиваются иностранные студенты в процессе социокультурной адаптации, было проведено исследование среди студентов Тихоокеанского государственно университета. Опрос проводился среди иностранных студентов из стран Средней Азии. Исследование было проведено с использованием качественного метода сбора информации: полуформальзованного интервью.

Гайд-интервью был разбит на два тематических блока, в каждом из которых содержалось от двух до девяти вопросов, охватывающих такие сферы жизни как учеба, взаимодействие с одногруппниками, взаимодействие с официальными структурами, общение вне университета и т.д.

Результаты исследования

В ходе проведенного исследования было выявлено, что выбор российского образования обусловлен его высоким качеством и востребовательностью российского диплома в той стране, откуда прибыл студен, совет родителей, интерес к стране, доступностью образования. Касательно стоимости обучения, то данный фактор не является определяющим, так как все опрошенные студенты учатся на бюджетной основе.

Говоря непосредственно о тех проблемах, с которыми столкнулись и продолжают сталкиваться респонденты, стоит особо выделить проблему языкового барьера.

Хотя значимость русского языка в странах Средней Азии снижается, уровень знакомства с ним все же выше, чем с тем же английским или арабским языками. Тем не менее, можно говорить о сохраняющейся иллюзии знакомства с русским языком.

Разница в языковых практиках между Россией и странами Средней Азии создает трудность в общение для прибывших на учебу иностранных студентов. Они вынуждены преодолевать языковой барьер, так как их навыки русского языка недостаточны. Ограниченный уровень языковой компетенции препятствует эффективному участию в лекциях, семинарах, работе с учебной литературой, подготовке к занятиям и экзаменам. Все это значительно затрудняет учебный процесс, а также помимо этого влияет на повседневное общение иностранных студентов с одногруппниками и другими студентами, создавая дополнительные сложности в процессе адаптации.

Развитие языковой компетенции имеет решающее значение для успешной адаптации иностранных студентов. Оно помогает им преодолеть языковой барьер и установить эффективные связи как в повседневной жизни, так и в академической среде.

На ранней стадии социокультурной адаптации студенты часто общаются с людьми совей национальности или культуры. Постепенно по мере интеграции с российское общество они начинают взаимодействовать с российскими студентами. Но это также занимает определённое время, поскольку сталкиваются с различными трудностями – социальными, культурными, и, как уже было сказано выше языковыми.

По данным опроса, большинство иностранных студентов в основном общаются с соотечественниками. Только небольшая часть респондентов взаимодейству-

ет как с соотечественниками, так и с другими студентами. Также стоить отметить, что по отношению к взаимодействию с русскими студентами некоторые опрошенные иностранные студенты сохраняют нейтральную позицию. Стоит также отметить, что никто из респондентов не указал о напряженных отношениях между ними и другими студентами. Опрошенные в основном проживают со своими земляками, в то время как с русскими студентами в основном они общаются на занятиях или мероприятиях, проводимыми университетом.

Успешная адаптация иностранных студентов на первичном этапе в значительной степени зависит от агентов социализации – людей, с которыми студенты близко общаются. Этими агентами могут быть соотечественники, друзья, преподаватели, администрация университета и т.д. Они оказывают помощь студентам в решении различных трудностей, знакомстве с новыми социальными ролями и понимании новой социокультурной и языковой среды.

На основании опроса студенты указали на то, что при столкновении с проблемами они обращаются за поддержкой к своим друзьям, преподавателям, соотечественникам и администрации университета. При этом среди опрошенных иностранных студентов оказались те, кто предпочитают решать вопросы самостоятельно и редко просят о помощи, а то и вовсе обходятся без нее.

Заключение

Выбор высшего учебного заведения и обучение в нем является важным шагом в жизни каждого студента. В данный период он приобретает профессиональные навыки и компетенции, необходимые для будущей профессии. Особенно сложно адаптироваться к новому этапу в жизни иностранным студентам, так как они проходят сразу несколько адаптаций одновременно.

Проведенное исследование адаптации иностранных студентов в ТОГУ, показало, что большинство участников опроса осознанно выбирали страну для обучения, учитывая качество образования и рекомендации соотечественников, уже учившихся здесь. Основными трудностями, с которыми сталкиваются студенты в начале адаптации: привыкание к новой еде, климату, культурные различия, языковой барьер, новые роли и круг общения.

Литература

1. Абунавас Х.А., Берестнева О.Г. Исследование проблем адаптации иностранных студентов на примере Томского политехнического университета. Методология обучения и повышения эффективности академической, социально-культурной и психологической адаптации иностранных студентов в российском вузе: теоретические и прикладные аспекты: материалы всерос. семинара. Томск, 2008. С. 7–11.
2. Аргунова В. Н., Лондаджим Т. Барьеры социокультурной адаптации иностранных студентов, обучающихся в российских вузах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bariery-sotsiokulturnoy-adaptatsii-inostrannyh-studentov-obuchayuschihsya-v-rossiyskih-vuzah (дата обращения: 24.04.2024).
3. Берестнева, О.Г. Проблема адаптации иностранных студентов как проблема адаптации субъекта деятельности к изменённым условиям / О.Г. Берестнева, О.В. Марухина, Д.О. Щербаков // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 4. – С. 340.
4. Дорожкин, Ю.Н. Проблемы социальной адаптации иностранных студентов / Ю.Н. Дорожкин, Л.Т. Мазитова // Социологические исследования. – 2007. -№ 3. – С. 73–77.
5. Кривцова, И.О. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н.Н. Бурденко). Фундаментальные исследования, Фундаментальные исследования. – 2011. – № 8 (часть 2) URL: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=27948 (дата обращения: 24.04.2024)
6. Моднов С. И., Ухова Л.В. Проблемы адаптации иностранных студентов, обучающихся в техническом университете // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-adaptatsii-inostrannyh-studentov-obuchayuschihsya-v-tehnicheskom-universitete (дата обращения: 23.04.2024).
7. Осипова Валентина Николаевна Особенности взаимодействия мигрантов и жителей принимающей территории (на примере города Костромы) // Вестник КГУ. 2010. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vzaimodeystviya-migrantov-i-zhiteley-prinimayuschey-territorii-na-primere-goroda-kostromy (дата обращения: 24.04.2024).
8. Рябкова С. Л., Скопина Ю.И. Особенности процесса адаптации в вузе иностранных студентов первого курса (на примере Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета) // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2016. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-protsessa-adaptatsii-v-vuze-inostrannyh-studentov-pervogo-kursa-na-primere-nizhegorodskogo-gosudarstvennogo-arhitekturno (дата обращения: 24.04.2024).
9. Шевелев Г. Е., Кабанова Л.И., Михальченко Е.В. Информационная система для оценки адаптации иностранных студентов // Векторы благополучия: экономика и социум. 2012. № 1 (2). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-sistema-dlya-otsenki-adaptatsii-inostrannyh-studentov (дата обращения: 23.04. 2024). 11
10. Khanmurzina, R.R., Cherdymova, E.I., Guryanova, T.Yu., Toriia, R.A., Sukhodolova, E.M. & Tararina, L.I. (2020). Computer Games Influence on Everyday Social Practices of Students-Gamers. Contemporary educational technology, 11(1), pp. 11–19.
11. Zakharenko E.N., Komarova L.N. and Nechaeva I.V. (2017). The problem of adaptation of foreign students studying in Russian universities. Especial. Vol. 38 (Nº 56) p. 27–34

ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS TO THE CONDITIONS OF THE CROSS-BORDER SOCIOCULTURAL SPACE OF RUSSIAN EDUCATION: THE EXAMPLE OF PACIFIC NATIONAL UNIVERSITY

Enicheva A.I.
Pacific National University

Recently, a large number of Russian universities are striving to gain recognition at the international level. In this regard, the relevance of cross-border and cross-border education in Russia is due to regionalization and the growing migration flow of the population, including the educational mobility of students. The globalization of higher education has expanded the choices of students around the world, giving them the freedom to choose universities and countries that

suit their career goals. But this, nevertheless, is associated with the problem of integration into a new academic and cultural environment, with the problem of adapting future students to a new environment. This article is devoted to the study of the problems that foreign students face in the cross-border and sociocultural space of Russian education using the example of students of the Pacific State University.

Keywords: adaptation, foreign students, cross-border cooperation, higher education.

References

1. Abunavas H.A., Berestneva O.G. Study of the problems of adaptation of foreign students on the example of Tomsk Polytechnic University. Methodology of teaching and improving the effectiveness of academic, socio-cultural and psychological adaptation of foreign students in a Russian university: theoretical and applied aspects: materials of the All-Russian University. the seminar. Tomsk, 2008. pp. 7–11.
2. Argunova V. N., Londajim T. Barriers of socio-cultural adaptation of foreign students studying in Russian universities // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2008. No.4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bariery-sotsiokulturnoy-adaptatsii-inostrannyh-studentov-obuchayuschihsya-v-rossiyskih-vuzah (date of application: 04/24/2024).
3. Berestneva, O.G. The problem of adaptation of foreign students as a problem of adaptation of the subject of activity to changed conditions / O.G. Berestneva, O.V. Marukhina, D.O. Shcherbakov // Modern problems of science and education. – 2013. – No. 4. – p. 340.
4. Dorozhkin, Yu.N. Problems of social adaptation of foreign students / Yu.N. Dorozhkin, L.T. Mazitova // Sociological research. – 2007. -No. 3. – pp. 73–77.
5. Krivtsova, I.O. Socio-cultural adaptation of foreign students to the educational environment of a Russian university (on the example of the Voronezh State Medical Academy named after N.N. Burdenko). Fundamental research, Fundamental research. – 2011. – No. 8 (part 2) URL: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=27948 (date of application: 04/24/2024)
6. Modnov S. I., Ukhova L.V. Problems of adaptation of foreign students studying at a technical university // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2013. No.2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-adaptatsii-inostrannyh-studentov-obuchayuschihsya-v-tehnicheskom-universitete (date of application: 04/23/2024).
7. Osipova Valentina Nikolaevna Peculiarities of interaction between migrants and residents of the host territory (on the example of the city of Kostroma) // Bulletin of KSU. 2010. No.3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vzaimodeystviya-migrantov-i-zhiteley-prinimayuschey-territorii-na-primere-goroda-kostromy (date of application: 04/24/2024).
8. Ryabkova S. L., Skopina Yu.I. Features of the adaptation process in the university of foreign first-year students (on the example of the Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering) // Bulletin of the NSTU named after R.E. Alekseev. The series “Management in social systems. Communication technologies”. 2016. No.2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-protsessa-adaptatsii-v-vuze-inostrannyh-studentov-pervogo-kursa-na-primere-nizhegorodskogo-gosudarstvennogo-arhitekturno (date of application: 04/24/2024).
9. Shevelev G. E., Kabanova L.I., Mikhalchenko E.V. Information system for assessing the adaptation of foreign students // Vectors of well-being: economics and society. 2012. No.1 (2). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-sistema-dlya-otsenki-adaptatsii-inostrannyh-studentov (date of application: 04/23/2024). 11
10. Khanmurzina, R.R., Cherdymova, E.I., Guryanova, T.Yu., Toriia, R.A., Sukhodolova, E.M. & Tararina, L.I. (2020). Computer Games Influence on Everyday Social Practices of Students-Gamers. Contemporary educational technology, 11(1), pp. 11–19.
11. Zakharenko E.N., Komarova L.N. and Nechaeva I.V. (2017). The problem of adaptation of foreign students studying in Russian universities. Especial. Vol. 38 (Nº 56) p. 27–34

Повышение эффективности реализации программ ресоциализации безработных в центрах занятости населения

Золотухин Александр Андреевич,
аспирант кафедры социологии и управления, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
E-mail: alexander481.az@gmail.com

Ресоциализация – это важнейший процесс, который помогает людям реинтегрироваться в общество и трудовую деятельность, обеспечивая психологические, социальные и экономические преимущества. Ключевые обсуждаемые вопросы включают социальные барьеры, с которыми сталкиваются безработные, неэффективность работы центров занятости и более широкие психологические и экономические препятствия, мешающие успешной ресоциализации. Анализ показывает как успехи, так и недостатки текущих усилий по ресоциализации, опираясь на тематические исследования и примеры из различных центров занятости по всей России. Основные выводы свидетельствуют о том, что, несмотря на наличие эффективных программ и стратегий, необходимы значительные улучшения в реализации политики и распределении ресурсов. Обсуждение завершается социальными и политическими рекомендациями, направленными на повышение эффективности инициатив по ресоциализации, с акцентом на необходимость координации усилий государственных структур и частного сектора, а также обсуждаются дальнейшие направления исследований.

Ключевые слова: ресоциализация; безработица; центры занятости; экономические проблемы; социальные барьеры

Безработица остается серьезной социально-экономической проблемой в Российской Федерации, ее уровень колеблется под влиянием различных факторов, включая экономические циклы, структурные сдвиги и изменения в политике. Несмотря на усилия по стимулированию создания рабочих мест и экономического роста, значительная часть населения продолжает сталкиваться с пугающей перспективой безработицы, что приводит к неблагоприятным последствиям для отдельных лиц, семей и сообществ по всей стране.

Последствия безработицы выходят за рамки финансовых трудностей, часто вызывая у пострадавших психологический стресс, социальную изоляцию и потерю цели и идентичности. Учитывая эти многогранные проблемы, концепция ресоциализации становится важнейшим средством поддержки безработных в их реинтеграции в общество, восстановлении их уверенности в себе и содействии их возвращению на работу. Ресоциализация затрагивает не только практические аспекты поиска работы и повышения квалификации, но и более широкие социальные и психологические аспекты безработицы, способствуя повышению жизнестойкости и расширению прав и возможностей пострадавших граждан.

В условиях сложной ситуации с безработицей центры занятости играют ключевую роль в предоставлении необходимых услуг поддержки безработным, стремящимся вернуться на рынок труда. Эти центры, созданные правительством Российской Федерации, служат основными центрами для реализации целого ряда программ помощи, включая услуги по трудоустройству, профессиональной подготовке, консультированию и социальной поддержке. Предлагая специализированные мероприятия и индивидуальное руководство, центры занятости стремятся снабдить безработных граждан необходимыми инструментами и ресурсами для решения проблем, связанных с безработицей, и встать на путь обеспечения устойчивой занятости и социальной интеграции.

Исторически сложилось так, что российская система службы занятости была официально создана в начале 1990-х годов, после распада Советского Союза. Этот период ознаменовался значительными экономическими изменениями, которые привели к массовому росту безработицы и потребовали создания институциональных механизмов поддержки. Центры занятости были созданы для того, чтобы служить основным связующим звеном между правительством и безработными гражданами.

Функции центров занятости многогранны и включают в себя трудоустройство, профессиональную подготовку, профориентацию и социальную поддержку. В задачи этих центров входит реализация федеральной и региональной политики в области занятости, мониторинг тенденций на рынке труда и координация с работодателями для выявления возможностей трудоустройства. Кроме того, они играют ключевую роль в сборе и анализе данных о рынке труда, которые служат основой для принятия политических решений и разработки программ.

Центры занятости населения предлагают широкий спектр услуг, адаптированных для удовлетворения разнообразных потребностей безработных. Эти услуги включают:

– Службы трудоустройства: центры занятости ведут обширные базы данных о вакансиях и подбирают безработных на подходящие должности. Они способствуют установлению связей между соискателями работы и работодателями с помощью ярмарок вакансий, мероприятий по подбору персонала и онлайн-порталов вакансий. По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), эти усилия способствовали постепенному снижению уровня безработицы в стране, который по состоянию на 2023 год составил 4,4%.
– Программы профессиональной подготовки и переподготовки: признавая необходимость постоянного повышения квалификации, центры занятости предлагают программы профессиональной подготовки и переподготовки. Эти программы направлены на повышение возможностей трудоустройства лиц, ищущих работу, путем приобретения ими навыков, необходимых для новых отраслей. Исторические данные показывают, что во время экономического спада конца 2000-х годов эти программы сыграли решающую роль в смягчении последствий массовых увольнений путем переподготовки уволенных работников.
– Консультации по вопросам карьеры и профориентация: профессиональные консультанты по вопросам карьеры в центрах занятости предоставляют индивидуальные рекомендации соискателям, помогая им определить карьерные цели, разработать стратегии поиска работы, а также улучшить свои резюме и навыки прохождения собеседований. Эта услуга имеет решающее значение для людей, которые долгое время не работали и нуждаются в поддержке в поиске работы на рынке труда.
– Психологическая и социальная поддержка: центры занятости предлагают услуги психологического консультирования и социальной поддержки для решения эмоциональных и социальных проблем, связанных с безработицей. Этот целостный подход признает важность психического здоровья и благополучия в процессе ресоциализации. Данные, полученные из различных региональных центров, свидетельствуют о том, что службы психологической поддержки значительно улучшили общие результаты для лиц, долгое время не имеющих работы.
– Финансовая помощь и пособия: безработные могут получить доступ к финансовой помощи и пособиям через центры занятости, включая пособия по безработице, субсидии на переподготовку и поддержку в открытии малого бизнеса. Эффективность этих мер финансовой поддержки была подчеркнута в исследованиях, показывающих, что своевременная финансовая помощь может предотвратить бедность и социальную изоляцию среди безработных.
– Специальные программы для уязвимых групп: центры занятости реализуют целевые программы для уязвимых групп, таких как молодежь, пожилые работники, лица с ограниченными возможностями и родители-одиночки. Эти программы направлены на устранение конкретных барьеров, с которыми сталкиваются эти группы при получении доступа к возможностям трудоустройства. Например, «Программа трудоустройства молодежи» добилась успеха в снижении уровня безработицы среди молодежи за счет предоставления специализированных услуг по обучению и трудоустройству.

Центры занятости населения в Российской Федерации являются неотъемлемой частью ресоциализации безработных граждан, предлагая широкий спектр услуг, направленных на повышение возможностей трудоустройства, оказание социальной поддержки и содействие успешной реинтеграции на рынок труда. Концепция ресоциализации основана на нескольких теоретических подходах, которые дают представление о соответствующих процессах и механизмах. Ключевыми из них являются:

1. Символический интеракционизм: эта теория утверждает, что индивиды конструируют свою социальную реальность посредством взаимодействия с другими людьми. Ресоциализация, с этой точки зрения, предполагает пересмотр своей идентичности и социальных ролей посредством новых взаимодействий и опыта. Безработные должны ориентироваться в меняющейся социальной динамике и перестраивать свою профессиональную и личную идентичность в соответствии с новыми обстоятельствами.

2. Теория социального обучения: предложенная Альбертом Бандурой, эта теория подчеркивает роль обучения путем наблюдения, имитации и моделирования в приобретении новых моделей поведения и навыков. Центры занятости часто используют этот подход, предоставляя наставничество, группы поддержки сверстников и обучающие программы, где люди могут учиться у других, которые успешно справились с безработицей и вернулись на работу.

3. Когнитивно-поведенческая теория (КПТ): КПТ фокусируется на взаимодействии между мыслями, эмоциями и поведением. Программы ресоциализации часто включают методы КПТ, помогающие безработным переосмыслить негативные мысли, разработать стратегии преодоления трудностей и поставить реалистичные цели для своей реинтеграции в трудовую деятельность и общество.

4. Теория человеческого капитала: эта экономическая теория подчеркивает важность инвестиций в образование и развитие навыков для повышения производительности труда и возможности трудоустройства. Центры занятости используют эту теорию, предлагая профессиональное обучение, образовательные программы и консультации по вопросам карьеры для повышения человеческого капитала безработных граждан.

5. Теория социальной поддержки: социальная поддержка играет решающую роль в ресоциализации, предоставляя эмоциональную, информационную и практическую помощь. Центры занятости выступают в качестве ключевых поставщиков социальной поддержки, предоставляя людям ресурсы, группы поддержки и сети, которые могут помочь им вернуться к трудовой деятельности.

Безработные сталкиваются с множеством психологических проблем, которые существенно затрудняют их ресоциализацию. Безработица часто приводит к ощущению неполноценности, потере самоуважения и депрессии. Российский психолог Лев Выготский подчеркивал важность социального взаимодействия для когнитивного развития, и этот принцип применим и к взрослым. Отсутствие структуры и цели в повседневной жизни может усугубить проблемы с психическим здоровьем, что приведет к длительному психологическому стрессу. Например, мировой финансовый кризис 2008 года привел к резкому увеличению числа россиян, обращающихся за психиатрической помощью в связи с потерей работы, что подчеркивает глубокое психологическое воздействие безработицы.

Помимо психологических проблем, безработные сталкиваются с существенными социальными и экономическими препятствиями на пути к ресоциализации. В социальном плане стигматизация, связанная с без-

работицей, может привести к изоляции и сужению социальных связей, о чем свидетельствуют исследования российского социолога Юрия Левады. С экономической точки зрения отсутствие дохода ограничивает доступ к основным ресурсам, таким как образование и здравоохранение, которые имеют решающее значение для улучшения возможностей трудоустройства. Переход от командной экономики к рыночной в 1990-х годах оставил многих россиян без навыков, необходимых для работы на новых рынках труда, что привело к длительной безработице для значительной части населения. В этот период наблюдался резкий рост уровня безработицы, достигший в 1998 году 13,2%, что высветило системные барьеры на пути ресоциализации.

Тематические исследования, проведенные российскими центрами занятости, наглядно иллюстрируют эти проблемы. Например, Московский центр занятости сообщил, что лица, долгое время не имеющие работы, часто испытывают трудности с повышением квалификации, чтобы соответствовать требованиям рынка. Одним из ярких примеров является ситуация в Кузбассе, который в значительной степени зависит от угольной промышленности. С сокращением добычи угля многие работники оказались без работы. Центры занятости в Кузбассе реализовывали программы переподготовки, но успех был ограничен нежеланием работников переезжать и адаптироваться к новым производствам. Аналогичным образом, в Ивановской области, известной своей текстильной промышленностью, из-за закрытия фабрик тысячи людей остались без работы. Центры занятости обеспечивали профессиональную подготовку по новым специальностям, однако многие пожилые работники сталкивались с трудностями при переходе на новую работу, что свидетельствует о глубоких экономических и социальных барьерах.

Данные примеры подчеркивают многогранный характер проблем ресоциализации, с которыми сталкиваются безработные в России. Психологический стресс в сочетании с социальной стигматизацией и экономическими трудностями создает сложную сеть проблем, которые должны решать центры занятости. Несмотря на предпринимаемые усилия по оказанию всесторонней поддержки, исторический контекст переходного периода в экономике и продолжающиеся структурные изменения по-прежнему создают значительные препятствия для эффективной ресоциализации.

Несмотря на трудности, российские центры занятости добиваются заметных успехов и используют лучшие практики в области ресоциализации. Одной из ярких историй успеха является пример Московского центра занятости, который постоянно демонстрирует эффективные стратегии, помогающие безработным вернуться на работу. Например, в 2019 году центр успешно трудоустроил более 70 000 человек, ищущих работу, что отражает его комплексный подход к подбору работы и развитию навыков. Ключевым элементом их успеха является использование персонализированных консультаций по вопросам карьеры и индивидуальных услуг по трудоустройству, которые значительно улучшают результаты трудоустройства клиентов.

Эффективные стратегии и программы являются залогом успеха центров занятости в Российской Федерации. Одной из таких программ является «Программа профессиональной подготовки и повышения квалификации», которая направлена на приобретение безработными новых навыков, соответствующих текущим требованиям рынка. Эта программа, реализуемая по всей стране, показала высокий уровень успеха, особенно в регионах, переживающих переходный период в экономике. Например, в Республике Татарстан эта программа способствовала повторному трудоустройству тысяч людей, пострадавших от спада в традиционных отраслях промышленности, таких как нефтехимия и машиностроение. Статистические данные Росстата свидетельствуют о том, что уровень занятости в Татарстане с момента реализации программы повысился на 5%, что подчеркивает ее эффективность.

Сравнительный анализ с другими странами показывает, что подход России к ресоциализации через центры занятости имеет как сходства, так и отличия от стратегий, применяемых в других странах [6]. В Германии, например, Федеральное агентство по трудоустройству (Bundesagentur für Arbeit) использует двойную систему профессионального образования и переподготовки, которая оказалась весьма эффективной в снижении безработицы среди молодежи. Эта система сочетает обучение внутри компании с профессиональным обучением, гарантируя, что молодые люди получат как теоретические знания, так и практические навыки. Успех немецкой системы профессионального образования, которая позволила сохранить уровень безработицы среди молодежи на уровне ниже 7%, служит образцом для других стран, включая Россию.

В отличие от этого, в Соединенных Штатах используется более децентрализованный подход, когда агентства по трудоустройству на государственном уровне предоставляют услуги по трудоустройству и обучению. Такие программы, как Закон об инновациях и возможностях в сфере трудовых ресурсов (WIOA), направлены на предоставление различных вариантов обучения и вспомогательных услуг, таких как консультации по вопросам карьеры и финансовая помощь в образовании [3]. Этот гибкий и адаптированный к местным условиям подход позволил в значительной степени адаптировать систему к потребностям регионального рынка труда. Однако система США часто сталкивается с проблемами, связанными с согласованностью и качеством в разных штатах.

Российские центры занятости переняли элементы передовой международной практики, такие как профессиональное обучение и персонализированные службы поддержки. Особенно эффективным оказалось использование цифровых платформ для поиска работы и предоставления услуг психологической поддержки. Например, онлайн-портал по трудоустройству Центра занятости населения Санкт-Петербурга упростил процесс поиска работы, увеличив количество вакансий на 15% с момента его запуска в 2017 году.

Эти успехи и передовой опыт демонстрируют потенциал центров занятости в области эффективной поддержки ресоциализации безработных. Изучая международные модели и постоянно адаптируя свои стратегии, российские центры занятости добились значительных успехов в решении проблемы безработицы и содействии успешной трудовой реинтеграции. Интеграция комплексных программ обучения, персонализированных услуг и цифровых инструментов зарекомендовала себя как эффективное сочетание, способствующее общему улучшению показателей занятости в Российской Федерации.

Совершенствование мер по ресоциализации безработных граждан в России требует комплексного подхода, учитывающего как насущные потребности, так и долгосрочные цели. Одной из ключевых рекомендаций является повышение доступности и качества программ профессионального обучения. Исторические данные, относящиеся к переходному периоду 1990-х годов, когда многие работники остались без соответствующих навыков для новой рыночной экономики, подчеркивают острую необходимость постоянного повышения квали-

фикации. Расширение партнерских отношений с образовательными учреждениями и частными компаниями может обеспечить соответствие программ обучения текущим требованиям рынка труда. Кроме того, увеличение финансирования этих программ может обеспечить более широкий доступ, особенно в сельских районах, где ресурсы часто ограничены.

Правительство играет ключевую роль в создании основы для усилий по ресоциализации [1, с. 16–17]. Исторический прецедент показывает, что вмешательство государства имеет решающее значение в период экономических преобразований. Например, во время постсоветских экономических реформ государственные программы, направленные на стабилизацию занятости, были жизненно важны. В настоящее время государственная политика должна быть направлена на интеграцию служб занятости с системами социальной поддержки для оказания комплексной помощи безработным. Это включает в себя расширение услуг психологического консультирования в центрах занятости, практика, которая показала положительные результаты в снижении бремени безработицы для психического здоровья.

Частный сектор также призван сыграть важную роль. Стимулирование бизнеса к участию в усилиях по ресоциализации посредством налоговых льгот и субсидий может побудить его инвестировать в обучение и развитие персонала [5]. Исторические примеры таких стран, как Германия, где частные компании активно участвуют в системе дуального образования, демонстрируют эффективность такого сотрудничества. В России такие инициативы, как государственно-частное партнерство, могут помочь сократить разрыв между соискателями работы и работодателями, обеспечивая соответствие программ обучения реальным требованиям к работе.

Будущая политика должна быть направлена на создание более устойчивой и адаптивной рабочей силы. Одним из направлений является включение обучения цифровым навыкам во все профессиональные программы. Развитие цифровой экономики привело к высокому спросу на технически подкованных сотрудников, и обучение безработных этим навыкам может значительно повысить их шансы на трудоустройство. Согласно отчету Всемирного экономического форума за 2020 год, навыки работы с цифровыми технологиями являются одними из самых востребованных на мировом рынке труда, и интеграция такого обучения может повысить конкурентоспособность [2].

Другим важным направлением политики является укрепление системы социальной защиты [4]. Это предполагает не только предоставление финансовой помощи, но и обеспечение доступа к здравоохранению, жилью и уходу за детьми. Успех скандинавских стран в поддержании низкого уровня безработицы отчасти объясняется их комплексными системами социальной поддержки, которые помогают смягчить негативные последствия потери работы и позволяют людям сосредоточиться на переподготовке и поиске работы, не испытывая непосредственного давления финансовой нестабильности.

Важно способствовать созданию инклюзивного рынка труда. Политика должна быть направлена на снижение барьеров для уязвимых групп, таких как пожилые работники, лица с ограниченными возможностями и молодежь, вступающие на рынок труда. Целевые программы, направленные на удовлетворение конкретных потребностей этих групп, могут расширить их участие на рынке труда. Например, индивидуальные программы обучения и инклюзивная политика на рабочем месте могут помочь пожилым работникам освоиться на новых должностях, в то время как программы стажировки и ученичества могут предоставить молодым людям необходимый опыт для обеспечения стабильной занятости.

Наконец, решающее значение имеет постоянная оценка и адаптация политики ресоциализации. Создание надежной системы мониторинга и оценки может помочь отслеживать эффективность различных программ и вносить коррективы на основе данных. Такой адаптивный подход гарантирует, что политика будет реагировать на динамику рынка труда.

Таким образом, ресоциализация безработных граждан в Российской Федерации представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий скоординированных усилий государства, центров занятости и частного сектора. Психологическое воздействие безработицы в сочетании с социальными и экономическими барьерами создает серьезные проблемы для людей, стремящихся вернуться на работу. Центры занятости играют решающую роль в этом процессе, предлагая широкий спектр услуг, включая трудоустройство, профессиональную подготовку, консультации по вопросам карьеры и психологическую поддержку.

Успехи и передовой опыт российских центров занятости свидетельствуют об эффективности персонализированной поддержки и специализированных программ обучения. Заметные достижения, подобные тем, которые были достигнуты в Московском центре занятости и Республике Татарстан, демонстрируют положительное влияние комплексных стратегий ресоциализации. Эти успехи еще более подкрепляются сравнительным анализом с международными моделями, позволяющим получить ценную информацию об эффективных практиках ресоциализации.

Однако все еще есть области, требующие улучшения. Повышение доступности и качества профессионального обучения, интеграция цифровых навыков во все программы и расширение систем социальной поддержки являются важнейшими шагами на пути к более эффективной ресоциализации. Как правительство, так и частный сектор призваны сыграть ключевую роль в этом начинании. Государственная политика должна быть направлена на создание благоприятной основы, которая объединяла бы службы занятости с более широкой социальной поддержкой, одновременно стимулируя участие частного сектора посредством партнерских отношений и субсидий.

В будущей политике также следует подчеркивать важность инклюзивности и адаптивности, гарантируя, что уязвимые группы получат адресную поддержку и что программы будут по-прежнему реагировать на меняющиеся экономические условия. Надежная система мониторинга и оценки будет иметь важное значение для постоянного повышения эффективности усилий по ресоциализации.

Кроме того, необходимо изучить конкретные проблемы и потребности уязвимых групп населения, включая пожилых работников, людей с ограниченными возможностями и жителей сельской местности. Исследование, в ходе которого изучаются уникальные барьеры, с которыми сталкиваются эти группы, и оценивается индивидуальное вмешательство, может помочь в разработке более инклюзивных и эффективных стратегий ресоциализации. Например, исследования, посвященные интеграции пожилых работников в новые отрасли промышленности или доступности служб занятости в отдаленных регионах, могут служить основой для принятия целенаправленных политических мер.

Повышение роли центров занятости как общественных центров социальной поддержки может значительно улучшить результаты ресоциализации. Это включает

в себя не только предоставление услуг, связанных с трудоустройством, но и предоставление доступа к консультациям по психическому здоровью, помощи в финансовом планировании и мероприятиях по вовлечению общественности. Центры занятости могут стать универсальными центрами, которые удовлетворяют комплексные потребности безработных, создавая тем самым более благоприятную среду для ресоциализации.

В заключение нужно отметить, что будущие перспективы усилий по ресоциализации предполагают сочетание тщательных исследований, технологических инноваций, расширения партнерских отношений и комплексных услуг поддержки. Следуя этим направлениям, центры занятости могут развиваться таким образом, чтобы лучше удовлетворять потребности безработных граждан, способствуя успешному повторному трудоустройству и социальной реинтеграции во все более усложняющемся экономическом ландшафте.

Литература

1. Беляев А.В. Механизм устойчивого развития общества в период активной деятельности новых социальных институтов: Дис. … канд. полит. наук. Орел, 2006.
2. Бобков В.Н. Неустойчивая занятость в формальной экономике России – основная причина неформальной занятости // Уровень жизни населения регионов России. – 2017. – No 1(203). – С. 8.
3. Киселев, И.Я. Сравнительное и международное трудовое право: Учебник для вузов /И. Я. Киселев.› М.: Дело, 2010. – 218с.
4. Мальцева, Д.С. Российский рынок труда: проблемы и перепективы развития / Д.С. Мальцева. // Современные научные исследования и инновации. – 2017. – N 4.- С. 453–457.
5. Маховикова, Г.Л. Экономичсская теория / Г.А. Маховикова, Г.М. Тукасьян, В.В. Амосова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2018. – 443 с.
6. Селимова, С.А. Проблемы рынка труда в Российской Федерации и направления их решения / С.А. Селимова. // Научное сообщество студентов: материалы IX Междунар, студенч. науч.-практ. конф., Чебоксары, 31 мая 2016 г. / редкол.: О.Н. Широков [и др.l – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. С. 229–233.

INCREASING THE EFFECTIVENESS OF THE IMPLEMENTATION OF RESOCIALIZATION PROGRAMS FOR THE UNEMPLOYED IN EMPLOYMENT CENTERS

Zolotukhin A.A.
Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky

Resocialization is an essential process that helps people reintegrate into society and work, providing psychological, social and economic benefits. Key issues under discussion include the social barriers faced by the unemployed, the inefficiency of job centers, and wider psychological and economic barriers to successful re-socialization. The analysis shows both the successes and disadvantages of current efforts to re-socialize, based on case studies and examples from various employment centers throughout Russia. The main findings indicate that, despite the existence of effective programs and strategies, significant improvements in policy implementation and resource allocation are needed. The discussion concludes with social and policy recommendations aimed at improving the effectiveness of re-socialization initiatives, with an emphasis on the need to coordinate the efforts of government agencies and the private sector, and further research directions are discussed.

Keywords: re-socialization; unemployment; employment centers; economic problems; social barriers.

References

1. Belyaev A.V. The mechanism of sustainable development of society during the period of active activity of new social institutions: Dis. … cand. polit. sciences'. Orel, 2006.
2. Bobkov V.N. Unstable employment in the formal economy of Russia – the main reason for informal employment // Lifestyle of the population of the regions of Russia. – 2017. – No. 1(203). – p. 8.
3. Kiselyov, I. Ya. Comparative and international labor law: Textbook for universities /I. Ya. Kiselyov.' M.: Delo, 2010. – 218s.
4. Maltseva, D.S. The Russian labor market: problems and prospects of development / D.S. Maltseva. // Modern scientific research and innovation. – 2017. – N 4.- C. 453–457.
5. Makhovikova, G.L. Economic theory / G.A. Makhovikova, G.M. Tukasyan, V.V. Amosova. – 4th ed., reprint. and additional. – M.: Yurayt Publishing House, 2018. – 443 p.
6. Selimova, S.A. Problems of the labor market in the Russian Federation and the directions of their solution / S.A. Selimova. // Scientific community of students: materials of the IX International, student Scientific and Practical Conference, Cheboksary, May 31, 2016 / editorial board: O.N. Shirokov [et al.l – Cheboksary: CNS "Interactive Plus", 2016. pp. 229–233.

Социальная реабилитация военнослужащих, участников СВО и их семей

Кокорева Марина Евгеньевна,
к.с.н., доцент кафедры социальной работы ИКПСР ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова»
E-mail: malinka7171@mail.ru

В статье рассматриваются основные аспекты организации социальной реабилитации военнослужащих, участников СВО и их семей. Программа социальной реабилитации для участников военных операций и их семей представляет собой комплекс действий, целью которых является поддержка активного образа жизни данных лиц, а также обеспечение мер по предотвращению отрицательных эффектов и социальных проблем, связанных с их положением, облегчение процесса их адаптации в общество. Люди, принимавшие участие в боевых действиях, часто испытывают трудности с адаптацией и склонность к социальному исключению, преодолеть которые без профессиональной поддержки почти невозможно. Оказание социальной поддержки вовремя помогает семьям, затронутым военными действиями, быстрее преодолеть кризисные моменты в их жизни.

Ключевые слова: реабилитация; военнослужащие; специальная военная операция; социальная реабилитация.

Часто бывает так, что после возвращения из областей, где происходят боевые действия, военные ощущают себя в особом психологическом состоянии, известном как «примитивный патриотизм», когда их восприятие морали становится крайне двоичным, разделяя все на категории «хорошее» и «плохое». Такие люди могут ощущать резкое чувство дезориентации и дискомфорта, пытаясь адаптироваться к обычной жизни, что иногда называют «синдромом возвращения». Однако отсутствует устойчивая система психологической поддержки для их реабилитации. Это также затрагивает их семьи, которые сталкиваются с трудностями в принятии изменившегося поведения военнослужащего, в результате чего могут возникать внутрисемейные разногласия.

Что делать в этой ситуации и куда обратиться тем, кто столкнулся с такой серьезной проблемой?

Одним из решений может выступать создание уникального общественного пространства, предназначенного для постепенной интеграции участников специфической военной миссии в социум, поддерживающего их семьи и предоставляющего поддержку семьям, потерявшим близких в процессе выполнения этой миссии [1].

В текущем законодательстве, конкретно в законе «Об основах социального обслуживания граждан», указано, что российским гражданам в случае необходимости предоставляется помощь, включая психологическую, образовательную, юридическую, социальную и другие виды поддержки.

Приказом Минздрава «О психологической и психиатрической помощи в чрезвычайных ситуациях» [3] установлен порядок ее оказания во время ЧС.

Задачи, которые выполняли действующие военнослужащие негативно сказывались на их здоровье, дают право на медико-психологическую реабилитацию продолжительностью до 30 суток согласно закону «О статусе военнослужащих» [2]. Возникновение более актуальной проблемы реабилитации участников СВО в санаторно-курортных учреждениях.

Вовлечение в зону боевых операций глубоко затрагивает психику индивида, вызывая значительные и стойкие изменения в его внутреннем мире. Эти последствия могут долгосрочно влиять на человека, причиняя психологические травмы, которые мешают нормальной жизнедеятельности в условиях мира. Также круг пострадавших расширяется за счет близких участников конфликтов, испытывающих отдачу от переживаний своих родных.

Исследования, проведенные специалистами в области военной медицины и психологии, показывают, что опыт, полученный в ходе участия в боевых действиях, может привести к так называемому кризису идентичности у военнослужащих после возвращения к гражданской жизни, выражающемуся в потере уверенности в себе и своем месте в обществе.

Такой эффект выражается через затруднения, с которыми сталкиваются лица, участвующие в конфликтах, когда речь идет о надлежащем ведении себя в условиях сложных социальных связей, основанных на внутреннем развитии идентичности. Часто эти индивидуумы теряют заинтересованность в жизни общества, у них уменьшается энтузиазм для решения собственных критически значимых задач. Также не редкость утрата способности и стремления к эмоциональной связи с остальными.

По мнению специалистов из военно-медицинской академии, проблемы, с которыми сталкиваются бывшие военнослужащие, включают страх (57%), демонстративное поведение (50%), агрессию (58,5%) и подозрительность (75,5%). Их поведение характеризуется конфликтами с семьей, коллегами, а также вспышками гнева, злоупотреблением алкоголем и наркотиками. Исследования показывают, что около 70% солдат, отправленных на службу в зону боевых действий в регионах, таких как Афганистан, Карабах, Абхазия, Таджикистан и Чечня, сталкиваются с психическими расстройствами. У высшего командного состава, включая офицеров и прапорщиков, этот процент немного ниже. Около 15–20% бывших участников этих конфликтов страдают от долгосрочных последствий травм, причем наиболее обычной является травма, полученная в бою. Такие травмы не только оставляют физические, но и глубокие психологические следы, повлиявшие на формирование уникальных семейных уз и жизненных путей, оказывая воздействие на жизни не только самих военнослужащих, но и их близких, а также на общество в целом.

В результате соцопроса, проведенного среди ветеранов, участвовавших в конфликте на территории Чечни, выяснилось, что один из четырех сталкивается с проблемами взаимодействия с коллегами на рабочем месте, при этом каждый второй участник опроса указал на то, что его трудовая биография включает период, когда он сменил работу три или четыре раза [6, с. 56].

Вопреки многим мерам поддержки, предоставленным правительством, семьи и сами участники военных действий сталкиваются с множеством психологических и социальных вызовов. В процессе адаптации к условиям военной операции, бойцам необходимо освоить новые жизненные правила, отказавшись от прежних устоявшихся ценностей и образов поведения. Это создаёт для них ряд внутренних конфликтов и напряжений, поскольку они вынуждены балансировать между привычным образом жизни и требованиями, накладываемыми их новой ролью на фронте.

Не обнаружение определенного вида проблем на ранней стадии может стать основой для развития конфликтов между людьми, что, в свою очередь, может снизить самооценку, привести к потере ориентиров в ценностях, а также вызвать психологическое давление как в коллективе военнослужащих, так и в домашней обстановке у участников СВО. Важно подчеркнуть, что проблематика, с которой сталкиваются участники боевых действий, часто коренится в особенностях их службы. Ведь военная деятельность подразумевает работу в экстремальных или рискованных условиях, где постоянный доступ к оружию и специализированной технике играет не последнюю роль.

Изучения, проведенные Ю.И. Андриенко и В.В. Богмацером, показывают, что продолжительное пребывание в условиях экстремального давления и опасности может серьезно истощить психологическое состояние военных. Это истощение часто выражается через потерю интереса к жизни, снижение способности ощущать эмоции и повышенную раздражительность. Военные, долгое время находящиеся в зоне боевых действий и часто контактирующие с оружием, могут начать неправильно оценивать уровень угрозы, что еще больше углубляет психологические проблемы. В попытках вернуть утраченные ощущения, они могут искать опасные ситуации, рискуя своей жизнью, что, в свою очередь, повышает риск развития зависимостей и появления мыслей о самоубийстве [4, с. 58].

Часто лица, участвовавшие в военных конфликтах, подвержены развитию патологических привычек, таких как химическая зависимость или стремление к рискованным действиям, провоцирующим высвобождение адреналина. Эти негативные привычки могут привести не только к ухудшению физического здоровья, но и к снижению общей продолжительности жизни из-за таких факторов, как боевые травмы, серьезные заболевания, а также психологические проблемы вроде посттравматических стрессовых расстройств. Эти условия часто сопровождаются отклонениями в поведении, включая злоупотребление алкоголем, наркотиками и повышенный риск самоубийств. Важно активно вмешиваться, предлагая стратегии для замены вредных зависимостей поведением, которое получает общественное признание и поддержку, для предотвращения дальнейшего ущерба здоровью и благополучию ветеранов [8, с. 102]. К этим действиям можно активно привлекать социальных координаторов.

В исследовании, проведенном В.В. Фаттаховым, выявлено, что возвращение из зоны боевых действий сопровождается для военнослужащих рядом психоэмоциональных трудностей. Изменения во внутреннем состоянии, такие как нестабильность настроения, всплески гнева и неуправляемая агрессия, способствуют возникновению конфликтных ситуаций как в личной жизни, так и на работе, а также приводят к противоречиям с законом. Фаттахов также отмечает, что у некоторых бывших участников военных действий может возникнуть чувство разочарования по отношению к прежней, обыденной жизни и межличностным отношениям, которые кажутся им непривычно отличными от тех, к которым они привыкли в военной среде [9, с. 145].

Люди начинают проявлять большую предрасположенность к уединению, замечая у себя уменьшение желания общаться. Это ведет к отстранению от внешнего мира и повышенному фокусу на личных внутренних ощущениях.

В основе поддержки для тех, кто участвует в боевых действиях, лежит их семья, являющаяся ключевым источником внешней помощи. Такие семьи сталкиваются не только со стандартными бытовыми проблемами, но и с трудностями, связанными с военной службой. Изменения в распределении ролей между супругами из-за долгого отсутствия одного из них могут привести к конфликтам и напряженности, когда одному партнеру приходится брать на себя дополнительные обязательства и ответственность.

Сложности также возникают вне семейного круга. Общество может негативно реагировать на изменения в поведении ветеранов, например, на их склонность к повышенной реакции или использованию громкого тона в общении, что часто является следствием ПТСР. Эти изменения добавляют напряженности в отношения внутри семьи, усиливая вызовы, связанные с пониманием и принятием новых поведенческих моделей участника боевых действий.

Семьи и близкие люди тех, кто участвует в СВО, сталкиваются с необходимостью адаптации к изменённым жизненным реалиям, осваивая техники общения с теми, кто переживает последствия посттравматического стрессового расстройства. В свою очередь, эти участники могут столкнуться с целым спектром проблем, способных привести к негативным последствиям, включая ухудшение физического и психического здоровья, социальную изоляцию, уменьшение продолжительности и качества жизни, развитие депрессивных состояний и психических нарушений, зависимости, семейные конфликты и отсутствие понимания со стороны общества.

Игнорирование потребностей ветеранов и их семей, а также отсутствие их интеграции в социальную сфе-

ру, может привести к увеличению преступности. Это относится к насильственным преступлениям, проблемам, возникающим из-за долгих разлук, и инцидентам, вызванным алкогольным влиянием. Кроме того, существует риск того, что преступные круги могут эксплуатировать боевые навыки и знание оружия бывших бойцов для своих целей.

Оказание комплексной социальной помощи членам семей участников СВО началось в 2022 году. Поддержку получили свыше 23,5 тыс. человек, специалисты различных профилей, в том числе и специалисты по социальной работе помогли решить почти 96% возникших вопросов.

В апреле 2022 года в Москве, в рамках двух подразделений Центрального клинического военного госпиталя, именуемого в честь А.А. Вишневского, начал свою работу уникальный центр. Этот центр объединил в себе как возможности по реабилитации и протезированию, так и предложения образовательной программы для улучшения профессиональных навыков среди определенных групп военнослужащих, пострадавших в результате боевых действий на Украине. Так, он стал первым в своем роде учреждением, цель которого – предоставление комплексной социальной поддержки ветеранам, сочетающей физическое восстановление и профессиональное переобучение.

В рамках реабилитационных программ, нацеленных на восстановление как физического, так и медицинского благополучия, активно применяются передовые практики. Это включает в себя широкий спектр терапевтических упражнений разнообразные сессии лечебной гимнастики, а также более сорока различных физиотерапевтических процедур. Кроме того, в программу включена работа специалистов по социальной работе (по направлению «Социальный координатор), которые уделяют особое внимание индивидуализированному подходу, который не ограничивается только медицинскими аспектами. Он также включает в себя адаптацию к будущей профессиональной деятельности, специфические условия прохождения службы, предоставление социальных льгот, гарантий и поддержку в вопросах жилищного обеспечения [5, с. 4].

Для достижения целей социальной реабилитации участников СВО и их семей необходимо организовать комплекс специальных мероприятий.

1. Создание центра дневного пребывания для комплексной реабилитации участников СВО и членов их семей, на базе которого будут осуществляться меры психологической поддержки, в том числе подготовка семей к возвращению участника СВО из зоны боевых действий, проводиться занятия по лечебной физкультуре, оказываться содействие в переобучении и трудоустройстве, центр будет способствовать посещению целевыми группами учреждений культуры, физкультурной направленности, культмассовых и др. мероприятий. Созданный на базе центра семейный клуб «Счастливы вместе» будет способствовать организации совместного досуга семей участников СВО.

2. Оказание психологической помощи детям участников СВО; работа психологов с педагогическим составом школ (классными руководителями), в которых обучаются такие дети. Для этого будет организована переподготовка и повышение квалификации психологов, специалист по социальной работе по направлению «Социальный координатор».

3. Вовлечение целевых групп в деятельность военно-патриотических объединений, общественных организаций.

4. Консультации узких специалистов-врачей.

5. Содействие в санаторно-курортном лечении участников СВО и членов их семей.

6. Организация шефской помощи участникам СВО и членам их семей.

7. Создание службы социального такси.

8. Оказание адресной помощи участникам СВО и членам их семей.

Внедрение определенных действий оказывает положительное влияние на улучшение физического и ментального благополучия участвующих в специальной военной операции, а также стимулирует активное участие граждан в деятельности, направленной на поддержание участников этой операции, их семей, а также близких павших военнослужащих. Это говорит о значительной потребности в предоставлении специализированных услуг и помощи для людей, принимающих участие в боевых действиях, поскольку они относятся к группе, имеющей четкие требования к социальной поддержке.

Люди, задействованные в специальных военных операциях, часто испытывают сложности с приспособлением как к внешним условиям жизни, так и к внутренним изменениям, включая принятие новой роли в социуме и адаптацию к измененным формам коммуникации, что в результате может снижать их социальную активность. Важно предотвратить ухудшение условий жизни военнослужащих и их семей, для чего требуется разработать эффективный план социальной реабилитации. Это подразумевает организацию систематической работы в социальных учреждениях, понимание социально-психологических особенностей как самих участников, так и их близких, а также оперативное обнаружение и решение возникающих социальных проблем. В этом контексте особую роль играет использование разнообразных методов и инновационных подходов в социальном обслуживании этой группы лиц.

Для успешной реабилитации участников СВО и их семей важно создать эффективные механизмы социальной поддержки, обеспечить необходимые условия для адаптации и реабилитации. Кроме того, необходимо предоставить квалифицированную помощь и социально-психологическую поддержку, организовать социальное сопровождение и консультативную помощь. Главная цель – обеспечить социальную адаптацию и интеграцию участников СВО и их семей в общество [7, с. 3].

Важно акцентировать на необходимости непрерывного взаимодействия с ветеранами боевых действий и их семьями, учитывая, что тяжелые последствия, такие как боевой стресс и ПТСР, могут проявляться через значительное время после пережитых событий. Осведомленность о доступности немедленной помощи – медицинской, социальной и психологической – критически важна для ветеранов и их близких.

Социальные учреждения играют ключевую роль в процессе социальной реабилитации, служа эффективной адаптационной средой для ветеранов, позволяя не только ответить на их уникальные потребности, но и предоставить необходимую поддержку в преодолении последствий травм, восстановлении социальных связей и возвращении к полноценной жизни в обществе.

Таким образом, оказывая социальную поддержку и проводя реабилитационные мероприятия, специализированные учреждения могут существенно повысить качество жизни военнослужащих и их близких, нацелившись на укрепление их психологического благополучия, обеспечение необходимой помощи, а также на упрощение процесса социальной интеграции. Это способствует преодолению кризисных периодов в жизни данных семей. Развитие и предоставление специализированных социальных услуг для этой категории граждан становит-

ся приоритетным направлением в деятельности служб социальной поддержки. Интеграция в единое социальное пространство дает возможность военным и их семьям не только адаптироваться и преодолевать стрессовые ситуации, но и восстанавливать привычный ритм жизни, ощущая себя важной частью общества.

Литература

1. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (последняя редакция). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/
2. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (последняя редакция). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18853/
3. Приказ Минздрава РФ от 24.10.2002 № 325 «О психологической и психиатрической помощи в чрезвычайных ситуациях». – URL: https://base.garant.ru/4178694/#friends
4. Андриенко Ю.И., Богмацер В.В. Оценка морально-психологического состояния курсантов // Проблемы правоохранительной деятельности. 2014. № 2. С. 56–59.
5. Бонкало Т.И. Комплексная реабилитация участников специальной военной операции на Украине: дайджест январь-февраль 2023 [Электронный ресурс] / Т.И. Бонкало. – Электрон. текстовые дан. – М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023. – URL: https://niioz.ru/moskovskayameditsina/izdaniya-nii/daydzhest-meditsinskiy-turizm-i-eksport-meditsinskikh-uslug/. – Загл. с экрана. – 39 с.
6. Ведерников Г.А. Этика войны и моральная травма. Анализ личного морального опыта ветеранов Афганской и Чеченской войн // Общество: философия, история, культура. 2022. № 12. С. 55–63.
7. Организация работы с участниками специальной военной операции и членами их семей на базе учреждений социального обслуживания населения: методическое пособие для специалистов учреждений социального обслуживания населения. – Красноярск КГКУ «Ресурсно-методический центр системы социальной защиты населения», 2023. – 112 с.
8. Фаттахов В.В., Демеченкова Г.З., Якупов М.С., Максумова Н.В. Качество жизни ветеранов войны в Афганистане 20 лет спустя // Общественное здоровье и здравоохранение. 2009. С. 100–104.
9. Щеглова Е.С., Суркова И.Ю. Динамика проявления военного синдрома: структурно-функционалистская перспектива // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2010. № 1 (22). С. 145–151.

SOCIAL REHABILITATION OF MILITARY PERSONNEL, MEMBERS OF THE ARMED FORCES AND THEIR FAMILIES

Kokoreva M.E.
Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov

The article discusses the main aspects of the organization of social rehabilitation of military personnel, members of the SVO and their families. The social rehabilitation program for participants in military operations and their families is a set of actions aimed at supporting the active lifestyle of these individuals, as well as providing measures to prevent negative effects and social problems associated with their situation, facilitating the process of their adaptation to society. People who took part in the fighting often experience difficulties with adaptation and a tendency to social exclusion, which are almost impossible to overcome without professional support. Providing social support on time helps families affected by military operations to overcome crisis moments in their lives faster.

Keywords: rehabilitation; military personnel; special military operation; social rehabilitation.

References

1. Federal Law of December 28, 2013 No. 442-FZ “On the fundamentals of social services for citizens in the Russian Federation” (latest edition). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/
2. Federal Law of May 27, 1998 No. 76-FZ “On the status of military personnel” (latest edition). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18853/
3. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated October 24, 2002 No. 325 “On psychological and psychiatric care in emergency situations.” – URL: https://base.garant.ru/4178694/#friends
4. Andrienko Yu.I., Bogmatser V.V. Assessment of the moral and psychological state of cadets // Problems of law enforcement. 2014. No. 2. pp. 56–59.
5. Bonkalo T.I. Comprehensive rehabilitation of participants in a special military operation in Ukraine: digest January-February 2023 [Electronic resource] / T.I. Bonkalo. – Electron. text data – M.: State Budgetary Institution “NIIOZMM DZM”, 2023. – URL: https://niioz.ru/moskovskayameditsina/izdaniya-nii/daydzhest-meditsinskiy-turizm-i-eksport-meditsinskikh-uslug/. – Cap. from the screen. – 39 s.
6. Vedernikov G.A. The ethics of war and moral injury. Analysis of the personal moral experience of veterans of the Afghan and Chechen wars // Society: philosophy, history, culture. 2022. No. 12. pp. 55–63.
7. Organization of work with participants in a special military operation and members of their families on the basis of social service institutions: a methodological manual for specialists in social service institutions. – Krasnoyarsk KSKU “Resource and Methodological Center for the System of Social Protection of the Population”, 2023. – 112 p.
8. Fattakhov V.V., Demechenkova G.Z., Yakupov M.S., Maksumova N.V. Quality of life of veterans of the war in Afghanistan 20 years later // Public health and healthcare. 2009. pp. 100–104.
9. Shcheglova E.S., Surkova I. Yu. Dynamics of manifestation of the military syndrome: a structural-functionalist perspective // Bulletin of the Volga Academy of Public Service. 2010. No. 1 (22). pp. 145–151.

Управленческая модель менеджеризма в здравоохранении: проблемы функционирования санаторно-курортного лечения

Михайлюк Александрина Анатольевна,
старший преподаватель кафедры КИУП, аспирантка Института повышения высшей квалификации, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
E-mail: aleksandrina-87@bk.ru

В статье рассмотрены основные черты и принципы менеджеризма как управленческой модели и новой идеологии. Выделены основные его функции как идеологии, которые реализуются в российских социальных институтах. Обозначены основополагающие принципы менеджеризма, проявляющиеся в стремлении к достижению показателей, стимулированию конкуренции, имитационным практикам, появлению нового социального класса менеджеров. Определена социальная значимость института здравоохранения, в частности, особое внимание уделяется санаторно-курортному лечению как одному из главных способов повышения и восстановления трудоспособности населения. Нормативно-правовые акты показывают особое внимание и вовлеченность государственных институтов в проблемы социального сектора здравоохранения, стремление к восстановлению санаторно-курортных организаций и практики широкомасштабного отдыха населения. Однако, остается открытым вопрос о целесообразности применения менеджеризма как управленческой модели в управлении санаторно-курортным лечением в той форме, которая функционирует на данный момент. Результатом исследования стали выводы о широкомасштабном использовании управленческой модели менеджеризма в социальном институте здравоохранения и его достаточно прочной позиции в данной отрасли, а так же установлена необходимость продолжения проведения научного исследования функционирования менеджеризма в санаторно-курортном лечении.

Ключевые слова: управленческая модель, менеджеризм, управление, эффективность, здравоохранение, санаторно-курортное лечение, социальные институты.

Социальная защита населения государством является одним из самых существенных требований разумной политики, направленной на создание равновесного состояния всех слоев общества [19, с. 41]. Современные тенденции в социальной политике нашей страны направленны на необходимость усиленной разработки мер и комплексов действий по поддержанию и восстановлению здоровья населения, осознании здоровья как ценности [9, с. 20]. Вектор данной позиции задан прежде всего федеральными законами и соответствующими подзаконными актами [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Санаторно-курортное лечение один из ключевых факторов, повышающий здоровье нации и определяющий прочность государства, позволяющий восстановить здоровье и вернуть качество жизни человека. Как и любая деятельность, санаторно-курортное лечение функционирует по определенным принципам и управленческим моделям. Сегодня научным сообществом выделена управленческая модель менеджеризма, к исследованию которой мы обратимся в социальном институте здравоохранения, а именно в одном из самых значительных его составляющих санаторно-курортном лечении.

Менеджеризм на сегодняшний день абсолютно укоренился как управленческая модель в российских социальных институтах и может быть охарактеризован как полноценное идеологическое течение, поскольку представляется возможным выделить главные его функции как идеологии [13, с. 23–35; 14, с. 331–336; 16, с. 24–32]. Во-первых мобилизационная, которая выражается в масштабном распространении на все социальные сферы, «власти направляют мобилизационные усилия на то, чтобы менеджеристские ценности стали поведенческими установками по всем видам профессиональной деятельности» [15, с. 29]. И во-вторых легитимизационная, транслирующая стремление властей укрепить законодательно менеджеристскую модель управления. «Формальные рамки менеджеристской политики в России активно создаются в течение последних 15 лет. Органы власти постоянно модифицируют технологии оценки эффективности» [15, с. 29].

Его актуализация в нашей стране обусловлена изначально происходившими политическими и социально-экономическими трансформациями в постперестроечный сложнейший период для всего российского социума. Социальные акторы, принимавшие в тот момент важнейшие решения по предстоящему направлению развития целой страны, уже стремительно и радостно встречающей любые прозападные инновации, приходят к выводу о необходимости срочного и глобального реформирования всей социальной сферы. Предшествующая система управления социальными институтами выглядит на тот момент устаревшей, не отвечающей современным тенденциям и потребностям быстро трансформирующейся демократической России. Патернализм, как основополагающее свойство государственной политики, воспринимается исключительно в виде механизма, тормозящего развитие и рост, препятствующего развитию конкуренции, одним словом мешающего построению рыночной экономики. В результате внедренные изменения привели к тому «что российское общество оказалось в ситу-

ации «социального пата», упущен шанс рациональной постсоциалистической трансформации и общество находится в состоянии социальной дезинтеграции и социокультурного шока» [12, с. 248]. Данный вывод А.В. Дятлова, сделанный уже около двадцати лет назад, не теряет своей актуальности и сегодня. Страна, в попытках прийти в себя после хаоса и невзгод 90-х годов, получает новое направление по внедрению инициативы по управлению социальной сферой как афтершок после происходящих потрясений. Именно менеджеризм и стал тем нововведением, которое стремились насадить в управлении социальной сферой для повышения эффективности функционирования и снижения бюджетных затрат.

Современная тенденция государственной политики в стране достаточно четко просматривается в направлении поддержания и укрепления здоровья населения, снижения демографических потерь и роста рождаемости, что напрямую отражено в отечественной нормативно-правовой базе [1; 2; 4; 6]. Институт здравоохранения воплощает свое социальное предназначение в виде сохранения и поддержания здоровья, поддержания и восстановления трудоспособности. Реализация данных основополагающих векторов государственной социальной политики на уровне института здравоохранения гарантирует достижение общегосударственных результатов в экономической сфере. Уровень реализации основных задач здравоохранения по поддержанию здоровья, воспроизводству рабочей силы и трудоспособности, воздействует на общество в большей мере чем непосредственно экономика, по данной логике находящаяся в прямой зависимости от здравоохранения.

Рассматриваемый в нашем исследовании менеджеризм в социальном институте здравоохранения в своих основаниях опирается на общеизвестные принципы функционирования в мировой практике использования данной модели. Зародившись как управленческая модель в западных бизнес-корпорациях, менеджеризм является по сущности своей побратимом менеджмента, чьи основные черты он заключил в себе. Однако, менеджеризм устремлен к воздействию на социальные сферы, одна из которых – это здравоохранение. Повышение эффективности путем применения принципов менеджмента, показывающих свою жизнеспособность на примере управления коммерческими организациями [7, с. 5–6], в социальной сфере здравоохранения ожидается от использования менеджеризма. Прежде всего менеджеризм опирается на достижение показателей, которое рассматривается как способ достижения высокой эффективности. Показатели воплощают сущность менеджеристской идеологической модели, пронизывают смысл существования данной управленческой модели. Вся деятельность учреждений здравоохранения ориентирована на эффективные показатели, цифровое выражение. Цифры, количество, показатели становятся связующим звеном менеджеризма и технократии, где нивелируется значение гуманитарной компоненты в социальной сфере, и которая так же стремится к оценке по математическим индексам, техническому прогрессу, сосредоточению функций управления у технических специалистов и техники. Менеджеризм стремится к повышению показателей эффективности от деятельности учреждений здравоохранения, постоянно модифицируя сложившиеся «правила игры» в части оказания медицинских услуг на основе современных технологий, в т.ч. айти разработок [18, с. 1586].

Социальная значимость предоставления санаторно-курортного лечения для населения страны неоднократно была выделена на самых высоких уровнях правительственных организаций и социальных акторов. Опыт широкомасштабного использования санаторно-курортного лечения в восстановлении трудоспособности, поддержания здоровья, приобретенный в Советском Союзе, на сегодняшний день в полной мере оценен современным российским обществом и органами государственной власти и управления. На сегодня нормативно-правовые акты содержат прямой отсыл на необходимость разработки и внедрения мер по повышению уровня здоровья, демографическому росту [17]. Очевидно, что данные цели достижимы, в первую очередь, с помощью активной поддержки социального института здравоохранения в виде реанимирования санаторно-курортной отрасли. Пережив тяжелый период 90-х гг. XX в., санаторно-курортная отрасль потеряла более десяти тысяч санаторно-курортных организаций. Оставшиеся на сегодняшний день 2198 санаториев из 14000 в период Советского Союза оказались поставлены в рамки новой управленческой модели менежеризма. Несмотря на принятые меры администрации по поддержке и развитию института здравоохранения, санаторно-курортное лечение находилось полном упадке. Причиной тому послужила проводимая социально-экономическая политика, а так же изменение отношения в обществе к санаторно-курортному лечению. Санатории утратили свою привлекательность, поскольку для одной категории людей открылась возможность отдыха заграницей, а для другой категории отдых в санатории стал просто недоступен. Выделяется и третья категория, но немногочисленная, кто пользовался санаторно-курортным лечением по медицинским показаниям и соответствующим льготам, кто получал возможность поехать в санаторий от своей организации или ведомства. Менеджеризм оперирует основными принципами менеджмента и целенаправленно работает на выработку ценовых стратегий для достижения главной цели в виде повышения прибыли [8, с. 91]. Работа коммерческих организаций транслируется на здравоохранение, без учета возможных недостатков и последствий такого подхода.

Переход всей страны на рыночную модель с прицелом на дальнейшее экономическое развитие и, безусловно, коренное изменение в политической, социально-экономической, культурной и прочих сферах человеческой жизни [21, с. 18], проявился в отрасли здравоохранения в виде появления платной медицины, предоставления большого перечня медицинских услуг на платной основе, исключением не стал и санаторно-курортный отдых. Как следствие, мы получили неутешительную статистику по снижению уровня здоровья и продолжительности жизни среди населения, демографический спад. Безусловно, не только сокращение объёмов предоставления санаторно-курортного лечения отразилось на данных показателях. Дискурс вокруг проблематики необходимости государственного участия в регулировании санаторно-курортного лечения и обширного предоставления путевок и сегодня актуален. На данный момент преобладает позиция, соответствующая менеджеристским принципам управления, согласно которым влияние государства на деятельность и функционирование санаторно-курортных организаций сведено к минимуму, как видно в большей степени оно проявляется в законодательном регулировании. Однако и там происходят достаточно частные обновления по регулированию деятельности санаториев, что может говорить с одной стороны о полном отсутствии стабильно работающего закона, отвечающего современным требованиям по этой отрасли, либо об активной работе администрации в поиске путей совершенствования и продвижениях позиций санаторно-курортных организаций. Крупнейшая конференция, I Всероссийский конгресс «Современные

технологии сохранения здоровья населения Российской Федерации», проведенная Федеральным научным клиническим центром медицинской реабилитации и курортологии ФМБА России весной 2024 г., рассматривала в рамках отдельных сессий вопросы о необходимости возобновления практики широкомасштабного применения санаторно-курортного лечения. Событие проходило с участием ведущих научных специалистов, представителей медицинского сообщества и профильных министерств и ведомств [20]. По итогам данного конгресса, можно сделать вывод об однозначном единодушии в вопросах восстановления санаториев, возрождения забытой традиции санаторно-курортного отдыха в России, выделяется главенствующая роль всего института здравоохранения и санаторно-курортного лечения как его части по поддержанию здоровья, восстановлению трудоспособности населения страны [10, с. 43; 11, с. 44]. Однако, параллельно активно продолжает внедряться политика менеджеризма в лучших своих традициях. Санаториям предлагается вести хозяйственную деятельность, привлекать инвесторов, искать самостоятельно средства на развитие, нанимать аутсорсинговые агенства по привлечению потока отдыхающих. В качестве примера приводится продуктивная работа одного из санаториев, однако представитель лечебной организации окончательно не озвучил как он смог получить дополнительные средства, что говорит либо о нежелании делиться опытом с конкурентами, ведь менеджеризм приветствует и поддерживает конкуренцию, либо все-таки играют роль личные связи и материальная выгода для инвесторов и получить материальное финансирование не так уж и просто даже для государственных санаториев. Тем не менее, стоит отметить, что при сохранении данной позиции по предоставлению санаториям статуса коммерческих организаций, государство может утратить свою социальную значимость в регулировании вопросов санаторно-курортного лечения.

Одним из принципов менеджеризма выделяется стимулирование конкуренции среди организаций, то есть санаториев. Поддержание конкуренции среди санаторно-курортных организаций, между врачами рассматривается как возможность продвижения, принятая из рыночной экономики.

Стремление достичь поставленных показателей приводит к росту имитационных практик, что стало значительной проблемой в сфере санаторно-курортного лечения. Социальные акторы зачастую занимаются лишь соблюдением формальностей, страдает при этом качество выполняемой работы. Обеспечивая норматив по занятости койки или показатели внедрения новых медицинских технологий, никто не озадачен качеством оказываемых услуг, аналитикой необходимости нововведений и общей способностью ими рационально воспользоваться. Закупая технические новинки, санаторно-курортная организация может просто не иметь специалистов для обслуживания или средств для закупки запчастей, но фактически показатели выполнены, произошло обновление технологий, а значит начислены дополнительные баллы в рейтинге.

Как и любое идеологическое течение, менеджеризм порождает со временем своих выгодоприобретателей, новую социальную группу, которые на сегодняшний день практически выделились в отдельный социальный класс – менеджеры. Главной целью менеджеров, как и в бизнес структурах, является повышение прибыли и собственные карьерные успехи, что является характеристикой как корпоративной технологии управления. Сегодня мы все чаще встречаем во главе управления санаторно-курортным учреждением менеджеров, стремящихся к эффективному выполнению показателей, но не имеющих профессионального отношения к медицине и санаторно-курортному лечению.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что управленческие технологии менеджеризма заимствованы из менеджмента коммерческих организаций с условием полного соблюдения принципов применения в социальных институтах. Менеджеризм сегодня имеет достаточно крепкие позиции в отношении применения его канонов в социальной сфере. Здравоохранение, будучи основополагающим социальным институтом по обеспечению роста национальной экономики, под воздействием менеджеризма слишком слабо справляется с данной глобальной ролью. Приоритетными направлениями по развитию России в первую очередь считаются проекты по здравоохранению, способствующие повышению здоровья населения и продолжительности жизни. Менеджеризм, будучи плохо адаптированным под российские условия не только экономические, но социальные в первую очередь, до сих пор не нашел для себя оптимального применения. Преследуя основными целями повышение прибыльности, стимулируя конкуренцию между санаториями, как в любом коммерческом предприятии, менеджеризм в санаторно-курортном лечении может привести в результате к значительным негативным последствиям, что отразится на уровне значимости социальной сферы. Необходимо дальнейшее изучение воздействия управленческой модели менеджеризма на социальный институт здравоохранения и его неотъемлемой части санаторно-курортное лечение с целью выявления возможностей по его оптимизации и снижению негативного воздействия.

Литература

1. О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах: Федеральный закон от 23.02.1995 № 26-ФЗ (посл. ред.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/7566 (дата обращения: 12.04.2024).
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 № 323-ФЗ (посл. ред.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minzdrav.gov.ru/documents/7025 (дата обращения: 12.04.2024).
3. Указ Президента РФ от 16 марта 2015 № 136 «О некоторых вопросах Управления делами Президента Российской Федерации» (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/70891980/ (дата обращения: 12.04.2024).
4. Стратегия развития санаторно-курортного комплекса Российской Федерации: утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 26.11.2018 № 2581-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/KetnqpARr0nt6bA2F3wZe1dHjsA5aWDb.pdf (дата обращения: 12.04.2024).
5. Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных государственных учреждений, находящихся в ведении Министерства здравоохранения Российской Федерации, и их руководителей: Приказ Министерства здравоохранения РФ от 29.04.2020 № 387н [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74126445/ (дата обращения: 12.04.2024).
6. Об утверждении Порядка организации санаторно-курортного лечения: Приказ Министерства здравоохранения РФ от 5.05.2016 № 279н [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/

products/ipo/prime/doc/71327710/ (дата обращения: 12.04.2024).
7. Барков С.А., Денильханов А.Х. Формы организации бизнеса: Монография. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2015. – 472 с.
8. Баркова А.С., Прончев Г.Б. Моделирование туристической активности населения на базе Интернет-запросов пользователей // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. № 2. – С. 90–101.
9. Бузина Т.С., Бузин В.Н. Социально-психологические аспекты лечебного процесса // Профилактическая медицина. 2018. Т. 21. № 4. – С. 20–24.
10. Глухов А.Н., Архангельский В.А. О некоторых проблемах сохранения природных лечебных ресурсов на федеральных курортах Кавказских Минеральных Вод // Современные технологии сохранения здоровья населения Российской Федерации. I Всероссийский Конгресс 8–9 апреля 2024 г.: Сборник докладов. – М.: изд-во «БОС», 2024. – С. 43.
11. Глухов А.Н., Архангельский В.А. О сохранении курортного наследия (на примере курортов Кавказских Минеральных Вод) // Современные технологии сохранения здоровья населения Российской Федерации. I Всероссийский Конгресс 8–9 апреля 2024 г.: Сборник докладов. – М.: изд-во «БОС», 2024. – С. 44.
12. Дятлов А.В. Социальные ресурсы развития российского общества: Дисс. … д.с.н. – Ростов-на-Дону. 2005. – 268 с.
13. Дятлов А.В., Ковалев В.В., Асланов Я.М. Методологический конструкт исследования менеджеристских инструментов обеспечения эффективности муниципального управления. Вестник ЮРГТУ (НПИ). // 2021. № 4. – С. 23–35.
14. Иванцов М.В. Менеджеризм как идеологический императив современного государственного управления // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 6. –С. 331–336.
15. Ковалев В.В., Дятлов А.В. Идеология менеджеризма в российских социальных институтах: образование, наука, здравоохранение // Вестник университета. 2023. № 7. – С. 24–32.
16. Кошкин П.П. Новые трактовки менеджеризма в административной трактовке стран Запада // Общество: политика, экономика, право. 2007. № 1. – С. 46–58.
17. Минаков А.В., Иванова Л.Н. Оценка угроз в демографической сфере и их влияние на экономическую безопасность страны [Электронный ресурс] // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 7–1. – С. 52–60. – Режим доступа: https://vaael.ru/ru/article/view?id=1780 (дата обращения: 12.04.2024).
18. Монахов Д.Н., Прончев Г.Б. Политика цифровизации здравоохранения // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 6 (63). – С 1582–1592.
19. Рыжов В.Б. Правовые аспекты формирования социальной политики Европейского союза: история и современность // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2018 № 1 (9). – С. 40–55.
20. Современные технологии сохранения здоровья населения Российской Федерации. I Всероссийский Конгресс 8–9 апреля 2024 г.: Сборник докладов. –М.: изд-во «БОС», 2024. – 158 с.
21. Право и экономическое развитие: актуальные вопросы: Монография / В.Б. Батиевская, М.В. Келехсаева, Т.Е. Ситохова [и др.]; Гл. ред. Э.В. Фомин. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2023. – 196 с.

MANAGEMENT MODEL OF MANAGERIALISM IN HEALTH CARE: PROBLEMS OF FUNCTIONING OF SANATORIUM-RESORT TREATMENT

Mikhailyuk A.A.
Pyatigorsk state university

The article considers the main features and principles of managerialism as a management model and a new ideology. Its main functions as an ideology, which are implemented in Russian social institutions, are highlighted. The fundamental principles of managerialism, manifested in the desire to achieve indicators, stimulate competition, imitative practices, and the emergence of a new social class of managers, are outlined. The social significance of the health care institution is determined, in particular, special attention is paid to spa treatment as one of the main ways to improve and restore the working capacity of the population. Normative legal acts show special attention and involvement of state institutions in the problems of the social health sector, the desire to restore spa organizations and the practice of large-scale recreation of the population. However, the question of the advisability of using managerialism as a management model in the management of spa treatment in the form that currently functions remains open. The results of the study were the conclusions about the large-scale use of the managerial model of managerialism in the social institution of health care and its fairly strong position in this industry, and also the need to continue the scientific study of the functioning of managerialism in spa treatment was established.

Keywords: management model, managerialism, management, efficiency, health care, spa treatment, social institutions.

References

1. On natural healing resources, medical and recreational areas and resorts: Federal Law of February 23, 1995 No. 26-FZ (last edition) [Electronic resource]. – Access mode: http://www.kremlin.ru/acts/bank/7566 (date of access: 04/12/2024).
2. On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation: Federal Law of November 21, 2011 No. 323-FZ (last edition) [Electronic resource]. – Access mode: https://minzdrav.gov.ru/documents/7025 (date of access: 04/12/2024).
3. Decree of the President of the Russian Federation of March 16, 2015 No. 136 “On some issues of the Administration of the President of the Russian Federation” (with amendments and additions) [Electronic resource]. – Access mode: https://base.garant.ru/70891980/ (date of access: 04/12/2024).
4. Strategy for the development of the sanatorium and resort complex of the Russian Federation: approved by Order of the Government of the Russian Federation dated November 26, 2018 No. 2581-r [Electronic resource]. – Access mode: http://static.government.ru/media/files/KetnqpARr0nt6bA2F3wZe1dHjsA5aWDb.pdf (access date: 04/12/2024).
5. On approval of performance indicators of federal government institutions under the jurisdiction of the Ministry of Health of the Russian Federation and their heads: Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated April 29, 2020 No. 387n [Electronic resource]. – Access mode: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74126445/ (access date: 04/12/2024).
6. On approval of the Procedure for organizing sanatorium and resort treatment: Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated May 5, 2016 No. 279n [Electronic resource]. – Access mode: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71327710/ (access date: 04/12/2024).
7. Barkov S.A., Denilkhanov A. Kh. Forms of business organization: Monograph. – M.: IPO “At the Nikitsky Gates”, 2015. – 472 p.
8. Barkova A.S., Pronchev G.B. Modeling of tourist activity of the population based on Internet user requests // Mission of Confessions. 2022. T. 11. No. 2. – P. 90–101.
9. Buzina T.S., Buzin V.N. Social and psychological aspects of the treatment process // Preventive medicine. 2018. T. 21. No. 4. – P. 20–24.
10. Glukhov A.N., Arkhangelsky V.A. On some problems of preserving natural medicinal resources at the federal resorts of the

Caucasian Mineral Waters // Modern technologies for preserving the health of the population of the Russian Federation. I All-Russian Congress April 8–9, 2024: Collection of reports. – M.: publishing house “BOS”, 2024. – P. 43.
11. Glukhov A.N., Arkhangelsky V.A. On the preservation of resort heritage (on the example of the resorts of the Caucasian Mineral Waters) // Modern technologies for preserving the health of the population of the Russian Federation. I All-Russian Congress April 8–9, 2024: Collection of reports. – M.: publishing house “BOS”, 2024. – P. 44.
12. Dyatlov A.V. Social resources for the development of Russian society: Diss. … Doctor of Sciences – Rostov-on-Don. 2005. – 268 p.
13. Dyatlov A.V., Kovalev V.V., Aslanov Ya.M. Methodological construct for studying managerial tools for ensuring the efficiency of municipal government. Bulletin of SRSTU (NPI). // 2021. No. 4. – pp. 23–35.
14. Ivantsov M.V. Managerism as an ideological imperative of modern public administration // Social and humanitarian knowledge. 2010. No. 6. –P. 331–336.
15. Kovalev V.V., Dyatlov A.V. The ideology of managerialism in Russian social institutions: education, science, healthcare // University Bulletin. 2023. No. 7. – P. 24–32.
16. Koshkin P.P. New interpretations of managerialism in the administrative interpretation of Western countries // Society: politics, economics, law. 2007. No. 1. – P. 46–58.
17. Minakov A.V., Ivanova L.N. Assessment of threats in the demographic sphere and their impact on the economic security of the country [Electronic resource] // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2021. No. 7–1. – P. 52–60. – Access mode: https://vaael.ru/ru/article/view?id=1780 (date of access: 04/12/2024).
18. Monakhov D.N., Pronchev G.B. Policy of digitalization of healthcare // Issues of national and federal relations. 2020. T. 10. No. 6 (63). – From 1582–1592.
19. Ryzhov V.B. Legal aspects of the formation of social policy of the European Union: history and modernity // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. International law. 2018 No. 1 (9). – P. 40–55.
20. Modern technologies for preserving the health of the population of the Russian Federation. I All-Russian Congress April 8–9, 2024: Collection of reports. –M.: publishing house “BOS”, 2024. – 158 p.
21. Law and economic development: current issues: Monograph / V.B. Batievskaya, M.V. Kelekhsaeva, T.E. Sitokhova [and others]; Ch. ed. E.V. Fomin. – Cheboksary: Publishing House “Sreda” LLC, 2023. – 196 p.

Влияние мотивационных ориентиров в профессиональной деятельности учителя

Скрипкина Надежда Витальевна,
аспирант, Челябинский государственный университет
E-mail: nskripkina@list.ru

Мотивация учительского труда детерминирована целым рядом социальных условий, которые обеспечивают постоянство каждодневной деятельности педагогов и дальнейшее эффективное развитие системы образования. Мотивацию учительского труда не просто сформировать, но еще труднее удержать на уровне эффективного функционирования.
В статье уточнено понятие «мотивационные ориентиры» – разные составляющие, своеобразные указатели, помогающие определить нужное для поддержания мотивации направление движения, учитывающие комплексность учительского труда и побуждающие педагога к определенным действиям для достижения цели деятельности.
В ходе проведённого онлайн-опроса проанализированы методы организации деятельности, дифференциации понятий и выделения принципов, которыми руководствуется учитель во взаимодействии с учениками и поддержании их мотивации.
В результате исследования выделены ключевые мотивационные ориентиры учительского труда, которые позволяют определить приоритетные цели профессиональной деятельности. Раскрыты содержательная и целевая части мотивационных ориентиров, показана их роль в обеспечении внутреннего позитивного трудового настроя педагога.
Данные, полученные в ходе исследования, позволяют последовательно внедрять в структуру учительского труда такие изменения, которые бы способствовали поддержанию мотивации учителя и ученика.

Ключевые слова: мотивация, мотив, мотивационные ориентиры, труд, учительский труд, образовательная организация, ключевые мотивационные ориентиры учительского труда, внутренний позитивный трудовой настрой учителя.

Актуальность темы мотивации учительского и учебного труда детерминирована целым рядом обстоятельств, без которых не может существовать ни одно общество. А именно, без постоянной каждодневной деятельности педагогов и ученического труда общество не сможет обеспечить свое нормальное интеллектуальное воспроизводство и дальнейшее эффективное развитие.

Образовательная организация, которая заботится о своем имидже, заинтересована в качественном труде педагогических работников. Ключевыми факторами конкурентоспособности и имиджа образовательных организаций выступают реализация ценностей развития, формирование определенного отношения к качеству работы, к участникам образовательных отношений, поддержание и сохранение их мотивационного потенциала.

В поддержании и сохранении мотивационного потенциала педагогов большое значение имеют мотивационные ориентиры учительского труда. Это понятие выступает как сложный конструкт, позволяющий определить приоритетные цели профессиональной деятельности.

Так, ориентир – хорошо заметный на местности неподвижный предмет, помогающий определять направление движения, находить цель [7]. Ориентир: 1. Указатель, указательный прибор (спец.) – световой путеводный ориентир; 2. Характерный предмет на местности, с помощью которого легко разобраться, ориентироваться на местности (воен.). 3. перен. Направление деятельности, цель, установка, ориентация (нов.) [9].

Мотив – это нечто (явление, феномен), в современной теории мотивации определенно «недефинированное» («причина», «повод», «фактор», «материальный или идеальный предмет», «состояние возбуждения», «рациональное основание», «глобальная установка» и т.д.), побуждающее человека к определенным действиям. В основании мотива находятся потребности (осознанные феномены) и интересы (неосознанные феномены). Потребности и интересы, согласованные с мотивами, «вырастают» в мотивацию, «как совокупность движущих сил, побуждающих человека к осуществлению действий» [8, с. 16–17].

В социологическом подходе мотив является критерием для выделения деятельностей – учебной, трудовой и др. Конкретные деятельности соответствуют не одному мотиву, а сразу нескольким, т.е. являются полимотивированными. Мотив в тесной связи с потребностью выполняет функцию побуждения человека к активности. Деятельность обладает определенным строением, в ней выделяют простые и сложные действия, подчиненные сознательным целям, а также операции – способы выполнения действий, связанные с условиями достижения целей. По отношению к составляющим деятельности (простые и сложные действия, способы выполнения действий, связанные с условиями достижения целей) мотив выполняет функцию смыслообразования [8, с. 11].

Труд выступает главным атрибутом человека. Труд для человека – это осознанная необходимость, перешедшая в действие. О человеке в общем и частном смысле можно говорить лишь только тогда, когда он подавляющую часть времени находится в состоянии внутренне пе-

реживаемого трудового опосредования». Такое опосредование происходит тогда, «когда подавляющая часть времени, «рассчитанная» («отведенная») на жизнь человека, является свободной» [3, с. 262–273].

Мотивация учительского труда детерминирована целым рядом социальных условий, которые обеспечивают постоянство каждодневной деятельности педагогов и дальнейшее эффективное развитие системы образования. Мотивацию учительского труда не просто сформировать, но еще труднее удержать на уровне эффективного функционирования. И главным препятствием в выполнении данной задачи выступает, как ни странно, сам педагогический труд. Его специфичность обусловлена творческой и интеллектуальной составляющей профессиональной деятельности педагогов. А сложность труда учителя заключается в его комплексности, когда необходимо одновременно осуществлять воспитательную, учебно-методическую, научную и организационную деятельность и поддерживать такую систему отношений с учениками, которая позволяет проделывать эту работу эффективно.

Следовательно, мотивационные ориентиры учительского труда – это разные составляющие, своеобразные указатели, помогающие определить нужное для поддержания мотивации направление движения, учитывающие комплексность учительского труда и побуждающие педагога к определенным действиям для достижения цели деятельности.

Некоторые авторы данный феномен рассматривают как школьное образовательное пространство, влияющее на поддержание мотивации учителя к труду. Здесь важно, как функционирует это пространство «в контексте современных вызовов: личностно-ориентированного обучения, субъект-субъектного подхода к взаимодействию педагога и ученика, реализации методологии системно-деятельностного обучения, непрерывного развития личности и профессионализма учителя» [6, с. 250].

Состояние внутренне переживаемого трудового опосредования проявляется в отношениях, которые являются продуктом определенных социальных условий. В них проходит жизнь и деятельность педагога: формируется понятийный аппарат, оформляются ценностные аспекты и ориентиры учительского труда. Учитель выбирает методы организации деятельности, у него формируется собственный стиль, накапливается опыт общественного поведения. Это приводит к дифференциации понятий, характерных для педагогической деятельности, приверженности определенным принципам, которые задают направленность отношениям учителя с обучающимися.

В октябре-декабре 2023 года проведён онлайн-опрос социологического исследования мотивационных ориентиров учительского труда: анализ методов организации деятельности, дифференциации понятий и выделении принципов, которыми руководствуется учитель во взаимодействии с учениками и поддержании их мотивации.

Базой для исследования выступила МБОУ «Школа-интернат № 4 г. Челябинска» как опорная площадка муниципального инновационного проекта. В социологическом исследовании приняли участие 120 учителей образовательной организации.

Онлайн-опрос проведен с помощью Яндекс-формы, включал три направления.

Направление опроса 1.

Испытуемым предлагалось выделить те методы организации деятельности и формирования опыта общественного поведения, которые они используют для поддержания отношений с учениками. По данному опросу мы получили 432 ответа (табл. 1).

Таблица 1. Доли ответов респондентов относительно мотивационных ориентиров учительского труда: опрос 1.

Мотивационные ориентиры учительского труда: направление 1	Все опрошенные	
Всего опрошено человек	120	100,0%
НАПРАВЛЕНИЕ ОПРОСА 1		
Беседа	77	17,8
Упражнение	74	17,1
Педагогическое требование	62	14,4
Пример	52	12,0
Дискуссия	39	9,0
Поощрение	34	7,9
Соревнование	34	7,9
Диспут	28	6,5
Лекция	27	6,3
Наказание	5	1,2
Всего ответов	**432**	**100,0%**

Результаты опроса № 1 показали, что для поддержания отношений с учениками и организации деятельности, педагоги чаще используют такие методы, как беседа – 17,8%, упражнение – 17,1%, педагогическое требование – 14,4%, пример – 12%.

Реже педагоги практикуют дискуссию – 9%, поощрение, соревнование – по 7,9%, диспут – 6,5% и лекция – 6,3%. Наказание, как метод, используется редко – 1,2% (см. табл. 1).

Анализ количества ответов и сопоставление каждого из них относительно среднего показателя по направлению опроса, позволило определить ключевые мотивационные ориентиры учительского труда. Данные анализировались относительно среднего значения ответов по направлению опроса 1.

К ключевым мы относим такие методы, число выборов респондентами которых равно или больше среднего значения по данному направлению – 43.2. Это беседа, упражнение, педагогическое требование, пример.

Направление опроса 2.

Респондентам предлагалось дифференцировать понятия в системе отношений «педагог-дети», выбрать направления, в большей степени отвечающие приоритетным вопросам воспитания ученика. По данному опросу мы получили 560 ответов (табл. 2).

По результатам опроса № 2 в большей степени в вопросах воспитания ученика выделяют нравственное воспитание – 15,2%, умственное воспитание – 14,3% и всестороннее гармоничное развитие личности – 13,8%. На втором месте физическое – 11,3% и эстетическое воспитание – 10,4%. Третье место в опросе занимают такие направления, как гуманизация воспитания – 8,2%, воспитание гражданина – 7,9%, а также трудовое и политехническое воспитание – 7,5%, экономическое воспитание – 7,0%. Самые низкие позиции в системе отношений – демократизация воспитания – 4,6% (см. табл. 2).

Данные анализировались относительно среднего значения ответов по направлению опроса 2.

К ключевым мы относим такие направления воспитания и развития обучающихся, число выборов респондентами которых равно или больше среднего значения по данному направлению – 56.0. Это нравственное воспитание, умственное воспитание, всестороннее и гармоничное развитие личности, физическое воспитание и эстетическое воспитание.

Таблица 2. Доли ответов респондентов относительно мотивационных ориентиров учительского труда: опрос 2.

Мотивационные ориентиры учительского труда: направление 2	Все опрошенные	
НАПРАВЛЕНИЕ ОПРОСА 2		
Нравственное воспитание	85	15,2
Умственное воспитание	80	14,3
Всестороннее и гармоничное развитие личности	77	13,8
Физическое воспитание	63	11,3
Эстетическое воспитание	58	10,4
Гуманизация воспитания	46	8,2
Воспитание гражданина	44	7,9
Трудовое и политехническое воспитание	42	7,5
Экономическое воспитание	39	7,0
Демократизация воспитания	26	4,6
Всего ответов	**560**	**100,0%**

Направление опроса 3.

Испытуемым предлагалось выделить принципы, которыми руководствуется учитель во взаимодействии с учениками и поддержании их мотивации. По данному опросу мы получили 600 ответов (табл. 3).

Таблица 3. Доли ответов респондентов относительно мотивационных ориентиров учительского труда: опрос 3.

Мотивационные ориентиры учительского труда: направление 3	Все опрошенные	
НАПРАВЛЕНИЕ ОПРОСА 3		
Единство требований и уважение к личности ребенка	102	17,0
Опора на положительные качества личности воспитанника	94	15,7
Последовательность, системность и единство психолого-педагогического воздействия	87	14,5
Соответствие возрастным и индивидуальным особенностям воспитанников	86	14,3
Воспитание в коллективе и через коллектив	60	10,0
Воспитание и развитие	55	9,2
Использование разнообразных методов воспитания	42	7,0
Сознательность и активность воспитанников	40	6,7
Методы воспитания	19	3,2
Самовоспитание и перевоспитание	15	2,5
Всего ответов	**600**	**100,0%**

Результаты опроса № 3 выявили, что во взаимодействии с учениками и поддержании их мотивации учитель руководствуется следующими принципами: единство требований и уважение к личности ребенка – 17%, опора на положительные качества личности воспитанника – 15,7%, последовательность, системность и единство психолого-педагогического воздействия – 14,5% и соответствие возрастным и индивидуальным особенностям развития – по 14,3%, воспитание в коллективе и через коллектив – 10%, воспитание и развитие – 9,2%, использование разнообразных методов воспитания – 7%, сознательность и активность воспитанников – по 6,7%. На низких позициях находятся знание методов воспитания – 3,2%, а также самовоспитание и перевоспитание – 2,5% (см. табл. 3).

Анализ количества ответов и сопоставление относительно среднего показателя по опросу, позволило нам определить ключевые мотивационные ориентиры учительского труда.

Данные анализировались относительно среднего значения ответов по направлению опроса 3.

К ключевым мы относим такие принципы, число выборов респондентами которых равно или больше среднего значения – 60.0. Это принципы единства требований и уважения к личности ребенка; опора на положительные качества личности воспитанника; последовательность, системность и единство психолого-педагогического воздействия; соответствие возрастным и индивидуальным особенностям воспитанников; воспитание в коллективе и через коллектив (табл. 4).

Таблица 4. Количество выборов респондентов относительно мотивационных ориентиров учительского труда

Ключевые ориентиры	Мотивационные ориентиры учительского труда	Количество выборов (в порядке убывания)
	Единство требований и уважение к личности ребенка	102
	Опора на положительные качества личности воспитанника	94
	Последовательность, системность и единство психолого-педагогического воздействия	87
	Соответствие возрастным и индивидуальным особенностям воспитанников	86
	Нравственное воспитание	85
	Умственное воспитание	80
	Всестороннее и гармоничное развитие личности	77
	Беседа	77
	Упражнение	74
	Физическое воспитание	63
	Педагогическое требование	62
	Воспитание в коллективе и через коллектив	60
	Эстетическое воспитание	58
	Пример	52

Ключевой, согласно толковому словарю Ожегова, означает открывающий возможности овладения, управления чем-нибудь [2].

С точки зрения функциональности, ключевыми называем такие мотивационные ориентиры, которые открывают возможности овладения профессиональной деятельностью (в нашем случае особенно актуально в отношении молодых учителей) и управления учительским трудом.

Ключевые мотивационные ориентиры определяют следующее направление деятельности учителя: в организации учебного труда включать беседу, упражнение, педагогическое требование, пример; в большей степени ориентироваться на нравственное и умственное воспитание, а также всестороннее и гармоничное развитие личности ученика, физическое и эстетическое воспитание; работать с учетом единства требований и уважения к личности ребенка, с опорой на положительные качества личности, соответствие возрастным и индивидуальным особенностям воспитанников; с применением последовательного, системного и единого психолого-педагогического воздействия, воспитание в коллективе и через коллектив (см. табл. 4, рис. 1).

Рис. 1. Ключевые мотивационные ориентиры учительского труда (составлено автором)

В анализе содержательной части ключевых мотивационных ориентиров учительского труда возьмём за точку отсчета идею о том, что в основе трудовой мотивации лежит соответствующий «внутренний позитивный трудовой настрой» работника, происходящий из приоритетных для него целей и ценностей [8, с. 44]. Определим содержание составляющих, указателей – мотивационных ориентиров, обеспечивающих некоторую целостность этого внутреннего позитивного трудового настроя педагога.

Так, беседа – это педагогический метод и одновременно форма организации педагогического процесса [4]. Беседа необходима для получения субъективных суждений (заключений, характеристик, оценок) обучающихся по существу исследуемого педагогического явления.

В упражнении определены задача, условия ее решения. Всякое упражнение нацелено на овладение материалом или действием, либо оттачивание навыка и повышение его качества.

Педагогическое требование выражено в определенных предписаниях, в большей части касающихся поведения учащихся; проявляется и реализуются во взаимоотношениях педагога и обучающихся, т.е. по сути рассматривается в рамках общественного поведения [5].

В педагогике пример выступает как образец деятельности, поступка, действия, образа жизни.

Нравственное воспитание – это целенаправленный процесс развития нравственных качеств личности, главной целью которого является усвоение основ национальной культуры, родного языка, национальных традиций.

Умственное развитие – это целенаправленное воздействие на интеллектуальное развитие детей для сообщения им знаний, необходимых для разностороннего развития и адаптации к окружающей среде.

Всестороннее и гармоничное развитие личности – это гармоничное развитие всех сторон личности обучающегося, при котором всем сферам жизнедеятельности уделяется равное количество внимания. По сути, это формирование у учащихся жизненно-важных навыков.

Специфическим содержанием физического воспитания является обучение детей движениям, воспитание физических качеств, овладение специальными знаниями в сфере спорта и здорового образа жизни, формирование у обучающихся осознанной потребности в физкультурных занятиях.

Эстетическое воспитание – это развитие чувства прекрасного, формирования у обучающихся эстетического отношения к действительности.

Единство требований и уважение к личности ребенка означает, что к обучающемуся предъявляются единые и посильные требования, поддерживается атмосфера взаимного доверия, открытых и доверительных отношений.

Опора на положительные качества личности воспитанника – процесс выявления положительных качеств в ученике, опираясь на которые можно добиться устойчивых результатов в формировании других положительных качеств, заданных целью обучения и воспитания.

Принцип последовательности, системности и единства психолого-педагогического воздействия реализуется в планировании психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса. При этом, составные части и элементы такого планирования образуют целостное единство.

Соответствие возрастным и индивидуальным особенностям воспитанников – это учёт в образовательном процессе индивидуальных особенностей каждого ученика, стимулирование интересов детей в соответствии с их возрастными особенностями.

Воспитание в коллективе и через коллектив решает задачи достижения социально значимых целей. Члены ученического коллектива включаются в деятельность, которая позволяет создать условия для воспитания и развития личности.

Воспитание и развитие выступает как природосообразность и общественная направленность воспитания на социализацию и гармоничное развитие личности.

Использование разнообразных методов воспитания необходимо для развития мотивационной сферы и сознания учащихся, для выработки социальных привычек поведения, развития личности.

Сознательность и активность воспитанников – необходимое условие для формирования у учащихся мотивации учения, познавательных потребностей, интереса в учении. На уроке учитель добивается понимания, а не механического заучивания учениками изучаемого материала, осмысливания ими практических действий, стимулирует самостоятельность в познании окружающего.

Можно сделать вывод, что внутренний позитивный трудовой настрой педагога обеспечивается реализацией следующих приоритетных целей (согласно иерархии мотивационных ориентиров учительского труда):

– предъявлять к обучающемуся единые и посильные требования, поддерживать атмосферу взаимного доверия;
– выявлять в ученике положительные качества, на их основе формировать другие положительные качества, заданные целью обучения и воспитания;
– осуществлять психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса;
– стимулировать развитие интересов детей с учётом их индивидуальных и возрастных особенностей;
– способствовать усвоению обучающимися основ национальной культуры, родного языка, национальных традиций;

– стимулировать интеллектуальное развитие учащихся, способствовать их социальной адаптации;
– формировать у учащихся жизненно-важные навыки;
– научить обучающихся формулировать субъективные суждения (заключения, характеристики, оценки) по существу исследуемого педагогического явления;
– упражнять и оттачивать навыки овладения изучаемым материалом или действием;
– способствовать овладению учениками специальными знаниями в сфере спорта и здорового образа жизни;
– формировать у обучающихся общественное поведение, соответствующее общепринятым нормам и правилам;
– создавать условия для воспитания и развития личности в коллективе и через коллектив;
– развивать чувство прекрасного, формировать у обучающихся эстетическое отношение к действительности;
– быть личным примером человека и гражданина для своих учеников;
– формировать у учащихся мотивацию к учению, познавательные потребности, интерес в учении, стимулировать самостоятельность в познании окружающего.

В результате анализа получили своего рода чек-лист формулировки целей деятельности, процесс достижения которых поддерживает внутренний позитивный трудовой настрой учителя.

Отметим, что планируем также проанализировать те показатели, которые заняли нижние позиции в иерархии мотивационных ориентиров учительского труда, особенно – самовоспитание и перевоспитание. Это необходимо для понимания функционирования мотивационных механизмов труда учителя.

Учителю в силу своей консервативности сложно ввести в свою деятельность что-то новое, прогрессивное, сложно внести изменения в свой привычный профессиональный стиль преподавания предмета. Предположим, что такой учитель добросовестно относится к своей работе. Но работодатель платит зарплату учителю не за то, что он пришел на урок, а за то, что он качественно этот урок провел. Качество проведения урока, как социальное условие, на наш взгляд, можно измерить продуктивностью и мотивированностью деятельности ученика. Привести к балансу соотношение мотивированности учительского и учебного труда – это важная задача образовательной деятельности.

Мы можем предположить, что одно из решений этой задачи лежит в авторском прочтении предмета преподавания, основанном на культуре учителя и ценностном отношении к субъекту преподавания. В авторском прочтении предмета происходит переосмысление всего знания, и отношения с учеником строятся в зависимости от активности взаимодействующих сторон, появляется возможность раскрытия новых граней учительского и ученического труда. Здесь уже важна не сама ситуация обучения, а её мотивационные ориентиры, которые вносят преобразования в образовательную деятельность. Важно не ломая саму структуру учительского труда, определить и способствовать внедрению в неё таких изменений, которые бы способствовали поддержанию мотивации учителя и ученика.

Мотивация является предиктором успеха в любой деятельности (Р. Стернберг). Мотивация проявляется в стремлении учителя добиваться лучших результатов в своем труде. Такую мотивацию называют мотивацией достижения, которая направлена на «лучшее выполнение любого вида деятельности, ориентирована на достижение некоторого результата, к которому может быть применён критерий успешности (то есть он может быть сопоставлен с другими результатами, используя некоторые стандарты оценки)» [1, с. 47].

Мотивационные ориентиры учительского труда способны стать содержательным компонентом такой оценки, которые в сочетании с целевыми и организационными показателями (планирование и управление качеством образования) способны поддерживать внутренний позитивный трудовой настрой учителя.

Литература

1. Гордеева Т.О. Мотивация достижения: теории, исследования, проблемы/Сборник: Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева/ Смысл – М. – 2002, с. 47–102.
2. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999.
3. Парцвания В.В. Философия труда // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Выпуск 1 / Сборник философских статей. Под ред. Маркова Б.В., Солонина Ю.Н., Парцвания В.В. Санкт-Петербург: Издательство «Петрополис», 2001. С.262–273.
4. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б.М. Бим-Бад; Ред.кол. М.М. Безруких, В.А. Болотов, Л.С. Глебова и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – 528 с.
5. Попова С. С., Макаренко Т.А. Требование как метод воспитания // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 32. – С. 191–195. – URL: http://e-koncept.ru/2017/771058.htm (дата обращения: 26.04.2024).
6. Источник: https://www.socnp.ru/index.php/snsp/navigationMenu/view/tutorial
7. Прямикова Е. В., Шалагина Е.В., Шихова О.Н. Молодые педагоги между «Сциллой» и «Харибдой»: о профессиональных дефицитах в социологическом ракурсе (на примере Свердловской области) // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 4. С. 248–272. DOI 10.19181/snsp.2023.11.4.11. EDN RIHJIY
8. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/15/ma263917.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 23.04.2024).
9. Тараданов А.А., Горшкова О.Н., Корзенко Н.И. Социологическое исследование трудовой мотивации в Челябинской области. /Монография/ Челябинск. – 2011. – 130 с.
10. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (4 т.) http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/15/us285010.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 25.04.2024).

THE INFLUENCE OF MOTIVATIONAL GUIDELINES IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF A TEACHER

Skripkina N.V.
Chelyabinsk State University

The motivation of teaching work is determined by a whole range of social conditions that ensure the consistency of daily activities of educators and further effective development of the education sys-

tem. Motivating teaching work is not just difficult to form, but it is even more challenging to maintain at a level of effective functioning. The article introduces for the first time the concept of “motivational orientations” – various components, peculiar indicators that help determine the direction needed to maintain motivation, taking into account the complexity of teaching work and prompting the educator to take certain actions to achieve the goal of their activities.
During the conducted online survey, methods of organizing activities, differentiation of concepts, and identification of principles guiding the teacher in interacting with students and maintaining their motivation were analyzed.
As a result of the research, key motivational orientations of teaching work have been identified, which allow determining the priority goals of professional activity. The substantive and target parts of the motivational orientations have been disclosed, showing their role in ensuring the internal positive work attitude of the teacher.
The data obtained during the research enable the systematic implementation of changes in the structure of teaching work that would contribute to maintaining motivation for both the teacher and the student.

Keywords: motivation, motive, motivational orientations, labor, teaching work, educational organization, key motivational orientations of teaching work, internal positive work attitude of the teacher.

References

1. Gordeeva, T.O. Motivation of achievement: theories, research, problems. In: Modern Psychology of Motivation, edited by D.A. Leontiev. Smysl, Moscow, 2002, pp. 47–102.
2. Ozhegov, S.I., Shvedova, N. Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions. 4th edition, supplemented. Azbukovnik, Moscow, 1999.
3. Parzvania, V.V. Philosophy of labor. In: Alienation of Man in the Perspective of Globalization. Issue 1, edited by B.V. Markov, Yu.N. Solonin, V.V. Parzvania. Petropolis Publishers, Saint Petersburg, 2001, pp. 262–273.
4. Pedagogical Encyclopedic Dictionary. Edited by B.M. Bim-Bad; Editorial Board: M.M. Bezrukih, V.A. Bolotov, L.S. Glebova et al. Great Russian Encyclopedia, Moscow, 2003. 528 pp.
5. Popova, S.S., Makarenko, T.A. Requirement as a method of upbringing. In: Scientific and Methodological Electronic Journal “Concept”. 2017, vol. 32, pp. 191–195. – URL: http://e-koncept.ru/2017/771058.htm (date of application: 26.04.2024).
6. Pryamikova, E.V., Shalagina, E.V., Shikhova, O.N. Young teachers between “Scylla” and “Charybdis”: on professional deficits in a sociological perspective (the case of the Sverdlovsk region). Sociology and Social Practice. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 248–272. DOI 10.19181/snsp.2023.11.4.11. EDN RIHJIY
7. Dictionary of the Russian Language: In 4 volumes. Edited by A.P. Yevgenyeva. 4th edition, revised. Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow; Poligrafresursy, 1999. http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/15/ma263917.htm?cmd=0&istext=1(date of application: 23.04.2024).
8. Taradanov, A.A., Gorshkova, O.N., Korzenko, N.I. Sociological study of labor motivation in the Chelyabinsk region. Monograph. Chelyabinsk, 2011. 130 pp.
9. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Edited by D.N. Ushakov. Moscow: State Institute of Soviet Encyclopedia; OGIZ; State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1935–1940. (4 volumes).
10. http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/15/us285010.htm?cmd=0&istext=1 (date of application: 25.04.2024).

Преобразование форм занятости в цифровой экономике: социологический анализ

Цыганкова Алина Николаевна,
аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
E-mail: rbk32r@gmail.com

В современных условиях на глобальном уровне наблюдается интенсивное расширение цифровой экономики, охватывающей все большее число государств и приводящей к изменению традиционные методы производства, трудоустройства и потребления. Данное явление порождает новые потребности в сфере производства, трудоустройства и потребления, требующие от людей адаптации к новым технологиям и подходам. В связи с этим возникает необходимость приобретения совершенно новых навыков и компетенций, способствующих эффективному использованию цифровых технологий в повседневной жизни. Ситуация, сложившаяся в результате этих преобразований, подчеркивает актуальность выбранной для исследования темы. Экономическая нестабильность, вызванная пандемией, затронула все сферы человеческой деятельности. COVID-19 выступил катализатором внедрения современных технологий, способствуя изменениям в образе жизни, бизнес-моделях и стратегиях занятости. Введение удаленной работы и формирование «дистанционных отношений» между работниками и работодателями стало неотъемлемой частью новой реальности. Дистанционная занятость стала нормой не только для транснациональных корпораций, но и для обычных фирм в условиях ограничений на перемещения и карантинных мер. Исследование направлено на анализ проблем адаптации на рынке труда и формирование новых требований к рабочей силе. Цель заключается в обосновании перспектив развития рынка труда и выявлении критериев для обеспечения рациональной занятости в условиях цифровой экономики. Это включает в себя изучение теоретико-методологических основ цифровой экономики, выявление готовности к сетевым взаимодействиям, оценку состояния и механизмов регулирования рынка труда в современном контексте.

Ключевые слова: рынок труда, гибкие формы занятости, цифровая экономика, цифровизация, трансформация, пандемия, информационно-коммуникационные технологии.

Введение

Цифровая трансформация экономики оказывает существенное воздействие на рынок труда, производя изменения как в сфере профессиональной деятельности, так и в характере труда. Эти изменения затрагивают спрос и предложение рабочей силы, форм и методов, а также приводят к пересмотру структуры активной и пассивной политики занятости. Этот процесс обуславливает необходимость в разработке новых подходов к организации труда и его основополагающему элементу – человеческому ресурсу.

Рынок труда представляет собой сложную социально-экономическую систему, в которой ключевым ресурсом выступает человеческий труд. Современный характер труда ставит перед нами задачу постоянного повышения квалификации, обучения и развития творческих способностей. Работодатели заинтересованы в сотрудниках, обладающих определенными квалификационными навыками и компетенциями, позволяющими эффективно использовать их трудовой потенциал. В современных условиях преобладает стремление работодателей получать максимальную выгоду от своих сотрудников, при этом инвестируя в их профессиональное развитие минимальные ресурсы.

Трудоспособное население, а также работники старшего и младшего возраста, обладающие значительным потенциалом, становятся важным ресурсом рынка труда, особенно в контексте расширения возможностей для удаленной работы. Существенным фактором в цифровой экономике выступает качество рабочей силы, ее половозрастной состав и уровень образования. Современные работодатели стремятся привлекать высококвалифицированных специалистов, способных оперативно внедрять инновации. Важной составляющей этого процесса является система обучения на протяжении всей жизни, включающая в себя повышение квалификации, переподготовку, переобучение и профессиональное развитие [20].

Цель настоящего исследования заключается в выявлении перспектив развития рынка труда в условиях цифровой экономики. Основное внимание уделяется анализу понятийного аппарата цифровой экономики и цифровизации, которые играют ключевую роль в трансформации рынка труда, создавая новый формат трудовых отношений. В современных условиях развитие цифровых инноваций становится определяющим фактором конкурентоспособности национальных экономик.

Основы теоретических исследований рынка труда были заложены в работах выдающихся экономистов, таких как Адам Смит [16], Джон Кейнс [9], Альфред Маршалл [11], Карл Маркс [10]. Взаимосвязь между уровнем безработицы и количеством свободных рабочих мест была отражена в трудах Уильяма Бевериджа [19]. Ученый Дон Тапскотт ввел понятие цифровой экономики, называя ее «веком сетевого интеллекта» [18]. Карл Далман понимал цифровую экономику как эпоху сетевого интеллекта [21]. Роберт Бухт и Ричард Хикс рассматривали цифровую экономику как объем продукции, производимой на основе цифровых технологий [1].

Российские исследователи также внесли свой вклад в изучение цифровой экономики. Андрей Ильченко и Кирилл Ильченко проанализировали ее связь с информационно-коммуникационными технологиями с точки зрения экономической теории и государственного управления [6]. Андрей Генкин рассмотрел критерии работников цифровой эпохи и рынок труда в этом контексте [2]. Владимир Гимпельсон и Ростислав Капелюшников исследовали дестандартизацию форм занятости на рынке труда, а Алексей Добрынин и Сергей Дятлов рассмотрели человеческий капитал и инвестиции в человека с определенным запасом знаний, навыков и здоровья [3], [5].

Несмотря на обширные исследования, посвященные цифровой экономике, ее влияние на рынок труда и развитие новых форм занятости еще предстоит полностью выяснить. В ходе написания статьи использовались методы сравнения, анализа и синтеза, статистические данные, а также исследования международных организаций и законодательные акты России.

Теория исследования

В современном обществе цифровая экономика превратилась в значительный фактор, определяющий развитие всех его сфер и секторов экономики. Этот мощный тренд стимулирует процессы распространения и интеграции робототехники, облачных технологий, блокчейна, анализа больших данных и обеспечения кибербезопасности. Развитие цифровой экономики имеет непосредственное воздействие на человеческий капитал, структуру занятости и изменения в рыночной динамике труда. Следствием этих изменений, вызванных пандемией, стали качественные сдвиги в спросе на рабочую силу, происходящие на фоне медленной адаптации предложения труда. Уровень естественной безработицы увеличивается, требуя от людей быстрого освоения навыков, связанных с цифровыми процессами. В свете медленной реакции рынка труда на эти изменения, переквалификация, новые цифровые компетенции и навыки удаленной работы с использованием информационно-коммуникационных технологий становятся необходимостью.

Термин «цифровая экономика» имеет разнообразные интерпретации, объединяя которые мы можем определить её как экономическую сферу, тесно связанную с использованием информационно-коммуникационных технологий, а также как электронную экономику, базирующуюся на применении цифровых технологий. Введенный в 1995 году американским ученым Н. Негропонте, термин «цифровая экономика» первоначально вкладывался в концепцию электронной экономики, которая охватывала «использование информационных технологий в производстве, управлении, коммуникациях и развлечениях» [6]. Канадский исследователь Д. Тапскотт в 1995 году представил цифровую экономику как «эру сетевого интеллекта», описывая её как период интенсивного развития системы взаимодействия людей с использованием технологий, объединяющих знания и творчество для достижения социального развития [22]. Эта система включает в себя несколько взаимосвязанных элементов: технологически оборудованных участников; высокопроизводительные команды, взаимодействующие через цифровые технологии; интегрированные предприятия с цельной внутренней информационной структурой; расширенные предприятия через межкорпоративные цифровые сети; и бизнес-активности в интерсетевой среде. В российской интерпретации концепции Д. Тапскотта эти элементы рассматриваются как «звенья цифрового общества», каждое последующее звено включает в себя предыдущие с новыми качествами [17]. Г.Г. Головенчик наиболее подробно определяет цифровую экономику как сложную систему социальных, культурных, экономических и технологических взаимоотношений между государством, бизнес-сообществом и гражданами. Эта система функционирует в глобальном информационном пространстве и основана на широком использовании сетевых цифровых технологий. Цифровая экономика генерирует новые цифровые формы производства и распространения товаров и услуг, что приводит к постоянным инновационным изменениям в методах и технологиях управления. Эти изменения направлены на повышение эффективности социально-экономических процессов [4].

Результаты исследования

Для сравнительной оценки состояния цифровой экономики используем индексы развития электронного правительства, сетевой готовности, глобального индекса инноваций и другие соответствующие показатели. Индекс развития электронного правительства изучает готовность и способность правительства предоставлять государственные услуги населению с применением информационно-коммуникационных технологий. Ключевыми критериями оценки для исследуемых стран являются объем и качество государственных услуг в сети Интернет, уровень развития инфраструктуры информационно-коммуникационных технологий и человеческий капитал. Согласно рейтингу стран, опубликованному в июле 2020 года, по индексу развития электронного правительства (Global E-Government Development Index), Россия занимает 36-е место с 0,8244 балла из 193 стран [14].

Индекс сетевой готовности (NRI) представляет собой индикатор, учитывающий развитие информационно-коммуникационных технологий в контексте сетевой экономики. В настоящее время эти технологии играют важную роль в стимулировании инноваций, повышении производительности, улучшении конкурентоспособности, диверсификации экономики и поощрении предпринимательской активности, что в конечном итоге способствует улучшению качества жизни [15].

Индекс охватывает 134 страны, которые вместе формируют почти 98% мирового ВВП. Расчет осуществляется на основе 62 показателей, объединенных в четыре категории: технологии, человеческий капитал, управление и влияние. В сравнении с лидерами, такими как скандинавские страны, Россия существенно отстает по индексу сетевой готовности. Уровень этого индекса отражает степень зависимости благосостояния населения от цифровизации общества и быстрого перехода к автоматизированным формам труда.

Низкий показатель индекса свидетельствует о наличии следующих проблем: низкие навыки грамотности в области информационно-коммуникационных технологий, неразвитость институтов, нестабильность делового климата, слабая технологическая инфраструктура из-за недостаточного охвата мобильными сетями и доступности цифрового контента. Также отмечается необходимость реформирования сфер экономической деятельности в направлении модернизации ИТ и недостаточная восприимчивость организаций и государственных учреждений к инновациям на основе информационно-коммуникационных технологий.

Рассматривая Глобальный инновационный индекс (GII) как комплексный показатель, формируемый на основе взвешенной суммы баллов двух ключевых параметров, учитывающих разнообразные переменные.

Имеющиеся ресурсы и условия для инноваций:

- институциональная база;
- человеческий капитал и исследования;
- инфраструктурные возможности;
- уровень развития внутреннего рынка;
- эффективность бизнес-среды.

Достижения в области практических результатов инноваций:

- прогресс в развитии технологий;
- экономика знаний;
- творческая продуктивность.

Примером может служить позиция России, занимающей 45-е место с 36,6 баллами из 100, что отражает эффективность предпринятых усилий по развитию инноваций в стране [13].

Процессы цифровизации в бизнесе освобождают ресурсы сотрудников для решения более сложных и творческих задач, поднимая требования к их профессиональной квалификации. Этот фактор влечет за собой изменения в подходах к распределению обязанностей внутри организации, где один или небольшой коллектив сотрудников берут на себя ответственность за несколько процессов различного характера. С развитием цифровых технологий, переосмыслением ролей и задач, происходит «поляризация» занятости и заработной платы.

Цифровая трансформация бизнес-процессов влечет за собой изменения в требованиях к рабочей силе. Компьютеризация заменяет тех, кто занимается рутинными когнитивными или механическими задачами, поддающимися строгим правилам. В то время как она «дополняет» сотрудников, берущих на себя нестандартные, творческие задачи и сложные коммуникационные задачи. Учитывая эти изменения, становится ясным, что компьютеризация связана с уменьшением спроса на рутинную, поддающуюся автоматизации работу, и увеличением спроса на нестандартные, более высокоуровневые когнитивные задачи [12].

Тем не менее, процессы цифровизации не только сопровождаются сокращением традиционных рабочих мест, но и формируют новые профессиональные области на рынке труда. С цифровым форматом многих бизнес-процессов востребованы не только высококвалифицированные сотрудники, но и профессионалы, способные постоянно обновлять свои навыки, адаптироваться к изменениям, и гибко менять направление своей деятельности.

Среди наиболее перспективных цифровых профессий сегодня выделяются: разработчик программного обеспечения для электронного обучения; менеджеры по контекстной рекламе в поисковых системах, партнерском маркетинге, информационной безопасности, строительном моделировании и киберспорте; сетевой юрист, инженер по робототехнике. Большинство из перечисленных профессий могут быть осуществлены удаленно, что подчеркивает важность высокого уровня цифровой грамотности в современном рыночном окружении.

Характерной особенностью трудового рынка в цифровой экономике становится появление самозанятых и фрилансеров, а также работников, осуществляющих свои трудовые функции удаленно. Это приводит к изменению традиционных динамик взаимоотношений между работодателями и работниками. Мобильная работа, базирующаяся на информационно-коммуникационных технологиях, уже не ограничена местом проживания, что позволяет сотрудникам выполнять свои обязанности в любом месте и в любое время, поддерживаемые современными технологиями. Цифровые платформы трудового рынка становятся все более популярными, предоставляя возможность дополнительного заработка и совмещения фриланса с основным трудовым занятием. Примерами таких платформ могут служить Youdo.com и Freelancer.com. Профессионалы, обладающие навыками самообразования, не только способны найти подходящую работу, но и построить свой собственный бизнес, используя цифровые платформы.

В механизме управления рынком труда в контексте цифровой экономики произошли изменения в результате введения новшеств. В Трудовой кодекс России были внесены главы, регулирующие отношения между работником и работодателем в контексте дистанционной работы. Особенности взаимодействия между работодателем и дистанционным работником, условия заключения и расторжения трудового договора, обеспечение необходимым оборудованием, охрана труда, особенности рабочего времени и другие аспекты были закреплены законодательно. Каждый год появляются новые «цифровые» профессии, которые заменяют или дополняют уже существующие. Будущий «цифровой» работник – это в первую очередь многофункциональный и мобильный специалист, способный эффективно работать в условиях неопределенности и постоянно повышать свою квалификацию.

Заключение

С начала 2020 года мировые процессы цифровой трансформации, усиленные пандемией COVID-19, существенно изменили динамику рынка труда и его структуру занятости. Эти изменения проявились в распространении телеработы, внедрении блокчейн-технологий, участии в телеконференциях, расширении электронной коммерции и растущем спросе на квалифицированных специалистов в сфере цифровых технологий. После пандемии будущее трудового рынка не вернется к предыдущему статусу, так как будут развиваться новые формы удаленной занятости.

Сектора экономики, такие как розничная торговля, гостиничный бизнес, туризм, образование, страхование и многие другие, претерпевают существенные изменения под воздействием цифровой трансформации. Благодаря широкому распространению технологий работодатели теперь в состоянии отслеживать даже мельчайшие детали поведения своих сотрудников, что влечет за собой вопросы правового регулирования в отношении свободы действий как работников, так и работодателей.

Необходима эффективная государственная поддержка стратегии развития сетевых технологий и образования в области информационно-коммуникационных технологий. Это не только способствует формированию новой институциональной среды, но и стимулирует быстрый переход к новому сценарию экономического развития. Анализ факторов, влияющих на состояние и трансформацию рынка труда, играет ключевую роль в грамотном прогнозировании его будущего развития.

Вывод данного исследования заключается в том, что рациональная занятость на рынке труда и эффективное развитие страны в условиях цифровой экономики зависят от нескольких ключевых факторов.

1. Взаимодействие государства, организаций и бизнеса в области информационного обеспечения экономических процессов играет решающую роль.
2. Формирование институциональной среды для развития человеческого капитала и его реализации через стандартные и нестандартные формы занятости оказывает значительное влияние на рациональное использование рабочей силы.
3. Наличие на рынке труда высококвалифицированных кадров, которые осуществляют принципы сетевой

экономики и активно внедряют инновации, является критическим фактором.

4. Обеспечение возможности полноценной дистанционной работы в различных структурных подразделениях, таких как маркетинг, финансы, бухгалтерия, юридические службы, колл-центры, аналитика, где процессы тесно связаны с цифровизацией.
5. Создание платформ для поиска работы как в офисе, так и удаленно, например, российская платформа «Удаленная работа», способствует более гибкому рынку труда.
6. Развитие образовательных платформ для повышения цифровой грамотности и создание соответствующего контента для профессионального развития сотрудников становятся неотъемлемыми элементами в условиях быстро меняющегося рынка труда.
7. Формирование информационно-образовательного пространства, способствующего развитию личности, адаптированной к условиям жизни в информационном обществе, является важным аспектом.

Литература

1. Бухт Р., Хикс Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики// Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 2. С. 143–172.
2. Генкин А.С. Реализация экономических интересов в частной и национальной денежной системе. – М.: Альпина Паблишер. 2006.
3. Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда. М., 2005.
4. Головенчик Г.Г., Ковалев М.М. Цифровая экономика: монография. 2019. С. 395 с.
5. Добрынин А.И., Дятлов С.А., Цыренова. Е.Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. – СПб.: Наука. 2005. С. 42.
6. Ильченко А. Н., Ильченко К.А. Цифровая экономика как высшая стадия развития инфокоммуникационных технологий. Современные наукоемкие технологии. 2018. № 3(55). С. 56–63.
7. Ильченко А.Н., Ильченко К.А. Цифровая экономика как высшая ступень развития инфокоммуникационных технологий. 2018.
8. Индекс готовности сети, страны 2020 г. – URL: https://networkreadinessindex.org/nri-2020-countries (дата обращения: 13.09.2023).
9. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Гелиос АРВ, 1999.
10. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Том 3. Книга 3. 1989.
11. Маршалл А. Принципы экономической науки. Прогресс Фирма «Универс». 1993.
12. Морозова Н.Н. Влияние цифровизации экономики на рынок труда. Цифровая экономика: современные вызовы и реальные возможности: Международная конференция. – Баку: UNEC-2020, 2020. г. С. 326–328.
13. Рейтинг стран мира по индексу инноваций. – URL: https://gtmarket.ru/ratings/global-innovation-index (дата обращения: 13.09.2023).
14. Рейтинг стран мира по индексу развития электронного правительства. – URL: https://gtmarket.ru/ratings/e-government-development-index (дата обращения: 13.09.2023).
15. Рейтинг стран мира по индексу сетевой готовности. – URL: https://gtmarket.ru/ratings/networked-readiness-index (дата обращения: 13.09.2023).
16. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Антология мысли. 2007.
17. Степанов В.К. Век сетевого интеллекта: о книге Дона Тапскотта «Электронно-цифровое общество». – URL: http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/bef8b90eb6894281c3256c4e0027b866 (дата обращения: 13.09.2023).
18. Тапскотт Д., Энтони У. Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет всё. 2009. С. 215.
19. Beveridge W.H. Planning under Socialism and other Addresses. London, 1936.
20. Dahlman C., Mealy S., Wermelinger M. Harnessing the Digital Economy for Developing Countries: Working Paper. – Paris: OECD, 2016. № 334.
21. Dahlman Carl J. The Knowledge Economy, the Kam Methodology and World Bank Operations. 2005.
22. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. – New York: McGraw-Hill, 1996. – 342 p.

TRANSFORMING FORMS OF EMPLOYMENT IN THE DIGITAL ECONOMY: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Tsygankova A.N.
Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Today's global environment is witnessing an intensive expansion of the digital economy, which is encompassing an increasing number of countries and changing traditional methods of production, employment and consumption. This phenomenon creates new production, employment and consumption needs that require people to adapt to new technologies and approaches. This raises the need to acquire completely new skills and competencies that facilitate the effective use of digital technologies in everyday life. The situation resulting from these transformations emphasizes the relevance of the topic chosen for the study. The economic instability caused by the pandemic has affected all spheres of human activity. COVID-19 has acted as a catalyst for the adoption of modern technologies, contributing to changes in lifestyles, business models and employment strategies. The introduction of remote work and the formation of "remote relationships" between employees and employers became an integral part of the new reality. Remote employment has become the norm not only for multinational corporations but also for conventional firms in the face of travel restrictions and quarantine measures. The study aims to analyze the problems of adaptation in the labor market and the formation of new requirements for the workforce. The aim is to substantiate the prospects for labor market development and identify criteria for rational employment in the digital economy. This includes the study of theoretical and methodological foundations of the digital economy, identification of readiness for networking, assessment of the state and mechanisms of labor market regulation in the modern context.

Keywords: labor market, flexible forms of employment, digital economy, digitalization, transformation, pandemic, information and communication technologies.

References

1. Bukht R., Hicks R. Definition, concept and measurement of the digital economy // Bulletin of international organizations. 2018. T. 13. No. 2. pp. 143–172.
2. Genkin A.S. Realization of economic interests in the private and national monetary system. – M.: Alpina Publisher. 2006.
3. Gimpelson V., Kapelyushnikov R. Non-standard employment and the Russian labor market. M., 2005.
4. Golovenchik G.G., Kovalev M.M. Digital economy: monograph. 2019. P. 395 p.
5. Dobrynin A.I., Dyatlov S.A., Tsyrenova. E.D. Human capital in a transitive economy: formation, assessment, efficiency of use. – SPb.: Science. 2005. P. 42.
6. Ilchenko A. N., Ilchenko K.A. Digital economy as the highest stage of development of information and communication technologies. Modern high technology. 2018. No. 3(55). pp. 56–63.

7. Ilchenko A.N., Ilchenko K.A. Digital economy as the highest level of development of information and communication technologies. 2018.
8. Network readiness index, countries 2020 – URL: https://networkreadinessindex.org/nri-2020-countries (access date: 09/13/2023).
9. Keynes J.M. General theory of employment, interest and money. – M.: Helios ARV, 1999.
10. Marx K. Capital. Criticism of political economy. The process of capitalist production taken as a whole. Volume 3. Book 3. 1989.
11. Marshall A. Principles of economic science. Progress Firm "Univers". 1993.
12. Morozova N.N. The impact of digitalization of the economy on the labor market. Digital economy: modern challenges and real opportunities: International conference. – Baku: UNEC-2020, 2020. pp. 326–328.
13. Rating of countries of the world according to the innovation index. – URL: https://gtmarket.ru/ratings/global-innovation-index (access date: 09.13.2023).
14. Rating of countries of the world according to the e-government development index. – URL: https://gtmarket.ru/ratings/e-government-development-index (access date: 09.13.2023).
15. Rating of countries of the world according to the network readiness index. – URL: https://gtmarket.ru/ratings/networked-readiness-index (access date: 09.13.2023).
16. Smith A. Research on the nature and causes of the wealth of nations. Anthology of Thoughts. 2007.
17. Stepanov V.K. The Age of Network Intelligence: about Don Tapscott's book "Electronic Digital Society." – URL: http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/bef8b90eb6894281c-3256c4e0027b866 (access date: 09.13.2023).
18. Tapscott D., Anthony W. Wikinomics. How mass collaboration changes everything. 2009. P. 215.
19. Beveridge W.H. Planning under Socialism and other Addresses. London, 1936.
20. Dahlman C., Mealy S., Wermelinger M. Harnessing the Digital Economy for Developing Countries: Working Paper. – Paris: OECD, 2016. No. 334.
21. Dahlman Carl J. The Knowledge Economy, the Kam Methodology and World Bank Operations. 2005.
22. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. – New York: McGraw-Hill, 1996. – 342 p.

Социальные факторы развития электронных социальных сетей

Чернов Павел Александрович,
аспирант кафедры «Социология знания», МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: ref4msu@yandex.ru

В статье предпринята попытка концептуализации факторов стремительного развития феномена электронных (виртуальных) социальных сетей в мире, представлены пять групп факторов, оказывающих, по мнению автора, наиболее существенную роль в процессе эволюции данных интернет-сервисов. В целом, материал позволяет оценить влияние различных аспектов жизни современного общества на используемые им виртуальные инструменты общения и взаимодействия.

Ключевые слова: социальные сети, факторы развития социальных сетей, интернет.

Актуальность

В последние десятилетия человечество в общем и человек, в частности, стали свидетелями кардинальных изменений во всех сферах жизни социума. Информационные технологии трансформировались в важнейший фактор определения облика настоящего и в ещё большей мере облика будущего. Согласно Федеральному закону от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» Информационные технологии – процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов [44]. База изменений, которые в данный момент происходят в мире, тесно связана не только с уровнем технологий обработки информации и коммуникации, но и с тем скачкообразным ростом изменений в этой сфере.

Исследования показывают, что в начале 2023 года мобильные телефоны использовали 5,44 миллиарда человек при общей численности населения к тому моменту в 8,01 миллиарда. Это составляло практически 68 процентов от всего населения планеты. За 2022 год зафиксирован рост уникальных пользователей мобильных телефонов более чем на 3 процента. Постоянное наличие у человека переносного устройства, позволяющего осуществлять доступ в Интернет, само по себе стимулирует индивидуума к вовлечённости в глобальное сетевое пространство, одним из проявлений которого являются электронные социальные сети.

Пользователями Интернета считались 5,16 миллиарда человек, что составляло 64,4 процента от всего населения планеты. Пользователи социальных сетей насчитывали огромную массу людей в количестве 4,76 миллиарда человек, что соответствовало 60 процентам населения Земли или 92,2 процента от всех пользователей Интернета в мире.

В настоящий момент можно с уверенностью утверждать, что человечество проводит много времени в социальных сетях. Типичный интернет-пользователь трудоспособного возраста тратит на социальные платформы более 2,5 часов в день, что является самым высоким показателем за всю историю наблюдений. Действительно, на социальные сети приходится самая большая доля общего времени, проведенного в Интернете – почти 4 из каждых 10 минут. Для сравнения: типичный интернет-пользователь трудоспособного возраста тратит на социальные сети на 30% больше времени в день, чем на просмотр «традиционного» телевидения (т.е. эфирных и кабельных телеканалов).

Цифровое поведение людей в мире претерпело самые глубокие изменения, которые мы наблюдали за последние годы, даже по сравнению со сложным периодом COVID-19. Недавние исследования показывают, что эти модели поведения меняются в различных направлениях. Основными аспектами этих изменений являются значительное изменение числа пользователей Интернета в мире, снижение показателей характеристик онлайн-активности, меняющиеся предпочтения в отношении платформ социальных сетей, изменения в устройствах, которые люди используют для доступа к цифровому контенту и услугам (с неуклонным смещением в сторону мо-

бильных устройств), непрогнозируемые изменения в поведении людей при поиске в Интернете, стремительный скачок во всех показателях цифровой рекламы и многое другое [13].

Развитие цифровых и инфокоммуникационных технологий оказывает воздействие на все сферы жизни складывающейся современной технологической цивилизации. Одним из важнейших аспектов этого влияния является тотальное погружение индивида в «сеть». Ярким проявлением этого процесса становится стремительное развитие виртуальных (электронных) социальных сетей. Необходимо отметить, что «электронная социальная сеть» в широком смысле к настоящему моменту превратились в одну из самых динамично развивающихся информационных систем.

Таким образом, особую важность приобретает концептуализация факторов развития электронных социальных сетей, задающих высокий темп их совершенствования и способствующих их эволюции.

Разработанность проблемы

Электронные социальные сети были созданы на основе стремительно развивающегося информационного общества. В то время как индустриальное общество сформировало новую общественную формацию, информационное общество также имеет свои отличительные черты. Одной из важнейших является быстрый рост значимости информации и знаний как для экономического, так и для социального прогресса. Развитие социума происходит благодаря ускоренному совершенствованию вычислительных технологий, которые оказывают влияние на все стороны жизни людей. Современные технологии также изменяют труд, научные исследования, досуг и развлечения [23, с. 508–509].

Российские и зарубежные исследования показывают, что технологический прогресс приводит к фундаментальным изменениям в обществе. Ученые пытаются понять, как эти изменения связаны с прогрессом технологий и какие концепции можно использовать для описания современного этапа их развития. Среди них выделяют постиндустриальное общество Д. Белла, постиндустриальное общество Э. Тоффлера, информационное общество, рассматриваемое в работах Ф. Махлупа, З. Баумана, Ф. Уэбстера, посткапиталистическое общество в трудах П.Ф. Друкера, общество знания, рассматриваемое российскими учёными Г.В. Осиповым и С.Г. Кара-Мурзой, теорию технологических укладов, представленную С.Ю. Глазьевым, четвертую промышленную революцию, постулируемую К. Швабом и Н. Дэвисом, электронно-цифровую стадию, рассматриваемую Г.В. Осиповым.

Исследуя современное постиндустриальное общество, американский социолог Дэниел Белл полагал, что «…Постиндустриальное общество в той же мере является информационным обществом, в какой индустриальное общество – товаропроизводящим» [18, с. 632].

Ученый считает, что современному человеку необходимо уделять большое внимание, время и энергию на освоение огромного объема информации в различных областях знаний. Кроме того, нужно выбирать те области, в которых индивид стремится специализироваться и отфильтровывать только необходимую информацию из огромного количества данных. Поскольку человеческая память ограничена, то, чем больше событий, о которых нужно быть осведомленным, тем меньше информации о каждом из них остается у человека [18, с. 633].

Исследуя социальные сети, американский социолог Р.М. Эмерсон разработал первые социологические подходы к их изучению. Базовыми посылками в его теории являются установление в социальной сети специфических властных отношений, которые значительно отличаются от существующих в обществе в целом, и неопределённость результатов взаимодействия, которые могут проявиться отложено во времени [9].

Американский социолог Дж. Ритцер отметил, что современная сетевая теория предполагает анализ взаимодействия между индивидами только при условии исследования более крупных сетей, т.е. сетей более высокого порядка [40, с. 344].

Американский исследователь Дж.С. Коулмен разработал теорию рационального выбора, которая подразумевает наличие потенциального конфликта между рациональностью отдельно взятого участника взаимодействия и рациональностью коллективных участников в социальной сети. Реализация подобного конфликта проявляется через возникающие социальные дилеммы, разрешаемые с учётом конкуренции, координации действий и доверия [5].

Кроме рассмотренных выше работ, можно отметить, что в период с 1970-е по 1980-е гг. возникло множество взглядов, в которых в большей или меньшей степени используются принципы и методология сетевого подхода: «политико-управленческие сети» Д. Ноука, «сообщества» Дж. Ричардсона, «потоки» Дж. Кингдона, «подсистемы» П. Сабатьер и др.

Вместе с тем, данные подходы не учитывали появляющиеся и нарастающие новые условия жизни – глобализацию, открытость информационных пространств, новые средства информации и современные средства коммуникации, стирание государственных границ для сетевого взаимодействия.

Испанский социолог М. Кастельс рассматривает новые технологии как одну из движущих сил развития социальных пространств виртуальной реальности. Общественные коммуникации в широком смысле слова, по мнению исследователя, представляют собой информациональные сети [3, p. XXIX]. Изменения, происходящие в современном обществе, привели к преобладанию системы горизонтальных коммуникационных сетей, сформированных при помощи Интернета и беспроводной связи. А с учётом отсутствия государственных границ для таких сетей, можно утверждать, что сетевое общество становится глобальным [19, с. 239].

Таким образом, развитие информационного общества закономерно спровоцировало всеобщую компьютеризацию и проникновение информационно-телекоммуникационных технологий во все сферы жизни общества, коммуникации и взаимодействия индивидуумов посредством сети достигли огромных масштабов и скоростей.

Перечисленные выше теоретические концепции формируют необходимость проведения эмпирических исследований для изучения практического аспекта преобразования социальных и экономических процессов.

За последнее десятилетие электронные социальные сети изучались множеством отечественных исследователей и учёных. О зависимости развития технологии и включённости человека в общее медиапространство писали Чапля Т.В., Шаверина Т.О. [45] Рассмотрением социальных сетей в контексте их взаимодействия с общественным мнением занимались исследователи Ануфриева Е.В. [17], Дементьева К.В. [25], Славникова К.Н. [42], Сулейманова Ш.С. [43], Шакирова А.Ф. [49] В их работах анализу подвергся процесс формирования общественного мнения об электронных социальных сетях и обратный процесс – формирования общественного мнения при помощи социальных сетей, а также отноше-

ние научного сообщества к современным электронным социальным сетям. С точки зрения политики социальные сети исследовались Кривоносовой Е.Э. [34] и Земляковой К.В. [28], рассмотрением цифровой дипломатии и её проявлением посредством электронных социальных сетей занимаются Решетникова Л.М. и Самохина И.М. [12], исследования политических коммуникаций через электронные социальные сети проводят Крыштановская О.В. и Филиппова А.М. [35] Изучением конфликтов посредством социальных сетей занимались среди прочих Рычихина Э.Н. [41], рассматривая возможности преодоления назревающих конфликтных ситуаций, Жуйков А.А., Каспаров А.Р. [27], основное внимание уделяя виртуальным конфликтам и их реализации в настоящем мире, Абдуллаева Ф.Н. [16], акцентируя внимание на информационно-психологической безопасности пользователя электронных социальных сетей в ходе конфликтов различного вида. Колосова О.А., Ионцева М.В., Андреева А.Л. изучали проблематику влияния виртуальных электронных сетей на современную молодёжь [33]. Большое количество работ посвящено изучению фейков и дезинформации, массовому распространению которых способствует повсеместное проникновение электронных социальных сетей в жизнь человека. Эти вопросы в своих исследованиях разрабатывали Клинкова Д.А. [31], Пирютко И.Д., Кулёмина Л.Б. [39] Проблематикой неравенства, формирующегося посредством социальных сетей, занимается Черныш М.Ф. [48] С точки зрения влияния социальных сетей на экономическое развитие и создание новых форм экономических связей рассматривали социальные сети и цифровизацию Вишнёвый Р.И. [20], Попов Е.В., Симонова В.Л., Комарова О.В., Кайгородова С.С. [21] Применение возможностей социальных сетей в образовательном процессе рассматривали Могилев А.В. [37], Золотухин С.А. [29], Диков А.В. [26], о педагогике социальных сетей и педагогике культуры писали Де Мартино Марио, Коваленко С.А., Ткач Г.Ф., Изидори Эмануеле [7].

Текущая ситуация во многом стала возможна за счёт появления и стремительного развития электронных социальных сетей, предназначенных для конструирования, отражения, управления и организации социальных коммуникаций и отношений между индивидами и группами людей. Таким образом, изучение факторов этого развития становится актуальной задачей.

В целом, необходимо отметить, что на формирование и развитие электронных социальных сетей среди прочих оказывает влияние ряд наиболее существенных факторов.

1. Достижения научно-технического прогресса (НТП) как социальный фактор развития электронных социальных сетей.
2. Социально-политические факторы развития электронных социальных сетей.
3. Социально-экономические факторы развития электронных социальных сетей.
4. Социально-психологические факторы развития электронных социальных сетей.
5. Образование как фактор развития электронных социальных сетей.

Достижения НТП как социальный фактор развития электронных социальных сетей

Как было отмечено ранее, научно-технических прогресс может быть рассмотрен как один из ведущих факторов развития электронных социальных сетей. НТП к настоящему моменту однозначно не определён научным сообществом и в общем виде представляет собой единую, взаимозависимую, поступательную эволюцию научных теорий и технологий, обусловленную их обоюдным стимулированием к развитию с перманентно увеличивающейся скоростью.

Информация рассматривается как основной ресурс поступательного развития информационного общества. Это обусловливает прямую зависимость функционирования всех без исключения сфер жизни общества от научных достижений. Наука играет важную роль в развитии экономики, социальной сферы, политической структуры и духовной жизни человека. Научные открытия и исследования приводят к инновациям в различных областях, что в свою очередь способствует экономическому росту, улучшению качества жизни населения, развитию политической системы и укреплению духовных ценностей. Например, научные достижения в области медицины, биологии, химии и физики привели к созданию новых лекарственных препаратов, вакцин, технологий производства продуктов питания, а также к развитию новых методов лечения и диагностики заболеваний. В свою очередь, это привело к улучшению здоровья населения и увеличению продолжительности жизни.

Научные исследования также играют важную роль в социальной сфере. Например, научные открытия в области психологии, социологии и экономики помогают лучше понимать поведение людей, создавать более эффективные механизмы социального взаимодействия и улучшать качество жизни населения.

Кроме того, научные исследования в области политики и права способствуют развитию демократических процессов, укреплению прав и свобод человека, а также борьбе с коррупцией и другими негативными явлениями.

Наконец, научные знания играют важную роль и в духовной сфере жизни общества. Они помогают развивать культуру, искусство, религию и другие формы духовной деятельности, а также укреплять духовные ценности и традиции.

Таким образом, можно сказать, что сильная зависимость функционирования различных сфер жизни общества от науки является закономерным явлением. Наука помогает улучшать качество жизни людей, развивать общество и укреплять духовную жизнь.

Научно-технический прогресс способствует совершенствованию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В соответствие с ГОСТ Р 52653–2006, ИКТ – это информационные процессы и методы работы с информацией, осуществляемые с применением средств вычислительной техники и средств телекоммуникации [22].

Разработки в области ИКТ в настоящий момент носят лавинообразный характер и создают фундамент для формирования «глобального информационного общества». Оно состоит из глобальной информационной индустрии, развивающейся в контексте перманентно возрастающего влияния информации и знания в различных сферах жизнедеятельности человека [47, с. 47]. С уверенностью можно констатировать снятие барьеров между нациями и государствами, а также стремительное преобразование мировой экономики и международных отношений. ИКТ трансформируются в основной инструмент достижения прогресса в научной, экономической и социальной деятельности.

Само появление Интернета, а затем и постоянное увеличение его скорости, расширение географии его доступности способствуют росту количества генерируемой, распространяемой и потребляемой информации. Необходимо отметить и возросшую роль систем хранения, обработки и передачи информации, которую они играют в современном обществе. В основу них заложе-

ны передовые разработки в области компьютерных технологий, обеспечивающие возможность хранения и получения практически мгновенного доступа к действительно огромным массивам всевозможных данных.

Развитие информационно-коммуникационных технологий способствовало появлению и стремительному усилению тенденции роста числа людей, имеющих доступ к сети Интернет. Это стало возможным благодаря практически повсеместному внедрению сотовой связи, обеспечивающей абонентам доступ во всемирную паутину практически в любой момент времени и в любом месте. Сейчас не существует необходимости быть привязанным к определённой точке, имеющей доступ к сети Интернет. Интернет стал повсеместным явлением и превратился в одно из условий комфортной среды обитания человека, а социальные сети – в естественное средство общения.

Исходя из полученных результатов современных исследований можно с уверенностью утверждать, что НТП и его достижения создают основы для широкого использования возможностей социальных сетей в том числе и в социальной сфере жизни общества. Социальные сети становятся отправным пунктом в поиске ответов на важнейшие общественно-политические вопросы и запросы общества, способны оказывать влияние на общественное мнение во всех сферах жизни социума [6, p. 192–199]. Человек получил возможность создавать и развивать виртуальные группы, которые по множеству причин не могли бы существовать в реальном окружающем нас мире – географическая удалённость, физические ограничения, экономические и финансовые причины, классовые различия и т.д. Подобные виртуальные организации людей могут быть использованы для совместной деятельности в реальном мире в различных направлениях, что серьёзным образом влияет на социальную направленность во внутренней политике стран: указание на резонансные проблемы и совместный поиск их решения и др. Итогом такой деятельности во многом становится улучшение качества жизни людей.

Таким образом, НТП в широком смысле и ИКТ как его частное проявление способствуют распространению и развитию виртуальных социальных сетей, что наряду с качественными оценками подтверждается и статистическими данными, приведёнными ранее.

Социально-политические факторы развития электронных социальных сетей

Разработка стратегии информационного общества в международной политике берёт свое начало в 90-х годах XX века. В США на государственном уровне велась дискуссия о превращении общества в информационное. В 1993 году вице-президент США А. Гор впервые применил термины «информационная супермагистраль» и «глобальная информационная инфраструктура» и в своей концепции опирался на следующие обязательные для информационного общества характеристики:

– доступность учебных заведений и преподавателей всем студентам независимо от географических условий и ресурсов;
– сосредоточение огромного потенциала искусства, литературы и науки не только в библиотеках и музеях;
– возможность полноценной работы, совершение покупок, обращения в банк через электронные магистрали;
– возможность государственного информирования через электронные магистрали непосредственно из дома;
– возможность информационного обмена между деловыми организациями за счёт снижения объёма бумажного документооборота и повышения качества предоставляемых услуг [46, с. 42].

Кроме того, были предприняты практические шаги по воплощению концепции в жизнь, сформированные на государственном уровне в ряд руководящих принципов: стимулирование частных инвестиций; концепция универсального доступа; содействие в технологических инновациях; обеспечение интерактивного доступа; гарантия сохранения тайны личной жизни, безопасности и надежности сетей; улучшенное управление спектром радиочастот; защита прав интеллектуальной собственности; согласованность государственных усилий; содействие получению доступа к государственной информации [47, с. 50].

В целом, можно с уверенностью утверждать, что уже на начальном этапе разработки стратегии информационного общества она получила политическую поддержку со стороны государства, заинтересованного в широком распространении электронных услуг, в том числе и виртуальных социальных сетей, среди населения.

Созданные посредством Интернета каналы коммуникации играют ключевую роль в распространении новостей, а использование социальных сетей в качестве подобного канала может изменить сообщение, оказать влияние на динамику политической жизни, скорректировать ценности и внести серьёзные перемены в политические конфликты. Использование социальных сетей в избирательных процессах, политических конфликтах глобального уровня и экстремальной политике способствуют большей открытости дипломатии для общества во всём мире [10]. Современные СМИ, социальные медиаресурсы и виртуальные социальные сети, мессенджеры и т.д. расширяют доступ людей к политической информации и способствуют их большему вовлечению.

Исследовательский центр Пью, изучающий социальные проблемы, общественное мнение и демографические тенденции, формирующиеся в США и во всем мире, осенью 2019 года осуществил исследование и выяснил, что 20% американского взрослого населения получали информацию о политических новостях в основном через электронные социальные сети [1]. Это свидетельствует о росте частоты использования социальных сетей в качестве источника информации о политических событиях.

Политически окрашенные события, существующие исключительно в виртуальной реальности, способны оказывать влияние на события в реальном мире – организация политических демонстраций, поиск политических союзников и призыв сторонников, усиление внимания к внутри- и внешнеполитическим событиям и многое другое в современном мире осуществляется посредством социальных сетей и уже потом трансформируется в реальность.

Таким образом, данный фактор приводит к развитию социальных сетей не только в качестве площадки коммуникации, но и в качестве политического инструмента и обусловливает заинтересованность политических сил в их дальнейшей эволюции.

Социально-экономические факторы развития электронных социальных сетей

Стремление международного сообщества к глобализации экономических процессов и формированию единого мирового хозяйства также способствовало и распространению электронных социальных сетей.

Электронные социальные сети, как и многие современные технологии, обеспечивают высокую скорость обмена информацией, участвуют в формировании таких новых форм труда, как, удалённая работа, при ко-

торой снимается необходимость присутствия человека на рабочем месте. Кроме того, работодатели активно внедряют в свою деятельность аналитику персональных аккаунтов работников для принятия кадровых и иных решений, направленных на увеличение прибыли предприятий.

Виртуальные социальные сети также способствуют установлению коммуникации между работодателем и соискателем. Количество компаний, использующих социальные сети для поиска и найма на работу талантливых сотрудников, неуклонно возрастает. Twitter и различные продукты корпорации Meta, специализированные и узкопрофессиональные социальные сети позволяют размещать точечные информационные объявление, гарантированно достигающие целевой аудитории. Отнимающие человеческий и финансовый ресурс традиционные способы подбора персонала постепенно вытесняются инструментами электронных социальных сетей, которые обеспечивают рекрутерам зачастую бесплатный доступ к личным профилям потенциальных работников, а также готовую коммуникационную платформу. Соискателям трудоустройства социальные сети предоставляют реальный шанс создать и воплотить в жизнь образ идеального работника, указать и подтвердить свои сильные стороны и опыт предыдущей работы. Контроль за предоставлением правдивой информации может быть осуществлён самим сообществом профессиональной сети [4].

Необходимо отметить, что ведущие транснациональные корпорации уже используют преимущества электронных социальных сетей и активно используют их в своей деятельности. Технологические гиганты, такие как Google, Cisco, Apple и др. внедрили собственные корпоративные виртуальные сети, которые обеспечивают им непрерывную коммуникацию, сохранность научных знаний и достижений, их передачу и усвоение среди задействованных специалистов и вновь набранных работников.

Влияние социальных сетей на выстраивание диалога между компаниями и их клиентами трудно переоценить. Социальные сети как инструмент вовлечения, понимания и информирования текущих и возможных клиентов становятся обязательными для сохранения высокой конкурентоспособности бизнеса. Разработчики электронных социальных сетей предоставляют компаниям возможности постоянно улучшать не только свои внутренние процессы, но и деловые взаимоотношения с клиентами. В социальных платформах предоставляются средства развития и защиты собственных брендов. Клиенты со своей стороны наделены возможностью организовать группы, повышающие или снижающие ценность бренда за счёт постоянного циркулирования информации. Результаты исследований свидетельствуют о том, что потребители заинтересованы в рекомендациях других пользователей больше, чем в рекламных акциях или информации от самого производителя [14].

Таким образом, постоянная адаптация под запросы экономически и финансово заинтересованных людей, организаций и целых государств обусловливает необходимость развития электронных социальных сетей, финансовых инвестиций в данное развитие и привлечение хорошо подготовленных кадров для решение подобных задач. Формируемые пользователями социальных сетей большие потоки личных и обезличенных данных могут быть трансформированы в различного рода цифровые продукты, которые также могут быть использованы в ходе реализации экономических, финансовых, социальных, политических и иных проектов. Инвестиции в совершенствование электронных социальных сетей, с одной стороны, создают возможности по удовлетворению постоянно возрастающих социально-психологических потребностей современного человека, а с другой – прибыль владельцам этих ресурсов, что в конечном итоге подталкивает к их постоянному развитию во всём мире.

Социально-психологические факторы развития электронных социальных сетей

Социально-психологические факторы развития социальных сетей насчитывают большое количество аспектов. Среди них выделяют социальную поддержку, самоутверждение, самоопределение, социальное сравнение и др. Однако реализация данных факторов напрямую связана с раскрытием персональной информации на странице личного профиля в электронной социальной сети.

Размещение личной информации на странице в социальной сети позволяет пользователю получить некоторые возможности, которые в конечном итоге и будут определять его стремление находиться в сети.

– Комфортное поддержание отношений – одно из самых больших преимуществ электронных социальных сетей. Поддержание контактов не требует затраты серьёзных усилий. Именно такое удобство может стимулировать индивида использовать социальные сети, что и обусловливает их развитие [24, с. 22].
– Социальное взаимодействие. Пользователи заинтересованы в поддержании не только существующих в реальной жизни знакомств, но и в установлении совершенно новых контактов. Исследователи утверждают, что возможность создания слабых связей, обеспечивающих полезной информацией и предоставляющих определённые перспективы для человека, способствует высокой интенсивности использования электронных социальных сетей [8].
– Самопрезентация. Оценивается исследователями как основная причина присутствия индивида в электронной социальной сети. Кроме того, человек обладает возможностью конструировать «образ», который может значительно отличаться от реального [2].
– Удовлетворение. Исследования показали, что индивид получает удовольствие от нахождения и взаимодействия с другими индивидами через электронные социальные сети [24, с. 23].

Электронные социальные сети оказывают и положительное и отрицательное влияние на психологическое состояние человека. С одной стороны, нахождение в социальной сети способствует общему улучшению настроения человека и снижению его чувства одиночества, с другой – может привести к появлению серьёзных зависимостей и ухудшению психического здоровья.

Урбанизация, характеризующаяся увеличением количества населения в городах, также оказывает влияние на развитие социальных сетей, что проявляется в таких аспектах, как наличие быстрого интернета и доступности мобильных устройств, развитие технологий, рост популярности онлайн-игр, рост популярности онлайн-кинотеатров, рост популярности онлайн-шопинга, рост числа пользователей электронных социальных сетей и др.

С уверенностью можно утверждать, что одновременно с урбанизацией и постоянной вовлечённостью человека в сеть стремительно изменяется и характер его общения. Всё чаще используются текстовые сообщения и онлайн-звонки, которые с началом пандемии COVID-19 во многих сферах деятельности человека вытеснили реальные встречи и процессы реальной (то есть физической) коммуникации.

Несмотря на увеличение плотности населения в крупных городах, развивается ситуация, при которой человек стремится закрыть от внешних глаз свою реальную жизнь и сильнее погружается в формирование благопристойного с точки зрения общественности онлайн образа для его демонстрации окружающим. Это также достигается за счёт использования инструментов электронных социальных сетей и переноса общения в онлайн среду. Несмотря на физическое сближение людей в рамках мегаполисов в процессе урбанизации, происходит их социальное дистанцирование в реальном мире и одновременное сближение в мире виртуальных социальных сетей. Необходимо отметить, что в онлайн среде присутствуют исключительно аккаунты, которые ведущими исследователями не ставятся в соответствие личности и индивидуальности, а рассматриваются как средства социального взаимодействия [50, с. 130]. Таким образом, человек всё больше погружается в виртуальную реальность, в которой основным средством его представления (но не отражения), наряду с прочими, являются электронные социальные сети.

Рост интенсивности использования социальных сетей напрямую влияет на их развитие, порождая своего рода замкнутый цикл, при котором эволюция социальных сетей влечёт за собой увеличение числа пользователей, что приводит к совершенствованию самих социальных интернет-площадок.

Постоянное нахождение человека в электронных социальных сетях способствует его перенасыщенности огромным объёмом информации, циркулирующей на просторах таких платформ. Современная молодёжь, являя собой основную массу пользователей сети Интернет, представляет собой социально-возрастную группу, получающую подавляющий объём информации из всемирной сети. Интернет предоставляет доступ к огромному количеству материалов и аудитории, среди которой они могут быть очень быстро распространены.

К настоящему моменту неоспоримым является утверждение о том, что электронные социальные сети являются одним из ведущих источников информации по широкому кругу вопросов. Так, согласно исследованию, проведённому Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2021 году, население Российской Федерации узнаёт новости экономики и общественно-политической жизни страны и своего региона из центрального телевидения (47%), социальных сетей и блогов в Интернете (42%), разговоров с людьми (40%), новостных, аналитических и официальных сайтов в Интернете (36%), а также из регионального и местного телевидения (31%). Таким образом, в качестве источника информации социальные сети занимают второе место по популярности. Главными источниками новостей о событиях в нашей стране служат телевидение (42%, 11–19% среди молодежи), социальные сети и блоги в Интернете (21%, 35–45% среди молодежи), новостные, аналитические и официальные сайты в Интернете (20%), разговоры с людьми (5%) и мессенджеры (4%) [36].

Зачастую, находясь под давлением подобного потока неотфильтрованной информации, индивид не в состоянии сопротивляться тому пагубному влиянию, которому может быть подвержен. Это приводит к духовному отчуждению личности, к возможной дегуманизации общества, что может привести к кризису морали и ослаблению традиционных для данного общества духовных ценностей. С другой стороны, социальные сети способствуют насыщению человека многообразием идей и смыслов, мотивируя его к новому поиску в жизни.

Практическая сторона электронных социальных сетей для духовной сферы проявляется в возможности их использования при распространении информации о религиозных и иных духовных мероприятиях, для обмена мнениями и выработки консенсуса между различными религиозными группами населения.

Образование как фактор развития электронных социальных сетей

Электронные социальные сети широко проникли в сферу образования. Они содействуют быстрому формированию учебных групп, которые перенеслись из реальных аудиторий в виртуальные группы в социальных сетях, ускоряют обмен информацией между участниками таких групп, способствуют постоянной вовлечённости участников в образовательный процесс и формируют новые подходы и технологии в образовании.

Социальные сети могут быть использованы как средство для организации обучения и взаимодействия его участников. Они дают возможность человеку напрямую участвовать в образовательном процессе, в управлении, в оценке качества образования, в обсуждении и создании новых подходов и методик. Социальные сети открывают возможности для экспериментов с самопрезентацией и помогают на разных этапах взросления и становления личности [30, с. 405–407].

В целом, электронные социальные сети действительно могут быть полезными в образовании, способствуя высокой эффективности индивидуальной и коллективной работы учащихся, учебно-внеаудиторной работы, проектной деятельности, организуя обмен ресурсами и информацией. Кроме того, виртуальные социальные сети обеспечивают возможности непрерывного образования и самообразования в различных внешних условиях, организации коммуникации между участниками процесса, создания личных портфолио. Использование социальных сетей может увеличить эффективность обучения и вовлечённость студентов в учебный процесс.

С точки зрения образования, важнейшими принципами социальной сети являются следующие:

– Идентификация – указание сведений о себе (школа, институт, дата рождения, любимые занятия, книги, кинофильмы, умения и т.п.);
– Присутствие на сайте – чёткое понимание, кто в настоящее время находится на занятии;
– Вступление в диалог с другими участниками образовательного процесса.

Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на большое количество положительных сторон применения электронных социальных сетей в социальной сфере жизни общества и образовании, существуют отрицательные последствия. Они выражаются в возможности манипулировать как общественным, так и индивидуальным сознанием. Это оказывает прямое влияние на позитивные результаты использования возможностей социальных сетей и трансформировать их в противоположные.

Среди недостатков активного внедрения электронных социальных сетей в образование также выделяются отвлечение (студенты, ученики школ, а также учителя и преподаватели могут быть отвлечены сторонним контентом в социальные медиа), кибербуллинг (социальные сети могут превратиться в благодатную среду для кибербуллинга), проблемы с конфиденциальностью (проблемы сохранности личной информации серьёзным образом могут осложнить жизнь любого человека), неприемлемый контент (социальные сети могут содержать неприемлемую для человека или государства информацию).

В целом, однозначно оценить влияние электронных социальных сетей на современное образование невозможно. Однако отмечается стремление участников образовательного процесса максимально задействовать их возможности в ходе реализации различных учебных программ, что прямо стимулирует дальнейшее развитие и совершенствование инструментов социальных сетей.

Выводы

В рамках работы были исследованы некоторые основные факторы развития электронных социальных сетей, которые напрямую влияют на их современное стремительное развитие, обеспечивая как функционально-техническую основу проектирования, конструирования и разработки подобных сервисов, так и общественный запрос на их использование и эволюцию. Сформирован некий цикл, заключающийся в чередовании постоянной поддержки спроса на сервисы социальных сетей со стороны пользователей, возможности реализовать эти потребности через улучшения сервисов электронных социальных сетей и формировании новых, более требовательных запросов со стороны индивидов.

Рассмотренные в работе факторы вносят неравноценный вклад в развитие электронных социальных сетей, что зависит от складывающихся в момент проявления указанного фактора внешних условий. На наш взгляд НТП, являясь базовым и с технической точки зрения обусловливающим саму возможность совершенствования информационных технологий фактором, на текущем уровне его развития выступает не в качестве основного. Можно судить о сильнейшем влиянии социально-экономического фактора, который оказывается ведущим при разработке новых социальных функций и сервисов в сетях с целью максимального извлечения прибыли и фактически обосновывающим те затраты, которые ведущие технологические компании тратят на разработки в рамках современной прикладной науки и техники. Также важно отметить социально-политический фактор как значимый в эпоху политических трансформаций на глобальном уровне, способствующий включению социальных сетей в политические процессы в качестве эффективного инструмента ведения политического диалога, борьбы и разрешения политических конфликтов.

Необходимо отметить, что социальные сети могут быть эффективно использованы как средство распространения преступной информации, информации экстремистской и террористической направленности, информации, нацеленной на подрыв государственных основ, как инструмент организации незаконных политических акций и провокаций, координации антигосударственной деятельности. С позиции общественной и государственной безопасности подобное неприемлемо, а значит государство заинтересовано в установлении контроля над электронными социальными сетями, в создании механизмов, в том числе на уровне законов, устанавливающих барьеры их стремительному развитию. Вместе с тем, важно понимать, что развитие социальных сетей формирует инструментарий, использование которого может в некоторой степени обеспечить успешную реализацию государственной внешней и внутренней политики. Власть должна быть естественным образом заинтересована в формировании государственной пропаганды внутри электронных социальных сетей, в продвижении своей повестки посредством их использования как на внутренней, так и на внешней арене.

В целом, современный этап развития электронных социальных сетей характеризуется синхронным возрастанием количества как положительных, так и отрицательных последствий их использования человеком. Очевидно, что решение различных задач при помощи электронных социальных сетей обусловливает их стремительное распространение по всему миру, а рассмотренные в статье факторы оказывают существенное влияние на них.

В настоящий момент социально-ориентированные платформы находятся в стадии перманентного развития. Можно уверенно прогнозировать их скорую трансформацию из простых инструментов по обмену сообщениями, поиску контактов и освещению каких-либо сторон личной жизни человека или сообщества в многофункциональные системы, позволяющие решать различные вопросы практически в любой сфере жизнедеятельности людей. Электронные социальные сети модифицируются в универсальное хранилище публичной информации, превращаясь в виртуальное пространство, действительно влияющее на реальную жизнь индивида.

Литература

1. Americans Who Mainly Get Their News on Social Media Are Less Engaged, Less Knowledgeable. – URL: https://www.pewresearch.org/journalism/2020/07/30/americans-who-mainly-get-their-news-on-social-media-are-less-engaged-less-knowledgeable/ (дата обращения: 01.06.2023).
2. Boyd D. Why Youth Heart Social Network Sites: The Role of Networked Publics in Teenage Social Life // MacArthur Foundation Series on Digital Learning Youth, Identity, and Digital Media Volume. 2007. № 1–26.
3. Castells Manuel. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.
4. Chiang JK-H, Suen H-Y. Self-presentation and hiring recommendations in online communities: lessons from LinkedIn. Computers in Human Behavior 2015; 48:516–524.
5. Coleman J.S. Foundations of Social Theory. – Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1990.
6. Conover M.D. Predicting the political alignment of twitter users / M.D. Conover, B. Gonçalves, J. Ratkiewicz, A. Flammini, F. Menczer // Proceedings IEEE International Conference on Privacy, Security, Risk and Trust and IEEE International Conference on Social Computing, PASSAT/SocialCom. – 2011. – № 6113114.
7. Education and social networking: Between connectivism and the critical social philosophy of the new media / M. De Martino, S.A. Kovalenko, G.F. Tkach, E. Isidori // RUDN Journal of Sociology. – 2022. – Vol. 22, № . 1. – P. 137–149.
8. Ellison N., Steinfield C., Lampe C. The Benefits of Facebook “Friends”: Exploring the Relationship Between College Students’ Use of Online Social Networks And Social Capital // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. № 12 (3).
9. Emerson R.M. Power-Dependence Relation. – American Sociological Review, 1962, № 27.
10. Laxitha Mundhra. The Big Picture of Indian Politics, Politicians and Social Media. – URL: https://www.ciol.com/indian-politics-politicians-social-media/ (дата обращения: 01.11.2022).
11. *Newman N.; Levy D. Reuters Institute Digital News Report 2013.*
12. Reshetnikova L.M. Digital diplomacy and social media networks: contemporary practices of innovation in foreign policy / L.M. Reshetnikova, I.M. Samokhina // Vest-

nik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya. – 2023. – Vol. 28, № . 2. – P. 205–213.
13. The Changing World of Digital In 2023. – URL: https://wearesocial.com/uk/blog/2023/01/the-changing-world-of-digital-in-2023/ (дата обращения 27.01.2023).
14. Twenty-Five Years of Social Media: A Review of Social Media Applications and Definitions from 1994 to 2019 Thomas Aichner, Matthias Grünfelder, Oswin Maurer, and Deni Jegeni Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking 2021 24:4, 215–222.
15. Абдрахманова Г.И., Ковалева Г.Г. Тенденция развития информационных и коммуникационных технологий // Форсайт, 2009. № 4.
16. Абдуллаева Ф.Н. Информационно-психологическая безопасность пользователей социальных сетей / Ф.Н. Абдуллаева // Молодежная наука: тенденции развития. – 2018. – № 2. – С. 52–60.
17. Ануфриева Е.В. Общественное мнение как фактор развития социальных сетей в России (социально-педагогические аспекты) / Е.В. Ануфриева, Е.Г. Ефимов, И.А. Небыков // Бизнес. Образование. Право. – 2013. – № 4 (25). – С. 311–315.
18. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М., 1999.
19. Брун О.Е. Развитие теории социальной сети / О.Е. Брун // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – № 1 (16).
20. Вишневый Р.И. Сеть как социально-экономический аттрактор: синергетический подход / Р.И. Вишневый // Russian Economic Bulletin. – 2021. – Т. 4, № 3. – С. 289–296.
21. Влияние социальных сетей на развитие бизнес-процессов / Е.В. Попов, В.Л. Симонова, О.В. Комарова, С.С. Кайгородова // Экономический анализ: теория и практика. – 2020. – Т. 19, № 12 (507). – С. 2225–2252.
22. ГОСТ Р 52653–2006 Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Термины и определения. – URL: https://rags.ru/gosts/gost/30/ (дата обращения: 02.06.2023).
23. Гребенюк А.А. Потребность российской экономики в иностранных трудовых ресурсах в условиях внедрения новых технологий // Экономика региона. – 2020. – Т. 16, № 2.
24. Данина М.М. Социально-психологический аспект исследования социальных сетей в Интернете / М.М. Данина, А.А. Шаляпин // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2012. – № 3.
25. Дементьева К.В. Медиаплощадки в Интернете как способ выражения общественного мнения молодежи / К.В. Дементьева // Журналистский ежегодник. – 2017. – № 6. – С. 9–12.
26. Диков А.В. Ресурсы Интернета и обучение в социальных сетях // Народное образование. 2018. № 8–9 (1470). – С. 135–143.
27. Жуйков А.А. Виртуальные конфликты в социальных сетях Интернета как угроза информационной безопасности / А.А. Жуйков, А.Р. Каспаров, А.А. Нурахмедова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2019. – № 2 (239). – С. 89–94.
28. Землякова К.В. Авторский дискурс политиков в социальных сетях: определение места в классификации типов дискурса / К.В. Землякова // Социогуманитарные коммуникации. – 2022. – № 2 (2). – С. 76–87.
29. Золотухин С.А. Роль социальных сетей в информатизации образования // Дискуссия. 2013. № 5–6 (35–36). – С. 152–157.
30. Клименко О.А. Социальные сети как средство обучения и взаимодействия участников образовательного процесса / О.А. Клименко. – Текст: непосредственный // Теория и практика образования в современном мире: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). – Т. 2. – Санкт-Петербург: Реноме, 2012.
31. Клинкова Д. А. «Фейковые новости» в социальных сетях: Проблемы и решения / Д.А. Клинкова // Современные технологии: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сборник статей XII Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Пенза, 23 декабря 2017 года / Под общей редакцией Г.Ю. Гуляева. Том Часть 1. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. – С. 233–235.
32. Колесников А.В. Мировые тенденции развития информационно-коммуникативных технологий / А.В. Колесников // Вестник сельского развития и социальной политики. – 2020. – № 2 (26).
33. Колосова О.А. Социальные сети в жизни современной молодежи: проблемы взаимодействия / О.А. Колосова, М.В. Ионцева, А.Л. Андреева // Вызовы глобализации и развитие цифрового общества в условиях новой реальности: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Москва, 24 апреля 2023 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2023. – С. 152–159.
34. Кривоносова Е.Э. Роль социальных сетей в политике / Е.Э. Кривоносова, В.П. Семенюк // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 54. – С. 58–60.
35. Крыштановская О.В. Исследования политической коммуникации: государство и социальные сети / О.В. Крыштановская, А.М. Филиппова // Вестник университета. – 2018. – № 6. – С. 171–176.
36. Медиапотребление и активность в интернете. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete (дата обращения: 06.06.2023).
37. Могилев А.В. Социальные сети – школа будущего! // Народное образование. 2012. № 6. – С. 170–175.
38. Панцерев К.А. Современные модели информационного общества: типологическая характеристика / К.А. Панцерев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2011. – № 1.
39. Пирютко И.Д. Социальные сети как инструмент для дезинформации и управления дезинформацией / И.Д. Пирютко, Л.Б. Кулемина // Достижения науки и технологий-ДНиТ-11–2023: Сборник научных статей по материалам II Всероссийской научной конференции, Красноярск, 27–28 февраля 2023 года. Том Выпуск 7. – Красноярск: Общественное учреждение «Красноярский краевой Дом науки и техники Российского союза научных и инженерных общественных объединений», 2023. – С. 327–331.
40. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е издание. – М., СПб.: Питер, 2002.
41. Рычихина Э.Н. Взаимодействие с населением в социальных сетях для устранения конфликтов «местная власть-население» / Э.Н. Рычихина, Е.П. Неско-

родева, А.М. Боровикова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – Т. 13, № 3.
42. Славникова К.Н. Формирование общественного мнения посредством социальных сетей / К.Н. Славникова // E-Scio. – 2023. – № 3(78). – С. 313–320.
43. Сулейманова Ш.С. Роль новых медиа в современном обществе / Ш.С. Сулейманова // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2017. – № 2 (20). – С. 67–75.
44. Федеральный закон об информации, информационных технологиях и о защите информации. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/?ysclid=lj46g3l0km811589014 (дата обращения: 01.04.2023).
45. Чапля Т.В. Медиапространство современного города / Т.В. Чапля, Т.О. Шаверина // Культурно-антропологические исследования. – 2022. – № 1. – С. 43–49.
46. Чернов А.А. Основные историко-теоретические этапы развития концепций глобального информационного общества // Информация. Дипломатия. Психология / Отв. ред. Ю.Б. Кашлев. М.: Известия, 2002.
47. Чернов А.А. Становление глобального информационного общества: Проблемы и перспективы / А.А. Чернов; А.А. Чернов; Дипломат. акад. МИД России. – Москва: Дашков и К, 2003.
48. Черныш М.Ф. Социальные сети и неравенство / М.Ф. Черныш // Научный результат. Социология и управление. – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 4–15.
49. Шакирова А.Ф. Социальные сети как источник изучения общественного мнения / А.Ф. Шакирова, М.С. Шакиров // Электронный экономический вестник Татарстана. – 2023. – № 1. – С. 102–106.
50. Шульц В.Л. Теоретико-методологические проблемы цифровой социологии / В.Л. Шульц, А.А. Гребенюк, И.С. Ашманов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2022. – Т. 28, № 1.

SOCIAL FACTORS OF THE DEVELOPMENT OF ELECTRONIC SOCIAL NETWORKS

Chernov P.A.
Lomonosov Moscow State University

The article attempts to conceptualize the factors of rapid development of the phenomenon of electronic (virtual) social networks in the world, presents five groups of factors that, in the author's opinion, play the most significant role in the evolution of these Internet services. In general, the material allows us to assess the impact of various aspects of life of modern society on the virtual tools of communication and interaction used by it.

Keywords: social networks, factors of social network development, Internet.

References

1. Americans Who Mainly Get Their News on Social Media Are Less Engaged, Less Knowledgeable. – URL: https://www.pewresearch.org/journalism/2020/07/30/americans-who-mainly-get-their-news-on-social-media-are-less-engaged-less-knowledgeable/ (date of access: 06/01/2023).
2. Boyd D. Why Youth Heart Social Network Sites: The Role of Networked Publics in Teenage Social Life // MacArthur Foundation Series on Digital Learning Youth, Identity, and Digital Media Vol. 2007. No. 1–26.
3. Castells Manuel. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.
4. Chiang JK-H, Suen H-Y. Self-presentation and hiring recommendations in online communities: lessons from LinkedIn. Computers in Human Behavior 2015; 48:516–524.
5. Coleman J.S. Foundations of Social Theory. – Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1990.
6. Conover M.D. Predicting the political alignment of twitter users / M.D. Conover, B. Gonçalves, J. Ratkiewicz, A. Flammini, F. Menczer // Proceedings IEEE International Conference on Privacy, Security, Risk and Trust and IEEE International Conference on Social Computing, PASSAT/SocialCom. – 2011. – No. 6113114.
7. Education and social networking: Between connectivism and the critical social philosophy of the new media / M. De Martino, S.A. Kovalenko, G.F. Tkach, E. Isidori // RUDN Journal of Sociology. – 2022. – Vol. 22, no. 1. – P. 137–149.
8. Ellison N., Steinfield C., Lampe C. The Benefits of Facebook "Friends": Exploring the Relationship Between College Students' Use of Online Social Networks And Social Capital // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. No. 12 (3).
9. Emerson R.M. Power-Dependence Relation. – American Sociological Review, 1962, No. 27.
10. Laxitha Mundhra. The Big Picture of Indian Politics, Politicians and Social Media. – URL: https://www.ciol.com/indian-politics-politicians-social-media/ (accessed 11/01/2022).
11. Newman N.; Levy D. Reuters Institute Digital News Report 2013.
12. Reshetnikova L.M. Digital diplomacy and social media networks: contemporary practices of innovation in foreign policy / L.M. Reshetnikova, I.M. Samokhina // Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. History. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya. – 2023. – Vol. 28, no. 2. – P. 205–213.
13. The Changing World of Digital In 2023. – URL: https://wearesocial.com/uk/blog/2023/01/the-changing-world-of-digital-in-2023/ (accessed 01/27/2023).
14. Twenty-Five Years of Social Media: A Review of Social Media Applications and Definitions from 1994 to 2019 Thomas Aichner, Matthias Grünfelder, Oswin Maurer, and Deni Jegeni Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking 2021 24:4, 215–222.
15. Abdrakhmanova G.I., Kovaleva G.G. Trend in the development of information and communication technologies // Foresight, 2009. No. 4.
16. Abdullaeva F.N. Information and psychological safety of users of social networks / F.N. Abdullaeva // Youth science: development trends. – 2018. – No. 2. – P. 52–60.
17. Anufrieva E.V. Public opinion as a factor in the development of social networks in Russia (social and pedagogical aspects) / E.V. Anufrieva, E.G. Efimov, I.A. Nebykov // Business. Education. Right. – 2013. – No. 4 (25). – pp. 311–315.
18. Bell D. The Coming Post-Industrial Society: Experience in Social Forecasting. M., 1999.
19. Brun O.E. Development of the theory of social network / O.E. Brun // Bulletin of MGIMO University. – 2011. – No. 1 (16).
20. Vishnevyi R.I. Network as a socio-economic attractor: a synergetic approach / R.I. Vishnevyi // Russian Economic Bulletin. – 2021. – T. 4, No. 3. – P. 289–296.
21. The influence of social networks on the development of business processes / E.V. Popov, V.L. Simonova, O.V. Komarova, S.S. Kaygorodova // Economic analysis: theory and practice. – 2020. – T. 19, No. 12 (507). – pp. 2225–2252.
22. GOST R 52653–2006 Information and communication technologies in education. Terms and Definitions. – URL: https://rags.ru/gosts/gost/30/ (access date: 06/02/2023).
23. Grebenyuk A.A. The need of the Russian economy for foreign labor resources in the context of the introduction of new technologies // Regional Economics. – 2020. – T. 16, No. 2.
24. Danina M.M. Socio-psychological aspect of the study of social networks on the Internet / M.M. Danina, A.A. Shalyapin // Bulletin of Moscow University. Episode 10: Journalism. – 2012. – No. 3.
25. Dementyeva K.V. Media platforms on the Internet as a way of expressing public opinion of young people / K.V. Dementyeva // Journalist Yearbook. – 2017. – No. 6. – P. 9–12.
26. Dikov A.V. Internet resources and training in social networks // Public education. 2018. No. 8–9 (1470). – pp. 135–143.
27. Zhuikov A.A. Virtual conflicts in Internet social networks as a threat to information security / A.A. Zhuikov, A.R. Kasparov, A.A. Nurakhmedova // Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies. – 2019. – No. 2 (239). – pp. 89–94.

28. Zemlyakova K.V. Author's discourse of politicians in social networks: determining the place in the classification of types of discourse / K.V. Zemlyakova // Socio-humanitarian communications. – 2022. – No. 2 (2). – pp. 76–87.
29. Zolotukhin S.A. The role of social networks in the informatization of education // Discussion. 2013. No. 5–6 (35–36). – pp. 152–157.
30. Klimenko O.A. Social networks as a means of learning and interaction between participants in the educational process / O.A. Klimenko. – Text: direct // Theory and practice of education in the modern world: materials of the I International. scientific conf. (St. Petersburg, February 2012). – T. 2. – St. Petersburg: Renome, 2012.
31. Klinkova D. A. "Fake news" in social networks: Problems and solutions / D.A. Klinkova // Modern technologies: current issues, achievements and innovations: Collection of articles of the XII International Scientific and Practical Conference. In 2 parts, Penza, December 23, 2017 / Generally edited by G. Yu. Gulyaeva. Volume Part 1. – Penza: "Science and Enlightenment" (IP Gulyaev G.Yu.), 2017. – P. 233–235.
32. Kolesnikov A.V. World trends in the development of information and communication technologies / A.V. Kolesnikov // Bulletin of rural development and social policy. – 2020. – No. 2 (26).
33. Kolosova O.A. Social networks in the life of modern youth: problems of interaction / O.A. Kolosova, M.V. Iontseva, A.L. Andreeva // Challenges of globalization and the development of digital society in the new reality: Collection of materials VII International scientific and practical conference, Moscow, April 24, 2023. – Moscow: Limited Liability Company "ALEF Publishing House", 2023. – P. 152–159.
34. Krivonosova E.E. The role of social networks in politics / E.E. Krivonosova, V.P. Semenyuk // Collections of conferences of the Scientific Research Center Sociosphere. – 2014. – No. 54. – P. 58–60.
35. Kryshtanovskaya O.V. Research of political communication: state and social networks / O.V. Kryshtanovskaya, A.M. Filippova // University Bulletin. – 2018. – No. 6. – P. 171–176.
36. Media consumption and activity on the Internet. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete (date of access: 06/06/2023).
37. Mogilev A.V. Social networks – the school of the future! // Public education. 2012. No. 6. – pp. 170–175.
38. Pantserev K.A. Modern models of the information society: typological characteristics / K.A. Pantserev // Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Philosophy. Culturology. Political science. Right. International relationships. – 2011. – No. 1.
39. Piryutko I.D. Social networks as a tool for disinformation and disinformation management / I.D. Piryutko, L.B. Kulemina // Achievements of science and technology-DNiT-11–2023: Collection of scientific articles based on materials of the II All-Russian Scientific Conference, Krasnoyarsk, February 27–28, 2023. Volume Issue 7. – Krasnoyarsk: Public institution "Krasnoyarsk Regional House of Science and Technology of the Russian Union of Scientific and Engineering Public Associations", 2023. – P. 327–331.
40. Ritzer J. Modern sociological theories. 5th edition. – M., St. Petersburg: Peter, 2002.
41. Rychikhina E.N. Interaction with the population in social networks to eliminate conflicts "local government-population" / E.N. Rychikhina, E.P. Neskorodeva, A.M. Borovikova // World of Science. Sociology, philology, cultural studies. – 2022. – T. 13, No. 3.
42. Slavnikova K.N. Formation of public opinion through social networks / K.N. Slavnikova // E-Scio. – 2023. – No. 3(78). – pp. 313–320.
43. Suleymanova Sh.S. The role of new media in modern society / Sh.S. Suleymanova // Eurasian Union: issues of international relations. – 2017. – No. 2 (20). – pp. 67–75.
44. Federal Law on Information, Information Technologies and Information Protection. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/?ysclid=lj46g3l0km811589014 (date of access: 04/01/2023).
45. Chaplya T.V. Media space of the modern city / T.V. Chaplya, T.O. Shaverina // Cultural and anthropological studies. – 2022. – No. 1. – P. 43–49.
46. Chernov A.A. Main historical and theoretical stages of development of concepts of the global information society // Information. Diplomacy. Psychology / Rep. ed. Yu.B. Kashlev. M.: Izvestia, 2002.
47. Chernov A.A. Formation of a global information society: Problems and prospects / A.A. Chernov; A.A. Chernov; Diplomat. acad. Russian Foreign Ministry. – Moscow: Dashkov and K, 2003.
48. Chernysh M.F. Social networks and inequality / M.F. Chernysh // Scientific result. Sociology and management. – 2022. – T. 8, No. 2. – P. 4–15.
49. Shakirova A.F. Social networks as a source of studying public opinion / A.F. Shakirova, M.S. Shakirov // Electronic economic bulletin of Tatarstan. – 2023. – No. 1. – P. 102–106.
50. Shultz V.L. Theoretical and methodological problems of digital sociology / V.L. Shultz, A.A. Grebenyuk, I.S. Ashmanov // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. – 2022. – T. 28, No. 1.

Разработка методического подхода к изучению социальных механизмов управления предприятием в Китае

Чжао Юньхуэй,
аспирант, кафедра социальных технологий, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: 462010@qq.com,

Гавриленко Ольга Владимировна,
кандидат социологических наук, доцент, зав. кафедрой, кафедра социальных технологий, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: gavrilenko2014@yandex.ru

В статье основное внимание уделяется разработке методического подхода исследования социальных механизмов управления предприятием. К настоящему времени социальное управление достаточно часто можно встретить в компаниях разных стран, что прежде всего связано со стремлением к качественному развитию управленческого процесса. Тем не менее, глубокого теоретического и методологического осмысления данный феномен еще не получил. Учитывая актуальность темы, в статье решается проблема по разработке методики анализа социального управления, которая адаптирована для китайских предприятий. Разработка методического подхода потребовала изучения факторов, влияющих на формирование социальных механизмов управления предприятием, а также в целом национальной специфики социального управления в Китае. Результатом исследования стала методика, основанная на анкетном опросе, позволяющая многоаспектно изучить социальное управление в китайских предприятиях. В методике учитывается как индивидуальный уровень, связанный с особенностями социального поведения сотрудников, их проактивностью и реактивностью в рабочем процессе, так и коллективный, выражающийся в специфике социального взаимодействия. Предложенная методика была апробирована на выборке сотрудников разных китайских предприятиях (n=600) и позволила достаточно подробно описать механизмы социального управления. Методический подход может быть использован в основе дальнейших эмпирических исследований социального механизма управления предприятий.

Ключевые слова: Социальное управление, механизм социального управления, китайские предприятия, методический подход, проактивность, факторы.

В настоящее время в научных кругах растет интерес к изучению управления с позиции социологической науки. Социальное управление – сложный феномен, теоретико-методологический аппарат анализа которого к настоящему времени не сформирован. В связи с этим, существует необходимость не только в теоретическом осмыслении сущности основных понятий, таких как механизмы, инструменты управления, управленческие взаимодействия и других, а также в создании методических подходов к анализу кейсов социального управления в конкретных компаниях. Это определило цель исследования настоящей статьи – разработать методический подход к изучению социальных механизмов управления предприятием.

Для достижения поставленной цели, предполагается необходимым выполнить ряд задач, включающих (1) определение понятия социального механизма управления и его компонентов; (2) выявление факторов в социальном управлении китайского предприятия; (3) описание авторского методического подхода к изучению механизмов социального управления.

Объектом исследования в статье выступает социальное управление в китайских компаниях. Поэтому при разработке подхода учитывалось возможное влияние национальной специфики на механизм управления и социальную среду предприятия в целом.

Понятие социального механизма управления вытекает из определения механизма в управлении, как объединяющего средства и методы управления способа достижения целей предприятия [8, с. 106]. В предыдущем исследовании мы уже подробно представили наше видение социального механизма управления как «неотъемлемой части эффективной модели управления современного предприятия» [9, с. 204]. В социальном механизме воплощается специфика функций социальной системы, в качестве которой может выступать предприятие. Он является движущей силой любого предприятия и стимулирует развитие его деятельности. В то же время, механизм управления – «стержень» системы управления компании и ее наличие отличает последнюю от иных социальных групп.

Являясь промежуточным звеном, механизм управления соединяет управляющую и управляемую подсистемы предприятия. Он объединяет их усилия в решении определенных задач [4]. Это становится возможным за счет социальных технологий, составляющих своеобразный инструментарий и каркас механизма социального управления. С другой стороны, реализация социального управления невозможна без использования методов управления. Они объединяют в себе разнообразные способы, с помощью которых становится возможным оказывать непосредственное влияние и воздействие на социальные субъекты, стимулируя их совершать определенные действия [7]. Известны социально-психологические, организационно-административные и экономические методы управления. Среди них именно первые получили широкое распространение в социальном управлении. Учитывая все перечисленное выше, можно предложить определение социального механизма управления как совокупности методов и средств управленческого воздей-

ствия субъекта управления на социальную среду объекта управления с целью повышения производительности труда посредством улучшения социальной защищенности и благосостояния сотрудников.

В качестве компонентов социального механизма управления предприятия выделяются корпоративная культура, мотивационная система, организационное устройство, а также иные методы и способы управления, формирующие состояние социальной среды в пространстве предприятия. Все они способствуют созданию благоприятных социальных условий для трудовой деятельности работников. Каждое предприятие, исходя из собственной специфики, выбирает собственный механизм социального управления, который, как видится прежде всего руководящей группе, будет наиболее эффективно влиять на социальную среду предприятия и создавать необходимые социальные условия для развития производственных процессов. Все эти варианты механизма социального управления формируются под действием разнообразных факторов, которые могут быть объединены в группы «культурные», «социальные», а также те, что связаны с саморазвитием и поощрением, включая «обучение» и «мотивация».

Культурные факторы определяются ценностями и традициями, которые существуют в обществе и оказывают влияние на механизм социального управления предприятия. На примере Китая можно продемонстрировать, что влияние философских учений конфуцианства и даосизма привели к формированию особого уважения к старшим поколениям, строгой приверженности иерархии, прагматизму и гармонии во всем, что несомненно оказало влияние на механизм социального управления и выразилось в корпоративной культуре предприятий [6].

Несмотря на то, что социальные факторы также в определенной степени формируются под действием философских учений, они раскрываются в особом характере социального взаимодействия на разных уровнях предприятия: работник – работник, руководитель – работник, работник – руководитель [5]. Здесь, несомненно, определяющим фактором являются *гуаньси*, что в русском языке ближе к понятию «связи». В то же время в китайской культуре эта реалия более специфична и определяет особенности социальной среды.

Факторы, связанные с саморазвитием, включены в группу «обучение». В настоящее время предприятия стремятся создать необходимые условия, чтобы их сотрудники постоянно развивались и улучшали свои знания и навыки. В связи с этим, компании, и китайские не являются исключением, создают условия для обучения своих сотрудников. Это в конечном итоге благоприятно влияет на социальную среду предприятия и ведет к улучшению производительности труда [3]. Для более лучшего эффекта, в обучение внедряются идеи традиционной китайской культуры, как, к примеру, конфуцианская концепция благородного мужа, что улучшает социально-психологическое самочувствие работников [2].

Исходя из определения сущности механизма социального управления предприятием, а также учитывая его специфику и факторы, оказывающие влияние на его формирование в китайских компаниях, был разработан методический подход к изучению социальных механизмов управления. Этот подход разрабатывался поэтапно. Прежде всего были определены цели и задачи исследования, затем определены методы его проведения, заданы целевые параметры выборки и проведена апробация методического подхода.

Цель в предлагаемой методике связана с выявлением механизмов социального управления и факторов, влияющих на них. Для достижения цели изучаются как собственно механизм социального управления, так и условия его функционирования, включая специфику социальной среды предприятия как особой системы.

На предыдущих этапах исследования было обнаружено, что в коллективе китайского предприятия распространен образ сотрудника с явной пассивностью во взаимодействии, особенно с высшим руководством. На наш взгляд, это связано с концепцией проактивности / реактивности социального поведения. Если сотрудники проактивны, они несут личную ответственность за социальную среду предприятия, стремятся участвовать в принятии управленческих решений, мотивированы к постоянному движению, в то же время не боятся совершать ошибок [10]. Интерес также представляет абсолютное различие векторов восприятия проактивности в академических кругах Китая и других стран. Так, европейские социологи высказывают мнение относительно проактивности как одного из базовых условий достижения благополучного состояния сотрудника. В свою очередь китайские авторы утверждают, что проактивное поведение сотрудника на работе подвергает его риску [11]. Они также отмечают преобладающую реактивность в поведении китайских сотрудников, их крайнюю послушность и приверженность мнению вышестоящего руководства [12]. Более того, подобная проактивность в социальной среде китайского предприятия нередко воспринимается как непочтительность [1]. Такое отношение к проактивному поведению в существенной степени обусловлено влиянием культурных и социальных ценностей. Распространенность проактивности в среде китайского коллектива будет определять выбор механизмов социального управления.

При разработке методики исследования социальных механизмов управления китайского предприятия нами были поставлены задачи и соответствующие им гипотезы, которые включают следующие:

Н1: культура оказывает влияние на поведение сотрудников в социальной среде китайского предприятия.

Н2: особенности проактивности поведения сотрудников оказывают влияние на социальное управление предприятия.

Н3: социальная гармония как высшая ценность в китайской культуре влияет на выбор механизмов социального управления.

Для доказательства или опровержения этих гипотез в качестве наиболее приемлемого метода анализа было выбрано анкетирование. Выбор метода обусловлен, во-первых, его доступностью, простотой, а, во-вторых, возможностью составления структурированной анкеты и проведения количественного анализа с применением статистических инструментов.

Качество анкеты определяет возможность достижения целей исследования. В связи с этим, в процессе создания анкеты мы учитывали все аспекты социального управления, которые были выявлены нами на предыдущих этапах теоретического исследования. Также мы придерживались принципа доступности для понимания формулировок вопросов анкеты, а поэтому избегали вопросов о политике социального управления, на которые могли бы ответить только сотрудники управляющего звена предприятия.

В результате, была создана анкета, состоящая из трех частей, включающих в общей совокупности 29 вопросов.

Первая часть объединила вопросы социально-демографического характера, включая «возраст», «пол», «должность» и «опыт работы».

Вторая часть посвящена вопросам о проактивности сотрудников. Используя ставший уже классическим

в оценке проактивности инструмент «Шкалу проактивности» Шварцера, мы дополнили анкету вопросами на обнаружение степени проактивности или реактивности поведения. Здесь следует учитывать, что принимать во внимание необходимо как общий результат Шкалы, так и отдельные ее компоненты, например, отношение к личной ответственности и другие. Это позволяет более глубоко понять паттерны социального поведения китайского сотрудника и проанализировать их связь с социальным управлением.

Третья часть анкеты содержит вопросы об особенностях управления (социального) в компании. В нее вошли вопросы с выбором вариантов ответа, в том числе «Как вы оцениваете важность традиционных ценностей и обычаев в корпоративной среде вашей компании», «Какие методы управления распространены на вашем предприятии», «Какой тип коммуникации преобладает в социальной среде предприятия», «Какие способы мотивации используются в вашей компании?», «Как вы думаете, что является главной целью социального управления на вашем предприятии?» и другие. После этого была задана серия вопросов на выявление степени согласия респондентов с утверждениями об особенностях социального управления по пятибалльной шкале от «абсолютно несогласен» (1 балл) до «абсолютно согласен» (5 баллов).

Далее были определены целевые показатели выборки исследования. Среди них гражданство КНР, официальное трудоустройство в китайской компании, а также опыт работы на последнем рабочем месте от 1 года. Отметим, что выборка была простой случайной.

Апробация методического подхода проходила на платформе «Анкета Star» на выборке из 600 респондентов. В нее вошли сотрудники компаний Haier, Hainan Airlines, Tencent, Huawei, Great Wall, Mengniu, FAO, Dongfeng, Suning, China Huaneng, Midea, Jinchuan Group, Xiaomi. Результаты анкетирования были обработаны с применением статистических инструментов SPSS, включая многомерный анализ и оценку надежности по коэффициенту корреляции Pearson и F-критерию.

Результатом применения методического подхода стало подтверждение гипотез, поставленных в начале исследования. В частности, выявлено, что на поведение сотрудников оказывает влияние воздержание от принятия ответственности, кроме этого, доказано, что описываемое явление связано со страхом потери лица и одновременно идеализацией лидера в корпоративной среде. Обнаружено, что социальная гармония в действительности выступает в качестве главной цели функционирования механизма социального управления в китайских компаниях.

Помимо перечисленных выше, были получены и иные выводы исследования, представляющие научный интерес. Объект социального управления пассивен, и в целом, социальный портрет сотрудника китайской компании характеризуется высокой степенью пассивного принятия ответственности. Было выявлено, что проактивность находит проявление в готовности к сверхурочной работе, к которой китайские сотрудники в целом не имеют негативного отношения. В китайских предприятиях распространены демократические и коллективистские методы управления, что связано с влиянием традиционных ценностей и обычаев, а также социальных установок. Особым почитанием пользуются сотрудники старшие по возрасту и должности. Что касается руководителя – его личность сверх идеализирована, он наделен чертами строгости и спокойствия, при этом дистанция между руководителем и сотрудником постоянно сохраняется. Развитие межличностных отношений, преобладание принципа коллективизма, иерархии отражаются в механизме социального управления.

В целом можно отметить, что предложенный методический подход обладает рядом преимуществ. Во-первых, он позволяет глубоко изучить особенности социального управления в предприятии. Во-вторых, он учитывает специфику факторов, влияющих на управление и социальную среду предприятия в целом. В-третьих, он отражает механизм социального управления на всех уровнях его воздействия, в том числе индивидуальном.

Подводя итог, отметим, что разработанный методический подход может быть использован для проведения эмпирического исследования социальных механизмов управления как китайского предприятия, так и компаний в других странах. В то же время, важно учитывать особенности влияния национальных условий на формирование механизмов социального управления, а поэтому проводить соответствующую адаптацию анкеты к специфике социальной среды компаний. Дальнейшие исследования могут быть посвящены апробации разработанного подхода и его модификации для изучения механизма социального управления на предприятиях других стран.

Литература

1. Бо Чжан. Особенности системы управления персоналом в китайских компаниях / Т.А. Солтицкая, Бо Чжан // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. – 2005. – № 2. – С. 90–104.
2. Ван Линьци. Анализ модели управления предприятием и модернизация управления // Китайская и зарубежная предпринимательская культура. – 2023. – № 3. – С. 88–90.
3. Ван Лэй. Исследование механизма влияния интенсивности традиционного культурного обучения на вовлеченность сотрудников в труд / Чао Ган, Ван Цзяцзя, Ван Лэй // Журнал менеджмента. – 2021. – № 18. – С. 1158–1165.
4. Васильев А.В. Культура коммуникаций в условиях информационной глобализации / А.В. Васильев, Э.Д. Коркия, А.К. Мамедов. – М., 2019. – 160 с.
5. Вэй Ву. Построение теоретической системы управления предприятием с китайской спецификой / Вэй Ву, Чэнь Чжэнси // Фронтлайн. – 2022. – № 9. – С. 40–43
6. Ган Вэйюй. Конфуцианская традиция и гарантия занятости: сила культуры / Ган Вэйюй, Сюй Сиксюн, Лю Ман // Журнал Шанхайского университета финансов и экономики. – 2020. – № 22. – С. 66–84.
7. Кирпиченко А.М. Механизм социального управления // Экономика. Социология. Право. – 2021. – № 4 (24). – С. 86–106.
8. Чжао Юньхуэй. Социальные механизмы управления предприятиями в Китае: современное состояние исследований и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2022. – № 3. – С. 100–113.
9. Чжао Юньхуэй. Управление предприятием как процесс социальной деятельности: на примере реального сектора экономики Китая // Социология. 2023. № 6. С. 202–210.
10. Dutton J.E. Crafting a Job: Revisioning Employees as Active Crafters of Their Work / A. Wrzesniewski, J. Dutton // Academy of Management Review. – 2023. – № 25. – С. 179–201.
11. Law K.S. You think you are big fish in a small pond? Perceived overqualification, goal orientations, and proactivi-

ty at work / Law K.S., Zhang M.J., Lin B. // Journal of Organizational Behavior. – 2022. – № 37 (1). – С. 61–84.
12. Li Sheng. On the cultural differences between Chinese and Russian enterprises // Chinese and Foreign Entrepreneurs. – 2020. – № 18. – P. 151.

METHODOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY OF SOCIAL MECHANISMS OF ENTERPRISE MANAGEMENT IN CHINA

Zhao Yunhui, Gavrilenko O.V.
Lomonosov Moscow State University

The article focuses on the development of a methodological approach to the study of social mechanisms of enterprise management. By now, social management is quite common in companies from different countries, which is primarily due to the desire for high-quality development of the management process. Nevertheless, this phenomenon has not yet received a deep theoretical and methodological understanding. Given the relevance of the topic, the article solves the problem of developing a methodology for analyzing social management, which is adapted for Chinese enterprises. The development of a methodological approach required the study of factors influencing the formation of social mechanisms of enterprise management, as well as the national specifics of social management in China in general. The result of the study was a methodology based on a questionnaire survey, which allows a multidimensional study of social management in Chinese enterprises. The methodology takes into account both the individual level associated with the peculiarities of social behavior of employees, their proactivity and reactivity in the work process, and the collective level, expressed in the specifics of social interaction. The proposed methodology was tested on a sample of employees of various Chinese enterprises (n=600) and allowed us to describe in sufficient detail the mechanisms of social management. The methodological approach can be used as the basis for further empirical studies of the social mechanism of enterprise management.

Keywords: Social management, social management mechanism, chinese enterprises, methodological approach, proactivity, factors.

References

1. Bo Zhang. Features of the personnel management system in Chinese companies / T.A. Soltitskaya, Bo Zhang // Bulletin of St. Petersburg University. Management. – 2005. – No. 2. – P. 90–104.
2. Wang Linqi. Analysis of the enterprise management model and management modernization // Chinese and foreign entrepreneurial culture. – 2023. – No. 3. – P. 88–90.
3. Wang Lei. A study of the mechanism for the influence of the intensity of traditional cultural education on employees involvement in labor / Chao Gang, Wang Jianjia, Wang Lei // Management Journal. – 2021. – No. 18. – P. 1158–1165.
4. Vasiliev A.V. The culture of communications in the context of information globalization / A.V. Vasiliev, E.D. Korkia, A.K. Mamedov. – Moscow, 2019. – 160 p.
5. Wei Wu. Building a theoretical system for managing an enterprise with Chinese specificity / Wei Wu, Chen Zhenxi // Frontline. – 2022. – No. 9. – P. 40–43
6. Gang Weiyu. Confucian tradition and employment guarantee: cultural power / Gang Weiyu, Xu Sixun, Liu Man // Journal of Shanghai University of Finance and Economics. – 2020. – No. 22. – P. 66–84.
7. Kirpichenko A.M. The mechanism of social management // Economics. Sociology. Right. – 2021. – No. 4 (24). – P. 86–106.
8. Zhao Yunhui. Social mechanisms of enterprise management in China: a current state of research and development prospects // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. – 2022. – No. 3. – P. 100–113.
9. Zhao Yunhui. Management of the enterprise as a process of social activity: on the example of the real sector of the China economy // Sociology. – 2023. – No. 6. – P. 202–210.
10. Dutton J.E. Crafting a Job: Revision Employees as Active Crafters of their work / A. Wrzesniewski, J. Dutton // Academy of Management Review. – 2023. – No. 25.-S. 179–201.
11. Law K.S. You Think You Are Big Fish in a Small Pond? Perceived Overqualification, Goal Orientations, and Proactivity at Work / Law K.S., Zhang M.J., Lin B. // Journal of Organizational Behavior. – 2022. – No. 37 (1). – P. 61–84.
12. Li Sheng. On the Cultural Differences Between Chinese and Russian Enterprises // Chinese and Foreign Entrepreneurs. – 2020. – No. 18. – P. 151.

Социальная практика оценки наркоситуации, определение веса основных ее детерминант по единым заданным параметрам в ходе ежегодного мониторинга

Шинкевич Владимир Ефимович,
д.с.н., доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России, профессор кафедры социологии Института педагогики психологии и социологии Сибирского федерального университета
E-mail: vlashink@yandex.ru

В статье рассматриваются результаты социологического исследования, являющегося обязательным компонентом ежегодного мониторинга наркоситуации, проведенного в 2023 г. в Красноярского края по единой общероссийской методике, регламентирующей опрос населения в возрастных границах респондентов от 14 до 60 лет. Автором показана значимость различных социальных, личностных, территориальных и иных детерминант, существенно влияющих на состояние и динамику наркоситуации в регионе, выявлены основные проблемы, требующие усилий по минимизации наркодавления на общество. В этой связи отмечается ценность антинаркотической деятельности как неотъемлемой составляющей, обеспечивающей безопасность современного социума. Результаты исследования представляют интерес для субъектов антинаркотической политики региона при выработке управленческих решений по обеспечению его наркобезопасности, организации и выстраивания антинаркотической деятельности на основе накопленного опыта и с учетом собственных возможностей.

Ключевые слова: мониторинг, социологическое исследование, наркобезопасность, наркомания, наркоситуация, антинаркотическая политика.

Любое социально значимое явление и процесс может изучаться как в статике, так и в динамике, что позволяет оценить устойчивость явления или осмыслить вектор и интенсивность изменений. Существенный потенциал для изучения наркоситуации имеют мониторинговые технологии, позволяющие оценить наблюдаемое явление в течение достаточно длительного времени по одинаковой системе показателей и методике. Многолетние мониторинговые наблюдения за относительно стабильными явлениями позволяют спрогнозировать начало, продолжительность активных изменений, а как следствие предотвратить или, по крайней мере, существенно снизить последствия негативных явлений. Данные технологии применимы и используются при оценке состояния и динамики наркосиуации в обществе, в отдельных его регионах, больших и малых социумах, что доказано, в том числе исследованиями, проведенными автором или при его непосредственном участии, в различных субъектах Российской Федерации: Алтайский, Красноярский края, Иркутская, Ростовская области [7, 8, 9, 10, 11], а изучение состояния и динамики наркорынка, затронула все Федеральные округа, субъекты федерации и в целом Российскую Федерацию [5]. Накопленный опыт ежегодно используется в ходе ежегодного мониторинга наркоситуации в регионе как типичном сибирском регионе России, отличающегося высокой урбанизацией, но низкой плотностью населения.

Опуская подробную характеристику выборочной совокупности, при встраивании которая строго выдерживались как рекомендованный объем, так и ее соответствие половозрастной и поселенческой структурам региона, а также сроки сбора эмпирической информации, опредлеые соответствующими нормативными документами.

Обратим внимание, прежде всего, на показатели и индикаторы, позволяющие по прямым или косвенным данным оценить состояние наркоситуации в конкретном регионе.

Как показывают наблюдения, значимыми мотивами употребления наркотических средств и психотропных веществ в немедицинских целях является неуверенность в себя, в свои возможности, слабость духовной составляющей личности. Впервые вопрос, позволяющий оценить данное внутренне состояние человека, был внесен в опросные листы в 2021 г., а сегодня стал ежегодным. На вопрос: «Как Вы относитесь к самому себе?», в 2023 г. были получены следующие ответы респондентов: «В целом я доволен собой» – 40,6% (+1,8%); «Думаю, у меня есть ряд хороших качеств» – 26,8% (–1,6%); «Я в состоянии справиться со всем не хуже других» – 26,8% (+7,6%); «Думаю, мне особо нечем гордиться» – 5,9% (–1,2%); «Иногда я чувствую себя бесполезным» – 3,7% (+1,5%); «Я хочу больше себя уважать» – 4,0% (+1,1%); «Я чувствую себя неудачником» – 1,1% (–1,1%). Как видим, испытывали некоторые проблемы в 2023 г. 12,5% опрошенных, что на 0,9% меньше аналогичных весов показателей 2021 г. По гендерному показателю

результаты опросов 2023 г., как и в 2021 г., отличаются ненамного, в пределах естественной погрешности, при некоторой большей интенсивности выраженности суммарного показателя по негативным индикаторам показателя, указывающего на неудовлетворенность собой у мужской части опрошенных. Чаще всего недовольна собой молодежь старших возрастных групп 26–35 лет. Следовательно группа респондентов, у которых пониженная самооценка, с большой вероятностью может входить в группу риска.

Существенное значение для изучения наркоситуации, выработки комплексной управленческой политики в регионе, имеет не только своевременное определение проблем, но и оценка уровня «напряженности» этих проблем. Наркомания как проблема в рейтинге занимает 7 место, незначительно опережая выраженность проблемы преступности. Более всего население озабочено теми проблемами, с которыми они сталкиваются практически ежедневно, которые способны вызвать депрессию, снизить социальную активность и, как следствие, требуют поиска преодоления деструктивных настроений, связанных с вызванными их проблемами.

Большая часть опрошенных с регулярной настойчивостью, в качестве острых проблем, отмечали и отмечают: качество дорог, качество медицинского обслуживания, состояние жилищно-коммунальной сферы, безработицу, нехватку жилья. Возможно такой рейтинг, с точки зрения обыденного сознания, оправдан и не может оцениваться, как недопонимание населением опасности распространения наркомании в регионе. Основная масса населения, все же, сталкивается с ежедневными бытовыми проблемами и на этом фоне наркомания находится в тройке замыкающей рейтинг проблем, которые необходимо решать в первую очередь, это при том, что более 21% опрошенных, по результатам опроса в 2023 г., считают, что проблема наркомании все таки в регионе широко распространена, а около 40% – распространена, также как и везде.

Существенное значение для профилактики наркомании, снижения нарконапряженности в регионе при позитивных процессах имеет система организации рекреационного времени и, наоборот, она может стать существенным фактором повышения нарконапряженности в регионе при слабых либо застойных рекреационных возможностях региона [1]. Формирование сферы досуга не только призвано способствовать принятию здорового образа жизни, но может стать доступной и привлекательной для современной молодежи сферой, предоставляющей широкие возможности для самореализации. Несмотря на то, что более 65% респондентов положительно оценили возможность организации досуга, а сами потребности не претерпели серьезных изменений, около 30% по прежнему испытывает проблемы с организацией свободного времени. Результаты исследования обращают внимание на то, что при формировании и реализации рекреационной политики необходимо учитывать потребности различных возрастных групп, шаговую, материальную, временную и пр. доступности.

Существенное значение для осознания остроты проблем наркомании в социуме имеет анализ субъективных оценочных суждений респондентов, касающихся состояния и процессов, происходящих в социально-психологической сфере, так или иначе влияющие на состояние наркоситуации. Среди основных причин распространенности наркомании в 2023 гг. респонденты выделяют следующие факторы: «Моральная деградация общества, вседозволенность» (23,2%), «Неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие» (18,8%), «Влияние наркобизнеса, доступность наркотиков» (15,5%), «Излишняя свобода, отсутствие организованного досуга» (12,8%), «Влияние массовой культуры и СМИ» (8,5%), «Безработица, экономические проблемы» (8,1%), «Плохая работа правоохранительных органов» (7,7%), «Слабость профилактической работы» (5,0%), другое (0,4%).

Анализ парных величин относительных показателей индикаторов, снятых за последние шесть лет, позволяет говорить о том, что их значения (вес) относительно стабильны и не претерпевали, и не претерпевают существенных изменений на протяжении продолжительного времени, ограниченного наблюдаемым периодом. А следовательно, и деятельность различных субъектов антинаркотической политики, образовательных, информационных структур и институтов социальной защиты ограничивается формальными рамками, требует поисках новых форм и методов работы в обеспечении антинаркотической безопасности региона, активизации в выработке и использовании опережающих, в том числе и цифровых, технологий.

Оценка состояния и факторов наркоситуации посредством изучения общественного мнения остается более консервативным и стабильным, статистические же данные более динамичны. Однако говорить о существенной разнице в динамикенаркоситуации по оценкам социологических исследрваний и статистических наблюдений не приходится, что свидетельствует и о преобладании в антинаркотической политике, прежде всего устоявшихся форм и методов профилактики и противодействия наркоугрозе.

Наркоситуация тесно связана не только с низкой антинаркотической культурой, но и с состоянием доступности наркотических средств и психотропных веществ на наркорынке, с наличием, на так называемом наркорынке, как предложения, так и спроса. По результатам опроса респондентов в 2023 г. только 3,7% опрошенных считают, что наркотики «Очень трудно достать», и 5,2% респондентов считают, что наркотики достать «Трудно». В то же время в 2023 г. 43,5% респондентов отметили, что наркотики достать «Легко» и «Сравнительно легко». Эти результаты не намного отличаются и от исследований прошлых лет [5]. К тому же за последнее время отмечается повышение экспансии наркотических средств и психотропных веществ украинского происхождение и через Украину.

Наркомания – социальное явление, в основе которого лежит взаимодействие людей, осуществляемое в социальном пространстве: непосредственно в контактной группе или опосредованно через причастность индивидов к сообществам, через социальные организации, а с учетом современных реалий и через социальные сети. Более 19% опрошенных отметили следующие индикаторы: «Да, в кругу моих друзей, знакомых такие люди есть», «Да я знаю много таких людей», «Да, все мои знакомые, так или иначе, употребляют наркотики». Данная группа респондентов при определенных условиях взаимодействия, психического состояния, уровня токсичности к себе, лидерских качеств и составляет группу риска как возможных новых наркопотребителей.

Значимыми факторами, детерминирующими состояние и уровень наркобезопасности, интенсивность и динамику кооптации новых наркопотребителей, являются сложные жизненные либо социально-психологические ситуации: напряженная ситуация в семье, в учебном или в трудовом коллективе, утрата близких, нереализованные жизненные цели, потеря инициативы, маргинальное состояние, депрессии и прочее. Интенсивность данных факторов во многом зависит не только

от агрессивности внешнего воздействия, но и от собственных социально-психических особенностей человека, умения противостоять жизненным негативным ситуациям и соблазнам. 90% респондентов уверены в том, что смогут отказаться от предложения первой пробы наркотиков от кого бы она не исходила и не проявляют интерес к реально возможным потенциальным ощущениям, как следствию даже разовой пробы наркотиков. Вместе с тем 4,3% респондентов при принятии решения исходили бы из того, какой наркотик предлагают, 0,9% респондентов повели бы себя в зависимости от ситуации и настроения, 0,3% респондентов попробовали бы. Таким образом, практическую готовность согласиться попробовать наркотики в случае, если они им будут предложены, потенциально выразили 5,5% респондентов.

Возможно, число кооптированных может быть пополнено за счет сомневающихся в себе, а таких по результатам опроса 2,1%, то есть группа риска по результатам опроса, проведенного в 2023 г. может составить до 7,6%.

Проведенное исследование позволило оценить и уровень наркотизма населения региона. На вопрос: «Пробовали ли Вы наркотические вещества?» около 5% в ходе исследования ответили положительно на данный вопрос, причем отмечен некоторый рост, особенно среди респондентов от 26 до 40 лет. Более пристального внимания заслуживают полученные данные о том, что из всех респондентов с опытом наркопотребления 26,1% употребляли наркотики в течение последних 12 месяцев, из которых более 33% делают это регулярно.

Проводя корреляцию с ответами таких респондентов на вопрос: «Какие причины привели Вас к тому, что Вы употребляете (употребляли) наркотики?», можно увидеть, что основной причиной была отмечена «глупость» (21,3%), которая становится мотивом к действиям на основе иррациональности [2].

Чтобы избежать поступков, которые совершаются по глупости, человек должен в условиях реального выбора того или иного удовлетворяющего желанию человека варианта поведения, четко осознавать как собственные слабости, так и сильные стороны своего характера, социального поведения, особенности собственной мотивационной сферы при выборе варианта поведения [6].

Наиболее «активным» возрастом получения первой пробы по итогам опроса – период от 18 до 20 лет (36,0% от числа респондентов всех возрастов), популярнейшие места получения первой пробы: в дали от родителей, педагогов и прочих субъектов социального контроля; в местах, наиболее к тому располагающих: в гостях у друзей и знакомых (33,3%), на улице, во дворе, в подъезде (28,6%). Данные места занимают верхние места в рейтинге наиболее вероятных мест первой пробы в течение продолжительного времени [3].

Проведенный анализ результатов социологических исследований, проведенных в ходе ежегодного мониторинга наркоситуации 2023 г., позволяет сформировать некоторые наблюдения, характерные практически для каждого сибирского региона:

во-первых, основными мотивами употребления наркотических средств и психотропных веществ в немедицинских целях населением является неуверенность в себя;

во-вторых, по-прежнему в регионах не снимается проблема выстраивания системы организованного досуга молодежи, доступной рекреационной среды, позволяющей сохранять и развивать физическое, духовное здоровье, интеллектуально совершенствоваться в любом возрасте;

в-третьих, деятельность различных субъектов антинаркотической политики, требует поиска новых форм и методов работы в обеспечении антинаркотической безопасности региона, активизации в выработке и использовании опережающих технологий;

в-четвертых, среди основных факторов, отрицательно влияющих на состояние наркоситуации, большинство респондентов отмечают: «Моральная деградация общества, вседозволенность»; «Неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие»; «Влияние наркобизнеса, доступность наркотиков»; «Излишняя свобода, отсутствие организованного досуга»; «Влияние массовой культуры и СМИ»; «Безработица, экономические проблемы» и пр. Рейтинг основных детерминантов, оказывающих существенное влияние на распространение наркомании практически совпадает с аналогичным рейтингом предыдущих лет, различие отмечается не более чем в одну позицию;

в-пятых, по-прежнему остается высокая доступность наркотических средств и психотропных веществ и данное наблюдение совпадает с наблюдениями прошлых лет;

в-шестых, продолжает иметь место наращивание экспансии возможностей сети Интернет для поучения информации о наркотических средствах и психотропных веществах. С учетом динамики показателей индикаторов интенсивность использования сети Интернет населением при получении знаний о наркотиках или способах их употребления увеличилась за последний год на 3%;

в-седьмых, основным сдерживающим фактором как от первой пробы, так и от дальнейшего употребления наркотиков, по мнению респондентов, является «Осознанное отрицательное отношение к употреблению наркотиков», а также практически все факторы, предполагающие формирование определенного уровня фобий, иррационального страха относительно последствий от употребления наркотиков;

в-восьмых, наиболее «активный» возраст получения первой пробы наркотиков от 16 до 20 лет. Это характерно для мужчин и для женщин;

в-девятых, наиболее часто первое употребление наркотических веществ происходит в местах, где низка вероятность контроля за поведением молодежи со стороны окружающих, в дали от родителей, педагогов и прочих субъектов социального контроля. Как правило, это места проведения неорганизованного стихийного досуга, наиболее к тому располагающего: «На улице, во дворе, в подъезде», «В гостях у друзей, знакомых».

Анализ результатов социологических исследований наркоситуации в формате ежегодного мониторинга позволяет говорить об относительной стабильности состояния проблемы для Красноярского края на протяжении последних лет при некотором изменении веса отдельных показателей в большинстве случаев в пределах естественной погрешности.

В настоящее время актуальны поиск новых средств, методов и форм повышения уровня антинаркотической культуры обучающихся в образовательных организациях с учетом возрастных особенностей и потребностей населения, активизация и совершенствование деятельности различных антинаркотических субъектов, направленной на выявление граждан, попадающих в группу риска, и профилактическая работа с ними, активное распространение форм и методов по вовлечению населения, особенно молодежи, в организованный досуга, в том числе, в шаговой доступности.

Литература

1. Гененко О.Н. Досуговое общение как фактор профилактики наркозависимости подростков // Вестник ТГУ. – 2008. – № 11(67). – Гуманитарные науки. Педагогика и психология.
2. Матиашвили В.М. Концепт «ограниченной рациональности» в контексте управления организационными изменениями // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2015. – № 1(37).
3. Состояние и перспективы обеспечения наркобезопасности социума: по результатам мониторинговых исследований в Красноярском крае: монография / В.Е. Шинкевич, Е.Н. Бен, В.Н. Молоков и др. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019.
4. Состояние наркоситуации в Красноярском крае по результатам социологических исследований в формате ежегодного мониторинга в 2022 году. отчет о НИР) № 51 / Научн. рук. Шинкевич В.Е. исп. Бен Е.Н., Молоков В.В. Ступина С.А. и др. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2023.
5. Структура наркорынка и динамика потребления наркотиков опийной группы в Российской Федерации: социологический: монография / отв. ред. В.Е Шинкевич. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021.
6. Ступина С.А. Некоторые особенности наркотизации населения в Красноярском крае по итогам социологического исследования в рамках ежегодного мониторинга наркоситуации в Российской Федерации // Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты: материалы международного научно-практического семинара (05 апреля 2024 г.) / Отв. ред. Н.Н. Цуканов; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2024.
7. Шинкевич В.Е. Оценка факторов наркотизации социальной среды: по результатам ежегодного мониторинга наркоситуации в Красноярском крае // Вестник СибЮИ МВД России. – 2020. – № 4.
8. Шинкевич В.Е. Оценка наркоситуации в регионе: на примере социо-статистических и криминологических исследований по Иркутской области // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» [науч. ред Т.И. Грабельных]. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2020.
9. Шинкевич В.Е. Социологическое изучение наркоситуации и ее влияния на состояние безопасности региона: на примере Красноярского края в контексте социологического мониторинга // Society and Security Insights. – Том 5. 2022. – № 2.
10. Шинкевич В.Е. Оценка состояния и динамики наркоситуации в Ростовской области (2017–2019 гг.): на основе анализа показателей социостатистических и криминологических исследований ежегодного мониторинга // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 22 апреля 2021 г.) / отв. ред. А.Н. Осяк. – Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2021.
11. Шинкевич В.Е., Калиниченко Я.Н. Состояние и динамика наркоситуации в Алтайском крае по результатам социо-статистических исследований в ходе ежегодного мониторинга // Sovietu and securitu insights. Том 3. 2020. № 4.

THE SOCIAL PRACTICE OF ASSESSING THE DRUG SITUATION, DETERMINING THE WEIGHT OF ITS MAIN DETERMINANTS ACCORDING TO UNIFORM SET PARAMETERS DURING ANNUAL MONITORING

Shinkevich V.E.
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Siberian Federal University

The article examines the results of a sociological study, which is an obligatory component of the annual monitoring of the drug situation, conducted in 2023 in the Krasnoyarsk Territory according to a unified all-Russian methodology regulating the survey of the population within the age limits of respondents from 14 to 60 years old. The author shows the importance of various social, personal, territorial and other determinants that significantly affect the state and dynamics of the drug situation in the region, identifies the main problems that require efforts to minimize drug pressure on society. In this regard, the value of anti-drug activities as an integral component ensuring the security of modern society is noted. The results of the study are of interest to the subjects of the region's anti-drug policy in developing management decisions to ensure its drug safety, organizing and building anti-drug activities based on accumulated experience and taking into account their own capabilities

Keywords: monitoring, sociological research, drug safety, drug addiction, drug situation, anti-drug policy.

References

1. Genenko O.N. Leisure communication as a factor in the prevention of drug addiction in adolescents // Bulletin of TSU. 2008. No. 11(67). Humanitarian sciences. Pedagogy and psychology.
2. Matiashvili V.M. The concept of "bounded rationality" in the context of managing organizational change // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. – 2015. – No. 1(37).
3. State and prospects for ensuring drug safety in society: based on the results of monitoring studies in the Krasnoyarsk Territory: monograph / V.E. Shinkevich, E.N. Ben, V.N. Molokov and others – Krasnoyarsk: SibYuI Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019.
4. The state of the drug situation in the Krasnoyarsk Territory based on the results of sociological research in the format of annual monitoring in 2022. research report) No. 51 / Scientific. hands Shinkevich V.E. Spanish Ben E.N., Molokov V.V. Stupina S.A. and others. Krasnoyarsk: SibYuI Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023.
5. The structure of the drug market and the dynamics of drug consumption of the opium group in the Russian Federation: sociological: monograph / rep. ed. V.E. Shinkevich. Krasnoyarsk: SibYuI Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021.
6. Stupina S.A. Some features of drug use among the population in the Krasnoyarsk Territory based on the results of a sociological study as part of the annual monitoring of the drug situation in the Russian Federation // Countering the drug threat at the present stage: legal, social and humanitarian aspects: materials of the international scientific and practical seminar (05 April 2024) / Responsible. ed. N.N. Tsukanov; Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education "Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation." – Krasnoyarsk: SibYuI Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024.
7. Shinkevich V.E. Assessment of factors of drug addiction in the social environment: based on the results of the annual monitoring of the drug situation in the Krasnoyarsk Territory // Bulletin of the SibYuI Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 4.
8. Shinkevich V.E. Assessing the drug situation in the region: on the example of socio-statistical and criminological studies in the Irkutsk region // Spaces of social tension and strategic consensus interactions in the 21st century: collection. scientific tr. / Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "ISU" [scient. edited by T.I. Rake]. Irkutsk: ISU Publishing House, 2020.
9. Shinkevich V.E. Sociological study of the drug situation and its impact on the state of security in the region: using the example of the Krasnoyarsk Territory in the context of sociological monitoring // Society and Security Insights. Volume 5. 2022. No. 2.

10. Shinkevich V.E. Assessment of the state and dynamics of the drug situation in the Rostov region (2017–2019): based on the analysis of indicators from sociostatistical and criminological studies of annual monitoring // Current problems of law enforcement: collection of materials of the International scientific and practical conference (Rostov-on-Don, April 22, 2021 g.) / resp. ed. A.N. Osyak. Rostov n/a: Regional Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021.
11. Shinkevich V.E., Kalinichenko Ya.N. State and dynamics of the drug situation in the Altai Territory according to the results of socio-statistical studies during the annual monitoring // Sovietu and securitu insights. Volume 3. 2020. No. 4.

Роль социальных институтов в профессиональном самоопределении студенческой молодёжи России

Шипилов Савва Вадимович,
аспирант кафедры социальной и молодёжной политики
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
E-mail: cabba_da@mail.ru

В статье проанализированы мнения студентов по поводу процесса их личного профессионального самоопределения. Автором отмечается, что в современной России процесс профессионального самоопределения студенческой молодёжи осложняется рядом факторов, включая динамичные изменения на рынке труда, нестабильность экономики, политические вызовы, цифровизацию, развитие средств массовой информации и изменение ценностных ориентиров. В статье приводится обзор результатов социологических исследований, посвященных оценке влияния различных социальных институтов на выбор профессии студенческой молодёжью. Обнаружено, что почти половина от всех опрошенных студентов, обучаясь в вузе всё ещё не знают кем конкретно будут работать, а каждый пятый студент сомневается в выбранной профессии или не может положительно высказать своё отношение к ней. Ключевыми социальными институтами, повлиявшими на профессиональное самоопределение респондентов, стали «семья», «культура» и «государство». Автором делается вывод, что первичное самоопределение в профессиональном плане закладывается в детском возрасте, и на это влияет множество социальных институтов: семья, образовательные учреждения, СМИ, социальные сети, государство и цифровизация. Для того, чтобы завершить процесс профессионального самоопределения у студенческой молодёжи, необходима комплексная, взаимодополняющая работа всех указанных социальных институтов.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, студенты, социальные институты, семья, профессия.

Введение

Профессиональное самоопределение – это ключевой этап в жизни каждого человека, определяющий его будущую карьеру и жизненный путь. С 2020 года в современной России процесс профессионального самоопределения студенческой молодёжи осложняется рядом факторов, включая динамичные изменения на рынке труда, нестабильность экономики, политические вызовы, цифровизацию, развитие средств массовой информации и изменение ценностных ориентиров. В данной статье мы рассмотрим влияние различных социальных институтов на профессиональное самоопределение студенческой молодёжи в современной России, опираясь на результаты исследования ВЦИОМ, собственное исследование и открытые источники.

Профессиональное самоопределение – составная часть жизненного самоопределения, процесс, выполняющий функцию формирования личностью своего отношения к профессионально-трудовой деятельности и способам её реализации, а также согласования внутриличностных и социально-профессиональных потребностей личности. В ходе него индивид стремится к личностной самореализации и становится субъектом конкретного вида профессиональной деятельности, занимает конкретную позицию в рамках профессиональной группы, определенное социальное положение в социально-профессиональной структуре общества. [1]

Степень научной разработанности темы

Начиная с 2000-х годов в российской науке актуальна тема профессионального самоопределения студентов. Высказываются различные позиции, но многие отмечают тренд на перенос процесса профессионального самоопределения на период получения высшего образования, хотя логичнее всего воспринимать высшее образование уже как инструмент к получению профессии, а не инструмент выбора. Проблемы профессионального самоопределения анализировались социологами (Я.В. Дидковская, В.Ю. Дементьева, Л.М. Чепелева, В.Н. Володин, О.А. Заякина и др.), как в позднее советское время, так и в наши дни.

Под термином «профессиональное самоопределение» понимается:

– процесс развития личности в профессиональной деятельности на основе наиболее полного использования ею своих способностей и индивидуально-психофизиологических возможностей [2].
– избирательное отношение индивида к миру профессий в целом и к конкретно выбранной профессии [3]
– определение человеком себя относительно выработанных в обществе (и принятых данным человеком) критериев профессионализма [4] и др.

Важно отметить, что в большинстве концепций профессиональное самоопределение рассматривается как часть самоопределения в целом, в связи с личностным, социальным, жизненным и др. При этом многие ученые утверждают, что именно профессиональное самоопределение является ключевым для становления лично-

сти. Так, Н.С. Пряжников отмечает, что в связи с количеством времени, которое взрослый человек проводит на работе, личностное самоопределение определяется профессиональным [5]. Системообразующую роль профессионального самоопределения отмечает и Е.А. Климов [6].

Методология исследования

Выявление особенностей профессионального самоопределения и анализ влияния на этот процесс социальных институтов осуществлялись на основании системного изучения текстов отечественных социологов, анализа статистических данных и результатов социологических опросов студентов. В июне 2024 года было проведено анкетирование 387 студентов, преимущественно с 1 по 3 курс (78%), медицинского, классического и технического университетов Алтайского края и Воронежской области. 81% участников – женщины, а 19% – мужчины. Опрос включал несколько основных аспектов: причины, повлиявшие на выбор профессии, отношение к обучению в вузе, необходимость получение второго образования в будущем и др.

Особенности процесса профессионального самоопределения

Рассмотрение особенностей профессионального самоопределения студенческой молодёжи является актуальным сегодня, а полученные результаты могут быть использованы не только системой образования для улучшения профориентационной работы, но и на государственном уровне для включения в приоритетные сферы поддержки.

В опросе студентов мы получили следующие результаты: 87% респондентов заявили, что самостоятельно приняли решение о выборе будущей профессии на основании личного опыта и коммуникации с окружающими, но были и 3%, кто однозначно ответил о влиянии агрессивного внешнего фактора на принятие ими решения. На осознанный выбор профессии незначительное влияние оказывает политическая, экономическая и конфессиональная ситуация в современной России: 9% студентов сообщили, что при принятии решения о будущей профессии учитывали экономический аспект, 6% – политический, а 97% не увидели связи между религией и будущей профессией. Интересно то, что 24% студентов считают, что на их выбор повлиял некий художественный образ – персонаж фильма, литературного произведения или художественный, фольклорный образ.

Семья является одним из ключевых социальных институтов, оказывающих влияние на профессиональное самоопределение молодежи. Уровень образования родителей, их профессия, материальный достаток семьи в том числе влияют на формирование мнения детей и молодёжи о различных профессиях. Только 37% опрошенных отрицают влияние семьи на принятие решения о будущей профессии, остальные – в меньшей или большей степени его признают.

9% опрошенных принимали во внимание мнение учителей и педагогов, 4% подтверждают важность мнения друзей, а 17% респондентов отметили значимость встреч с работодателями и профориентационной работы учебных заведений.

Отдельным блоком стоят факторы, связанные с местом обучения, а не конкретной профессией: так 11% сообщили, что им было важнее поступить в конкретный вуз, чем получить образование по выбранной профессии, для 19% студентов на момент сдачи ЕГЭ ещё не была ясна карьерная траектория, поэтому были важны полученные баллы для последующего определения профессии, а 9% ориентировались при выборе профессии на наличие большего числа бюджетных мест на конкретную специальность в желаемом вузе. Таким образом, при поступлении в вуз около 20% детей и молодёжи ещё до конца не определяются с будущей профессией.

По результатам исследования Чепелевой Л.М. и Чепелевой А.А. на основании фокус-групп со студентами, были выделены проблемы раннего профессионального выбора и проблемы с экзаменами. Значительная часть респондентов и их окружения выбирала специальность при поступлении в учебные заведения «по принципу «куда прошел в соответствии со сданными ЕГЭ». Окончив девятый или одиннадцатый класс, молодежь часто не знает, чем хочет заниматься в будущем, они хотят найти себя, но, уже поступив в учебное заведение, понимают, что это не тот путь. Однако бывают и случаи, когда нет возможности поступить в желаемое место из-за отсутствия или небольшого количества бюджетных мест и денег для оплаты обучения на договорной основе, что так же обозначается как проблема.

Помимо этого, респонденты отметили недостаток профессионального ориентирования в школах, им хотелось бы видеть более полную картину будущей профессии со всеми ее плюсами и минусами. В качестве еще одной проблемы профессионального самоопределения респонденты выделили большое разнообразие профессий и их изменение в современном мире [7]

Большинство студентов (77%) видят прямую связь между выбором учебного заведения профессионального или высшего образования и будущей профессией, из чего можно сделать вывод, что молодёжь осознанно выбирает учебное заведения, с целью получения навыков, которые пригодятся при построении карьеры. Однако, в процессе обучения только 60% безоговорочно заявляют, что получаемое ими образование наверняка будет связано с их будущей профессией. Интересно и то, что после прохождения первой производственной практики 5% студентов осознали, что неверно выбрали профессию, а 16% затруднились ответить. Всё это сигнализирует о недостаточном информировании о всех тонкостях профессии до поступления в университет, формировании неверного образа профессии и как следствие – отказа от работы по получаемой специальности в будущем.

31% респондентов намерены получить второе образование в будущем, не связанное с получаемой сейчас специальностью, а 90% студентов не исключают возможность освоения ещё одной профессии.

В своём исследовании мы задавали вопрос о том, что является ключевым фактором при выборе профессии. Наиболее популярными ответами стали: «любовь к делу» (95%), «высокая заработная плата» (71%) и «престижность» профессии (53%). В целом, ключевые ориентиры выбора профессии не меняются уже несколько лет, что подтверждает опрос ВЦИОМ 2021 года, где наиболее популярными вариантами среди аудитории молодёжи 18–24 лет стали: «ориентир на собственные увлечения», «зарплата» и «престиж». [8]

На взгляд студентов, двумя ключевыми социальными институтами, помогающим детям и молодёжи с профессиональным самоопределением должны являться семья, через процесс воспитания, и государство, через предоставление равных возможностей, формирование кадрового запроса и предоставления льгот для отдельных специальностей, что в том числе будет способствовать повышению престижа конкретной профессии. Ключевым источником получения информации о будущей профессии, её ярких представителей, а также местах получения компетенций и навыков для её освоения

студенты называют интернет-ресурсы, социальные сети и мессенджеры.

Вывод

Профессиональное самоопределение – это сложный процесс, на который влияют различные социальные институты. Семья, образовательные учреждения, СМИ, социальные сети, государство и цифровизация образования играют важную роль в формировании профессиональных ценностей, интересов, целей и планов у молодых людей. Важно, чтобы все эти институты работали в тесном взаимодействии, предоставляя молодежи необходимую информацию, поддержку и возможности для самореализации. Приоритетом при выборе профессии студенты называют не только её престиж, но и возможность заниматься любимым делом.

Первичное самоопределение в профессиональном плане закладывается в детском возрасте. Поэтому, широкое развитие доступного кружкового и клубного движения для детей с поддержкой на федеральном уровне позволило бы определиться в раннем возрасте со сферой своих интересов и, как следствие, выбрать профессию «по душе». В свою очередь вузам необходимо налаживать связь с работодателями, объединяя усилия по совместной профориентации школьников.

Литература

1. Дементьева В.Ю. Профессиональное самоопределение студенческой молодежи среднего российского города URL: https://www.dissercat.com/content/professionalnoe-samoopredelenie-studencheskoi-molodezhi-srednego-rossiiskogo-goroda (дата обращения: 12.06.2024).
2. Деркач А.А. Роль организационной среды в становлении личности профессионала // Акмеология. – 2011. – № 3(39). – с. 8–18
3. Зинченко Ю.П., Дорожкин Е.М., Зеер Э.Ф. Психолого-педагогические основания прогнозирования будущего профессионального образования: векторы развития // Образование и наука. – 2020. – № 3. – с. 11–35. – doi: 10.17853/1994-5639-2020-3-11-35.
4. Баграмян Э.Р., Орешкина А.К., Сергеева М.Г., Никитина Е.Е. Базовые направления развития системы дополнительного профессионального (педагогического) образования в современных условиях // Профессиональное образование и общество. – 2020. – № 4(36). – с. 159–172.
5. Пряжников Н. С., Румянцева Л.С. Самоопределение и профессиональная ориентация учащихся: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. – М: Издательский центр «Академия», 2013. – 208 с
6. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: учеб. Пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 304 с.
7. Чепелева Л. М., Чепелева А.А. Особенности профессионального самоопределения современной молодёжи // Гуманитарные науки. 2021. № 4 (56). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-professionalnogo-samoopredeleniya-sovremennoy-molodezhi (дата обращения: 12.06.2024).
8. ВЦИОМ представляет данные исследования о том, как россияне выбирают профессию. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-kotoruju-my-vybiraem-faktory-i-motivy-reshenija (дата обращения: 12.06.2024).

THE ROLE OF SOCIAL INSTITUTIONS IN THE PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF RUSSIAN STUDENTS

Shipilov S.V.
Altai State University

The article analyzes the opinions of students about the process of their personal professional self-determination. The author notes that in modern Russia, the process of professional self-determination of student youth is complicated by a number of factors, including dynamic changes in the labor market, economic instability, political challenges, digitalization, the development of mass media and changes in value orientations. The article provides an overview of the results of sociological research on the assessment of the influence of various social institutions on the choice of profession by students. It was found that almost half of all students surveyed, while studying at a university, still do not know who exactly they will work with, and one in five students doubts their chosen profession or cannot positively express their attitude towards it. The key social institutions that influenced the respondents' professional self-determination were "family", "culture" and "state". The author concludes that primary self-determination in professional terms is laid down in childhood, and this is influenced by many social institutions: family, educational institutions, mass media, social networks, the state and digitalization. In order to complete the process of professional self-determination among students, a comprehensive, complementary work of all these social institutions is necessary.

Keywords: professional self-determination, students, social institutions, family, profession.

References

1. Dementieva V. Yu. Professional self-determination of the student youth of the average Russian city URL: https://www.dissercat.com/content/professionalnoe-samoopredelenie-studencheskoi-molodezhi-srednego-rossiiskogo-goroda (date of application: 06/12/2024).
2. Derkach A.A. The role of the organizational environment in the formation of a professional personality // Acmeology. – 2011. – № 3(39). – c. 8–18
3. Zinchenko Yu.P., Dorozhkin E.M., Zeer E.F. Psychological and pedagogical foundations of forecasting future professional education: vectors of development // Education and Science. – 2020. – № 3. – c. 11–35. – doi: 10.17853/1994-5639-2020-3-11-35.
4. Bagramyan E.R., Oreshkina A.K., Sergeeva M.G., Nikitina E.E. Basic directions of development of the system of additional professional (pedagogical) education in modern conditions // Vocational education and society. – 2020. – № 4(36). – c. 159–172.
5. Pryazhnikov N. S., Rumyantseva L.S. Self-determination and professional orientation of students: textbook for students. institutions of higher education. education. – Moscow: Publishing center "Academy", 2013. – 208 p
6. Klimov E.A. Psychology of professional self-determination: studies. A student's manual. higher. studies. institutions. – M.: Publishing center "Academy", 2010. – 304 p.
7. Chepeleva L. M., Chepeleva A.A. Features of professional self-determination of modern youth // Humanities. 2021. No.4 (56). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-professionalnogo-samoopredeleniya-sovremennoy-molodezhi (date of application: 06/12/2024).
8. VTSIOM presents research data on how Russians choose a profession. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-kotoruju-my-vybiraem-faktory-i-motivy-reshenija (date of application: 06/12/2024).

Мифогенные факторы формирования смыслового пространства культуры и общества

Бакаев Дмитрий Андреевич,
преподаватель кафедры менеджмента и маркетинга,
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
E-mail: dim.backaew2014@yandex.ru

Ольхин Герман Станиславович,
студент направления «Менеджмент», Российский
экономический университет имени Г.В. Плеханова
E-mail: germaneolhin@yandex.ru

Философское исследование развития смыслового пространства культуры и современного общества предполагает глубочайшее осмысление в этих социокультурных действиях роли социальных легенд. Особая активизация мифотворчества происходит в трансформационном обществе на этапе формирования новой социально-политической реальности, поэтому без осмысления политической и культурной мифологии невозможно адекватно понять и спрогнозировать развитие современных общественных процессов. Целью статьи является анализ роли мифогенных факторов формирования смыслового пространства современного общества.
Анализ дефиниций «социальный миф», «социальная мифология» в современном философском дискурсе позволил представить социальные мифы как систему семиотических ценностей, актуальных в конкретной социокультурной системе. Обосновано, что формирование социального мифа связано не только с традициями, сакральными представлениями и злободневными потребностями людей, но и с определенными стереотипами мировосприятия и поведения отдельно взятого сообщества. Проведен анализ ценностного и смыслового наполнения «мифа успеха» в спектре мифов, функционирующих в современной массовой культуре общества. Отмечено, что успех жизни человека представляет собой сумму векторов личностного и профессионального успеха.

Ключевые слова: миф, мифологизация сознания, социальный миф, политический миф, миф успеха.

Введение

Философское осмысление особенностей конструирования смысловой пространственно-временной матрицы современной культуры является значимым именно потому, что позволяет углубить понимание сложных социокультурных процессов современного общества. Но чтобы понимать и исследовать онтологические характеристики новых культурных явлений, эволюционные изменения культуры, транслируемые на образ жизни людей, их намерения и действия, следует обратить внимание на современные культурно-символические формы, среди которых едва ли не наибольшим потенциалом обладает социальный миф, опирающийся на архаические представления и привычные образы. Отражением концептуальной ценности и практической востребованности исследований мифологизации современных культурных явлений и общественного сознания являются различные научные дискуссии по поводу оценок того, что «происходит с культурой», как влияют онтологические характеристики культуры на общественное развитие, значительный объем разноплановых исследований и растущий интерес исследователей к проблематике современной мифологизации.

Ролон Барт [1] с точки зрения семиотики рассматривает мифы как составляющие конструкты всех культурных и социально-политических феноменов, а само явление мифологизации – как признак всех социумов. Теоретико-методологические аспекты конструирования политической идеологии через призму взаимодействия научных и мифологических ее составных частей исследуются в работах Рязановой С.В. [2], Иванова А.И. [3]. В работе И.М. Поповой [4] обосновано, что функционирование термина «демократия», используемое в качестве средства идентификации и мифологизации, определяется его символической природой.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на заинтересованность проблематикой феномена мифологизации культуры со стороны философов, его изучению в контексте влияния мифов на формирование смыслового пространства культуры и общества уделено гораздо меньше внимания. Следовательно, требует осмысления явление социального мифа как фактора формирования смыслового пространства культуры и общества. В понимании мифологизации культуры и общества следует учесть то, что глобализация информационного пространства повлияла на интенсивное распространение и внедрение мифов в массовое сознание и непрерывную «подкормку» массовой культуры все новыми идеалами, стереотипами, мифами. Поэтому сегодня нет сомнений в том, что в социокультурном пространстве современного общества функционируют разные мифы, многие из которых конструируются именно самим обществом, и это влияет на общественные процессы.

Большинство существующих концепций социального мифа, преимущественно ориентированных на изучение различных аспектов социальной мифологизации, признают значительную роль социальных мифов в функционировании социокультурных процессов общества.

Но в современном философском дискурсе явление социальной мифологизации современной культуры и общества пока еще не нашло цельного научного осмысления. Между тем изучение социальной мифологизации социально значимо потому, что мифология в современной культуре и обществе начинает выступать не как средство познания, а как идеология социального управления и манипулирования массами.

Цель статьи – анализ сущностных характеристик понятия «социальный миф», «мифологизация» в современном философском дискурсе и особенностей влияния социальных мифов на формирование смыслового пространства культуры и общества.

Основное содержание статьи

По мере развития социогуманитарных наук в XX веке онтологический статус культуры начал меняться. Если раньше понятие «культура» рассматривалось как подчиненное понятию «общество», буквально растворявшееся в обществе, то с середины XX века культура стала рассматриваться как его интегральное свойство. Кроме того, на рубеже XX–XXI веков, когда в социогуманитарных науках произошел так называемый культурный поворот, в научном дискурсе происходит усиление концептуального статуса понятия культура, которое стало рассматриваться как универсальная объяснительная категория. Таким образом, развитие общества, формы социальности стали рассматриваться как культурно детерминированный результат действия определенной совокупности традиций, ценностей, стереотипов, символов, мифов и т.п.

Культура как сложный социокультурный феномен имеет свою структуру, сеть установившихся и упорядоченных связей между ее составными элементами, обеспечивающими ее целостность. Если говорить о социальных мифах как символических элементах культуры, следует подчеркнуть, что миф является феноменом не только культурным, во многом зависимым от культурного контекста эпохи, но и феноменом социальным, психологическим, поскольку выступает средством социальной самоидентификации индивидов и общества [5].

Интерпретации понятия «социальный миф» очень широки. Так, Р. Барт определяет социальный миф как вторичную семиологическую систему: «… мифическое сообщение формируется из некоторого материала, уже проработанного для целей определенной коммуникации» [1, с. 73]. Материальными носителями мифологического сообщения могут быть устный язык, письменное сообщение, изображение, фотографии, кино, репортаж, спортивные состязания, зрелища, реклама. По мнению Р. Барта, любое явление можно наделить определенным смыслом, значением, которое затем транслировать в массовую культуру и массовое сознание. Соглашаемся с позицией С.В. Рязановой, определяющей социальные мифы как систему онтологизированных семиотических ценностей, актуальных в конкретной социокультурной системе [6]. По мнению С.В. Рязановой, социальный миф является одним из важнейших механизмов внедрения в массовое сознание новых символов и ценностей. Вместе с тем неконтролируемость этого процесса приводит к наполнению массового сознания мифологемами, не всегда адекватными потребностям общества [6].

Социальная мифология, то есть мифологическая составная часть культуры существует неотделимо от общественного сознания и представляет собой органически вплетенное в понимание иррациональное искривление, основанное на вере и других иррациональных компонентах подсознательного. Особенно в современном информационном обществе массовая культура оказывает влияние на смысловые и ценностные представления людей и иногда лишает их возможности критически мыслить. В результате в сознании преобладает иррациональная составляющая и атрофируется способность выделять истину из большого потока информации. Именно это влечет за собой возвращение к мифу и мифологизации, что отражается в массовой культуре, ее новых мифах общественной и личной направленности. При этом общественно ориентированные мифы проявляются в политических, социальных и мифах массового искусства, а личностно ориентированные мифы стали основой рекламы и создания имиджа [7].

Основные социальные мифы распространяются СМИ, Интернетом и популярным искусством (литературой, художественными фильмами, рекламой, модой, музыкой, фотографией и т.п.). Широко введенная в массовое сознание телереклама оказывает значительное влияние на культурно-информационное пространство, которое она создает во многом по принципу мифологизации действительности [8]. Использование в рекламном тексте установившихся архетипов и мифологических сюжетов делает рекламу не только действенным манипулятором массового сознания, но и глобальным (интернациональным) явлением. Более того, реклама сама способна творить массовые мифы для индивидуального использования и эффективно влиять на формирование потребительской идеологии. Последнее связано с коммерческой направленностью массовой культуры. Реклама распространяет измененные представления о жизни и ее ценностях, имея целью повлиять на поведение человека в желаемом направлении. Подобное «воспитательное» намерение реализуется с помощью определенных схем рекламных мифов. Индивида превращают в послушного и удобного потребителя товаров или услуг массовой культуры. Чаще реклама, как собственно и массовая культура, задает стиль жизни, поведения, общения и т.д. Рекламный миф не имеет пределов и в личностной направленности, поскольку обращается к большому и безликому множеству людей. Он создает иллюзию, что при наличии условного товара или услуги индивидуум будет счастлив.

Среди мифов, функционирующих в современной массовой культуре и обществе, прежде всего выделим так называемый «миф успеха». В связи с современными процессами глобализации успех из бывшей «внутренней» категории, связанной с личностным чувством удовлетворения от найденного призвания в жизни, тем, как сложилась жизнь человека в целом, становится «внешней» категорией и приобретает статус, выраженный в приобретении им статуса интегральной жизненной стратегии. Изменяется социум, с одной стороны, характеризующийся возрастающими возможностями для достижения жизненного успеха, а с другой стороны, воспроизводятся старые зависимости, сводящие жизненный успех к воспроизведению прежних стремлений, потребностей и желаний. Социальная трансформация современного общества актуализирует престижность одних видов занятий и демонстрирует несостоятельность и непопулярность других.

Глобализация, значение которой в конструировании социального мифа «успех» упоминалось ранее, оказывает свое влияние не только на всевозможные сферы существования людей, но и вносит значительные изменения в их образ жизни. Исследователи констатируют две ее ведущие тенденции: глобализация стиля жизни, рост общецивилизационных характеристик бытия людей, но с выразительной тенденцией к сохранению национальной самобытности культуры, языка, традиций, национальной ментальности [9]. Этот амбивалентный про-

цесс находит свое отражение и в такой целостной оценке жизни, как «жизненный успех». Исторический опыт человеческого существования свидетельствует о том, что человек укореняется в жизни, добивается успеха и полноты своего самоосуществления лишь в том случае, когда он ищет необходимые условия своего бытия и, если не находит, создает их сам. Эта сущностная особенность находит свое воплощение в стремлении личности оторваться от повседневности, ставить и решать задачи, обеспечивающие более высокий, более содержательный уровень индивидуального существования.

На наш взгляд, жизненный успех человека представляет собой сумму векторов личного и профессионального успеха. Уровень личностного успеха, с нашей точки зрения, представляется в степени самосовершенствования и самопознания человека. Этот успех выражается в достигнутом уровне человеком личной зрелости, связанной с ощущением субъективного и семейного благополучия, счастья. Профессиональный успех отражается в степени реализации творческого потенциала человека, выявлении его профессионального призвания и, в конечном счете, материального вознаграждения в зависимости от доминирующей модели успеха. Учитывая вышесказанное, следует добавить, что «успех» может быть достигнут как за счет одного из двух векторов (и в этом случае он неизбежно строится на основе гиперкомпенсации), так и за счет наиболее оптимального сочетания личностного и профессионального компонентов. Самое последнее утверждение, на наш взгляд, является сущностной характеристикой понятия «жизненный успех». Кроме того, особенностью жизненного успеха является то, что он базируется на личностных субъективных оценках успеваемости социальных практик и эти оценки могут не соответствовать принятым в обществе стандартам успеваемости. Внутреннее удовлетворение результатами собственной деятельности не всегда сопровождается признанием этих достижений со стороны общества.

Если проанализировать особенности «мифа успеха» в западном обществе, его субстанциональная характеристика – это индивидуальный успех личности. Но, несмотря на глобализационные процессы, нельзя говорить о полной интериоризации ценности «успеха» западного образца в российском обществе. Историческая традиция указывает на остатки в мировосприятии первичности целого – страны, Родины, государства как определенного единства. В отличие от американского прагматизма, отечественная философская традиция акцентирует внимание на внутренних экзистенциальных факторах бытия человека.

Социальная мифология вполне может жить и развиваться под видом того, что С. Московичи называет «светской религией» – она не касается бога, каждая нация определяет ее для себя как определенную догму, священные тексты, которыми руководствуется, героев в качестве святых; такая светская религия отвечает определенным психологическим потребностям [10]. Действительно, для любой страны такими догмами являются определенные многовековые национальные традиции, сакральными текстами являются Конституция и разнообразные кодексы законов, а героев в качестве святых каждый выбирает для себя сам – политиков, ученых, актеров, спортсменов и т.д. Для поддержания такой «светской религии» используются средства мифологии – совокупность церемоний, эмблем, паролей (лозунги, призывы на каждом шагу) и т.д.

В современном общественном сознании мифологию заменяет политическая идеология. Идеология является преемницей мифологии, унаследовавшей от своей предшественницы структуру и принцип действия. Наглядным примером переноса политики в мифологическую плоскость является школьная учебная программа для общеобразовательных учебных заведений по истории. В рамках этого предмета развитию культуры, искусства, философии уделяется очень мало внимания, основной же акцент приходится на изучение войн, политических режимов и личностей, имеющих значение для политической истории. Таким образом, история государства сводится практически к мифическим сказаниям о подвигах героев.

Важным мотивом в системе политического мифа, по мнению С.Румянцева, является тема героев и героизма, в том числе героя-мученика. Вера в героя интегрирует членов группы и связывает их с универсальными ценностями общества. [11] Кроме того, С. Румянцев отмечает наличие в политическом мифе четкого разделения на «мы» и «они». Такая классификация аналогична мифологическому разделению на «свой» и «чужой». Важным признаком политического мифа, по его мнению, является *олицетворение*, то есть любой процесс или явление объясняется чьей-то волей. Поэтому для политического мифа существуют только субъективные причины, а объективные – отсутствуют. Из этого понимания социальных событий как проявления чьей-либо воли возникает абсолютизация веры в способность изменить мир волевым усилием [11]. Формирование в обществе такой установки служит эффективным орудием манипулирования массами. Разделение же на «свой» и «чужой», «мы» и «они» часто насаждается искусственно, и предел, по которому происходит разрыв, прочеркивается в соответствии с задачами существующего в настоящее время режима правящей элиты.

Заключение

Формирование социального мифа связано не только с традициями, сакральными представлениями и злободневными потребностями людей, но и с определенными стереотипами мировосприятия и поведения отдельно взятого общества. Основу социальной мифологии составляют традиции, архетипы и эмоции, порождающие веру – феномен информационного влияния, противостоящий любым, даже наиболее рациональным аргументам. Наиболее питательной почвой для возникновения и развития мифов является напряженная ситуация социально-политического кризиса в трансформируемых обществах. Разрушение устоявшихся основ государственной и личностной самоидентификации в условиях несформированной адекватной замены привычных мировоззренческих принципов приводит к мифологизации и некритическому заимствованию чужого опыта, что ведет к потере субъектности или воспроизводству устаревших и даже архаических мифов собственной государственности.

Анализ «мифа успеха» в спектре мифов, функционирующих в современной массовой культуре общества, позволяет предложить осмысление жизненного успеха как синтеза внутреннего и внешнего успеха. Внутренний успех – это личностное чувство удовольствия от найденного призвания в жизни, того, как сложилась жизнь человека в целом. Внешний успех включает в себя импликацию призвания человека в социальную среду с последующим вознаграждением в виде определенного символического ресурса (высокого заработка, славы, признания и т.п.), признаваемого обществом как «успех». Само признание социальной средой результатов удачной импликации призвания легитимизирует последнюю как «успех». Чтобы внешний и внутренний успех находились в состоянии взаимозависимости и составляли жиз-

ненный успех, необходимо, чтобы у личности совпадали ценности внутреннего и внешнего мира. Этого можно добиться посредством подъема жизненного успеха в ранг доминирующей ценности путем воспроизведения ее социокультурными каналами передачи ценностей.

На процесс конструирования ценностного и смыслового наполнения мифа жизненного успеха в социальной реальности значительное влияние имеет современная глобализация. Глобализационные трансформации существенно изменили смысловое наполнение понятия «жизненного успеха». Истоки социального успеха, продиктованные рыночной экономикой, основываются на принципе конкуренции и частной собственности и ориентируют на достижение высокого социального статуса и приобретение материального благополучия. Изменяется социум, с одной стороны, характеризующийся возрастающими возможностями для достижения жизненного успеха, а с другой стороны, воспроизводятся старые зависимости, сводящие жизненный успех к воспроизведению прежних стремлений, потребностей и желаний. Установлено, что в настоящее время в обществе невозможно выделить единую ценностную шкалу жизненного успеха в массовом сознании, что является проблемой философского осмысления. В свою очередь, категория «жизненного успеха» представляет собой мощный механизм, способный конструировать эту ценностную шкалу.

Литература

1. Барт Р. Мифологии; пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 314 с.
2. Рязанова С.В. Политический миф как явление: вчера, сегодня и всегда// Вестник Пермского научного центра. 2016. № 5. С. 86–91.
3. Иванов А.И. Гарантийное изменения политического мифа// ТомГ У. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 69–78.
4. Попова И.М. Демократия как средство идентификации и мифологизации// Вестник ОНУ. Социология и политические науки. 2007. Том 12. Выпуск 6. С. 13–20.
5. Воеводина Л.М. Мифология и культура. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. 384 с.
6. Рязанова С.В. Социальный миф в пространстве гуманитарного знания: научный потенциал понятия// Религиоведение. 2010. № 1. С. 78–89.
7. Ульяновский А.В. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы. – СПб.: Питер, 2005. 544 с.
8. Васильев А.Д. Современное мифотворчество и российская телевизионная словесность. – М.: ЛЕНАНД, 2014. 240 с
9. Иванов А.Г. Философское осмысление современной социальной мифологии, ее статуса и структуры// Вестник ТвГ У. Серия «Философия». 2017. № 1. С. 60–71
10. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс/ Пер. с фр. – М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. 480 с.
11. Румянцев С. Героический эпос и конструирование образа исторического врага// Империя и нация в зеркале исторической памяти: сб. ст. – М.: Новое издательство, 2011. С. 328–356.

MYTHOGENIC FACTORS FORMING THE MEANING SPACE OF CULTURE AND SOCIETY

Bakaev D.A., Olkhin G.S.
Plekhanov Russian University of Economics

Philosophical research into the development of the semantic space of culture and modern society presupposes the deepest understanding of the role of social legends in these sociocultural actions. A special intensification of myth-making occurs in a transformational society at the stage of formation of a new socio-political reality, therefore, without understanding political and cultural mythology, it is impossible to adequately understand and predict the development of modern social processes. The purpose of the article is to analyze the role of mythogenic factors in the formation of the semantic space of modern society.

Analysis of the definitions “social myth”, “social mythology” in modern philosophical discourse made it possible to present social myths as a system of semiotic values that are relevant in a specific sociocultural system. It is substantiated that the formation of a social myth is associated not only with traditions, sacred ideas and topical needs of people, but also with certain stereotypes of the worldview and behavior of a particular community. An analysis of the value and semantic content of the “myth of success” in the spectrum of myths functioning in modern mass culture of society is carried out. It is noted that the success of a person’s life is the sum of the vectors of personal and professional success.

Keywords: myth, mythologization of consciousness, social myth, political myth, myth of success.

References

1. Bart R. Mythologies; lane from fr. S.N. Zenkina. M.: Publishing house named after. Sabashnikov, 2000. 314 p.
2. Ryazanova S.V. Political myth as a phenomenon: yesterday, today and always // Bulletin of the Perm Scientific Center. 2016. No. 5. pp. 86–91.
3. Ivanov A.I. Guaranteed changes in political myth // Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2019. No. 49. pp. 69–78.
4. Popova I.M. Democracy as a means of identification and mythologization // ONU Bulletin. Sociology and political sciences. 2007. Volume 12. Issue 6. pp. 13–20.
5. Voevodina L.M. Mythology and culture. – M.: Institute of General Humanitarian Research, 2002. 384 p.
6. Ryazanova S.V. Social myth in the space of humanitarian knowledge: the scientific potential of the concept // Religious Studies. 2010. No. 1. P. 78–89.
7. Ulyanovsky A.V. Myth design: commercial and social myths. – St. Petersburg: Peter, 2005. 544 p.
8. Vasiliev A.D. Modern myth-making and Russian television literature. – M.: LENAND, 2014. 240 s.
9. Ivanov A.G. Philosophical understanding of modern social mythology, its status and structure // Bulletin of Tver State University. Series “Philosophy”. 2017. No. 1. P. 60–71
10. Moscovici S. Century of crowds. Historical treatise on mass psychology / Trans. from fr. – M.: “Center for Psychology and Psychotherapy”, 1998. 480 p.
11. Rumyantsev S. Heroic epic and construction of the image of the historical enemy // Empire and nation in the mirror of historical memory: collection. Art. – M.: New publishing house, 2011. P. 328–356.

Социально-философский анализ феномена публичной смертной казни в регулировании общественных отношений в Средневековье

Бочарова Вероника Сергеевна,
аспирант, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова
E-mail: Bocharowaveronika@yandex.ru

Басманова Анна Александровна,
доцент кафедры иностранных языков ФГСН, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: bassmanna1@gmail.com

Бакшеев Андрей Иванович,
кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: baksh-ai@yandex.ru

До середины XVIII века публичные казни были повседневным явлением, активно поддерживаемым как государством, так и церковью. Они обладали рядом социальных функций, регулирующих общественные отношения. Именно поэтому исследование фокусируется на роли публичных казней как инструмента воздействия на средневековое общественное сознание. В нем описаны идеологически-воспитательная, информационно-коммуникативная, компенсаторная, регулирующая, стабилизационная и эстетическая функции публичных казней, а также роль народа в их исполнении. Основное внимание уделяется театрализации наказаний за преступления, заключающейся в ритуализации аспектов, подборе эмоционально воздействующих элементов в их реализации. В результате анализа выявлена значимость публичных казней Средневековья как общественного торжества и средства поддержания социального порядка. В статье подчеркнута эволюция восприятия смертной казни и её постепенное исчезновение из публичной практики в ходе гуманизации общества в последующие эпохи.

Ключевые слова: смертная казнь, Средние века, история наказаний, религия, публичность

Введение

До середины XVIII века такие массовые мероприятия, как публичные пытки и казни, были типичным явлением повседневности. В настоящее же время значимым достижением гуманизации общества стало то, что в подавляющем большинстве стран мира смертная казнь перестала быть не только публичным мероприятием, но и распространенным уголовным наказанием как таковым.

Однако в Средние века публичная смертная казнь была весьма обыкновенным событием, причем происходившим при непосредственном участии и поощрении со стороны церкви. Так, первое официальное признание папством смертной казни за ересь появляется в булле «Ad Extirpanda», обнародованной Папой Иннокентием IV в 1252 году [7]. Также стоит отметить, что в редакции статьи 2267 католического катехизиса, действовавшей до лета 2018 года, говорилось, что «традиционное учение Церкви не исключает применения смертной казни, если это единственный возможный путь действенно защитить жизни людей от несправедливого агрессора» [3].

Разнообразные способы публичной казни внедрялись в социально-культурную действительность средневекового общества не только с целью наказания за совершенное преступление, но и являлись инструментом подавления, устрашения граждан. При этом, светские власти, пользуясь возможностями, предоставляемыми существующим законодательством в отношении применения смертной казни, подчас просто убирали неугодных им людей. Так, Фридрих II Гогенштауфен, император Германии, в 1231 г. первым в Европе издал закон «О сожжении еретиков», и вскоре сжег несколько человек, возглавивших восстание в Мессине. Позднее, Папа Римский в личной переписке писал, что «под видом еретиков… погибали не еретики, а верующие, которые нанесли тяжкое оскорбление твоему Величеству» [5, с. 265]. С другой стороны, публичная смертная казнь оказывала непосредственное манипулятивное воздействие на массы в интересах как светских, так и церковных властей.

С социально-философской точки зрения, тема публичных казней является актуальной для понимания механизмов управления социумом, оказания влияния на духовную жизнь общества. Особенно важно отметить, что сами жертвы поддерживали публичность и театрализованность данного процесса, поскольку, находясь в безнадежной ситуации, они могли тем самым сделать послание толпе [8].

На основе значимости казни как инструмента воздействия на общественность, целью этой статьи является выявление ее публичных элементов. Фокус исследования направлен на рассмотрение наказания только за те виды преступлений, которые носили общественный характер и были совершены в отношении государственных и церковных органов власти, либо активно осуждались церковью, поскольку оказывали значительное влияние на регулирование общественных отношений.

Результаты

На основании как государственно-правовых, так и религиозных норм обществом осуждались насильники, го-

мосексуалисты, проститутки, сводницы, виновные в прелюбодеянии, кровосмешении, богохульстве, попрании святыни, прерывании богослужения, ереси, вероотступничестве, святотатстве, колдовстве, лжеприсяге. При этом правовые нормы в обязательном порядке опирались на религиозные, а утверждение законов не обходилось без непосредственного участия церкви [9]. Массовость этого явления впечатляет: к примеру, в Нидерландах было наказано 25 000 человек, признанных еретиками, в Англии при Генрихе VIII казнены 72 000, при Елизавете – свыше 89 000; от следственных действий инквизиции всего погибло порядка 5 млн человек [8].

В целом, в рассматриваемый исторический период не существовало таких социально-культурных институтов, как пресса, кино, телевидение, радиовещание. Функции средств массовой информации выполняли различные публичные мероприятия [4], в том числе и публичные казни и пытки. Публичные театрализованные представления, к которым относятся и публичные казни, выполняли в обществе важные социально-культурные функции, главными из которых были следующие: идеологически-воспитательная, информационно-коммуникативная, компенсаторная, регулирующая, стабилизационная, эстетическая. Неотъемлемой составляющей публичных театрализованных казней являлся их коллективный характер, ведь проводились они всегда при большом количестве зрителей и иногда при их участии (например, при побивании камнями в новозаветные времена). Аутодафе – сожжение еретиков – устраивались на главной площади города при огромном скоплении народа, в присутствии духовной и светской знати, иногда самого короля с семьей, аристократии, городских магистратов, корпораций. Именно коллективный характер смертной казни отличает ее от убийства – она выполняется не по воле одного лица, а по решению общегосударственной власти, то есть на основе приговора, вынесенного представителями власти или специальным уполномоченным органом.

Подтверждением тезиса о принадлежности публичных казней к категории публичных театрализованных действий является также факт наличия в структуре публичных казней трех составляющих, характерных для всех театрализованных мероприятий [8]. Это определенный сценарий как литературная основа действия; исполнители как субъекты сценического искусства; и зрители, превращающиеся в процессе публичной казни из пассивных наблюдателей в зрителей и участников, без которых это специфическое действие не выполняет свои общественные функции.

Идеологически-воспитательная функция казней и пыток в Средние века занимает ведущее место среди других функций, поскольку эмоционально-психологическое воздействие этих мероприятий на зрителей очень сильно и подчинено определенной общественной идее. Так, на поучительный эффект от страшного зрелища обращает внимание Й. Хейзинга: «Жестокое возбуждение и грубое участие, вызываемые зрелищем эшафота, были важной составной частью духовной жизни народа. Это спектакли с поучением. Для страшных преступлений изобретаются страшные наказания» [6].

Бесспорно, информационно-коммуникативная функция казни была также весома, поскольку такие публично-массовые мероприятия являются формой человеческого общения и имеют целью обмен вербальной и невербальной информацией. Так, перед сожжением еретиков начинался торжественный ритуал, во время которого проповедник еще раз предостерегал народ от коварства Дьявола и его приспешников, коммуницировал, тем самым, с публикой.

Ярко прослеживается и компенсаторная функция публичных казней в рассматриваемую эпоху – натурализм таких зрелищ вызвал эмоциональный стресс у зрителей, что и служило своеобразной формой активного отдыха и «адреналинового» развлечения, которое, в свою очередь, было разновидностью досуга и средством восстановления духовных и физических сил после будней. Поездка преступника до места казни была тяжелым испытанием, ведь народ не пропускал возможности «эмоциональной разрядки», зло смеясь и издеваясь над осужденными, которые шли в последний путь.

Путем организации публичных смертных наказаний формировались, регулировались и поддерживались взаимоотношения между различными общественно-имущественными слоями, между женщинами и мужчинами, старшими и младшими, между верующими и еретиками. Безусловно, публичность смертной казни привносила стабилизацию в общество, обеспечивая его управляемое развитие, которое направлялось церковной и светской властью.

В публичных смертных казнях находилось место и эстетическому фактору – художественно оформлялось публичное пространство, создавался сценарий зрелища, подбирались подходящие костюмы, музыка, атрибутика.

Так, театрализация Средневековой казни заключалась также в создании определенных декораций и атмосферы. Понятно, что для осмотра публике обязательно выставлялись сами орудия казни, но при этом власть старалась достигнуть наибольшего общественного впечатления от этого зрелища: внимание обращалось и на детали одежды осужденных, и на средства передвижения во время доставления осужденного на место казни, а также на ритуалы во время самого действия [10]. Например, Вольтером приводится описание головных уборов еретиков, идущих на казнь: «…они были одеты в санбенито и увенчаны бумажными митрами…», которые «…были расписаны перевернутыми огненными языками и дьяволами…» [2, с. 22].

О театрально-зрелищной составляющей публичных наказаний и о различном влиянии таких действий на зрителей писал уже в XVIII в. Чезаре Беккариа Бонезана – просветитель, занимающийся разработкой вопроса смертной казни. По его мнению, смертная казнь для большинства людей является зрелищем, для меньшинства – предметом сочувствия, смешанного с возмущением; и оба эти чувства занимают ум зрителей более, чем спасительный страх, который вызывают законы. При этом, напротив, в наказаниях мягких и пролонгированных этот спасительный страх является господствующим ощущением, поскольку другим чувствам здесь места нет. Беккариа заключает – как раз влияние на зрителя и является главной целью казни, а не само наказание [1].

К непременным действующим лицам смертной казни как театрализованного действия можно отнести палача и преступника. В древности, обязанности палача брали на себя первосвященники, цари азиатских монархий, римские консулы и трибуны, а также царские отроки, военные сановники, обвинители и свидетели, родственники погибшего, иногда просто народ. Таким же образом и в средневековой Европе смертный приговор выполняло само общество в лице своих представителей, а иногда один из судей или родственник убитого или убийцы.

Как и в новозаветные времена, так и в Средние века традиционным местом исполнения смертной казни, осуществляемой принародно, был центр города – а именно лобное место. Самой процедуре казни предшествовала череда событий, которые можно трактовать как определенный театральный сценарий: для привлечения самого

широкого круга зрителей рассылались глашатаи и трубачи, или же звонили в колокола.

Популярности казням среди зрителей добавляли и сами личности преступников. В Средневековье царила определенная дискриминация, заключавшаяся в наличии у духовенства и дворянства привилегии освобождения от смертной казни. Страдальческие казни духовенства составляли почти сплошь исключение, а дворянство было казнено в гораздо меньших размерах, чем люди вне господствующих классов, и обычно им грозило лишь лишение титулов [11]. Постепенно, с развитием юриспруденции в Англии, привилегия освобождения от смертной казни распространилась и на светских людей на основе их образованности, ведь умение читать было признаком принадлежности к духовному сословию [11]. Конечно, казнь известных людей привлекала больше внимания среди общественности. Когда осужденными становились вельможи, народ получал еще большее удовольствие от исполнения правосудия.

Заключение

Таким образом, в Средние века казнь была публичным и практически торжественным мероприятием, подразумевающим участие не только наказуемого и осуществляющего наказание, но и общественности, наблюдающей за процессом. Публичная расправа над преступниками производилась с использованием средств театрализации и часто совпадала с днями государственных праздничных событий, становясь, таким образом, неким атрибутом общественных гуляний.

Несмотря на свою продолжительную историю, казнь как прилюдное действие стало менее популярно в эпоху Просвещения на фоне формирования аболиционистского движения. Первое, что претерпело изменение – это торжество, присущее наказанию. Власть начала предпринимать попытки убрать исполнение приговора с глаз народа, перенеся его в менее людные места и назначая на утреннее время. Казнь потеряла свой отличительный признак публичности, роднившей ее с иными массовыми зрелищами, и уже сегодня она воспринимается совершенно иначе, чем в Средневековье.

Литература

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. СПб.: типография И. Глазунова, 1806. 200 с.
2. Вольтер. Кандид, или оптимизм. М.: Юрайт, 2022. 112 с.
3. Катехизис католической церкви. М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2007. 216 с.
4. Марасинова Е.Н. Смертная казнь и политическая смерть в России середины XVIII в. // Российская история. 2014. № 4. С. 53–69.
5. Филлипов Б., Ястребицкая А. Европейский мир X–XV вв. М.: Интерпракс, 1995. 376 с.
6. Хейзинга Й. Осень Средневековья: Исследования форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М.: Айрис-пресс, 2004. 537 с.
7. Bessler J. The Death Penalty as Torture: From the Dark Ages to Abolition. Durham, USA: Carolina Academic Press, 2017. 460 p.
8. Bondarenko N. G., Beloglazova L., Shafazhinskaya N.E., Akhyadov E.S.-M., Rozhkov A., Saenko N.R. Public execution as theatricalized means of influencing society: from New Testament times to modern history // European Journal of Science and Theology. 2022. Vol. 18. No. 5. P. 77–91.
9. Dutton E., Madison G. (2018). Execution, violent punishment and selection for religiousness in medieval England // Evolutionary Psychological Science. 2018. No. 4(1). P. 83–89.
10. Friedland P. The Execution of Justice: The Ritual of Punishment in Medieval and Early Modern France // Seeing Justice Done: The Age of Spectacular Capital Punishment in France. Oxford: Oxford Academic, 2012. P. 89–116.
11. Prosperi A. Crime and Forgiveness: Christianizing Execution in Medieval Europe. Cambridge, USA: Harvard University Press, 2020. 624 p.

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF PUBLIC DEATH PENALTY IN THE REGULATION OF SOCIAL RELATIONS IN THE MIDDLE AGES

Bocharova V.S., Basmanova A.A., Baksheev A.I.
Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, RUDN University, Krasnoyarsk State Medical University. prof. V.F. Voyno-Yasenetsky

Until the mid-18th century, public executions were a commonplace phenomenon, actively supported by both the state and the church. They served several social functions that regulated public relations. Therefore, this study focuses on the role of public executions as an instrument of influence on medieval public consciousness. It describes the ideological-educational, informational-communicative, compensatory, regulatory, stabilizing, and aesthetic functions of public executions, as well as the role of the general public in their enactment. Special attention is given to the theatricalization of punishment, which involved the ritualization of certain aspects and the selection of emotionally impactful elements in its implementation. The analysis reveals the significance of public executions in the Middle Ages as a form of social celebration and as means of maintaining social order. The article highlights the evolution of the perception of capital punishment and its gradual disappearance from public practice during the course of societal humanization in subsequent eras.

Keywords: capital punishment, Middle Ages, history of punishment, religion, publicity.

References

1. Beccaria Ch. On crimes and punishments. Saint-Petersburg: Printing house of I. Glazunov, 1806. 200 p.
2. Voltaire. Candide. Moscow: Yurayt, 2022. 112 p.
3. Catechism of the Catholic Church. Moscow: Cultural Center “Spiritual Library”, 2007. 216 p.
4. Marasinova E.N. The death penalty and political death in Russia in the mid-18th century // Russian history. 2014. No. 4. P. 53–69.
5. Fillipov B., Yastrebitskaya A. European world of the X–XV centuries. Moscow: Interpraks, 1995. 376 p.
6. Huizinga J. Autumn of the Middle Ages: Studies of forms of life and forms of thinking in the 14th and 15th centuries in France and the Netherlands. Moscow: Iris-press, 2004. 537 p.
7. Bessler J. The Death Penalty as Torture: From the Dark Ages to Abolition. Durham, USA: Carolina Academic Press, 2017. 460 p.
8. Bondarenko N. G., Beloglazova L., Shafazhinskaya N.E., Akhyadov E.S.-M., Rozhkov A., Saenko N.R. Public execution as theatricalized means of influencing society: from New Testament times to modern history // European Journal of Science and Theology. 2022. Vol. 18. No. 5. P. 77–91.
9. Dutton E., Madison G. (2018). Execution, violent punishment and selection for religiousness in medieval England // Evolutionary Psychological Science. 2018. No. 4(1). P. 83–89.
10. Friedland P. The Execution of Justice: The Ritual of Punishment in Medieval and Early Modern France // Seeing Justice Done: The Age of Spectacular Capital Punishment in France. Oxford: Oxford Academic, 2012. P. 89–116.
11. Prosperi A. Crime and Forgiveness: Christianizing Execution in Medieval Europe. Cambridge, USA: Harvard University Press, 2020. 624 p.

Социально-философский анализ трансформации духовных потребностей молодежи

Евлоева Фатима Рашидовна,
кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»
E-mail: evloeva_fat@mail.ru

Евлоева Лиана Маисовна,
кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»
E-mail: evloeva.lm@mail.ru

В настоящее время мы становимся свидетелями масштабных социокультурных изменений, которые оказывают существенное воздействие на духовную сферу общества и ценностные системы людей. Эти трансформации породили интерес к пониманию характеристик духовной культуры в современных условиях.
Среди прочих проблем, духовная культура занимает особое место в размышлениях о последствиях глобализации, оказывающей влияние на традиционные ценности. Прогресс информационных технологий и массовой коммуникации внесли изменения в духовном измерении жизнедеятельности, породив негативные тенденции в этой области.
Молодежь играет определяющую роль в сохранении и развитии духовной жизни общества. Социокультурное свойство молодых людей заключается в способности унаследовать, адаптировать и трансформировать культурные паттерны на основе инновационного подхода и персонального творчества, содействуя этим развитию общества.
Тем не менее трансформационные изменения, особенно в российском контексте и глобальном мире, усложняют процессы усвоения и укрепления духовных ценностей среди молодежи. Современные вызовы могут идеализировать молодых людей, сталкивающихся с множеством культур, и одновременно мотивировать их к расширению духовных запросов и интересов.
В условиях межкультурных столкновений и постоянной неопределенности молодое поколение выступает как независимая единица, выбирающая свой путь среди многообразия представлений о духовной жизни. Это подчеркивает важность анализа содержания духовной культуры и определения ее роли в личной жизни каждого человека.

Ключевые слова: самовыражение, саморазвитие, многообразие, толерантность, креативность, духовное развитие, духовные ценности, молодежь, молодое поколение, ценности, мораль, этика.

Введение

В современном мире культурные ценности подвергаются постоянной эволюции под влиянием ряда факторов, среди которых глобализация, технологический прогресс и социальные изменения. Особенное внимание привлекает динамика ценностных ориентиров современной молодёжи, которая вырастает в условиях взаимного проникновения культур, экономической нестабильности и информационного перенасыщения. Значимость этого вопроса обусловлена тем, что именно молодое поколение в будущем определит направление развития общества и культуры.

Исследование культурных ценностей современной молодежи с философским уклоном позволяет раскрыть глубинные структуры мировосприятия и систем ценностей, которые способствуют формированию идеологии, поведенческих стереотипов и образа жизни молодого поколения. В центре внимания – попытка понять, как уникальное сочетание философских идей и культурных традиций влияет на выбор ценностей молодыми людьми, их сознательные и подсознательные предпочтения.

Задача данного исследования – не только зафиксировать и проанализировать существующие тенденции, но и прогнозировать, как эти ценности могут повлиять на будущее общества. Осмысление философских корней культурных ценностей и их восприятие становится ключевым для понимания того, как молодежь будет решать актуальные социальные задачи, формировать новую культурную идентичность и адаптироваться к меняющимся условиям современной жизни.

Исследование затрагивает аспекты социологии, культурологии, философии и психологии. Подобный анализ содействует более глубокому пониманию механизмов передачи и преобразования культурных ценностей в рамках ориентации молодежи и очерчивает контуры их влияния на формирование будущего структуры общества.

Материалы и методы исследования

Так как тема исследования «Культурные ценности современной молодежи: философский аспект», целью исследования является выявление отношения молодежи к культурным ценностям и определение степени осознанности проблематики сохранения культурного наследия.

Методология:

1. Опрос 100 участников в возрасте от 18 до 30 лет (студенты Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ингушский государственный университет»).
2. Разработка анкеты, включающей вопросы на тему отношения к культурным ценностям, их роли в современном обществе и личных усилиях по их сохранению.
3. Количественный и качественный анализ полученных данных.
4. Деление ответов на две группы: те, кто не заботится о культурных ценностях (Группа А), и те, кто уважает и ценит культурные ценности (Группа Б).

После изучения ответов, в Группе А оказалось 60 участников, тогда как в Группе Б – 40.

В ходе анализа ответов Группы А было установлено, что большинство молодых людей этой группы:

1. Воспринимают культурные ценности как нечто далекое и мало влияющее на их реальную жизнь.
2. Отмечали недостаток времени и интереса к погружению в культурные вопросы.
3. Исповедовали прагматичный взгляд на жизнь, где приоритет отдаётся технологиям и современным развлечениям.

Анализ ответов Группы Б показал, что эти участники:

1. Считают культурные ценности важным элементом личностного развития и общественного сознания.
2. Осознают связь между прошлым и настоящим, понимают роль и влияние культурного наследия на современность.
3. В большинстве своём принимают активное участие в культурной жизни и готовы передавать эти ценности следующим поколениям.

Исследование показало разницу в восприятии культурных ценностей среди молодежи. Обнаружилось, что меньшее количество молодых людей (40%) уделяет внимание культурному разнообразию и его сохранению, тогда как большинство (60%) не придает значения культурным аспектам, сосредотачиваясь на текущих трендах и потреблении современного цифрового контента.

Таблица 1. Ответы контрольной группы А

№	Вопрос	Усредненные варианты ответов		
		Ответ 1	Ответ 2	Ответ 3
1.	Что для вас значит понятие «культурные ценности»?	Это старые вещи в музеях, наверное.	Ну, это типа искусства и истории, возможно.	Честно, не знаю, не задумывался.
2.	Влияет ли культура прошлого на вашу жизнь сегодня?	Ну, иногда в мемах встречаются отсылки.	Да, наверно, но больше интересуюсь современным.	По-моему, мало что из прошлого актуально.
3.	Какие философские идеи формируют ваше понимание культуры?	Философия? Не мое.	Много информации в сети, сложно выбрать.	Нравится прочитать цитаты великих людей.
4.	Можете ли вы назвать культурных деятелей, вдохновляющих вас?	Те, кто в тренде в TikTok и Instagram.	Вдохновляет музыка, но не знаю, кто за ней стоит.	Культурные деятели… это актеры, да?
5.	Какие культурные ценности вы бы хотели передать следующему поколению?	Просто живи настоящим, остальное не важно.	Не задумывался об этом, живу днем.	Думаю, технологии – это наше все.
6.	Как вы думаете, почему некоторые молодые люди отдаляются от культурного наследия?	Не интересно, это же прошлое.	Всё быстро меняется, прошлое устаревает.	Много других вещей, более актуальных.
7.	Влияет ли современное искусство на вашу систему ценностей?	Если это в тренде, то да.	Только если это попадается в соцсетях.	Не уверен, что понимаю, что такое искусство.
8.	Что вы думаете о сохранении культурного разнообразия?	Все равны, зачем разнообразие?	Не вижу, как это влияет на меня личный.	Мир меняется, улучшается, зачем это разнообразие?
1.	Что для вас значат культурные ценности?	Культурные ценности являются корнями нашей идентичности, соединяющие нас с прошлым и направляющие в будущее.	Для меня это ориентиры для жизни и творчества, воплощенные в искусствах, обычаях, образах мыслей.	Это скрытое сокровище, которое мы должны оберегать и исследовать, чтобы улучшить как наше собственное понимание, так и общества.
2.	Почему важно сохранять культурные ценности?	Они помогают нам понять прошлое и формируют значение и цели нашего существования, их сохранение способствует устойчивости и разнообразию.	Потому что это укрепляет общественные узы и способствует межкультурному диалогу и взаимопониманию.	Сохранение культурных ценностей поддерживает континуум поколений и способствует интеллектуальному развитию общества.
3.	Как современная молодежь может принять участие в сохранении культурного наследия?	Через образование, активное участие в культурных мероприятиях, поддержку традиционных и современных форм искусства.	Используя социальные сети и платформы для распространения знаний и вовлечения в вопросы культурного наследия.	Мы должны быть как учениками, так и новаторами, сохраняя историческое наследие и развивая новые идеи.
4.	Влияют ли культурные ценности на вашу жизнь сегодня?	Абсолютно. Они формируют мои взгляды, выбор и личные ценности, пронизывая мою повседневную жизнь.	Они вдохновляют меня на творчество и помогают строить более глубокие межличностные связи.	Да, они обогащают мой внутренний мир и дают мне осознанность стоящих передо мной возможностей выбора.

Это может указывать на проблему социализации молодежи, когда культурное наследие теряет свою значимость перед лицом быстро меняющегося цифрового мира. Такие результаты подчеркивают необходимость более активных мер по вовлечению молодого поколения в культурные процессы и повышения информированности о значении культурных ценностей.

В виду того, что ответы представителей групп А и Б были достаточно разными, но при этом одинаковыми по сути, все ответы в целом сформированы в три обобщенных (табл 1).

В диаграммах на рис. 1 представлен возраст опрашиваемых в каждой из групп в зависимости от ответов.

Фраза «Будущее в руках молодёжи» сегодня звучит актуальнее, чем когда-либо. Это мантра передачи эстафеты от одного поколения к следующему, неизбежно сопровождающаяся изменениями в духовно-нравственном кладезе культурных ценностей. На пороге новых эпох старые идеалы уступают место новым, порождая дискуссии о трансформации морали и этики в соответствии со временем.

Современное общество особенно остро ощущает этот процесс, поскольку динамические переменные времени касаются основополагающих концепций духовности и нравственности. Духовность, понимаемая как воплощение духовных стремлений в реальном мире и внутренний голос совести, и нравственность, выступающая синонимом моральных и этических регуляторов поведения, оказываются в эпицентре внимания при оценке ценностных ориентиров молодёжи.

Противостояние поколений порою остро выявляет расхождение в восприятии этих понятий: где предшественники видят уход важных ценностей на второй план, молодые люди могут усматривать естественную эволюцию социальной динамики. В этом контексте требуется всесторонний анализ и понимание причин, по которым происходят изменения в иерархии ценностей, и влияния этих изменений на будущее цивилизации.

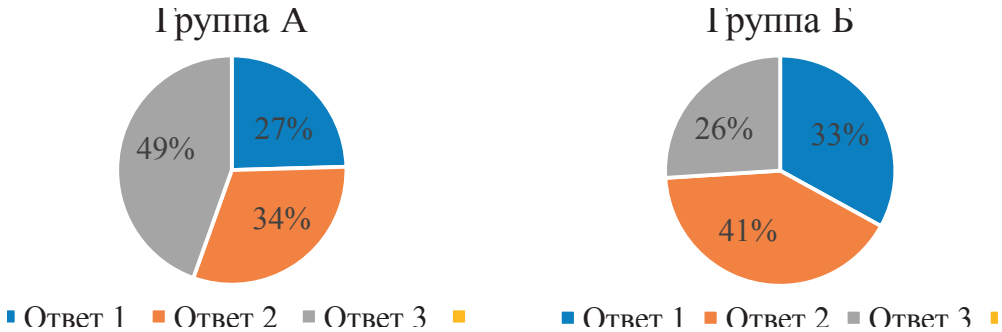


Рис. 1. Ответы опрашиваемых, в зависимости от возраста

Необходимо исследовать, как именно происходит формирование духовно-нравственных качеств, на начальном этапе жизни человека, когда универсальные представления о добре и зле ещё формируются и закрепляются. Период от рождения до десятилетнего возраста, полагая научное сообщество, и есть тот самый решающий временной промежуток, на который приходится основной вклад в развитие характера и ценностных ориентиров.

Сознательное воспитание, программы саморазвития и непосредственное влияние социального окружения – ключевые каналы, посредством которых реализуется формирование этики и морали в полном диапазоне от индивидуального до коллективного уровня. Ответственность общества за данное формирование становится очевидной, оставляя актуальным вопрос: какие конкретные культурные ценности мы хотим увидеть в багаже следующего поколения, и как мы можем способствовать их привитию в контексте современных вызовов?

Важность целенаправленного воспитания трудно переоценить. Родителям, как первым учителям в жизни человека, нужно уделять особое внимание формированию личности своих детей. От их внимания, подхода и, главным образом, примера зачастую зависит, вырастет ли из ребенка самостоятельный, ответственный, сострадательный человек или эгоцентричная личность, озабоченная исключительно собственными интересами.

Программа саморазвития является одним из ключевых инструментов, помогающих отдельному индивидууму найти дорогу к счастью и самореализации. Она предлагает последовательные шаги – от осознания личных целей и приоритетов до анализа своих действий и коррекции ошибок – чтобы достичь личной гармонии и целостности бытия.

Не менее значимы и влияние жизненных обстоятельств, и социальное окружение человека. На примере предзнаменованных событий можно увидеть, как окружение формирует мораль личности, закладывая фундаментальные убеждения, которые с течением времени становятся устойчивыми установками и нормами.

Перспектива общества без духовности и нравственности вызывает тревогу. Если подобный сценарий кажется абстрактным, достаточно вспомнить антиутопический роман Евгения Замятина «Мы», где люди превращены в бесчувственных роботов – без способности к состраданию, любви, переживанию. Эта книга служит напоминанием о том, что человеческие чувства и эмоции – это то, что определяет нас как людей, а отсутствие их превращает жизнь в механическое существование без глубокого смысла.

Итак, перед современным обществом стоит задача не только задуматься о том, какие ценности мы передаем молодому поколению, но и как мы можем способствовать сохранению и развитию духовных и нравственных качеств, которые делают нас человеками.

То общество, в котором каждый занят только собой, и где подобное равнодушие приводит к постепенному краху мира, звучит как сценарий постапокалиптического фильма. Однако именно в такое состояние может скатиться реальность, если мы утратим в себе одно из важнейших человеческих качеств – сочувствие.

Заключение

Сочувствие – это не что иное, как путь к воспитанию духовности, это способ чувствовать связь с другими, возможность понять и поддержать. Нравственность, воплощенная в моральных ценностях и этических нормах, к которым мы стремимся, может быть развита через множество путей, одним из них является чтение.

Чтение книг, безусловно, расширяет представления о мире и помогает учиться отличать добро от зла на примерах литературных героев и ситуаций. Произведение Рэя Бредбери «451 градус по Фаренгейту» служит поучительным примером: в мире, где книги запрещены и уничтожаются, обеднение речи и мысли приводит к деградации общества. Фраза из романа «Есть преступления хуже, чем сжигать книги. Например – не читать их», подчеркивает неотъемлемую роль книг в духовно-нравственном развитии человека.

Национальные ценности, традиции, передающиеся из поколения в поколение, являются постоянной опорой в жизни человека, предотвращая его моральное падение. Чтение книг, осмысление прочитанного способны воспитывать эти ценности, обогащая нашу совесть и оберегая целостность личности.

Проблема современного общества состоит в том, что книги утрачивают свою популярность, их благотворное влияние в жизни людей сокращается. Однако есть надежда на то, что с ростом числа читающих людей будет увеличиваться и процент тех, кто несет в себе традиционные ценности и нравственность. Это станет основополагающим камнем для строительства светлого будущего, в котором сочувствие и мораль станут руководящими принципами.

Литература

1. Вторушин Н.А. Отчуждение как один из определяющих факторов развития современного общества и человека [Электронный ресурс] / Н.А. Вторушин // Актуальные проблемы гуманитарных наук: сборник научных трудов студентов, аспирантов и молодых ученых 21–22 апреля 2021 г., Томск / Национальный исследовательский Томский политехнический университет (ТПУ). – Томск: Изд-во ТПУ, 2021. – С. 241–245.
2. Социология молодежи / А.В. Соколов // [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/355/958/1216/010.SOKOLOV.pdf (дата обращения 10.06.2024)
3. Образовательная политика в России: история современность / И.В. Шубина, А.В. Завражин, П.Ю. Федоров // [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.mesi.ru/upload/iblock/910/978–5–7764–0689–8.pdf#4 (дата обращения 10.06.2024)
4. Социально-психологическая характеристика студенчества // [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.studmed.ru/view/referat-socialno-psihologicheskaya-harakteristika-studenchestva_eb169acc546.html#2 (дата обращения 10.06.2024)
5. Е. А. Федорова Социально-философский анализ динамики и дифференциации ценностных ориентаций студентов средних специальных учебных заведений в современной России / Е.А. Федорова // [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://dlib.rsl.ru/01004629735 (дата обращения 10.06.2024)
6. К вопросу о компетентностной характеристике интеллигентности студента /Н. П. Симаева // [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.volsu.ru/upload/medialibrary/4e4/6_Simaeva.pdf (дата обращения 10.06.2024)
7. Структура ценностных ориентаций молодежи: анализ факторов формирования и развития / Л.В. Брик // [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://dlib.rsl.ru/01004589622 (дата обращения 10.06.2024)
8. Педагогические условия повышения уровня культуры общения в студенческой среде / Н.М. Смирнова // [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://dlib.rsl.ru/0100331880 (дата обращения 10.06.2024)
9. Особенности профессиональных ориентаций студенческой молодежи / А.Ю. Живага // [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://dlib.rsl.ru/01003541708 (дата обращения 10.06.2024)

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE TRANSFORMATION OF THE SPIRITUAL NEEDS OF YOUTH

Evloeva F.R., Evloeva L.M.
Ingush State University

Currently, we are witnessing large-scale socio-cultural changes that have a significant impact on the spiritual sphere of society and people's value systems. These transformations have generated interest in understanding the characteristics of spiritual culture in modern conditions. Among other problems, spiritual culture occupies a special place in thinking about the consequences of globalization affecting traditional values. The progress of information technology and mass communication has made changes in the spiritual dimension of life, giving rise to negative trends in this area. Youth plays a decisive role in the preservation and development of the spiritual life of society. The socio-cultural property of young people is the ability to inherit, adapt and transform cultural patterns based on an innovative approach and personal creativity, thereby contributing to the development of society. Nevertheless, transformational changes, especially in the Russian context and the global world, complicate the processes of assimilation and strengthening of spiritual values among young people. Modern challenges can idealize young people facing multiple cultures and at the same time motivate them to expand their spiritual needs and interests. In the context of intercultural clashes and constant uncertainty, the younger generation acts as an independent unit, choosing its path among a variety of ideas about spiritual life. This underlines the importance of analyzing the content of spiritual culture and determining its role in the personal life of each person.

Keywords: self-expression, self-development, diversity, tolerance, creativity, spiritual development, spiritual values, youth, young generation, values, morality, ethics.

References

1. Vtorushin N.A. Alienation as one of the determining factors of the development of modern society and man [Electronic resource] / N.A. Vtorushin // Actual problems of the humanities: collection of scientific papers of students, postgraduates and young scientists April 21–22, 2021, Tomsk / National Research Tomsk Polytechnic University (TPU). Tomsk: TPU Publishing House, 2021. – pp. 241–245.
2. Sociology of youth / A.V. Sokolov // [Electronic resource] / Access mode: http://ecsocman.hse.ru/data/355/958/1216/010.SOKOLOV.pdf (accessed 06/10/2024)
3. Educational policy in Russia: the history of modernity / I.V. Shubina, A.V. Zavrazhin, P. Yu. Fedorov // [Electronic resource] / Access mode: http://www.mesi.ru/upload/iblock/910/978–5–7764–0689–8.pdf#4 (accessed 06/10/2024)
4. Socio-psychological characteristics of students // [Electronic resource] / Access mode: http://www.studmed.ru/view/referat-socialno-psihologicheskaya-harakteristika-studenchestva_eb169acc546.html#2 (accessed 06/10/2024)
5. E. A. Fedorova Socio-philosophical analysis of the dynamics and differentiation of value orientations of students of secondary specialized educational institutions in modern Russia / E.A. Fedorova // [Electronic resource] / Access mode: http://dlib.rsl.ru/01004629735 (accessed 06/10/2024)
6. On the question of the competence characteristic of the student's intelligence /N. P. Simaeva // [Electronic resource] / Access mode: http://www.volsu.ru/upload/medialibrary/4e4/6_Simaeva.pdf (accessed 06/10/2024)
7. The structure of youth value orientations: analysis of factors of formation and development / L.V. Brik // [Electronic resource] / Access mode: http://dlib.rsl.ru/01004589622 (accessed 06/10/2024)

8. Pedagogical conditions for improving the level of communication culture in the student environment / N.M. Smirnova // [Electronic resource] / Access mode: http://dlib.rsl.ru/0100331880 (date of application 10.06.2024)
9. Features of professional orientations of student youth / A.Y. Zhivaga // [Electronic resource] / Access mode: http://dlib.rsl.ru/01003541708 (accessed 06/10/2024)

Новозаветные тексты как места памяти

Заклинский Петр Александрович,
к.ф.н., доцент, доцент кафедры гуманитарных и специальных дисциплин ИМПЭ им. А.С. Грибоедова
E-mail: zaklinsky@yandex.ru

В статье рассматривается проблема формирования содержания исторической памяти посредством создания текстов священной истории, объединенных в книгу, признанную христианами Священным писанием – Библию. Данная работа исторического сознания имеет целенаправленный характер, поскольку это преднамеренное формирование представлений о соответствующих временах и событиях. Некоторая сложность состоит в однозначном определении того, каким сознанием проведена эта поистине широкомасштабная работа – синкретичным или рационалистическим. Попытки разобраться в целях и результатах этой деятельности предпринимаются на базе широкого исторического материала.

Ключевые слова: историческая память, историческое время, общественное сознание, синкретизм, рационализм, Ветхий Завет, Новый Завет, манускрипт, исторический факт.

Приступая к изучению целенаправленного процесса формирования содержания исторической памяти Нашей Эры, а вернее, одного из фрагментов этого содержания, связанного с утверждением новой религии, мы должны помнить о том, что в отличие от Ветхого Завета, создававшегося на протяжении веков, и, следовательно, имевшего очень основательную историческую базу, Новый Завет создавался маленькой сектой в течение очень недолгого времени – около 70-ти лет (50–120-е годы). Так, на первый взгляд, формирование новозаветной литературы выглядит торопливым. По этой причине создатели базовых текстов Нового Завета в самом начале пути вряд ли могли претендовать на создание образов памяти своего времени: их собственное выживание было достаточно проблематичным, а уж то, что они несли с собой в «глубь веков», вообще походило на первобытный огонь – только бы не погас… Но все это только на первый взгляд.

Еще один крайне важный момент состоит в том, что движение христиан, а значит, и постановка, и решение задачи воздействия на сознание современников и будущих поколений, начались в Палестине с жизни, учений и смерти Иисуса. Стало быть, мы имеем дело с первой ступенью исторического искажения действительности – через восприятие современниками (первым неизбежным и часто отнюдь не преднамеренным искажением является пересказ событий очевидцами). Чтобы представлять себе, что это за время, вспомним, что Иисус «…родился примерно в 4 году до нашей эры – если его рождение пришлось на дни Ирода Великого, как утверждает Евангелие от Матфея (Мф 2:1), – а распятие его свершилось в начале 30-х годов нашей эры» [1, с. 175]. Предположительность дат жизни Иисуса определяется тем, что свидетельства о нем ограничиваются Новозаветными Евангелиями и упоминаниями его в трудах Тацита (там он упомянут как «Христос» в повествовании, связанном с обвинениями христиан в поджоге Рима) [3, с. 285]. Значит, «наша эра» начинается не со дня рождения Христа…

И, наконец, третий момент, свидетельствующий о сомнительности изначальных претензий на создание образа эпохи в памяти – размеры аудитории: первые последователи Иисуса – это небольшая группа иудеев, и только после его смерти движение начало распространяться географически и становиться этнически более разнообразным.

Однако все это относится к первым десятилетиям существования христианского движения, а какая-либо постановка хоть каких-то задач начинается тогда, когда становится ясно, что тот самый «первобытный огонь» уже не погаснет. Это – время продумывания более дальних перспектив, в расчете на которые создается письменный текст.

Исходя из аудитории, создателям Нового Завета приходилось заботиться и о языке. Весь Новый завет написан на греческом, но не на классическом – языке Платона и Фукидида – а на «общем греческом». Как пишет Дж. Бартон, этот язык стал «…известным как койне – форма классического языка, которая развилась за несколько столетий и отделила средиземноморский мир I столетия нашей эры от золотого века Афин» [1, с. 185]. С точки зрения посылов в будущее это очень важный

момент, поскольку это, с одной стороны, универсальный язык, а с другой – язык простонародья очень далекий от литературного, что позволяет напрямую и с наибольшей эффективностью воздействовать на сознание непосредственных слушателей и (возможно) читателей, понимая, что их сознание связано с общественным сознанием эпохи. Воздействие особенно эффективно потому, что все изменения в этом языке (койне) сводятся к упрощению – устранению грамматических сложностей, а упрощение есть инструмент формирования исторической памяти через воздействие на широкие массы людей. Следовательно, к последующему расширению аудитории текстовый материал уже подготовлен.

Следует заметить, что эта постепенность изменений в языке видна даже при сравнении самих Евангелий разных авторов, то есть даже внутри самого койне, этого упрощенного греческого есть различия: язык Евангелия от Луки намного изящнее, чем Евангелия от Марка.

Однако в формировании содержания исторической памяти нельзя ограничиваться низшими слоями общества: будучи несомненной опорой процесса, они не креативны… Необходимо вовлечение более высоких слоев, которые сами могут создавать память. Поэтому бывали и обратные движения – попытки усложнения греческого языка последних веков до н.э.: «…из-за желания оставаться как можно ближе к изначальному ивриту (или арамейскому)» [1, с. 186]. Это – усложнение путем введения большого числа «семитизмов». Масштабы этой работы тоже велики: на греческом языке последних веков до н.э. выполнен греческий перевод Библии – Септуагинта.

К новозаветным текстам не случайно применяется слово «литература» («христианская литература»), ибо это не хроника, а произведения, не лишенные вымысла. Для создания литературы о происходивших событиях необходимо выжидание – пока реальность если не сотрется из памяти, то по крайней мере, станет слегка туманной. В случае с «христианской литературой» этого не происходит (помните сравнение с первобытным огнем?): образы и события нужны здесь и сейчас! Поэтому ее создание начинается уже приблизительно с 50-х годов нашей эры, то есть 20 лет спустя после смерти Христа. А что такое 20 лет для Истории? Это – одно мгновение. Еще живы очевидцы, следовательно, историей в полном смысле эти события еще не стали. И тем не менее…

Формирование образа христианской эпохи начинается не с Евангелий. Самая древняя имеющаяся у нас христианская литература – это послания апостола Павла. Павел – весьма своеобразная личность, о чем свидетельствует как его дохристианская жизнь, так и деятельность в стане последователей Иисуса. Заметим, что о самом Павле известно только из Нового Завета: прежде он ничем не был примечателен, кроме своей антихристианской позиции: «В Деяниях он представлен как ревностный фарисей из Малой Азии, учившийся в Иерусалиме, и там же сказано, он был одним из первых гонителей христианского движения – до тех пор, пока сам не обратился в христианство, узрев видение на пути в Дамаск (Деян 9:1–30)» [1, с. 197]. (Видение как вещь, не требующая доказательств, само является доказательством чего угодно…)

Ничем необычным с точки зрения восприятия послания не были: это – известное явление в греко-римском мире, такие письма имели четко установленную форму со стереотипными приветствиями в начале и в конце. А вот предполагаемая сфера действия их, мягко говоря, значительно шире, чем у простого письма, адресованного одному человеку: дошедшие до нас послания Павла обращены к сообществам христиан, а не к отдельным людям, следовательно, автор ожидал, что их будут читать вслух, собравшись на богослужение или трапезу. Павел не учел одного: уровень образования, а порой и просто грамотности слушателей не соответствовал сложности его речей: «Эти послания, по мерке того времени, пространны и часто довольно сложны: требовалось читать не один раз, чтобы их полностью понять и усвоить» [1, с. 197].

Именно в посланиях апостола Павла мы видим самый живой пример создания исторического образа: ему важен не действовавший человек, которого он знал в жизни, а его образ, который должен остаться в памяти человечества. Пренебрегая идеей постепенного (за несколько поколений) складывания восприятия Иисуса как воплощения Второго Лица Пресвятой Троицы, а следовательно, – Бога, он возвышает статус Иисуса еще при жизни тех, кто знал его на самом деле. Павел не называет его Богом, «…но говорит об Иисусе в возвышенных терминах, а также полагает, что христианам следует воздавать Иисусу почести, практически неотличимые от тех, какие те воздают богу» [1, с. 203]. Вот пример из нескольких его посланий: «…от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа». (1 Кор 1:3; 2 Кор 1:2; Гал 1:3) Павла практически не интересуют земная жизнь и деяния Иисуса: он не говорит о чудесах и почти не упоминает об учении. Более того, Павел считает, что к человеческой стороне Иисуса вообще не следует проявлять интерес, ибо «…если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем.» (2 Кор 5:16). Его интересует Иисус только как Мессия (по-гречески – Христос), и как Сын Божий. В итоге у Павла нет никаких подробностей жизни Иисуса: только рождение, установление Таинства Евхаристии, распятие, смерть и воскресение, и, за исключением его слов на Тайной Вечере, он никак не цитирует Христа.

Малое количество цитат в посланиях апостола Павла в общих чертах соотносится с евангельскими традициями, но тем не менее, Евангелия – это совсем иной, второй этап развития христианской литературы.

Евангелия восходят к самому началу христианского движения, но не являются рассказами очевидцев (хотя принято считать, что на них основаны). В отличие от посланий апостола Павла, авторство евангельских текстов не во всех случаях точно известно. Видимо, в данном случае результат работы с памятью будущих поколений был гораздо важнее заслуги ее формирования. «…авторы определялись значительно позже, чем возникли сами Евангелия: их заглавия («От Матфея», «От Марка», и так далее – без слова «Евангелие») не являются неотъемлемой частью текста, а были добавлены позже, когда переписывались манускрипты, – когда это в точности произошло, мы не знаем. В последующей традиции сочли, что Марк – это «Иоанн, называемый Марком», упомянутый в Деяниях (Деян 15:37), а Лука – это «Лука, врач возлюбленный», о котором говорится в четвертой главе Послания к Колоссянам (Кол 4:14). Но даже если это правда, все равно ни один из них не мог даже и близко быть свидетелем событий, о которых они писали» [1, с. 226].

Так, получается, что, если следовать в точности принятой логике развития событий, в создании евангельских текстов мы имеем дело со второй ступенью исторического искажения – пересказом рассказов очевидцев. К тому же, задача стяжать славу автора – евангелистами не ставится. Но и эта, вторая ступень, не предел. По словам евангелиста Луки мы можем понять, что уже в это время, время создания Евангелий, имела место и третья ступень искажения. Вот что он говорит о своих попытках

выяснить истину об Иисусе: «Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, то рассудилось и мне по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил, чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен» (Лк 1:1–4). Эти слова Луки четко свидетельствуют не только о том, «…что он принадлежал к более позднему поколению, чем сами апостолы, но и то, что ко времени его жизни в народе уже обращались различные записанные рассказы» [1, с. 227].

Все это несомненно говорит о том, что вопрос о происхождении и взаимосвязи Евангелий значительно сложнее вопроса об истоках Пятикнижия.

Итак, как мы уже убедились, одной из важнейших целей создания Евангелий было формирование образа Иисуса в памяти будущих поколений. Однако, четыре общепризнанных текста сильно различаются между собой в способах достижения этой цели. Методы воздействия на аудиторию Евангелий от Матфея, Марка и Луки с одной стороны, и от Иоанна с дугой, – диаметрально противоположны. В первую очередь это проявляется в дидактических действиях самого Христа – в первых трех Евангелиях он более лаконичен: «…Иисус, представленный в них, учит главным образом краткими, лаконичными фразами о том, как должны жить люди, и провозглашает неминуемое и скорое наступление «Царствия Божьего»» [1, с. 227] В Евангелии от Иоанна «…он учит в долгих беседах и говорит по большей части о своем статусе Сына Божьего» [1, с. 227]. Результаты тоже наверняка отличались, поскольку лаконичность создает большую правдоподобность, – ведь евангелисты не слышали самого Христа, значит, более пространные сочинения от его имени будут выглядеть более сомнительными. И это не единственное расхождение в евангельских текстах, есть и другие, более важные детали, характеризующие евангелистов как рассказчиков, и подтверждающие то, что воздействие на слушателей или читателей было целенаправленным. Например, «…В Евангелии от Марка, самом раннем, с чем ныне согласны почти все – и наряду с этим самом кратком – отсутствует даже намек на историю о Рождестве Христа. В Евангелиях от Матфея и Луки такие истории есть, но они несовместимы друг с другом» [1, с. 229]. Есть расхождения и в рассказах о суде над Иисусом: «…Лука упоминает, как Иисус прежде суда предстал перед Иродом, но ни Матфей, ни Марк об этом не говорят (Лк 23: 6–12)» [1, с. 229].

В связи со всем вышесказанным возникает логичный вопрос: когда, как и для кого были написаны Евангелия, явившиеся важнейшим инструментом формирования образа Иисуса и его времени в Исторической памяти?

Точные место и время написания Евангелий до сих пор не известны, но в одном из евангельских текстов есть подробность, играющая очень существенную роль в датировке повествования. Это упомянутая в Евангелии от Марка (Мк 13: 14) «… «мерзость запустения» на месте Храма («стоящая где не должно»). Все признают, что эти слова относятся к захвату Иерусалимского Храма римлянами, а это подразумевает, что даже Евангелие от Марка, самое раннее, не могло появиться задолго до 70 года нашей эры, когда Храм взяли штурмом, – даже если предположить, что Марк предвидел такое развитие событий за несколько лет. Авторам Евангелий от Матфея и Луки, как кажется, определенно известно о том, что римляне в 70 году разграбили Иерусалим (Лука говорит про Иерусалим, «окруженный войсками», (Лк 21: 20), и, значит, они явно должны были писать свои тексты позже» [1, с. 239]. Свидетельств о том, что Евангелие от Луки знали в начале II века – тоже нет.

Если ответ на вопрос «когда?» нам необходим для выяснения не просто времени создания образов прошлого, но в большей степени – ступеней естественного искажения действительности, то ответ на вопрос «где?» дает возможность понять широту территориальных «претензий» влияния на общественное сознание с целью формирования в нем правильных с точки зрения зарождающейся христианской эры образов эпохи.

А между тем, это вопрос – где созданы синоптические Евангелия – не менее сложен… Они написаны на греческом языке, следовательно, вряд ли это было сделано в Палестине: там скорее всего написали бы на арамейском. Предпринятые попытки представить Евангелия как переводы с арамейского на греческий – тоже не удались. «В наше время, – пишет Дж.Бартон, – самое правдоподобное предположение состоит в том, что Евангелие от Марка появилось в Сирийской церкви <…> Евангелие от Матфея, вероятно, тоже происходит из Сирии, из Антиохии; а Евангелие от Луки, скорее всего, из Малой Азии, видимо, из Эфеса – крупного христианского центра, в котором, как часто полагают, появилось и Евангелие от Иоанна. Сказать по правде, *мы просто не знаем, откуда начались истоки каждого из Евангелий, и все это – лишь догадки*» (курсив мой – П.З.) [1, с. 240]. Что же касается четвертого Евангелия, то ответить на вопросы о том, когда, где и кем оно было написано, вообще вряд ли возможно. Его автора называют Иоанном, но на самом деле имя его неизвестно. Более того, есть сомнения, что у четвертого Евангелия один автор. Большинство библеистов считают, что это результат долгого компилирования и правки, которыми занималась целая школа или группа.

В итоге, во всех теориях создания Евангелий мы находим утверждения о том, что один евангелист менял текст другого, но какой-либо серьезной рефлексии эта идея не подвергалась.

И, наконец, последний вопрос, задававшийся нами еще в отношении ветхозаветных текстов: какова цель создания Евангелий (ведь цель, как мы помним, присутствует всегда)? Ответ на этот вопрос зависит от того, чем в большей степени мы можем признать Евангелия – провозглашением веры христианам («керигма») или вероучением, укрепляющим и наставляющим уже верующих («дидахе»)? Определиться с этим очень трудно потому, что «…один и тот же текст может служить обеим целям…» [1, с. 248]. Но в то же время порой имеют место и прямые определяющие указания, как, например, в Евангелии от Иоанна: «Сие же написано дабы вы уверовали» (Ин 20: 31). Нам уже приходилось упоминать о том, что Евангелия, скорее всего, предназначались для чтения вслух, поскольку большинство паствы были люди неграмотные и бедные, не имевшие возможности приобретать копии Евангельских текстов для самостоятельного чтения. Но это факт лишь подтверждает возможность сущностного определения Евангелий и как провозглашения веры, и как готового вероучения. Следовательно, остается только один вариант – задаться вопросом, которому сейчас не уделяют особого внимания: какова же цель четырех Евангелий как единого свода? Отсутствие внимания к этому вопросу объясняет Фрэнсис Уотсон: «Перед лицом этой множественности, совершенно несовместимой, у нас лишь две возможности: либо выбрать одно из Евангелий как исторически достоверное и отвергнуть остальные, либо принять как данность то, что истина четырех Евангелий не обретается на историко-литературном уровне… Вот так Евангелие из четырех

частей знаменует конец всех наших попыток воссоздать жизнь исторического Иисуса.» [1, с. 253–254].

Однако не все так трагично. Все вышесказанное подтверждает нашу изначальную идею о целенаправленной работе с содержанием исторической памяти человечества: воссоздать жизнь исторического Иисуса невозможно именно потому, что целью евангелистов было не сохранение сведений о его жизни, а формирование образа эпохи, воздействующего на сознание будущих поколений.

Литература

1. Бартон Дж. История Библии. – М.: Эксмо, 2021. – 672 с.
2. Библия. – М., 2014.
3. Тацит. Сочинения: В 2-х тт. Т. 1. – СПб.: Наука, 1993. – 385 с.
4. Эрман Б. Иисус до Евангелий. – М.: Эксмо, 2018. – 384 с.

NEW TESTAMENT TEXTS AS PLACES OF MEMORY

Zaklinsky P.A.
IMPE named after A.S. Griboyedov

The article deals with the problem of forming the content of historical memory by creating texts of sacred history combined into a book recognized by Christians as Holy Scripture – the Bible. This work of historical consciousness has a purposeful character, since it is the deliberate formation of ideas about the relevant times and events. Some difficulty lies in unambiguously determining which consciousness carried out this truly large–scale work – syncretic or rationalistic. Attempts to understand the goals and results of this activity are made on the basis of a wide range of historical material.

Keywords: historical memory, historical time, social consciousness, syncretism, rationalism, Old Testament, New Testament, manuscript, historical fact.

References

1. Barton J. History of the Bible. – M.: Exmo, 2021. – 672 c.
2. The Bible. – M., 2014.
3. Tacitus. Essays: In 2 volumes. Vol.1. – St. Petersburg: Nauka, 1993. – 385 p.
4. Ehrman B. Jesus before the Gospels. – M.: Exmo, 2018. – 384 c.

Эволюция правовой системы в контексте развития общественных отношений: социально-философский анализ

Иванова Мария Юрьевна,
аспирант департамента философии и социальных наук,
Московский городской педагогический университет
E-mail: IvanovaMU@mgpu.ru

Эта научная статья посвящена пересечению философии и права, изучению эволюции правовых достижений в контексте общественного роста. В этой статье рассмотрены воззрения представителей линейной теории социального прогресса И. Канта, Г. Гегеля, Ж.А. Кондорсе, раскрывающих концепцию «правового прогресса». В статье выделены основные принципы правового прогресса. Сформулировано определение правового прогресса, его основные сущностные характеристики. Следует подчеркнуть, что критерии правового прогресса носят объективный и субъективный характер. Развитие правовой реальности на разных исторических этапах оценивается по-разному. Онтологический правовой прогресс – это целенаправленное изменение правовой реальности. Аксиологический правовой прогресс является показателем процесса и результатом последствий трансформации правовой реальности. С гносеологической точки зрения правовой прогресс рассматривается как философско-правовая категория,
Делается вывод о том, что правовой прогресс связан с качеством правовых инструментов, доступных каждому для использования правовых средств, для решения как личных, так и корпоративных интересов.

Ключевые слова: правовая реальность, правовой прогресс, правовое развитие, правовая доктрина, критерии, общество.

Введение

Правовое развитие современного общества характеризуется влиянием разнохарактерных фактов и обстоятельств. Изучение эволюции правовых принципов в качестве универсальной нормативной концепции представляет существенное научное и практическое значение для современной общественности. В контексте глобализации и усиления международного сотрудничества особенно актуальны исследования взаимосвязей между правовыми системами различных стран, а также процессов формирования единых правовых стандартов.

Неотъемлемой частью правового развития являются процессы демократизации и гуманизации права [13, с. 8]. Правовое развитие современного общества также зависит от уровня правой культуры населения, которая определяет степень осведомленности граждан о своих правах и обязанностях, а также способность их осуществлять и защищать эти права.

В философии, социологии, юриспруденции и политологии существуют две главные теории, которые объясняют социальный прогресс: линейная и циклическая. Линейная теория предполагает, что общество в различных аспектах эволюционирует и развивается по прямой линии, не возвращаясь к прежним состояниям. Согласно этой теории, индивидуальные и коллективные усилия направлены на продвижение вперед, на общую цель прогресса. В то время как линейная теория обращает внимание на поступательное движение общества, циклическая теория утверждает, что история повторяется в циклах. Она предлагает, что все общества проходят через периоды подъема, упадка и возрождения, и эти циклы могут быть причиной необходимости изменений в политической и социальной структуре. Обе эти теории предлагают различные подходы к пониманию и прогнозированию социального прогресса и существуют как способы объяснения изменений в обществе по протяжению истории. Оправданная жизненность многих сформулированных и обоснованных им философских идей прошла проверку временем. К представителям линейной теории отнесем И. Канта, Г. Гегеля, Ж.А. Кондорсе.

Кондорсе Ж.А. считал, что прогресс со временем будет ускоряться [4, с. 266].

Представления Георга Гегеля лежали в основе современного понятия права, укоренялись в общественном сознании [3, с. 524]. Правовой институт должен в своем развитии двигаться в направлении объективного, беспристрастного процесса и применения общей правовой нормы. Ключевые положения государственно-правового устройства закреплены в конституционно-правовых актах многих стран. Все это отражено в трудах ученого «Философия права» и «Философия истории».

Важным аспектом теории Гегеля является то, что право – это не абстрактный набор норм и правил, а набор ценностей и принципов, которые соответствуют развитию общества и достижению целей справедливости и равенства. Гегель утверждал, что право должно быть основано на идее свободы и разума, и служить как инструмент обеспечения гармонии между частным и общим интересами.

Согласно учению Гегеля, государство играет ключевую роль в обеспечении справедливости и порядка в обществе. Оно является выражением объективной исторической души народа, источником законов и судебных решений, которые должны быть основаны на общепризнанных правовых нормах. В этом контексте, конституционно-правовые акты выступают как основополагающие документы, которые определяют основные принципы и ценности государства, его структуру и функции.

Современное правовое сознание и система права не могут быть понятны без учета влияния гегелевской философии. Принципы и идеи, выдвинутые Гегелем в своих трудах, продолжают оказывать значительное влияние на правовую мысль и практику в различных странах, способствуя развитию правовой системы и совершенствованию правопорядка. В этом контексте, изучение и понимание теории Гегеля становится необходимым для специалистов и исследователей в области права и политики, чтобы обеспечить разумное и справедливое функционирование правового института в современном обществе.

В ходе анализа истории развития человечества, Иммануил Кант показал, что поведение человека обусловлено общими законами природы [5, с. 12].

Сведения, полученные от И. Канта, показывают, что социальная история является естественной и имеет отношение к природе, а люди лишь выполняют «тайный план» природы. Автор тщательно проанализировал процесс исторического развития и пояснил, что сущность, особенности человеческого существования и поведение человека, а также его духовная деятельность определяется развитием человеческого общества, общими законами общества, социальной системы и природы. Данные И. Канта показывают, что социальная история носит естественный характер и что человечество реализует план природы не просто планомерно, но не всегда удачно.

Результаты исследования

В анализе исходных позиций ученых по социально-правовому прогрессу следует, в первую очередь, обратить на себя внимание на сочетание политического и правового начал в теории немецкого философа.

Иммануил Кант опирался на определение права и подчеркивал, что система правовой коммуникации основана на принципах равенства и свободы субъекта. С одной стороны, согласно позиции философа, государство должно основываться на правовых принципах, а с другой, на других принципах коммуникации. Ученый интерпретирует закон через проявление практических соображений, и он неоднократно подчеркивал, что государству необходимо опираться на закон. «Правовой статус реализуется только в государстве» [5, с. 28].

В теории Георга Гегеля отсутствует разграничение политической и правовой коммуникации. Идея о правовой свободе превращается в идею о высшем политическом авторитете суверена. Гегель считает, что моральное право – это воля в противостоянии к общему. Нравственный закон объединяет независимость и индивидуальность. Абстрактная воля отличается от опосредующей единичности воли субъекта, которая взята в ее пределах.

Конечно, каждая перспектива предполагает собственную траекторию общественного прогресса. На сегодняшний день происходит процесс развития и становления правового прогресса, и окончательно самостоятельная научная категория не сложилась. Правовой прогресс относят к правовой системе, которую рассматривали Архипов С.И., Васильев П.В., Мордовцев А.Ю., Поздняков И.П., Мотрошилова Н.В., Смирнова М.Г.

Авторы (Мордовцев А.Ю., Поздняков И.П.) предлагают рассматривать право в качестве соотношения «права» и «закона». В этом плане важнейшим критерием прогресса в области правового развития является доминирование «правового закона» в механизме праворегулирования определенного государства. правовой прогресс отражает характер и уровень правового развития общества, поступательное движение к более развитой правовой культуре и правовой системе.

Многие исследователи, ученые, юристы и философы рассматривают правовой прогресс как поступательный, целенаправленный, дающий определенные результаты процесс развития юридической системы. Другая часть экспертного сообщества рассматривает развитие правового прогресса как процесс совершенствования правовой жизни общества, как естественный исторический процесс повышения уровня правовой жизни общества.

В научной литературе правовое развитие трактуется как «логическое развитие правового процесса общества» [11, с. 40]. Прогресс в области права зависит от качества юридических инструментов, доступных всем для использования в целях защиты как личных, так и корпоративных интересов. Развитие правовой системы сопровождается осознанной правовой политикой государства. Политика государство направлена на соблюдение законов и прав человека, защиту свободы и справедливости в обществе. Правовая политика также направлена на защиту окружающей среды, обеспечение безопасности и защиту прав потребителей. Развитие правовой политики является важным фактором для обеспечения стабильности и процветания общества.

Правовой прогресс, как философская категория, отражает субъективное и субъективное значение развития, функционирования правовых реалий. И это показатель совершенства правовой реальности. Но усовершенствование прав не всегда требует автоматического совершенствования правового использования и правового поведения.

Правовому прогрессу присущи определенные признаки: субъективный (правовые явления) и объективный (возможность изменять объективную реальность), процесс развития, закономерность, целенаправленность и поступательность.

Развитие правовой реальности оценивается по-разному на разных исторических этапах. С онтологической точки зрения правовой прогресс – это целенаправленное изменение правовой реальности. Аксиологически правовой прогресс является показателем процесса и последствий трансформации правовой реальности. С гносеологической точки зрения правовой прогресс рассматривается как философско-правовая категория, как результат целенаправленного совершенствования правовой реальности. Правовой прогресс должен быть не только целенаправленным, но и стремиться к достижению цели» [9, с. 464].

Таким образом, в качестве субъективных критериев правового прогресса можно отметить объективность и ясность правовой политики, правовых отношений, эффективного применения права и законодательства. В качестве объективно-субъективного критерия можно считать информационный критерий. Информационная открытость способствует эффективности преобразований, формированию цифрового общества, готовности к реформам, а также виртуализации правового дискурса. Данные критерии взаимосвязаны и позволяют оценить особенности правового прогресса.

Заключение

Идеи философии Иммануила Канта представляют интерес и сегодня, поскольку, по его глубокому убеждению, обращение к ним и их практическая реализация, послужат для реализации концепции гражданского общества. Правовой прогресс следует оценивать не как случайность, а как закономерность. По мнению немецкого философа, движение по пути прогресса никогда не прекратится.

Правовой прогресс – это сложный и многогранный процесс, который требует понимания и анализа различных факторов, влияющих на его развитие. Правовой прогресс можно рассматривать как объективный процесс, который происходит в результате социальных, экономических и политических изменений в обществе.

Право во все большей мере проявляет себя как эффективный регулятор, способный обеспечивать реализацию ценностей гуманизма, цивилизации и морали. Право является инструментом, который призван регулировать общественную жизнь, а также защищать общество от использования силы, насилия и диктатуры. Право отражает принципы гуманизма, цивилизации и морали, так как оно создает условия для защищенности личности и ее свободы.

Литература

1. Архипов С.И. Политический и правовой прогресс: концепция двух линий // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 4. С. 5–15.
2. Васильев П.В. Критерии в праве: проблемы и гипотезы // Критерии в праве: теория, практика, техника: сб. ст. по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. С. 77–84.
3. Гегель Г. В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
4. Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Соцэкономгиз, 1936. 266 с.
5. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. М.: ЧОРО, 1963. Т. 8. С. 12–28.
6. Кучеренко А.В. Взаимосвязь формальной, диалектической и трансцендентальной методологий И. Канта. Вестник МГПУ, серия «Философские науки», 2023, № 3 (47), С. 38–49
7. Мордовцев А.Ю., Поздняков И.П. Правовой прогресс в теоретическом и правокультурном измерении // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2018. № 3 (44). С. 275–281.
8. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. 478 с.
9. Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
10. Мапельман В.М. Морально-нравственные проблемы, порожденные исследованиями глобальных процессов и освоением космоса. Вестник МГПУ, серия «Философские науки», 2023, № 3 (47), 8.
11. Смирнова М.Г. Социальные притязания и правовой прогресс // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2011. № 4 (13). С. 40–47.
12. Ткаченко А.В., Ананишнев В.М., Осмоловская С.М. Медиа как средство воздействия массовой информации на жизнедеятельность человека. Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2021. № 1 (37). С. 40–48.
13. Осмоловская С.М. Общество, культура и масс-медиа. В сборнике: Сборник работа преподавателей, аспирантов и студентов. Москва, 2023. С. 4–8.

THE EVOLUTION OF THE LEGAL SYSTEM IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF PUBLIC RELATIONS: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Ivanova M.Yu.
Moscow City Pedagogical University

This scientific article is about the intersection of philosophy and law, the study of the evolution of legal achievements in the context of social growth. This article examines the views of representatives of the linear theory of social progress I. Kant, G. Hegel, J.A. Condorcet, revealing the concept of “legal progress”. The article highlights the basic principles of legal progress. The definition of legal progress and its main essential characteristics are formulated. It should be emphasized that the criteria for legal progress are objective and subjective. The development of legal reality at different historical stages is assessed in different ways. Ontological legal progress is a purposeful change in legal reality. Axiological legal progress is an indicator of the process and the result of the consequences of the transformation of legal reality. From an epistemological point of view, legal progress is considered as a philosophical and legal category.
It is concluded that legal progress is related to the quality of legal instruments available to everyone to use legal means to solve both personal and corporate interests.

Keywords: legal reality, legal progress, legal development, legal doctrine, criteria, society.

References

1. Arkhipov S.I. Political and legal progress: the concept of two lines // Electronic supplement to the Russian Law Journal. 2021. No. 4. pp. 5–15.
2. Vasiliev P.V. Criteria in law: problems and hypotheses // Criteria in law: theory, practice, technique: collection of articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. pp. 77–84.
3. Hegel G. V.F. Philosophy of Law. M.: Mysl, 1990. 524 p.
4. Condorcet J.A. Sketch of the historical picture of the progress of the human mind. M.: Sotsekonomgiz, 1936. 266 P.
5. Kant I. The idea of universal history in the world-civil plan // Kant I. Collected works: in 8 volumes. M.: CHORO, 1994. Vol. 8. pp. 12–28.
6. Kucherenko A.V. The interrelation of formal, dialectical and transcendental methodologies of I. Kant. Bulletin of the Moscow State Pedagogical University, series “Philosophical Sciences”, 2023, № 3 (47), Pp. 38–49
7. Mordovtsev A. Y., Pozdnyakov I.P. Legal progress in theoretical and legal-cultural dimension // Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of Business. 2018. № 3 (44). Pp. 275–281.
8. Kant I. Works in six volumes. Vol. 4. Part 2. M.: Thought, 1965. 478 p
9. Motroshilova N.V. The birth and development of philosophical ideas. M.: Politizdat, 1991. 464 p.
10. Mapelman V.M. Moral problems generated by the research of global processes and space exploration. Bulletin of the Moscow State Pedagogical University, series “Philosophical Sciences”, 2023, № 3 (47), 8.
11. Smirnova M.G. Social claims and legal progress // Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. 2011. № 4 (13). Pp. 40–47.
12. Tkachenko A.V., Ananishnev V.M., Osmolovskaya S.M. Media as a means of influencing mass media on human life. Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences. 2021. No. 1 (37). pp. 40–48.
13. Osmolovskaya S.M. Society, culture and mass media. In the collection: A collection of the work of teachers, graduate students and students. Moscow, 2023. pp. 4–8.

Новаторские идеи художников Кыргызстана и их вклад в национальную идентичность

Кадыгрова Валерия Игоревна,
главный специалист отдела развития международных научно-исследовательских коммуникаций «ИлимГрад», Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина, аспирант, Институт философии им. Академика А.А. Алтмышбаева, Национальная академия наук Кыргызской Республики
E-mail: kadygrova.v.i@gmail.com

Апсаматова Эльвира Джумабековна,
кандидат философских наук, старший преподаватель, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына
E-mail: elvira.apsamatova@mail.ru

Стамова Рахат Дуйшембуевна,
заведующая отделом социальной философии, эстетики и этики, Институт философии им. академика А.А. Алтмышбаева, Национальная академия наук Кыргызской Республики
E-mail: stamrah@mail.ru

Брусиловский Денис Александрович,
доктор философских наук, начальник отдела развития международных научно-исследовательских коммуникаций «ИлимГрад», Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина
E-mail: denis6605@mail.ru

Майрамбек кызы Адина,
аспирант, Институт философии им. Академика А.А. Алтмышбаева, Национальная академия наук Кыргызской Республики, преподаватель НОУ УНПК «Международный университет Кыргызстана»
E-mail: adinamajrambekova707@gmail.com

В статье исследуются новаторские художественные идеи художников Кыргызстана (Киргизии) и их влияние на формирование национальной идентичности. Рассматривается, как художники интегрировали элементы традиционного кыргызского искусства, а также современные художественные течения в свои произведения. Анализируется вклад отдельных художников, таких как Г. Айтиев, С. Чуйков и других, в развитие кыргызского национального искусства. Исследуется, как их новаторские идеи отражали социальные и культурные изменения в Кыргызстане, а также способствовали формированию уникальной художественной идентичности республики. Статья основана на изучении художественных произведений, исторических документов и искусствоведческих исследований. Она вносит вклад в понимание роли художников в формировании национальной идентичности и культурного наследия Кыргызстана.

Ключевые слова: искусство, кыргызское искусство, современное искусство, культура, новаторство, национальная идентичность, художники, Кыргызстан, модерн и постмодерн.

Введение

Обретение Кыргызстаном независимости и вхождение в мировое сообщество поставило перед национальной культурой новые задачи, в том числе задачу национальной культурной самоидентификации.

Прежде чем перейти к рассуждениям о социальных и культурных преобразованиях изобразительного искусства в Кыргызстане нам необходимо определиться с понятийным аппаратом. Дело в том, что любые категории характеризуются динамичностью: они подвержены как расширению, так и сужению. Такая динамика свойственна и для категорий «культура», «цивилизация» и «социум». Поэтому предлагается рассматривать их, во-первых, как предельно широкие понятия, когда они практически совпадают по своему содержанию, то есть тождественны, выступают как синонимы. Во-вторых, культуру понимают и как духовную культуру в целом, – как особенное; и как искусство – часть духовной культуры, – отдельное (единичное). Как было сказано выше, понятие «культура» как предельно общее понятие совпадает с понятием «цивилизация» или «социум». При анализе и оценке той или иной локальной (национальной, региональной) культуры не стоит игнорировать конкретно-исторические условия ее формирования. Вне рамок исторического подхода невозможно понять противоречивость современной глобальной культуры, в которой диалектика единичного, особенного и общего проявляется в своеобразной форме – в переплетении элементов общечеловеческих, национальных, групповых, классовых (размышления мои. – Д. Б.).

Глобализация совпала в Кыргызстане с периодом значительных социальных и культурных преобразований, ознаменовавшим новый этап национальной истории, что привело к изменениям и в изобразительном искусстве, в частности, свобода самовыражения, проявившаяся в том, что суверенитет предоставил художникам Кыргызстана возможность свободно исследовать свою культуру и идентичность. Также возможность самопознания, когда искусство стало средством для углубления понимания национальных ценностей и традиций. Отражение общественного сознания ярко проявилось в изобразительном искусстве, которое отразило фундаментальные изменения в мировоззрении кыргызского народа, в том числе стремление к самоидентификации и формирование национальной идеи. Художники Кыргызстана начали выходить на мировую художественную арену, демонстрируя уникальность своей культуры и внося вклад в глобальный художественный диалог. Эти тенденции свидетельствуют о том, что изобразительное искусство в Кыргызстане играет важную роль в формировании национальной идентичности, культурном самовыражении и интеграции в мировое сообщество.

Значительный вклад в изучение новаторских художественных идей художников Кыргызстана (С. Чуйкова, Г. Айтиева, В. Образцова, С. Акылбекова, А. Арефьева, А. Игнатьева, А. Усубалиева, Д. Кожахметова, К. Керимбекова, А. Усубалиева, Ф. Стукошина, А. Осмонова, С. Чокморова и др.) внесли исследования Л.А. Прытковой. Например, она справедливо писала: «Подобно

Микеланджело, Чуйков мыслил широкими временными циклами, напоминая человеку о быстротечности человеческой жизни и вечной диалектике бытия (“Утро”, “Полдень”; “Вечер”, “Дочь Советской Киргизии”, “Прикосновение к вечности”, “Гималаи”). По высоте духовных прозрений, уровню профессионального мастерства и силе воздействия на национальную изобразительную культуру Чуйкова можно сравнить разве что с феноменом Ч. Айтматова в литературе» [12, с. 26]. Подтверждением идеи культуролога и искусствоведа Л.А. Прытковой о схожих моментах деятельности между Микеланджело и Чуйковым является авторитетное мнение советского и российского искусствоведа Е.И. Ротенберга. Он утверждал: «В трудах зарубежных искусствоведов Микеланджело нередко фигурирует как первый архитектор и художник искусства барокко. Безусловно, зодчие и скульпторы барокко во многом опирались на достижения Микеланджело, но следует, однако, со всей решительностью подчеркнуть коренное качественное различие между принципами искусства Микеланджело и мастеров барочного направления. Основная тенденция архитектурных образов Микеланджело, отличающихся при своей героической мощи особой телесностью, «человечностью», принципиально противоположна тяге мастеров барокко к иррациональному, к растворению форм в безудержной пространственной динамике. Точно так же скульптурные произведения Микеланджело при всем драматизме замысла и динамике пластических форм своей ярко выраженной гуманистической идейной основой отличаются от экстатических образов барокко, патетика которых порождена не силой характера и волевым напряжением героя, а вызвана некими внешними силами, увлекающими фигуры в общем динамическом потоке.

Если обратиться к различиям в самом пластическом методе, то очевидно, что характерная для микеланджеловских работ особая концентрация скульптурных масс, их необычайная компактность, основанная на повышенной энергии сжатия, составляет ярко выраженную противоположность к центробежной динамике барочной скульптуры, к типичному для нее слиянию пластического образа с окружающей его пространственной и световоздушной средой» [13, с. 206–207].

Философским вопросам взаимоотношения естественного и искусственного, адаптации и взаимоадаптации в искусствознании, эстетике и религиоведении посвящены работы Т.А. Аскарова, К.А. Ажыбековой, Д.А. Брусиловского, М.И. Лазариди [1; 2; 3; 4; 5; 17; 19]. Исследователь В.В. Ладейщиков изучал понятие социальной гармонии в искусствознании. Писатель Ч.Т. Айтматов уделял особое внимание философии литературы и философии искусства. Он прекрасно осознавал, что искусство призвано активно участвовать в соединении специфических потребностей политического, экономического и идеологического развития общества с общекультурной потребностью всестороннего кругозора каждого человека. Как известно, универсально развитый индивид есть продукт истории, а не природы; целостность человеческой личности носит общественно-исторический характер. В работах кыргызстанских авторов простое противопоставление искусства и мировых религий, принципов систематизации эстетических категорий, личности и творчества, фантазии и воображения, картин Востока и Запада – если изучить глубже – предстает довольно сложной «конструкцией», в которой использованы различные мировоззренческие и обыденные категории: бытие и становление, естественное и искусственное, природное и историческое, пассивное и активное и т.п. (размышления мои. – Д. Б.).

Методы и методология исследования

Мы наблюдаем взаимодействие и взаимопроникновение содержания и методов различных отраслей науки. Например, один из известных российских авторов, более 20 лет назад, Евгений Яковлев опубликовал книгу «Эстетика. Искусствознание. Религиоведение» [19], в которой представлены избранные труды ученого из области эстетики, искусствознания, философии и религиоведения. Другой известный автор Аурелио Пенна недавно написал книгу «Ангелы в религии, искусстве и психологии» [11], в которой представлены избранные концепции зарубежного исследователя из области теологии, психологии, эстетики, искусствознания, философии, религиоведения и эзотерических учений. Еще один популярный итальянский исследователь и писатель Чентини Массимо выпустил книгу «Демоны в религии, искусстве и фольклоре» [18], где выражены идеи автора из области визуальной и культурной антропологии, искусствознания, эзотерики и теологии. За последние десятилетия разные авторы все больше пишут научно-популярные книги и междисциплинарные статьи, посвященные проблемам эстетики, этики, искусствознания, психологии, антропологии, философии и религиоведения. Прослеживается тонкая грань между наукой и паранаукой. То есть явного разграничения между наукой и ненаукой не произошло: в среде исследователей и писателей признается многообразие форм знания.

В качестве источниковедческой базы послужили труды кыргызстанских и российских авторов, коллекции музеев в Кыргызстане, Казахстане, России и других странах, которые предоставляют ценные артефакты для изучения кыргызского искусства; выставочные фонды союзов художников, содержащие информацию о творческой деятельности и выставках кыргызстанских художников; частные художественные коллекции; публикации в печати и архивы Союза художников Кыргызской Республики обеспечили ценный контекст и дополнительную информацию [1; 6; 7; 8; 9; 10; 12; 14; 15; 16].

Результаты и обсуждения

В изобразительном искусстве Кыргызстана с начала 1990-х годов происходили значительные события, несмотря на сложную экономическую ситуацию и отсутствие значимой государственной поддержки. В этот период художники Кыргызстана проявили большую стойкость и творческую энергию, стремясь выразить свое видение и интерпретировать меняющуюся реальность. К некоторым наиболее важным событиям в изобразительном искусстве Кыргызстана в этот период можно отнести, во-первых, создание новых художественных ассоциаций и галерей, которые предоставляли художникам платформу для демонстрации своих работ и обмена идеями; во-вторых, участие кыргызстанских художников в международных выставках и биеннале, что повысило их авторитет и признание за рубежом; в-третьих, развитие новых художественных стилей и направлений, отражающих меняющиеся социальные и культурные условия Кыргызстана.

Несмотря на трудности, художники Кыргызстана сумели сохранить и развить свою творческую самобытность, внеся значительный вклад в формирование культурной идентичности страны в постсоветский период.

Как известно, советская художественная культура, повлиявшая на культурное становление всех постсоветских стран, олицетворяла собой синтез содержания и формы. Советское художественное творчество, сформировавшееся в контексте социалистической идеологии, демонстрировало многообразие выразительных

средств. Характерными чертами советского искусства являлись единообразная интерпретация социальных явлений и реалистический поиск новых эстетических решений, обусловленных взаимообогащением национальных художественных традиций. Инновационные художественные концепции, возникающие в рамках отдельных национальных школ, становились общим достоянием советского искусства. Его многогранность проявлялась в широком спектре форм и глубинном идейном наполнении. Формула «национальное по форме, социалистическое по содержанию» отражало целостный процесс культурного развития советских народов, основанный на синтезе многовековых национальных традиций и мирового художественного наследия.

Значимым предстает в этом контексте творчество А. Сгибнева, которое является ценным вкладом в кыргызское изобразительное искусство. Его труды отличаются многогранностью и охватывают различные жанры и техники. Он был мастером графики, живописи и рисунка.

Графические работы А. Сгибнева выделяются техническим мастерством и поэтичностью. Его сюита «В Центральном Тянь-Шане» (1954–1957) является одним из самых известных его произведений. В этой серии литографий и офортов Сгибнев запечатлел величественные горы, быстрые горные реки и суровую красоту кыргызской природы. Сгибнев также был талантливым живописцем. Его картины часто изображали сцены из повседневной жизни кыргызского народа. Творчество художника в этом жанре отличаются ярким колоритом и выразительной композицией.

Сгибнев увлекался портретной живописью и графикой. Его портреты раскрывают психологическую глубину и индивидуальность изображаемых людей. «Портрет поэта Мидина Алыбаева» (1947) является примером его мастерства в этом жанре. Его увлечение портретом и использование литографии, линогравюры, офорта и рисунка свидетельствует о его техническом мастерстве и художественной чувствительности. Работы Сбигнева отличаются не только техническим мастерством, но и поэтичностью и глубоким пониманием человеческой природы. Его наследие продолжает вдохновлять и радовать зрителей спустя многие годы после его смерти.

В постсоветский период художники Кыргызстана получили возможность не только свободно выражать свои идеи, но и экспериментировать с новыми художественными стилями и направлениями, что привело к появлению яркой и разнообразной художественной сцены, которая отражала меняющиеся социальные и культурные условия страны.

Модернизм, таким образом, открыл для художников новые возможности формулирования реальности художественными средствами, основываясь на философских идеях К.Г. Юнга, Ф. Ницше, М. Хайдеггера и К. Ясперса. Здесь можно условно обозначить три основные линии художественных образов:

1) Многомерность мира, то есть модернизм признавал многомерность мира, отказавшись от традиционного представления о единой и объективной реальности. Это, в свою очередь, позволило художникам исследовать различные перспективы, неоднозначность и субъективный опыт.

2) Отсутствие предопределенности. Художники больше не чувствовали себя обязанными следовать заданным правилам или эстетическим нормам. Вместо этого они стали свободны создавать собственные «вселенные», основанные на их уникальном видении и интерпретации мира.

3) Творец собственного универсума. В результате модернизм предоставил художникам возможность утвердить себя как творцов собственных универсумов. Они могли изменять и модифицировать свою реальность в соответствии со своими собственными установками, создавая произведения искусства, которые отражали их внутренний мир и индивидуальное восприятие.

Этот сдвиг в мышлении оказал глубокое влияние на искусство. Он освободил художников от необходимости следовать традициям и позволил им исследовать новые и инновационные формы самовыражения. В результате возникло огромное разнообразие художественных стилей и движений, отражающих богатый спектр человеческого опыта. Модернизм продолжает влиять на искусство и сегодня. Он поощряет художников бросать вызов нормам, экспериментировать с новыми материалами и методами и создавать произведения искусства, которые отражают сложность и многогранность современного мира.

Говоря о новаторстве в искусстве, необходимо учесть соотношение содержания и индивидуальности. Так, новаторство в искусстве неразрывно связано с новизной содержания, то есть художники стремятся найти новые выразительные средства, чтобы воплотить новые идеи и концепции. В этом процессе важную роль играет творческая индивидуальность художника. Каждый художник обладает уникальным мировоззрением, опытом и восприятием мира, что находит отражение в его творчестве. Новаторство часто возникает в результате синтеза различных художественных традиций и влияний, а также экспериментального использования материалов и техник.

Таким образом, новаторство в искусстве является результатом взаимодействия между новизной содержания, творческой индивидуальностью художника и поиском новых выразительных средств. Оно способствует развитию искусства и позволяет художникам создавать произведения, которые исследуют новые темы, бросают вызов условностям и обогащают культурный опыт человечества.

Заключение

Новаторские художественные идеи художников Кыргызстана (Киргизии) сыграли решающую роль в формировании и укреплении национальной идентичности. Художники XX века черпали вдохновение в богатом культурном наследии своего народа и интерпретировали традиционные мотивы в современном стиле. Их произведения отражали уникальные особенности кыргызской культуры и истории, способствуя формированию национального самосознания. В своих картинах, архитектурных проектах и музыкальных композициях кыргызстанские художники обращались к темам кочевого образа жизни, природы Кыргызстана и народных традиций. Они создавали произведения, которые не только эстетически привлекательны, но и несут глубокий культурный и семиотический смысл.

Литература

1. Айтиев Г.А. Изобразительное искусство Киргизии / Г. Айтиев. – Фрунзе: [б.и.], 1964. – 9 с.
2. Апсаматова Э.Д. Кризис идентичности и проблемы духовной безопасности в пространстве современных культур и цивилизаций / Э.Д. Апсаматова // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2023. – Т. 3, № 12. – С. 28–35. – EDN KZPGDL.
3. Аскаров Т.А. Взаимосвязь между историческим и логическим в художественном освоении мира / Т.А. Аскаров // Вестн. ин-та философии и политико-

правовых исслед. Нац. АН Кырг. Респ. – 2017. -№ 1. -С. 37–39.
4. Аскаров Т.А. Природа духовного и его роль в общественной жизни / Т.А. Аскаров // Изв. АН КиргСС Р. – 1988. – № 3. -С. 47–53.
5. Брусиловский Д.А. Философия Чингиза Айтматова как новая сущность межкультурного и межрелигиозного диалога в едино-цельной социально-планетарной системе / Д.А. Брусиловский // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11–2(73). – С. 51–59. – EDN WWPFJL.
6. Изобразительное искусство в Кыргызстане / ред.-сост. Г. Боконбаев. – Б.: ОАО «Азия Универсал Банк», 2007. – 410 с.
7. Каменский А.Н. Живопись. Монументальное искусство / А.Н. Каменский. – Б.: ST.art Ltd., 2018. – 112 с.
8. Кочевой лагерь искусств: значение идентичности и биокультурное наследие горных ландшафтов в наше время. – Б.: Аль Салам, 2013. – 156 с.
9. Мосолова Л.М. История искусства Кыргызстана: монография / Л.М. Мосолова, Л.А. Прыткова; Предисловие: Богданов С.И., Садыков Т.С. Введение: Мосолова Л.М. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2019. – 303 с. – EDN PTPSIJ.
10. Ногойбаева Ч. Вопросы идентичности в истории изобразительного искусства Кыргызстана конца XX – начала XXI вв. / Ч. Ногойбаева // Вопросы истории Кыргызстана. – 2011. – № 3. – С. 159–169. – EDN YUDMKZ.
11. Пенна А. Ангелы в религии, искусстве и психологии / А. Пенна; пер. И. Волковой. – М.: Азбука-Аттикус, 2024. – 216 с.
12. Прыткова Л.А. Творческая индивидуальность в развитии изобразительного искусства Кыргызстана: специальность 17.00.04 «Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора искусствоведения / Прыткова Людмила Александровна. – Санкт-Петербург, 1996. – 47 с. – EDN ZJYSQH.
13. Ротенберг Е.И. Искусство Италии. Средняя Италия в период Высокого Возрождения / Е.И. Ротенберг. – 2-е. изд. – М.: Искусство, 1974. – 216 с.
14. Стамова Р.Д. Культурные процессы в условиях глобализации / Р.Д. Стамова, Б.Н. Чынгожоева // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории. – 2016. – № 4(44). – С. 93–99. – EDN VVHCAD.
15. Стамова Р. Культурные трансформации в Кыргызстане в условиях глобализации / Р. Стамова // Alatoo Academic Studies. – 2015. – № 4. – С. 214–220. – EDN VHRNMT.
16. Уметалиева Дж.Т. Изобразительное искусство Киргизии. – Фрунзе: Кыргызстан, 1978. – 118 с.
17. Фрунзеева Ж. Н., Майрамбек А., Брусиловский Д.А. Управление сознанием в информационном обществе: социально-философский анализ / Ж.Н. Фрунзеева, А. Майрамбек, Д.А. Брусиловский // Миссия конфессий. – 2024. – Том 13. – Часть 3 (№ 76). – С. 49–56.
18. Чентини М. Демоны в религии, искусстве и фольклоре / М. Чентини; пер. с итал. Д. Солобуто. – М.: Азбука-Аттикус, 2023. – 287 с.
19. Яковлев Е.Г. Эстетика. Искусствознание. Религиоведение / Е.Г. Яковлев. – М.: Книжный дом «Университет», 2003. – 640 с.

INNOVATIVE IDEAS OF ARTISTS OF KYRGYZSTAN AND THEIR CONTRIBUTION TO NATIONAL IDENTITY

Kadygrova V.I., Apsamatova E.D., Stamova R.D., Brusilovskii D.A., Mayrambek A.
Kyrgyz-Russian Slavic University, National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn,

The article explores the innovative artistic ideas of artists of Kyrgyzstan (Kirghizia) and their influence on the formation of national identity. It considers how artists integrated elements of traditional Kyrgyz art as well as modern artistic trends into their works. The contribution of individual artists such as G. Aitiev, S. Chuikov and others to the development of Kyrgyz national art is analysed. It explores how their innovative ideas reflected social and cultural changes in Kyrgyzstan and contributed to the formation of the republic's unique artistic identity. The article is based on the study of artistic works, historical documents and art history research. It contributes to the understanding of the role of artists in the formation of national identity and cultural heritage of Kyrgyzstan.

Keywords: art, Kyrgyz art, contemporary art, culture, innovation, national identity, artists, Kyrgyzstan, modern and postmodern.

References

1. Aitiev G.A. Fine arts of Kyrgyzstan / G. Aitiev. – Frunze: [b.i.], 1964. – 9 p.
2. Apsamatova E.D. Identity crisis and problems of spiritual security in the space of modern cultures and civilizations / E.D. Apsamatova // Social integration and development of ethnic cultures in the Eurasian space. – 2023. – T. 3, No. 12. – P. 28–35. – EDN KZPGDL.
3. Askarov T.A. The relationship between the historical and the logical in the artistic exploration of the world / T.A. Askarov // Vestn. Institute of Philosophy and Political-Legal Research. National AN Kyrgyzstan Rep. – 2017. -No. 1. -P. 37–39.
4. Askarov T.A. The nature of the spiritual and its role in public life / T.A. Askarov // Izv. Academy of Sciences of the Kyrgyz SSR. – 1988. – No. 3. -S. 47–53.
5. Brusilovskii D.A. The philosophy of Chingiz Aitmatov as a new essence of intercultural and interreligious dialogue in a single-unit socio-planetary system / D.A. Brusilovskii // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. – 2016. – No. 11–2(73). – pp. 51–59. – EDN WWPFJL.
6. Fine arts in Kyrgyzstan / ed.-comp. G. Bokonbaev. – B.: OJSC "Asia Universal Bank", 2007. – 410 p.
7. Kamensky A.N. Painting. Monumental art / A.N. Kamensky. – B.: ST.art Ltd., 2018. – 112 p.
8. Nomadic art camp: the meaning of identity and the biocultural heritage of mountain landscapes in our time. – B.: Al Salam, 2013. – 156 p.
9. Mosolova L.M. History of art of Kyrgyzstan: monograph / L.M. Mosolova, L.A. Prytkova; Preface: Bogdanov S.I., Sadykov T.S. Introduction: Mosolova L.M. – St. Petersburg: Russian State Pedagogical University named after. A.I. Herzen, 2019. – 303 p. – EDN PTPSIJ.
10. Nogoibaeva Ch. Issues of identity in the history of fine arts of Kyrgyzstan at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries. / Ch. Nogoibaeva // Questions of the history of Kyrgyzstan. – 2011. – No. 3. – P. 159–169. – EDN YUDMKZ.
11. Penna A. Angels in religion, art and psychology / A. Penna; lane I. Volkova. – M.: Azbuka-Atticus, 2024. – 216 p.
12. Prytkova L.A. Creative individuality in the development of fine arts of Kyrgyzstan: specialty 17.00.04 "Fine and decorative arts and architecture": abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Art History / Prytkova Lyudmila Aleksandrovna. – St. Petersburg, 1996. – 47 p. – EDN ZJYSQH.
13. Rotenberg E.I. Art of Italy. Central Italy during the High Renaissance / E.I. Rotenberg. – 2nd. ed. – M.: Art, 1974. – 216 p.
14. Stamova R.D. Cultural processes in the context of globalization / R.D. Stamova, B.N. Chyngozhoeva // Scientific discussion: issues of sociology, political science, philosophy, history. – 2016. – No. 4(44). – pp. 93–99. – EDN VVHCAD.
15. Stamova R. Cultural transformations in Kyrgyzstan in the context of globalization / R. Stamova // Alatoo Academic Studies. – 2015. – No. 4. – P. 214–220. – EDN VHRNMT.

16. Umetalieva J.T. Fine art of Kyrgyzstan. – Frunze: Kyrgyzstan, 1978. – 118 p.
17. Frunzeeva Zh. N., Mayrambek A., Brusilovskii D.A. Management of consciousness in the information society: socio-philosophical analysis / Zh.N. Frunzeeva, A. Mayrambek, D.A. Brusilovsky // Mission of Confessions. – 2024. – Volume 13. – Part 3 (No. 76). – P. 49–56.
18. Centini M. Demons in religion, art and folklore / M. Centini; lane from Italian D. Solobuto. – M.: Azbuka-Atticus, 2023. – 287 p.
19. Yakovlev E.G. Aesthetics. Art history. Religious studies / E.G. Yakovlev. – M.: Book House “University”, 2003. – 640 p.

Философская рефлексия как конструктивное средство диалектико-типологического взаимодействия человека и общества: логико-гносеологический аспект

Лустин Юрий Михайлович,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского
E-mail: lustin56@mail.ru

Цель исследования – выявить социально-методологическое значение философской рефлексии в качестве объективной основы взаимосвязи субъектов общественной практики. Новизна работы состоит в логико-гносеологическом обосновании конструктивного содержания философской рефлексии в диалектико-типологическом взаимодействии человека и общества. В парадигме социальной детерминации автором характеризуются такие основные черты философской рефлексии как императивность, универсальность. В аспекте логико-познавательного дискурса подтверждено когнитивное единство диалектики, типологии и рефлексивного содержания философского мышления субъекта социальности смыслоформирующей значимости. Отмечается интегративное проявление типологической характерности философской рефлексии в деятельности человека и общества. Впервые эксплицирован диалектико-типологический формат реляционного синтеза диалектики и типологии: диалектика как потенциальная методология познания и типология как актуальная теория многосвойственного развития реальности в своем конструктивном сочетании определяют концептуальный характер разнообразной жизнедеятельности человека и общества. В качестве одного из результатов исследования предлагается введение в научный оборот понятия «конструктивно-рефлексивный стиль философского мышления личности», способствующий ее самопознанию, саморазвитию и самоактуализации в социальных трансформациях современности.

Ключевые слова: человек, общество, деятельность, диалектико-типологический, социальное, философская рефлексия, концептуальность.

Введение

В диалектике взаимоотношений человека и общества основополагающим моментом является концептуальность их цивилизационных связей и конструктивность антропо-культурных отношений, которые в дискурсе долженствующей мотивации в деятельности субъекта социальности нацелены, прежде всего, на достойный уровень взаимодействия между членами социума в парадигме глобальных трансформаций современности. Всестороннее познание этого взаимодействия возможно с помощью философской методологии, принципов диалектики, логико-конструктивных закономерностей типологического знания, различных способов межличностной коммуникации, направленных на самопознание и самоактивность субъекта социального созидания, культуроемкое совершенствование форм общественного бытия и общественного сознания. В решении этих проблем философская рефлексия служит продуктивным средством постижения действительности. Рациональность философской рефлексии позволяет человеку осознанно регулировать и целенаправленно контролировать свое мышление, логически правильно оценивать истинность мыслей, поступков, намерений. Важность рефлексивной стратегии мыслительной деятельности субъекта социальности закономерна, а ее конструктивность конкретизирована прежде всего тем, что «под философской рефлексией, по мнению Ф.В. Лазарева и С.А. Лебедева, … имеют в виду анализ предельных оснований, конститутивных предпосылок человеческого мышления, коммуникативных практик и практической деятельности» [7, с. 15]. С данным утверждением трудно не согласиться.

Философский тип рефлексии обладает специфическим статусом, так как объективирует интеллектуальные возможности человека в предметности жизненных ситуаций, перцептивном обнаружении субъективных заблуждений и парадоксов мироощущения, понимании ошибок практической деятельности. Реализация этой возможности наиболее продуктивна в познавательных интенциях антропокультурного формата: «человек – философская рефлексия – социальная деятельность – информационное общество – рациональность общественной практики». Онтогносеологическая специфика данного формата диалектична и имеет логико-гносеологическое, социокультурное, антропо-психологическое, праксиологическое измерение. В этой связи, экспликация методологии социально-философского подхода к пониманию философской рефлексии, в качестве конструктивного средства диалектико-типологического взаимодействия человека и общества, вполне очевидна.

Основная часть

Разноплановость исследовательских подходов к познанию сущности философской рефлексии свидетельствует о многогранности ее коннотативных значений. Разносторонняя роль данного вида рефлексии, ее органическая связь с мышлением, сознанием, деятельностью чело-

века отражены в исследованиях И.Н. Болдыревой [2], В.И. Дудиной, Н.А. Зайцевой [3], Н.А. Калашниковой, О.И. Каяшевой [5], Т.В. Козыревой [6], М.К. Мамардашвили, Н.В. Нарыкова, А.И. Новикова, Г.В. Ожигановой [10], Т.Э. Рагозиной [12], М.К. Трифоновой, В.Н. Усова [15], В.Д. Шадрикова, Г.П. Щедровицкого, Г.Б. Юдина [17] и др. В работах многих авторов философская рефлексия представлена как сложное интегративное качество, диалектически обусловленное личностными особенностями, интеллектуальными способностями человека, типологией общественных связей и отношений. В репрезентативности такой очевидности правомерна необходимость познания конструктивного смысла философской рефлексии в аспекте ее когнитивной связи с понятиями «диалектика», «типология», «познание», «социальность», «отражение, «практика» с позиций научной объективности и логико-методологической конкретности.

Философская рефлексия – это одно из фундаментальных понятий философии, которое отражает ее предметность и конструктивную специфику. По сути дела, данный вид рефлексии является непременным условием концептуальности философского знания, своеобразным логическим модусом ее особого научно-теоретического статуса, фундаментальность которого доказана практикой человеческого бытия.

Философское апеллирование к уникальному существованию индивида в социально-природной среде предполагает правомерное обособление человека в особый род сущего. Такое обособление констатирует способность социализированной личности к осознанным отношениям в общественной среде, в которой происходит диалектическое и антропо-типологическое утверждение морально-духовных ценностей, идеалов, интересов ее внутреннего мира, полноценное раскрытие качеств индивидуальности, этнонациональной идентичности. Философия развития рефлексивности внутреннего мира человека, детерминируемая взаимодействием общественного бытия и общественного сознания, направлена на аксиологический поиск мировоззренческих регулятивов идейно-нравственной, социально-психологической, культурно-исторической деятельности человека и общества. Именно поэтому философская рефлексия представляет собой, прежде всего, содержательную часть рефлексивного мышления как формы социального интеллекта человека (Т.Г. Анистратенко, М.Д. Кузнецова, И.А. Ульянова).

Конструктивность философского знания, будучи нацеленным на поиск объективной истины в социальных взаимоотношениях человека и общества, ведет к проявлению коренного свойства рефлексивного процесса, связанного с обнаружением и осознанием истины в смысловом пространстве реальности[9].

Рефлексивная процедурность философского мышления осуществляется в познавательном контексте интуиции и чувств человека, логики его мыслительных операций, что способствует поиску и установлению истины (истинности) в исходной противоречивости бытия. Человек, используя определенные принципы и методы мыслительной практики, и особенно смыслодеятельный стиль философского мышления, как бы открывает для себя и социального окружения определенное мировоззренческое видение природно-социальной картины мира. Детерминационно выявляемое философской рефлексией новое содержание когнитивного восприятия действительности не является прямолинейным результатом формально-логического следствия, а субъективированно обнаруживается в роли некого конструктивного и регулятивного средства, которое способно как в диалектико-материалистическом, так и в метафизическом плане оказывать поддержку индивиду в созерцании видимого и невидимого, обычного и необычного, познанного и непознанного. Исходя из этой особенности, онтология философской рефлексии обладает уникальной способностью конституировать динамику внутреннего мира человека, которая обнаруживается в потенциальности «экзистенциального выхода» за пределы социально-природных факторов его бытия, тем самым футорологически обрисовывая и предсказывая мир феноменальной реальности. Само собой разумеется, что в своей диалектико-типологической определенности взаимодействие человека и мира порождает соответствующие идеальные и материальные формы их культуроемкой и общественно значимой конкретности. Следовательно, в целедостижимом познании бытия человека и общества заложен конструктивный механизм рефлексивного осмысления истинности всех происходящих процессов в развитии цивилизации, в том числе в контексте антропо-социальной, культурно-исторической событийности [11].

Логико-гносеологическая содержательность философской рефлексии способна выявлять смыслы реальности, то есть наличествующие в ней общие моменты различной информационности, которая имеет определенное значение. Многократная логико-рефлексивная интерпретация фактов реальности, в концептуальных способах их описания и адекватного объяснения, становится достоянием личностного опыта, в социокультурном содержании которого человек проявляет индивидуальную свободу, ментальное творчество, креативность познания в сложном и неоднозначном процессе социализации «как в онтогенетическом, так и в филогенетическом плане» [4, с. 63].

Рефлексивный уровень человеческого мышления, как развитое свойство социализированного индивида, обусловливает концептуальную специфичность философии в качестве эффективной формы теоретического освоения действительности. Иначе говоря, философия выявляет конструктивные смыслы различных форм сознания, типологически заданные мыслительные алгоритмы, «концепт-схемы» познавательной активности человека. Философское знание, в своей логико-гносеологической конкретности отражает высокорефлексивный потенциал общечеловеческого познания, поскольку определяет мировоззренческий смысл, методологическую ясность, логический порядок и конструктивные алгоритмы мыслительной активности субъекта цивилизационного созидания. В этом отношении философия есть не только абстрактная сфера познания, но научный фактор и конструктивный модус общечеловеческого знания, прежде всего, мировоззренческой, духовно-нравственной, антропо-психологической, интеллектуальной характерности. Имея гносеологическую направленность на морально-идейное совершенствование человека, всестороннее развитие его интеллекта и ментальных способностей, в философском мышлении проявляется когнитивная и эпистемологическая процедурность порождения и рационального применения различных мыслительных конструктов, логико-смысловых схем деятельности. В этом плане, философская рефлексивность означает познавательный способ идеальной функциональности субъективированной сферы мышления человека, обеспечивающий «развертывание» мысли в различных форматах ее мировоззренческой зрелости, логико-когнитивной адекватности, методологической конструктивности, социальной востребованности.

Конструктивная составляющая философской рефлексии конкретизируется логикой системного подхода, а ее объектологическая статусность эксплицирована в системе понятий, принципов и закономерностей диа-

лектики и типологии, что в их диалектико-типологическом синтезе отражает истинный смысл реалий бытия человека и общества. В репрезентативности данных основоположений правомерно заключить: конструктивный смысл мыслетворческой активности индивидного «Я» объективируется человеком в широком диапазоне социального разнообразия в процессе адаптивного взаимодействия с природой и социумом, культурой и политикой в дискурсе свободы воли и свободы выбора, независимости волеизъявления и приоритетности самоутверждения. По этому поводу, отмечая конструктивную креативность форм общественного взаимодействия, С. Кьеркегор подчеркивал: люди никогда не пользуются свободой, которая у них есть, но требуют ту, которой у них нет: у них есть свобода мысли, они же требуют свободы выражения. Безусловно, рефлексия человеческой мысли содержательно безгранична, однако ее независимость релятивна в способах своей реализации.

Философская рефлексия – это социокультурно обусловленный тип мышления, основанный на выявлении внутренних детерминаций мыслительной активности человека и направленный на осмысление (осознание) им собственных предпосылок бытия. Как одна из «превращенных» структур мышления (сознания) философская рефлексия конкретизирует гносеологическую направленность сознания (мышления) на «самое себя». Такой логико-гносеологический способ обращенности является фундаментальной основой как личностного философствования, так и концептуальным условием конструктивного преодоления противоречивых моментов субъективности. «Философская рефлексия, отмечает А.А. Хачатрян, – мощное средство осуществления культурного синтеза. Она становится самоосознанием духовной деятельности, поиском методологических, логических, ценностных, мировоззренческих и иных оснований жизни, бытия и культуры» [16, с. 21].

Доминантность философской рефлексии как конструктивного средства диалектико-типологического взаимодействия субъектов в социальной среде вполне очевидна, в виду того что она редуцирована многосвойственностью объект-субъектного, субъект-субъектного взаимодействия[13]. В рефлексивном дискурсе познавательной практики вектор этого взаимодействия направлен на креативное использование интеллектуальных свойств мыслительной деятельности человека, применение типологически разнообразных форм общественного сознания. Следует особо подчеркнуть, что в данном значении, по мнению Е.А. Тюгашева, форма общественного сознания «характеризуется как внешняя рефлексия социума, проецирующая на мир определенный вид общественных отношений» [14, с. 137].

В этом плане философская рефлексия есть, прежде всего, осознание и оценка результатов социальной деятельности конкретного индивида. В таком дискурсе она рассматривается как многогранное отношение человека и общества: познание социума, его идеалов, интересов, потребностей; индивидуальное самопознание и оценка себя самого через призму социального окружения. В данном значении философская рефлексия наполнена многими социально-гносеологическими смыслами: миропонимание, перцепция, саморегуляция, адаптивность, самооценка, самоосознание, самопознание, самореференция, самоидентичность и др. Обобщенно говоря, многогранность феномена философской рефлексии заключается в ее репрезентационной существенности, в которой научно-теоретические и практически значимые возможности когнитивной активности диалектико-типологического познания личности в значительной степени реализуются.

В парадигме социальной детерминации диалектико-типологического взаимодействия человека и общества для философской рефлексии характерны:

а) императивность (лат. *Imperativus* – повелительный) в концептуальном понимании безусловной существенности ментальных свойств человека, имеющих характер конструктивной направленности на самоанализ. В триумвирате онтогносеологического, онтоантропологического и логико-гносеологического подходов философская рефлексия обладает когнитивной вариативностью. Несмотря на социальные трансформации, особенно в глобальных противоречиях современности, философская рефлексия остается относительно устойчивым способом самоутверждения индивида в обществе, культуре социального самопознания и межличностного общения. Данное качество – интеллектуальная необходимость общественного существования в методологическом поле социального сопряжения персональных свойств человека и его индивидного отношения к бытию общества. Когнитивная вариативность (вариабельность) философской рефлексии, являясь ее онтогносеологической универсалией, способствует функционированию социальной идентичности человека в условиях различного типа взаимодействий с обществом и его культурой, что раскрывает онтоантропологические горизонты человеческого бытия в масштабах мировой цивилизации. Когнитивная вариативность в структуре рефлексивного мышления тесным образом связана с операциональностью и масштабностью рефлексивного осмысления индивидом реальности, потому «что в основе рефлексивного мышления находится, прежде всего, когнитивная процедура рефлексивного понимания» [1, с. 142];

б) универсальность (анг.*universality*) в значении функциональной возможности иметь обобщающее значение во всеохватном постижении личностью реалий социального бытия, через осмысление (осознание) собственных форм своей мыслительной деятельности. Философская содержательность актов рефлексии в мышлении актора общественной практики позволяет ему приобретать некую интерпретационную константность универсального значения в процессе познания, особенно в «гносеологических границах» оппозиции «объективное – субъективное», дилемме «объект – субъект». Своеобразным императивом этой универсализации служит фундаментальная мысль Н.А. Бердяева о том, что онтологическая гносеология исходит из того, что человеку нечто дано до всякой рациональной рефлексии, «до самопогружения и объективирования», до момента разделения на субъект и объект. Самоочевидно, с помощью высокого уровня философского рефлексирования человеку и человечеству становится возможным диалектически верно постигать универсальные тайны Бытия и Абсолюта Сущего. Именно поэтому, в своей конструктивной выраженности, философская рефлексия выступает специфическим модусом диалектического единства типологий природы, человека, общества и культуры, чем благоприятствует антропо-эволюционному, социокультурному, этнонациональному самосовершенствованию каждого конкретного общества (сообщества, социальной группы) в их истинно верном историческом развитии.

Данные основоположения выводного знания подтверждают предположение о том, что в процессе смыслотворчества основные компоненты мыслительного процесса (образ реальности, мыслеобраз мышления, смыслообраз конкретной деятельности) имеют конструктивную значимость, чем определяют логико-гносеологическую конкретность проявления и достигнутый уровень развития интеллектуальных свойств (качеств) человека. Исходя из этого, гносеологическая доминантность фи-

лософской рефлексии имеет диалектическую выраженность в качестве некого типологического конструктива, концептуально выраженного методологическим единством отмеченных мыслительных компонентов. Их экспликация в логико-гносеологической предметности формата «образ – мыслеформа – смыслообраз деятельности» системно отражается в своих исходных значениях, приобретающих принципиальную основательность и концептуальную упорядоченность. Принцип системности, эпистемологически интегрирующий знания о человеке и человечестве в целом, способствует философскому осмыслению предельных оснований диалектико-типологического взаимодействия личности и общества в контексте их конструктивной взаимосвязи. Как следствие, «Рефлексивная составляющая типологического конструктива ориентирована на социокультурную реконструкцию всего предшествующего знания человека, что позволяет достижимо представлять его обновленное содержание в процессе инновационного развития личностного интеллекта. Данное установление предполагает, прежде всего, диалектику перехода логико-гносеологических связей, образований, зависимостей различной модальности в устойчивые элементы креативно обновленной человекомерной содержательности…» [8, с. 192]. Несомненно, данный переход предполагает разрешение определенных онтогносеологических противоречий во взаимоотношениях системы «человек – деятельность – общество» и осуществим на основе конструктивных возможностей философской константности самой рефлексии, целенаправленно используемой в практике человеческого бытия. Говоря другими словами, теоретическая концептуальность философской рефлексии элиминирована человеком из событийности своей жизнедеятельности, заимствована из богатого арсенала научного знания, в которых интеграционный характер диалектики и типологии играет методологически важную роль. Именно реляционный синтез диалектики и типологии, практическая общезначимость их конвергентной направленности на бытие обеспечивает конструктивное содержание философской рефлексии в деятельности социализированной личности. В итоге, диалектика как потенциальная методология познания и типология как актуальная теория многосвойственного развития реальности в своем конструктивном сочетании определяют концептуальный характер разнообразной жизнедеятельности человека и общества.

Философская культура типологического познания всецело зависит от мировоззренческого потенциала, логических особенностей ментального стиля разумных действий индивида и противоречиво ориентирована на когнитивное выявление его связей и отношений в общественной среде. В этом контексте стиль мышления субъекта социальности представляет собой специфическую совокупность свойств чувственного, интуитивного, рационального и логического характера, реализуемый в форме устойчивой конструктивно-рефлексивной модели человеческого существования. Как следствие, конструктивно-рефлексивный стиль мыслительной деятельности человека – это атрибутивное качество, реализуемое в многовариантных проявлениях специфических форм философского мышления, культуры социального бытия и логики познавательной активности субъекта общественной практики.

Заключение

Рефлексия мыслительной деятельности субъекта социальности является значимым компонентом в формировании и развитии его внутреннего мира. Решить проблемы человека и общества в парадигме социальных трансформаций, в условиях цифровизации и стремительного развивающегося научно-технического прогресса невозможно без развития рефлексии.

Философская рефлексия – это созидательная основа мыслительной практики личности, играющая особую роль в формировании ее мировоззренческих и профессионально важных качеств. Она концептуально определена содержанием логико-гносеологической взаимосвязи, с одной стороны, методологического потенциала диалектики, сущностных форм общественного бытия и общественного сознания, а с другой, конкретизирована наличием типологических свойств индивида, социума, культуры, направленных на комплексное решение жизнетворческих проблем цивилизационного созидания.

Философская рефлексия представляет собой конструктивное средство, определяющее социальный порядок диалектико-типологического взаимодействия человека и общества. Будучи относительно постоянным образованием сознания (мышления) она способна формировать, совершенствовать и корректировать социально-природную сферу непосредственной жизнедеятельности человека, актуализируя тем самым его сущностные силы в системе общественных связей, взаимозависимостей и взаимодействий. Выступая способом связи человека и общества, рефлексивный уровень философского мышления детерминирует проявление типовых видов человеческой активности (практическая деятельность, креативность познания, духовные практики и т.д.), осмысленные процессы жизнедеятельной коммуникации и разностороннего общения в информационном обществе.

Конструктивный потенциал философской рефлексии способствует комплексному развитию философского знания, совершенствованию креативности философского мышления. Диалектичность философской рефлексии выражена в мотивационно-интегративной парадигме типоопределенности человека: диалектика развития социума детерминирует стилевой характер мышления человека, а стиль его мыслительной деятельности рефлексивно корректирует когнитивные акты диалектико-типологического познания индивида. Исходя из этого, целесообразным является введение в научный оборот понятия «конструктивно-рефлексивный стиль философского мышления личности».

Литература

1. Анистратинко Т.Г. Рефлексивная рациональность как характеристика рефлексивного мышления / Т.Г. Анистратенко // Вестник Краснодарского университета МВД России, 2016. – № 4 (34). – С. 140–144.
2. Болдырева И.Н. Философский анализ рефлексии в социальных процессах: автореферат дис. … канд. филос. наук. М., 2013. – 27 с.
3. Зайцева Н.А. Социально-философская рефлексия над архетипами: личностное и общественное сознание / Н.А. Зайцева // Наука, техника и образование, 2017. – № 10 (40). – С. 64–70.
4. Зорина Е.А. Общество и личность: подходы к пониманию проблемы / Е.А. Зорина // Общество: философия, история, культура, 2017. – № 8. – С. 61–64.
1. DOI: 10.24158/fik.2017.8.13
5. Каяшева О.И. Конструктивная личностная рефлексия / О.И. Каяшева // Вестник Университета, 2015. – № 13. – С. 340–342.
6. Козырева Т.В. Понятие рефлексии в истории философии / Т.В. Козырева //

2. Вестник угроведения, 2013. – № 2 (12). – С. 75–85.
7. Лазарев Ф.В., Лебедев С.А. Философская рефлексия: сущность, типы, формы / Ф.В. Лазарев, С.А. Лебедев // Вопросы философии, 2016. – № 6. – С. 15–28.
8. Лустин Ю.М. Типологический конструктив как гносеологическая доминанта мыслетворчества личности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке, 2021. – Том 10. – № 1А. – С. 194–201. DOI: 10.34670/AR.2021.64.61
9. Матвеева А.Н. Личность и общество: проблема социально-духовного взаимодействия: монография. Казань: Бук, 2016. – 163 с.
10. Ожиганова Г.В. Рефлексия, рефлексивность и высшие рефлексивные способности: подходы к исследованию / Г.В. Ожиганова // Вестник КГУ. Педагогика. Психология. Социокинетика., 2018. – № 4. – С. 56–60.
11. Попов В.В., Киселев С.А., Уколов А.О. Особенности структуры социального процесса в контексте исторических событий // Общество: философия, история, культура, 2016. – № 11. – С. 19–22.
12. Рагозина Т.Э Человек как предмет философской рефлексии / Философия и культура в гуманитарном дискурсе. Материалы международной научно-методической конференции 27–28 апреля 2021 года / Отв. редактор к. филос. наук, доц. Сулимов С.И. – Воронеж: Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2021. – С. 35–45.
13. Субъекты общества: коллективная монография [Яблокова Н.И. и др.; ред. С.Б. Шитов]. М.: Янус-К, 2014. – 119 с.
14. Тюгашев Е.А. Формы общественного сознания: опыт системной типологии / Е.А. Тюгашев // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер.: Философия, 2020. – № 2 (5). – С. 137–149.
15. Усов В.Н. О специфике философской рефлексии / В.Н. Усов // Вестник Южно-уральского гос. ун-та, Сер.: Социально-гуманитарные науки, 2012. – № 10 (269). – С. 195–201.
16. Хачатрян А.А. Рефлексия как принцип философского мышления / А.А. Хачатрян // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.: Философия, 2003. – № 3. – С. 13–22.
17. Юдин Г.Б. Рефлексивная социология между действительностью и недействительностью / Г.Б. Юдин // Социологический журнал, 2009. – № 3. – С. 96–117.

PHILOSOPHICAL REFLECTION AS A CONSTRUCTIVE MEANS OF DIALECTICAL-TYPOLOGICAL INTERACTION OF PERSON AND SOCIETY: LOGICAL-GNOSEOLOGICAL ASPECT

Lustin Yu.M.
Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

The purpose of the study is to identify the social and methodological significance of philosophical reflection as an objective basis for the relationship of subjects of social practice. The novelty of the work lies in the logical and epistemological substantiation of the constructive content of philosophical reflection in the dialectical-typological interaction of man and society. In the paradigm of social determination, the author characterizes such basic features of philosophical reflection as imperativeness and universality. In the aspect of logical-cognitive discourse, the cognitive unity of dialectics, typology and reflexive content of the philosophical thinking of the subject of sociality of meaning-forming significance is confirmed. The integrative manifestation of the typological characteristic of philosophical reflection in the activities of man and society is noted. For the first time, the dialectical-typological format of the relational synthesis of dialectics and typology is explicated: dialectics as a potential methodology of cognition and typology as an actual theory of the multi-property development of reality in their constructive combination determine the conceptual nature of the diverse life activities of man and society. As one of the results of the study, it is proposed to introduce into scientific circulation the concept of "constructive-reflective style of philosophical thinking of an individual," which contributes to its self-knowledge, self-development and self-actualization in the social transformations of our time.

Keywords: person, society, activity, dialectical-typological, social, philosophical reflection, conceptuality.

References

1. Anistratinko T.G. Reflexive rationality as a characteristic of reflective thinking / T.G. Anistratenko // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. – No. 4 (34). – p. 140–144.
2. Boldyreva I.N. Philosophical analysis of reflection in social processes: abstract of dissertation. … cand. Philosopher Sci. M., 2013. – 27 p.
3. Zaitseva N.A. Social and philosophical reflection on archetypes: personal and social consciousness / N.A. Zaitseva // Science, technology and education, 2017. – No. 10 (40). – p.64–70.
4. Zorina E.A. Society and personality: approaches to understanding the problem / E.A. Zorina // Society: philosophy, history, culture, 2017. – No. 8. – p.61–64.
1. DOI: 10.24158/fik.2017.8.13
5. Kayasheva O.I. Constructive personal reflection / O.I. Kayasheva // Bulletin of the University, 2015. – No. 13. – p. 340–342.
6. Kozyreva T.V. The concept of reflection in the history of philosophy / T.V. Kozyreva // Bulletin of Ugric Studies, 2013. – No. 2 (12). – p.75–85.
7. Lazarev F.V., Lebedev S.A. Philosophical reflection: essence, types, forms / F.V. Lazarev, S.A. Lebedev // Questions of Philosophy, 2016. – No. 6. – p.15–28.
8. Lustin Yu.M. Typological construct as an epistemological dominant of a person's thought-creation // Context and reflection: philosophy about the world and man, 2021. – Volume 10. – No. 1A. – p. 194–201. DOI: 10.34670/AR.2021.64.61
9. Matveeva A.N. Personality and society: the problem of socio-spiritual interaction: monograph. Kazan: Buk, 2016. – 163 p.
10. Ozhiganova G.V. Reflection, reflexivity and higher reflexive abilities: approaches to research / G.V. Ozhiganova // Bulletin of KSU. Pedagogy. Psychology. Sociokinetics., 2018. – No. 4. – p.56–60.
11. Popov V.V., Kiselev S.A., Ukolov A.O. Features of the structure of the social process in the context of historical events // Society: philosophy, history, culture, 2016. – No. 11. – p. 19–22.
12. Ragozina T.E. Man as a subject of philosophical reflection / Philosophy and culture in humanitarian discourse. Materials of the international scientific and methodological conference on April 27–28, 2021 / Rep. editor K. filos. Sciences, Associate Professor Sulimov S.I. – Voronezh: Voronezh CSTI – branch of the Federal State Budgetary Institution "REA" of the Ministry of Energy of Russia, 2021. – p.35–45.
13. Subjects of society: collective monograph [Yablokova N.I. and etc.; ed. S.B. Shitov]. M.: Janus-K, 2014. – 119 p.
14. Tyugashev E.A. Forms of public consciousness: experience of systemic typology / E.A. Tyugashev // Bulletin of Samara State Technical University. Ser.: Philosophy, 2020. – No. 2 (5). – p.137–149.
15. Usov V.N. On the specifics of philosophical reflection / V.N. Usov // Bulletin of the South Ural State. University, Ser.: Social Sciences and Humanities, 2012. – No. 10 (269). – p. 195–201.
16. Khachatryan A.A. Reflection as a principle of philosophical thinking / A.A. Khachatryan // Bulletin of Volgograd State University. Ser.: Philosophy, 2003. – No. 3. – p.13–22.
17. Yudin G.B. Reflexive sociology between reality and invalidity / G.B. Yudin // Sociological Journal, 2009. – No. 3. – p.96–117.

Социальная философия: к вопросу об основоположениях

Митин Алексей Васильевич,
к.ф.н., доцент кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail panther.00@bk.ru

Полозова Ирина Владимировна,
д.ф.н., профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: polozova-irina@mail.ru

В статье исследуется проблема оснований социальной философии в ее отношениях с теоретической социологией, историей и политическими науками. Социальная философия видится способной обнаруживать единую перспективу для единых социально-политических реалий, разведенных по ведомствам различных наук.

Ключевые слова: социальная философия, социальная система, общество, цивилизация.

В настоящей статье мы обратимся к вопросу об основаниях социальной философии, то есть об исходных принципах, на которых строится философское изучение общества. Казалось бы, несомненно, что социальная философия в качестве своего предмета имеет общество, то есть сферу социального бытия, но здесь нам видится целый ряд проблем, к рассмотрению которых мы приступим ниже.

С возникновением науки, призванной заниматься преимущественно обществом, то есть социологии, встает проблема «исчезновения» предмета социальной философии, характерная для общей ситуации начала XX века, когда философия в целом виделась в образе короля Лира, утратившего свое колоссальное в прошлом состояние, распределив его между своими дочерями, в качестве которых выступили отдельные науки [2, с. 24]. Отношение социологии как позитивной науки к социальной философии с самого начала было негативным, в силу обвинений последней в «метафизичности».

Можно заметить также, что социальная философия, от которой пыталась отделиться социология, была, собственно, не «социальной», а, скорее, социально-политической. Представления об обществе, доминирующие в истории философской мысли, рассматривали, по преимуществу, организацию политической жизни общества. Таковы, прежде всего, учения классиков античной философии, Платона и Аристотеля, исследующих различные формы государства и правления.

Следует отметить, что для Античности, Средних веков и Возрождения вообще не существовало понятия общества в виде абстракции, в отдельности от его политической организации и формы. Философские труды, посвященные социальной проблематике, преимущественно обращаются к вопросам государственной политики и управления. Таковы «Государь» Н. Макиавелли, труды Ж. Бодена.

Даже если обратиться к работам классиков начала Нового времени, Т. Гоббса и Д. Локка, то можно увидеть, что представление о нормальном состоянии общества связывается с его государственной стадией, то есть с его государственной формой. Общество в естественном состоянии видится как хаос, который приходит к своей организации благодаря появлению государства, и поэтому в чистом виде не может и не должно изучаться.

Таким образом, собственно «общество» представляется абстрактной категорией, возникшей в социальной философии не позднее буржуазных революций Нового времени. В качестве основной причины возникновения данной абстракции именно в данную эпоху нам видится отказ от главенства политики, традиционно рассматриваемой в качестве ведущей и определяющей сферы жизни общества. Как в жизни европейского общества, так и впоследствии в социальной теории, происходит замена политики экономикой, рассмотрение экономики как «судьбы Запада». Основы данной позиции сформулированы в идеологии либерализма, развитием которой позднее становится течение либертаризма [9]. Процесс эмансипации социальной жизни от доминирования политической сферы занимал довольно длительное время, и его предпосылки содержались частично уже в мысли предшествующих эпох [8].

Обозначенная перемена в понимании предмета социальной философии является далеко не случайной. Дело

в том, что сама идея власти и основанного на ней государства имеет в значительной степени теологическое происхождение [13, с. 76], и переход от преимущественного интереса к политике к изучению «чистой» социальности в значительной степени обусловлен секуляризацией европейского общества. В этой связи отметим, что движение Реформации лишь в самом начале использовало политический ресурс государства в своем противостоянии Церкви, в последующем набравший обороты процесс секуляризации обращается уже против самого государства. В данном отношении представляет интерес появление такой достаточно новой дисциплины как политическая теология, показывающей глубинную взаимосвязь политической сферы и идеи сакрального [7, с. 95].

Другой важной проблемой самоопределения социальной философии является вопрос о рассмотрении ею социальных явлений в перспективе соотношения социальной статики и социальной динамики. Социальная философия, если иметь в виду классические системы Гегеля, Маркса и Конта, в значительной мере тяготела к динамическому способу рассмотрения социальных явлений. Подобный динамический характер социальной философии может быть обусловлен рождением принципа историзма, получившего распространение в европейской мысли, начиная с эпохи Просвещения [5]. Социология же как наука сосредоточилась, по преимуществу, на изучении статического состояния общества.

Утвердившаяся в современной западной социологии в качестве главенствующей парадигмы теория Т. Парсонса представляет общество в виде устойчиво функционирующей системы, то есть в статике, где каждая из основных социальных сфер призвана осуществлять определенные функции [6]. Вместе с тем, вопреки замыслу автора и сложившемуся в социологии консенсусу, модель Парсонса вряд ли может считаться универсальной, ведь рассмотрение общества в виде системы представляет собой абстракцию, извлеченную из характеристик современного западного общества буржуазного типа. Данная модель, как было отмечено некоторыми ее критиками, не применима, например, по отношению к традиционному или средневековому обществу, где не существует универсальной и объединяющей системы ценностей. [14, с. 27].

В данной связи задача социальной философии видится нам в сопоставлении альтернативных парадигм социального познания, выявлении их предпосылок и возможностей. Можно показать, что позитивистская и аналитическая версия американской социологии XX века не является единственно возможной парадигмой социального знания. Так, динамическую альтернативу системному подходу Парсонса в социологии представляет, например, теория Н. Элиаса, предполагающая рассмотрение, по преимуществу, динамических социальных процессов, а также связи макро и микро социальных явлений, и в данном отношении продолжающая линию М. Вебера и других немецких социологов [14]. В трудах нашего великого соотечественника П. Сорокина, выводы которого основаны на обширных статистических данных, соединяются подходы, характерные для социальной статики и социальной динамики, что дает его социальной теории колоссальное преимущество [10]. Динамический подход наметился и в поздних работах самого Т. Парсонса.

В этой связи социальная философия может соединять перспективы историзма и социологической системно-аналитической теории. В этом смысле социальная философия является метатеорией по отношению к истории, с одной стороны и социологии, с другой и может включать в себя отдельные теоретические положения данных наук, представляя собой рефлексию на их основе. В этом смысле может наблюдаться некоторое совпадение трудов и имен, которые принято относить к ведомству исторической или социологической наук, их теоретического уровня, но в данном случае перед нами типичная ситуация «спора факультетов», которая видится неизбежной во всех случаях предметного пересечения дисциплин.

Другой важной проблемой социальной философии является вопрос о предельном, высшем уровне сферы ее изучения, с одной стороны, и об элементарном уровне, до которого простирается ее рассмотрение, с другой. В силу своей природы философия имеет дело с абстракциями самого высокого порядка [4, с. 54]. В качестве наиболее общего уровня социальной философии обычно обозначается взаимодействующее с природой общество, а в качестве элементарного уровня выступает индивидуальный. Вместе с тем, исходя из того, что понятие общества является в значительной мере абстрактным, его характеристики чаще всего представляются через самые общие системные функции или черты живого организма. Таким образом, происходит поиск наиболее подходящего образа или метафоры для репрезентации социального, которое, как таковое, абстрактно и неощутимо.

В связи с обозначенной ситуацией в социальной философии возникает потребность в промежуточных, «качественных» категориях, которые, вместе с тем, способны осуществить связь минимального и максимального уровня социальности.

В качестве таких категорий до недавнего времени выступали, например, понятия «формация» и «цивилизация». Формационный подход был связан с марксистской теорией и считался в значительной степени политизированным, хотя в основе жизни и развития общества в качестве базиса в данной теории рассматривалась экономика. Цивилизационный подход всегда рассматривался как более нейтральный политически, но со временем становится ясным, что именно он становится теоретической основой альтернативного подхода по отношению к теории глобализации, глобальной гегемонии Запада, вооруженного либеральной идеологией. Так, глубинный смысл теории Данилевского состоял именно в идее качественного своеобразия российской цивилизации и ее принципиального отличия по отношению к западной [3].

Понятие цивилизации на самом деле, может быть рассмотрено в различных смыслах. Крайне интересной и продуктивной нам видится, в частности, социологическая трактовка цивилизации Н. Элиасом, который представляет ее категорией, способной осуществить наведение мостов между макро и микро социологическим уровнями, общественной сферой и индивидуальной жизнью. Вместе с тем, можно увидеть, что в его доктрине цивилизация рассматривается преимущественно как форма жизни западного общества, призванного нести миссию укрощения аффектов по отношению ко всему остальному миру, подобно тому, как ранее придворное общество распространило данную практику в Европе [14].

В качестве наиболее универсального может выступать понятие цивилизации у С. Хантингтона, который предлагает ее рассмотрение, в том числе, с позиций пространства и времени. Так, цивилизация выступает наиболее широкой пространственной социальной общностью, если говорить о ее протяженности, и наиболее долговременной, если иметь в виду параметр ее продолжительности. Вместе с тем, очевидно, что понятие цивилизации является отнюдь не нейтральным, но призвано служить объяснению и обоснованию геополитических реалий и вызовов [12].

В еще большей степени сказанное относится к другому важному и также имеющему «промежуточный» для социальных наук статус, понятию «этноса», которое вовсе не является теоретическим социологической концептом, но было создано в результате процесса «изобретения наций» и послужило обоснованием ряда политических движений и программ [1].

Таким образом, можно увидеть, что разведенные по ведомствам различных наук, социальные реалии существуют в неразрывном единстве. Видимо, именно социальная философия должна обнаруживать некую единую перспективу для социальных и политических наук, увидеть их общую «морфологию», показать политическую ангажированность социальных идей и теорий.

Рассмотрим также родство социальных понятий с идеями современной философии в целом, в качестве которой выступает, начиная со второй половины XX века, преимущественно философия постмодернизма. Можно заметить, что философы-постмодернисты в своих трудах обнаруживают постоянное обращение к социальной реальности. Их, казалось бы, абстрактные философские категории, на самом деле, являются отражением, зачастую – опережением реалий социальной жизни, Центральной темой философов-постмодернистов, например, М. Фуко, является отношение общества и власти, «подозрительность» к власти, деконструкция всего, что связано с властными отношениями [11].

Таким образом, можно рассмотреть социальную философию как «место встречи» истории, социологии и политических наук, наук о культуре и др. Но возникает вопрос, не будет ли эта позиция ущербной для философской мысли, ведь в данном случае социальная философия оказывается обреченной на неизбежное следование социологическим, политическим и иным доктринам?

Нам представляется, что, напротив, в данном отношении философия возвращается к своим истокам и к своему основному предназначению, ведь способность вскрывать причины и корни вещей всегда была важнейшей для философии. Социальная философия может выступать здесь как некая метатеория, показывая историческую и идейную обусловленность тех или иных социологических и политических категорий и представлений.

Литература

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. – М.: Кучково поле, 2024. – 416 с.
2. Виндельбанд, В. Прелюдии: философские статьи и речи: сборник научных трудов / В. Виндельбанд; пер. С.Л. Франк. – М.: Кучково поле, 2007. – 400 с.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – СПб: Изд. Азбука-Аттикус, 2023. – 672 с.
4. Духовная жизнь общества (учебное пособие) // Митин А.В. в соавторстве (Гюламирян К.А., Ефимов С.М.). Пермь, 1999.
5. Мейнеке Ф Возникновение историзма – СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 480 с.
6. Парсонс Т. Социальная система. – М: Академический проект, 2019. – 530 с.
7. Полозова И.В. Возвращение «Политической теологии»: старая или новая наука //Социально-гуманитарные знания. 2023. № 3. С. 95–97.
8. Скинер К Истоки современной политической мысли: в 2. т. – М.: Дело, 2018. –481 с.
9. Собственность или смерть. Либертарианство: антология / пер. с англ. К.А. Бакунина. – СПб: Владимир Даль, 2024. – 581 с.
10. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Академический проект, 2020. – 988 с.
11. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. – 416 с.
12. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. – М.: Изд. АСТ, 2022. – 640 с.
13. Шмитт К. Политическая теология: сборник. – М.: Канон пресс Кучково поле, 2000. – 672 с.
14. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1, 2. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001 (нем. 1939). Т. 1. 332 с. Т. 2. 382 с.

SOCIAL PHILOSOPHY: TOWARDS THE QUESTION OF FUNDAMENTALS

Mitin A.V., Polozova I.V.
Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V.J. Kikot

The article examines the problem of the foundations of social philosophy in its relations with theoretical sociology and political sciences. Social philosophy seems capable of discovering a unified perspective for unified socio-political realities, separated into departments of various sciences.

Keywords: social philosophy, social system, civilization.

References

1. Anderson, B. Imagined Communities. – M.: Kuchkovo Pole, 2024. – 416 p.
2. Windelband, V. Preludes: philosophical articles and speeches: collection of scientific works / V. Windelband; lane S.L. Frank. – M.: Kuchkovo Pole, 2007. – 400 p.
3. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe. – St. Petersburg: Publishing house. ABC-Atticus, 2023. – 672 p.
4. Spiritual life of society (textbook) // Mitin A.V. co-authored (Gyulamiryan K.A., Efimov S.M.). Perm, 1999.
5. Meinecke F The emergence of historicism – St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2024. – 480 p.
6. Parsons T. Social system. – M: Academic project, 2019. – 530 p.
7. Polozova I.V. Return of “Political Theology”: old or new science // Social and humanitarian knowledge. 2023. No. 3. pp. 95–97.
8. Skinner K. Origins of modern political thought: in 2. vol. – M.: Delo, 2018. –481 p.
9. Property or death. Libertarianism: an anthology / trans. from English K.A. Bakunina. – St. Petersburg: Vladimir Dal, 2024. – 581 p.
10. Sorokin P.A. Social and cultural dynamics. – M.: Academic Project, 2020. – 988 p.
11. Foucault M. Supervise and punish. The birth of a prison. – M.: Ad Marginem Press, 2023. – 416 p.
12. Huntington, S. Clash of Civilizations. – M.: Publishing house. AST, 2022. – 640 p.
13. Schmitt K. Political theology: collection. – M.: Kanon press Kuchkovo Pole, 2000. – 672 p.
14. Elias N. About the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic research. T. 1, 2. – M.; St. Petersburg: University Book, 2001 (German 1939). T.1. 332 pp. T.2. 382 pp.

Осмысление феномена звукового ландшафта города с позиции физикалистского подхода

Михайлова Ольга Андреевна,
аспирант 1 курса УрФУ им. первого Президента
России Б.Н. Ельцина
E-mail: krolishna@gmail.com

Звуковой ландшафт города как самостоятельный объект изучения привлекает внимание со становления исследований звука (sound studies) в гуманитарной науке. Звуки окружающей действительности, выступая как организующая сила, формируют не только акустические пространства и звуковые ландшафты, но и наши представления о них. Этим обусловливается множество противоречивых подходов к изучению звука и звукового ландшафта. В статье городской звуковой ландшафт предлагается рассмотреть в оптике физикалистского подхода. Обращаясь к работам о звуковых исследованиях, автор обозревает историю введения в научный оборот термина «звуковой ландшафт» и характеризует такую отрасль науки, как акустическая экология (экоакустика, экология звука). В этом контексте осмысляется феномен шумового загрязнения и интрузивного воздействия шума на человека. Демонстрируются противоречия, возникающие в исследованиях, представляющих городской звуковой ландшафт в физикалистской оптике. Делается вывод о том, что физикалистский подход к звуковым исследованиям создает резонанс для дальнейшего развития этого направления и закладывает фундамент для формирования иных подходов в осмыслении звука и звукового городского ландшафта.

Ключевые слова: sound studies, городской звуковой ландшафт, физикалистский подход к звуку, экология звука, акустическая экология, шумовое загрязнение.

Звуковой ландшафт представляет собой систему звуков, возникающую в окружающей среде и характеризующую ее. В зависимости от генезиса и реального расположения какого-либо локуса можно выделять, например, звуковые ландшафты леса, парка, сельской местности, города, библиотеки, театра, торгового центра и пр.

Интерес к звуковому ландшафту возник в среде архитекторов, и первоначально он воспринимался прагматически, инструментально. Употребляя сочетание «звуковой ландшафт», архитекторы подразумевали акустические параметры местности, учитываемые в процессе строительства зданий при выборе эффективных материалов для шумоизоляции.

Вместе с тем, термин «звуковой ландшафт» вошел в научный оборот относительно недавно.

Концепция звукового ландшафта начала складываться во второй половине XX в., когда М. Сауфворф, работая над проектом для диссертации, занимался городским планированием. Звук и звуковой ландшафт были для исследователя описательными категориями, позволяющими проверить выдвигаемую им гипотезу о значимости соотношения звуковой и визуальной сред. М. Сауфворф считал необходимым планировать строительство городских объектов таким образом, чтобы городская среда, с точки зрения звукового окружения, была комфортной для всех жителей, иначе говоря, инклюзивной.

По замечанию М. Сауфворфа, для слепых людей и людей с нарушениями зрения звуковой ландшафт «является одним из важнейших средств получения информации о мире» [13, с. 7]. Вместе с тем, модели звуковой среды, конструируемые такими людьми, «гораздо более обобщены, чем модели визуальной среды, сконструированные зрячими людьми» [13, с. 7]. Звуки в большинстве своем, характеризуясь непостоянством и непротяженностью, не позволяют слепым людям составить полноценной картины об окружающей действительности, особенно в таких крупных пространствах, как город. Целью городского планирования будущего М. Сауфворф видел учет звукового ландшафта таким образом, чтобы звуки «контрастировали с событиями» [13, с. 9], проходили своеобразную цепочку превращений, становясь звуковой последовательностью, соотносимой с пространством.

Стоит отметить, что уже в работе М. Сауфворфа звуковой ландшафт рассматривается несколько шире, чем акустический параметр строительства. Он концептуализирует мысль об особенной природе звука. Звуковой ландшафт в таком контексте воспринимается как звуковая протяженность и различные комбинации звуков, характеризующие конкретное материально выраженное пространство.

В целом, претворение идеи о взаимосвязи локуса, архитектуры и акустической среды можно наблюдать с давних времен, о чем свидетельствует существование таких памятников архитектуры, как Кромлех Стоунхедж, Блухендж или античные амфитеатры. Отмечается, что строительство подобных сооружений свидетельствует о желании достичь «архитектурно-акустической гармо-

нии, сопровождающей технологическое предназначение сооружения» [3, с. 11].

Более того, сегодня известны и попытки реконструкции звуковой среды, окружавшей человека эпохи палеолита. Так, например, реализуя проект «Песни пещер», Р. Тиль использовал подход, определяемый им как «археология звука» [15, с. 299]. Этот подход позволял выявить «корреляцию между акустическими показателями и археологическим контекстом», продемонстрировать не только звуки, издаваемые людьми внутри пещеры, но и звуки, естественным образом звучащие внутри пещер, отследить «источники музыкального звука» в пещере [15, с. 299].

Р. Тиль отмечал такую особенность акустической организации пещер, как «низкий фоновый шум»: поглощение фонового шума облегчало исследователям восприятие очень тихих звуков [15, с. 298]. Кроме того, пещера оказывалась «естественным музыкальным инструментом»: капающая на стены, основание пещеры, сталагмиты вода создавала эффект, подобный современным шумовым инструментам [15, с. 298]. Вероятно, человек эпохи палеолита, обративший внимание на это, избирал пещеру местом для музыкальных практик именно в связи с ее особой акустической средой.

Звуковой ландшафт города, применяемый в строительстве как акустический параметр, и «археология звука», реконструируемая Р. Тилем, так или иначе, соответствуют медиальной теории звуков, по которой звуки истолковываются с точки зрения «резонирующего объекта и слушателя, локализованных в определенном пространстве» [14]. Согласно медиальной теории, звук может рассматриваться как событие или свойство среды, а также как волна [14]. При этом учитываются в основном измеряемые параметры звука: может ли он быть локализованным в каком-либо пространстве, имеет ли фазы, какими акустическими характеристиками обладает.

В связи с этим закономерно выделять физикалистский подход к звуку. Здесь мы подразумеваем не столько онтологический статус физики, свойственный физикалистским концепциям, сколько ее авторитетность в указании на универсальность каких-либо событий, в том числе звука. В рамках физикалистского подхода звуки могут быть измерены и переданы в универсальных категориях. Так, по утверждению М. Перкинса, «слышимый нами звук идентичен цепи радиоволн, тянущейся от звучащего объекта, дистантно расположенного по отношению к ушам слушателя» [11]. Поскольку физика обращается к количественным измерениям, звуки, с точки зрения физикализма, воспринимаются интерсубъективно, иначе говоря «могут быть проверены (а значит, поняты) любым субъектом» [9, с. 92].

В рамках физикалистского подхода звуковой ландшафт какого-либо локуса, в том числе города – совокупность количественных показателей, одинаково воспринимаемых любым субъектом. В таком случае звуковой ландшафт города может конструироваться с учетом определенных акустических параметров. Стоит, однако, отметить, что в проектах М. Сауфворфа и Р. Тиля предпринимается попытка преодолеть исключительность физикализма в отношении звука: значимый статус приобретает фигура слушателя не только как субъекта восприятия, но и как субъекта звукопорождения, а также субъекта, способного на реконструкцию звука.

Схожую точку зрения занимает исследователь Р.М. Шейфер. Будучи преподавателем и композитором, он задумался над тем, что сочинение музыки требует постоянной включенности, чуткости к окружающей звуковой среде. В своем учебном пособии с характерным названием «Чистка ушей. Заметки для курса экспериментальной музыки» Р.М. Шейфер рекомендовал преподавателям «побудить своих студентов замечать звуки, к которым они раньше не прислушивались, как сумасшедшие вслушиваться в окружающие их звуки, в звуки, которые они сами привносят в окружающую среду» [цит. по 5, с. 12]. В этом экспрессивном наставлении обнаруживается идея об активности слушающего субъекта, из которой следует, во-первых, что слушатель склонен подавлять, игнорировать некоторые звуки из окружающей среды. Во-вторых, он сам способен продуцировать их, обогащая эту среду. То есть эта среда подвижна, но в то же время может быть «схвачена» и описана.

Хотя представление о звуковом ландшафте сложилось раньше, терминологический статус сочетание «звуковой ландшафт» приобрело благодаря Р.М. Шейферу в 1969 г. Изучению звукового ландшафта была посвящена его монография «Звуковой ландшафт: наша звуковая окружающая среда и звуковая настройка мира».

Определяя границы термина, Р.М. Шейфер отмечает, что «звуковой ландшафт представляет собой акустическое поле любого исследования», подразумевая, что если исследователь имеет дело со средой, в которой есть звук, то он имеет дело со звуковым ландшафтом [12, с. 7]. Звуковой ландшафт определяется для него, прежде всего, тем, что он указывает на значимость звуков – в силу их «индивидуальности», «бесчисленности» и «преобладания» [12, с. 9].

Р.М. Шейфер стремился расширить рамки физикалистского подхода, хотя классификация звуков, представленная им, имела физикалистское обоснование и соотносилась с такими акустическими параметрами звука, как длительность, частота/масса, текучесть/зернистость, динамика [12, с. 136]. Однако в своем исследовании он также говорил о звуковом ландшафте и как об исторической ретроспективе, и как об элементе каждодневной реальности, и как об инструменте для изменения восприятия окружающей действительности.

Рассматривая звуки в их историко-географической ретроспективе, Р.М. Шейфер пришел к выводу, что «каждый естественный звуковой ландшафт имеет свое собственное уникальное звучание» [12, с. 26]. При этом звуки, характеризующие тот или иной ландшафт, могут быть настолько уникальны, что становятся своего рода «звуковыми метками» [12, с. 26]. На наш взгляд, такие «звуковые метки» помечают не только локус, но и хронос, характеризуя ту или иную эпоху.

Также Р.М. Шейфер обратил внимание на то, что некоторые звуки природы, будучи пережитыми человеком эстетически, имеют свойство становиться частью речи и музыки, музыкального мышления (пение птиц, жужжание насекомых, плеск воды и пр.).

Р.М. Шейферу принадлежит термин «звуковая стена». Сопоставляя с точки зрения звучности и звучания сельскую и городскую местность, исследователь приходит к выводу, что «деревня в большей степени точно воспроизводит звук, чем город», «деревня – это звуковой ландшафт высокой точности», в котором звуки «реже накладываются друг на друга» [12, с. 43]. Город в этом контексте – место постоянной звуковой интерференции. Более того, если «раньше стены существовали для изоляции звуков, сегодня звуковые стены существуют для изоляции» пространств [12, с. 96]. Звуковая стена, в сущности, определяет границы пространств. Звуковой ландшафт как урбанистическая категория начинает свой отсчет с исследований Р.М. Шейфера.

Исследователь стремится представить звук не только акустически, но и семиотически, и антропологически: в дальнейшем он демонстрирует, как звуки сельской местности, наделенные собственной сигнификацией,

трансформируются в городской среде, а также указывает на важность для человека звука и его отсутствия. В этом смысле исследование Р.М. Шейфера созвучно представлениям К. Леви-Стросса о шуме и тишине, как социальных сакрализованных категориях [4].

Не умаляя значимости исследований Р.М. Шейфера, отметим, что они имеют физикалистское обоснование, что в известной степени ограничивает восприятие звукового ландшафта и представление о нем. Вместе с тем, Р.М. Шейфер считается основоположником «акустической экологии», основная цель которой – найти способ нивелировать сильное акустическое воздействие на людей, проживающих в крупных городах.

Акустическая экология, или экология звука – отрасль исследования звука, сформировавшаяся в рамках физикалистского подхода к изучению звука и звукового ландшафта. Экологи звука обратили свое внимание на шумовое загрязнение, присущее крупным технологизированным пространствам, в частности, городу.

Выделяется порядка десяти источников шума на урбанизированных территориях, в том числе шум от различных видов транспорта, строительства и производства, а также шум селитебных территорий (шум по преимуществу антропогенной природы, связанный с действием спортивных и культурно-развлекательных объектов инфраструктуры) [1, с. 300].

Экология звука фундирована исследованиями, посвященными деструктивному биологическому воздействию вибрации, звука, шума на живые организмы. Так, оценивая влияние научно-технической революции XX в., С.Н. Романов обращает внимание на парадоксальность современного ему мира: «жизненно необходимые факторы среды – звук и вибрация – становятся источником патологии, угрожая биологическому благополучию человека» [6, с. 5].

Более того, нозологи к концу XX в. констатировали существование двух новых болезней, имеющих профессиональную этиологию: вибрационной и шумовой. Эти болезни вызваны длительным воздействием вибрации или шума как общебиологических раздражителей, как правило, в условиях производства. Безусловно, урбанизированные территории могут быть приравнены к территориям, опасным для длительного шумового воздействия.

Один из теоретиков экологии звука, Б. Труэкс, исследуя городскую среду, отмечал, что шум приобрел широкую зону влияния, перестав быть просто акустической характеристикой звука. Шум, по его словам, стал «политической проблемой, вопросом окружающей среды, экономическим фактором, фактором риска для здоровья, основанием для судебных исков, <…> злободневной темой» [16, с. 85]. Б. Труэкс даёт краткое определение шуму в новых условиях жизни и с точки зрения фигуры слушателя: прежде всего, это «нежелательный звук» [16, с. 86].

Шум оказывает интрузивное и деструктивное воздействие на живые организмы. Он является нежелательным, поскольку нарушает привычные границы человека, становясь объектом его слуха. Однако речь идет не обо всех шумах: в ходе эволюционного развития сформировался механизм адаптации ко многим шумам абиотического и биотического происхождения. Шумы техногенного свойства нередко превышают допустимый для человеческого уха уровень звука, поэтому их и относят к раздражителям, загрязняющим приемлемый акустический фон, создающим шумовое загрязнение.

Термин «шумовое загрязнение» входит в научный обиход инженерных экологов, проводящих шумовой мониторинг урбанизированных территорий с целью приведения уровня шума в соответствие с нормами.

Таким образом, звук и его разновидность – шум – в оптике физикалистского подхода рассматриваются с точки зрения квантитативных характеристик и влияния на живые организмы. Однако в названных нами исследованиях М. Сауфворфа, М. Перкинса, Р.М. Шейфера, Б. Труэкса, а также в других исследованиях обозначаются важные идеи, которые обнаруживают противоречивость исключительно физикалистского подхода к звуку и звуковому ландшафту.

Прежде всего, речь идет о фигуре слушателя: звуки, в том числе шум, не просто слышатся человеком, они слушаются им. Слушатель в этом контексте – активный субъект. Слушатель может применять разные виды слушания, чтобы проанализировать звуковой объект, в том числе каузальное слушание, в процессе которого анализируется источник звука; семиотическое слушание, обнаруживающее значение конкретного звука и его коннотативное восприятие слушателем; редуцирующее слушание, направленное на выявление специфических акустических характеристик звука, в том числе выраженных метафорически.

Интересный вид слушания предлагает применять М. Шион, один из главных теоретиков sound studies, а именно «эрго-слушание», которое характерно для того, «кто одновременно в той или иной форме является источником того, что он слышит» [10, с. 122]. Иными словами, эрго-слушание направлено на «схватывание» звуков, в том числе шумов, производимых объектом-источником звука, при этом оно осуществляется этим объектом. По словам исследователя, человеку свойственно не осознавать, насколько интенсивен, интрузивен и деструктивен производимый им самим и устройствами, используемыми им в его деятельности, шум [10, с. 122–123].

Немаловажным является и процесс, получивший в звуковых практиках и исследованиях Р.М. Шейфера название «очищение слуха». Это процедура, необходимая для осознанного слушания, в сущности, настройка собственного слуха на внешнюю акустическую среду, предполагающая реализацию разных видов слушания и попытку «расщепить» звуки, интерферированные в каком-либо пространстве.

Наконец, исследования, лежащие в сфере акустической экологии, обнаруживают дискуссионный характер восприятия понятия «шум». Шумы имеют разную природу и по-разному воспринимаются живыми организмами. Шумы, как правило, маркированы как нежелательный звук. Из этого следует, что звуки могут иметь характер желательности/нежелательности. Шумы антропогенной и техногенной природы могут вызывать чувство интрузии у человека. Это значит, что шум семантизируется: как отмечает К. Кокс, «присутствие шума имеет смысл, создает значение. Оно делает возможным создание нового порядка на другом уровне организации, нового кода в другой сети» [2, с. 77]. Шумы перестают быть объектом без какого-либо сигнификата, они входят в зону нашего внимания и осмысления.

Физикалистская оптика в силу того, что в этой системе звук замкнут на самом себе, становится резонансной для дальнейших звуковых исследований. Исследователи обращают внимание на источники звука и на субъекты звукового восприятия – не только в контексте раздражения их рецепторов, но и в контексте осмысления ими семантической природы звука, влияния звуков на формирование их картины мира. По словам А. Рясова, одной из главных особенностей звукового ландшафта является «социологическая оптика, позволяющая осмыслить роль окружающих звуков в мироощущении человека» [8, с. 62]. И это наиболее очевидно в урбанизированных

звуковых ландшафтах, поскольку концентрация звука в них гораздо выше.

Более того, звуковой городской ландшафт начинают рассматривать не только в рамках его способности аккумулировать знания человека об окружающей действительности, но и создавать звуковой образ города, рассматриваемого уже в качестве арт-объекта. В таком разрезе, в частности, представлен город в работе С.Ю. Румянцева «Книга тишины. Звуковой образ города», где шум становится направляющим для формирования образа города вектором [7, с. 64].

Сегодня звуковой ландшафт города изучается с позиций различных подходов, которые можно обозначить единым направлением «философия звука». Однако формирование этой широкой методологии невозможно представить себе без первоначального рассмотрения звука и звукового ландшафта города в оптике физикалистского подхода. Именно физикалистский подход, становясь научным обоснованием имеющегося воздействия той или иной акустической среды на человека, обусловливает развитие новых оптик, разрывающих замкнутость звука на самом себе, переводя фокус с раздражения на слушание, в котором звук обретает объектность.

Литература

1. Васильев А.В. Шумовая безопасность урбанизированных территорий // Известия Самарского научного центра. РАН. 2014. № 1–1. С. 299–305.
2. Кокс, К. Звуковой поток. Звук, искусство и метафизика / Кристоф Кокс; пер. с англ. Н. Сафонова. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 304 с.
3. Кочнев, А.П. Гармония архитектуры и акустики, «ЛитРес: Самиздат», 2016. 262 с.
4. Леви-Стросс, К. Мифологики. В 4-х тт. Том 1. Сырое и приготовленное. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. 406 с.
5. Майорова, К.С. Urban sound Studies: новые горизонты городских исследований // Городские исследования и практики. 2017. № 4. С. 11–19.
6. Романов, С.Н. Биологическое действие вибрации и звука: Парадоксы и проблемы XX века. Л.: Наука, 1991. 158 с.
7. Румянцев С.Ю. Книга тишины. Звуковой образ города / Сергей Румянцев. М.: Бослен, 2022. 304 с.
8. Рясов, А. Едва слышный гул. Введение в философию звука / Анатолий Рясов. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 184 с.
9. Суровягин, Д.П. Физикалистский редукционизм Рудольфа Карнапа // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. № 2. С. 87–97.
10. Шион, М. Звук: слушать, слышать, наблюдать / Мишель Шион; пер. с франц. И. Кушнаревой. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 312 с.
11. Perkins M. Sensing the World, Indianapolis, Hackett. 1983.
12. Schafer, R.M. The soundscape: our sonic environment and the tuning of the world, New York: Knopf. 1994. 305 p.
13. Southworth, M.F. The Sonic Environment of cities. Master degree dissertation. Mass. Inst. of Technology. June, 1967. 94 p.
14. Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive [Электронный ресурс]. URL: https://plato.stanford.edu/archives/spr2020/entries/sounds/ (дата обращения: 10.02.2024).
15. Till, R. Sound archaeology: terminology, Palaeolithic cave art and the soundscape // World archaeology. L., 2014. Vol. 46. P. 292–304.
16. Truax, B. Acoustic Communication. Simon Fraser University. Burnaby, British Columbia, Canada. Ablex Publishing Corp., 1984. 244 p.

UNDERSTANDING THE PHENOMENON OF THE CITY SOUNDSCAPE FROM THE PERSPECTIVE OF A PHYSICALIST APPROACH

Mikhailova O.A.
UrFU named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The soundscape of the city as an independent object of study has attracted attention since the formation of sound studies in the humanities. The sounds of the surrounding reality, acting as an organizing force, form not only acoustic spaces and soundscapes, but also our ideas about them. This leads to many contradictory approaches to the study of sound and the soundscape. In the article, the urban soundscape is proposed to be considered in the optics of the physicalist approach. Referring to the works about sound studies, the author reviews the history of the introduction of the term “soundscape” into scientific circulation and characterizes such a branch of science as acoustic ecology (ecoacoustics, ecology of sound). In this context, the phenomenon of noise pollution and the intrusive effects of noise on humans are understood. The contradictions arising in the studies representing the urban soundscape in physicalist optics are demonstrated. It is concluded that the physicalist approach to sound research creates resonance for the further development of this direction and lays the foundation for the formation of other approaches to understanding sound and the urban soundscape.

Keywords: sound studies, urban soundscape, physicalist approach to sound, ecology of sound, acoustic ecology, noise pollution.

References

1. Vasiliev A.V. Noise safety of urbanized territories // Proceedings of the Samara Scientific Center. RAN. 2014. No. 1–1. pp. 299–305.
2. Cox, K. Sound stream. Sound, art and metaphysics / Christophe Cox; translated from English by N. Safonov. M.: New Literary Review, 2022. 304 p.
3. Kochnev, A.P. Harmony of architecture and acoustics, “LitRes: Samizdat”, 2016. 262 p.
4. Levi-Strauss, K. Mythologiki. In 4 tt. Volume 1. Raw and cooked. M.; St. Petersburg: University Book, 1999. 406 p.
5. Mayorova, K.S. Urban sound Studies: new horizons of urban research // Urban research and practice. 2017. No. 4. pp. 11–19.
6. Romanov, S.N. Biological effect of vibration and sound: Paradoxes and problems of the twentieth century. L.: Nauka, 1991. 158 p.
7. Rumyantsev S.Y. The Book of Silence. The sound image of the city / Sergey Rumyantsev. M.: Boslen, 2022. 304 p.
8. Ryasov, A. Barely audible hum. Introduction to the philosophy of sound / Anatoly Ryasov, M.: New Literary Review, 2021. 184 p.
9. Surovyagin, D.P. The physicalist reductionism of Rudolf Carnap // Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2012. No. 2. pp. 87–97.
10. Shion, M. Sound: listen, hear, observe / Michel Shion; trans. with Frantz. I. Kushnareva. 2nd ed. Moscow: New Literary Review, 2023. 312 p.
11. Perkins M. Sensing the World, Indianapolis, Hackett. 1983.
12. Schafer, R.M. The soundscape: our sonic environment and the tuning of the world, New York: Knopf. 1994. 305 p.
13. Southworth, M.F. The Sonic Environment of cities. Master degree dissertation. Mass. Inst. of Technology. June, 1967. 94 p.
14. Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive [Electronic resource]. URL: https://plato.stanford.edu/archives/spr2020/entries/sounds / (accessed: 02/10/2024).
15. Till, R. Sound archaeology: terminology, Palaeolithic cave art and the soundscape // World archaeology. L., 2014. Vol. 46. P. 292–304.
16. Truax, B. Acoustic Communication. Simon Fraser University. Burnaby, British Columbia, Canada. Ablex Publishing Corp., 1984. 244 p.

Концепт «цивилизация» в социально-политической философии Ф.И. Тютчева

Мишечкин Геннадий Валерьевич,
к.и.н., доцент, доцент кафедры туризма ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»
E-mail: mishechkin2213@mail.ru

В статье анализируется использование и семантическое наполнение концепта «цивилизация» в публицистических произведениях и эпистолярном наследии выдающегося русского поэта, дипломата и геополитика Ф.И. Тютчева. Русский философ чаще всего использовал термин «цивилизация» применимо к Западу (в большей степени к Западной Европе). В целом, семантическое наполнение концепта «цивилизации» в публицистике и эпистолярном наследии Ф.И. Тютчева можно представить следующим образом: претензия на Вселенскость церкви, ересь и безверие, прозелитизм, стремление доминировать, ложь и лицемерие, проникновение антихристианского начала, крайний индивидуализм и эгоизм, самовластие человека, замена Бога человеком как верховным судьей, Революция как итог и религия современного государства. Выдающийся русский мыслитель противопоставлял цивилизации Россию и видел важнейшее отличие России от цивилизации Запада в том, что русские люди являются христианами не только в силу своих православных верований, но и благодаря таким основам нравственной природы русского человека как самоотречение и самопожертвование. В данном контексте мысли русского философа чрезвычайно актуальны, в полной мере применимы к анализу современной геополитической ситуации в мире

Ключевые слова: концепт, цивилизация, Ф.И. Тютчев, социально-политическая философия, Россия, Запад, революция.

Современный мир развивается стремительно. Наряду с позитивными изменениями, к сожалению, появляется все больше фактов, свидетельствующих о столкновении между цивилизациями. Однозначного подхода к объяснению термина «цивилизация» на сегодняшний день не существует. В XIX веке в российской социально-политической философии часто использовался данный термин. Он также употреблялся в публицистических произведениях и эпистолярном наследии выдающегося русского поэта, дипломата и геополитика Федора Ивановича Тютчева. Не представляется возможным в небольшом по объему исследовании дать полный историографический обзор по проблеме использования и семантического наполнения концепта «цивилизация» в социально-политической философии Ф.И. Тютчева. Упомянем публикации Е.П. Ананьевой, Ф.С. Кандроковой, В.В. Кожинова, Е.В Линьковой, Н.П. Мониной, Н.В. Поляковой, Е.В. Рубцовой, П.Н. Толстогузова, В.Л. Цымбурского, на которые автор опирался в работе [1–9].

Учитывая вышесказанное, в работе поставлена цель: проанализировать семантическое наполнение концепта «цивилизация» в социально-политической философии Ф.И. Тютчева, опираясь, в первую очередь на его публицистические произведения и эпистолярное наследие.

С позиции социально-политической философии, «цивилизация» – сложное многогранное понятие, характеризующее взаимосвязь духовно-культурного и материально-технического развития общества. Оно имеет собственные проекции в различных областях знания.

Зафиксируем, что в данном исследовании под понятием «цивилизация» подразумевается соответствующий качественный и количественный уровень развития социально-культурной общности, который способствует реализации и воспроизводству материальных и духовных сил на определенной территории в тот или иной исторический период.

Следует сразу отметить, что Ф.И. Тютчев чаще всего использовал термин «цивилизация» применимо к Западу (в большей степени к Западной Европе). Более того, в письме к П.А. Вяземскому в марте 1848 г. он категорично замечает: «…мы принуждены называть Европой то, что никогда не должно бы иметь другого имени, кроме своего собственного: Цивилизация. Вот в чем кроется для нас источник бесконечных заблуждений и неизбежных недоразумений» [10, с. 444].

По мнению русского мыслителя, одно из важнейших смысловых наполнений концепта «цивилизация» и имеющих непосредственное отношение к Западу: претензия на Вселенскость западнохристианской церкви, но при этом доминирование ереси и безверия как плодов «многовековой деспотии Римского престола» [11, с. 131].

Указанный выше аспект тесно связан с прозелитизмом, присущим цивилизации Запада. Тютчев подчеркивал тот факт, что Запад считает незападные общества не имеющими право на достойное существование [11, с. 135].

Обозначенные две смысловые характеристики Запада как цивилизации в полной мере свидетельствуют о стремлении его к господству [11, с. 138]. С точки зрения русского философа, это стремление стало все более явным с XIII века – одного из ключевых столетий

в развитии Европы. Тютчев обращал внимание на то, что господство Запада выражалось в разных формах: прямой захват чужих земель, «создание малых незаконнорожденных народностей», «пустых, весьма лживых и лицемерных призраков» [11, с. 135–138]. В частности, он считал основной причиной погибели Польши не саму польскую народность, а ценности навязанной «ложной цивилизации» [11, с. 119]. По меткому замечанию В.Л. Цымбурского, «Тютчев предельно заостренно поставил вопрос о цивилизационном статусе восточноевропейских народов», живущих между Россией и Западом. Русский философ затронул проблему наличия у цивилизаций, «помимо опорных этногеографических ядер, также обширных периферий, образующих переходные континуумы между цивилизациями» [9, с. 90].

Крайний индивидуализм и эгоизм – характерные черты цивилизации Запада. Тютчев видел опасность в их дальнейшем распространении: «Человеческое *я* [*выделено в тексте* – М.Г.В.], желающее зависеть лишь от самого себя, не признающее и не принимающее другого закона, кроме собственного волеизъявления» [11, с. 145]. В конечном итоге, это человеческое «я» заменит собой Бога, станет новым «самовластием» и «овладеет обществом». Все это новшество, по мысли Тютчева, «и получило в 1789 году имя Французской революции» [11, с. 145].

В публицистических трудах и письмах русский мыслитель часто пишет понятие «революция» с заглавной буквы. Именно «революция» выступает одним из ключевых семантических наполнений, характеризующим «цивилизацию». Отменяя все государственные религии, «Современное Государство» имеет свою собственную религию – «Революцию» [11, с. 167]. Последняя, по Тютчеву, является закономерным итогом развития современной (западной) цивилизации [11, с. 186]. В письме к К. Пфеффелю (март 1848 г.) Тютчев более прямолинеен в отношении взаимосвязи «революции» и «цивилизации»: «Революция, последнее слово ложной в своих основах цивилизации, которую нам хотелось считать *болезнью роста* [*выделено в тексте письма* – М.Г.В.], является на самом деле *раковой опухолью* [*выделено в тексте письма* – М.Г.В.] [10, с. 442].

На наш взгляд, верно подмечено исследователями, в частности Н.В. Поляковой, что Тютчев интересовался революциями не в узко прикладном смысле, а в политико-философском, пытаясь определить онтологическую суть происходивших событий, увидеть общее во всем их многообразии. Под революцией он «подразумевал идею, возведенную человеческим разумом в политическое право, в принцип, в определяющий фактор общественного развития, даже в объект религиозного культа» [6, с. 227].

С точки зрения русского философа, «большую помощь» революционному началу цивилизации Запада оказала Реформация, которая началась в XVI веке, и способствовала становлению немецкого революционного сознания [10, с. 448]. К тому же, именно протестантизм проделал «брешь», через которую в западную цивилизацию проникло антихристианское начало [11, с. 164]. Реформация явилась логическим продолжением линии католической церкви, направленной на приоритет и доминирование земных интересов, на дальнейшую трансформацию Запада [5, с. 100].

Констатируя банкротство цивилизации Запада и указывая на революционные события 1848 года, Федор Иванович задается вопросом: «Но разве современная цивилизация, либеральная цивилизация Запада сохранила и защитила себя от нападавших врагов с помощью своих собственных сил и законного оружия?» [11, с. 182].

В публицистических трудах и эпистолярном наследии Тютчева «цивилизации» и «революции» противопоставляется Россия, представляющая собой «мир, только начинающий осознавать основополагающее начало собственного бытия» [11, с. 130]. Философ указывал на то, что именно враждебность цивилизации Запада вынудила «нас углубиться в самих себя… А для общества, так же как и для отдельной личности – первое условие всякого прогресса есть самопознание» [10, с. 445]. Именно через борьбу с Западом и должна произойти самоидентификация России [2, с. 29].

Россия не называется Тютчевым цивилизацией, а чаще всего обозначается как Восточная Империя, Другая Европа, Христов алтарь, Всеславянская монархия и т.д. П.Н. Толстогузов отмечал, что у «русского де Местра» «умозрительный облик «всеславянской» монархии» противостоял реальному русскому самодержавию и нигилистическому образу мысли [8, с. 80]. Справедливости ради следует заметить, что мыслитель, выступая против бездуховности власти и отклонений, был последовательным апологетом самодержавия [7, с. 1222].

В письме П.А. Вяземскому (март 1850 г.) Ф.И. Тютчев прямо говорил об ошибочности выбранного русскими умами «прозападного» пути развития для России [12, с. 16]. Он утверждал, что рабское следование по пути, проторенному западной цивилизацией, «впитывание» западного воинствующего нигилизма – это далеко не все негативные последствия прозападной ориентации российского интеллектуального сообщества [4, с. 131].

Выдающийся русский мыслитель подчеркивал важнейшее отличие России от цивилизации Запада: русские люди являются христианами не только в силу своих православных верований, но и благодаря таким основам нравственной природы русского человека как самоотречение и самопожертвование [11, с. 144]. Для Тютчева самобытность и самостоятельность Отечества – залог будущего развития и основа диалога с Западом [1, с. 51].

Таким образом, на основе анализа публицистических произведений и эпистолярного наследия Ф.И. Тютчева семантическое наполнение концепта «цивилизация» можно представить в следующем виде: Запад (Западная Европа), претензия на Вселенскость церкви, ересь и безверие, прозелитизм, стремление доминировать, ложь и лицемерие, проникновение антихристианского начала, крайний индивидуализм и эгоизм, самовластие человека, замена Бога человеком как верховным судьей, Революция как итог и религия современного государства. По мнению Тютчева, именно Россия выступает антиподом цивилизации, и благодаря внутренним качествам русского народа, способна выстоять в противостоянии с Западом. На наш взгляд, в данном контексте мысли русского мыслителя актуальны, к ним стоит прислушаться, перестать надеяться на улучшение взаимоотношений с Западом, для которого, как показывает история, дружба представляет собой сиюминутную выгоду и ничего больше.

Литература

1. Ананьева Е.П. Прогностическая сила публицистики: Ф.И. Тютчев о цивилизационной роли России // Ломоносовские чтения. Материалы ежегодной научной конференции. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Филиал в г. Севастополе, Севастополь, 14–22 апреля 2022 года, 2022. С. 50–51.
2. Кандрокова Ф.С. Проблема «Россия и Европа» в мировоззрении Ф.И. Тютчева // Вестник Красно-

дарского государственного института культуры. 2019. № 1 (18). С. 27–32.
3. Кожинов В.В. Пророк в своём отечестве: Федор Тютчев – история России век XIX-ый. – Москва: Алгоритм, 2001. – 411 с.
4. Линькова Е.В. Ф.И. Тютчев: становление национального консерватизма: Монография. – М.: РУДН, 2010. – 289 с.
5. Монина Н.П. Тема кризиса западной цивилизации в историософии Ф.И. Тютчева и Н.А. Бердяева // Культурная жизнь Юга России. 2020. № 3(78). С. 97–103.
6. Полякова Н.В. Политико-философская концепция революции: Ж. де Местр и Ф.И. Тютчев // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. Вып. 3. С. 226–236. https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2017.303
7. Рубцова Е.В. Философские и политические взгляды Ф.И. Тютчева и их проекция в публицистике и общественно-государственной деятельности // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. Филологические науки. 2016. № 11. С. 1218–1222.
8. Толстогузов П.Н. Политическая лирика Тютчева как бесспорное наследие // «Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема». 2016. № 2(23). С. 76–84.
9. Цымбурский В.Л. Тютчев как геополитик // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 86–98.
10. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т. 4 / Сост. Л.В. Гладкова. – М.: Издательский Центр «Классика», 2004. – 624 с.
11. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т. 3 / Сост. Б.Н. Тарасов. – М.: Издательский Центр «Классика», 2003. – 528 с.
12. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-тн томах. Т. 5 / Сост. Н.И. Цимбаев. – М.: Издательский Центр «Классика». 2005. – 496 с.

THE CONCEPT OF "CIVILIZATION" IN F.I. TYUTCHEV'S SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

Mishechkin G.V.
Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

The usage and semantic content of the concept of "civilization" in the journalistic works and epistolary heritage of the outstanding Russian poet, diplomat and geopolitician F.I. Tyutchev is analyzed in the article. The Russian philosopher most often used the term "civilization" applicable to the West (to a greater extent to Western Europe). In general, the semantic content of the concept of "civilization" in the journalism and epistolary heritage of F.I. Tyutchev can be represented as follows: the claim to the Universality of the church, heresy and lack of faith, proselytism, the desire to dominate, lies and hypocrisy, the penetration of the anti-Christian principle, extreme individualism and egoism, the autocracy of man, the replacement of God by man as the supreme judge, Revolution as a result, the religion of the modern state. Outstanding Russian thinker opposed civilization to Russia and saw the most important difference between Russia and the civilization of the West in the fact that Russian people are Christians not only because of their Orthodox beliefs, but also because of such foundations of the moral nature of the Russian people as self-denial and self-sacrifice. In this context, the thoughts of the Russian philosopher are extremely relevant, fully applicable to the analysis of the current geopolitical situation in the world.

Keywords: concept, civilization, F.I. Tyutchev, social and political philosophy, Russia, West, revolution.

References

1. Ananyeva E.P. The prognostic power of journalism: F.I. Tyutchev on the civilizational role of Russia // Lomonosov Readings. Proceedings of the annual scientific conference. Moscow State University named after. M.V. Lomonosov, Branch in Sevastopol, Sevastopol, April 14–22, 2022, 2022. pp. 50–51.
2. Kandrokova F.S. The problem of "Russia and Europe" in the worldview of F.I. Tyutcheva // Bulletin of the Krasnodar State Institute of Culture. 2019. No. 1 (18). pp. 27–32.
3. Kozhinov V.V. A prophet in his fatherland: Fyodor Tyutchev – history of Russia, 19th century. – Moscow: Algorithm, 2001. – 411 p.
4. Linkova E.V. F.I. Tyutchev: the formation of national conservatism: Monograph. – M.: RUDN, 2010. – 289 p.
5. Monina N.P. The theme of the crisis of Western civilization in the historiosophy of F.I. Tyutchev and N.A. Berdyaeva // Cultural life of the South of Russia. 2020. No. 3(78). pp. 97–103.
6. Polyakova N.V. Political and philosophical concept of revolution: J. de Maistre and F.I. Tyutchev // Bulletin of St. Petersburg State University. Political science. International relationships. 2017. T. 10. Issue. 3. pp. 226–236. https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2017.303
7. Rubtsova E.V. Philosophical and political views of F.I. Tyutchev and their projection in journalism and public and state activities // International Journal of Applied and Fundamental Research. Philological sciences. 2016. No. 11. pp. 1218–1222.
8. Tolstoguzov P.N. Tyutchev's political lyrics as an indisputable heritage // "Bulletin of the Amur State University named after. Sholom Aleichem." 2016. No. 2(23). pp. 76–84.
9. Tsymbursky V.L. Tyutchev as a geopolitician // Social sciences and modernity. 1995. No. 6. pp. 86–98.
10. Tyutchev F.I. Full composition of writings. Letters. In 6 volumes. T. 4 / Comp. L.V. Gladkova. – M.: Publishing Center "Classics", 2004. – 624 p.
11. Tyutchev F.I. Full composition of writings. Letters. In 6 volumes. T. 3 / Comp. B.N. Tarasov. – M.: Publishing Center "Classics", 2003. – 528 p.
12. Tyutchev F.I. Full composition of writings. Letters. In 6 volumes. T. 5 / Comp. N.I. Tsimbaev. – M.: Publishing Center "Classics". 2005. – 496 p.

Роль кодекса чести «бусидо» в традиционной духовной культуре Японии

Мышко Екатерина Федоровна,
аспирант кафедры философии ГУУ
E-mail: ekaterinafedorovna.m@yandex.ru

Захаров Михаил Юрьевич,
д.ф.н., профессор, зав. кафедрой философии ГУУ
E-mail: my_zakharov@guu.ru

Настоящая статья посвящена концепции бусидо – кодексу чести самураев, который оказал влияние на многие аспекты японской культуры и философии. В статье рассматривается историческое развитие бусидо, его основные принципы и этические нормы, а также исследуется, как данные идеалы сохраняют своё значение в современном японском обществе. Предпринята попытка описать, как концепция бусидо повлияла на восприятие смерти как социокультурного феномена в философии Японии.

Ключевые слова: японская философия; японская культура; кодекс чести «Бусидо»; наука о смерти; самурай; традиция.

Введение

В японском обществе суицид издревле являлся высшим доказательством лояльности власти и преданности долгу. Темой самоубийства искусно манипулировали как при феодализме, так и при милитаризме времен Второй мировой войны. Смерть (особенно в результате суицида) до сих пор романтизируется в японской культуре. Современные механизмы работы массового сознания идентичны тем, что были актуальны в прошлом, а прошлое возвращает нас к традиции бусидо.

Бусидо, путь война, – это термин, описывающий принципы поведения профессиональных японских воинов в X и XI веках. В течение ста лет они стали правящей элитой Японии и оставались таковой до 1868 года [10, с. 44]. В более широком смысле термин бусидо может также означать воинственный дух японского народа, который проявлялся даже в военных костюмах некоторых фигурок ханива (японские керамические скульптуры периода Кофун в виде цилиндрических труб, посуды, животных и людей, которые устанавливались на вершинах курганов – могил древнеяпонских монархов и аристократов) и который глубоко укоренился в японской социальной психологии и философии.

Историческая справка

Истинная эпоха воинов буси длилась с X века до эпохи правления династии Токугава в начале 1600-х годов. В относительно мирную эпоху Эдо, буси были профессиональными воинами, которым, однако, чаще всего сражаться не приходилось. Но именно в период Эдо дух воина буси был плавно интегрирован в японское общество и стал образом мысли людей. Японцы того времени были воспитаны в лояльности феодализму и были преданы идее умереть, если необходимо, за строй и своего господина. Именно вышеназванный опыт подготовил японскую нацию к эпохе Мэйдзи.

Кодекс бусидо был этическим кодексом феодального общества, классовой этикой. Окончательной версией кодекса войнов буси является Сенджинкун, военный кодекс японской императорской армии, изданный в 1882 году.

Кодекс поведения Имперской армии, изданный генералом Хидэки Тодзио в 1941 году, обычно воспринимается как документ, прямо призывающий к тому, что американцы называли банзай-атаками со стороны пилотов-камикадзе [5]. Однако те идеалы, которые провозглашались японскими генералами во время Второй мировой войны, – хранить свое имя в чистоте, а не выживать в позоре, – основываются именно на кодексе войнов буси.

Бусидо и религия

Когда приблизительно в восьмом веке (в период Нара) буддизм пришел в Японию, в японском языке появились два слова, которые были призваны провести границу между местной традицией и недавно импортированной. Одно из них – буцудо (путь Будды), а другое – синдо (обычно произносится как синто: путь ками). Китайский иероглиф «道» также произносится как «мити» и обозначает дорогу или тропу через поля, а его использование в ранней китай-

ской мысли раскрывает нам более полную философскую картину. Центральным понятием китайской философской школы, известной как даосизм, является категория дао, представленная тем же китайским иероглифом, который произносится как «до» в японском языке [7].

Термин дао, вероятно, имел столь же разносторонний диапазон значений, как и греческое понятие логоса. Традиция конфуцианства, упомянутая ранее, говорила о Небесном Пути. Опять же, использовался термин «до». Различие «путей» было призвано передать разницу в системе и мировоззрении, которые западные умы считали философскими, теологическими или этическими. В случае японской мысли, трудно провести конкретные различия с какой-либо степенью окончательности, однако подразумеваются все три аспекта. Идея вышеназванных терминов заключалась в системе верований, которая давала бы ответы на общие вопросы о человечестве и мироздании, а также в наборе дисциплин или практик, вытекающих из них. Поэтому говорить о бусидо как о «философии воина» не значит использовать термин «философия» в том широком смысле, в котором люди говорят о «философии жизни».

Смысл бусидо – в лицезрении смерти

Самый известный отдельный текст бусидо – это трактат о кодексе чести самурая, который обычно называют «Хагакурэ» [2]. Он также известен в народе как «Набэсима ронго» («Афоризмы Набэсима») и был написан около 1716 года.

В этом трактате мы можем найти такие строки:

«武士道と云ふは死ぬ事と見付けたり»

Их нелегко перевести на русский язык дословно, но по сути данная фраза означает, что философия воина – это философия умирания.

Принцип подчиненности идеалу верности настолько прочно укоренен в японском обществе, что от зарождения чувства возмущения до завершения акта мести возникновение любого интеллектуального процесса было бы лишь помехой. Это подтверждается в таких обстоятельствах языком, обычно используемым для описания поведения самураев. Часто используется термин

«武者振り» (мусябури), что означает силу, доблесть или храбрость. Глагольная форма むしゃぶりつく (мусябурицуку), означающая «дрожать от волнения» или «достичь точки, в которой импульсы и спонтанность берут полный контроль», также является глаголом, используемым для описания того, каким образом и в каком эмоциональном состоянии воин буси должен вступить в бой.

Концепция «сину кото» имеет как эмоциональное, так и морально-нравственное содержание. Эта концепция включала в себя не просто готовность умереть, но и позицию мгновенного ответа на возникшую ситуацию, что в религиозном смысле зачастую подразумевало самоубийство [6, с. 228]. Именно в этой точке мы можем наблюдать крайне шаткое положение отдельно взятой личности в японской истории и философии, а также тенденцию ставить интересы общества выше индивидуальности, несмотря на процессы «демократизации». Цитата из Хагакуре подкрепляет вышеизложенные положения:

«Я постиг, что Путь Самурая – это смерть. В ситуации «или–или» без колебаний выбирай смерть. Это нетрудно. Исполнись решимости и действуй. Только малодушные оправдывают себя рассуждениями о том, что умереть, не достигнув цели, означает умереть собачьей смертью. Сделать правильный выбор в ситуации «или–или» практически невозможно. Все мы желаем жить, и поэтому неудивительно, что каждый пытается найти оправдание, чтобы не умирать. Но если человек не достиг цели и продолжает жить, он проявляет малодушие. Он поступает недостойно. Если же он не достиг цели и умер, это действительно фанатизм и собачья смерть. Но в этом нет ничего постыдного. Такая смерть есть Путь Самурая. Если каждое утро и каждый вечер ты будешь готовить себя к смерти и сможешь жить так, словно твое тело уже умерло, ты станешь Подлинным самураем. Тогда вся твоя жизнь будет безупречной, и ты преуспеешь на своем поприще» [2].

Необходимо также отметить, что философия буси была тесно связана с дзэн-буддизмом, который, по мнению самураев, особенно способствовал достижению именно того состояния ума, который необходим для выполнения своих обязанностей. Действительно, перед битвой японские воины часто совершали ритуал чайной церемонии так же, как и христианские рыцари совершали церковные обряды перед битвами. Разница заключается в том, что целью проведения чайной церемонии было освобождение разума от аргументов и противоречий, которые могли бы помешать спонтанному и славному концу (самоубийству). Центральные понятия дзэн включали отрицание реальности «я» и важности «ку», то есть «ничто» или «не-я» [9].

Союз бусидо и дзэн-буддизма является аспектом японской культурной истории и философии, который требует дальнейшего изучения. Фактически, связь дзэн-буддизма с боевыми искусствами (восходящая к временам встречи буддизма и даосизма в Китае) кажется совершенно нетипичной для буддийской философии. Тем не менее, она существовала и остается еще одной важной частью ритуальных атрибутов самоубийства в японской традиции. Следует также упомянуть, что большинство «казней» сеппуку происходило в буддийских храмах, которые придерживались ценностей буси.

Имеет ли воин право любить?

Связь идеи ритуального самоубийства с военной традицией в Японии не подлежит сомнению. Она отражена в классике кодекса чести воина буси и подкреплена религией. И хотя ценности бусидо эксплуатировались в милитаризме периода эпохи Мэйдзи и Сёва, было бы совершенно неправильно сказать, что они полностью исчезли. Влияние затянувшегося феодализма можно по-прежнему обнаружить на многие сферы современной японской жизни.

Конечно, смерть – это риск, которому подвергается воин любой цивилизации и эпохи, а боевая слава зависит от победы, которой невозможно достичь без риска. Смерть – наивысший риск, и поэтому воин всегда должен быть готов встретить смерть. Но все-таки японский воин видел смерть в ином свете, чем его западный «коллега». Для западного воина смерть была высшей формой поражения. Японский воин смотрел на вещи иначе. Плен мог означать ужасные страдания и унижения, а смерть, если смело встретить ее во имя своего господина, может означать победу. Если человека считали храбрым и преданным долгу, то не имело большого значения, выживет он или умрет, Семья будет защищена феодалом, а фамилия сохранится. Такое мышление привело к новой концепции смерти, лучше всего проиллюстрированной в «Хагакурэ» [2]. Японские самураи считали, что их жизнь не имеет большого значения, и поэтому были готовы умереть во имя господина, которому они служили.

Если вечные ценности Запада отражены в названии фильма «История любви», то в японской культуре нет

романтической истории, которая могла бы сравниться по популярности с историей о сорока семи ронинах, отомстивших за смерть своего хозяина, а затем совершивших массовое сеппуку. Истории о мести не популярны на Западе, поскольку они не входят в традиционные западные ценности, в отличие от Японии.

Любовные отношения любого рода в Японии считались опасными. Их считали отвлекающим фактором, ставящим под угрозу надлежащее выполнение служебных обязанностей. Если описания жизни самураев верны, в менталитете самураев было мало места для любви любого рода. У самурая могла быть жена. Возможно, у него была любовница. Но у него был также феодал-хозяин, который требовал от него глубочайшей преданности и верности. Любая страсть, которую самурай мог испытывать к женщинам, была по сути своей обречена.

Не отражает ли модель многих современных японских браков суровость этого идеала? Бизнесмены, которые проводят долгое время вдали от дома, демонстрируют преданность компании или организации и, вероятно, сублимируют своё желание любить и быть любимыми. По оценкам, 200 000 сотрудников компании в Японии живут отдельно от своих семей как «单身赴任» (тансин фунин, переводится как «одиночное назначение», долгосрочная командировка вдали от семьи). В древней Японии влюбиться в кого-то или установить какую-либо романтическую связь означало создать кризис «ниндзё-гири» (долг против человеческих чувств) неуправляемых масштабов [8]. Во многих случаях такие любовные связи заканчивались двойным самоубийством.

Самурайский взгляд на смерть был также обогащен влиянием китайского конфуцианства. Синтоизм считал смерть естественной, а буддизм добавил космическую подоплеку, чтобы объяснить ее в метафизических терминах.

Именно сложная комбинация бусидо и конфуцианства, обеспечившая основу современной милитаристской идеологии нации с 1868 по 1945 год, привела ее к практически к полному уничтожению, а также влияет на японское общество по сей день.

Заключение

Японская философия и кодекс бусидо тесно связаны, поскольку бусидо воплощает многие из основных принципов, которые пронизывают японскую философскую мысль. Бусидо представляет собой набор моральных принципов, которым следовали самураи. Эти принципы включают честь, долг, верность, мужество и сдержанность.

Японская философия, в свою очередь, сформирована под влиянием конфуцианства, даосизма и буддизма, а также уникального синтоистского взгляда на природу и человеческую жизнь. Конфуцианские идеи о долге и социальной иерархии, буддийские учения о самопожертвовании и даосистские принципы гармонии с природой нашли своё отражение в бусидо.

Бусидо не был зафиксирован в письменной форме до конца периода Эдо, но его корни уходят глубоко в историю Японии и являются отражением этих более ранних философских традиций. Самураи, следуя бусидо, стремились не только к военному мастерству, но и к развитию личной добродетели и мудрости, что согласуется с конфуцианскими и буддийскими идеалами. В современной Японии элементы бусидо продолжают влиять на общественные ценности и поведение, хотя и в менее формализованной форме.

Литература

1. Бусидо. Путь воина / Пер. И. Мизининой. – М.: Центрполиграф, 2018. – 160 с. – Текст: непосредственный.
2. Кодекс бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листве / Пер. А. Боченкова, В. Горбатько. – М.: Эксмо, 2004. – 432 с. – Текст: непосредственный.
3. Конрад Н.И. Очерк истории культуры средневековой Японии. – М.: Искусство, 1980. – 144 с. – Текст: непосредственный.
4. Краткий русско-японский фонетико-иероглифический словарь. – СПб.: Калининград, 2005. – 312 с. – Текст: непосредственный.
5. John, W.D. War without mercy: race and power in the pacific war / W.D. John. – New York: Pantheon Books, 1986. – 420 с. – Текст: непосредственный.
6. Kitaro, Nishida Intelligibility and the philosophy of nothingness: three philosophical essays / Nishida Kitaro. – Honolulu: East-West Center Press, 1966. – 251 с. – Текст: непосредственный.
7. Littleton, C. Scott Understanding Shinto: origins, beliefs, practices, festivals, spirits, sacred places / Scott C. – London: Duncan Baird Publishers, 2002. – 120 с. – Текст: непосредственный.
8. Minamoto, Ryoen Giri to Ninjo / Ryoen Minamoto. – Tokyo: Chuo Koran-sha, 1969. – 139 с. – Текст: непосредственный.
9. Furukawa Tasshi “The Individual in Japanese Ethics” ed. Moore The Japanese Mind. – Honolulu: East-West Center Press, University of Hawaii, 1967. – 228 с. – Текст: непосредственный.
10. Varley, H. Paul The Samurai / Paul H, I.M. Ivan, Morris Nobuko. – London: Pelican Books, 1970. – 109 с. – Текст: непосредственный.

THE ROLE OF THE CODE OF HONOR «BUSHIDO» IN THE TRADITIONAL SPIRITUAL CULTURE OF JAPAN

Myshko E.F., Zakharov M.Yu.
State University of Management

This article is devoted to the concept of bushido – the samurai code of honor, which influenced many aspects of Japanese culture and philosophy. The article examines the historical development of bushido, its basic principles and ethical standards, and examines how these ideals retain their significance in modern Japanese society. An attempt was made to describe how the concept of bushido influenced the perception of death as a sociocultural phenomenon in Japanese philosophy.

Keywords: Japanese philosophy; Japanese culture; code of honor «bushido»; death science; the samurai; tradition.

References

1. Bushido. The Warrior’s Path / Transl. I. Mizinina. – M.: Tsentrpoligraf, 2018. – 160 p. – Text: direct.
2. Code of Bushido. Hagakure. Hidden in the leaves / Transl. A. Bochenkova, V. Gorbatko. – M.: Eksmo, 2004. – 432 p. – Text: direct.
3. Konrad N.I. Essay on the history of culture of medieval Japan. – M.: Art, 1980. – 144 p. – Text: direct.
4. Concise Russian-Japanese phonetic-hieroglyphic dictionary. – St. Petersburg: Kaliningrad, 2005. – 312 p. – Text: direct.
5. John, W.D. War without mercy: race and power in the pacific war / W.D. John. – New York: Pantheon Books, 1986. – 420 p. – Text: direct.
6. Kitaro, Nishida Intelligibility and the philosophy of nothingness: three philosophical essays / Nishida Kitaro. – Honolulu: East-West Center Press, 1966. – 251 p. – Text: direct.
7. Littleton, C. Scott Understanding Shinto: origins, beliefs, practices, festivals, spirits, sacred places / Scott C. – London: Duncan Baird Publishers, 2002. – 120 p. – Text: direct.

8. Minamoto, Ryoen Giri to Ninjo / Ryoen Minamoto. – Tokyo: Chuo Koran-sha, 1969. – 139 p. – Text: direct.
9. Furukawa Tasshi “The Individual in Japanese Ethics” ed. Moore The Japanese Mind. – Honolulu: East-West Center Press, University of Hawaii, 1967. – 228 p. – Text: direct.
10. Varley, H. Paul. The Samurai / Paul H, I.M. Ivan, Morris Nobuko. – London: Pelican Books, 1970. – 109 p. – Text: direct.

Социально-философский анализ феномена одиночества эпохи метамодернизме в лирике 2000–2020-хх: на примере творчества Александра Красовицкого

Попова Виктория Владимировна,
канд. ист. наук, доцент кафедры Р10 «Философия»
Балтийского государственного технического университета
«ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова
E-mail: verakero@yandex.ru

Статья посвящена социально-философскому анализу феномена одиночества в метамодернизме в современной лирике. Переход коммуникации из реального в виртуальный мир и изменение сущности межличностных отношений усиливают разобщенность людей и порождают в них отчужденность. Метамодернизм – одна из современных философских моделей, позиционируется как «структура чувства». Лирика в данном контексте выступает в качестве рефлексии эмоционального опыта человека.
Цель работы – осмыслить феномен одиночества с точки зрения метамодернизма с помощью поэзии Александра Красовицкого. Основная тема лирики апеллирует к осциллируемым нарративам: внутренние чувства / внешний мир. Одиночество в метамодернизме понимается как разобщенность с человеком, обществом, мирозданием в целом, которая принимает метафизический характер. Современный социум представляет из себя внутренне одиноких людей, которые отрезаны от значимых контактов постмодернистской реальностью. Лирика Александра Красовицкого демонстрирует героя, который пытается найти смысл своему существованию в постмодернистском мире с помощью значимых контактов. Преодолевая внутренние страхи и внешние преграды, ему необходимо взаимодействовать с «Другими», чтобы отразится в них и тем самым познать свое «Я».

Ключевые слова: одиночество, метамодернизм, «структура чувства», постмодернизм, Александр Красовицкий.

В глобальном информационном мире человек все чаще сталкивается с таким феноменом как одиночество. С появлением мегаполисов и кризисом семейных отношений оно перестает быть единичным явлением и переходит в разряд всеобъемлющего. С этой точки зрения особый интерес представляет современное осмысление одиночества и как оно влияет на бытие человека.

С точки зрения социологии и психологии понятие одиночество имеет негативную коннотацию, связанную с эмоциональными переживаниями человека, находящегося в социальной изоляции [11, с. 4]. В то время как философия вкладывает в это понятие более противоречивый смысл.

В эпоху Античности человек воспринимался как неотъемлемая часть социальной группы семьи, общества или государства. Поэтому феномен одиночества рассматривался как однозначно негативное явление. Древнегреческий поэт Гесиод определял одинокого человека как сироту, изгоя или гордеца достойного либо жалости, либо порицания [8, с. 51–75].

С приходом христианства и теологии отношение к одиночеству изменилось. Человек, удалившийся от общества, воспринимается как подвижник. Отшельник уходит в состояние религиозного отчуждения, которое позволяет внимать Творцу [4].

В философии Возрождения происходит антропологический поворот: человек в поисках метафизического смысла обращается к самому себе, а не к вечному Богу [16]. В эпоху Нового времени субъект сталкивается с феноменом одиночества в попытках найти свое место в бесконечной и непостижимой Вселенной [7].

В XIX веке представления об одиночестве трансформируются, оно расщепляется на несколько автономных категорий: уединение, изоляцию и отчуждение [12]. С точки зрения философов данного периода, человек идеализировал одиночество, чтобы спастись от преследуемого его отчаяния. Высшая степень подобной идеализации отражена в философии Ф. Ницше, который трактовал одиночество как «чувство избранных, освобожденных от взаимодействия с чернью» [14, с. 110].

В русской философской мысли XIX – начала XX веков феномен одиночества рассматривается с позиции взаимодействия «Бог-человек». С этой точки зрения, чувство одиночества связано не столько с внешними факторами и влияниями, сколько с внутреннем осознанным или неосознанным разрывом между человеческим «Я» и абсолютным Бога. Инициатором этого разрыва всегда выступает человек [5].

В XX веке понятие одиночество трактовалось с позиции двух философских течений: экзистенциализм и постмодернизм, каждое из которых оказало влияние на современное понимание этого явления.

С точки зрения экзистенциализма человек изначально одинок. Субъект воспринимает «Другого» не как второе «Я», а как «вещь», тем самым отрицая его значимость для своего существования. Таким образом, одиночество становится неотъемлемой частью человеческого бытия, которое невозможно ни опровергнуть, ни преодо-

леть [18]. Постмодернизм «уничтожает субъект» в онтологической системе мира и, как следствие, исключает из социокультурного дискурса и сам феномен одиночества [6].

Начало XXI века отмечено наступлением новой социокультурной эпохи, характеризующейся постепенным отказом от постмодернистских методов. Существует несколько возможных вариантов названия современной философской модели: метамодернизм (Т. Вермюлен, Р. ван дер Аккер, Л. Тернер) [13], постпостмодернизм, псевдомодернизм, диджимодернизм (А. Кирби) [10], альтермодернизм (Н. Буррио) [1], автомодернизм (Р Самуэлс) [2]. Из всех представленных концепций именно метамодернизм предлагает конкретные методы, а его авторы демонстрируют как установки реализуются в различных направлениях науки и искусства [13].

Метамодернизм является «зонтичным» определением. Концепция заимствует из предшествующих философских течений многие термины и понятия, которые, однако, приобретают «иную форму, и, что более важно, новый смысл, новое значение и направление» [13]. Т. Вермюлен и Р. ван дер Аккер рассматривают метамодернизм как колебания между искренностью модерна и иронией постмодерна.

Авторы определяют свою социокультурную концепцию как «структура чувства». Таким образом, метамодернисты, апеллируя к эмоциональному опыту человека, воскрешают субъект, уничтоженный постмодерном.

В работах теоретиков метамодернизма уделяется много внимания анализу современной литературы, но практически не затрагивается тема поэзии. Цель данной статьи – проанализировать трактовку одиночества в метамодернизме через призму современной лирики на примере творчества Александра Красовицкого.

В данном контексте поэзия выступает как форма метамодернистского аффекта, т.е. чувственная рефлексия окружающей действительности. «Колебания» между миром постмодерна и ценностями модерна одна из черт творчества Александра Красовицкого.

В работе использовался метод сравнительно-сопоставительного анализа различных социокультурных концепций XX – начала XXI в., дающий возможность проследить изменения содержания феномена одиночества и конкретно-исторический подход, позволяющий изучить изменение содержания исследуемого феномена в зависимости от исторического и культурного контекста.

Эпоха постмодерна формирует картину мира представляющую из себя абсолютный хаос, в котором не существует никаких форм и никаких границ, никакой направленности и никакого определенного пространственного, временного или исторического измерения [9]. Люди атомизированы и заточены в собственных «солипсистских» иллюзиях. Постмодерн «децентрирует и тем убивает субъект, превращая его в место пересечения различных дискурсивных практик, в необозримое поле персональной идентичности, в «концептуальный персонаж», кочующий в поисках наслаждения по различным жизненным текстам» [9].

Значимой частью постмодернистского общества является виртуальная реальность, которая из одного из способов коммуникации между субъектами становится новой формой реальности – гиперреальности [6].

Общение, осуществляясь с помощью Интернета, меняет свои существенные характеристики. В сетевом пространстве контактируют виртуальные субъекты. Коммуникация перестает быть связанной с телесностью, «отрывается» от нее. Продукт сетевой коммуникации – «симулякр» – нечто существующее в иной «действительности» и не имеющее реального аналога [6].

Сетевое общение, в отличие от реального, не требует от субъекта значительных физических или энергетических затрат. Как правило, виртуальные контакты вовсе не сопряжены с существенными интеллектуальными усилиями, но при этом связаны с серьезными психологическими и эмоциональными издержками [15, с. 118].

Высокая скорость коммуникации и значительный объем информационных потоков приводит к тому, что субъект не успевает уловить всех скрытых смыслов. А в ситуации, когда смысл отсутствует в изначальной информации, коммуникация между субъектами становится бессмысленной и абсурдной [15, с. 118].

Одиночество, как онтологическая категория, связано с проблемой взаимопонимания между «Я» и «Другим», в качестве которого выступает иной человек, общество или мироздание в целом. Поэтому причиной возникновения феномена одиночества вызвано нарушением коммуникационных связей [11, с. 116].

Метамодернизм пытается вернуть смыслы в постмодернистскую реальность [13, с. 44–45]. В первую очередь, новая концепция обращает внимание на социум и признает человека его сингулярной, но неотъемлемой частью. Следовательно, общество метамодернизма состоит из внутренне одиноких людей, заключенных в клетку собственного «Я» и отгороженных от взаимодействий с «Другими» экраном компьютера или смартфона.

«[…] И мне так сложно черканут хоть пару строк
Тебя принять, хотя ты тоже одинок
Пробить непонимание […]»
Попкорн (Песни времени, 2023)

Общение с «Другим» требует от героя значительных энергетических и психологических затрат. Эти затраты являются проявление социальной активности субъекта, таким образом, чтобы включится в общение необходимо что-то сделать физически. Следовательно, реальная коммуникация с «Другими» оказывается намного труднее и предъявляет больше требований, чем замкнутость и отчужденность.

«[…] Мы привыкаем молчать
На мир вокруг
И тишина нам мать
Нам одиночество – друг
Но стоит из мрака
Уйти навсегда, как
Хочется все вернуть
И будто судьбу обмануть […]»
Ремесло (Красота, 2018)

Сложность коммуникации между героем и внешним миром является причиной зарождения у него чувства одиночества. Актуализируется онтологическая потребность человека в «Другом»: «человеческая сущность налицо только в общении. В единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия между “Я” и “Ты”».

Человек – это форма пребывания наедине с собой, но субъект может познает свое «Я» только через «Другого», в результате коммуникации.

«[…] Я смотрю сквозь ночи,
Но не вижу свет из норы
Я не хуже, чем прочие,
Если осветить внутри
Суди меня строже, Боже
Лишь бы не знать, что я брошенный
Достань свой меч из ножен
Я дай мне понять, что я нужен»
Беги, кролик, беги (Ловец тишины, 2011)

Герой ощущает глубокую потребность поведать о своих внутренних чувствах и переживаниях внешне-

му миру, тем самым «отразится» в нем, чтобы «Другие» услышали и признали его. Однако коммуникация между субъектами дается нелегко. «Другие» должны искренне захотеть услышать и принять героя. Но людям сложно вступить в личный контакт. Теоретики метамодернизма связывают эту проблему с тем, что субъекту трудно поверить, что по ту сторону экрана не симулякры, а живое общество. Таким образом, герой, которого мир постмодерна «пытается» лишить точки опоры, все острее ощущает и осознает свою отчужденность.

«[…] Мир – это зверь, бегущий от огня.
Ему плевать, поверь, на тебя и меня
Давай дадим дорогу, в сторонке полежим
Осталось ждать немного, мир к пропасти бежит»
Млечный путь (Песни человека, 2022)

В то время как мир постмодернизма делает существование «Я» героя невыносимым, оторванность от него не позволяет ему познать самого себя, реализовать самого себя.

«Мир меняет цвет, люди злее
Твердят, что любви нет, но я же умею
И щупая по утру душу в застенках век
Я вижу, что все еще крут, я вижу: я – человек […]»
Мир меняет цвет (Инь, 2023)

В итоге, контакты и взаимодействия с внешним миром становятся для героя также важны, как и отношения с самим собой [11, с. 129]. Мрачность и циничность окружающей действительности, которая в постмодерне отсекает людей от внешних контактов за пределами своего собственного «Я», в метамодернизме становится причиной стремлений героя вступить в коммуникацию с обществом и миром в целом.

«[…] И лишь потом вдруг понял я
Где я и где моя семья
Хоть знаем мы друг друга от корней.
Мне дальше плыть и страх растить
И как-то пробовать прожить […]»
Время (Песни времени, 2023)

В метамодернизме одиночество героя перестает быть заданным условием бытия. Субъект осознает свое сосуществование в обществе и неразрывную связь с ним. Рождение человека – это признание существование значимых «Других», который дали ему начало. Это признание возвращает в социокультурный дискурс понятие коэкзистенции – способности «признать достоинство и значимость других по отношения к моему собственному существованию» [3, с. 296].

«[…] В детстве у нас было средство
Все страхи под кроватью и большая любовь
Бесплатная от отца и матери
И время бы вспять, но мы
Так далеко […]»
Здравствуй (Здравствуй, 2014)

Одиночество – это разрыв коммуникационных связей между «Я» и «Другими». Но, согласно теории Н. Аббаньяно, коэзистенцию невозможно разрушить: «может показаться, что человек, который живет в увлеченности своей задачей и в усилии по самореализации, помещает себя в величайшую изоляцию; в действительности же связь человека с другими людьми является целостной для экзистенции и раскрывается в двух фундаментальных свойствах – рождении и смерти» [3, с. 295–296]. Коэзистенция выступает способом преодоления деструктивных факторов одиночества, но не самого чувства.

Коэзистенция отвергает восприятие «Другого» как вещи, характерное для экзистенциализма, предлагая в качестве основы дихотомию «Я» и «Другой».

«[…] Быть одиноким круто
Если есть кто-то
Кто тебя любит»
Сами (Я, 2008)

В метамодернизме нахождение героя в состоянии одиночества не отрицает существование «Других». Напротив, жить для человека, означает находится в окружении людей, порой таких же одиноких, стараться коммуницировать с ними. Таким образом, постмодернистская оппозиция «Я» / «Другие», заменяется признанием «Другого» как второго «Я». Проявлением этого феномена становится специфическая форма коммуникации между «Я» и «Другим» – любовь.

«[…] Вот бы понять людей – так проще их спасать
Вот бы понять, как можно просто жить вдвоем
И научиться не отводить глаза
От глаз человека, что в зеркале моем […]»
Стена (Красота, 2018)

Отвергая экзистенциалистское «желание обладать», герой осознает потребность в общении на онтологическом уровне. Поиски «своего человека», «другого Я» определяется тем знанием, которое получено «в результате метафизического познания трансцендентного моей субъективностью» [17, с. 15]. В «Другом» человек ищет «своего» Бога, те «знаки», которые может распознать только собственное «Я» [17, с. 15].

Любовь наиболее продуктивный способ преодоления одиночества: «Любовь – действенная сила в человеке, сила, разрушающая преграду между человеком и его собратьями, которая объединяет его с другими; любовь помогает человеку преодолеть чувство одиночества и отчуждения и вместе с тем позволяет ему остаться самим собой, сохранить свою целостность» [19, с. 119].

Но может показаться, что субъект испытывает одиночество, когда он ощущает чувства любви. Но это не так.

«[…] И нам уже не плакать на перронах
До поцелуя зная: все пройдет.
И не глядеть сквозь слезы вслед вагонам —
Они увозят тех, кто в нас живет […]»
До свидания (Джедай, 2014)

Осознание своего одиночества становится для героя наиболее обостренным и тягостным при несчастной любви. Только взаимная любовь исключает негативные переживания и способна устранить осознание себя несчастным, но взаимная любовь – не чувство и не переживание, это – ситуация жизни [20].

Подводя итог, стоит заметить, что метамодернизм относительно новая социокультурная концепция, которая заимствует многие термины и понятия из предыдущих философских течений, но переосмысляет и дает новое толкование.

В противовес постмодерну, который «уничтожает субъект» в онтологической системе мира и исключает из философского дискурса переживания человека, авторы метамодернизма позиционируют свою концепцию как «структуру чувства», ставя в центр изучения эмоциональный опыт человека.

Одиночество – это разобщенность с человеком, обществом, мирозданием в целом, которая принимает метафизический характер. Общество метамодернизма отрезано от значимых контактов постмодернистской реальностью. Нарушение коммуникационных связей дает осознание субъектом своего одиночества, но «это […] и есть то, что нас объединяет» [13, с. 188].

Поэзия Александра Красовицкого демонстрирует лирического героя, который пытается осознать и преодолеть свое одиночество, найти опору своему существованию в постмодернистском мире. Преодолевая внутренние страхи и внешние преграды, человеку необходимо взаимодействовать с «Другими», чтобы отразится в них и тем самым познать свое «Я».

Литература

1. Bourriaud N. Altermodern. Tate Triennial 2009. London: Tate Publishing, 2009. 224 p.
2. Samuels R. Auto modernity after post-modernism: Autonomy and Automation. In Culture, Technology, and Education. Digital Youth, Innovation, and the Unexpected. M: The MIT Press. 2007.
3. Аббаньяно Н. Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм и другие работы. СПб.: «Алейя», 1998. 507 с.
4. Августин Аврелий. О христианской вере // Антология мировой философии. М.: Мысль, 1969. Т. 1. Ч. 1, 2. С. 581–605
5. Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики М.: Республика, 1993. 130 с.;
6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2021. 387 с.
7. Гегель Г. Философия духа. М.: «Эксмо», 2019. 188.
8. Гесиод. Теогония. Труды и дни: поэма. М.: Директ-Медиа, 2004. 125 с.
9. Гречко П.К. Философия постмодерна: [электронный ресурс]. URL: https://humanities.edu.ru/db/msg/8592 (дата обращения: 23.04.2024).
10. Кирби А. Смерть постмодернизма и то, что после // Metamodern: [электронный ресурс]. URL: https://metamodernizm.ru/the-death-of-postmodernism/ (дата обращения: 23.04.2024).
11. Матвеев Д.А. Феномен одиночества и проблема нарушения коммуникации. Новосибирск: Издательство «СИБ-ПРИНТ», 2012. 183 с.
12. Меретукова З.К. Проблематика концепта «одиночества» в истории социально-философской мысли // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Религиоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 2(118). С. 31–37.
13. Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма / Р. ван дер Аккер. М., 2021. 496 с.
14. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1999. 416 с.
15. Павлова Н.В. Постмодерн: трансформация коммуникации // Вестник ПАГС. 2014. С. 116–121.
16. Петрарка Ф. Сочинения философские и полемические. М.: РОССПЭН, 1998.
17. Порошенко О.Ю. Оптимистическая трагедия одиночества. СПб.: Алетейя, 2015. 216 с.
18. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.
19. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. 430 с.
20. Шагивалеева Г.Р. Культурологическое и психологическое понимание феномена одиночества // Концепт. 2013. № S1: [электронный ресурс]. URL: https://e-koncept.ru/2013/13511.htm (дата обращения: 24.04.2024).

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF LONELINESS OF THE METAMODERN ERA IN THE LYRICS OF THE 2000–2020S: USING THE EXAMPLE OF THE WORK OF ALEXANDER KRASOVITSKY

Popova V.V.
Baltic State Technical University "VOENMECH" them. D.F. Ustinov

The article is devoted to the socio-philosophical analysis of the phenomenon of loneliness in metamodernism in modern lyric poetry. Communication between people in the virtual world and, in essence, interpersonal relationships increases the disunity of people and generates them in alienation. Metamodernism is one of the modern philosophical models, positioned as a "structure of feeling". Lyric poetry in this context acts as a reflection of human emotional experience. The purpose of the work is to comprehend the phenomenon of loneliness from the point of view of metamovism using the poetry of Alexander Krasovitsky. The main theme of the lyrics appeals to oscillating narratives: internal feelings / external world. Loneliness in metamodernism is understood as disunity with a person, society, the universe as a whole, which takes on a metaphysical character. Modern society is made up of internally lonely people who are cut off from important contacts of postmodern reality. The lyrics of Alexander Krasovitsky are a hero of the romantic genre who tries to find the meaning of his existence in the postmodern world with the help of significant contacts. Overcoming internal fears and external barriers, he needs to interact with "Others" in order to be reflected in them and thereby know his "I".

Keywords: loneliness, metamodernism, "structure of feeling", postmodernism, Alexander Krasovitsky.

Referents

1. Bourriaud N. Altermodern. Tate Triennial 2009. London: Tate Publishing, 2009. 224 p.
2. Samuels R. Auto modernity after post-modernism: Autonomy and Automation. In Culture, Technology, and Education. Digital Youth, Innovation, and the Unexpected. M: The MIT Press. 2007.
3. Abbagnano N. The structure of existence. Introduction to existentialism. Positive existentialism and other works. St. Petersburg: "Aleya", 1998. 507 p.
4. Augustine Aurelius. On the Christian faith // Anthology of world philosophy. Moscow: Mysl, 1969. Vol. 1. Part 1, 2. Pp. 581–605
5. Berdyaev N.A. On the purpose of man. An Experience of Paradoxical Ethics Moscow: Republic, 1993. 130 p.;
6. Baudrillard J. Symbolic Exchange and Death. Moscow: Dobrosvet, 2021. 387 p.
7. Hegel G. Philosophy of the Spirit. Moscow: Eksmo, 2019. 188.
8. Hesiod. Theogony. Works and Days: Poem. Moscow: Direct-Media, 2004. 125 p.
9. Grechko P.K. Postmodern Philosophy: [electronic resource]. URL: https://humanities.edu.ru/db/msg/8592 (accessed: 04/23/2024).
10. Kirby A. The Death of Postmodernism and What Comes After // Metamodern: [electronic resource]. URL: https://metamodernizm.ru/the-death-of-postmodernism/ (date accessed: 23.04.2024).
11. Matveev D.A. The Phenomenon of Loneliness and the Problem of Communication Disruption. Novosibirsk: SIB-PRINT Publishing House, 2012. 183 p.
12. Meretukova Z.K. Problematics of the Concept of "Loneliness" in the History of Social and Philosophical Thought // Bulletin of Adyghe State University. Series: Religious Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies. 2013. No. 2 (118). P. 31–37.
13. Metamodernism. Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism / R. van der Akker. Moscow, 2021. 496 p.
14. Nietzsche F. Thus Spoke Zarathustra. Moscow, 1999. 416 p.
15. Pavlova N.V. Postmodernism: Transformation of Communication // Bulletin of PAGS. 2014. Pp. 116–121.
16. Petrarch F. Philosophical and Polemical Works. Moscow: ROSSPEN, 1998.
17. Poroshenko O. Yu. Optimistic Tragedy of Loneliness. St. Petersburg: Aleteia, 2015. 216 p.
18. Sartre J.-P. Existentialism is Humanism // Twilight of the Gods. Moscow: Politizdat, 1989. Pp. 319–344.
19. Fromm E. The Soul of Man. Moscow: Republic, 1992. 430 p.
20. Shagivaleeva G.R. Cultural and psychological understanding of the phenomenon of loneliness // Concept. 2013. No. S1: [electronic resource]. URL: https://e-koncept.ru/2013/13511.htm (date of access: 04/24/2024).

Поколение Z в цифровой среде (особенности, риски)

Тазов Петр Юрьевич,
старший преподаватель кафедры маркетинга ФБГОУ ВО ГУУ
E-mail: vetr@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности цифровой среды и, прежде всего, цифровых коммуникаций в контексте их влияния на сознание поколения Z.
На основе теоретического анализа исследований выделяются особенности поколения Z, сформированные под воздействием цифровой среды.
Рассматривается феномен «искусственной социальности», который является результатом цифровой социализации. Среди черт ее особенностей среди прочего наблюдаются высокие социальные дистанции, автономность, социальная атомизация и даже частичная изоляция от общества. Данные черты способствуют популярности среди поколения Z стратегии социального серфинга – процесса становления профессиональной идентичности без глубокой идентификации с социальными структурами.
Автор приходит к выводу, что в условиях глобальных рисков и возрастания психолого-информационного деструктивного воздействия на сознание поколения Z необходимо выработать и внедрить в учебный процесс методы защиты от деструктивного контента и верификации фейков на уровне формирования у представителей поколения Z культуры информационной безопасности в цифровой среде.

Ключевые слова: Цифровые коммуникации, цифровая реальность, искусственная социальность, цифровые ролевые диспозиции, молодежное сознание, ценности молодежи, культура цифровой коммуникации.

Цифровая среда, в которую активно включено поколение Z создает для молодых людей как возможности, так и риски. Возможности связаны с доступом к информации, возможностью самореализации и расширения круга партнёров по коммуникации на основе общих интересов. Риски связаны с форматом цифровых коммуникаций, в рамках которых субъект ощущает себя относительно свободным от институциональных процессов в обществе, что обуславливает большую подверженность манипулятивным воздействиям. Таким образом, пространство цифровых коммуникаций создает возможность конструирования любых коммуникации вне социального контроля и норм социальных институтов, что способствует формированию «искусственной социальности», в качестве источника которой выступают значимые лица в цифровых коммуникациях, которые могут как артикулировать традиционные нормы общества, так и пропагандировать антиобщественные цели и ценности.

Отсюда, перед исследователями молодёжного сознания остро встает проблема анализа процесса трансформации сознания молодых людей в условиях цифровой среды и тех рисков, которые она несет для их сознания.

В современным условиях роль цифровых коммуникаций огромна. Молодые люди проводят в сети значительное количество времени. Это повлияло на то, что цифровые коммуникации стали формировать в том числе относительно автономную от реальности цифровую среду, в рамках которой формируется цифровая идентичность, цифровые ролевые диспозиции, цифровая социальность.

На данным момент, цифровые коммуникации предоставляют уникальные возможности субъекта выйти за рамки реального общения, оказавшись в пространстве цифровых конструктов (себя, коммуникации, партнеров по коммуникации), что снижает процесс нормативной регуляция участников цифровой коммуникации и формируют иллюзию свободы от общественных институтов. Это ощущение очень привлекательно для тех, кто действует в рамках «инфантильной стратегии» при которой не надо нести ответственность за свое реальное поведение и не принимать решений за свою жизнь. Цифровые коммуникации становятся элементом игры, впитывая в себя инструменты геймефикации для повышения уровня адреналина и дофамина. Дофамин – гормон и нейромедиатор, который используется мозгом для субъективной оценки событий, например полученных лайков в социальных сетях. «Быстрый дофамин» термин, часто используемый в СМИ, который отражает возможность быстрого получения гормона дофамина в результате взаимодействия с цифровой средой. Данный гормон также выделяется в результате предвкушения совершения определённых действий и таким образом влияет на мотивацию. Зависимость от постоянного получения удовольствия сказывается на раздражительности, прокрастинации, тревожности в силу истощения нервной системы. При этом, переход в реальный мир из цифровых коммуникаций вовсе не обязателен. Цифровые коммуникации могут рассматриваться с точки зрения раскрытия и конструирования ранее не реализованных ролей и сторон личности. И несмотря на то, что разные приложения, социальные сети имеют разную

цифровую инфраструктуру для коммуникации, подлинная инфраструктура складывается в сознании субъекта, в пространстве возможностей, не ограниченных социальными нормами и социальным контролем, в условиях анонимности и отсутствия телесности.

В этом случае, цифровая инфраструктура выступает «цифровым аттракционом» по получению дофамина. Конструирование реальности и удовольствия, которые получает человек в результате этого процесса гораздо важнее чем сама реальность. Происходит целенаправленное конструирование цифровой идентичности, возможно автономной, которая в некоторых случаях фрустрации и блокирования процесса самореализации может существовать только в пространстве цифровых коммуникаций. Встает проблема социальной адаптации поколения Z к реальному обществу, реальным коммуникациям. Зарубежные исследователи отмечают рост случаев микроагрессии в студенческих кампусах среди представителей поколения Z, трактовка ряда выражений "насилием", поиск безлопастных мест и трактовка ряда неоднозначных социальных контактов более опасными, чем предыдущие поколения студентов [1].

В.В. Радаев отмечает, что современное поколение миллениалов (за которым идет поколение Z) отличает нежелание читать большие тексты [Радаев, 2019]. Тоже можно сказать и о поколении Z. Однако, причины этого кроются с одной стороны в желании постоянно быть в сети (сосредоточение на долгом чтении выводит субъекта из пространства виртуальной коммуникации, создавая тревогу выйти из «потока», потерять связь с информацией и обратной связью с партнёрами по коммуникации), с другой – зависимости от постоянного удовольствия в условиях цифровой среды. Чтение же быстрых текстов нарушает привычный алгоритм получения удовольствия.

Оценивая влияние цифровой реальности на молодых людей Дж. Хайдт отмечает: «Дружба, свидания, сексуальность, физические упражнения, сон, учеба, политика, семейные отношения, идентичность – все это пострадало» [3]. Данные исследований среди американских студентов, которые приводит Д. Хайдт говорят о существенном росте ощущений бессмысленности жизни (с 13% в 2010 до 25% в 2020), роста тревожности, обращений, связанных с психическими расстройствами (с 4% в 2010 г. до 14% в 2020 г. среди первокурсников колледжей США). Появление тревоги, бессонницы, быстрой утомляемости и раздражительности Хайдт также видит в зависимости от «быстрого дофамина», который сложнее получить в реальной жизни.

Поиск «быстрого дофамина» приводит к поиску путей формирования желаемого образа себя и получения цифровых одобрений (реакции в социальных сетях). Что отражает также процесс самоконструирования, автопроектности [4]. Э. Кшижаняк отмечает, что современный «homo creator постоянно видоизменяет свой облик, будучи тем, кем он в данный момент хочет себя показать» [5, с. 13]. И в этом плане формирование достижения желаемого образом через инфраструктуру цифровых коммуникаций позволяет в относительно небольшие сроки сформировать желаемую (идеальную) идентичность, минуя институциональные процессы и реальные коммуникации. В результате, это может отражаться в иллюзии достижении желаемой идентичности в процессах ложной интерпретации цифровых оценок и одобрения в цифровых коммуникациях. Что отражает проблему формирование реальной идентичности и самооценки, не основанной на цифровых одобрениях.

В ходе цифровых коммуникаций формируется система цифровых ролевых диспозиций (поведенческие, ситуативные установки, ценности в рамках цифровой роли). Это может влиять на разбалансировку ценностного сознания субъекта за счёт разнонаправленных ценностной, сформированных под воздействием референтных групп и лиц в реальной и цифровой среде, а также конфликту ролей. А.А. Лисенкова, А.Ю. Мельникова говорят по этому поводу, что «расхождение в нормах и ценностях сетевого сообщества с ценностными основаниями традиционного общества может привести к конфликту «сетевой личности» с реальным миром» [4, с. 328]. В результате «искусственная социальность» отражает процесс формирования личности в цифровой среде. На процесс социализации в цифровом мире безхусловно влияют социально значимые лица – блогеры, авторы цифрового контента. Цель которых зачастую – повышение собственной популярности. Среди средств решение данного задачи – получить максимальный «хайп» за счет шокирующего, «вирусного», эпатирующего, эмоционально окрашенного контента. Зависимость от «эмоционального» допинга через взаимодействие с цифровым контентом становится нормой для современного молодого поколения. Отсутствие развитого критического и аналитического мышления делает представителей поколение Z уязвимыми перед ложным контентом. А возможности искусственного интеллекта в области аналитической работы с текстом создает ситуацию «мозга на аутсорсинге», когда для экономии времени учащиеся передают искусственному интеллекту задачи в области анализа, синтеза информации. Данные черты способствуют популярности среди поколения Z стратегии социального серфинга, связанной с частыми перемещениями в рамках профессиональной, образовательной культурной и других сферах с отсутствием четкой социальной позиции, социальной идентичности и ценностного базиса.

Все раскрытые особенности влияния цифровой среды на сознание поколения Z выступают условиями повышенных рисков в цифровом пространстве. Рассмотрим эту проблему более детально.

Риски, связанные с психологическими техниками влияния на сознание поколения Z в цифровых коммуникациях связаны, прежде всего, с манипулятивными воздействиями, рефреймингом установок, ценностей, паттернов поведения. В последнее время учащаются случаи использования подобных технологий с целью шантажа, вымогательства, трансформации картины мира.

Данная проблема более широко рассматривается в контексте информационно-психологической войны такими исследователями как А.В. Бродовская Е.В., А.Ю. Домбровская А.Г. Караяни, А.В. Колмогорова, С.Л. Кушнерук, А.В. Манойло, С.И. Репко, Р.В. Пырма, А.И. Петренко и др. К манипулятивным воздействиям следует отнести и «рефрейминг». Сам термин фрейм (англ. frame-рамка) активно используется в НЛП для описания картины миры субъекта. И. Гоффман рассматривает фрейм в процессах коммуникаций. По мнению И. Гофмана, «самая стойкая реальность поддается систематическому изменению, лишь бы подобрать к ней соответствующий ключ» [6, с. 601]. Сам же рефрейминг в рамках НЛП означает процесс переосмысления, изменения отношения к чему либо через изменение рамки восприятия. Изменение смысловой рамки содержания восприятия объекта меняет отношение к субъекта к самому объекту восприятия.

Задача рефрейминга блокировать актуализацию ценностей субъекта и с помощью изменения рамок фрейма изменить отношение к сформированным у субъекта установкам, убеждениям, ценностям.

Под рефреймингом мы будем понимать сознательную деструктивную трансформацию смыслов, ценно-

стей, идентичности субъекта. Исследователи, занимающиеся проблемой информационно-психологических воздействий по отношении к молодежи отмечают кратный рост числа регионов – «мишеней» подобных воздействий [7].

Выделим условия, обусловливающие процесс рефрейминга.

1. Использование инфраструктурных возможностей фреймов в цифровой среде для максимизация гедонизма, которое может реализовываться через выход за шаблоны нормальности, границы привычного реального Я и Эго.
2. Ослабление внутреннего контроля в результате серфинга в цифровых коммуникациях в ситуации отсутствия телесности, потери связи с реальностью, с ощущением времени и диффузией идентичности, собственного эго.
3. Формат фреймов актуализируют определённую роль и соответствующую ей систему цифровых ролевых диспозиций.

Цели рефрейминга.

1. Вовлечение в террористическую деятельность.
2. Формирование ценностей, направленных на разрушение традиционных институтов.
3. Формирование ассоциального поведения.
4. Формирование свободных отношений, безнравственности, аморальности, лояльности к нарушению норм морали, этики, закона.
5. Разрушение традиционных ценностей.

Попытка поменять установку к социально политическим процессам застрагивает и другие установки. В результате источник негативного рефрейминга пытается трансформировать картину мира объекта воздействия в целом. Поэтому используется авторитетность, «экспертность» субъекта воздействия. Создание экспертности и авторитетности происходит поиск «точек входа» метапрограммы (картины мира и способ описания картины мира в НЛП) объекта воздействия в рамках которых представители определённых сообществ вызывают доверие: религиозные, политические, а также представители силовых структур. Для более точной персонализации могут использоваться технологии искусственного интеллекта исходя из индивидуальных метапрограмм представителей разных поколений. Количество попыток деструктивного воздействия уверенно растет превращаясь в угрозу национальной безопасности.

Защита поколения Z от рефрейминга безусловно должна включать формирование информационной культуры. Л.К. Фортова определяет информационно-коммуникативную культуру как «сложное собирательное явление, интегрирующее в себе дифференцированные возможности развития и формирования коммуникативной культуры в киберинформационном и социокультурном пространствах на основе изменения подхода к анализу информации как важной единицы киберсоциализации» [8, с. 15]. Однако, необходимо говорить о культуре поведения в цифровых коммуникациях, в основе которой – критическое мышление, ограничение личной информации, верификация любой полученной информации, знание манипулятивных техник и умение им противостоять, владение техниками выхода из измененных состояний сознания, вызванных погружением в цифровые коммуникации и защиты от деструктивного контента. В качестве составляющих культуры поведения в цифровой среде должны быть традиционные духовно-нравственные ценности, этические принципы поведения, ценность личности, гражданина, человека [9].

В основе культуры безопасных цифровых коммуникаций должны лежать установки на критическое восприятие любой информации, перепроверка информации, анализ фактов и доводов, верификация собеседника (его цели, задачи коммуникации, возможные риски общения), приверженность собственным ценностям и нормам. Полезным в этом плане будет создание «ботов» в телеграмме (роботов, сканирующих подозрительные аккаунты по специальным базам) для автоматической проверки аккаунтов в социальных сетях и мессенджерах на предмет их связи с определенными деструктивными сообществами.

Выводы

Время, которое проводят в цифровой реальности представители поколения Z влияет на их социальный и психологический облик. В результате взаимодействия с цифровой средой формируются ценности, установки, идентичность. Цифровые коммуникации не способствуют развитию эмоционального интеллекта, не направлены на социальную интеграцию, наоборот могут создавать автономную от социальных институтов реальность. Это создает риски аномии, отчуждения, маргинализации поколения Z. Также, к рискам в области цифровых коммуникаций можно отнести: влияние деструктивного контента с использованием приемов НЛП с целью деформации системы традиционных ценностей и моральных норм, транслирование ценностей релятивизма, ноувизма, аморальных принципов.

Важной задачей становится формирование у поколения Z культуры безопасной цифровой коммуникации. Ее возможно реализовать в рамках курса «Разговоры о важном» среди школьников и курса «Основы российской государственности» в вузах среди студентов первокурсников.

Литература

1. Lukianoff G. and Haidt J. The coddling of the american mind. – URL: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/09/the-coddling-of-the-american-mind/399356/ (дата обращения: 03.06.2024).
2. Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 224 с.
3. Haidt J. End the phone-based childhood now. – URL: https://www.theatlantic.com/technology/archive/2024/03/teen-childhood-smartphone-use-mental-health-effects/677722/(дата обращения: 03.06.2024).
4. Лисенкова А.А., Мельникова А.Ю. Социальные сети, как фактор активного влияния на формирование ценностей молодежи // Российский гуманитарный журнал. 2017. Том 6. № 4. С. 328.
5. Krzyżaniak E., 2003, Nie ma tożsamości darowanej, czyli poszukiwanie siebie w Innym. Warszawa, s. 13.
6. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта /. Пер. с англ. Р.Е. Бумагина и др. – М.: Ин-т социологии РАН: Ин-т Фонда «Обществ. Мнение», 2003. – 750 с.
7. Бродовская Е.В., Парма Р.В., Лукушин В.А., Склярова Н.Ю. Деструктивное информационно-психологическое воздействие на молодежь России в социальных медиа (по материалам круглого стола). Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. № 13(2). С. 15.
8. Фортова Л.К. Формирование информационно-коммуникативной культуры студентов современного вуза: учеб.-метод. пособие / Л.К. Фортова, А.М. Юдина. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2023. – 156 с.

9. Тазов П. Ю., Панов А.И. Формирование патриотических ценностей современной студенческой молодёжи в условиях социальных трансформаций // Вестник МИРБИС. – 2023. – № 4(36). – С. 204–213. – DOI 10.25634/MIRBIS.2023.4.23. – EDN LEKOCE.

GENERATION Z IN THE DIGITAL ENVIRONMENT (FEATURES, RISKS)

Tazov P.Yu.
State University of Management

The article examines the features of the digital environment and, above all, digital communications in the context of their impact on the consciousness of generation Z.
Based on the theoretical analysis of the research, the features of generation Z, formed under the influence of the digital environment, are highlighted.
The phenomenon of “artificial sociality”, which is the result of digital socialization, is considered. Among the features of its features, among other things, there are high social distances, autonomy, social atomization and even partial isolation from society. These traits contribute to the popularity among generation Z of the social surfing strategy – the process of becoming a professional identity without deep identification with social structures.
The author concludes that in the context of global risks and the increasing psychological and informational destructive impact on the consciousness of generation Z, it is necessary to develop and implement methods of protection against destructive content and verification of fakes in the educational process at the level of formation of information security culture in the digital environment among representatives of generation Z.

Keywords: Digital communications, digital reality, artificial sociality, digital role dispositions, youth consciousness, youth values, the culture of digital communication.

References

1. Lukianoff G. and Haidt J. The coddling of the American mind. – URL: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/09/the-coddling-of-the-american-mind/399356/ (access date: 06/03/2024).
2. Radaev V.V. Millennials: how Russian society is changing. – M.: Publishing house. House of the Higher School of Economics, 2019. – 224 p.
3. Haidt J. End the phone-based childhood now. – URL: https://www.theatlantic.com/technology/archive/2024/03/teen-childhood-smartphone-use-mental-health-effects/677722/ (access date: 06/03/2024).
4. Lisenkova A.A., Melnikova A. Yu. Social networks as a factor of active influence on the formation of youth values // Russian Humanitarian Journal. 2017. Volume 6. No. 4. P. 328.
5. Krzyżaniak E., 2003, Nie ma tożsamości darowanej, czyli poszukiwanie siebie w Innym. Warsaw, s. 13.
6. Goffman I. Frame analysis: an essay on the organization of everyday experience /. Per. from English R.E. Bumagina and others – M.: Institute of Sociology RAS: Institute of the Society Foundation. Opinion», 2003. – 750 p.
7. Brodovskaya E.V., Parma R.V., Lukushin V.A., Sklyarova N. Yu. Destructive information and psychological impact on Russian youth in social media (based on materials from the round table). Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University. 2023. No. 13(2). P. 15.
8. Fortova L.K. Formation of information and communication culture of students of a modern university: educational method. allowance / L.K. Fortova, A.M. Yudina. – Vladimir: VISU Publishing House, 2023. – 156 p.
9. Tazov P.Yu., Panov A.I. Formation of patriotic values of modern student youth in the conditions of social transformations // Bulletin of MIRBIS. – 2023. – No. 4(36). – pp. 204–213. – DOI 10.25634/MIRBIS.2023.4.23. – EDN LEKOCE.

Постижение России: прорывы и тупики в развитии отечественной гуманитарной мысли (XVII – начала XXI вв.)[1]

Аванесова Галина Алексеевна,
д.ф.н., профессор
E-mail: gal-09@list.ru

Миронов Анатолий Васильевич,
д.с.н., профессор, заслуженный работник высшей школы, почетный работник ВПО РФ, главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания»

Авторы анализируют, как осмысляли некоторые направления отечественной гуманитарной мысли особенности России – ее истории, общества и культуры Нового времени. Основное внимание уделено консервативной мысли. Эти процессы научно-философского самопознания прослеживаются, во-первых, по ходу взаимодействий России с западноевропейской цивилизацией, с ее гуманитаристикой и теорией познания, во-вторых, в контексте внутренних трансформаций культурно-цивилизационного и парадигмального характера в империи, в советское и постсоветское время.

Ключевые слова: эпистемология/гносеология, отношения между знанием и реальностью в науке, теоретический рационализм, познавательные субстанции разных цивилизаций, парадигма изучения России русской консервативной мыслью, ракурсы понимания России советским марксизмом, теория отражения, наука и политика, понимание научной истины и правды, псевдонаука в период Постмодерна.

4.7. Теоретическое осмысление России консерваторами в контексте катастрофы XX в.

Изучение катастрофы в империи/СССР/РФ

В предыдущей статье 4.6 рассмотрены сложности познания/понимания нашей страны в контексте катастрофического разрушения СССР и появления РФ. Многие аналитики пытались эти трудности преодолеть; но одни из них не могли избавиться от когнитивных стереотипов марксизма. Другие проявляли методологическую всеядность: отвергая неолиберализм, они так или иначе опирались на его принципы. Редко встречались авторы, которые считали себя русско-православными патриотами, не понимая, что означают в постсоветском обществе 1990-х гг. эти установки анализа. Были исследователи, которые ухитрялись объединять в работе несовместимые подходы к пониманию СССР/РФ, ссылаясь на разные теории и не предлагая своей трактовки проблемы. Основная часть аналитиков РФ была не готова самостоятельно осваивать когнитивные принципы россиеведения. И все же эти характеристики не всегда означали профессиональную несостоятельность ученых, но чаще – кризис самопознания всего общества. Не случайно запрос на осмысление России в условиях катастрофы научная среда осознавала весьма остро.

Однако в 1990-е гг. XX в. ученые РФ оказались в более благоприятной познавательной ситуации, нежели аналитики империи в начале столетия. Военные и революционные потрясения в империи, приход к власти либералов, затем большевиков были начальной стадией российской катастрофы. Ряд ученых-консерваторов гибнущей империи продолжали работать, изучая темы власти, устойчивости/распада государства, национального единства, русского национализма [1]. Эти реальные процессы познания и проблемы их трактовки были в то время весьма сложными для власти и общества; аналитики же лишь приступали к их освоению. Никто не знал, что кризис цивилизации в истории сравнительно быстро преодолевается; но катастрофа, означая исчерпанность в цивилизации ряда прежних программ порядка, обновляла в системе ослабленные механизмы самосохранения. Катастрофа в империи/СССР/РФ по ходу XX в. то отступала, то усиливалась, обнажая свои потенциалы «разрушения старого и созидания нового», что подтверждал советский период.

Многие аналитики имперского времени из-за своих научных позиций изгонялись из СССР. В эмиграции оказались знатоки и патриоты России – П.А. Сорокин, И.А. Ильн, Ф.А. Степун, Г.П. Федотов и др. В середине 1930-х гг. тайно бежал из СССР журналист И.Л. Солоневич, который, будучи белорусом, стал в эмиграции авторитетным аналитиком имперской России и советской реальности 1920–1930-х гг. Эти авторы поневоле оказались вдали от отечества, которому они были преданы, и от советского общества, оставшегося для них чуждым. В зарубежье они пережили социальные трудности, бытовые невзгоды, когнитивно-профессиональную дезориентацию. Признавая свое неведение будущего советской России, многие из них надеялись, что жизнь скоро все

[1] Продолжение. Начало см. №№ 3,4,5,6 (2021 г., №№ 1, 2, 4–2022 г., № 1,4, 6, 11–2023 г., № 4–2024 г.).

расставит по местам – СССР рухнет, империя возродится. Но проходили десятилетия; по внешним приметам СССР в 1950–1960-х гг. лишь усиливался. В этой ситуации ученые, исходя из обыденного опыта, действовали по-разному. Резкие перемены в судьбах, внутренняя мотивация к аналитическому труду, раздвоенность патриотических чувств – все это вынуждало их либо адаптироваться к научной среде Запада, либо ограничиться читателями-эмигрантами, либо менять сферу труда ради заработка.

Взгляд из русского зарубежья на государственную катастрофу в империи и оценки жизнеспособности СССР

Рассмотрим три подхода к пониманию учеными-эмигрантами распада России, к появлению СССР. Так, П.А. Сорокин успешно адаптировался в США, стал на Западе известным аналитиком культурно-социальных проблем; при этом он активно пропагандировал идеи Н.Я. Данилевского. Его работы были общетеоретическими; он внес вклад в развитие представлений о цивилизациях и культурной компаративистике [2]. Но вот парадокс: незадолго до смерти в 1968 г. Сорокин стал продвигать идею конвергенции стран Запада и СССР, капитализма и социализма. Тем самым, игнорировались законы цивилизационной эволюции, выявленные Данилевским: эти системы самодостаточны; в режиме самоорганизации они не сливаются, не допускают крупных заимствований, но осваивают лишь отдельные достижения друг друга, адаптируя их к своей духовной основе, к природным и социальным условиям жизни людей. Длительное пребывание Сорокина на чужбине помогло ему реализоваться в науке. Но этот же факт, видимо, изменил его убеждения о России в пользу позиций, присущих политикам и научной среде США.

Ильин И.А. и Солоневич И.Л., будучи монархистами, защищая Россию-империю, развивали консервативный анализ, восходивший к теории Н.Я. Данилевского о нашей стране, как сверхсложном государстве цивилизационного типа. В СССР эти аспекты анализа России считались неадекватными, труды, созданные на эти темы, были недоступны для массового чтения. Развивая в эмиграции аналитическое наследие консерваторов, Ильин и Солоневич не просто его расширяли; они обновляли его методы и проблематику, углубляли смыслы, изучая перемены в мире в 1910–1940-х гг. XX в. – гибель российской империи, появление СССР, две мировые войны и др. Раскроем новое понимание и анализ российских, мировых процессов на примере «Политических тезисов народно-имперского движения» Солоневича. Проживая в Германии, он начал в 1940 г. работать над книгой «Народная монархия», создав для этого план-конспект «Тезисов…». Укажем ведущие теоретические понятия и стоящие за ними социально-идейные явления, выражавшие темы глав будущей книги. Ключевое значение придавалось феномену «русского национализма», который, по Солоневичу, является «идеей, объединяющей и воспитывающей нацию к исполнению ее исторической миссии на земле» [3, с. 479]. Определение довольно претенциозное, упрощенно-размытое. Даже в Новое время это понимание национализма было присуще далеко не всем народам Европы. Другие понятия в «Тезисах…», а затем и в книге были освоены нашей аналитикой или взяты из наук Запада, в т.ч. из марксизма: «монархия», «армия» «правящий слой», «служилый слой», «хозяйство и планы», «крестьянство», «рабочий вопрос», «самоуправление», «право собственности», «православие», «дух народа» и др.

Жанр «Народной империи» определить нелегко; автору не чужды приемы научного анализа; в книге есть рациональные доказательства, ссылки на ученые авторитеты и др. Но есть и описания опыта Солоневича в политике, его предвидения, философские раздумья, аргументы типа «я так чувствую» [4]. Такие труды – не облегченная публицистика, но отчасти концептуальный жанр, который мог вызывать интерес и у любознательного массового читателя, и у высоколобых интеллектуалов. Выше мы сослались на когнитивный стресс, возникший в условиях катастрофы у советского генерала, разведчика Л.В. Шебаршина. В конце 1980-х гг. он, являясь одним из руководителей подразделения КГБ СССР, наблюдал изнутри борьбу за власть партийной номенклатуры и тех, кто оставался в тени. В это время генерал, будучи весьма начитанным, впервые обратился к трудам Солоневича и был поражен его предвидением: СССР уничтожат те же силы Запада теми же приемами, развалившими империю. Шебаршину было не по себе от предчувствия эмигранта-антисоветчика; сам он в хаосе развала не видел связей между 1905–1917 и 1985–1991 гг.; текст Солоневича помог ему их разглядеть.

Скажем о проблемах и методах анализа империи, СССР и мировых процессов в книге И.А. Ильина «Наши задачи» [5]. Автор работал над книгой в Швейцарии с 1948 г. и до своей кончины в 1954 г. По объективным причинам Ильин не мог рассчитывать на издание труда. Он разработал план и печатал на машинке статьи объемом в 3–4 страницы, которые размножались и отсылались единомышленникам из Русского Обще-Воинского Союза, с которым автор тесно сотрудничал. Полный текст статей в виде книги вышел в Париже на русском языке вскоре после смерти автора. Указанные труды Солоневича, Ильина имели немало сходных черт по авторским оценкам, по тематике – роль в империи православия, русского народа, стратификация населения и др. Скажем об их отношении к формам российского государства в сложных условиях истории, в настоящем и будущем. Оба верили в прочность мощной империи и самодержавия в России, допуская, что в эпоху Модерна они нуждались в дополнительных структурах, выражавших волю народа. Советские формы государства и партийной власти авторы считали наихудшими, ибо они свидетельствовали о чуждых утопических корнях извне, придавая стране и обществу нежизнеспособность.

Коснемся авторских различий. Отметим в текстах Ильина разнообразную и сложную проблематику, методологически обоснованный анализ прошлых времен, современности и грядущих перемен в СССР. По Ильину, Россия издавна испытывала агрессивный натиск Запада, который пытался в ходе столетий ее ослабить и расчленить. Автор был уверен, что попытки вызвать катастрофический развал СССР обязательно будут; он рассмотрел разные выходы России из опасной ситуации. В итоге Ильин обосновывает теоретический прогноз того, что Солоневич выразил мимоходом, как догадку. Затрагивая тему национализма у И. Ильина, мы видим его определение, как общемирового феномена: «Национализм есть любовь к историческому облику и творческому акту своего народа во всем его своеобразии» [5, с. 382]. Это чувство Ильин возводит к инстинктам народного самосохранения, даруемого свыше. Бог наделяет эти инстинкты и чувства духовной силой, что позволяет народу выражать национализм в позитивных идеях, возвышенных образах, а также претворять в поведении, в повседневно-трудовом контексте жизни. Анализ Ильина ныне ценен тем, что признает опасности «болезненного национализма». В этой ситуации либо жизнь народа подчинена несбыточным мечтаниям, целям-утопиям, страстям (погоня за богатством, построение коммунизма, агрессивность и др.), либо народом владеет гордыня,

вера в избранность. Эти болезни поучительны. Народы из полиэтнических стран нередко размышляют, в каком окружении или при государственно-самостоятельном статусе их жизнь будет лучше, обеспеченнее; но им важнее понять, в каком случае они сохранятся в неустойчивом мире.

Обновляя консервативный анализ империи/СССР, углубляя парадигму Н. Данилевского, И. Ильин и И. Солоневич допускали аналитические лакуны, во многом обесценив критику советского строя. Так, они не говорили ничего конкретного о массовом сознании, психологии советских людей, помимо того, что партийная верхушка обманывает их, эксплуатируя их легковерие. В пропаганде и вправду было немало лжи, дешевой патетики; но население оказалось мудрее правителей – аудитория не воспринимала в политике всю полноту воспитательных идей. Людям было важнее освоить современный уклад жизни, новые профессии, квалифицированный труд, ибо они работали на госпредприятиях, где эти навыки организационно можно было освоить; доступ к социально-культурным благам тоже был для них значим. Главное, обманутых граждан не заставишь за 6–10 лет воссоздать из руин хозяйство страны на новых основаниях, не принудишь к победе над нацистской Германией. В этих случаях действовал патриотизм, поддерживаемый властью, вопреки Марксу, Ленину. Но эмиграция могла понять далеко не все процессы в СССР.

Переход кризиса в катастрофу и препятствия в разработке парадигмы россиеведения

Выше отмечалось, что во второй половине 1990-х гг. XX в. разбалансированная атмосфера познания в РФ отчасти стабилизировалась. Это выражалось в снижении числа сторонников либеральных СМИ и росте аудитории россиецентристских каналов, в ослаблении когнитивного шока в массах. Аналитики в регионах стали проводить прикладные исследования по негативным результатам либеральных реформ на местах. Академические и научно-отраслевые коллективы тоже активизировались, выясняя место и роль РФ в современных процессах: Россия в однополярном мире, открытое общество и локальное сознание, наш и мировой кризисы и др. Немало авторов тяготели к историческим темам о России, к поиску древних пра-предков ее народов, к изучению внутренних проблем, запретных к анализу в СССР. Эти векторы исследований содержали немало идей, которые после их обоснования могли бы войти в парадигму россиеведения; однако в этот период они были сегментарными, спорными. В это время неблагополучие в стране переходило в катастрофу; когнитивный шок снижался, но проводились военные операции в Чечне, обострялись идейно-политические распри, усиливалось расслоение граждан по социально-культурным критериям, качеству и образу жизни. Массовая доступность наследия консерваторов в РФ, в т.ч. книг Ильина, Солоневича, играла важную роль в реабилитации империи; но перечеркнуть в памяти людей советский период жизни эмигрантам было не под силу.

Зададим вопрос: могли бы ученые во время кризиса, переходящего в катастрофу, разрабатывать парадигму понимания России как цивилизации? Напомним: макросистема цивилизации это, во-первых, живущие поколения народов сопредельных (реже отдаленных) государств, а также поколения прошлого и будущего; во-вторых, колоссальный объем материальной культуры, социальных связей, религиозных форм, когнитивных процессов; в-третьих, вмещающий ландшафт, климат, ресурсы природы, отношения с другими странами и др. Система масштабна, сложна; при катастрофе она неустойчива, исходя из своего генезиса и развития в переходных условиях. Внутренние силы, провоцирующие катастрофу, нередко уничтожались непредвиденным ходом событий. Все это затрудняло понимание ситуации [6].

Мы полагаем, что проводить парадигмальный анализ России на стадии катастрофы по сути бессмысленно. Институты государства, социальные ср**е**ды, граждане действуют в узком диапазоне размытых компетенций, ограниченных возможностей, ослабленных традиций и норм, не думая о будущем. Никто не знает, как долго продлится катастрофа, какими станут новые взаимодействия между составными частями в стране/цивилизации. В этих условиях работать над парадигмой невозможно. Ученые и ныне имеют смутное понимание катастрофы, способной быстро перейти в катаклизм, что означает смерть цивилизации (по примеру Византии). Но в духовной, познавательной сфере, в проектной практике в это время могут быть инновационные прорывы, в т.ч. в понимании самой катастрофы. Аналитики должны заинтересоваться ею, а не парадигмой: наблюдать, сравнивать, делать выводы. Позже, когда хаос спадет, результаты труда пригодятся в разработке парадигмы обновленной России. Рассмотрим анализ происходящего учеными, которые в это время трудились в оптимальном режиме.

Л.Н. Гумилев – «последний евразиец» в СССР

В 1960-х гг. XX в. Л. Гумилев состоялся в науке, как оригинальный аналитик древних и средневековых этносов Центральной Азии. Уже тогда он проводил анализ в широком диапазоне полидисциплинарных подходов и межпредметных методов. По образованию историк, археолог, позже он глубоко освоил этнологию, психологию, антропологию, религиоведение, философию, географию, востоковедение, расологию и др. На базе этно-национальной тематики он обогащал анализ межцивилизационных, международных отношений, геополитики, опирался на идеи В.И. Вернадского о биосфере, энергии Солнца, активно применял системный подход Л. фон Берталанфи. В данную временн**у**ю фазу нашего анализа Л. Гумилев попал не только потому, что прожил 1,5 года в РФ (умер в 1992 г.), но и в силу интереса общества, коллег к его трудам, которые не совмещались с марксизмом. Помимо иных причин признания его заслуг, как теоретика, мы укажем на массовую поддержку его самостоятельной гражданской позиции, особенно в 1980-начале 1990-х гг. Его анализ этносов, межэтнических, межцивилизационных отношений выходил на осмысление фундаментальных проблем этногенеза. Пропаганда, официальная наука трактовали эти темы по-марксистски: при коммунизме народы, нации, исчезнут; на базе универсальной экономики, безэтнических отношений появится единое человечество.

По Гумилеву, фундаментальная роль в активности людей принадлежит физическим свойствам космоса и биологическим процессам, разным формам жизни планеты – ландшафтам, почве, биосфере в целом, солнечной и космической энергии и др. Все этносы остаются в истории разными по поведению, по заложенным генетикой качествам. Ученый отводил не последнюю роль в этногенезе и духовно-когнитивной жизни народа (религии, морали, философии, науке, обыденному познанию и др.); эти аспекты у него неразрывно связаны с био-материальной основой. Ныне органический материализм Гумилева не называют абстрактным социал-дарвинизмом, биологизмом, географизмом. Позиции ученого связывают с потребностью выживания человечества на Земле, хотя потребности понимаются по-разному. Ниже мы вскроем подходы Гумилева к анализу межэтнических контактов в России, задействуя его пассионарную теорию этногенеза, понятия позитивной и от-

рицательной комплиментарности, антисистемы, жизненного цикла этноса, гипотезу этнического поля и др. [7].

Л.Н. Гумилев теоретизировал, изучая народы СССР. Около 150 этносов, проживавших в стране, принадлежали к народам и суперэтносам, возникшим в истории в разных регионах Евразии на основе пассионарных толчков. Это восточно-славянский суперэтнос (великороссы, украинцы, белорусы), финно-угорские и тюркоязычные народы (коми, мордва, казанские татары и др.), часть западноевропейского суперэтноса (народы Прибалтики, западные украинцы), часть мусульманского суперэтноса (туркмены, узбеки, татары, чеченцы и др.), осколки византийского суперэтноса (грузины, армяне), степные народы (казахи, буряты, калмыки и др.), реликты циркумполярного суперэтноса (малые народы Севера), а также часть народа цивилизации Дальнего Востока корейцы и, по выражению Л. Гумилева, «блуждающий суперэтнос» евреи.

Еще Н.Я. Данилевский был убежден, что гетерогенные культурные системы более жизнеспособны, нежели однородные. Это возможно, если в государстве этнические сообщества, служители разных религий, власть действуют заодно, создавая органическую цивилизационную целостность, а не механическую сумму этносов. Однако полностью консолидировать жизнь, поведение этносов в стране-цивилизации сложно. Теория Гумилева проясняет, в каких условиях культурно-этническое многообразие укрепляет государство и общество, а в каких – ведет их к гибели. Ученый назвал три *направления* таких возможностей: *слияние* этносов в один новый; оно в человеческой истории происходит редко, спонтанно, лишь при пассионарном толчке из космоса на одного из этносов. Этот толчок шел по землям восточных славян с XIII в., создавая великороссов, малороссов, литовцев. Второе направление – *ассимиляция,* когда один этнос уподобляется более сильному. Это имеет место при высокой энергии одного из этносов, проходящего фазы подъема или перегрева в жизненном цикле. Русские эти фазы прошли; ныне у них – фаза надлома, по Гумилеву.

Нам важен третий вектор – *сосуществование* этносов. В нем ученый выделил три формы контактов: *симбиоз, ксения, химера*. В *симбиозе* каждый этнос занимает свою территориально-природную нишу, сохраняя своеобразие. Этносы с позитивной комплиментарностью взаимодействуют, обогащая друг друга, расширяя жизненные возможности каждого. В России межэтнические контакты изначально шли в русле симбиоза, базируясь на симпатиях славянских, угрофинских, тюркоязычных народов Европейской части, Урала, Сибири. Этот вид контактов в Московии опирался на идею соборности; ее учитывали отчасти и власти империи, признавая за каждым народом право быть самим собой. Но ради устойчивости полиэтнического государства/цивилизации, по мысли Л. Гумилева, правители опирались на авторитаризм, иначе общество разрушалось бы конфликтами, противоречиями; его не спасли бы соборность и контакты по типу симбиоза. Контакты этносов в империи были относительно мирными, развивая цивилизационные формы жизнедеятельности. В СССР власть выбрала путь, внедряя утопии Запада о коммунизме, формируя безэтническое сообщество.

Ксения – нейтральное совмещение «этноса-хозяина» и «этноса-гостя». Последний включен в цивилизацию «хозяина», но живет сам по себе, не нарушая этнических связей системы. Гумилев, как на образец ксении в империи, указал на немцев Поволжья; мы сошлемся также на корейцев в СССР. Контакты-*химеры* возникают, если два народа с отрицательной комплиментарностью, совместно проживают в городах, взаимодействуя друг с другом. В этом случае «гости», уходя от изоляции, произвольно соединяют в урбанизированных агломерациях несочетаемые этнические поля с разными психоментальными вибрациями, непохожим поведением сообществ. Все это рождает антисистемные феномены – радикальную оппозицию, ослабление государства, взаимную ненависть. В итоге – гибель либо исход одного или обоих этносов. Автор приводит пример российских евреев, как субъектов таких контактов в империи/СССР [7, с. 524–536]. Эти процессы вызывают катастрофу, а затем и катаклизм, т.е. распад страны/цивилизации.

Теоретико-практические аспекты межэтнических отношений империи, СССР осмыслялись Гумилевым на массе конкретных данных, исторических обобщений не только о России, но и о странах, цивилизациях мира. Ничего подобного по охвату, сложности, глубине выводов об этносах не было создано в нашей науке; хотя до этого в России ряд направлений вырабатывали для анализа таких проблем теоретические предпосылки. Сам ученый считал себя евразийцем. Хорошо зная проработку этих тем предшественниками в империи, русском зарубежье, он развивая их догадки, прогнозы до фундаментальных идей. Примечательны его слова, сказанные незадолго до смерти: «Если Россия и будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство» [8, с. 62–70]. Помимо иных названных факторов развала СССР, он указал на межэтнические причины – появление в стране антисистем, рост контактов химеры и др. Его прогноз распада государства реализовался. Соглашение в Беловежье наделило труды Гумилева историческим статусом, как это было при падении империи и с книгой Н. Данилевского «Россия и Европа». Но мы уверены, что теоретическое ядро, немало концептуальных идей в наследии этих ученых сохранят свою эвристику.

И.Р. Шафаревич: капитализм и социализм «две дороги, ведущие к одному обрыву»

Советский математик, известный в стране, за-рубежом, в 1970-х гг. входит в оппозиционную среду диссидентов, критикует СССР, публикует с А. Солженицыным в самиздате антисоветские труды и др. Но эта среда его быстро разочаровывает; он начинает работать один, ибо его отношения с официальной гуманитаристикой были тоже непримиримыми. Он пытается понять состояние советского общества, перегруженное сложными проблемами, идейными противоречиями, отторгавшее изначальные цели развития по Марксу. А математика? Над ней Шафаревич продолжает работать и готовит профессиональную смену. Изучение России для него также важно, как и математики. Мы указали на то главное, что позволяет понять самостоятельную позицию ученого, его верность истине, какой бы разочаровывающей она ни была в гуманитарных науках.

Рассмотрим две работы Шафаревича, вышедшие в 2004, 2005 гг. [9]. Первая книга состоит из статей, опубликованных ученым в 1990-е гг. о пике кризиса в РФ; второй источник сжато обобщает его взгляд на то, как жестко, агрессивно страны Запада в XVII–XX вв. подчиняли своему влиянию империю/СССР. Многое в этих процессах оставалось неясным. Так, СССР, до этого победивший нацистскую Германию, распался в 1991 г., как карточный домик, что поразило множество людей в мире и серьезно озадачило бо**л**ьшую часть граждан РФ. Марксисты, либералы неубедительно объясняли эти процессы, тем более игнорируя фокус национальных интересов. Эта коллизия побуждала граждан и ученых не думать о парадигме России, но осмыслять истоки катастрофы и выход из нее.

В РФ Шафаревич одним из первых в постсоветской науке стал изучать наше общество на базе цивилизационной теории, рассматривая разные варианты национального будущего. Произошло это не сразу; вначале он, как и сограждане, испытал смятение духа в «минуты роковые», перед «концом истории», наблюдая агонию СССР, а затем и либеральной власти в условиях катастрофы. Но преодолевая пессимизм, он с группой журналистов побывал в середине 1990-х гг. на переднем крае армейских соединений в Чечне и добровольцев в Приднестровье. Из бесед с офицерами, солдатами, казаками, местными жителями он понял, что у защитников страны сохранен боевой дух, жертвенность. В итоге он смог завершить анализ связей России с Западом и осторожно заглянув в будущее РФ.

На первый взгляд Шафаревич выдвигал кощунственную для советских людей идею, что социализм в СССР и капитализм на Западе не антагонисты; они – два пути, утверждавшие по-разному одну и ту же универсализующую народы индустриальную цивилизацию, обреченную на скорую гибель. В такой смысловой фокусировке давление этой цивилизации на советских политиков и общество подробно не изучалось, хотя Данилевский близко подошел к этой проблеме в империи. У Шафаревича не было иллюзий о жизнеспособности капитализма. Он видел, что политические интриги, конфликты, мировые войны, возбуждаемые слабеющей, но еще агрессивной формацией, были опасными и для России/СССР, иных стран, и для нее самой. Ученый соглашался, что для сохранения России власть должна укреплять суверенитет страны с помощью надежной системы безопасности. Это значило: проводить реформы в армии, создавать индустрию, науку, образование, не повторяя достижений Запада, но отбирая их и адаптируя для себя. Шафаревич соглашался и с К. Леонтьевым: главное в реформах не техника; в центре развития должны быть народы, государство, российская культура. Ученый рассмотрел, как Запад подчинял своим целям империю/СССР, силой, обманом вынуждая власть и общество идти к пропасти.

Контроль извне над властью удалось прервать И.В. Сталину. Вождь в 1930–1940-е гг. отчасти пересмотрел классиков марксизма – реабилитировал ряд военно-оборонных традиций (до-имперских, имперских), внедрял новации социализма в экономике, которых не было в текстах у классиков, актуализировал ценности народной морали в социальной политике, в обучении новых поколений и др. Тем самым вождь пытался укоренить отвлеченно-универсалистскую модель социализма Маркса, Энгельса, Ленина на отечественной почве, сблизив ее с российской культурой. В полном объеме эта задача заведомо невыполнима. Ленин не смог «усидеть на двух стульях»; Сталину удалось это сделать на коротком отрезке времени. Поэтому Шафаревич доказал, что Россия не стала прилаженной частью технологической цивилизации. Но в 1970–1980-х гг. XX в. граждане СССР ощутили, что страна вновь движется по гибельному пути. Ученый раскрыл эти колебания между духовными доминантами, укладом жизни народов страны, с одной стороны, и техническим прогрессом Запада, с другой.

Очередной поворот к Западу позволил ученому описать ряд устоявшихся тенденций, опасных перекосов развития, внедренных в империю/СССР/РФ ради сближения с индустриальной цивилизацией. Укажем эти процессы и качества: «1. Город вытесняет деревню; уничтожается природа; все живое заменяется техникой; 2. Быстро растет объем производства и численность населения (хотя весьма непропорционально в разных регионах страны). Жизнь теряет стабильный характер. В итоге экологический кризис. 3. Человек включен в производственные процессы как их составной элемент, лишенный моральных свойств, инициативы; 4. Жизнь нивелируется, стандартизируется. Создается управляемое сознание». Для нашей темы важно выделить идеи ученого о когнитивных аспектах и роли науки в технологической цивилизации: «5. Господствует утопический тип мышления; создаются абстрактные рассчитываемые схемы, согласно которым затем радикально переделываются природа и общество; 6. Жизнь регулируется концепциями механистической науки, изначально сложившейся, как наука о мертвой материи» [9, с. 337]. Автор по сути углубил когнитивный подход, обоснованный в 1930-х гг. А.М. Лосевым, который в «Диалектике мифа» противопоставил умозрительное научное знание Запада и осмысленно-одушевленное познание в виде мифов в повседневно-массовом взаимодействии у разных народов.

О будущем РФ Шафаревич рассуждает кратко, осторожно. Во-первых, он выясняет, сохранились ли у русских и других народов характерологические свойства, стереотипы мышления/поведения, жизненные ценности, на базе которых зарождалась Россия. Так, посетив места боев в Чечне, Приднестровье, он убедился, что военная среда сохранила мужество, жертвенность, осознавая важность отечества для народов РФ. Да и уязвимые среды – семьи с детьми, безработные, коллективы, бастующие из-за задержки зарплаты и др. – вели себя сдержанно, с достоинством. Впору вспомнить мысль о русском долготерпении. Шафаревич видит скрытый за терпением еще один стереотип русских – смирение перед неотвратимым ходом политических событий в мире, опасных сдвигов в стране, которые сразу не изменить. Стереотип понимается иначе: не покорять другие народы, не подгонять их под свой шаблон, а уживаться, преодолевая беду нестандартным ее разрешением. Но смирение, терпение были излишними, когда иные народы проявляли агрессию к слабым этносам, настрой на господство, развал России; в этом случае власть применяла принуждение, правовые меры.

Во-вторых, Шафаревич, фиксируя изменения в РФ, отслеживал реакции и поведение людей на стадии катастрофы. Он изучал конфликты персонала с руководством предприятий по вопросам организации труда, многомесячных задержек оплаты; рабочие бастовали, проводя голодовку. Такого совмещения форм протеста в странах Запада не было. В-третьих, наблюдая поведение людей, Шафаревич видел, как быстро исчезал советский уклад. Он рассчитывал, что в новых условиях граждане «смогут без помех воссоздать древнюю культуру русского православия», ссылаясь, что поиск духовных идеалов в народе уже идет; в обществе, по его мнению, созревает императив: не двигать куда-то мир, не завоевывать космос, а сосуществовать с ними, не в беге времени, а в идее вечности [10].

Б.С. Ерасов: «Положение между Западом и Востоком, взаимодействие с этими началами и противодействие им привело к глубокой противоречивости русской культуры»

В 1960–1980-х гг. Б.С. Ерасов был известен в науке, как востоковед. В 70-х гг. он признавал бессилие методологии Маркса в изучении народов Востока. Ученый относил к Европе и Востоку империю/СССР с немалой долей населения Кавказа, тяготевшего в истории к ближневосточному региону, а также народов, живших в азиатской части страны. В поисках методологической базы своих позиций он обратился к теории цивилизаций, учитывая не только идеи Данилевского, его сторонников XIX в., труды ученых-эмигрантов XX в. Будучи широко мыслящим теоретиком, он отслеживал идеи авторов Запада – А. Тойнби, Ш. Эй-

зенштадта, С. Хантингтона, И. Валлерстайна и др., изучавших макромасштабные сообщества и цивилизации. Ерасов издал хрестоматию, первым выборочно ознакомив читателей РФ с текстами этого направления [11].

В 1980-х гг. XX в. ученый смог посещать конференции американского Международного общества по изучению цивилизаций. Это дало ему возможность говорить о разработке на Западе ряда основополагающих принципов цивилизационной парадигмы. Автор описывает дискуссии на конференциях, когда участники заседаний эксплицировали теоретические идеи и допущения. Отсутствие научных терминов в обозначении многих феноменов цивилизации вынуждало ученых прибегать к понятиям, образным выражениям, взятым из сфер практики, из разных научных дисциплин [11, с. 10, 36]. Сверх концептуально-семантических имелись политические, идеологические трудности взаимопонимания ученых. Аналитики Запада порой подменяли теоретические идеи псевдо-концепциями «универсальной цивилизации Европы, США»; вместо дискуссий царил «рыночный экстремизм», идеологемы «однополярный мир», «прогрессивное развитие неокапитализма» и др. В 1990-х гг. «околонаучный дискурс» в пользу Запада по теме цивилизаций наши либералы насаждали в РФ. Ерасов видел в их доказательствах симптомы разрушения цивилизационного анализа, а затем и его ликвидации» [11, с. 37].

Сам автор, изучая Россию, внимательно отбирал методологические принципы, концепции, логику рассуждений и выводов и др. При этом он в большей мере опирался на результаты исследований российских ученых, особо отслеживая современных авторов. Он объяснял новые методы исследований, появившиеся в XX в.: преимущества и ограничения компаративистики; преодоление «линейной истории» в анализе цивилизаций; значимость в них духовных оснований, научно-когнитивных, идеологических принципов; соотношение государства-империи-цивилизации; универсализующие и уникальные качества цивилизаций и др. Далее мы рассматриваем последний труд Ерасова «Цивилизации: универсалии и самобытность», где использованы новые возможности в изучении России [12]. Ерасов выстраивает базовые принципы понимания России, развивая теорию цивилизаций с помощью исторических, социальных, культурологических методов, философского анализа и опираясь на общенаучные приемы исследования, на аппарат конкретных дисциплин. Ниже мы кратко коснемся проблем, разработанных автором на стыке XX–XXI вв., которые были в СССР/РФ весьма актуальны – об особенностях цивилизационного устроения России и о цивилизационных перспективах постсоветского пространства.

Опираясь на идеи российских авторов X1X–XX вв., Ерасов конкретизирует фундаментальные свойства нашей цивилизации – ее колоссальный полиморфизм, предельную антиномичность, радикальные и далеко не всегда понятные аналитикам повороты развития, которые определяли сложности ее структуры, эволюционные ритмы и динамику. Речь идет не только о контрастах гео-природных, суровых климатических условиях, но и о разнородности внутренних качеств устроения России – о государственных формах, об этническом многообразии, поликонфессиональности, противоречиях модернизации; даже культурно-духовные принципы устроения России были в истории разными, осмысляясь учеными тоже неодинаково. Ерасов ссылается на известную в нашей аналитике трехполюсную модель духовного устроения страны/цивилизации. В киевский, монгольский и московский периоды в обществе доминировала русско-славянская культура и развивалось православие. В империи, СССР на первый план выходят ориентиры власти, высших слоев, затем и немалой части населения на экономические достижения цивилизации Запада, в т.ч. в оппозиционно-утопи-ческой оболочке марксизма. В 1920-х гг. в эмиграции создается евразийская теория устроения, исходившая из презумпции совмещения/комплиментарности схожих этно-религиозных сообществ по духовным, когнитивным и психологическим признакам. Эту модель устроения в обновленном виде Ерасов считал наиболее приемлемой для будущего РФ.

В русско-православном варианте устроения ученый указывал на застойный характер и на ослабление цивилизационно-духовной роли православия в империи/СССР, что выражалось в увеличении численности атеистов. Еще жестче Ерасов говорил о беспомощности имперских, советских правителей, не желавших реалистически осмыслять процессы в мире, где развивается острое межгосударственное соперничество, имеют место разрушительные межцивилизационные противостояния. Одно то, что политики сводили модернизацию страны к переносу с Запада в наше общество, по словам ученого, «высоких технологий и западного духа потребительства», говорит о многом. Все это рождало промежуточное положение России между Востоком и Западом, затрудняло создание в ней срединной культуры, а цивилизацию делало «гибридной», неустойчивой» [12, с. 428].

Затронем анализ Ерасовым перспектив развития постсоветского пространства и шире – взаимодействия РФ со странами Востока. В монографии он одним из первых в науке поднимал проблему формирования альтернативных связей и усиления роли РФ на своих восточных границах. Именно зарубежных нардов Востока – мусульман и буддистов он видел приемлемыми партнерами сотрудничества с РФ. В экстремальных условиях истории отдельные народы этих вероисповеданий не раз были союзниками Московии/империи/СССР, помогая ей. Нации Запада напротив, всегда оставались либо захватчиками, либо использовали правителей страны в своих целях. В РФ власть с президентом В.В. Путиным долгий период четко не определяла свои позиции в мире, расколотом надвое: страны Запада с союзниками и все остальные. Но в условия военной спецоперации на Украине президент РФ действовал точно в русле рекомендаций нашего востоковеда (хотя он наверняка не читал его тексты).

Что касается научной среды, то многие сторонники развития РФ по русско-православной модели не согласятся с Ерасовым по ряду важных проблем устроения нашей цивилизации. Пусть будет полемика, что естественно для науки. Но специалисты должны знать его ново-евразийскую позицию; она актуальна. Да и читать тексты Ерасова интересно; они раскрывают стремление автора понять скрытую сущность России.

Литература

1. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998; Сикоркий И.А. О психологических основах национализма. Киев, 1910; Меньшиков М.О. Национальная империя. М., 2004 и др.
2. См.: Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992 и др.
3. Цит. по: Никандров Н. Иван Солоневич: народный монархист. М., 2007. С. 479.
4. Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 1991.
5. Ильин И.А. Наши задачи. В 2-х тт. М., 2008.
6. См.: Аванесова Г.А. Социокультурные практики в условиях кризиса, катастрофы и в процессе их преодоления // Постклассические практики и социокультурные трансформации. М., 2009.

7. См.: Гумилев Л.Н. Струна истории. М., 2008; Он же, Конец и вновь начало. М., 2001 и др.
8. Гумилев Л.Н. Меня называют евразийцем…// Наш современник. 1991. № 1. С. 62–70.
9. Шафаревич И.Р. Русский народ в битве цивилизаций. М., 2004; он же, Будущее России. – URL: https://spkurdyumov.ru/forecasting/budushhee-rossii/3/ Д.д.15.01.2023.
10. Шафаревич И.Р. Будущее России. – URL: https://spkurdyumov.ru/fore casting/budushhee-rossii/3/.
11. См.: Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Составитель и автор ряда статей Ерасов Б.С. М., 1998.
12. Ерасов Б.С. Цивилизации: универсалии и самобытность. М., 2002.

UNDERSTANDING RUSSIA: BREAKTHROUGHS AND DEAD ENDS IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN HUMANITARIAN THOUGHT (XVIII – EARLY XXI CENTURIES)[11]

Avanesova G.A., Mironov A.V.
Higher Education, Higher Education Institution of the Russian Federation

The authors analyze how the peculiarities of Russia – its history, society, and culture of Modern times-have interpreted some areas of Russian humanitarian thought. The main focus is on conservative thought. These processes of scientific and philosophical self-knowledge are traced, first, in the course of Russia's interactions with Western European civilization, with its humanitarianism and theory of knowledge, and secondly, in the context of internal transformations of cultural and civilizational and paradigmatic nature in the empire, in the Soviet and post-Soviet times.

Keywords: epistemology/epistemology, relations between knowledge and reality in science, theoretical rationalism, cognitive substances of different civilizations, the paradigm of studying Russia by Russian conservative thought, perspectives of understanding Russia by Soviet Marxism, reflection theory, science and politics, understanding of scientific truth and truth, pseudo-science in the Postmodern period.

References

1. Tikhomirov L.A. Monarchical statehood. M., 1998; Sikorkiy I.A. On the psychological foundations of nationalism. Kyiv, 1910; Menshikov M.O. National Empire. M., 2004, etc.
2. See: Sorokin P.A. Human. Civilization. Society. M., 1992, etc.
3. Quote. by: Nikandrov N. Ivan Solonevich: people's monarchist. M., 2007. P. 479.
4. Solonevich I.L. People's monarchy. M., 1991.
5. Ilyin I.A. Our tasks. In 2 vols. M., 2008.
6. See: Avanesova G.A. Sociocultural practices in conditions of crisis, disaster and in the process of overcoming them // Postclassical practices and sociocultural transformations. M., 2009.
7. See: Gumilyov L.N. The string of history. M., 2008; He is the end and the beginning again. M., 2001, etc.
8. Gumilyov L.N. They call me a Eurasian… // Our contemporary. 1991. No. 1. P. 62–70.
9. Shafarevich I.R. Russian people in the battle of civilizations. M., 2004; aka, The Future of Russia. – URL: https://spkurdyumov.ru/forecasting/budushhee-rossii/3/ D.d.01/15/2023.
10. Shafarevich I.R. The future of Russia. – URL: https://spkurdyumov.ru/fore casting/budushhee-rossii/3/.
11. See: Comparative study of civilizations. Reader / Compiler and author of a number of articles Erasov B.S. M., 1998.
12. Erasov B.S. Civilizations: universals and identities. M., 2002.

[1] 1 Continuation. For the beginning, see Nos. 3,4,5,6 (2021, Nos. 1, 2, 4–2022, Nos. 1,4, 6, 11–2023, № 4–2024).

Анализ существующих практик передачи духовного опыта поколения в современной высшей школе

Ореховская Наталья Анатольевна,
д.ф.н., профессор Кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: naorehovskaya@fa.ru

Вне зависимости от того, по какому пути цивилизационного развития пойдет в дальнейшем наша страна, осознание значимости воссоздания механизма передачи от предыдущих к будущим поколениям нравственных и духовных ценностных ориентиров и мировоззренческих установок является гарантией сохранения культурного и гражданского единства в нашем обществе. Актуальность выбранной для данной статьи темы определяется следующими факторами. В первую очередь, система современного высшего образования в нашей стране нуждается в разработке и усилении тех направлений в образовательной программе, которые ориентированы на воспитание у учащихся уважения к традиционным духовным и культурным ценностям нашего народа, понимание важности передачи этих ценностей между поколениями. В настоящее время Министерство образования Российской Федерации не уделяет, по нашему мнению, достаточного внимания к проблемам, которые подняты в этой статье. Помимо этого, считаем необходимым проанализировать, каковы основные нравственные и духовное ориентиры у представителей различных поколений, работающих или проходящих обучение в системе высшего профессионального образования, для того, чтобы организовать эффективную передачу духовно-нравственного опыта и ценностей между поколениями. В заключении следует отметить, что актуальным вопросом в настоящее время является необходимость разработки рекомендаций, имеющих теоретическое обоснование, для органов управления отечественным образованием с целью организации эффективного механизма передачи нравственных и духовных ценностей между поколениями в рамках образовательного процесса в образовательных учреждениях отечественной высшей школы.

Ключевые слова: кризис традиционной культуры, духовный опыт, духовность, духовно-нравственные ценности, межпоколенческие коммуникации, патриотическое воспитание в ВУЗе, наставничество в ВУЗе, взаимодействие поколений в ВУЗе.

Актуальность исследования

Педагогическая работа в учебных учреждениях системы высшего образования является важным инструментом социализации, обеспечивающим, кроме прочего, духовно-нравственную связь между разными поколениями людей, поскольку ВУЗ является площадкой активного межпоколенческого взаимодействия. Духовное содержание и эффективность такого взаимодействия предполагает не только передачу профессиональных знаний и опыта, но также духовно-нравственных ценностных ориентиров и навыков коммуникации [7, с. 124].

Прочность взаимоотношений в коллективе, царящая в нем атмосфера во многом зависит от нравственного аспекта взаимоотношений внутри него. Таким образом, создание в коллективе здоровых нравственных взаимоотношений являются одной из ключевых задач управленческого звена на различных его уровнях [18, с. 59].

Вопросы, связанные с взаимодействием представителей различных поколений в стенах высших учебных заведений, не часто привлекают внимание современных социологов. Представляется очевидным, что представители разных поколений существенно отличаются между собой ценностными установками, убеждениями и взглядами, включая подходы к трудовой деятельности, и вполне естественно, что эти межпоколенческие различия могут стать источником проблем коммуникативного характера, возникновения недопонимания по ряду принципиальных мировоззренческих вопросов, что чревато возникновением напряженности в коллективе, что не способствует созданию благоприятной атмосферы, и, в конечном счете, может выражаться в конкретных цифрах ухудшения финансовых показателей деятельности предприятия или его отдельной структурной единицы из-за снижения производительности труда [2, с. 218].

Важным аспектом формирования в коллективе здоровой морально-нравственной атмосферы, взаимопонимания и эффективного взаимодействия между представителями разных поколений являются изучение особенностей их мировоззренческих и ценностных установок, жизненного и профессионального опыта [4, с. 93].

Основной проблемой в сфере передачи ценностей нравственно-духовного характера, включая сферу трудовой деятельности, является отсутствие опыта и знаний, общих для всех поколений, неразработанность надежного механизма их передачи. И если на межличностном уровне подобные проблемы не имеют такой остроты, и вполне разрешимы при наличии доброй воли всех участников взаимоотношений, то на более высоких уровнях эти проблемы могут отрицательно сказываться на процессе воспроизводства научных и управленческих кадров, взаимопонимания в более масштабных вопросах, касающихся подходов к стратегическому управлению крупных компаний или отраслей в целом, что чревато вполне осязаемыми потерями в качестве управления [14, с. 115].

Руководители с недостаточным опытом работы зачастую не уделяют должного внимания трудностям адаптационного периода, с которыми сталкиваются новые члены коллектива, что может отрицательно сказаться

на нравственном климате. Необходимо обеспечить гармоничное сочетание таких качеств представителей разных поколений, как предприимчивость, смелость молодежи в реализации новых инновационных идей с богатым опытом и навыками более старших сотрудников, что в итоге создаст мощный кумулятивный эффект лучших качеств разных поколений и положительно скажется на эффективности работы подразделения.

Следует четко понимать, что потребность в передаче своего богатейшего жизненного и профессионального опыта является одним из приоритетных стремлений опытных специалистов на завершающим этапе их карьеры. Необходимо максимально использовать эти стремления с целью передачи этих знаний и навыков молодежи, а также для того, чтобы их старшие товарищи не испытывали горького чувства собственной ненужности, что в целом будет способствовать созданию здоровой атмосферы конструктивного взаимодействия между поколениями в коллективе [11, с. 196].

Сам факт признания опыта и компетентности старших сотрудников, высокой оценки их вклада в общее дело имеет мощный мотивирующий эффект, который стимулирует их к активной деятельности по передаче своих знаний молодым коллегам, что обеспечивает формирование сильной межпоколенческой связи и сохранение так называемой корпоративной памяти.

В современных условиях, когда в обществе усиливается внимание к проблемам, связанным с нравственностью и духовностью, с восстановлением преемственности между поколениями, управленческое звено организаций и компании должно уделять внимание не только потребностям возрастных и опытных сотрудников, но там же учитывать интересы молодежи и особый акцент делать на выстраивании плодотворного взаимодействия между ними, что, помимо создания благоприятного психологического и морального климата в коллективе, позволит достичь максимального эффекта в продуктивности работы коллектива через использование лучших качеств, присущих представителям различных поколений, когда смелость и энергия молодых подкрепляется опытом и мудростью старших [15, с. 32].

Эта задача представляется достаточно нелегкой, поскольку на современном рынке труда встречаются не только представители разных поколений со своими ценностными ориентирами, навыками и опытом, но также разных культурных сообществ, что тоже требует грамотного деликатного подхода к созданию в коллективе здоровой гармоничной атмосферы.

В контексте вышесказанного становится понятной необходимость наличия у представителей управленческого звена компетенций в сфере межличностных взаимоотношений, основ психологии и других смежных с ними знаний и навыков, позволяющих выстраивать механизм передачи опыта и нравственно-духовных ценностей между поколениями, взаимодействия между людьми с различными профессиональными, жизненными, культурными установками.

Постановка проблемы

Можно констатировать, что поднятая в данной статье проблема имеет два измерения. Одно из них касается организации плодотворного взаимодействия между поколениями в рамках высшего учебного заведения с целью совершенствования механизма передачи жизненного и профессионального опыта, системы духовно-нравственных ценностей (ДНЦ) от старшего поколения профессорско-преподавательского состава ВУЗа своим молодым коллегам, а также студентам. Другое измерение касается обучения будущих специалистов, многие из которых могут в будущем стать представителями руководящего звена частных компаний или государственных учреждений, навыков и знаний, позволяющих им в будущей профессиональной деятельности решать эти же задачи в качестве руководителей различного уровня [5, с. 112].

Неудовлетворительное состояние ключевых институтов социализации, которые не способны обеспечить подготовку необходимого количества компетентных специалистов для системы высшего образования, вызывает глубокую озабоченность отечественных исследователей. Среди ключевых причин такого положения эксперты называют последствия фундаментальных социально-экономических трансформаций, происходящих в нашей стране и обществе, когда приоритет экономических аспектов в жизни государства оставил в тени духовно-нравственную сферу, что стало одной из причин деградации отдельных сторон учебно-воспитательного процесса на различных уровнях системы образования [17, с. 15].

Еще одной причиной является принципиальная несовместимость отдельных национальных идеологических скреп с принципами свободного либерального общества, поэтому проблема нравственный и духовный преемственности зачастую становится проблемой цивилизованного выбора, что требует глубокого изучения.

Что касается подходов к профессиональной деятельности, то здесь передача богатого опыта и отношения к работе от старшего поколения к молодежи имеет огромное значение, поскольку молодые специалисты по окончанию ВУЗа зачастую легкомысленно относятся к трудовой дисциплине, необходимости строго соблюдать технологические процессы, что особенно важно для работы в наукоемких отраслях промышленности [19, с. 253].

Вместе с тем, следует отметить изменения в тенденциях стратегии государственного развития. Появляется четкое понимание равной значимости финансового капитала и качества человеческих ресурсов. Концепция так называемых «постбюрократических организаций» в последние годы набирает большую популярность. Ее авторы и наиболее известные последователи, такие как К. Арджирис, Г. Саймон, Ч. Барнард, У. Беннис и др. считают человека одним из ключевых факторов управления, который имеет стратегический характер, а соответствие ценностных установок работников с ценностными установками компании рассматривается как важнейший аспект успеха [16, с. 519].

В рамках этой концепции центральным вопросом является возобновляемый характер человеческого потенциала, где ключевую роль играет передача знаний, опыта, нравственных и духовных установок от старшего поколения к младшему.

Наиболее передовые российские ВУЗы в рамках решения этих проблем пошли по пути разработки новых подходов и принципов кадровой политики, которые основаны на механизмах совершенствования кадровых ресурсов, обеспечении межпоколенческой преемственности подходов к управлению и производственной деятельности.

Ключевыми задачами, стоящими перед управленческим звеном вузов и компаний при работе с кадрами, являются [6, с. 24]:

– обеспечение преемственности между представителями разных поколений;
– поддержка сотрудников через возможность служебного роста по критериям профессиональной компетентности и приверженности корпоративным или университетским ценностным установкам;

– создание благоприятных условий для максимального развития кадрового потенциала, который в современных условиях является одним из ключевых конкурентных факторов компаний и вузов;
– обеспечение общности интересов и стремлений коллектива, его нацеленность на достижение поставленных целей;
– гармонизация интересов сотрудников с интересами и целями компании или ВУЗа.

Применительно к современным российским вузам, одна из основных целей кадровой политики в учебных заведениях является деятельность по облегчению адаптационного периода для молодых специалистов, обеспечению передачи им университетских ценностей, вузовских традиций и этики, где важнейшая роль отводится наставникам, роль которых выполняют наиболее уважаемые, авторитетные, умудренные опытом преподаватели и профессора.

Социологические исследования, проведенные в российских вузах, свидетельствует о тревожной тенденции, когда около 75% молодых преподавателей удовлетворены своей работой, предоставляющим им возможность самореализации. Их устраивает атмосфера в коллективе и практически все нематериальные аспекты их профессиональной деятельности. Однако почти такой же высокий процент молодых специалистов не удовлетворены уровнем своей заработной платы, что является ключевой причиной их желания найти себе новое место работы [20, с. 27].

Как показывают исследования, на общий характер работы педагогических коллективов большое влияние оказывает процентное соотношение различных возрастных групп среди преподавателей [9, с. 51].

Например, преобладание более возрастных сотрудников благотворно влияет на уровень трудовой дисциплины в ВУЗе, однако обуславливает излишнюю консервативность в контексте внедрения инновационных подходов и решений в управлении вузом и в учебно-воспитательный процесс. Условно «молодежный» коллектив отличается высокой креативностью и восприимчивостью к инновациям, но вместе с тем, в таких коллективах наблюдается относительно высокая текучесть кадров, более легкомысленное отношение к дисциплине и к ответственности [1, с. 56].

Когда мотивационно-ценностный аспект индивида сталкивается с проблемами, возникающими в процессе трудовой деятельности, возможно возникновение барьера, имеющего социально-психологический характер. Этот процесс может выражаться через депрессию, напряженность либо другие деструктивные эмоции, которые препятствуют нормальному процессу передачи нравственных и духовных ценностей, профессионального и жизненного опыта от старшего поколения к младшему [13, с. 26].

Одним из факторов, серьезно препятствующих успешной межпоколенческой трансмиссии, может стать, и нередко становится, ситуация, когда морально-нравственные качества наставника не соответствуют тем ценностям, которые он пытается передать молодым.

На основе собственных научных разработок и анализа других источников по рассматриваемой тематике автор предлагает к рассмотрению функциональную модель, которая отражает управление процессом передачи знаний и опыта между поколениями в высших учебных учреждениях, и которая, как считает автор, позволит существенно повысить уровень эффективности этого процесса.

Эта модель состоит из четырех составляющих, которые отвечают за планирование, организацию, коррекцию и контроль. Процесс управления состоит из стадии проектирования и стадии реализации.

Планирование осуществляется с учетом задач, которые следует решить в ходе процесса управления, а также программы деятельности и миссии. Организационный аспект состоит из деятельности, которая направлена на преодоление препятствий, которые возникают на пути нормального процесса передачи нравственных и духовных ценностей от старшего поколения к младшему. В рамках этого аспекта выбираются технологии, средства и методы управления [8, с. 143].

Рис. 1. Модель управления межпоколенческой преемственностью нравственных и духовных ценностей в ВУЗах

Контрольная составляющая предполагает наличие регулярного мониторинга процесса передачи опыта, навыков и ценностей между поколениями, включая поведенческий аспект, ценностно-эмоциональный и когнитивный. Помимо этого, отслеживаются параметры эффективности управления этими процессами, состояние морального климата в коллективе, риски и т.д. [3, с. 81].

Особую функцию выполняет коррекционная составляющая функциональной модели, роль которой состоит в анализе параметров, полученных в ходе мониторинга, разработки и реализации комплекса мероприятий, направленных на устранение препятствий для полноценного процесса обеспечения межпоколенческой преемственности, в результате чего могут быть откорректированы цели и соответственно программа их достижения (рис. 1).

На основе полученных в ходе исследований результатов автор подготовил комплекс практических и теоретических рекомендаций, направленных на обеспечение эффективного управления процессами передачи трудового и жизненного опыта, нравственных и духовных ценностных ориентиров от старшего поколения к младшему в условиях высших учебных заведений, которые учитывают различные уровни принятия решений управленческого характера и препятствий, возникающих при их реализации [10, с. 200].

В институциональном контексте следует прежде всего начинать с того, чтобы внедрить в управление гуманистическую модель, что предполагает усиление нравственно-духовного аспекта управленческих процессов, ориентацию на гуманистические ценности, для чего требуется формирование новых компетенций у персонала управленческого звена.

В организационном контексте [12, с. 273].

1. Всячески поощрять развитие модели наставничества:

– усиливать материальную и моральную мотивацию наставников;
– при выдвижении опытных специалистов на роль наставников руководствоваться критериями авторитетности, нравственными и моральными качествами, стремлением к этой деятельности.

2. Активнее привлекать профессорско-преподавательский состав к волонтерской деятельности, участию в благотворительных акциях.

3. Организовать и развивать обратный процесс по передачи ценностей и компетенций от представителей младшего поколения к старшему.

Для того, чтобы решить поставленные задачи, следует опираться на гуманистические принципы в управлении, подходить к педагогическому коллективу, как к фундаменту, на основе которого формируются взаимоотношения между поколениями.

Следование нравственным и духовным ценностям, гуманистическим принципам при формировании в коллективе здоровой творческой атмосферы сотрудничества между различными поколениями позволит мотивировать всех сотрудников к продуктивной деятельности для достижения общих целей, к профессиональному и личностному самосовершенствованию, общей слаженной работе на благо общества.

Литература

1. Вагин Д.Ю. Межпоколенческая преемственность духовно-нравственных ценностей в российском обществе // Дискуссия. 2016. № 7(70). С. 52–58.
2. Духовно-нравственная культура в высшей школе: теория и практика / В.М. Меньшиков, Г.А. Кирмач, Л.А. Дубровина [и др.]. – Москва: Диона, 2019. – С. 210–223.
3. Заборина М.А. Духовно-нравственные ценности в образовательном поле высшей школы: опыт системного анализа / М.А. Заборина, Е.А. Брант, Ю.Ю. Сергеев // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74–3. С. 78–87.
4. Зинурова Р.И., Никитина Т.Н., Фатхуллина Л.З., Социальные практики и социально-психологические характеристики поколения Z (по результатам фокус-группового исследования) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2022. № 476. С. 88–96.
5. Иванова Н.И. Основные факторы развития духовно-нравственного воспитания и передача исторической преемственности поколений к молодежи // Образование и наука в России и за рубежом. 2020. № 3(67). С. 105–115.
6. Каримов Ш.И. Факторы изменения механизма передачи духовного опыта между поколениями / Ш.И. Каримов, А.Ю. Оборский // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, № 6. С. 19–28.
7. Ковин Е.А., Лысенко О.В., Теория поколений в контексте социологии управления // Научный результат. Социология и управление. 2019. № 4. С. 120–129.
8. Меньшиков В.М. Нужна ли концепция духовно-нравственного воспитания в современной высшей школе России? // Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2018. С. 138–146.
9. Монако Т.П. Проблемы возрастного состава педагогического коллектива // Russian Journal of Education and Psychology. 2017. № 4–2. С. 45–53.
10. Немова О.А. Восприятие школьниками поколения прародителей – участников Великой Отечественной войны: опыт феноменологического анализа / О.А. Немова, Д.Ю. Вагин, В.В. Ретивина // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12, № 3–3. С. 199–203.
11. Немова О.А. Нравственные координаты интерсубъективного мира современного подрастающего поколения / О.А. Немова, Д.Ю. Вагин, К.И. Кирсанова // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12, № 3–3. С. 194–198.
12. Оборский А.Ю. Историческая преемственность духовного опыта в современном российском обществе: социологический анализ / А.Ю. Оборский, А.А. Зотов, Н.А. Козырев // Казанский педагогический журнал. 2022. № 5(154). С. 270–281.
13. Овда, Л.Г. Опыт взаимодействия школы, семьи и церкви в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения // Психология развития и образования: (российский журнал прикладных исследований). 2020. № 2. С. 22–29.
14. Орлов М.О. Нарушение механизма передачи духовного опыта подрастающему поколению как кризис традиционной культуры в современном обществе // Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 110–117.
15. Петюкова О.Н. Правовое обеспечение реализации воспитательной функции образования в контексте трансляции духовного опыта поколений // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 7. С. 29–38.
16. Реснянский С.И. Современные подходы к духовно-нравственному воспитанию в высшей школе в контексте модернизации образования. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2018. – С. 514–522.

17. Свадьбина Т.В., Вагин Д.Ю. Опыт старшего поколения глазами молодых (по результатам социологических исследований) // Осознанное родительство – взгляд в будущее. Н. Новгород. 2009. – С. 14–15.
18. Суббочева Н.В. Аспекты духовно-нравственного воспитания в теории и практике общего образования в современной школе / Н.В. Суббочева, А.Ю. Талалаева // Вестник Белгородского института развития образования. 2019. Т. 6, № 4(14). С. 55–61.
19. Трудовые ориентации современного молодого поколения и трудности экономического развития страны / Е.В. Яшкова, Д.Ю. Вагин, М.В. Сипрова, Д.А. Ефимова // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. Т. 2, № 7(33). С. 250–255.
20. Хан Т.В. Преподавание этики в высшей школе и духовно-нравственное обновление современного общества. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019. – С. 22–31.

ANALYSIS OF THE EXISTING PRACTICES OF TRANSFER OF SPIRITUAL EXPERIENCE TO A GENERATION IN A MODERN HIGHER SCHOOL

Orekhovskaya N.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

Regardless of which path of civilizational development our country will take in the future, awareness of the importance of recreating the mechanism of transmission from previous to future generations of moral and spiritual value orientations and worldviews is a guarantee of maintaining cultural and civic unity in our society. The relevance of the topic chosen for this article is determined by the following factors. First of all, the system of modern higher education in our country needs to develop and strengthen those areas in the educational program that are focused on instilling in students respect for the traditional spiritual and cultural values of our people, understanding the importance of transferring these values between generations. At present, the Ministry of Education of the Russian Federation does not, in our opinion, pay sufficient attention to the problems raised in this article. In addition, we consider it necessary to analyze what are the main moral and spiritual guidelines for representatives of different generations working or studying in the system of higher professional education in order to organize the effective transfer of spiritual and moral experience and values between generations. In conclusion, it should be noted that the current issue is the need to develop recommendations that have a theoretical justification for national education authorities in order to organize an effective mechanism for the transfer of moral and spiritual values between generations within the educational process in educational institutions of the national higher school.

Keywords: the crisis of traditional culture, spiritual experience, spirituality, spiritual and moral values, intergenerational communications, patriotic education in the university, mentoring in the university, interaction of generations in the university.

References

1. Vagin D. Yu. Intergenerational continuity of spiritual and moral values in Russian society // Discussion. 2016. No. 7(70). pp. 52–58.
2. Spiritual and moral culture in higher education: theory and practice / V.M. Menshikov, G.A. Kirmach, L.A. Dubrovina [and others]. – Moscow: Diona, 2019. – pp. 210–223.
3. Zaborina M.A. Spiritual and moral values in the educational field of higher education: experience of system analysis / M.A. Zaborina, E.A. Brant, Y.Y. Sergeev // Problems of modern pedagogical education. 2022. No. 74–3. pp. 78–87.
4. Zinurova R.I., Nikitina T.N., Fatkhullina L.Z., Social practices and socio-psychological characteristics of generation Z (based on the results of a focus group study) // Vestn. Volume. state unta. 2022. No. 476. pp. 88–96.
5. Ivanova N.I. Main factors in the development of spiritual and moral education and the transfer of historical continuity of generations to youth // Education and science in Russia and abroad. 2020. No. 3(67). pp. 105–115.
6. Karimov Sh.I. Factors of change in the mechanism of transmission of spiritual experience between generations / Sh.I. Karimov, A. Yu. Oborsky // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2022. T. 12, no. 6. pp. 19–28.
7. Kovin E.A., Lysenko O.V., The theory of generations in the context of the sociology of management // Scientific result. Sociology and management. 2019. No. 4. pp. 120–129.
8. Menshikov V.M. Is the concept of spiritual and moral education necessary in modern higher education in Russia? // Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), 2018. pp. 138–146.
9. Monaco T.P. Problems of the age composition of the teaching staff // Russian Journal of Education and Psychology. 2017. No. 4–2. pp. 45–53.
10. Nemova O.A. Schoolchildren's perception of the generation of ancestors – participants in the Great Patriotic War: experience of phenomenological analysis / O.A. Nemova, D. Yu. Vagin, V.V. Retivina // Modern studies of social problems. 2020. T. 12, No. 3–3. pp. 199–203.
11. Nemova O.A. Moral coordinates of the intersubjective world of the modern younger generation / O.A. Nemova, D. Yu. Vagin, K.I. Kirsanova // Modern studies of social problems. 2020. T. 12, No. 3–3. pp. 194–198.
12. Oborsky A. Yu. Historical continuity of spiritual experience in modern Russian society: sociological analysis / A. Yu. Oborsky, A.A. Zotov, N.A. Kozyrev // Kazan Pedagogical Journal. 2022. No. 5(154). pp. 270–281.
13. Ovda, L.G. Experience of interaction between school, family and church in the spiritual and moral education of the younger generation // Psychology of development and education: (Russian journal of applied research). 2020. No. 2. pp. 22–29.
14. Orlov M.O. Violation of the mechanism of transmission of spiritual experience to the younger generation as a crisis of traditional culture in modern society // Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, 2021. pp. 110–117.
15. Petyukova O.N. Legal support for the implementation of the educational function of education in the context of transmitting the spiritual experience of generations // Gaps in Russian legislation. 2022. T. 15, no. 7. pp. 29–38.
16. Resnyansky S.I. Modern approaches to spiritual and moral education in higher education in the context of modernization of education. – Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), 2018. – pp. 514–522.
17. Svadbina T.V., Vagin D. Yu. Experience of the older generation through the eyes of the young (according to the results of sociological research) // Conscious parenting – a look into the future. N. Novgorod. 2009. – pp. 14–15.
18. Subbocheva N.V. Aspects of spiritual and moral education in the theory and practice of general education in modern school / N.V. Subbocheva, A. Yu. Talalaeva // Bulletin of the Belgorod Institute for Educational Development. 2019. Vol. 6, No. 4(14). pp. 55–61.
19. Labor orientations of the modern young generation and difficulties of economic development of the country / E.V. Yashkova, D. Yu. Vagin, M.V. Siprova, D.A. Efimova // Innovative economics: prospects for development and improvement. 2018. T. 2, No. 7(33). pp. 250–255.
20. Khan T.V. Teaching ethics in higher education and spiritual and moral renewal of modern society. – St. Petersburg: St. Petersburg State Economic University, 2019. – pp. 22–31.

Патриотизм как основа формирования общенациональной гордости

Раджабов Осман Раджабович,
д.ф.н., профессор, зав. кафедрой философии и истории Дагестанского государственного аграрного университета имени М.М. Джамбулатова
E-mail: filek08@rambler.ru

Ляшенко Олеся Викторовна,
к.ф.н., доцент кафедры философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета

Раджабов Раджаб Османович,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Дагестанского государственного университета

Статья посвящена анализу и сущности некоторых исторических аспектов патриотизма, как основы формирования общенациональной гордости. Авторы показывают, что патриотизм тот феномен и ценность наиболее близок человеку, ибо он генетически связан с его родителями, родом, своим народом, языком, культурой, традициями, обычаями, географической местностью, где он родился и жил, а также со страной в целом. В статье показан, что патриотизм российского народа уходить в глубь веков, особенно остро проявился, в годы Великой Отечественной войны.
Авторы отмечают патриотизм российского народа впитывает в себя все лучшие качества, характерные всем народам населяющих нашу многонациональную страну.

Ключевые слова: патриотизм, общенациональная гордость, героизм, воспитание, идеология, мировоззрение.

«В России, не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма»

В.В. Путин

Проблема патриотического воспитания и гражданского становления подрастающего поколения одна из актуальных задач современного общества. В федеральном проекте «Патриотическое воспитание граждан Российской федерации» планируется развитие системы взаимодействия между разными поколениями, для обеспечения преемственности, поддержки общественных инициатив и проектов, связанных с патриотическим воспитанием молодежи. Тема воспитания была обозначена Президентом РФ Владимиром Путиным в «Указе о национальных целях развития до 2030 года».

Воспитание чувства единения с народом своей страны, осознания принадлежности к Родине и обретение культурных и нравственных ориентиров – вот только некоторые из основных задач государственной молодежной политики.

Патриотическое воспитание на всем протяжении российской истории находится в поле зрения государства, приобретая особое значение в периоды внутренних и международных кризисов. Современная реальность изобилует вызовами, эффективно противостоять которым может только сплоченное российское общество, построенное на традиционных духовно-нравственных ценностях, объединяющее социально активных граждан со зрелым гражданским самосознанием, которые осознанно включены в жизнь и развитие своей страны.

Обострение внешнеполитических проблем, усиление межгосударственных противоречий, экономическая нестабильность, попытки разрушения традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, реабилитации фашизма, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов, распространение деструктивных идеологий, насаждение чуждых нравственных и поведенческих моделей – все это требует оперативного и адекватного реагирования со стороны системы патриотического воспитания. Патриотическому воспитанию необходимо отвечать задачам дальнейшего укрепления российской государственности и консолидации общества, обеспечивать идейную и идеологическую основу наращиванию экономической и политической мощи России.

Особая роль в формировании патриотизма отводится такому учебному курсу как «История», который призван, познакомить молодое поколение с героической историей нашей страны. Показать, что одним из существенного истоково возникновения общенациональной гордости российского человека является патриотизм всех народов, населяющих нашу страну. Патриотизм – любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам является характерной чертой нашего народа. Термин «Патриотизм» происходит от греческих *patriots*- соотечественник, *patris*- родина, отечество и определяется как «любовь к Отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам» [12]. Патриотизм – это системное качество личности, заключающее в себе любовь к от-

ечеству, представляющее собой единство патриотического мировоззрения, патриотической направленности личности и патриотического поведения, реализуемого в совокупности многообразных деятельностей на благо отечества.

Сущность патриотического воспитания изменялась в зависимости от социально-исторических условий и социально-политических формаций, образовательно-культурной политики и зависела от национальных, религиозных, географических и других особенностей.

По мнению А.Н. Вырщикова и М.Б. Кусмарцева в обыденном сознании патриотизм есть чувство глубокое, древнее, запечатанное в человеческом генотипе, что делает характер данного понятия внеисторичным, его объём наднациональным и метатерриториальным, а содержание кросскультурным, надконфессиональным, надпартийным, надкорпоративным и т.д. [8]. У каждого человека, вступающего в жизнь, возникает чувство любви к родным местам, к окружающим людям, к той среде, где он родился, вырос, сформировался как личность. Оно проявляется во всей его деятельности, а также в различных формах общественного сознания – в морали, искусстве, литературе, поэзии, фольклоре, народном эпосе, в исторических преданиях, обычаях и привычках. Это чувство-ясное сознание принадлежности своему народу, сознательная любовь к своей Родине, к своему отечеству-сопровождает человека на протяжении всей его жизни. Так, знаменитый отечественный филолог С.И. Ожегов понимает сущность патриотизма как «преданность и любовь к своему Отечеству, к своему народу» [9]. В философском словаре, составленном под редакцией И.Т. Фролова [10] понятие патриотизм трактуется как нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы родины. Военно-энциклопедический словарь объясняет рассматриваемое понятие патриотизм шире, как «любовь к родине, своему народу, стремление своими действиями служить их интересам» [11].

Патриотизм коренится не в «крови» рас и наций и не является таинственным порождением «национального духа» или «расовой души», как утверждают западные пропагандисты. Патриотизм как глубокое чувство народов порождается объективными социально-политическими и историческими условиями их жизни. По мнению отечественных исследователей, у патриотизма в России совершенно иные социальные корни. Как отмечает А.Г. Масалов, «конкретные критерии патриотизма формируются в обществе под воздействием многих факторов, среди которых выделяются доминирующие в обществе политические идеологии и конфессии, реальные условия жизни людей в государстве, создающие представления о нормативной идеализированной модели общества, порождающие чувства сопричастности с его жизнедеятельностью и ответственности за его сохранение перед предками и потомками» [7]. Подлинную любовь к тому, что означают эти два слова, всегда проявляли и проявляют россияне, о чем свидетельствует, в частности, героическая история нашего народа.

Настоящими защитниками отечества во все времена были люди, которые являются преемниками и продолжателями лучших национальных традиций. Чувство любви и привязанность к родине, к своему народу к его героическим традициям и культуре выражается в стремлении освободить отечество от «олигархов» и нечистоплотных чиновников. Патриотизму чужды национализм, расизм, национальная исключительность и все отжившее, устаревшее, что мешает движению общества вперед.

Патриотизм российского народа впитывает в себя все лучшие качества, характерные всем народам населяющие нашу страну. Естественно, что такой патриотизм мог возникнуть только в условиях тех гигантских изменений в экономике, культуре и в идейно-политической области, которые должны произойти в нашей стране.

Могучая сила патриотизма нашей страны ярко проявилась в суровую пору Великой Отечественной войны. В годы тяжелейших испытаний, в огне войны раскрылись лучшие черты характера человеческого качества: несгибаемая воля к победе, бесстрашие, массовый героизм, смелость на поле сражении, дружба и братство, готовность идти на любые лишения и жертвы во имя победы над захватчиком. Вдохновляющая сила дружбы народов двигала всеми помыслами и поступками людей. Она проявилась в самоотверженном труде всех слоев общества, а также всех наций и народностей нашей страны. Ратные подвиги на фронте и самоотверженный труд в тылу рождали героев. Граждане СССР были охвачены одним порывом-делать все во имя победы над фашизмом. Многонациональная Красная Армия стала армией массового героизма, о чем говорит число людей, удостоенных в дни войны звания Героя Советского Союза. Среди них 7998 русских, 2021 украинец, 299 белорусов, 161 татарин, 107 евреев, 96 казахов, 90 грузин, 89 армян, 67 узбеков, 63 мордвина, 45 чувашей, 44 азербайджанца, 32 представителей дагестанского народа, 38 башкир, 31 осетин, 16 туркмен, 15 литовцев, 15 таджиков, 12 киргизов, 12 латышей, 10 коми, 10 удмуртов, 9 эстонцев, 8 калмыков, 8 карелов, 6 адыгейцев, 6 кабардинцев, 4 абхазца, 2 мордаванина, 2 якута, 1 тувинец и представители еще многих национальностей. Всего получили эту высокую награду около 12 тыс. человек. Слава о бессмертных подвигах таких героев войны, как русского А.М. Матросова, белоруса Н.Ф. Гастелло, грузина К.Н. Леселидзе, армянина Б.А. Галстяна, 28 панфиловцев и многих-многих других сыновей и дочерей нашей славной отчизны. В ходе борьбы с врагом советскими воинами более 200 раз был повторен подвиг политрука А. Панкратова и рядового А. Матросова, более 320 раз подвиг экипажа Н. Гастелло. Это было результатом воспитания советского народа в духе интернационализма, патриотизма и преданности своей Родине. Величайшими патриотами являются защитники Ленинграда, которые в ожесточенной схватке с врагом не только отстояли город, но и наголову разгромили фашистов на подступах к городу. В памяти народной навсегда останутся подвиги представителей всех наций и народностей СССР, героически защищавших Севастополь и Москву, Брест и Одессу, Сталинград, Новороссийск и Керчь и многие другие города страны. Именно эта беспредельная любовь всех советских людей к своей Родине, их социально-политическое и идейное единство, дружба обеспечили нашу победу над фашистской Германией и империалистической Японией.

Скрепленная кровью, пролитой на полях сражений нерушимая дружба народов Советского Союза обусловила быстрое восстановление разрушенного войной народного хозяйства. Благодаря интернационализму и патриотизму были подняты из пепла сотни городов и тысячи сел, восстановлены Донбасс Днепрогэс, залечены тяжелые раны войны. Украина, Белоруссия, Латвия, Литва, Эстония не могли бы так быстро оправиться от нанесенного им войной ущерба, если бы не дружеская помощь всех советских наций и народностей. Из Москвы, с Поволжья, Урала, из Средней Азии, Закавказья сюда шло промышленное оборудование, продовольствие и многое другое, необходимое для восстановления фабрик и за-

водов, колхозов и совхозов, нормальной жизни в городах и селах.

Возникновение новых промышленных центров, открытие и разработка природных богатств почти во всех союзных и автономных республиках, освоение целинных земель, развитие всех видов транспорта усиливают внутреннюю миграцию населения страны, содействуют расширению взаимного общения ее народов, укреплению их интернациональных связей. Так, целину осваивали представители более 60 наций и народностей. Самоотверженным трудом советских людей – лучших представителей всех союзных и автономных республик, тружеников городов и сел, комсомольцев, нашей славной молодежи-освоено более 42 млн га целинных и залежных земель.

Органическим свойством российских людей является дух товарищеской взаимопомощи, дружбы и сотрудничества. Он ярко проявляется как в дни радости, так и в дни невзгод. Яркий пример этого-быстрое восстановление Ашхабада, Ташкента и Махачкалы, разрушенных сильными землетрясениями. Все союзные республики, все области и края нашей многонациональной Родины пришли в те дни на помощь туркменскому, узбекскому и дагестанскому народам.

До распада СССР в Грузии и Молдавии, Узбекистане и на Украине знали и любили как своих родных писателей А. Пушкина и Т. Шевченко, М. Горького и В. Маяковского, М. Шолохова и А. Твардовского, К. Федина и М. Стельмаха. Русские, украинцы, белорусы и представители других наций любили и читали Шота Руставели, Вилиса Лациса, Абая Кунанбаева, Чингиза Айтматова, великолепные стихи Янки Купалы, Самеда Вургуна, Расула Гамзатова, Эдуардаса Межелайтиса, Мустая Карима и многих других художников слова.

В развитии общенациональной культуры большую роль играла русская культура, особенно русский язык как средство межнационального общения и приобщения к лучшим достижениям отечественной и мировой культуры. Если в 1959 году 10 млн человек нерусского населения страны назвали его своим родным языком, а в 1980-м – более 18 млн до распада СССР [3]. Кроме того, почти 52 млн человек считали его вторым языком, которым они свободно владеют. Признание русского языка как языка межнационального общения в тот период не означало умаление национальных языков. Наоборот, в бывшем СССР всестороннее экономическое и культурное сотрудничество наций, обмен научными, политическими и техническими знаниями вел к взаимному обогащению всех языков народов СССР, происходил в процессе их взаимодействия и взаимообогащения.

Как общенациональная, так и национальная гордость, необходимая для формирования патриотизма устанавливалась не сразу, а в течение длительного исторического периода, о чем красноречиво свидетельствует история народов России. Несмотря на постоянные попытки Запада переписать и унизить историю России, оклеветать русскую культуру Россия неуклонно шла вперед, опережая во многом научные идеи Запада. Еще А.С. Пушкин с горечью писал, что русский народ – «вечный предмет невежественной клеветы писателей «иностранных». Немецкий философ Гегель в своей работе «Философия истории» писал, что на востоке от Эльбы живет огромная славянская нация, которая до сих пор не выступала как самостоятельный элемент в процессе развития мирового разума, способный к самостоятельному историческому творчеству [2]. Только идеалистическими воззрениями немецкого философа и его прусским «превосходством» можно объяснить эту глубоко ошибочную точку зрения, исключавшую из истории славянские народы. Странно, что Гегель об этом писал в 1820-х годах XIX века, то есть значительно позже того, как Петр I провел свои знаменитые реформы, одержал историческую победу под Полтавой и в России появились великие творения М.В. Ломоносова и А.Н. Радищева. Это утверждение было сделано после знаменитых суворовских походов и всемирно-исторической победы России над Наполеоном в 1812 году, закончившихся освобождением русской армией ряда европейских стран от наполеоновской тирании, в том числе и Пруссию, где родился и жил Гегель.

Еще в 1960-х годах прошлого столетия Н.А. Добролюбов с негодованием писал: «Еще не мало у нас, в образованном обществе, таких господ, которым ничего не стоит обвинить повально целый народ в неспособности к (гражданской жизни и) всякому самостоятельному устройству [3]. Охаивание всего русского, отрицание русской национальной гордости, низкопоклонство перед заграницей было традицией определенной части русской дворянской и буржуазной интеллигенции в прошлом. У этих людей, как писал В.Г. Белинский, «всякая иностранная дрянь легко шла на гениальность… а свое русское, хотя бы и отмеченное высокой даровитостью, презиралось только за то, что оно русское» [4]. Великий патриот и основоположник отечественной науки М.В. Ломоносов, готовый жизнь свою положить за «утверждение наук в отечестве», решительно боролся против этой реакционной идеологии. За 40 лет до Лавуазье он открыл закон постоянства веществ, выдвинул гипотезу атомного строения веществ, за 100 лет до создания кинетической теории газов объяснял явление теплоты движением частиц материи. Тем не менее официальная наука осталась равнодушной к вопросу о приоритете этих великих открытий русского ученого. Так же было и с величайшими открытиями мирового значения И.И. Ползунова, А.С. Попова, Д.И. Менделеева, А.Н. Лодыгина, К.Э. Циолковского, К.А. Тимирязева, Кургатова, Королева, Н.Е. Жуковского, и других. Так было не только в науке, но и в других областях культуры.

Принижая и унижая нашу отечественную науку и культуру, иностранные ученые и всякого рода дельцы обкрадывали и присваивали результаты исследований и открытий русской науки. Если им не удавалось выкрасть патент на изобретение, то они не гнушались идти на подкуп наших ученых, обещая им «золотые горы».

Беспредельная любовь к своей Родине, национальная гордость были внутренним свойством передовых русских людей. В.Г. Белинский писал: «Чувство любви к отечеству-благородное и возвышенное чувство…». Но «любовь к отечеству должна выходить из любви к человечеству, как частное из общего». Любить свою родину значит – пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому». Н.А. Добролюбов писал, что «настоящий патриотизм как частное проявление любви к человечеству не уживается с неприязнью к отдельным народностям…» [5]. А.Н. Толстой назвал любовь к Родине, гордость за свою Родину мощной силой, двигающей человека на большие дела, самоотверженный героизм [6]. Я хочу больших дел и большой славы, потому что мои дела и моя слава-дела и слава моей родины… Я – сын, плоть от плоти, кровь от крови моей любимой родины, потому что любовь к родине несет с собой ревнивую бдительность» Он писал: «Я хочу больших дел и большой славы, потому что мои дела и моя слава-дела и слава моей родины… Я – сын, плоть от плоти, кровь от крови моей любимой родины, потому что любовь к родине несет с собой ревнивую бдительность» [6]. Именно таким патриотизмом, такой любовью к своей Родине

отличались передовые умы нашей страны. Они все делали для славы своего отечества, гордились его будущим. Вот с какой гордостью писал В.Г. Белинский о будущности России: «Завидую внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году, стоящую во главе образованного мира, дающую законы и науке, и искусству, и принимающую благоговейную дань от всего просвещенного человечества» [4].

Лишь любовь к народу, вера в будущее России давали и дают моральные силы передовым людям нашей Родины претерпевать все трудности и высоко держать честь русской науки, техники и культуры. Особенно ярко это проявляется сегодня, когда Россия помогает нашим соотечественникам обрести свободу и независимость от профашистской политики, которую ведет Украина под руководством западных стран.

Президент РФ В.В. Путин 27 мая 2024 г. на оперативном совещании с постоянными членами Совета Безопасности отметил, что российские солдаты и офицеры действуют мужественно, как настоящие герои. Наши военнослужащие сражаются стойко, с полным пониманием правоты своего дела. Даже после ранений солдаты и офицеры остаются в строю. Жертвуют собой, своей жизнью, чтобы спасти боевых товарищей и мирных жителей. В ходе боев и наши военнослужащие, и ополченцы Донбасса проявляют действительно массовый героизм.

За время боевых действий на Украине звания Героев России были удостоены более 272 военнослужащих. Им были вручены медали «Золотая звезда» Героя России, из них 11 Героев России – это выходцы из Республики Дагестан.

Как отметил В.В. Путин героический подвиг дагестанца на СВО на Украине: «Мною подписан указ о присвоении старшему лейтенанту Нурмагомеду Энгельсовичу Гаджимагомедову звания Героя России – к сожалению, посмертно, – сообщил Президент России. – В бою он уверенно командовал своими бойцами, как настоящий командир берег подчиненных. Уже получив тяжелое ранение, сражался до последнего и подорвал гранатой окруживших его боевиков и себя. Он пошел на такой шаг, потому что понимал, с кем имеет дело – с неонацистами, которые издеваются над пленными и зверски их убивают». «Я русский человек, и, как говорится, у меня в роду кругом Иваны да Марьи. Но когда я вижу примеры такого героизма, как подвиг молодого парня Нурмагомеда Гаджимагомедова – уроженца Дагестана, лакца по национальности, других наших воинов, мне хочется сказать: я лакец, я дагестанец, я чеченец, ингуш, русский, татарин, еврей, мордвин, осетин… Всех из более чем трехсот национальных групп и этнических групп России просто невозможно перечислить – думаю, вы меня понимаете, – но я горжусь тем, что я часть этого мира, часть могучего, сильного, многонационального народа России», – заявил Владимир Путин.

Это говорит о том, что нынешнее поколение достойно и мужественно повторяет подвиги своих отцов и дедов, многонациональной нашей Родины.

В этом и заключается сущность патриотизма, основанная на чувствах дружбы, взаимопонимания, гордости и героической истории нашей многонациональной страны.

Литература

1. Федосеев П.Н. Великий интернациональный подвиг советского народа. – М.: Знание, 1983. – С. 45.
2. Гегель, Г. Философия истории. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 378 с.
3. Добролюбов Н.А. Избранные философские сочинения. Т. 2. – М.; Госполитиздат, 1946. – С. 310.
4. Белинский В.Г.. Избранные философские сочинения. – М.: Госполитиздат, 1941. – С. 355.
5. Головин Г., Попов А.С. – М.: Молодая гвардия, 1945. – С. 49–50.
6. Толстой А.Н. Полн. собр.соч. – М.: ГИХЛ, 1961. Т. 13. С. 178.
7. Масалов А.Г. Гражданственность и патриотизм: теоретико-методологические основы исследования и формы проявления в современных условиях // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. 2015. № 3.
8. Вырщиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Патриотическое воспитание молодёжи в современном российском обществе / Монография. – Волгоград: НП ИПД «Авторское перо», 2006.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ИТИ Технологии, 2008.
10. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1986.
11. Военный энциклопедический словарь / В 2 томах. Том 1. – Редкол.: А.П. Горкин, В.А. Золотарев, В.М. Карев и др. – М.: Большая Российская энциклопедия: «РИПОЛ КЛАССИК», 2001.
12. Большая советская энциклопедия. Т. 19. – 3-е изд. – М.: Сов.энцикл., 1975. – 647 с.

PATRIOTISM AS THE BASIS FOR THE FORMATION OF NATIONAL PRIDE

Radjabov O.R., Lyashenko O.V., Radjabov R.O.
Dagestan State Agrarian University named after M.M. Dzhambulatova, North Caucasus Federal University, Dagestan State University

The article is devoted to the analysis and essence of some historical aspects of patriotism as the basis for the formation of national pride. The authors shows that patriotism is the phenomenon and value closest to a person, because it is genetically related to his parents, family, his people, language, culture, traditions, customs, geographical area where he was born and lived, as well as with the country as a whole. The article shows that the patriotism of the Russian people goes back centuries, was especially acutely manifested during the Great Patriotic War.
The authors notes that the patriotism of the Russian people absorbs all the best qualities characteristic of all peoples inhabiting our multinational country.

Keywords: patriotism, national pride, heroism, upbringing, ideology, worldview.

References

1. Fedoseev P.N. A great international feat of the Soviet people. – M.: Knowledge, 1983. – P. 45.
2. Hegel, G. Philosophy of history. – M.: Yurayt Publishing House, 2022. – 378 p.
3. Dobrolyubov N.A. Selected philosophical works. T. 2. – M.; Gospolitizdat, 1946. – P. 310.
4. Belinsky V.G. Selected philosophical works. – M.: Gospolitizdat, 1941. – P. 355.
5. Golovin G., Popov A.S. – M.: Young Guard, 1945. – P. 49–50.
6. Tolstoy A.N. Full collected works – M.: GIHL, 1961. T. 13. P. 178.
7. Masalov A.G. Citizenship and patriotism: theoretical and methodological foundations of research and forms of manifestation in modern conditions // Bulletin of Moscow State University for Humanities. M.A. Sholokhova. 2015. No. 3.
8. Vyrshchikov A.N., Kusmartsev M.B. Patriotic education of youth in modern Russian society / Monograph. – Volgograd: NP IPD “Author’s Pen”, 2006.
9. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Acad-

emy of Sciences. Institute of Russian Language named after. V.V. Vinogradova. – 4th ed., supplemented. – M.: ITI Technologies, 2008.
10. Philosophical Dictionary / Ed. I.T. Frolova. – 5th ed. – M.: Politizdat, 1986.
11. Military encyclopedic dictionary / In 2 volumes. Volume 1. – Editorial Board: A.P. Gorkin, V.A. Zolotarev, V.M. Karev et al. – M.: Great Russian Encyclopedia: “RIPOL CLASSIC”, 2001.
12. Great Soviet Encyclopedia. T.19. – 3rd ed. – M.: Sov.encycl., 1975. – 647 p.

Феномен голоса человека в философских учениях

Стрелкова Евгения Юрьевна,
старший преподаватель Высшей школы европейской лингвистики и межкультурной коммуникации, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: estr811@mail.ru

Статья посвящена исследованию феномена человеческого голоса с точки зрения философии. Феномену голоса как важного аспекта человеческой природы и самовыражения особое внимание уделяется в философских учениях различных эпох и направлений. Рассматривается влияние голоса на формирование личности, взаимодействие с окружающим миром и создание связей между людьми. В статье подчеркивается значение голоса в процессе самопознания и саморазвития человека, его способности передавать не только информацию, но и эмоции, убеждения, духовные переживания. Человеческий голос отражает индивидуальность, свободу и способность к самовыражению. Статья предлагает читателю анализ философских подходов к человеческому голосу, понимания его роли в формировании человеческой сущности и общественных отношений.

Ключевые слова: голос, философия, музыка, душа, философский подход, духовные переживания, человеческий голос.

Как известно, философия – это особый способ осмысления и восприятия мира, который позволяет создать систему знаний о самых общих характеристиках, наиболее важных понятиях и основополагающих принципах действительности, познания и человеческого существования, а также о взаимосвязи человека и мира[1]. Человек выступает субъектом и объектом познания в теории познания мира. Человек является личностью, представляющей определенный социум, и индивидом с психосоматическими характеристиками. Голос человека обладает уникальными особенностями, такими как сила, высота и тембр, а также обладает свойствами благозвучности, полетности и подвижности. Эти элементы голоса можно рассматривать по отдельности, но они образуют единый неделимый комплекс, являющийся уникальным феноменом человеческого голоса.

Голос – это источник философии, политики и поэзии. Человеческий голос – это ценный инструмент, который обычно начинается с первого крика рожденного младенца и незаменим для человека до самой смерти, за исключением особых случаев. Тот факт, что это живой, естественный инструмент, принадлежащий человеческому телу, и что это уникальный инструмент, обладающий такой же уникальностью, как отпечатки пальцев, делает его особенным и важным. Голос, который в основном является средством самовыражения и общения, превращается в более сложную способность к речи и еще более сложную способность к пению. Таким образом, с одной стороны, человеческий голос, используемый в более простых (примитивных) ситуациях (вздох, плач, смех, крик и т.д.), также используется для создания более высокой художественной выразительности. В этом смысле его можно назвать удивительным и инструментом воздействия. Более того, голос – это средство, с помощью которого люди общаются друг с другом, передавая свои мысли, это соединение тела и разума, это материальное средство, с помощью которого люди открывают себя друг другу, с помощью которого убеждают друг друга, с помощью которого вместе стремятся к истине и с помощью которого создают идеи и эмоции и делятся ими.

Голос человека отражает внутреннее и внешнее, природное и культурное, аутентичное и искусственное. Он воплощает противоречия, такие как подлинное и иллюзорное, живое и мертвое, индивидуальное и нормативное. Представление о голосе выражает внутреннее, трактуемое как потаенное и подлинное, связанное с сущностью.

Сила голоса часто связывалась с неземными, магическими и сакральными феноменами. Звук стал атрибутом божественного начала и находился в ведении жрецов. Музыка возникла из понимания звука как феномена, отличного и независимого от жизни. Ницше разделял мысль о божественности звуков, возрождая представление о дионисийской силе голоса или музыки.

Анализ современного опыта, публикуемого на различных профильных форумах, сайтах образовательных организаций, а также в научных журналах, позволяет

[1] Щербакова А.М., Истомина Л.А. Экзистенциальные позиции специалистов помогающей сферы в аспекте проблемы профессионального выгорания // Вопросы психологии. 2022. № 5. С. 103–114.

сделать вывод о том, что человеческий голос, который с древнейших времен и до наших дней занимал важное место в передаче эмоций и мыслей, со временем развивался, и появилось певческое искусство[1]. В результате доисторических исследований, антропологических и социологических открытий были выдвинуты различные гипотезы о том, как возникло пение, но наиболее заметной из них является использование определенных звуков и мелодических рифм для увеличения физической силы и мотивации людей во время совместной работы в первобытных племенах. Считается, что эти ритмические повторы лежат в основе речи и пения. Предполагается, что в первобытные времена люди подражали звукам природы, слушая их, и использовали эти звуки для общения друг с другом. Первобытная музыка не имела художественной или развлекательной функции. В примитивной музыке, которая преимущественно была ритмична и использовалась для магии, каждый звук или каждое слово имело свой ритм[2]. Акт пения, фундаментальная форма музыкального самовыражения, играл жизненно важную роль в древних формах ритуала и театра в древности. Древнегреческий философ Аристотель отмечал, что «песня – самый сладкий источник радости для человека», подчеркивая важность пения в жизни человека.

В истории западной и других цивилизаций умение хорошо петь всегда считалось признаком культуры и человечности[3]. Большинство проведенных на сегодняшний день исследований, посвященных человеческому голосу, сосредоточены почти исключительно на голосе как биологическом феномене. В этом контексте требуются философские, описательные и экспериментальные подходы, чтобы представить человеческий голос как многомерное явление более целостно, а не как чисто биологический акустический источник звука.

Голос – это механизм, с помощью которого внутреннее становится внешним. Это источник диалектики и вдохновения, а также источник манипулирования и принуждения. Голос соединяет универсальные и необходимые законы логики с конкретным и случайным местом в пространстве и времени.

Как очень точно указывают К. Аттелл, Д. Раш, голос в философии – это взаимное общение, направленное на то, чтобы спровоцировать размышления с целью выявления истины[4]. В разные эпохи философы оригинально выражали свои мысли, используя эмоциональную окраску высказываний для эффективного воздействия на аудиторию[5]. Помимо этого, голос философа стремился внедрить собственные идеи в жизнь. Существует высказывание о том, что «есть люди, рядом с которыми умным быть неприлично». Конечно, философы не стремились определить, насколько часто им встречаются подобные люди, но они неизбежно высказывают свою точку зрения, ориентируясь на слушателей.

Кроме того, философы – это обычные люди, способные шутить, плакать и сердиться. Голос философа может быть душевным, грустным, даже жалобным, приглашая слушателя к размышлению и конструируя откровенный диалог. Из этого можно сделать вывод, что философ, выражая свою позицию, стремится воздействовать на аудиторию и воплотить свои идеи в жизнь.

Например, Гераклита прозвали «плачущим» за его философскую концепцию, Демокрита – «смеющимся», а Диогена – «собакой». Однако любая интонация философа теряет смысл без «приличной публики». По мнению Диогена, роль «голоса» играет поступок. Демокрит считал своим «голосом» смех. Аристотель, в свое время отмечал, что существует много других видов общественных животных, но только люди говорят о справедливости, что является отнюдь не простой задачей.

Философия также исследует роль голоса в социальных взаимодействиях, власти, иерархиях, культуре и идентичности. Голос может быть средством влияния, манипуляции, власти или, напротив, выражением подлинного «я», искренности и человечности. К примеру, политическая жизнь включает в себя сложную сеть взаимосвязанных голосов. В ней звучат голоса угнетенных и притеснителей, тех, кого заставляют замолчать, и тех, кто заставляет замолчать. Политические философы, которые ищут истину о справедливости и политической жизни, должны говорить о политике, не прибегая к политическим высказываниям. Они должны сознательно отказаться от поэтических изысков политической риторики, чтобы быть уверенными в том, что истина будет раскрыта. Голос философа также стремится вдохновлять и убеждать.

Следует согласиться с мнением Г.А. Федоровой о том, что человеческий голос оказывает значительное влияние на философию и философские учения[6]. Сам факт способности человека к производству звуков, которые могут передавать информацию, мысли, чувства, идеи, позволяет ему общаться, выражать свои мысли и общаться с другими людьми.

В философии звуков, которые создает человеческий голос, часто ассоциируют с понятиями идеала, силы, истины, патоса. Голос человека может быть инструментом для передачи не только информации, но и эмоций, страстей, духовной глубины. Он может служить средством самовыражения и самоопределения, позволяя человеку общаться с миром и самим собой.

Некоторые философы рассматривают человеческий голос как символ человеческой природы, способности к творчеству, к объединению в обществе, к самопознанию и саморазвитию. Голос принимается как часть того, что определяет человеческую сущность и позволяет человеку осознать себя как субъекта, обладающего свободой воли и способностью к духовному развитию.

Феномен голоса человека в философии понимается как средство выражения человеческой индивидуальности и способности к самовыражению. Голос человека не только служит для общения и передачи информации, но и является инструментом самоидентификации, самовыражения и самоопределения.

В философии феномен голоса рассматривается как проявление уникальности каждого человека, как символ человеческой свободы и способности к выбору, способом влияния на окружающий мир.

Кроме того, голос человека в философии ассоциируется с понятиями истины, подлинности и аутентичности. Через голос человек может выразить свои истинные чувства, мысли и убеждения, позволяя ему быть собой и быть правдивым перед собой и окружающими.

[1] Potebnya A.A. Simvol i mif v narodnoi kul'ture [Symbol and myth in folk culture]. Moscow. 2000. P. 360

[2] Jõemets, Viivian Human voice: Its meaning and textuality outside the verbal and the musical. Semiotica 2014 (198). P. 305–320.

[3] Rock, C. The application of vocal literature in the correction of vocal faults. Doktora Tezi, University of Connecticut. – 2019. – p. 148

[4] Kevin Attell. The Human Voice, Giorgio Agamben: Beyond the Threshold of Deconstruction, Commonalities (FUP) (New York, NY, 2014; online edn, Fordham Scholarship Online, 21 May 2015), https://doi.org/10.5422/fordham/9780823262045.003.0003, accessed 30 May 2024.

[5] James Rush The Philosophy of the Human Voice: Embracing Its Physiological History [&C.]. // Nabu Press. – 2023. P. 440

[6] Федорова Г.А., Пильникова А.Ю. Семантика и функции человеческого голоса в традиционной культуре // Культура и цивилизация. 2022. Том 12. № 5А. С. 219–224

Стоит сказать, что важность голоса человека в философии заключается в его способности отражать глубины человеческого бытия и позволить каждому индивидууму проявить себя и свою уникальность через звучание своего голоса.

Вышесказанное позволяет сделать объективное заключение о том, что человеческий голос играет важную роль в философии, как символ, инструмент общения и самовыражения, отражая многогранные аспекты человеческого бытия и его взаимодействия с миром.

Литература

1. Щербакова А.М., Истомина Л.А. Экзистенциальные позиции специалистов помогающей сферы в аспекте проблемы профессионального выгорания // Вопросы психологии. 2022. № 5. С. 103–114.
2. Kevin Attell. The Human Voice, Giorgio Agamben: Beyond the Threshold of Deconstruction, Commonalities (FUP) (New York, NY, 2014; online edn, Fordham Scholarship Online, 21 May 2015), https://doi.org/10.5422/fordham/9780823262045.003.0003, accessed 30 May 2024.
3. James Rush The Philosophy of the Human Voice: Embracing Its Physiological History [&C.]. // Nabu Press. – 2023. P. 440.
4. Rock, C. The application of vocal literature in the correction of vocal faults. Doktora Tezi, University of Connecticut. – 2019. – p. 148.
5. Rao, D. Craft, singing craft and musical experience: a philosophical study with implications for vocal music education as aesthetic education. Doktora Tezi, Northwestern University, Evanston, Illinois. 2018. p. 220.
6. Федорова Г.А., Пильникова А.Ю. Семантика и функции человеческого голоса в традиционной культуре // Культура и цивилизация. 2022. Том 12. № 5А. С. 219–224.
7. Jõemets, Viivian Human voice: Its meaning and textuality outside the verbal and the musical. Semiotica 2014 (198). P. 305–320.
8. Kolesnikova S.V. Narodnaya pesnya v ispolnitel'skoi praktike [Folk song in performing practice]. Saransk: Publishing house of Moscow University. 2016. P. 185.
9. Potebnya A.A. Simvol i mif v narodnoi kul'ture [Symbol and myth in folk culture]. Moscow. 2000. P. 360.

THE PHENOMENON OF THE HUMAN VOICE IN PHILOSOPHICAL TEACHINGS

Strelkova E.Yu.
Pacific State University

This article is devoted to the study of the phenomenon of the human voice from the point of view of philosophy. The phenomenon of voice, as an important aspect of human nature and self-expression, is given special attention in the philosophical teachings of various epochs and spheres. The influence of voice on personality formation, interaction with the outside world and the creation of connections between people is under consideration. The article emphasizes the importance of voice in the process of self-assessment and self-development of a person, his ability to convey not only information, but also emotions, beliefs, and spiritual experiences. The human voice reflects the individuality, freedom and self-expression of each person. The article offers the reader an analysis of philosophical approaches to the human voice, opening up new horizons for understanding its role in shaping human nature and social relations.

Keywords: voice, philosophy, music, soul, philosophical approach, spiritual experiences, human voice.

References

1. Shcherbakova A.M., Istomina L.A. Existential positions of specialists in the helping sphere in the aspect of the problem of professional burnout // Questions of psychology. 2022. No. 5. pp. 103–114.
2. Kevin Attell. The Human Voice, Giorgio Agamben: Beyond the Threshold of Deconstruction, Commonalities (FUP) (New York, NY, 2014; online edn, Fordham Scholarship Online, 21 May 2015), https://doi.org/10.5422/fordham/9780823262045.003 0003, accessed 30 May 2024.
3. James Rush The Philosophy of the Human Voice: Embracing Its Physiological History [&C.]. // Nabu Press. – 2023. R. 440.
4. Rock, C. The application of vocal literature in the correction of vocal faults. Doktora Tezi, University of Connecticut. – 2019. – r. 148.
5. Rao, D. Craft, singing craft and musical experience: a philosophical study with implications for vocal music education as aesthetic education. Doktora Tezi, Northwestern University, Evanston, Illinois. 2018. b. 220.
6. Fedorova G.A., Pilnikova A. Yu. Semantics and functions of the human voice in traditional culture // Culture and Civilization. 2022. Volume 12. No. 5A. pp. 219–224.
7. Jõemets, Viivian Human voice: Its meaning and textuality outside the verbal and the musical. Semiotica 2014 (198). R. 305–320.
8. Kolesnikova S.V. Narodnaya pesnya v ispolnitel'skoi praktike [Folk song in performing practice]. Saransk: Publishing house of Moscow University. 2016. R. 185.
9. Potebnya A.A. Simvol i mif v narodnoi kul'ture [Symbol and myth in folk culture]. Moscow. 2000. R. 360.

Краткая биография старообрядческого епископа Михаила Семенова (к 150-летию со дня рождения)

Аторин Роман Юрьевич,
к.ф.н., доцент кафедры Философии ГУУ
E-mail: romanos-85@yandex.ru

В 2024 году Русская Православная старообрядческая церковь отметила круглую дату – 150 лет со дня рождения известного старообрядческого богослова, писателя, представителя «Серебряного века» Епископа Михаила Семёнова. Необходимо отметить, что сам епископ Михаил Семенов, как и его труды, не были оценены по достоинству при жизни автора, прежде всего, в виду его насыщенной биографии.

Ключевые слова: история православия в России, старообрядчество, церковный раскол, старообрядческая апологетика, начётничество.

Он умер молодым, в расцвете сил, но по соотношению прожитых лет и количества вышедших сочинений, за свои недолгие 42 года земной жизни, стал самым плодовитым старообрядческим писателем. Его идеи носили глубоко нравственный характер, а сам он отличался кротостью. Тончайший богослов – выразитель православной христианской догматики. Его труды отличаются художественной чуткостью, возвышенностью и вероучительной утончённостью. Старообрядческий архиерей, рукоположенный на Канадскую кафедру, так и не добравшийся до своей епархии.

Павел Васильевич Семёнов, будущий старообрядческий епископ Канадский Михаил родился в 1874 году, в городе Симбирске (ныне Ульяновск). О его детстве мы имеем мало подробностей. По матери род Павла Семёнова происходил из простых русских крестьян, а отец, крещённый в православии еврей, служил кантонистом. Павел Семёнов заканчивает Симбирское духовное училище, затем Симбирскую семинарию в 1895 году. После семинарии проходит успешно вступительные испытания и становится студентом Московской духовной академии. Обучение в МДА определило дальнейшую судьбу Павла Семёнова. Здесь он знакомится с видным иерархом новообрядной церкви, богословом и философом, в будущем активным участником эмиграционного движения – митрополитом Антонием Храповицким, и становится одним из его учеников.

1 марта 1899 года, в связи открытием в Казанской епархии второго викариатства, архимандрит Антоний Храповицкий был назначен епископом Чистопольским и одновременно ректором Казанской духовной академии. Павел Семёнов переехал вслед за учителем продолжать образование в Казани и там же, 26 ноября 1899 года был пострижен в иноки епископом Антонием с именем Михаил.

Чуть больше чем через год, 26 февраля 1900 года инок Михаил принимает сан иеромонаха. После полугодовалой командировки в Константинополь, Семёнов отправляется в духовную семинарию города Воронеж, преподавателем основного, догматического и нравственного богословия. Два года спустя иеромонах Михаил защищает диссертацию на соискание учёной степени магистра богословия («Законодательство византийских императоров по делам церковным до Юстиниана включительно»), после чего состоялся его перевод из Воронежа в Санкт-Петербург.

В 1905 году Михаила Семёнова возводят в сан архимандрита и происходит его назначение на должность экстраординарного профессора по кафедре церковного права Санкт-Петербургской духовной академии. Архимандрит Михаил в 31 год от роду становится проповедником и публицистом известным не только в церковных кругах. Его имя было на слуху тогдашней интеллектуальной и культурной прослойки северно-столичного общества. Оригинальность мысли, свежие, живые, актуальные для современности суждения, которые высказывал учёный-архимандрит, вызывали интерес со стороны просвещённой интеллигенции. Это были не «хрестоматийные догмы», а живая проповедь Слова. Архимандрит Михаил в этот период знакомится с известными фило-

софами и религиозно-общественными деятелями, такими, как Василий Розанов, митрополит Мануил Лемешевский.

В 1906 году архимандрит Михаил знакомится с начётчиком и апологетом старообрядческим епископом Нижегородским Иннокентием Усовым. Результат не заставил себя ждать и в октябре 1907 года экстраординарный профессор Санкт-Петербургской духовной академии по кафедре Права, архимандрит Михаил Семёнов официально оставляет Синодальную церковь и, посредством миропомазания, совершённого нижегородским священником Григорием Спириным, по благословению епископа Иннокентия Усова, присоединяется в сущем сане к Церкви Христовой. В Российской Империи уже второй год действовал манифест Николая II, предусматривающий свободу вероисповедания, следовательно, священнослужитель мог не опасаться преследований.

Но после присоединения к старообрядчеству за архимандритом Михаилом немедленно последовали санкции со стороны синодального вероисповедания. Там его «лишили сана», что следовало за собою невозможность дальнейшего проживания в Санкт-Петербурге и Москве. Однако для самого Михаила Семёнова данные обстоятельства имели характер второстепенный. Тем не менее, общественный резонанс имел своё место. Профессор, облачённый в мантию архимандрита, известный проповедник, богослов и писатель, философ и публицист, популярный в кругах питерской интеллигенции, завсегдатай Религиозно-философского общества и других известных присутственных мест, вдруг переходит в старообрядчество… Добавим лишь, что годом ранее, еще до присоединения к староверию, в 1906 году архимандрит Михаил Семёнов вступает в ряды Трудовой народно-социалистической партии, чем вызвал на себя резкий гнев со стороны Синода. (Примерно в это же время архимандрит Михаил выводит в свет свои первые публикации, в которых он выражает мысль о сомнении в каноничности Синода). За «вступление в партию» и оппозиционную настроенность к Синоду архимандрит был смещён с поста профессора Санкт-Петербургской духовной академии и отправлен «на исправление» сначала в Задонский, а позже в Валаамский монастырь.

Не желая мириться с подобной участью, Михаил Семёнов покидает монастырь и окончательно принимает решение об уходе из официальной церкви в старообрядчество. Присоединение известного в духовных и мирских кругах богослова и писателя, облачённого в высокий сан архимандрита, не могло не вызвать реакции. По свидетельству Фёдора Мельникова, даже правительство переполошилось, устроив представителям старообрядческого Совета Съездов серьезный допрос [5, с. 488]. Епископ Иннокентий и пишет следующее: «Рептильные газеты кричат, что он «жид». Хотя можно указать массу примеров, что из евреев были великие светильники Церкви, (не говоря уже об апостолах, достаточно упомянуть св. Епифания Кипрского), хотя поэтому еврейское происхождение само по себе не имеет ничего недостойного Христовой Церкви, в которой нет «ни еллинов, ни иудеев», но справедливость требует сказать об архимандрите Михаиле, что он – «природный православный христианин», как принято выражаться иногда даже в официальных документах, так как рождён и воспитан в господствующей церкви. Скажу же о том, что будто он еврей, публицисты известного лагеря сочиняли из того, что отец его во время николаевского режима был взят мальчиком (лет шести) в кантонисты из евреев, окрещён и воспитан в духе господствующей церкви, женился на чисто русской христианке» [4, с. 349]. Действительно, рассуждать в негативном ключе о людях другой национальности, видеть в них врагов только за их речь, разрез глаз, цвет кожи, обычаи – дико для христианина. Христианство – вне всякой нации. Пора так же принять факт, что старообрядчество, несмотря на то, что многие его ассоциируют с русскими людьми Россией и на циональной культурой – на самом деле вненационально. Формы Богопочитания, которые сохранились в старообрядчестве – не «русские» а именно вселенские, всемирные, ибо древлеправославные вероучительные знаки и символы (двоеперстие, сугубая аллилуйя, посолонь, восьмиконечный крест, лестовка, устройство храма, смысл богослужения, трёхпогружательное крещение, унисонное пение, духовность иконы и т.д.), говорят о христианстве своей символической выразительностью и при правильном растолковании понятны каждому вне национальности и языка, благодаря своей универсальности и глубокому символизму. Следовательно, рассуждать о старообрядчестве как вере сугубо национальной, этнической безосновательно. «Старый Обряд» – это вселенский культурный код христианского самосознания. 22 ноября 1908 года архимандрит Михаил становится епископом. «Я и решил поставить его в епископы в виде протеста против подчинения нашей старообрядческой Церкви воле наших двухсотлетних врагов. Канада была только предлогом. Я хотел его поставить на Финляндию. Но тут нашлось письмо из Канады, я привязался к этому случаю» [3, с. 406–407]. Дело в том, что в ситуации с присоединением и последующей единоличной архиерейской хиротонией Михаила Семёнова, епископа Иннокентия Усова оскорбило вмешательство светской власти в церковные дела (владыку допрашивала полиция). Подлило масла в огонь ещё одно обстоятельство – недовольство определенной части людей из числа старообрядцев. Михаила Семёнова называли «социалистом», «безбожником», «еретиком», «революционером» и другими эпитетами, стараясь создать негативный образ «слишком умного» архимандрита в глазах старообрядческой общественности. В мае 1911 года епископ Михаил был арестован за публикацию брошюры «Революционные силуэты: первомартовцы» [5] и заключён. Епископу грозило полтора года заключения, но после внесения залога последовало освобождение [6, с. 415]. Сам он тяжело переживал случившееся, но никогда не роптал. Михаил Семёнов активно сотрудничал с рядом старообрядческих изданий – «Церковь», «Старообрядческая мысль», «Старая Русь». Публиковал как богословские труды, так и художественные произведения, среди которых выделяются роман «Второй Рим» (церковной истории Византии IX–X вв.), повести «На заре христианства» (о первохристианских мучениках), «Горящий огнём» (о судьбе протопопа Аввакума), «Великий разгром» (о церковной истории XVII в.) и др. Был автором учебника Закона Божьего для старообрядческих школ. Однако вскоре здоровье епископа Михаила Семёнова вследствие напряжённой работы пошатнулось. В 1916 году он прибывает в Москву на лечение. После остановки на станции «Сортировочная» 15 октября в течение последующих трёх дней его местонахождение не было известно. Епископа нашли только 19 октября, в бессознательном состоянии, обворованного и жестоко избитого, со сломанными рёбрами и ключицей. В Старо-Екатерининской больнице он пробыл до 25 октября. Когда епископа Михаила, наконец, отыскали родственники – он был помещён в больницу Рогожской слободы. Старообрядческий епископ Канадский Михаил Семёнов скончался 27 октября 1916 года, в возрасте 42 лет. Деятельность епископа Михаила Семёнова не была с достоинством оценёна при его жизни. Однако сегодня в Русской Православной Старообрядческой Церкви он является знаковой фигурой,

видным деятелем «Золотого века старообрядчества» и известным писателем «Серебрянного века». Его труды представляют собою интеллектуальную и духовную ценность.

Литература

1. Боченков В. В. «Дать ответ с кротостью». Начётчики, апологеты и писатели Русской Православной старообрядческой Церкви (XIX–XX вв.). – Калуга: издательство «Фридгельм», 2023. – 688 с.
2. Боченков В. В. «По голгофским русским пригоркам». – URL: https://reading-hall.ru/publication.php?id=21933
3. Епископ Иннокентий Усов. Выступление на заседании Религиозно-философского общества в Петрограде, посвящённом памяти епископа Михаила (Семёнова) // Иннокентий (Усов), епископ Нижегородский и Костромской. Собрание сочинений: Том 1: Статьи из старообрядческой периодики 1905–1918 гг. / Иннокентий (Усов), епископ Нижегородский и Костромской / Музейно-библиотечно – архивный отдел Митрополии Московской и всея Руси РПСЦ; сост. подгот. текстов к изд., вводн. статья, примеч., указат. В.В. Боченкова. – М.: Криница, 2014. – 566 с.
4. Епископ Иннокентий Усов. О присоединении архимандрита Михаила (Семёнова) // Иннокентий (Усов), епископ Нижегородский и Костромской. Собрание сочинений: Том 1: Статьи из старообрядческой периодики 1905–1918 гг. / Иннокентий (Усов), епископ Нижегородский и Костромской / Музейно-библиотечно – архивный отдел Митрополии Московской и всея Руси РПСЦ; сост. подгот. текстов к изд., вводн. статья, примеч., указат. В.В. Боченкова. – М.: Криница, 2014. – 566 с.
5. Мельников Ф.М. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. – Барнаул: АКООХ-И «Фонд поддержки строительства храма Покрова…», 2006. – 424 с.

A BRIEF BIOGRAPHY OF THE OLD BELIEVER BISHOP MIKHAIL SEMENOV (FOR THE 150TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)

Atorin R.Yu.
GUU

In 2024, the Russian Orthodox Old Believer Church celebrated a round date – 150 years since the birth of the famous Old Believer theologian, writer, representative of the “Silver Age” Bishop Mikhail Semenov. It should be noted that Bishop Mikhail Semenov himself, as well as his works, were not appreciated during the author’s lifetime, primarily in view of his rich biography.

Keywords: history of Orthodoxy in Russia, Old Believers, church schism, Old Believer apologetics, apostasy.

References

1. Bochenkov V.V. “Give an answer with meekness.” Narrators, apologists and writers of the Russian Orthodox Old Believer Church (XIX–XX centuries). – Kaluga: Friedhelm Publishing House, 2023. – 688 p.
2. Bochenkov V.V. “Along the Calvary Russian hillocks.” – URL: https://reading-hall.ru/publication.php?id=21933
3. Bishop Innokenty Usov. Speech at a meeting of the Religious and Philosophical Society in Petrograd, dedicated to the memory of Bishop Mikhail (Semyonov) // Innokenty (Usov), Bishop of Nizhny Novgorod and Kostroma. Collected Works: Volume 1: Articles from Old Believer periodicals 1905–1918. / Innokenty (Usov), Bishop of Nizhny Novgorod and Kostroma / Museum, Library and Archives Department of the Metropolis of Moscow and All Rus’ of the Russian Orthodox Church; comp. prepared texts for the edition, introductory article, note, index. V.V. Bochenkova. – M.: Krinitsa, 2014. – 566 p.
4. Bishop Innokenty Usov. On the accession of Archimandrite Mikhail (Semyonov) // Innokenty (Usov), Bishop of Nizhny Novgorod and Kostroma. Collected Works: Volume 1: Articles from Old Believer periodicals 1905–1918. / Innokenty (Usov), Bishop of Nizhny Novgorod and Kostroma / Museum, Library and Archives Department of the Metropolis of Moscow and All Rus’ of the Russian Orthodox Church; comp. prepared texts for the edition, introductory article, note, index. V.V. Bochenkova. – M.: Krinitsa, 2014. – 566 p.
5. Melnikov F. M. A brief history of the ancient Orthodox (Old Believer) church. – Barnaul: AKOOH-I “Fund for Supporting the Construction of the Church of the Intercession…”, 2006. – 424 p.

Паллиативная помощь как способ поддержки ВИЧ-инфицированных

Номеровский Виктор Олегович,
аспирант, кафедра теологии, православная теология, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского
E-mail: 79217444447@yandex.ru

Знания, отношение и практика медсестер, работающих с пациентами с ВИЧ/СПИДом сегодня становятся все более актуальны. Вирус иммунодефицита человека (ВИЧ) стал одной из самых серьезных проблем для общественного здравоохранения из-за его высокой заболеваемости, смертности и экономических последствий.
Знания и позитивное отношение являются важными аспектами оказания сестринского ухода пациентам с ВИЧ/СПИДом. Данная статья направлена на оценку роли, отношения и практики медсестер, работающих с пациентами с ВИЧ/СПИДом. Это исследование носило описательный характер и было проведено на 30 медсестрах, работающих с пациентами с ВИЧ/СПИДом в ВИЧ-отделении Клинической инфекционной больницы (ИКБ). Данные были собраны с использованием метода опроса.
Результаты исследования показали, что медсестры, работающие с пациентами с ВИЧ/СПИДом, обладают высоким уровнем эмпатического отношения к людям, живущим с ВИЧ/СПИДом, но в то же время наблюдался высокий уровень избегания. Кроме того, исследуемые священники, работающие с больными ВИЧ, показали отсутствие надлежащего использования навыков общения при соблюдении мер безопасности с больными ВИЧ/СПИДом. Медсестры же продемонстрировали не только удовлетворительную практику как в области навыков общения, так и в области мер безопасности. По результатам статьи даны рекомендации.

Ключевые слова: ВИЧ-пациенты, патронажная медсестра, священник, ВИЧ, СПИД.

Значимость исследования

Сегодня большое распространение получила духовная помощь, которую предоставляют в лечебных учреждениях пациентам с ВИЧ. Наряду с патронажными сестрами, священники также должны не только помогать таким пациентам, но и уметь защитить себя от возможного инфицирования. Очень часто «медицинские работники имеют негативное отношение к больным СПИДом, и многие неохотно оказывают помощь этим пациентам» [9]. «Качество медицинской помощи, получаемой такими пациентами, тогда страдает. В этом отношении медсестры занимают ключевую позицию в оказании медицинской помощи» [6].

Цели этой статьи заключаются в том, чтобы: оценить знания, отношение и практику патронажных медсестер и священников, работающих с пациентами с ВИЧ/СПИДом.

В ходе исследования будут даны ответы на вопросы:

– Каковы знания, установки и практика медсестер и священников, работающих с пациентами с ВИЧ/СПИДом? Умеют ли они защитить себя от возможного инфицирования.
– Как оценивают заботу со стороны медсестер пациенты? Как оценивают общение со стороны священников пациенты?

Предмет и методы исследования

Описательный метод исследования был выбран для достижения цели исследования и ответа на исследовательские вопросы.

Место проведения исследования: ВИЧ-отделение Клинической инфекционной больницы (ИКБ) г. Луга Ленинградской обл.

Субъект: Объектами настоящего исследования были 30 медсестер и 5 священников, работающих с пациентами с ВИЧ/СПИДом.

Инструменты сбора данных

Данные были собраны с использованием опроса и тестирования: больным предлагался опрос, а священникам и патронажным медицинским сестрам, в силу их загруженности, – тест.

Анкета для пациентов состояла из вопросов о демографических характеристиках, таких как возраст, пол, семейное положение, уровень образования, ВИЧ-статус респондентов, источник заболевания ВИЧ и количество лет, в течение инфицированы ВИЧ/СПИДом.

Это общие данные, нас же интересует второй блок.

Второй блок вопросов предполагает вопросы:

– как вы можете оценить отношение к вам патронажных сестер: оцените уровень эмпатии от 1 до 10?
– не замечали ли вы отстраненности со стороны патронажных медсестер?
– как вы можете оценить помощь со стороны священников, оказывающих вам духовную поддержку?
– оцените степень вовлеченности в ваши проблемы, со стороны священников, оказывающих вам духовную поддержку, от 1 до 10?

Тест, предлагаемый патронажным медицинским сестрам, а также священнослужителям, предполагал общие вопросы по знаниям о ВИЧ.

Также, священнослужителям и патронажным сестрам был дан для заполнения тест, который показыва-

ет, – как хорошо они понимают свою роль по отношению к пациенту [12].

В этом тесте эмпатические элементы описываются как вопросы, которые обозначают терапевтическую и позитивную точку зрения на ВИЧ/СПИД. Также, в тесте есть негативные по смыслу утверждения.

Вопросы (пример) теста для священников:

1. Сколько раз в неделю вы оказываете духовную помощь пациентам с ВИЧ в ВИЧ-отделении Клинической инфекционной больницы (ИКБ): больше 4 дней?
2. Вы не отказываетесь причащать пациентов с ВИЧ в ВИЧ-отделении Клинической инфекционной больницы (ИКБ)?
3. Боитесь ли вы заразиться ВИЧ при взаимодействии с пациентами с ВИЧ в ВИЧ-отделении Клинической инфекционной больницы (ИКБ)?
4. Было ли решение о работе с пациентами с ВИЧ в ВИЧ-отделении Клинической инфекционной больницы (ИКБ) принято лично вами или вас направила Епархия?
5. Планируете ли вы и дальше исполнять роль духовного наставника пациентов с ВИЧ в ВИЧ-отделении Клинической инфекционной больницы (ИКБ)?

Приведем пример вопросов из теста для патронажных сестер:

1. Отличаются ли ваши обязанности в помощи пациентам с ВИЧ в ВИЧ-отделении Клинической инфекционной больницы (ИКБ)?
2. Вы не отказываетесь оказать дополнительную помощь пациентам с ВИЧ в ВИЧ-отделении Клинической инфекционной больницы (ИКБ)?
3. Боитесь ли вы заразиться ВИЧ при взаимодействии с пациентами с ВИЧ в ВИЧ-отделении Клинической инфекционной больницы (ИКБ)?
4. Было ли решение о работе с пациентами с ВИЧ в ВИЧ-отделении Клинической инфекционной больницы (ИКБ) принято лично вами или вас направило руководство?
5. Планируете ли вы и дальше исполнять работать с пациентами с ВИЧ в ВИЧ-отделении Клинической инфекционной больницы (ИКБ)?

Для того, чтобы рассчитать общее количество баллов нужно посмотреть баллы по обоим тестам у патронажных сестер и священнослужителей, а также проанализировать ответы пациентов.

Более высокий балл у патронажных сестер и священнослужителей указывает на удовлетворительные коммуникативные навыки и безопасную практику работы с пациентами с ВИЧ /СПИДом, а более низкий балл у патронажных сестер и священнослужителей указывает на плохие коммуникативные навыки, негативное отношение и плохое применение мер безопасности с пациентами с ВИЧ /СПИДом.

Наше исследование было проведено на тридцати медсестрах из больницы. Они составляют 10% от общей выборки, работающих с пациентами с ВИЧ. Было получено согласие каждого участника на участие в исследовании.

Исследователь разъяснил испытуемым цель и задачи исследования.

Анкета, которую заполняли пациенты с ВИЧ, содержала общие вопросы по поводу того, как именно они оценивают уровень эмпатии со стороны священнослужителей и патронажных сестер.

Результаты

Рассмотрим ответы на приведенные примерные вопросы священнослужителей (таблица 1).

Таблица 1. Пример ответов на вопросы священнослужителей.

Вопрос	да	нет
Сколько раз в неделю вы оказываете духовную помощь пациентам с ВИЧ, – больше 4?	4	
Вы не отказываетесь причащать пациентов с ВИЧ?		5
Боитесь ли вы заразиться ВИЧ при взаимодействии с пациентами с ВИЧ?	1	4
Было ли решение о работе с пациентами с ВИЧ в отделении принято лично вами?	5	
Планируете ли вы и дальше исполнять роль духовного наставника пациентов с ВИЧ?	4	1

А вот примеры ответов медсестер (таблица 2).

Таблица 2. Пример ответов на вопросы патронажных сестер.

	да	нет
Отличаются ли ваши обязанности в помощи пациентам с ВИЧ и без ВИЧ?		5
Вы не отказываетесь оказать дополнительную помощь пациентам с ВИЧ, если они просят?	2	3
Боитесь ли вы заразиться ВИЧ при взаимодействии с пациентами?	1	4
Было ли решение о работе с пациентами с ВИЧ принято лично вами?	4	1
Планируете ли вы и дальше исполнять работать с пациентами с ВИЧ?	3	2

Как видим, медицинские сестры более дисциплинированы, тогда как священнослужители относятся к своему призванию более серьезно.

В результате выявлено, что средний возраст исследуемых медсестер составил 42,3 года, священнослужителей – 49 лет. Более двух третей исследуемых медсестер – женщины и более чем для половины из них (60%) важна финансовая составляющая работы.

Все священники – мужчины, финансовая составляющая не оговаривалась.

Более двух третей патронажных сестер сообщили, что у них есть от трех до пяти членов семьи, у всех священнослужителей – от 4 до 9.

Как видим, медицинские сестры более дисциплинированы, тогда как священнослужители относятся к своему призванию более серьезно.

В результате выявлено, что средний возраст исследуемых медсестер составил 42,3 года, священнослужителей – 49 лет. Более двух третей исследуемых медсестер – женщины и более чем для половины из них (60%) важна финансовая составляющая работы.

Все священники – мужчины, финансовая составляющая не оговаривалась.

Более двух третей патронажных сестер сообщили, что у них есть от трех до пяти членов семьи, у всех священнослужителей – от 4 до 9.

Более половины обследованных медсестер имеют медицинскую страховку (63,1%), все регулярно проверяются и сдают анализы. Из священнослужителей ни один из них не проходит периодических осмотров ни по желанию, ни в обязательном порядке, страховка есть у двух.

Общий уровень знаний по ВИЧ удовлетворителен у сестер более чем по трем четвертям предметов в рамках исследование (78,5%). Однако вопросы по предотвращению заражения указывают на отсутствие знаний

о методах профилактики ВИЧ почти у половины изученной выборки (44,6%).

Тем не менее, соблюдение мер безопасности было отмечено удовлетворительным почти у 90% патронажных сестер. Среди патронажных сестер более трех четвертей испытуемых демонстрируют эмпатическое отношение к людям, живущим с ВИЧ/СПИДом.

У священнослужителей общий уровень знаний по ВИЧ удовлетворителен у 60%. Вопросы по предотвращению заражения указывают на отсутствие знаний о методах профилактики ВИЧ у 60% изученной выборки.

Соблюдение мер безопасности было отмечено удовлетворительным у 40%. Эмпатическое отношение к людям, живущим с ВИЧ/СПИДом, демонстрируют 100% священнослужителей.

По результатам того, каков уровень эмпатии со стороны священнослужителей и патронажных сестер, пациенты с ВИЧ-статусом «подтвердили» то, что священнослужители в целом относятся к пациентам более внимательно, чем патронажные сестры.

Обсуждение

Знания о ВИЧ/СПИДе играют решающую роль в уменьшении страха и расширяют возможности медсестер и священнослужителей по уходу за людьми, живущими с ВИЧ/СПИДом. Настоящие результаты исследования показывают, что ни один из священников не проходил тестирование на вирус.

Относительно источника информации о ВИЧ, большинство сообщили, что ВИЧ/СПИД не является темой для обсуждения в семейном контексте. Это может быть связано с тем, что наша культура консервативна [10].

Что касается способов передачи, то большинство обследованных медсестер набрали высокие баллы по вопросам, связанным со способами передачи. Этот результат может быть связан с тем, что исследуемые медсестры сообщили о коллегах и вузовском образовании в качестве источника информации о ВИЧ, что дает точную информацию о способах передачи ВИЧ. При этом, священники не имеют такого образования, поэтому их знания сильнее отстают.

Что касается профилактики ВИЧ, то исследуемые медсестры набрали значительно низкие баллы по вопросам профилактики ВИЧ. Это может быть связано с отсутствием качественного образования без отрыва от производства в больницах.

Заключение

Результаты исследования показали, что медсестры, работающие с пациентами с ВИЧ/СПИДом, обладают высоким уровнем эмпатического отношения к людям, священнослужители обладают меньшим уровнем знаний касательно методов защиты от инфицирования, но они более расположены к пациентам, которым оказывают духовную помощь.

Сами пациенты, которые заполняли анкету, также подтвердили это: пациенты с ВИЧ-статусом «подтвердили» то, что священнослужители в целом относятся к пациентам более внимательно, чем патронажные сестры.

Считаем, что в рамках ВИЧ-отделения Клинической инфекционной больницы (ИКБ) г. Луги провести дообучение как священнослужителей, так и патронажных сестер. Обучение должно быть сосредоточено на методах профилактики и способах передачи ВИЧ, уходе и поддержке всех пациентов независимо от заболевания, подчеркивая конфиденциальность как право пациента, которое не следует игнорировать, и контролируя коммуникативные навыки медсестер.

Рекомендации:

1) Обучить патронажных медсестер и священнослужителей методам профилактики и способам передачи ВИЧ.

2) Забота и поддержка всех пациентов, независимо от того, что это за заболевание.

3) Забота и поддержка людей, живущих с ВИЧ независимо от причины заражения.

4) Подчеркивание конфиденциальности как права пациента, которое не следует игнорировать.

5) Разработка политики и протоколов постконтактной профилактики для патронажных медсестер и священнослужителей.

Литература

1. Boutros, S. and Skordis, J. (2010); HIV/AIDS surveillance in Egypt: Current Status And Future Challenges, Eastern Mediterranean Health Journal; 16(3): 251–258.
2. Carey, P., and Schroder, K. (2002); Development and Psychometric Evaluation of the Brief HIV Knowledge Questionnaire. AIDS Education Prevention; 14(2): 172–182
3. Kermode, M., Wendy Holmes, W., Langkham, B., Thomas, M. and Gifford, S. (2005); HIV-related knowledge, attitudes & risk perception amongst nurses, doctors & other healthcare workers in rural India, Indian Journal of Medical Research; 122(3): 258–64
4. Koka, E., Ahorlu, C. and Agyeman, D. (2013); Social Death through HIV and AIDS Stigmatization and Discrimination in Ghana: A Case Study of the Central Regional Hospital, Cape Coast, Ghana, Advances in Applied Sociology; 3(6): 231–236
5. Lau, J. and Tsui, H. (2005); Discriminatory attitudes towards people living with HIV/AIDS and associated factors: a population based study inthe Chinese general population. Sexually transmitted infections journal; 81:113–119 Available at: http://sti.bmj.com/content/81/2/113.full.pdf
6. Morrow, A. (2011); Combating HIV/AIDS Related Stigma IN Egypt: Situation Analysis and Advocacy Recommendations, Egypt, Ford Foundation. Available at: http://eipr.org/sites/default/files/reports/pdf/st igma_report_en.pdf
7. Pinsky, L. & Douglas P. (2009); The Columbia University Handbook on HIV and AIDS, Available at: https://health.columbia.edu/system/files/conte nt/healthpdfs/MS/GHAP_HIV_Aids_Handbo ok.pdf.
8. UNAIDS (2013); UNAIDS Report on the Global AIDS Epidemic, ISBN 978-92-9253-032-7. Available at: http://www.unaids.org/en/media/unaids/conte ntassets/documents/epidemiology/2013/gr201 3/UNAIDS_Global_Report_2013_en.pdf.
9. WHO (2013); Global Update on HIV Treatment 2013: Results, Impact and Opportunities, WHO Report in Partnership with UNICEF and UNAIDS, Geneva, Switzerland, ISBN 978 92 4150573 4.
10. Здравоохранение в России 2017: Стат. сборник / Федеральная служба государственной статистики. М., 2017. С. 43. URL: gks.ru/free_doc/ doc_2017/zdrav17.pdf. Дата обращения: 08.11.2018.
11. Камалдинов Д.О., Касик Е.П., Уфимцев Д.Г. и др. Индекс стигмы людей, живущих с ВИЧ. Отчет по результатам социологического исследования. Новосибирск, 2014.
12. Краснова Е.И., Хохлова Н.И., Проворова В.В., Ульянова Я.С., Филина Е.И. Анализ эпидемиологиче-

ских данных по ВИЧ-инфекции на современном этапе / / Journal of Siberian Medical Sciences. 2018. № 1. С. 84–95.

PALLIATIVE CARE AS A WAY TO SUPPORT HIV-INFECTED PEOPLE

Nomerovsky V.O.
F.M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy

The knowledge, attitude and practice of nurses working with HIV/AIDS patients are becoming increasingly relevant today. The human immunodeficiency virus (HIV) has become one of the most serious problems for public health due to its high morbidity, mortality and economic consequences.
Knowledge and positive attitude are important aspects of providing nursing care to patients with HIV/AIDS. This article aims to assess the role, attitudes and practices of nurses working with HIV/AIDS patients. This study was descriptive in nature and was conducted on 30 nurses working with HIV/AIDS patients in the HIV department of the Clinical Infectious Diseases Hospital (ICB).
The data was collected using the survey method.
The results of the study showed that nurses working with HIV/AIDS patients have a high level of empathy for people living with HIV/AIDS, but at the same time there was a high level of avoidance. In addition, the studied priests working with HIV patients showed a lack of proper use of communication skills while observing security measures with HIV/AIDS patients. The nurses, on the other hand, demonstrated not only satisfactory practice both in the field of communication skills and in the field of security measures. Based on the results of the article, recommendations are given.

Keywords: HIV patients, nursing nurse, priest, HIV, AIDS.

References

1. Boutros, S. and Skordis, J. (2010); HIV/AIDS surveillance in Egypt: Current Status and Future Challenges, Eastern Mediterranean Health Journal; 16(3): 251–258.
2. Carey, P., and Schroder, K. (2002); Development and Psychometric Evaluation of the Brief HIV Knowledge Questionnaire. AIDS Education Prevention; 14(2): 172–182
3. Kermode, M., Wendy Holmes, W., Langkham, B., Thomas, M. and Gifford, S. (2005); HIV-related knowledge, attitudes & risk perception amongst nurses, doctors & other healthcare workers in rural India, Indian Journal of Medical Research; 122(3): 258–64
4. Koka, E., Ahorlu, C. and Agyeman, D. (2013); Social Death through HIV and AIDS Stigmatization and Discrimination in Ghana: A Case Study of the Central Regional Hospital, Cape Coast, Ghana, Advances in Applied Sociology; 3(6): 231–236
5. Lau, J. and Tsui, H. (2005); Discriminatory attitudes towards people living with HIV/AIDS and associated factors: a population based study in the Chinese general population. Sexually transmitted infections journal; 81:113–119 Available at: http://sti.bmj.com/content/81/2/113.full.pdf
6. Morrow, A. (2011); Combating HIV/AIDS Related Stigma IN Egypt: Situation Analysis and Advocacy Recommendations, Egypt, Ford Foundation. Available at: http://eipr.org/sites/default/files/reports/pdf/st igma_report_en.pdf
7. Pinsky, L. & Douglas P. (2009); The Columbia University Handbook on HIV and AIDS, Available at: https://health.columbia.edu/system/files/conte nt/healthpdfs/MS/GHAP_HIV_Aids_Handbook.pdf.
8. UNAIDS (2013); UNAIDS Report on the Global AIDS Epidemic, ISBN 978-92-9253-032-7. Available at: http://www.unaids.org/en/media/unaids/conte ntassets/documents/epidemiology/2013/gr201 3/UNAIDS_Global_Report_2013_en.pdf.
9. WHO (2013); Global Update on HIV Treatment 2013: Results, Impact and Opportunities, WHO Report in Partnership with UNICEF and UNAIDS, Geneva, Switzerland, ISBN 978 92 4 150573 4.
10. Healthcare in Russia 2017: Statistical Digest / Federal State Statistics Service. M ., 2017. P. 43. URL: gks.ru/free_doc/doc_2017/zdrav17.pdf. Date of access: 08.11.2018.
11. Kamaltdinov D.O., Kasik E.P., Ufimtsev D.G. and others. . Stigma Index of People Living with HIV. Report on the Results of a Sociological Study. Novosibirsk, 2014.
12. Krasnova E.I., Khokhlova N.I., Provorova V.V., Ulyanova Ya.S., Filina E.I. Analysis of epidemiological data on HIV infection at the present stage / / Journal of Siberian Medical Sciences. 2018. No. 1. P. 84–95.

Конструирование идентичности как политико-коммуникативный процесс на просторах Евразии

Абдыкахаров Эламан Абдыкахарович,
аспирант, ведущий специалист отдела развития международных исследовательских коммуникаций «ИлимГрад», Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина
E-mail: Elaman_93_kg@mail.ru

Апсаматова Эльвира Джумабековна,
кандидат философских наук, старший преподаватель, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына
E-mail: elvira.apsamatova@mail.ru

Фрунзеева Жайнагуль Нурланбековна,
аспирант, Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина, старший преподаватель НОУ УНПК «Международный университет Кыргызстана»
E-mail: Frunzeeva.zh@gmail.com

Токторбаева Татына Мурзабековна,
аспирант, старший преподаватель Института журналистики и коммуникации, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына
E-mail: toktorbaeva1822@gmail.com

Брусиловский Денис Александрович,
доктор философских наук, начальник отдела развития международных научно-исследовательских коммуникаций «ИлимГрад», Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина
E-mail: denis6605@mail.ru

Исследование затрагивает важную проблематику динамической природы идентичности в контексте политической коммуникации. Авторы рассматривают процесс формирования идентичности через призму основных теоретических подходов: конструктивистского и постмодернистского, что позволяет всесторонне проанализировать данный феномен. Особое внимание уделяется анализу сущности, признаков и структуры процесса формирования идентичности в евразийском пространстве. В структуре этого процесса выделяются две составляющие: целенаправленная (связанная с деятельностью политических элит) и хаотичная (стихийная). Вместе с тем, авторы указывают, что формирование идентичности базируется на определенном фундаменте, который обладает относительной устойчивостью и постоянством. В целом, работа позволяет комплексно осмыслить процессы конструирования и эволюции идентичности в евразийском макрорегионе через сочетание различных теоретических подходов, что важно для понимания культурных, политических, религиозных и коммуникативно-интеграционных процессов в евразийском пространстве.

Ключевые слова: идентичность; евразийская идентичность; макроидентичность; интеграция; политическая коммуникация; дискурс; политическая элита; идеология; Евразия; макрорегион.

Введение

В последние десятилетия проблема идентичности и вопросы политической коммуникации привлекают огромный интерес со стороны исследователей из разных областей социальных и гуманитарных наук.

Значительный вклад в изучение идентичности как механизма философско-психологической адаптации индивида и роли взаимоадаптации цивилизаций в идентификационных процессах внесли труды К.А. Ажыбековой, Э.Д. Апсаматовой, Д.А. Брусиловского, О.А. Тогусакова [1; 2; 4; 6; 9; 10] и др.

Внушительное число политологов, социологов, экономистов, психологов, филологов, историков, религиоведов и философов рассматривало феномен политической коммуникации в его различных аспектах, отражающих сущностные характеристики политической коммуникации как одного из ключевых оснований политики. Среди современных ученых особо обращает внимание на роль и значение коммуникации в политике профессор С.В. Володенков. Согласно мнению политолога С.В. Володенкова политические коммуникации в современном обществе воспринимаются как «системные процессы разнонаправленной конкурентной трансляции политического контента посредством использования информационно-коммуникационной инфраструктуры с целью формирования виртуального пространства ценностей, смыслов, идей, образов и представлений, касающихся восприятия политической реальности всеми взаимодействующими участниками информационно-коммуникационных отношений» [5, с. 14–31]. То есть такое авторское определение «политических коммуникаций» как феномена общественно-политической действительности верно подчеркивает читателю, что указанная цель в понятии является одной из базовых в процессе современного политического управления, основой которого и выступает политическая коммуникация. В свою очередь политическая коммуникация становится в качестве одной из важнейших характеристик политики на протяжении многих столетий развития социума.

В своей монографии «Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления: навстречу цифровому обществу» российский доктор политических наук С.В. Володенков пересматривает научные подходы и переосмысливает концепции известных зарубежных ученых М. Кастельса и Р. Дейберта, в которых преимущественно положительно оценивается роль новых современных технологий, но при этом не анализируются подробно те угрозы и вызовы, которые стоят перед современными национальными политическими пространствами в условиях информационно-коммуникационной глобализации. В связи с этим он пишет: «Нам представляется важным поставить вопрос о необходимости критического переосмысления разработанных ими концепций коммуникационной трансформации в части определения угроз разрушения (на основе применения современных технологий) устойчивых общественных и политических отношений как внутри государств, так и на международной арене, подрыва стабильности и потери национального

суверенитета в условиях технологического неравенства и существования глобальных технологических лидеров в сфере коммуникаций, которые имеют собственные политические интересы, зачастую противоречащие национальным интересам других государств» [5, с. 14–31]. Данный тезис является ключевым ориентиром для нашей темы и важным аспектом для ниженаписанных размышлений.

Высказывание известного испанского социолога-постмарксиста М. Кастельса о том, что идентичность является «источником человеческого понимания и опыта» [11, P. 6], очень емко передает суть этого феномена. Идентичность напрямую связана с самоопределением человека, его восприятием себя и окружающего мира, своим местом в обществе. Интерес к изучению идентичности объясняется несколькими ключевыми факторами. Во-первых, процессы культурного обмена и миграции существенно трансформируют идентичности людей, общностей, наций. Во-вторых, кризисы идентичностей в современном мире выступают причиной многих общественных конфликтов. В-третьих, конструирование и управление идентичностями становится важным инструментом политических элит. В-четвертых, развитие культуры потребления, ролевых моделей в медиа пространстве оказывает воздействие на самоидентификацию личности. Цифровые технологии, виртуальная среда создают новые формы и среды для проявления идентичностей.

Таким образом, идентичность как многогранный социально-философский феномен выходит на первый план. Ее динамика, трансформации, формы проявления требуют глубокого анализа и осмысления, что и обуславливает пристальное внимание к этой теме.

Политическая коммуникация играет ключевую роль во всех этих процессах артикуляции, укрепления или трансформации идентичностей. Транслируются определенные дискурсы, символы, нарративы формирующие политические идентичности. «Изучение политических дискурсов становится одним из базовых, опорных направлений в системе политического анализа, а идентичность – средством концептуализации субъективной составляющей политического процесса» [7, с. 12–13]. Поэтому анализ идентичности как процесса именно в политическом контексте невероятно важен для понимания современных конфликтов, социальных противоречий, особенностей политического сознания.

Методы и материалы

Исследование данной темы требует мультидисциплинарного подхода и широкого спектра методов и материалов, чтобы полноценно охватить все аспекты конструирования идентичности на просторах Евразии. Материалы и методы исследования включают в себя сравнительный анализ политико-коммуникативных стратегий различных стран Евразии, исследование социокультурных особенностей идентичности народов региона, анализ влияния глобализации и технологий коммуникации на конструирование идентичности.

В ходе исследования были применены такие общенаучные методы, как анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, моделирование, формализация, метод восхождения от абстрактного к конкретному, аналогия, экспертный и др., а также специальные методы социально-гуманитарных наук: социокультурный и культурно-исторический анализ, компаративный и структурно-функциональный анализ, дискурс-анализ и нарративный анализ, институциональный анализ и анализ политических акторов и их ресурсов, анализ политических технологий и коммуникаций, а также событийный анализ.

Результаты и обсуждения

Рассмотрение формирования идентичности как политико-коммуникативного процесса находит теоретическую опору в **конструктивистском подходе,** развитом такими учеными как Э. Гидденс [6], И. Гоффман [12], П. Бергер [3], Т. Лукман [3] и др., которые сходятся во мнении, что в процессе социального взаимодействия и коммуникации наблюдается активное конструирование идентичности, то есть она не является чем-то изначально данным. Она создается и воспроизводится через язык, дискурсы, нарративы, которые распространяются посредством институтов власти, СМИ, образования. В частности, у Ирвинга Гоффмана – американского социолога канадского происхождения, представителя известного направления в зарубежной социологии – символического интеракционизма, в контексте данной статьи речь идет о четвертой главе книги «Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью» (1963) [12]. В ней затрагивается проблема взаимоотношения между нормой и отклонением, отстаивается точка зрения, что они тесно друг с другом взаимосвязаны и образуют две стороны одного и того же явления: переосмысливаются расхождения между виртуальной и актуальной социальной идентичностью. В книге рассказывается о ситуации стигматизированного человека в социальной обстановке и его реакции на то положение, в котором он находится (комментарий мой – Д. Б.).

Также отмечается, что политические силы (государство, элиты, движения) играют ключевую роль в формировании и навязывании определенных идентичностей через дискурсивные практики и символическое конструирование реальности. Отсюда, процесс формирования идентичностей связан с вопросами власти, господства и сопротивления со стороны альтернативных идентичностей. Особое внимание уделяется тому, что существуют доминирующие или гегемонистские идентичности, служащие интересам господствующих групп и навязываемые обществу через политическую коммуникацию.

Таким образом, конструктивистские идеи Э. Гидденса, И. Гоффмана, П. Бергера и Т. Лукмана позволили рассматривать идентичность не как объективно данную реальность, а как социально-политический конструкт, создаваемый определенными акторами в своих интересах. Это дает основу для анализа политических процессов формирования идентичностей.

Суть конструктивистского подхода к анализу идентичностей может быть представлено в таких ключевых моментах, как:

1. Трактовка всего коллективного (в том числе идентичностей) как социальных артефактов, а не объективных данностей. Они конструируются, а не существуют сами по себе.

2. Идентичности создаются, реконструируются и мобилизуются под влиянием культурных кодов, символов, дискурсов, транслируемых центрами власти и силы в обществе.

3. Идентичности рассматриваются именно как конструкты, а не изначальные сущности. Это открывает возможности для их целенаправленного проектирования и конструирования.

4. Идентичности не только конструируются, но и сами являются проективными конструктами, задающими вектор развития, границы, смыслы для групп и сообществ.

5. Формирование идентичностей – это процесс, связанный с вопросами власти, господства, сопротивления, навязывания определенной идентичности.

Такой конструктивистский взгляд на идентичность раскрывает ее политическое измерение, показывает ее социально сконструированный и подвижный характер, что позволяет анализировать процессы ее формирования различными акторами, проектирование новых идентичностей, столкновение идентичностных проектов в борьбе за символическую власть. Конструктивистский подход фокусируется на возможностях проектирования и направленного конструирования идентичностей с определенными целями и разными политическими силами.

Другая концепция – **постструктуралистская теория**, разработанная аргентинским политологом Эрнесто Лакло и бельгийским политическим философом Шанталь Муфф. Данная теория базируется на идее о том, что «социальный мир формируется дискурсом с помощью значений» [8, с. 26]. Э. Лакло, вслед за психоанализом, использует «психоаналитическую категорию идентификации» [13, P. 3] для объяснения формирования субъектных позиций и идентичностей, согласно которой, во-первых, идентификация рассматривается как бессознательный процесс, в ходе которого индивид ассимилирует или «интериоризирует» определенные черты, качества, атрибуты Другого и полностью или частично отождествляет себя с Ним. Во-вторых, в основе идентификации лежит изначальная нехватка, незавершенность субъекта, стремление обрести целостность за счет идентификации с другими объектами, дискурсами, группами. Речь идет о недостатке, лежащем в основе любой идентичности: человеку необходимо идентифицировать себя с чем-то, потому что существует изначальное и непреодолимое отсутствие идентичности (комментарий мой – Д. Б.).

Отсюда, идентификация – процесс постоянного конструирования и реконструирования идентичностей через установление эквивалентных связей между дифференцированными элементами. Если же говорить о специфике политических идентичностей, то они формируются через процессы идентификации с определенными политическими движениями, лидерами, символами, риторикой. Борьба за гегемонию в обществе разворачивается вокруг конкуренции разных пунктов идентификации, разных проектов идентичности.

Таким образом, для Э. Лакло идентификация – постоянный процесс субъективации, установления внутренних связей между элементами, который никогда не может быть окончательно завершен. Идентичности постоянно конструируются через эти бесконечные идентификации в политической борьбе дискурсов.

Если же рассмотреть и развернуто описать процесс конструирования идентичности в евразийском пространстве с позиций политико-коммуникативного подхода, то можно обнаружить, что формирование идентичности представляет собой целенаправленный процесс конструирования различными политическими субъектами системы идентификации индивидов с определенным сообществом. Это приводит к тому, что происходит принятие норм, ценностей, образцов поведения этого сообщества через процесс идентификации с ним. А для этого необходимо использовать специальные политические технологии и инструменты, такие как: СМИ, образовательные институты, культурные ресурсы, массовые мероприятия. В конечном итоге в этом задействован значительный коммуникативный ресурс для транслирования определенных дискурсов, символов, смыслов, формирующих идентичность. И, что самое примечательное так это то, что субъекты конструирования преследуют политические цели утверждения «своей» версии идентичности. Деятельность субъектов фиксируется в нормативных и других актах, программных документах.

Так, в евразийском контексте мы наблюдаем активные процессы проектирования различных версий идентичности (национальных, цивилизационных, общеевразийских) со стороны разных акторов – государств, элит, движений. Идет своего рода борьба различных идентичностных проектов.

Данная трактовка отражает конструктивистский взгляд на идентичность как результат целенаправленных политико-коммуникативных усилий субъектов по ее формированию в евразийском масштабе. Это, пожалуй, емкое и точное описание современных тенденций в этой сфере.

В то же время хотелось бы подчеркнуть, что формирование идентичности нельзя рассматривать исключительно как целенаправленный и полностью контролируемый процесс конструирования. Ведь наряду с осознанными усилиями политических акторов, в структуру идентичности неизбежно включаются стихийно возникающие, хаотичные элементы.

Несмотря на то, что субъекты политических отношений стремятся сконструировать определенные версии идентичностей для достижения своих целей, полностью контролировать этот процесс невозможно по ряду причин.

Во-первых, развитие технологий и средств коммуникации, особенно интернета и социальных медиа, создает децентрализованное киберпространство, где происходит стихийное формирование альтернативных дискурсов идентичности.

Во-вторых, процессы глобализации размывают традиционные идентичности, способствуют возникновению новых гибридных идентичностей.

В-третьих, идентичности формируются под влиянием разнообразных, порой противоречивых культурных потоков и нарративов, не всегда контролируемых официальными институтами.

И, наконец, личный опыт, межличностные коммуникации, неформальные социальные взаимодействия также вносят элементы хаотичности в процессы идентификации.

Таким образом, целенаправленное конструирование идентичности всегда сочетается с ее хаотическим, менее предсказуемым формированием в коммуникативных средах, испытывающих воздействие технологической революции и глобализации. Игнорирование этого фактора приводит к упрощенному пониманию сложной природы идентичности.

Заключение

При характеристике формирования идентичности как сложного политико-коммуникативного процесса, обладающего такими необходимыми признаками, как наличие субъектов политических отношений, участвующих в этом процессе; реализация данного процесса в сфере политики, часто на основе определенных политических технологий и с использованием различных ресурсов; направленность действий субъектов на достижение политических целей в сфере идентичности; воплощение этого процесса в различных нормативных и ненормативных актах.

Формирование идентичности протекает на основе некоего относительно устойчивого базиса («фундамента»), но при этом испытывает как целенаправленные воздействия со стороны субъектов политики, так и хаотичные влияния. Важно указать на пересечение и взаимодействие разнообразных внутренних и внешних факторов в этом процессе, а также на сочетание элементов

дискретности (изменчивости одних параметров) и постоянства (сохранения других черт) идентичности. Присутствие уникальных закономерностей, собственной ритмики и стадиальности, взаимодействия различных субъектов и структур – все это характеризует формирование идентичности именно как политико-коммуникативный процесс со всей его сложностью и многоаспектностью.

Таким образом, евразийский контекст накладывает свой специфический отпечаток на процессы идентификации, делая их особенно динамичными, многослойными и противоречивыми.

Литература

1. Ажыбекова, К.А. Коррелятивная взаимосвязь культуры и цивилизации (методологические аспекты) / К.А. Ажыбекова, О.А. Тогусаков, Д.А. Брусиловский // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 3. – С. 9–16. – DOI 10.24158/fik.2017.3.1. – EDN YFUOAB.
2. Апсаматова Э.Д. Кризис идентичности и проблемы духовной безопасности в пространстве современных культур и цивилизаций / Э.Д. Апсаматова // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2023. – Т. 3, № 12. – С. 28–35. – EDN KZPGDL.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е.Д. Руткевича. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
4. Брусиловский Д.А. Диалог культур и толерантность в условиях глобализации / Д.А. Брусиловский // Известия ВУЗов (Кыргызстан). – 2015. – № 4. – С. 129–133. – EDN ULPPFN.
5. Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления: навстречу цифровому обществу. -М.: Проспект, 2023. – 416 с.
6. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. М.Л. Коробочкина. – М.: Весь Мир, 2004. – 120 с.
7. Диалог культур и взаимоадаптация цивилизаций в условиях мегасоциальной интеграции / К.А. Ажыбекова, О.А. Тогусаков, Д.А. Брусиловский [и др.] // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 128–135. – EDN YSPCDM.
8. Йоргенсен, Марианне В., Филлипс, Луиза Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Х.: Гуманитарный центр, 2008. – С. 26.
9. Фрунзеева Ж. Н., Майрамбек А., Брусиловский Д.А., Апсаматова Э.Д. Особенности государственного управления в условиях информационного общества / Ж.Н. Фрунзеева, А. Майрамбек, Д.А. Брусиловский, Э.Д. Апсаматова // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 5. – С. 232–237.
10. Brusilovskii D. Dialogue and tolerance in the modern era. Practical recommendations to achieve a positive and effective intercultural and interreligious dialogue / D. Brusilovskii. – Bishkek: NEO PRINT, 2015. – 150 p. – (Scientists of the Kyrgyz Republic). – EDN ZQROXT.
11. Castells M. The Power of Identity. The information age: economy, society, and culture. Vol. 2. / 2nd ed. with a new preface. Oxford: Willey Blackwell, 2010. – 512 pp.
12. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. – NY.: Simon & Schuster, Inc., 1963. – P. 129–139.
13. Laclau E. The Making of Political Identities / edited by Ernesto Laclau. – London, New York: Verso, 1994. – 296 pp.

IDENTITY CONSTRUCTION AS A POLITICAL-COMMUNICATIVE PROCESS IN EURASIA

Abdykakharov E.A., Apsamatova E.D. Frunzeeva Zh.N., Toktorbaeva T.M., Brusilovskii D.A.

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsina, Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn

This study addresses the important issue of the dynamic nature of identity in the context of political communication. The authors consider the process of identity formation through the prism of the main theoretical approaches: constructivist and postmodernist, which allows for a comprehensive analysis of this phenomenon. Special attention is paid to analysing the essence, attributes and structure of the process of identity formation in the Eurasian space. Two components are identified in the structure of this process: purposeful (related to the activities of political elites) and chaotic (spontaneous). At the same time, the authors point out that the formation of identity is based on a certain foundation, which has relative stability and permanence. In general, the work allows us to comprehensively comprehend the processes of identity construction and evolution in the Eurasian macro-region through a combination of different theoretical approaches, which is important for understanding cultural, political, religious and communicative-integration processes in the Eurasian space.

Keywords: identity; Eurasian identity; macro-identity; integration; political communication; discourse; political elite; ideology; Eurasia; macro-region.

References

1. Azhybekova, K.A. Correlative relationship between culture and civilization (methodological aspects) / K.A. Azhybekova, O.A. Togusakov, D.A. Brusilovsky // Society: philosophy, history, culture. – 2017. – No. 3. – P. 9–16. – DOI 10.24158/fik.2017.3.1. – EDN YFUOAB.
2. Apsamatova E.D. Identity crisis and problems of spiritual security in the space of modern cultures and civilizations / E.D. Apsamatova // Social integration and development of ethnic cultures in the Eurasian space. – 2023. – T. 3, No. 12. – P. 28–35. – EDN KZPGDL.
3. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge / trans. from English E.D. Rutkevich. – M.: Medium, 1995. – 323 p.
4. Brusilovskii D.A. Dialogue of cultures and tolerance in the context of globalization / D.A. Brusilovsky // News of Universities (Kyrgyzstan). – 2015. – No. 4. – P. 129–133. – EDN ULPPFN.
5. Volodenkov S.V. Internet communications in the global space of modern political governance: towards a digital society. -M.: Prospekt, 2023. – 416 p.
6. Giddens E. The slipping world: how globalization is changing our lives / Transl. from English M.L. Korobochkina. – M.: Ves Mir, 2004. – 120 p.
7. Dialogue of cultures and mutual adaptation of civilizations in conditions of megasocial integration / K.A. Azhybekova, O.A. Togusakov, D.A. Brusilovskii [etc.] // Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. – 2018. – T. 18, No. 1. – P. 128–135. – EDN YSPCDM.
8. Jorgensen, Marianne V., Phillips, Louise J. Discourse analysis. Theory and method / trans. from English – 2nd ed., rev. – Kh.: Humanitarian Center, 2008. – P. 26.
9. Frunzeeva Zh. N., Mayrambek A., Brusilovskii D.A., Apsamatova E.D. Features of public administration in the conditions of the information society / Zh.N. Frunzeeva, A. Mayrambek, D.A. Brusilovskii, E.D. Apsamatova // Social and humanitarian knowledge. – 2024. – No. 5. – P. 232–237.
10. Brusilovskii D. Dialogue and tolerance in the modern era. Practical recommendations to achieve a positive and effective intercultural and interreligious dialogue / D. Brusilovskii. – Bishkek: NEO PRINT, 2015. – 150 p. – (Scientists of the Kyrgyz Republic). – EDN ZQROXT.
11. Castells M. The Power of Identity. The information age: economy, society, and culture. Vol. 2./2nd ed. with a new preface. Oxford: Willey Blackwell, 2010. – 512 pp.
12. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. – NY.: Simon & Schuster, Inc., 1963. – P. 129–139.
13. Laclau E. The Making of Political Identities / edited by Ernesto Laclau. – London, New York: Verso, 1994. – 296 pp.

«Мы подданные империи права…»: юридический ракурс американской интеллектуальной традиции в свете политико-философского осмысления

Зимовец Людмила Григорьевна,
д.ф.н., доцент, Сочинский государственный университет
E-mail: nauka-rgsu-s@mail.ru

Куликовский Александр Владимирович,
аспирант, Сочинский государственный университет
E-mail: kav110890@mail.ru

Отталкиваясь от ёмкой метафоры Рональда Дворкина, назвавшего Соединённые Штаты «империей права», автор анализирует в проблемном ключе фундаментальные политико-правовые вопросы американской интеллектуальной традиции, философского осмысления права и идеи законности, конституционализма и демократии, а также судебной философии Верховного суда США. Акцентируется внимание на рубежном этапе перехода американского общества от модерна к постмодерну, ознаменовавшему начало распада политической публичной сферы. Данный период характеризуется критическим усугублением политического отчуждения, противопоставлением идей либерализма и демократии. В американском публичном дискурсе наблюдается радикальная критика традиционной формулы американского конституционализма, основанного на представлении о демократии как ничем не ограниченной воле большинства. На фоне деградации и падения авторитета американского законодательного корпуса происходит присвоение Верховным судом США полномочий, выходящих за конституционные рамки, а судебные прецеденты всё в большей мере приобретают ярко выраженный политически ангажированный характер. В результате проведённого исследования делается вывод о состоянии распада американской политической традиции, системном кризисе «империи права», ставящем под вопрос само существование США.

Ключевые слова: американская политическая философия, философия права, модерн, постмодернизм, закон, демократия, конституционализм, Верховный суд США.

Введение

Вряд ли возможно получить целостное представление об американской интеллектуальной традиции, если вынести за скобки концепцию верховенства права *(the Rule of Law)*, являющуюся фундаментальной для морального, политического и юридического мышления. Крупный американский политический философ и правовед Рональд Дворкин *(R. Dworkin)* в своей известной работе *«Law's Empire»* предельно точно выразил смыслообразующую идею американского самосознания: «Мы – подданные империи права, вассалы его методов и идеалов… Мы живём в праве и правом. Оно делает нас теми, кто мы есть» [1]. Это черта американского (и шире – западного) общества не ускользнула от внимания лауреата Нобелевской премии по литературе А.И. Солженицына. В своей речи в Гарварде на ассамблеи выпускников 1978 года он заметил: «ужасно то общество, в котором вовсе нет беспристрастных юридических весов. Но общество, в котором нет других весов, кроме юридических, тоже мало достойно человека. *(Аплодисменты.)*» [2].

Мы неслучайно воспроизводим эту цитату вместе со стенографической ремаркой. Дело не в частном суждении оратора, тем более принадлежащего к иной культурной традиции, а в реакции слушателей – молодых представителей интеллектуальной элиты Соединённых Штатов – на критику тотальной юридизации жизни. Впрочем, нельзя игнорировать и исторический контекст, связанный с феноменом «наследия 68-го года». Соединённые Штаты не стали исключением в той волне протестных молодёжных движений, которые охватили в 60-е годы прошлого века страны Западной Европы, достигнув своего наивысшего накала в ходе студенческих волнений во Франции. В США программным документом «поколения мятежа» стал Порт-Гуронский манифест SDS *(«Port Huron Statement Students for a Democratic Society»)*. Его авторы поставили во главу угла критики американского общества проблему разрыва между политической реальностью и конституционным идеалом, нарушение фундаментальных прав человека и кризис демократического строя, который превратился в инструмент политических манипуляций. В качестве выхода из того тупика предлагался полный демонтаж социальных систем, основанных на иерархии, и отчасти даже тех, которые базировались на репрезентативной демократии, в пользу так называемой «демократии участия» *(participatory democracy)*. Заявленные попытки перемен закончились провалом, но важно другое. Под огнём критики оказалась сама американская традиция. С этого времени, как справедливо отмечает О.Ю. Пленков, ведущие гуманитарные факультеты американских университетов, начали критиковать западное общество в постмодернистском ключе, заимствовав риторику у французских интеллектуалов, относящихся к левому спектру [3]. Ричард Познер *(R.A. Posner)* совершенно справедливо усматривает в студенческом движении 1960-х годов, а также континентальной социальной теории (неомарксистской, структуралистской и постструктуралистской) вдохновляющий посыл для развития в начале 1970-х годов на американской почве критических и постмодерни-

стских исследований. Используя хлёсткий образ, американский интеллектуал уподобляет эти идейные течения мёртвому лососю, из трупа которого вылупляется потомство. Так, сойдя со сцены, критическое направление породило три радикальные теории, ставящие во главу угла идеологический, а значит – политизированный, характер права. Это феминистское правоведение; постмодернистские исследования и критическая расовая теория [4]. Именно с этого периода проблема защиты разного рода меньшинств (социальных, этнических, наконец, сексуальных) становится приоритетной темой в публичном пространстве, от академических кругов до средств массовой коммуникации формируется соответствующая актуальная повестка.

Следует заметить, что высказываемая в литературе довольно нелицеприятная, но в целом справедливая оценка молодёжных протестных движений 60-х годов и их лидеров не должна затушёвывать существование объективных проблем, которые идеологи протеста пытались использовать в собственных целях. И, прежде всего, речь идёт о проблеме политического отчуждения, которая в первые десятилетия XXI в. усугубилась до катастрофического уровня.

Методы

Методология исследования заявленной темы основывается на общепризнанных принципах объективности и историзма. Использование комплексного междисциплинарного подхода позволило расширить методологическую базу исследования за счёт введения методов ситуационного и контекстуального анализа, применявшихся в процессе изучения научных, публицистических и правовых источников. В свою очередь динамический подход дал возможность выявить трансформационные изменения академического дискурса, касающегося философского осмысления политико-правовой сферы в условиях перехода американского общества от модерна к постмодерну.

Проблема философского осмысления политики и права в американской интеллектуальной традиции

Разумеется, в первую очередь нас занимает вопрос: как соотносится правовая жизнь американского общества с жизнью политической?

Философское осмысление права и идеи законности в русле американской интеллектуальной традиции заставляет вспомнить замечание «отца конституции» Дж. Мэдисона, который в письме Т. Джефферсону, датируемом 04 февраля 1790 г., писал: американцам чужд дух законотворчества на основании философии *(philosophical legislation)* [5]. Кстати, А. де Токвиль был ещё более категоричен, заметив, что во всём цивилизованном мире нет страны, где бы философии уделяли меньше внимания, чем в Соединённых Штатах и где само общественное устройство не предрасполагает к занятию спекулятивными науками [6].

По-видимому, суждение Дж. Мэдисона применимо не только к этапу становления конституционного государства, но и ко всем последующим периодам. Однако осознание того, что *право зависит от философии,* довольно отчётливо прослеживается в трудах американских политических философов и правоведов. Впрочем, последние, как иронически заметил Р. Дворкин, особенно «боятся философов, высказывающихся о правах, поскольку призрачные обертоны, звучащие в этом понятии, грозят нарушить покой на кладбище разума» [7]. Исторически в американском публичном пространстве возобладало инструментальное отношение к закону, понимаемому как *орудие* (средство), посредством которого могут достигаться различные общественно приемлемые политические и иные цели. Данный подход, восходящий к воззрениям И. Бентама и Дж. Остина, рассматривавшим право как систему исходящих от суверена и подкреплённых санкциями повелений, связан с восприятием закона в качестве эффективного инструмента «социальной инженерии». Иными словами, при определённых обстоятельствах закон может быть использован как инструмент социального контроля, как *орудие иерархии*, навязываемой обществу должностными лицами [8].

В свою очередь Скотт Дж. Шапиро *(S.J. Shapiro)* в своём монографическом исследовании, посвящённом проблеме законности *(«Legality»)*, с опорой на работы в области *философии действия (philosophy of action)* пытается преодолеть традиционное понимание закона в терминах правил. Пытаясь решить великий философский вопрос – что есть закон? – он смещает фокус с правил на планы. Место правил заступают чрезвычайно сложные правовые инструменты для создания и применения планов. Развивая собственную *Правовую теорию планирования (Planning Theory of Law),* С. Шапиро рассматривает правовые системы как *институты социального планирования, основная цель которых – компенсировать недостатки альтернативных форм планирования в обстоятельствах законности* [9].

Несомненно, точкой кристаллизации политико-правовой сферы является конституционализм, который признаётся главным вкладом национальной мысли Соединённых Штатов в философию правления *(philosophy of government)*. Как указывал австрийско-американский экономист и политический философ Ф. А. фон Хайек, отцы американской конституции, опираясь на английский опыт, сформулировали и утвердили на практике концепцию ограничивающей конституции. Уже в XVIII–XIX вв. в публичном пространстве использовались выражения как «ограниченная государственная власть» *(limited constitution)*, так и «ограничивающая конституция» *(limiting constitution)* [10].

Следует заметить, что Соединённые Штаты, принадлежа к англосаксонской правовой семье, в отличие от своей бывшей метрополии с её неписаной конституцией, обрели конституцию писаную. При этом, например, знаковая фигура американского Просвещения Т. Пейн вообще скептически относился к самой идее существования неписаной конституции. Как полагал философ: «Конституция это не одно название, а реальная вещь, она существует не только в воображении, но и в действительности, и там, где её нельзя показать в видимой форме, там её нет» [11]. Предшествуя государству, она конституирует его.

В процессе своего развития американский конституционный либерализм претерпел определённую трансформацию. Изначальную (традиционную) формулу конституционализма удалось интерпретировать таким образом, что она стала совместимой с концепцией демократии как формы правления, в которой *воля большинства по любому конкретному вопросу ничем не ограничена*. Как указывал фон Хайек, «конституция воспринималась как защита народа от всякого произвола со стороны и законодателей, и всех других ветвей власти» [12]. Важно отметить, что в теории конституционализма Соединённые Штаты рассматриваются в качестве классического примера президентской республики. Впрочем, английское монархическое влияние изначально прослеживалось в американском конституционализме. Так, по мнению Э. Нельсона *(E. Nelson)*, философия

американской конституции проистекает не из парламентской, а из *монархической традиции*. Предпринятая автором «Роялистской революции» *(The Royalist Revolution. Monarchy and the American Founding)* археология революционной мысли представляет скрупулёзное аргументированное исследование, показывающее, что многие из «отцов-основателей», движимые восхищением перед королевской властью и веря в достоинство сильной исполнительной власти, видели главным своим врагом именно британский парламент [13].

При этом американский ответ на вопрос о том, что есть конституция, у лица, сформировавшегося на почве континентального европейского права, может вызвать замешательство, поскольку американская доктрина примата правосудия *(judicial supremacy)* исходит из посыла, согласно которому *конституция состоит в том, что говорят по этому поводу судьи*. Разумеется, развитие данного тезис на практике ведёт к возникновению множества проблем самого фундаментального свойства, которые мы и рассмотрим.

Согласно американской конституционной доктрине, практически все вопросы *системы правления* носят правовой характер в самом, что ни на есть, утилитарном (техническом) смысле. Корифеи американской юриспруденции, касаясь темы юридизации политической сферы, активно ссылаются на А. де Токвиля. Французский интеллектуал справедливо отмечал, едва ли в США может возникнуть какой-либо политический вопрос, который рано или поздно не разрешится в судебном порядке. Остаётся лишь констатировать: то, что было истинно для XIX в., продолжает быть истинным и для века XXI.

Судебная философия Верховного Суда США как политико-правовая проблема

Отсутствие *философского духа* в американских законах с лихвой компенсируется судебными прецедентами. Неслучайно, поворотные решения Верховного суда США признаются современной американской доктриной в качестве важного источника философско-правового характера. Впрочем, правильнее будет заметить, что дух американских законов являет себя судейскими устами. В первую очередь, разумеется, речь идёт об устах судей Верховного суда США. Неслучайно в американском лексиконе применительно к деятельности данного органа используется понятие *«judicial philosophy»* (судебная философия).

Известная максима американского самосознания как страны, которой *правят не люди, а законы*, на деле оборачивается правлением людей в судейских мантиях. Показательным примером в этом отношении является фигура судьи Верховного суда США К.Томаса, который на протяжении более 7 лет во время всех судебных разбирательств хранил абсолютное молчание. Когда же он всё же позволял себе высказать собственное мнение, то прибегал к такому юридическому или техническому жаргону, который не в состоянии были понять как рядовые граждане, так и сами судьи. Томас считается одним из самых консервативных судей Верховного суда за всю его историю. Как отмечает С. Ринген, по мнению экспертов, «его решениям свойственны эксцентричность, непредсказуемость и оригинальность в том смысле, что они отличаются заметной новизной и неожиданностью в трактовке правовой теории. При этом он отказывается обсуждать или объяснять свои решения» [14]. В связи с этим исследователь позволяет усомниться в соответствии сложившегося порядка *духу современной и открытой демократии*. Однако проблема гораздо сложнее. С 1803 г., когда был создан Верховным судом США судебный прецедент, связанный с отменой, по причине его несоответствия Конституции США, закона, принятого Конгрессом, в дискурсивном поле политической философии высветилась проблема, которую Р. Дворкин именует *аргументом от демократии*. Этот аргумент предполагает, что «все возникающие вопросы, в том числе и вопросы моральных и политических принципов, должны решаться только теми институтами, которые являются политически ответственными в том смысле, в каком суды таковыми не являются» [15]. Дело в том, что и глава государства, и члены законодательного корпуса зависят от демократических процедур, в силу которых вынуждены (пусть даже формально) разъяснять свои действия, неся за них политическую ответственность. Собственно говоря, этот тезис согласуется с тем пониманием Республики, которое в десятом номере «Федералиста» сформулировал Джеймс Мэдисон, определив её как *правительство, составленное согласно представительной системе,* где *правление передаётся небольшому числу граждан, которых остальные избирают своими полномочными представителями* [16]. При этом над представителями судейского корпуса не довлеет угроза утраты поддержки избирателей, свои должности они занимают «пока их поведение безупречно» бессрочно. Вместе с тем риск того, что судьи могут принять неверные решения, осознаётся всеми. В академической литературе без особого труда обнаруживаются указания на то, что Верховным судом США на всём протяжении его деятельности допускались очень серьёзные ошибки. Американские авторы вынуждены признать, что судебные прецеденты, безусловно, варьируются в силу целого ряда причин как социально-экономического, так и политического характера. И как бы судьи ни старались абстрагироваться от своих жизненных и философских убеждений, в полной мере это никогда не удавалось и не удастся ни одному судье. Как известно, определённые этапы в истории Верховного суда США отождествляются с именами председательствующий судей, причём некоторые имена стали нарицательными.

Особо остро в политическом пространстве критика решений Верховного суда обозначилась в период, когда на пост президента баллотировался Р. Никсон, заявивший, что в случае своего избрания он будет назначать судьями приверженцев *своей собственной философии права*. Людей, которые будут проводить в жизнь *закон как он есть*, а не «выкручивать и выворачивать» его, подгоняя под свои личные убеждения. Полагая, что Верховный суд узурпировал власть, Никсон видел в качестве возможного исправления ситуации замещение судейских должностей теми, кого он именовал «строгими конструкционистами», которые в своей деятельности будут следовать букве Конституции [17]. Увы, как показывает анализ деятельности Верховного суда США, поставленная цель не была достигнута. Одним из наиболее дискутируемых вопросов последних десятилетий является проблема противостояния судебного консерватизма и активизма.

Обсуждение

Философия американского судебного конституционализма вращается вокруг проблемы противостояния двух школ интерпретации Конституции. Либеральное направление представлено приверженцами так называемой «живой конституции» *(living Constitution)*. По мнению «живоконституционалистов» *(living constitutionalists)*, принятая более 200 лет назад конституция и поправки к ней должны интерпретироваться с учётом тех социальных изменений,

которые и неизбежны, и закономерны. Сторонники консервативного направления, напротив, руководствуются тезисом о необходимости проявлять максимальное уважение к текстуальной основе Конституции, и стараться не выходить за рамки тех идей, которые были заложены в Основной закон законодателем изначально. В рамках рассматриваемого направления в американской литературе наблюдаются попытки выделения двух подходов – *оригинализма* и *текстуализма*. Впрочем, некоторые авторы объединяют их под эгидой метода *строгого конструкционизма (strict constructionism)*, который в политической плоскости является синонимом юридического консерватизма.

Как справедливо отмечает С. Коваль, в споре между конкурирующими философиями важное место занимают дебаты о понятии демократии. Так, с точки зрения консерваторов, судебные активисты, наполняя конституционный текст собственными воззрениями, нарушают базовый принцип – решение ключевых политических вопросов путём выражения воли большинства через законодательный процесс. В сущности, судья создаёт закон, *вытягивая* из прецедентов то, чего они не содержат. Причём, создаваемые прецеденты являются логическим развитием других, более ранних прецедентов. И в результате создаётся автономная от законодателя (его авторитета и вмешательства) система права. Важно подчеркнуть, что судебный активизм подвергается критике не только со стороны профессионального сообщества, но и широкой общественности. При этом, как отмечает российский автор, в настоящее время большинство в Верховном суде США составляет именно консервативное большинство [18].

В своё время одним из самых цитируемых политических философов США Дж. Ролзом *(J. Rous)* был сформулирован известный афоризм: «Справедливость – это первая добродетель общественных институтов» [19]. Причём, *политическая справедливость* синонимична *справедливости конституции*. Таким образом, мы выходим на проблему пересечения в политической плоскости права и морали. В своё время Р. Дворкиным развивалась концепция слияния воедино правовой и моральной теории. По мысли философа, возможны три идеальных типа (модели) политического сообщества. Первый тип – это сообщество *de facto*, историческая и географическая случайность, не являющаяся ассоциативным сообществом в полном смысле этого слова. Второй тип – «сообщество правил» *(rulebook community)*. Члены данной социальной организации подчиняются принятым правилам, при этом отсутствует представление о том, что данные правила сформулированы на основе неких фундаментальных принципов. И именно этого изъяна лишён третий тип сообщества, которое Р. Дворкин именует *сообществом принципов.* Здесь политика является тем форумом, где дебатируется, какими началами должно руководствоваться сообщество как система, где формулируется понимание того, что должно рассматриваться как справедливость, честность и должный процесс применения закона. В рамках данной системы судьи должны апеллировать к моральным принципам, содержащимся в законодательстве соответствующего сообщества, которое поднимается до уровня подлинного человеческого братства. Философия Дворкина основывается на коллективном *(communal)* действии, когда решения принимаются нацией как единым субъектом, а не статистической совокупностью граждан. Здесь каждый член сообщества действует как *моральный агент*, а сам процесс принятия политических решений проникнут заботой об интересах всех членов общества, являющихся *равными гражданами моральной республики,* для которой Конституция – это *моральный парус Америки*.

К сожалению, сегодняшняя американская действительность бесконечно далека от описанного идеала. В одной из своих последних работ патриарх американской политической науки Роберт А. Даль *(R.A. Dahl)* был вынужден констатировать, что по причине «снижения влияния граждан на ключевые правительственные решения, а также влияния избранных ими представителей, политическое неравенство может достичь такого уровня, при котором политическая система окажется намного ниже порога демократии, широко признаваемого в начале XXI в.» [20].

Столь же пессимистичен взгляд профессора Оксфордского университета Стейна Рингена *(S. Ringen)*, склоняющегося к отрицательному ответу на вопрос: по-прежнему ли Америка является демократией? По мнению аналитика, с ослаблением демократии вовлечённость в политическую жизнь широких слоёв населения сходит на нет. Причём, эта тенденция характерна для всего Запада [21]. Как заметил один из наиболее цитируемых политических философов современности, представитель второго поколения Франкфуртской школы Ю. Хабермас *(J. Habermas)*, в настоящее время в западных *не слишком стабильных демократиях* «процесс распада политической публичной сферы на фоне растущего социального неравенства зашёл достаточно далеко» [22].

Показательно, что в настоящее время подвергается критике и сам американский конституционализм. Так, Мартин Лафлин *(M. Loughlin)* в работе «*Against Constitutionalism*» (Против конституционализма) замечает, что данный феномен получил всеобщее одобрение, во многом потому, что ему никогда не давали точного определения. Как полагает американский исследователь, конституционализм не следует представлять как некую весьма расплывчатую смесь либеральных устремлений. Напротив, это *конкретная и притом глубоко спорная философия управления*. В XIX столетии она стала уникальным вкладом Америки в философию государственного управления, но уже к середине XX века конституционализм зачастую рассматривался как анахронизм, который не в полной мере соответствовал политическим вызовам времени. Если изначально конституция США трактовалась в качестве практического инструмента государственного регулирования, то впоследствии она уже наделяется статусом гражданской религии и предстаёт символическим воплощением коллективного единства [23].

В глазах всё большего числа американских граждан институциональная сфера Соединённых Штатов утрачивает свою главную добродетель – справедливость, что выдвигает на новом этапе общественного развития проблему гражданского неповиновения. Теоретическая разработка данной темы занимает одно из центральных мест в ставшей уже классической, но сохраняющей свою дискуссионность, работе Дж. Ролза «Теория справедливости». Сразу следует отметить, что американский философ делает принципиальную оговорку о применении разработанной им теории исключительно для такой социальной организации, которая *близка к справедливому обществу*. Его интерпретация гражданского неповиновения применима к *более или менее справедливому демократическому государству* и касается *тех граждан, которые признают и принимают законность конституции*, а основное напряжение связано с конфликтом обязанностей. Причём, проблема гражданского неповиновения воспринимается философом в качестве решающего теста «для любой теории моральных оснований демокра-

тии» [24]. Для американского интеллектуала, гражданское неповиновение оправдано лишь в том случае, если имеет место *серьёзная и явная несправедливость*, когда нарушены два принципа – принцип свободы и принцип честного равенства возможностей. Сегодня становится всё более очевидно, что в современных Соединённых Штатах эти два фундаментальных принципа оказались попраны, а общество стоит перед неизбежностью осознания того, что пределы власти закона и обязанность ему повиноваться не является безусловной.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать ряд общих выводов. Прежде всего, следует признать исключительное значение правовой проблематики для американской интеллектуальной традиции. Именно конституционализм является тем стержневым вопросом, вокруг которого вращается политико-правовой дискурс в США. Причём, именно в данной плоскости можно наблюдать столкновение двух идейных линий: традиции и контртрадиции. Расхождение между конституционным идеалом и политической реальностью привело в 60-е годы XX в. к радикальному пересмотру базовой системы ценностей, ознаменовав начало критики западного общества в постмодернистском ключе. В академической среде это привело к появлению таких интеллектуальных течений как феминистское правоведение, критическая расовая теория и ряд иных постмодернистских исследований. Для всех этих направлений характерен политизированный взгляд на право. В последние годы серьёзной критике подвергается и сам американский конституционализм, который рядом исследователей определяется в качестве глубоко спорной философией управления. Узловым вопросом Конституции Соединённых Штатов является проблема пределов интерпретации её положений Верховным судом США. Краеугольным камнем американского судебного конституционализма является противостояние конкурирующих философских подходов. Первый представлен судебными активистами, поборниками «живой конституции». Второй – консерваторами, приверженцами оригинализма и текстуализма. При этом характер деятельности высшего судебного органа Америки перестаёт отвечать духу современной демократии. В глазах американских граждан, как убедительно отмечают авторы академических исследований, публичные институты утрачивают свою легитимность.

Основной вывод, который мы можем сделать по результатам проведённого нами исследования, состоит в том, что американская «империя права» вступила в стадию системного кризиса. На заре американской государственности, когда одного из творцов Конституции США спросили об итогах работы конституционного конвента, он произнёс только одно слово: «Республика». И добавил: если сумеем её сохранить. Похоже, что в XXI веке это предостережение актуально как никогда. Представляется, что американской «правовой» империи не избежать судьбы всех существовавших до неё империй геополитических.

Литература

1. Дворкин Р. Империя права. – М.: Издательство Института Гайдара, 2021. – С. 11.
2. Солженицын А.И. Речь в Гарварде на ассамблее выпускников университета, 8 июля 1978 г. // Публицистика: В 3 т. Т.I. Статьи и речи. – Ярославль, 1995. – С. 314.
3. Пленков О. Ю. «Революция» 1968-го: эпоха, феномен, наследие. – СПб.: «Владимир Даль», 2023. – С. 212–221.
4. Познер Р.А. Рубежи теории права. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. – С. 19–20.
5. The Republic of Letters: The Correspondence between Thomas Jefferson and James Madison 1776–1826. Vol. I / Ed. by J.M. Smith. – New York and London: W.W. Norton & Company, 1995. – P. 652.
6. Токвиль А. де Демократия в Америке. – М.: Прогресс, 1992. – С. 319.
7. Дворкин Р. О правах всерьёз. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 209.
8. Ротунда Р. Либерализм как слово и символ: Борьба за либеральный бренд в США. – М.; Челябинск: Социум, 2021. – С. 142–143.
9. Шапиро С. Законность. – М.: Издательство Института Гайдара, 2021. – С. 294.
10. Хайек Ф. А. фон Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. – М.: ИРИСЭН, 2006. – С. 499.
11. Пейн Т. Избранные сочинения. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1959. – С. 207.
12. Хайек Ф. А. фон Конституция свободы. – М.: Новое издательство, 2018. – С. 233.
13. Nelson E. The Royalist Revolution: Monarchy and the American Founding. – Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2017. – 400 p.
14. Ринген С. Народ дьяволов: демократические лидеры и проблема повиновения. М.: Издательский дом «Дело» РАНХ и ГС, 2016. – С. 365.
15. Дворкин Р. О правах всерьёз. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 198.
16. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. – М.: Прогресс – Литера, 1993. – С. 83.
17. Дворкин Р. О правах всерьёз. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 185.
18. Коваль С. О Дворкине всерьёз. Современная англо-американская философия права. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2024. – С. 265–266.
19. Ролз Дж. Теория справедливости. – М.: ЛКИ, 2010. – С. 19.
20. Даль Р. А. О политическом равенстве. – М.: Московская школа политических исследований, 2010. – С. 83.
21. Ринген С. Народ дьяволов: демократические лидеры и проблема повиновения. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХ и ГС, 2016. – С. 320.
22. Хабермас Ю. Новая структура трансформации публичной сферы и делиберативная политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – С. 98.
23. Loughlin M. Against Constitutionalism / Martin Loughlin. – Cambridge: Harvard University Press, 2022. – 240 pp.
24. Ролз Дж. Теория справедливости. – М.: ЛКИ, 2010. – С. 319–342.

«WE ARE SUBJECTS OF LAW'S EMPIRE…»: THE LEGAL PERSPECTIVE OF THE AMERICAN INTELLECTUAL TRADITION IN THE LIGHT OF POLITICAL AND PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING

Zimovets L.G., Kulikovsky A.V.
Sochi State University

Starting from the capacious metaphor of Ronald Dworkin, who called the United States the "empire of law", the author,

through the methodological tools of philosophical science, analyzes in a problematic way the fundamental political and legal issues of the American intellectual tradition, the philosophical understanding of law and the idea of legality, constitutionalism and democracy, as well as the judicial philosophy of the Supreme Court of the United States. Attention is focused on the milestone stage of the transition of American society from modernity to postmodernity, which marked the beginning of the collapse of the political public sphere. This period is characterized by a critical aggravation of political alienation, the opposition of the ideas of liberalism and democracy. In American public discourse, there is a radical criticism of the traditional formula of American constitutionalism, based on the idea of democracy as the unlimited will of the majority. Against the background of the degradation and decline of the authority of the American legislative body, the US Supreme Court is appropriating powers that go beyond the constitutional framework, and judicial precedents are increasingly acquiring a pronounced politically biased character. As a result of the conducted research, a conclusion is drawn about the state of disintegration of the American political tradition, the systemic crisis of the "empire of law", calling into question the very existence of the United States.

Keywords: American political philosophy, philosophy of law, modernism, postmodernism, law, democracy, constitutionalism, the U.S. Supreme Court.

References

1. Dvorkin R. Empire of Law. – M.: Gaidar Institute Publishing House, 2021. – P. 11.
2. Solzhenitsyn A.I. Speech at Harvard at the university alumni assembly, July 8, 1978 // Journalism: In 3 volumes. Volume I. Articles and speeches. – Yaroslavl, 1995. – P. 314.
3. Plenkov O. Yu. "Revolution" of 1968: era, phenomenon, heritage. – St. Petersburg: "Vladimir Dal", 2023. – P. 212–221.
4. Posner R.A. Frontiers of the theory of law. – M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2017. – pp. 19–20.
5. The Republic of Letters: The Correspondence between Thomas Jefferson and James Madison 1776–1826. Vol. I/Ed. by J.M. Smith. – New York and London: W.W. Norton & Company, 1995. – P. 652.
6. Tocqueville A. de Democracy in America. – M.: Progress, 1992. – P. 319.
7. Dvorkin R. About rights seriously. – M.: ROSSPEN, 2004. – P. 209.
8. Rotunda R. Liberalism as a word and a symbol: The struggle for the liberal brand in the USA. – M.; Chelyabinsk: Sotsium, 2021. – pp. 142–143.
9. Shapiro S. Legality. – M.: Gaidar Institute Publishing House, 2021. – P. 294.
10. Hayek F.A. von Law, legislation and freedom: Modern understanding of liberal principles of justice and politics. – M.: IRISEN, 2006. – P. 499.
11. Payne T. Selected works. – M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. – P. 207.
12. Hayek F.A. von Constitution of Freedom. – M.: New publishing house, 2018. – P. 233.
13. Nelson E. The Royalist Revolution: Monarchy and the American Founding. – Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2017. – 400 p.
14. Ringen S. The people of devils: democratic leaders and the problem of obedience. M.: Publishing house "Delo" RANH and GS, 2016. – P. 365.
15. Dvorkin R. About rights seriously. – M.: ROSSPEN, 2004. – P. 198.
16. Federalist. Political essays by A. Hamilton, J. Madison and J. Jay. – M.: Progress – Litera, 1993. – P. 83.
17. Dvorkin R. About rights seriously. – M.: ROSSPEN, 2004. – P. 185.
18. Koval S. Seriously about Dvorkin. Modern Anglo-American philosophy of law. – M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2024. – P. 265–266.
19. Rawls J. Theory of justice. – M.: LKI, 2010. – P. 19.
20. Dal R.A. On political equality. – M.: Moscow School of Political Research, 2010. – P. 83.
21. Ringen S. The people of devils: democratic leaders and the problem of obedience. – M.: Publishing house "Delo" RANH and GS, 2016. – P. 320.
22. Habermas Yu. New structure of transformation of the public sphere and deliberative politics. – M.: New Literary Review, 2023. – P. 98.
23. Loughlin M. Against Constitutionalism / Martin Loughlin. – Cambridge: Harvard University Press, 2022. – 240 pp.
24. Rawls J. Theory of justice. – M.: LKI, 2010. – P. 319–342.

Феномен «навязанной социальной реальности» в общественно-политических процессах

Лаффах Адам Майерович,
ассистент кафедры «Государственное и муниципальное управление», стажер-исследователь Института управленческих исследований и консалтинга Факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: adamlaffakh@gmail.com

В современном мире общество все чаще сталкивается с феноменом «навязанной социальной реальности», где информация, ценности и представления формируются не естественным образом, а искусственно, через массированное влияние СМИ, политических деятелей и PR-специалистов. Данная статья исследует эволюцию понятия «социальной реальности» из коллективного сознания в манипулируемый конструкт. Авторами рассматриваются исторические корни «социальной реальности», анализируя взаимодействие индивида и общества в контексте формирования общих ценностей и мотивов.
Особое внимание уделяется роли СМИ и пропаганды в создании «навязанной реальности», а также способам манипуляции общественным сознанием. В рамках анализа авторы демонстрируют потенциальные последствия такого влияния на формирование общественно-политических представлений, ценностей и мифов. Авторы указывают на необходимость критической оценки информации и развитию критического мышления, необходимого для ориентации в условиях формируемой «навязанной реальности».

Ключевые слова: социальная реальность; постправда; габитус; коллективное сознание; манипуляция; СМИ; ценности.

Введение

Существованию феномена, когда люди объединялись в общности исходя из общих ценностных мотивов, посвящены работы многих ученых. В контексте такого явления существует «социальная реальность», которая лежит в основе изучения коммуникативных практик с точки зрения их обоюдной субъективности.

Индивид представляется восприимчивым к внешнему принуждению, которое может распространяться и на общество в целом. Тем не менее, социальная общность может оказаться надындивидуальной, следовательно, происходит взаимодействие двух субъектов.

Однако в последние несколько десятков лет происходит сильное влияние СМИ, политических деятелей, PR-деятелей на общество, благодаря чему возникает навязанная «социальная реальность», способствующая созданию мифов, лжи, а также обманчивых представлений. Эти каналы воздействия позволяют вмешаться в форму коллективного бытия, манипулируя сознанием для редакции общественно-политических представлений.

Настоящее исследование актуально ввиду ряда причин:

1. Необходимость определения способов конструирования «социальной реальности» как решающих этапов формирования стереотипных привычек человека.
2. Обеспечение стабильного состояния политической, общественной и прочих культур человека посредством удержания «социальных практик» под сторонним контролем.
3. Взаимодействие обыденного, «донаучного» (жизненного) и научного опыта человека при формировании собственных «социальных реальностей».
4. Построенная сторонним субъектом социальная реальность может быть выгодным ресурсом для удержания массового сознания и изменения мировоззрения.

Гипотеза исследования составляет предположение о том, что изначальным фактором складывания «социальной реальности» является воздействие некоторого социального актора на массы, в том числе и с помощью средств массовой коммуникации, которые формируют на основе «коммуникативных практик» в сознании аудитории соответствующую повестку дня, определенную картину мира, медиареальность.

Новизна исследования состоит в исследовании используемых коммуникативных практик в целях изменения социальной реальности при отрицании этого явления объектами воздействия.

Основная часть

Основные подходы к конструированию социальной реальности

Социальная деятельность человека интересовала с точки зрения взаимосвязи её субъекта и объекта на протяжении хода исторического процесса. Они выступают движущими силами, акторами действующего социального пространства, которое определяет основные правила

и нормы морали между ними. Иными словами, социальное пространство с этой точки зрения выступает объединителем интересов для последующего их изменения в свете сложившихся в обществе образов мышления. Тем не менее, следует понимать, что для реализации коммуникативной деятельности важным остается основа для прочей деятельности, которая непосредственно использует коммуникацию как одно из важных средств. Модификация прочей деятельности способна породить привыкание у индивидов ввиду того, что человек по своей сути – исключительной степени существо привыкающее.

Примерно так, в современной интерпретации, могла бы звучать теория Пьера Бурдье, известного французского социолога, опубликованная в 70-х годах XX века. Она затрагивала проблематику «коммуникативных практик», а также «социальных полей».

С его точки зрения «практики» стали неким пространством, которое определяет образ мысли и поведения индивида исходя из его собственных поведенческих мотивов и представлений об окружающей среде. Тем самым субъект приспосабливается к разделению существующей информации на две стороны – для него, которую воспримет в любом случае, и не для него, остающуюся для восприятия остальных участников коммуникации. Иными словами, это позволяет приспособиться каждому индивиду друг к другу ввиду того, что «практика» представляет возможность преобразовывать действия в некое подобие каждодневных, копирующих друг друга действий.

Подтверждение этого утверждение дает сам П. Бурдье, выделяя следующие пункты, становящиеся обязательными для теории практик:

- Предметы познания должны быть сконструированы, а не просто пассивным образом зарегистрированы;
- Необходимо структурирование диспозиций с последующей их направленностью на определенные практические цели и функции.

Из этого следует понятие Бурдье «pré-occupée» [1, с. 43] – «занимательное», что означает практическое отношение человека с миром при одновременном напоминании мира о его присутствии – неотложные дела, которые постоянно напоминают о своем присутствии в настоящей жизни, а также о том, что их необходимо сделать или сказать о них. Фактически, «практика» представляет собой предустановленные слова или жесты, которые не переходят в некое представление. У этого представления, по мнению Пьера Бурдье, существуют акторы. Об этом свидетельствует и перевод данного понятия – «заранее занятый», но в то же время подтверждается и тот факт, что данная позиция впоследствии может быть занята и прочими акторами.

Сконструированные детерминации, которые возникают, определяют устойчивые и переносимые диспозиции, именуемые Бурдье как «габитусы» (прим. автора – с фр. «habitude» – привычное, устоявшееся) – результат опыта познания индивидом социальных структур, носящий неосознанный характер.

Почему же «габитус» – явление неосознанное? Это обосновано его средой существования и непосредственным условием для существования – результат индивидуального социального опыта человека. «Габитус» оказывает в первую очередь влияние на человека с той целью, чтобы условно «социализировать» его в сложившиеся социальные структуры, которые и генерируют ранее упомянутые «практики». В свою очередь, Бурдье примечает и важность социализации в целом, как первичной и вторичной в роли «габитуса», поскольку в этот период времени человек создает «les habitude des classes» [2, p. 73] – классовые привычки, или же «le style de vie de la classe», которые позволяют распространить общие практики на все классы. Например, рабочие и интеллектуалы, которых приводит в пример Пьер Бурдье.

Из этого следует, что практическое чувство, в большей своей степени, представляет собой социальную необходимость, ставшую априорной в человеческом устройстве психологии и физиологии. Иными словами, реальность, которая складывается вокруг человека, оказывается неясной её непосредственному производителю, а потому человеку необходимо наполнить данную «практику» здравым смыслом. В результате агенты все равно в полной мере не осознают, что они делают – складывается принцип большей смысловой нагрузки.

С этой точки зрения и возникает мысль о том, что в каком-то социальном порядке всегда есть выгода, которую можно извлечь, а следовательно, необходимо создать общее положение, которое позволит вызвать чувства и мысли, ассоциируемые с непосредственным состоянием тела, духа, а также окружающей среды. Данный феномен и есть конструирование социальной реальности, поскольку так или иначе имеет своей целью сделать множественные «кейсы практики» более неявными, а также упорядочить мысли индивида и внушить чувства при помощи строгой упорядоченности практик, формируя постепенное привыкание к ним, а также реализацию естественных форм реакции как смех или слезы.

«Социальная реальность» по мнению французского социолога есть не что иное, как «сеть невидимых связей, образующих пространство, складывающееся из внешних по отношению друг к другу позиций, характеризующихся соотношением друг с другом, – близостью, соседством или удаленностью» [3, с. 137]. Из это следует, что социальная реальность, или же пространство равнозначное стране, которую можно разделить как лоскутное одеяло – чем ближе лоскуты друг к другу, тем больше у них, – аналогично и с индивидом, группой лиц, – каких-то определенных взглядов.

Бурдье в своих рассуждениях, как и упоминалось ранее, определяет «класс», который на самом деле оказывается реально существующей социальной группой. Это связано с тем, что «социальное пространство, где у субъектов, занимающих сходные или близкие позиции, обнаруживается совпадение условий жизни, взглядов, интересов, установок, обусловливает единообразие их практической деятельности, а также одинаковость зоны влияния от прочих» [3, с. 141].

Ввиду этого, позицию в социальном пространстве можно условно разделить на активную, которая несет за собой эффективность ее использования, и, соответственно, пассивную, которая как в карточной игре ведет за собой либо тотальный проигрыш, либо случай, когда гипотетический класс имеет возможность выбраться из зоны давления прочей социальной группы.

Все это позволяет сложить опорное понятие «конструирования социальной реальности» как искусственное создание с определенной точки зрения, то есть с определенной позиции, относительно устойчивого представления о происходящем событии. Данный подход дал дальнейшее развитие пониманию построения социальной реальности как средства непосредственного манипулирования сознанием, контроля над публичными массами, а также модификация обновленной социальной реальности с последующим выстраиванием границ.

Впоследствии В.В. Волков, О.В. Хархордин анализировали соотношение коммуникативных практик в отношении примера П. Бурдье в области фотографии, которые по мнению обоих авторов и являются качественным примером ритуала практической коммуникации. В большей степени он является обыденным для людей, осо-

бенно когда они приходят просматривают семейные фотографии. «В обыденной практике фотографирования, которую Бурдье берет в качестве основного объекта, нет ни мистики самоубийств, ни героики протестантской реформации, ни масштаба революции» [4, с. 146–147].

Субъект подсознательно отдает привилегию именно определенному объекту на подсознательном уровне, а некоторые объекты, в частности группа лиц, подсознательно совершает какие-то действия на камеру, что в действительности оказывается повседневным, потому что глядя на фотографию она приятна восприятию.

После исследования П. Бурдье австрийско-американский и словенский социологи П. Бергер и Т. Лукман создали концепцию, которая предложила свой взгляд на конструирование «социальной реальности». Принципиально новым и одновременно важным моментом в их теории стало разделение на «знания» и «реальность».

Выделяя термины «реальность» и «знание» непосредственно дается и их понятие. «Реальность» представляет собой качество, присущее феноменам, от которого человека не в силах избавиться в силу человеческой воли и желаний, потому она в большей степени постоянная. «Знание» в свою очередь определяет «реальность», заставляя субъект убедиться в том, что «реальность» на самом деле действительно существует и обладает специфическими характеристиками.

Так или иначе, как «реальность», так и «знания» могут быть подвергнуты сомнению, поскольку человеку свойственно имея «знания» о какой-то определенной «социальной реальности» попросту отказываться от неё, так как та в большей или меньшей степени может не соответствовать его интересам, а также ответственности перед данной «реальностью». Из этих понятий можно понимать, что «знание» – зона субъективного. Однако можно ли говорить о том, что и «реальность» субъективна? Безусловно можно, поскольку рассуждать об объективности «реальности» довольно-таки проблематично в виду того, что для каждого из участников она окажется разнообразной. Иными словами, в случае с «реальностью» объективность остается субъективностью.

Помимо деления на субъективность и объективность авторы создали свою классификацию секторов реальности:

- Повседневная и привычная реальность жизни человека, основная на постоянном взаимодействии людей с целью, как пишут Бергер и Лукман, «встретиться лицом друг к другу».
- Неосвоенный индивидом, однако не менее от того проблематичный, скрытый сектор «реальности», познание которого осуществляется подсознательно, а также приобретением потенциально новых и глубоких знаний о настоящей действительности.

В свою очередь авторы упоминают для большей конкретизации пример с улыбкой, когда индивид, совершая определенное действие ожидает реакции другого индивида, основываясь на принципе положительно-негативного двухстороннего решения – пока человек не получит какой-либо отклик от другого человека, то их взаимодействие попросту не продолжится. Это позволяет в очередной раз убедиться в наглядности отсутствия субъективной стороны, поскольку обоюдное восприятие действительности оказывается очевидным. То есть, субъективная реальность вероятным образом «зависит от социального базиса и требуемых для ее поддержания социальных процессов» [5, с. 104].

Однако из полученных ранее выводов следует, что человек является включенным в общество изначально, с рождения. Так ли это? От части, да. Человек «рождается с предрасположенностью к социальности и затем становится членом общества» [5, с. 87]. Именно поэтому у каждого индивида есть определенный период вхождения в данную социентальную сеть посредством интернализации. Интернализация же представляет из себя восприятие, усвоение полноценное постижение, а также интерпретация объективного факта происходящей действительности. Иначе говоря, интернализация есть непрерывное освоение человеком в качестве естественного навыка окружающей субъективной реальности, итогом которого становится перманентное объективное знание. То есть данный процесс привносит в человеческий разум определенную сигнификацию для последующих шагов.

Вполне очевидно, что первичный этап социализации становится максимально значимым в судьбе индивида, так как именно тогда он перенимает самое необходимое. В данном случае реальность является именно «объективной», поскольку прочие значимые выступают посредником между индивидом и познаваемым миром. Результатом обоих этапов становится появление полноценной личности, однако важно, чтобы вторичный этап социализации человека происходил самостоятельно. Первичная социализация ослаблена тем, что находится под максимальным воздействием со стороны эмоций. Из этого следует, что формально первичная социализация хоть и дает некоторые зачатки полноценного обучения, но тем не менее не позволяет человеку приобрести полноценную идентификацию от прочих.

Тут следует заметить, что именно на первичном этапе появляются конкретные роли и социальные привязки, на тот момент, ребенка. А именно тогда появляются у человека имя, как относительный идентификатор, и фамилия – симуляция принадлежности к определенному статусу в социальном пространстве. Возникает существенная ошибка – возможное неправильное распределение установок. Может оказаться, что фамилия человека не показатель, имя есть у его соседа по парте, а, следовательно, в системной программе человека может произойти вполне разумное расхождение.

Логичное продолжение в виде появления новых ситуаций наталкивает на мысли, что социализация, как основа интернализации на самом деле не прекращается и продолжает действовать, как уже было упомянуто ранее, до конца жизни.

Тем не менее проблема идентификации личности, ее отношения к реальности, а также остается неразрешенной, что впоследствии порождает необходимость ее дальнейшего изучения, либо, говоря иначе, внедрения в подсознание человека. Именно на последующем этапе происходит наибольшая возможность последующего конструирования социальной реальности, поскольку человек максимизирует свою зависимость от оного. В этот период «приходит на помощь» второй этап социализации, который позволяет интернализировать новые институциализированные обоснованные установки. К этому моменту у человека уже сложились изначальные надстройки, соответствующие требованиям общества. Однако, исходя из теории авторов, складывается проблема несогласованности двух параллельных систем знаний, а также их накладывание с последующим смешиванием.

Вторичная социализация изначально предлагает индивиду придать эмоциональную окраску «подмирам», определяющим «базисный мир» и противоположный, а также предлагаемое вмешательство, которое влечет за собой частичную подмену реальности. Данная подмена оказывает негативное влияние на вторичную социализацию, поскольку происходит явление удаления полученной информации для дальнейшего воссоздания

новых стереотипов в сознании, так как последние оказываются попросту не укоренены. Иными словами, происходит разрушение сложившихся «габитусов».

«Габитусы» в теории П. Бергера и Т. Лукмана оказываются сходными с «габитусами» П. Бурдье. Мышление, согласно обеим теориям, основывается на типах, складывающихся в институциональных, для дальнейшего их опривычивания деятелями разного рода. Говоря другими словами, габитуализация является основой социального конструирования ввиду того, что «габитусы» формируют системы социального контроля и ролевой системы, свойственной этапу вторичной социализации.

В общем и целом, «габитус» становится чем-то неоднократным повторяющимся для последующего воспроизведения как образца для исполнителя. Это подразумевает факт того, что данная «повестка дня» останется на рассмотрении на постоянной основе с последующим принудительным изменением с целью конструирования сознательного образа для использования его в качестве образца с тем коммуникативно-практическим усилием со стороны человека. Тем не менее, действия, ставшие привычными для индивида, оставляют за собой многозначительный характер, ввиду чего оказывается, что мы наталкиваемся на аналогичную с вторичной социализацией, так как происходит постоянная реконструкция их значений. В этом случае необходимо упомянуть то, как П. Бергер и Т. Лукман устанавливают методологические рамки для конструирования социальной реальности и, можно сказать, ее «опривычивания».

Можно сказать, что сама реальность на деле оказывается искусственно созданной именно социумом, так как социальное конструирование вступает во взаимодействие с подсознанием, затрагивая глубинные пласты мышления. Социум заставляет себя, а также человека как индивида додумать, придумать, осмыслить, перекроить окружающую действительность.

Действительность же эта на сам ом деле представляет собой объективную реальность, однако в современности она уже становится субъективной, так как в нее вкладывают смыслы иные участники общества, чтобы другие их «впитывали». Однако прекращение такового влияния вполне можно ограничить, если у индивида присутствует достаточный социальный опыт. И чем шире он, тем больше шанс того, что возможно провести «линии разграничения» между относительно настоящей и поддельной реальности на когнитивном уровне.

Невозможно отрицать, что знания о мире любого человека неполны, так как отсутствует прямая задача в данном сравнительном анализе. Однако почему при отсутствии полноценного количестве знаний не возникнет проблемы нецелостности мира? Это происходит потому, что неполнота данных в подсознании не заставляет человека остановиться на полноценным мироанализе, поскольку возникает феномен когда-либо человек сам конструирует для себя, либо же когда за него это делают другие люди, а их социальный опыт позволяет выйти на главенствующую когнитивную позицию.

Иными словами, конструирование социальной реальности позволяет осветить конструкцию в успешном свете до такой степени, когда конструкция позволяет уверенно действовать, но и в большей или меньшей степени осознавать действительность с ожиданиями от нее. Сконструированная социальная реальность ставится под сомнение с точки зрения «социального факта», истинность которого всегда можно поставить под сомнение.

Объединяющей теорией «габитуализации» П. Бурдье и «социальной реальности» Лукмана и Бергера стала теория «фреймов» американского социолога Эрвинга Гоффмана.

В основе его размышлений лежит принцип, закладывающий в основу знаний о повседневности признак «объективности». В этом смысле он отходит от идеи предыдущего исследователя, однако не полностью, так как таковое понятие «субъективного» и вовсе отсутствовало. Фактически, по мнению Гоффмана, любое отклонение от нормы, то есть и субъективное мышление, лишь остается в рамках обыденного, но меняет свою модель от одной к другой.

Тем не менее, Э. Гоффман ставит во главу практической деятельности человека «собираемость» мира. Все то, что мы привыкли совершать, как думать в определенных ситуациях, каким образом реагировать на раздражители, как воспринимать реальность – эти действия основываются на их скоординированности.

Другими словами, «фреймы» представляют собой последовательную лестницу, соединяющую социальную интеракцию с непосредственной социальной структурой, образуя между ними коммуникацию. В данном случае мы подтверждаем теорию Бурдье о том, что действительно существуют некие устоявшиеся образы действий, основанные на личностных мотивах. Американский социолог же напротив, подтверждая сущность «коммуникативных практик», убеждает читателей, что человек прежде всего существо «автономное, трансцендентное, ноуменальное» [6, с. 8].

Рассмотрим феномен «фреймового мышления» в более близком приближении. У любого человека в ходе дискуссии, либо же обсуждения какого-то события, а также анализа возникает ряд представлений, благодаря которым человек подсознательно выстраивает «картину мира», однако в более «осмысленном» виде, чем «коммуникативные практики» Бурдье, которые в большей степени затрагивали именно модель несознательного вмешательства разума человека в события, происходящие между акторами. Безусловно Э. Гоффман также затрагивает подобный аспект, однако лишь с той целью, чтобы продемонстрировать «опривычивание» лишь со стороны «природной» деятельности, так как он выделяет и «социальную», которая включает в себя «систему правил». Мануальные действия сводятся к определенным нормам, так и игра сводится к правилам, которые ни в коем случае нельзя нарушать, что аналогично с правилами дорожного движения, не предписывающими направление движения человека, однако регулирующие правильность движения с целью избежать дорожно-транспортное происшествие, посредством установки ряда ограничений.

«Фреймы» выделяют «естественное», что априори вызывает определенные эмоции на происходящее, а также «социальное», что навязывается человеку из всех источников информации. Потому, если новое «социальное» оказывается в различных плоскостях с «естественным», то из этого следует некий конфликт между ними, вызывающий как неприятие «естественного», так и высмеивание «социального».

Репрезентация сконструированной социальной реальности

Основной итог, который преследуют субъекты коммуникативной практики – является несомненное воздействие друг на друга, либо же удовлетворен ценностных предпочтений одной из сторон – то есть, массового манипулирования в одностороннем порядке.

Однако стоит понимать, что эволюция коммуникативных практик привела к тому, что технологизация уже является направлением объективирования субъектов через повторное присваивание социального опыта, с той

точки зрения, «чтобы модель определенного социального действия вошла в набор ролей агентов социального действия» [7, с. 15–16].

Технологизация конструирования социальной реальности имеет свойство проникать во все сферы жизни общества при наличии определенных методов (таблица 1).

Таблица 1. Методы интеграции технологизации конструирования социальной реальности

Язык и его использование в повседневной жизни	Описание непосредственно настоящего и будущего в ходе социальной истории, что позволяет манипулировать этим и повлиять на ту, или иную переменную.
«Смыслы»	Чем больше «смыслов» у определенного контекста, сформированного языковыми манипуляциями, тем больше шанс того, что человек выберет именно тот контекст, который ему покажется наиболее простым с точки зрения обоснования какого-либо явления. Другими словами, цель человека наполнить свой мир, основанный процессами социализации «большими смыслами» с наименьшими издержками на выход из сферы внутреннего мира, без затрагивания проблем внешнего.
Устойчивость	Созданный стереотип, или «габитус» по методологии Бурдье, который будет какой-то промежуток времени неопровержим, ввиду того, что будет более близок к ценностной оценке происходящего, нежели чем с точки зрения науки.

Источник: составлено автором.

Теорию конструирования социальной реальности стоит оценивать именно с точки зрения личностного опыта, нежели научного, так как проблематика повседневной жизни не остается на объектном уровне, а закрепляется на уровне феноменов социального поведения.

Социальный конструкт «Charlie Hebdo» в условиях создания имиджа

Создание обобщенного портрета или организации, создающийся на основании заявлений и практических действий ведет к созданию в общественном или индивидуальном сознании эмоционального отношения. Это отношение, отраженное в портрете – имидж. Имидж создается по-разному, однако не стоит отрицать того факта, что имидж в современных реалиях оказывается ничем иным, как неотъемлемой частью социальной реальности. Поскольку имидж – это диалог «потребителя» и «продавца», то следует еще также упомянуть, что товар, который «продается» – информация, которую можно как исказить, как рассказать в верном русле, так и испортить ее – очередное проявление субъективности социальной реальности.

Ярким примером такого «уникального» имиджа – французский журнал Charlie Hebdo, имеющий взгляд на большинство новостей, чем в целом не выделяется от прочих, однако имеет отличительную черту – сатирические карикатуры. В культурной практике карикатуры ничем необычным не являются, однако с точки зрения журнала «Charlie Hebdo» цель карикатуры – высмеять чиновников, политических деятелей, «силовиков», а также религиозных лидеров.

Скандальность казусу журнала придает тот факт, что их карикатуры оказываются каждый раз в центре скандала, но тем не менее остаются привычными для людей, вызывая при этом огромный резонанс.

История данного журнала берет свое начало с 1969, однако из-за первого же скандального заголовка был закрыт в 1970, когда умер президент Франции Шарль де Голль, в тот же день произошел пожар, когда погибли 146 человек – событие ознаменовалось фразой «Трагичный бал в Коломбе: 1 умерший». Тогда Раймонд Марселлин, министр внутренних дел Франции, «зацензурил» журнал, после чего был вызван медиа-скандал. Вполне объективная картина реальности оказалась в разрезе с государственной политикой.

Спустя время журнал продолжил свою работу до 1981 года, после выпуск был остановлен, так как интерес публики журнал не вызывал вовсе. В 1992 году выпуск возобновился. Дальнейшая история журнала заключалась в том, что он освещал все события, происходящие во Франции, в том числе и развитие политической мысли в стране – отхождение от каких-либо устоявшихся норм в отношении экономики и общества – проблемы гендерного неравенства, социальное неравенство, различные сообщества, отклоняющиеся от принятых в обществе норм, религиозные «столкновения».

С точки зрения коммуникативного подхода, данные методы ведения борьбы за аудиторию являются положительными, поскольку обратная связь действительно присутствует, однако при устоявшейся социальной реальности подобные действия оказываются не только губительными, но и плачевными. Основной причиной этому является то, что фактически происходит нарушение рамок человеческого сознания, разрушение прошлых установленных норм, своеобразное «яблоко Ньютона», только в более негативном ключе, так как даже при объективизации происходит незамедлительное отторгание объективного субъективным.

И тем не менее, в чем же заключается феномен сложившейся коммуникативной практики данного еженедельника и зрителя, благодаря которой он по сей день остается популярным, а существование мнения о происходящих событиях и вовсе ни для кого уже не является чем-то экстраординарным? Вопреки устоявшемуся мнению о том, что никакие ценности не могут быть высмеяны, существует противоположное мнение, которое скрывается за объективной маской истины – демократия в понимании журнала и властей Французской Республики выражена свободой слова, которая видится относительной, поскольку может затронуть других субъектов общества. Следует понимать, что фактически Charlie Hebdo действует в рамках закона, так как может рисовать все что угодно, включая религиозных фигур, а также могут насмехаться над ней, поскольку журналу предоставляется право это делать это из-за обширной свободы слова и действий, которая регулируется законом. А закон – есть право. Потому какова бы не была скандальность – данный журнал будет устойчивым «габитусом» в повседневной жизни общества страны, так как даже при нарушении норм морали, он не оставит свое существование из-за отсутствия юридической возможности его закрытия, тем самым оставляя его на внесении постоянных правок в объективное мышление индивидов.

Заключение

Таким образом результаты проведенного исследования показали, что существование определенных методов конструирования «социальной реальности» лежат на поверхности междисциплинарной области, сочетая в себе

политологию, социологию, государственное и муниципальное управление и экономику.

В свою очередь, технологизация позволяет человеку комплексно охарактеризовать определенные явления, которые имеют большой потенциал для их изучения с субъективной точки зрения. Повседневные социальные практики, а также их структурная единица «габитус» дает возможность рассмотреть механизм социального формирования и функционирования стереотипного, а также «фреймового» мышления, когда индивид не видит за ширмой социальных практик ничего более нового, чем упорядоченные действия в социальном пространстве, о чем свидетельствует пример с множественными сатирами журнала Charlie Hebdo.

В свою очередь, технологизация конструирования социальной реальности дозволяет индивиду вмешиваться в данный порядок, посредством прямой возможности анализа представленных точек зрения, которые могут крайне различаться с точкой зрения индивида, а также с точки зрения самого объекта действительности.

В связи с чем можно сделать вывод, что «коммуникативные практики» являются ничем иным, как искусственно созданным понятием о способности структурирования и конструирования диспозиций, учитывающее сознательное, бессознательное, а также подсознательное индивида. Рассмотренная проблематика остается актуальной и по сей день, с перспективой на то, что останется довольно важной и в дальнейшем ввиду того, что человек остается все также ориентированным на силу привычки и повседневную рутину в качестве оправдания собственного нерационального поведения, а потому избежать новых попыток конструирования «социальной реальности» и изначальных «коммуникативных практик» невозможно, однако при этом само наличие знания о такой возможность может помочь защитить общественное сознание от манипулятивного влияния.

Литература

1. П. Бурдье Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001 г. – 562 с. – ISBN 5-89329-351-7.
2. Bourdieu P. Questions de sociologie. – Paris: Les éditions de minuit, 2002. – 271 p. – ISBN 978-2-7073-1825-1.
3. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // THESIS. – 1993. – № 2. – С. 137–150.
4. Волков В. В., Хархордин О.В. Теория практик. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – 298 с.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
6. Гоффман Э. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г.С. Батыгина и Jl.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.
7. Родионова В.И. Социально-философский анализ технологизации социальных практик в современном обществе: автореф. дис. … доктора философских наук: 09.00.11; [Место защиты: Сев.-Кавказ. федер. ун-т]. – Ставрополь, 2015. – 332 с.

THE PHENOMENON OF “IMPOSED SOCIAL REALITY” IN SOCIO-POLITICAL PROCESSES

Laffakh A.M.
Financial University under the Government of the Russia Federation

In the modern world, society is increasingly faced with the phenomenon of “imposed social reality”, where information, values and ideas are artificially formed through the massive influence of the media, politicians and PR specialists. This article explores the evolution of the concept of «social reality» from collective consciousness into a manipulated construct. The authors examine the historical roots of «social reality», analyze the interaction between the individual and society in the context of the formation of common values and motives.

Particular attention is paid to the role of the media and propaganda in creating an «imposed reality», as well as methods of manipulating public consciousness. As part of the analysis, the authors demonstrate the potential consequences of such influence on the formation of socio-political ideas, values and myths. The authors point out the need for a critical assessment of information and the development of critical thinking necessary for orientation in the conditions of the emerging «imposed reality».

Keywords: social reality; post-truth; habitus; collective consciousness; manipulation; mass media; values.

References

1. Bourdieu P. Practical meaning / Transl. from French: A.T. Bikbov, K.D. Voznesenskaya, S.N. Zenkin, N.A. Shmatko; Rep. ed. lane and after. N.A. Shmatko. – St. Petersburg: Aletheia, 2001– 562 p. – ISBN 5-89329-351-7.
2. Bourdieu P. Questions de sociologie. – Paris: Les editions de minuit, 2002. – 271 p. – ISBN 978-2-7073-1825-1.
3. Bourdieu P. Social space and symbolic power // THESIS. – 1993. – № . 2. – P. 137–150.
4. Volkov V.V., Kharkhordin O.V. Theory of practices. – St. Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg, 2008. – 298 p.
5. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge. – M.: Medium, 1995. – 323 p.
6. Goffman E. Frame analysis: an essay on the organization of everyday experience: Trans. from English / Ed. G.S. Batygin and L.A. Kozlova; entry article by G.S. Batygin – M.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2003. – 752 p.
7. Rodionova V.I. Social and philosophical analysis of the technologization of social practices in modern society: abstract. dis. … Doctor of Philosophy: 09.00.11; [Place of protection: North Caucasus. Federal University]. – Stavropol, 2015. – 332 p.

Духовно-идеологическая безопасность как элемент национальной безопасности Российской Федерации

Погорелый Александр Павлович,
к.ф.н., доцент, зав. кафедрой военно-политической работы в войсках (силах) Военного университета радиоэлектроники
E-mail: apogor44@yandex.ru

Данная статья посвящена изучению духовно-идеологической составляющей национальной безопасности. За основу взят анализ четырёх основных документов (Концепция 2000 г. и три Стратегии 2009, 2015 и 2021 гг.), регулировавших ситуацию в данной области в течении последних двадцати лет. Автор рассматривает такие вопросы как место либерального тренда в осмыслении национальной безопасности и значение духовно-нравственных ценностей, патриотизма в обеспечении духовно-идеологической безопасности. Делается вывод о том, что начавшаяся в феврале 2022 года специальная военная операция на Украине ещё более обострила проблемы духовно-идеологического противоборства, что, в свою очередь, непременно должно найти отражение не только в общественном дискурсе, но и в государственном законодательстве.

Ключевые слова: национальная безопасность, духовно-идеологическая безопасность, идеосистема, духовно-нравственные ценности, патриотизм, историческая память.

Государственная идеология должна быть отражена в важнейших документах государства. В первую очередь – в Конституции. К сожалению, в ст. 13 Конституции РФ зафиксировано положение, запрещающее нашему государству иметь такую идеологию. Впрочем, можно сколько угодно запрещать в официальных документах слова «отец» и «мать», заменяя их всяческими суррогатами. В реальной жизни большинство детей будут продолжать пользоваться этими словами. Другой вопрос, что со временем количество может перерасти в качество. Запрет идеологии в важнейшем документе государства не отменяет того факта, что ни одно полноценное государство без идеологии успешно существовать не сможет. Тем более, каждый социум обладает собственным идейно-нравственным кодом (в соответствии с которым дети и называют своих родителей «мама» и «папа»), который и должен составлять сердцевину национально-государственной идеосистемы. Идейно-нравственный код в своих основных идеях сохраняется на протяжении длительного времени и поэтому является залогом сохранения собственной ментальности. Впрочем, народ можно обмануть, как это было с нами в 80–90-е годы прошлого столетия и пришлось заплатить дорогую цену, чтобы выбраться из этого состояния аномии. Народ можно отравить, как это произошло с украинцами сегодня. Даст Бог силы и время и братский народ Украины опомниться, выведет из своих вен ядовитую смесь фашизма с либерализмом и встанет в один ряд со своими русскими и белорусскими братьями. Но это станет возможным только на основе того идейно-нравственного кода, который у нас является общим.

Люди несут в себе этот код, даже не осознавая этого, в точном соответствии со стихами Ф. Тютчева «Умом Россию не понять…». Даже при официальном запрете иметь государственную идеологию, народ хранит её в себе как нательный крест, никому не показывая, но всегда о нём помня. Более того, даже в официальных документах этот код прорастает как трава сквозь асфальт. В конце концов, те поправки, которые были приняты в Конституцию летом 2020 года, являются ярким тому подтверждением.

Не менее интересную пищу для размышлений нам может дать анализ документов, регулирующих такое важное направление деятельности как обеспечение национальной безопасности.

В 1992 году в России был принят Закон «О безопасности», в 1996 г. – «Послание по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ». В последующем основополагающими документами, регулирующими проблемы обеспечения национальной безопасности, являлись:

– Концепция национальной безопасности Российской Федерации (обновленная редакция) – 2000 г. (далее «Концепция-2000») [1];
– Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года – 2009 г. (далее «Стратегия-2009») [2];
– Стратегия национальной безопасности Российской Федерации – 2015 г. (далее «Стратегия-2015») [3];
– Стратегия национальной безопасности Российской Федерации – 2021 г. (далее «Стратегия-2021») [4].

Представленный пакет правовых актов является для российской правовой системы наиважнейшим и стоит по своей значимости сразу же за Конституцией государства. Их объединяет то, что в основе каждого из них лежит потребность в онтологическом, гносеологическом и аксеологическом обосновании сложнейшего процесса обеспечения национальной безопасности страны.

Конечно, на прямую о национально-государственной идеосистеме в этих документах речь не ведётся. Но сравнительный анализ этих документов показывает определённую эволюцию в этом вопросе. В первую очередь идеологическая составляющая сопрягается с таким понятием как «духовная безопасность», которая является структурным элементом национальной безопасности. К сожалению, в анализируемых документах данный термин практически не встречается. Только в «Доктрине информационной безопасности» 2000 года обращается внимание на «обеспечение информационной безопасности Российской Федерации в сфере *духовной* жизни» [5].

Близкими по содержанию могут считаться такие понятия как *культурная безопасность* [6], *духовно-нравственная безопасность* [7], *ментальная безопасность* [8] и т.д. В коллективном труде «Философия и военное дело» духовная безопасность выделена сразу по двум основаниям – по уровням и по основным сферам жизни [9. с. 444].

Проблема духовной безопасности в нашей стране и сегодня продолжает оставаться недостаточно осознанной и разработанной. Безусловно, следует согласиться с мнением о том, что «методологическая недооценка культурной и духовной сферы в обеспечении национальной безопасности России, доставшаяся как в наследство от диалектико-материалистической установки с формулой «бытие определяет сознание», так и под влиянием современных позитивистских учений, представляет не меньшую угрозу, чем открытая внешняя агрессия или постмодернистские течения» [10. с. 236]. В результате, бездуховность превратилась в реальную угрозу национальной безопасности России. Государственная идеология выступает тем фундаментом, на котором формируется видение национальной безопасности.

В конце 1990-х годов российский учёный И.А. Гундаров вывел *закон духовно-демографической связи*, согласно которому демографические процессы в обществе находятся в прямой зависимости от духовного состояния его граждан. В России у населения сохраняются «психосоматические резервы для наращивания адаптивного демографического потенциала. Для их раскрытия требуется соответствующая государственная политика, которая… должна включать на 80% усилия по обеспечению в обществе духовной гармонии (социальной справедливости и осознания смысла жизни) и лишь на 20% – меры по повышению материального благосостояния» [11]. Идеи справедливости и обретение смысла жизни – это то, что лежит в основе российского идейно-нравственного кода.

Ещё одно, весьма специфичное подтверждение значимости духовной сферы, находим на Украине. В постсоветский период Россия вкладывала в экономику этой страны огромные средства. Президент РФ В.В. Путин заявил: «Общая выгода для украинского бюджета от различной российской помощи в 1991–2013 гг. составила, по экспертным оценкам, порядка $250 млрд» [12]. В этот же период отношение у российского руководства к духовным скрепам между нашими народами было, мягко говоря, индифферентным. Так, только в Киеве с 1989 по 1997 год численность учебных заведений с русским языком обучения уменьшилась со 155 до 20, а количество русских театров на Украине за тот же период сократилось с 40 до 9 [13. с. 20]. Перекос в дисбалансе материальных и духовных предпочтений был колоссальным, но российские власти на эти процессы никак не реагировали. В то же время, англосаксы делали акцент именно на обработке общественного сознания через различные фонды, программы и НКО. В 2014 году заместитель государственного секретаря США Виктория Нуланд заявила, что на обработку сознания граждан Украины США было потрачено около $5 млрд [14]. То есть, американцы «вложили» в «промывание мозгов» украинцев в 50 раз меньше, чем Россия в материальную сферу и оказались в выигрыше.

Начиная с 90-х годов прошлого века, в понимании национальной безопасности в нашей стране доминировали ***либеральные*** подходы. Используемая вплоть до «Стратегии-2015» включительно иерархия интересов «личность, общество, государство», где «личность» поставлена на первое место, однозначно свидетельствует об этом. На уровне обобщений такой тип общества отличается превалированием индивидуалистических ценностей над коллективными, а материальных – над духовными.

Так, «Концепция-2000» определяла «национальную безопасность» через систему «взглядов на обеспечение в Российской Федерации безопасности *личности, общества* и *государства*…». И в ст. 6 «Стратегии-2009», и в ст. 6 «Стратегии-2015» национальная безопасность также раскрывалась через триаду *личности, общества* и *государства*. Причём, во всех трёх документах отсутствовало упоминание о «духовная безопасность» или близкие ей понятия.

Критические голоса в отношении доминирования либерального тренда в столь важных документах звучали уже давно. Очевидными были и аргументы: «человеческое превыше животного, всеобщее превыше личного, чаяния большинства превыше изысков малой группы, союз превыше сожительства…» [15. с. 207], и выводы: «гипертрофированное подчёркивание неких прав личности постепенно ввергает российское общество в нравственную катастрофу, а государство – в состояние коллапса» [16. с. 10].

Определённым рубежом в отношении к либеральной идеологии явилось интервью 2019 года Президента РФ В.В. Путина газете Financial Times, в котором он заявил о конце эпохи либерализма [17]. Эта тенденция нашла отражение в «Стратегии-2021», где в ст. 5 национальная безопасность впервые определяется как «состояние защищенности *национальных интересов Российской Федерации*…». Произошло отмежевание от либерального посыла «личность, общество и государство» и переход к более традиционалистской для такого документа формуле[1].

Основу духовно-идеологической безопасности составляет сбережение ***духовно-нравственных ценностей***. Поэтому закономерен интерес к тому, как данный процесс представлен в изучаемых документах. В «Концепции-2000» упоминается о том, что необходимо сохранять и укреплять духовные ценности, защищать «духовно-нравственное наследие». «Стратегия-2009» признаёт негативным распространение «вседозволенности и насилия» (ст. 81). В статьях 83 и 84 обращается внимание на «сохранение духовных ценностей», «первостепенную роль культуры». Очевидно, что, в первое десятилетие XXI века внимание к роли духовно-

[1] В этой же статье «Стратегии-21», при определении понятия «национальные интересы» формула «личность, общество и государство» снова вернулась. Сложно понять, является ли это свидетельством приверженности авторов документа либеральной идеологии или их невнимательности.

нравственных ценностей в процессе обеспечения национальной безопасности было невелико.

Но после событий 2014 года на Украине ситуация начинает меняться. «Стратегия-2015» в статьях 43 и 79 в качестве угрозы государственной и общественной безопасности определено разрушение и размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей. О значении этих ценностей говорится в статьях 30, 76 и 82.

В «Стратегии-2021» «традиционные духовно-нравственные ценности» в различных контекстах упоминаются в статьях 11, 21, 22, 28, 33, 46. Существенным является то, что в ст. 25-й их укрепление рассматривается как национальный интерес РФ, а в ст. 26-й их защита – как стратегический национальный приоритет. Среди задач, нацеленных на достижение целей в сфере обороны страны, выделено «поддержание на высоком уровне морально-политического… состояния личного состава» (ст. 40). Ст. 84 расценивает угрозу «утраты традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов» как общечеловеческую проблему. Она проявляется, в соответствии со статьями 85 и 86, в целом ряде явлений, которые вполне допустимо рассматривать как *антиценности* с высоким уровнем негативного содержания:

– абсолютизация свободы личности;
– пропаганда вседозволенности, безнравственности и эгоизма;
– насаждение культа насилия, потребления и наслаждения;
– легализация употребления наркотиков;
– формирование сообществ, отрицающих естественное продолжение жизни;
– усиление разобщенности и поляризации национальных обществ;
– разрушение фундамента культурного суверенитета;
– пересмотр базовых норм морали и психологическое манипулирование;
– увеличение разрыва между поколениями;
– проявление агрессивного национализма, ксенофобии, религиозного экстремизма и терроризма.

В статье 93 перечислены задачи, нацеленные на защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В статьях 78 «Стратегии-2015» и 91 «Стратегии-2021» представлены духовно-нравственные ценности, традиционные для российского общества. Между ними хоть и есть незначительные отличия, но общего гораздо больше. Статья 91 «Стратегии-2021» причисляет к ним следующие ценности:

– жизнь,
– достоинство,
– права и свободы человека,
– патриотизм,
– гражданственность,
– служение Отечеству и ответственность за его судьбу,
– высокие нравственные идеалы,
– крепкая семья,
– созидательный труд,
– приоритет духовного над материальным,
– гуманизм,
– милосердие,
– справедливость,
– коллективизм,
– взаимопомощь и взаимоуважение,
– историческая память и преемственность поколений,
– единство народов России.

В целом данный перечень может быть использован как основа государственной идеосистемы современного российского общества, тем более, что он полностью совпадает с таким же перечнем, представленным в п. 5 Указа Президента РФ от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Сегодня много говорится о значении ***исторической памяти***, о её защите от деструктивного воздействия. К сожалению, восприятием этой истины долгое время российское общество с подачи либеральных реформаторов откровенно пренебрегало.

В «Концепции-2000» только мельком упоминается о необходимости «защиты… исторических традиций». «Стратегия-2009» в ст. 1 объявила о «достойном отношении к исторической памяти», а в ст. 80 негативным признавалось усиление попыток «пересмотра взглядов на историю России, ее роль и место в мировой истории». То есть, в данных документах внимание исторической памяти уделялось незначительное.

Серьёзное изменение отношения к исторической памяти прослеживается в «Стратегии-2015», что напрямую связано с событиями 2014 года на Украине. В частности, ст. 11, положительно оценивающая формирование «достойного отношения к истории у молодёжи», перекликалась со ст. 70, указывавшей на роль школы в воспитании культурно-исторических ценностей. В ст. 21 обращено внимание на то, что встречаются попытки использовать различные технологии для «фальсификации истории», которые в ст. 79 охарактеризованы как угрозы национальной безопасности в области культуры.

Решительно по отношению к исторической памяти настроена «Стратегия-2021». В статьях 19, 53, 88 обращается внимание на опасности, связанные с искажением исторической памяти представителями западного либерального тренда. В качестве одного из национальных интересов РФ выделено сохранение исторического наследия (ст. 25), а среди стратегических национальных приоритетов – защита исторической памяти (ст. 26). В документе вводится и активно используется понятие «культурно-исторические ценности» (ст. 28, 33, 93). «Историческая память и преемственность поколений» в ст. 91 причислены к традиционным российским духовно-нравственным ценностям. В ст. 93 среди задач, нацеленных на защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей и исторической памяти «сохранение исторической памяти» упоминается трижды. Так же упомянуты «противодействие фальсификации истории» и «защита исторической правды».

Важнейшей особенностью России, причём на протяжении многих веков, остаётся ***многонациональный характер*** её населения. Данный фактор имеет как мощные позитивные потенции, так и существенные уязвимости. В «Концепции-2000» единственный раз сохранение культурного достояния всех народов нашей страны упоминается среди элементов духовной безопасности. В ст. 76 «Стратегии-2009» сохранение и развитие общероссийской идентичности народов России и в ст. 79 развитие «межнациональных и межрегиональных культурных связей» представлены как стратегические цели национальной безопасности. В ст. 83 в качестве мер по укреплению национальной безопасности в сфере культуры предлагалось «сохранение и развитие самобытных культур многонационального народа» нашей страны. В ст. 84 акцентируется внимание на укреплении «духовного единства многонационального народа».

В «Стратегии-2015» в ст. 11 к ценностям, на которых формируется фундамент государственности, причисле-

ны «межнациональный мир, единство многонационального народа». В ст. 77 указано, что «самобытные культуры многонационального народа» представляют собой основу общероссийской идентичности. «Ослабление единства многонационального народа» рассматривается как угроза (ст. 79), а его единство – как укрепление национальной безопасности в области культуры (ст. 82).

«Стратегия-2021» в ст. 87–88 указывает, что представители западной цивилизации направляют свои действия на «разжигание межнациональных и межконфессиональных конфликтов, ослабление государствообразующего народа». Ст. 93 определяет сохранение «самобытности многонационального народа» и «единого культурного пространства Российской Федерации» как задачи по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Патриотизм представляет собой центральную духовную ценность, определяющую устойчивость национальной безопасности. В.В. Путин неоднократно указывал на то, что только на патриотизме можно построить объединяющую идеологию для нашей страны [18].

В «Концепции-2000» патриотизм упоминался единственный раз в контексте того, что национальные интересы в духовной сфере состоят в «сохранении и укреплении традиций патриотизма». В «Стратегии-2009» к патриотизму авторы обращались трижды. В ст. 1 он рассматривался как общественная ценность. В ст. 26 указано, что особое внимание уделяется развитию «системы военно-патриотического воспитания». И ст. 84 нацеливала на создание системы патриотического воспитания. Авторы «Стратегии-2015» в ст. 11 среди ценностей, на которых формируется фундамент государственности, назвали патриотизм. В ст. 82 указывалось, что укреплению национальной безопасности в области культуры способствует создание системы патриотического воспитания граждан.

Наиболее внимательной к проблемам патриотизма оказалась «Стратегия-2021». В ст. 22 сказано о большом значении патриотического воспитания. Особо выделено военно-патриотическое воспитание (ст. 40). В ст. 91 среди традиционных российских духовно-нравственных ценностей назван и патриотизм. В ст. 93 среди задач, нацеленных на защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, названо «патриотическое воспитание граждан на исторических и современных примерах».

Идеология, (по версии автора, идеосистема), представляет собой необходимый элемент адекватного существования государства, отражающий «аксиологические аспекты исторического сознания, формирующие культуру национальной безопасности, необходимую для обеспечения стабильного и безопасного существования российского национально-государственного сообщества» [19. с. 125]. Именно через идеологические каналы проводится основное воздействие на духовные ментальные основы и формирование духовности как собственного социума, так и оппонентов. Внимание к идеологическим вопросам является абсолютно необходимым для обеспечения национальной безопасности.

В «Концепции-2000» указывалось на нацеленность России на формирование «идеологии становления многополярного мира» на основе совершенствования механизмов многостороннего управления международными процессами. Никаких разъяснений по поводу этой «идеологии» не приводилось, поэтому сущность её выглядела чрезвычайно расплывчатой. В качестве угроз национальной безопасности рассматривались такие идеологические конструкции как этноэгоизм, этноцентризм, шовинизм, национализм, политический и религиозный экстремизм, этносепаратизм. В «Стратегии-2009» идеологическая проблематика практически не затрагивалась.

Ситуация меняется после событий 2014 года на Украине, заставивших обратить пристальное внимание на то, какое воздействие оказывает идеология на проблемы национальной безопасности. В «Стратегии-2015» в ст. 17 высказано особое беспокойство по поводу того, что на Украине при поддержке США и их сателлитов осуществляется «укрепление крайне правой националистической идеологии». В ст. 43 среди основных угроз государственной и общественной безопасности указана деятельность радикалов, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию. Кроме того, к таким угрозам отнесена деятельность, связанная с распространением и пропагандой «идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма…». В ст. 70 для решения задач национальной безопасности в области науки, технологий и образования указана необходимость профилактики экстремизма и радикальной идеологии.

В «Стратегии-2021» ст. 19 утверждает, что «западная либеральная модель целенаправленно размывает традиционные ценности, пересматривает взгляды на роль и место России в мировой истории, реабилитирует фашизм». К задачам, нацеленным на защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, ст. 93 относит «неприятие гражданами навязываемых извне деструктивных идей» и защиту «российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии».

Если в двух первых анализируемых документах проблема идеологии практически не выявлена, то в двух последних ситуация представлена с позиции, если так можно выразится, «оценки положения противника». Причём, даже в этом ключе накал несколько спадает в последнем документе – если в «Стратегии-2015» идеологическая проблематика присутствует в четырёх статьях, то в «Стратегии-2021» – только в двух. Практически ничего не говорится о необходимости формирования собственной государственной идеосистемы. Следует ли это расценивать как желание следовать букве 13-й статьи Конституции? Или это в целом непонимание того, что устойчивость национальной безопасности определяется наличием государственно ориентированной национальной идеосистемы?

Авторы двух последних документов прекрасно видят откуда исходит угроза, какие идеологические конструкции угрожают национальной безопасности России. Но ещё Оноре де Бальзак говорил, что идею можно победить только идеей. Даже такой своеобразный политический деятель как Борис Ельцин это чувствовал – в 1996, всего через три года после принятия Конституции, он поручил Г. Сатарову и Г. Грефу заняться разработкой национальной идеи. «Российская газета» даже объявила конкурс «Идея для России», закончившийся, правда, безрезультатно, о чём и объявили в 1998 году.

С началом специальной военной операции на Украине, одной из главных задач которой определена денацификация, вопрос о собственно российской государственной идеосистеме встаёт особенно остро. Известная фраза «Природа не терпит пустоты» также применима к духовно-идеологической сфере. Но проблема усугубляется тем, что эта «пустота» ощущается в самой России.

Представленный анализ показывает, что духовно-идеологическая безопасность в нашей стране долгое время серьёзно не рассматривалась. Только обострение международной обстановки заставило руководство страны повернуться лицом к этой проблеме. В первую очередь изменяется отношение к либеральному трен-

ду – Россия переходит к более традиционным ценностям в процессе обеспечения национальной безопасности. Огромное внимание уделяется духовно-нравственным ценностям, особенно патриотизму, как основе духовно-идеологической безопасности. Отстаивается историческая правда, направляются усилия на сбережение многонационального народа России.

Тем не менее, вопрос обеспечения духовной безопасности продолжает оставаться весьма тревожным. Специальная военная операция на Украине показала, что Россия сегодня остро нуждается в адекватной национальной идеосистеме. Заявленная «денацификация» Украины может быть успешно проведена только при условии, что зоологической русофобии будет противопоставлена идеосистема, построенная на традиционных ценностях, консолидирующих как российское общество, так и здоровую часть украинского социума. Времени на то, чтобы сомневаться, не осталось, необходимо действовать.

Литература

1. Указ Президента РФ от 10.01.2000 № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонтурНорматив: сайт. – URL: https://normativ.kontur.ru/docu-ment?moduleId=1&documentId=36216& (дата обращения: 16.04.2022).
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года – 2009 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. – URL: http://www.consultant.ru/ /document/cons_doc_LAW_191669/? (дата обращения: 01.06.2022).
3. Стратегия национальной безопасности РФ от 31.12.2015 [Электронный ресурс] // Президент России: сайт. – URL: https://www.kremlin.ru/act/bank/40391 (дата обращения: 16.04.2022).
4. Стратегия национальной безопасности РФ от 02.07.2021 [Электронный ресурс] // Гарант: сайт. – URL: https://base.garant.ru/401425792/ – (дата обращения: 16.04.2022).
5. Доктрина информационной безопасности РФ 09.09.2000 № Пр.-1895 [Электронный ресурс] // КонтурНорматив: сайт. – URL: https://normativ.kontur.ru//document?moduleId/1&documentId/40613& (дата обращения: 16.04.2022).
6. Сенюткина О.Н. Культура. Религия. Толерантность. Культурология / О.Н. Сенюткина, О.К. Шиманская, А.С. Паршаков, М.П. Самойлова; под общ. ред. О.Н. Сенюткиной. – Москва: ИНФРА-М, 2021.
7. Бурняшева Л.А., Газгиреева Л.Х., Макаев Х.А.-А. Ценности российской молодёжи в контексте обеспечения духовно-нравственной безопасности социума // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 114–121.
8. Ильницкий А.М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. 2022. № 4. С. 24–35.
9. Философия и военное дело: учебник / под общ. ред. П.В. Петрия. – Москва: КНОРУС, 2021
10. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / Под общ. ред. А.С. Коржевского; редкол.: В.В. Толстых, И.А. Копылов. – М.: РГГУ, 2021.
11. Гундаров И.А. Духовное неблагополучие и демографическая катастрофа [Электронный ресурс] // Родительское всероссийское сопротивление: сайт. – URL: https://rvs.su/statia/duhovnoe-neblagopoluchie-i-demograficheskaya-katastrofa?) (дата обращения: 25.05.2022).
12. Путин: объем российской помощи Украине в 1991–2013 годах составил около $250 млрд [Электронный ресурс] // ТАСС: сайт. – URL: https://tass.ru/economika/13791505 (дата обращения: 30.05.2022).
13. Брыкин О., Тимофеев В. Судьба наших соотечественников в странах содружества вызывает озабоченность // Международная жизнь. 1998. № 6. С. 17–25.
14. США вложили в Украину 5 млрд с 1991 года [Электронный ресурс] // ТАСС: сайт. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1137436 (дата обращения: 01.06.2022).
15. Аверьянов В.В. Багдасаров Р.В., Бугаков Я.А., Кобяков А.Б., Кучеренко В.А., Рудаков А.Б., Черемных К.А. Новая русская доктрина: Пора расправить крылья / Аверьянов В.В. и др. – М.: Яуза; Эксмо, 2009.
16. Брезкун С. Словарный заряд // Военно-промышленный курьер. 2017. № 22, С. 10.
17. Петрова Ю., Штыкина А. Путин объявил конец эпохи либерализма перед саммитом G20 [Электронный ресурс] // Ведомости: сайт. – URL: https://vedomosti.ru/articles-805261-putin (дата обращения: 23.05.2022).
18. См., например: Колесников А. Сельский час Владимира Путина // Коммерсант от 18.07.2003, С. 4; Патриотизм – фундамент будущего // Красная звезда. 2012. № 169, С. 2; Путин рассказал о национальной идее России [Электронный ресурс] // ТАСС: сайт. – URL: tass-ru/obschestvo 8438743 (дата обращения: 23.05.2022); Путин назвал патриотизм одной из ключевых основ российской государственности [Электронный ресурс] // Lenta.ru: сайт. – URL: https://m.lenta.ru/news/2022.04/patriotizm (дата обращения: 23.05.2022).
19. Римский В.П. Философия национальной безопасности в монографии Ю.А. Шестакова «Аксиология исторического сознания в культуре национальной безопасности» // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2021. № 6. С. 122–126.

SPIRITUAL AND IDEOLOGICAL SECURITY AS AN ELEMENT OF THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Pogorely A.P.
Military University of Radio Electronics

This article is devoted to the study of the spiritual and ideological component of national security. It is based on the analysis of four main documents (Concept 2000 and three Strategies 2009, 2015 and 2021) that have regulated the situation in this area over the past twenty years. The author considers such issues as the place of the liberal trend in understanding national security, the importance of spiritual and moral values, patriotism in ensuring spiritual and ideological security. It is concluded that the special military operation in Ukraine, which began in February 2022, has further aggravated the problems of spiritual and ideological confrontation, which, in turn, must certainly be reflected not only in public discourse, but also in state legislation.

Keywords: national security, spiritual and ideological security, ideosystem, spiritual and moral values, patriotism, historical memory.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated January 10, 2000 No. 24 “On the Concept of National Security of the Russian Federation” [Electronic resource] // KonturNormativ: website. – URL: https://normativ.kontur.ru/docu-ment?moduleId=1&documentId=36216& (access date: 04/16/2022).

2. National Security Strategy of the Russian Federation until 2020–2009 [Electronic resource] // ConsultantPlus: website. – URL: http://www.consultant.ru/ /document/cons_doc_LAW_191669/? (access date: 06/01/2022).
3. National Security Strategy of the Russian Federation dated December 31, 2015 [Electronic resource] // President of Russia: website. – URL: https://www.kremlin.ru/act/bank/40391 (date of access: 04/16/2022).
4. National Security Strategy of the Russian Federation from 07/02/2021 [Electronic resource] // Garant: website. – URL: https://base.garant.ru/401425792/ – (access date: 04/16/2022).
5. Doctrine of information security of the Russian Federation 09.09.2000 No. Pr.-1895 [Electronic resource] // KonturNormative: website. – URL: https://normativ.kontur.ru//document?moduleId/1&documentId/40613& (access date: 04/16/2022).
6. Senyutkina O.N. Culture. Religion. Tolerance. Culturology / O.N. Senyutkina, O.K. Shimanskaya, A.S. Parshakov, M.P. Samoilova; under general ed. HE. Senyutkina. – Moscow: INFRA-M, 2021.
7. Burnyasheva L.A., Gazgireeva L.Kh., Makaev Kh.A.-A. Values of Russian youth in the context of ensuring the spiritual and moral security of society // Social and humanitarian knowledge. 2021. No. 1. pp. 114–121.
8. Ilnitsky A.M. Strategy of mental security of Russia // Military Thought. 2022. No. 4. pp. 24–35.
9. Philosophy and military affairs: textbook / under general. ed. P.V. Petria. – Moscow: KNORUS, 2021
10. Forecasted challenges and threats to the national security of the Russian Federation and directions for their neutralization / Ed. ed. A.S. Korzhevsky; editorial board: V.V. Tolstykh, I.A. Kopylov. – M.: RSUH, 2021.
11. Gundarov I.A. Spiritual trouble and demographic catastrophe [Electronic resource] // Parental All-Russian Resistance: website. – URL: https://rvs.su/statia/duhovnoe-neblagopoluchie-i-demograficheskaya-katastrofa?) (date of access: 05.25.2022).
12. Putin: the volume of Russian aid to Ukraine in 1991–2013 amounted to about $250 billion [Electronic resource] // TASS: website. – URL: https://tass.ru/economika/13791505 (date of access: 05/30/2022).
13. Brykin O., Timofeev V. The fate of our compatriots in the Commonwealth countries is a cause for concern // International Affairs. 1998. No. 6. pp. 17–25.
14. The United States has invested 5 billion in Ukraine since 1991 [Electronic resource] // TASS: website. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1137436 (access date: 06/01/2022).
15. Averyanov V.V. Bagdasarov P.B., Bugakov Ya.A., Kobyakov A.B., Kucherenko V.A., Rudakov A.B., Cheremnykh K.A. New Russian doctrine: It's time to spread your wings / Averyanov V.V. and others – M.: Yauza; Eksmo, 2009.
16. Brezkun S. Dictionary charge // Military-industrial courier. 2017. No. 22, p. 10.
17. Petrova Yu., Shtykina A. Putin declared the end of the era of liberalism before the G20 summit [Electronic resource] // Vedomosti: website. – URL: https://vedomosti.ru/articles-805261-putin (date of access: 05/23/2022).
18. See, for example: Kolesnikov A. The rural hour of Vladimir Putin // Kommersant from 07.18.2003, P. 4; Patriotism is the foundation of the future // Red Star. 2012. No. 169, P. 2; Putin spoke about the national idea of Russia [Electronic resource] // TASS: website. – URL: tass-ru/obschestvo 8438743 (date of access: 05/23/2022); Putin called patriotism one of the key foundations of Russian statehood [Electronic resource] // Lenta.ru: website. – URL: https://m.lenta.ru/news/2022.04/patriotizm (date of access: 05/23/2022).
19. Rimsky V.P. Philosophy of national security in the monograph by Yu.A. Shestakova "Axiology of historical consciousness in the culture of national security" // Humanitarian and socio-economic sciences. 2021. No. 6. pp. 122–126.

Информационные процессы в вопросах трансформации политических режимов

Потапов Денис Викторович,
аспирант Институт социально-политических исследований РАН
E-mail: dvpw@yandex.ru

Информационные технологии стали влиять на скорость распространения политических взглядов, коммуникаций и, соответственно, на политические режимы. В статье поднята актуальная тема, так как интернет изменяет восприятие гражданского общества и предоставляет возможность наблюдать за важными социальными процессами каждому желающему. На примере различных стран: Киатая, Саудовсткой Аравии и др. показано, как новый киберпространственный мир проникает в разные сферы жизни общества и граждан. Эпоха стабильных членств в общественных организациях, регулярных встреч и соблюдения установленных правил и традиций исчезает, вместо этого появляется сфера интернета, проникающая во все аспекты общественной жизни и затрудняющая его всестороннее понимание. Приведена статистика по странам. В заключении показано, что в условиях современного мира влияние интернет-технологий политические системы претерпевают трансформации, даже, если не происходит смена политического режима, а также увеличение доступности этих технологий расширяют возможности отдельных лиц и групп, привлекая внимание к специализированным политическим вопросам и их организации.

Ключевые слова: политический режим, информационные технологии, трансформация политической власти.

Введение

Международное распространение информационных технологий имеет огромное значение, поскольку оно влияет на развитие национальных технологий и политических режимов в этих странах. Инновационные страны являются источником технологических информационных новшеств, которые затем распространяются по всему миру. В результате появления интернета международные силы оказывают влияние на процесс внедрения новых технологий, предоставляя странам знания о технологии и стимулируя их к ее использованию, а также начинают влиять на политические режимы.

Влияние внешних связей на распространение информационных технологий несомненно стимулирует страны к улучшению своей связности с внешним миром. Интернет, как новейшая технология, позволяет ускорить и удешевить процесс передачи информации. Время – важный фактор в развитии технологий, причем скорость их принятия с каждым годом увеличивается.

Информатизация как ускоритель трансформации политических режимов

В соответствии с атрибутивным подходом, информация есть всеобщее свойство материи, ее атрибут, т.е. существенное, неотъемлемое свойство. Основатель системного программирования А.П. Ершов указывал, что «информация – это фундаментальная философская категория, которая рассматривает один из важнейших атрибутов материи, отражающей ее структуру» [1]. Из чего следует, что особую роль в процессе политической трансформации играют сегодняшние информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), которые влияют на сознание людей.

Интернет, как технология, связывающая мир и сознание, претендует на свою роль в формировании политических реалий и свобод. Сложность этой взаимосвязи раскрывается при более глубоком анализе, что делает непростую политическую свободу и передовые технологии тесно связанными, но не без противоречий, и вот почему.

Информационные технологии могут быть контролируемыми и неконтролируемыми. Активы, генерирующие информацию, поставляются под охраной авторитарных государств, которые ограничивают доступ граждан к свободе и информации, используя репрессии и идеологическую обработку.

Использование технологий может отличаться в зависимости от их содержания и полезности. Так, контент телевидения легче поддаётся контролю, чем интернет-контент. Телевизионные технологии позволяют государствам проводить больше идеологической обработки, чем Интернет. Это говорит о том, что у авторитарных режимов будут существовать проблемы с предоставлением свободного доступа к интернету, в отличие от менее авторитарных, или других более жёстких режимов, которые предпочитают контролируемые информационные технологии, то есть телевидение.

Согласно исследованию Лотта [2], авторитарные режимы стремятся обеспечить образование вместо здра-

воохранения, что свидетельствует о их стремлении контролировать информацию. Марксистские режимы поддерживают телевизионные системы, в то время как немарксистские режимы способствуют развитию телефонных систем. Это говорит о том, что тоталитарные режимы заинтересованы в умиротворении через идеологическую обработку для максимизации контроля в обществе и не ставят целью улучшение благосостояния.

Исследование Бюхнера [3] демонстрируют, что в случае, когда автократические режимы полностью контролируют определенные информационные активы, они создают излишнее количество этого актива. В противном случае, если контроль над подобными активами отсутствует (как, например, в случае запрета на частные образовательные учреждения и независимые СМИ), автократии не способны предоставить этот актив.

Политические свободы и информатизация общества

Ниже приведены данные о зависимости политических свобод и использования интернета в некоторых авторитарных странах (табл. 1).

Таблица 1. Данные о ключевых факторах, определяющих использование Интернета в отдельных авторитарных политических режимах [4].

Годы	Страна	Интернет-пользователи, %	Грамотность, %	Свобода торговли, %	Политическая свобода, %	Экономические свободы, %
2000	Китай	17	91	47	13	3,49
2003	Китай	63	NA	66	13	3.54
2000	Куба	5	97	34	14	4,88
2000	Лаос	1	65	65	13	4,80
2000	Северная Корея	NA	NA	NA	14	5
2000	Саудовская Аравия	21	76	69	14	3.15
2003	Саудовская Аравия	67	NA	71	14	3.09
2000	Сирия	2	74	68	14	4.05

Как видно из таблицы 1, Китай представляет особый случай с пользователями интернета, отличаясь высоким использованием в сравнении с другими странами. Это связано со множеством факторов, повлиявших на распространение онлайн-технологий в этом регионе. На фоне экономического развития, в 2000 году уровень ВВП на душу населения показывал, что Китай был на уровне Сирии, а по образовательному уровню – ближе к Кубе. Но опыт торговли и ориентации на рынок здесь выглядят более перспективно, что отражено в статистике, поэтому и скорость распространения интернета – высокая.

В Китае уровни использования интернета стремительно растут, превышая показатели Саудовской Аравии, потому что государство активно контролирует контент в сети, а не ставит блокирование в приоритет. Уже существует два миллиона интернет-кафе по всей стране, где доступ к сети дешев и легко доступен. В период с 2000 по 2003 год пользователи интернета в Китае выросли с 17% до 63% на каждые 1000 человек, что является одним из наиболее высоких темпов роста среди стран с авторитарным режимом.

В авторитарных режимах, где растут доходы и процветает торговля, как у Китая, так и у Саудовской Аравии, стремление государства и народа к подключенности к интернету несомненно вызвано как спросом, так и предложением. Национальная политика в области доступа к сети в обоих случаях ослаблена из-за желания государства обеспечить полное подключение всех его граждан. Благодаря высоким доходам, китайское и саудовское правительства имеют достаточные ресурсы для контроля за интернет-контентом, что несомненно обеспечивает их влияние в сети.

Великая Китайская стена Интернета – это удивительное достижение технологий, созданное правительством Китая для перехвата и мониторинга электронной почты и контента. Они смогли убедить даже компанию Yahoo! сотрудничать для обеспечения цензуры. В 2005 году Yahoo! признался в передаче китайским властям информации, которая послужила поводом для осуждения журналиста. Ши Тао был приговорен к долгому заключению за распространение информации о Дне независимости США. Правительство Китая показало свою проницательность, разработав мощную систему контроля над информацией.

Компании Yahoo, Microsoft и Google были вынуждены предоставить право работать в Китае только при условии введения специальных фильтров в своих поисковых системах. Они должны блокировать доступ к информации по ключевым словам, таким как «демократия», «протест» и «независимость Тайваня». Китайская версия интернет-протокола была признана обязательной для использования в этой стране [4].

Все больше ученых начинают изучать, как интернет-технологии влияют на политическое общение. Одной из наиболее влиятельных и преобразующих информационных и коммуникационных технологий является мобильный телефон или смартфон, который может включать в себя: разговор, обмен текстовыми сообщениями, доступ в Интернет, электронную почту, факс, изображения, видео и широкий спектр приложений. Мобильные устройства увеличивают участие в политической жизни и в настоящее время выступают даже в качестве устройства для голосования. Увеличение доступности этой технологии расширил возможности отдельных лиц и групп привлекать внимание к специализированным политическим вопросам и их организовывать.

В последнее время социальные сети стали одной из основных областей влияния на политику, где миллионы пользователей могут узнать о политике и заявлениях политиков, взаимодействовать с политическими лидерами, организовывать и высказывать свое собственное мнение по политическим вопросам. Например, влияние известных избирателей посредством использования социальных сетей.

Существуют также разнообразные онлайн-инструменты, предназначенные для содействия в поли-

тической жизни и борьбы с распространением дезинформации.

С ростом использования технологий в политической сфере появилось много новых платформ в попытке обеспечить беспристрастную информацию для широкой общественности таким образом, чтобы обеспечить доступность для всех [5]. Идея распространения беспристрастной информации стала популярной платформой для многих приложений. Многие из этих приложений распространяют информацию, чтобы избиратели могли быть более осведомлены о политической сфере и принимать более взвешенные решения при голосовании. Технологии быстро прогрессируют, несомненно, такие действия оказывают значительное влияние на политику.

Хотя инновации в области цифровых технологий впечатляют, нельзя забывать, что сами по себе технологии не являются определяющим фактором изменений, они лишь способствуют их развитию. Как и с любой другой технологией, именно социальный контекст, в котором эти новые технологии внедряются и определяет их использование и влияние. Информационная революция гораздо меньше связана с битами и байтами, чем с реальностями и чаяниями обычных людей [6].

Учитывая имеющиеся инструменты, мы должны определить, какие изменения произойдут и на кого это повлияет. Кто будет иметь доступ к информационному обществу, а кто останется позади? Через информационные технологии легко влиять на умы людей.

Так одно из положений исследовательской программы Совета по социальным наукам США (SSRC) о текущем состоянии представительной демократии и о том, как ее можно укрепить, называется программа «Тревоги демократии», которая в самом названии вызывает более токевильянский подход [7].

Тревога отражает беспокойство, с которым человек должен реагировать на новые социальные события в демократии и вокруг нее. Это оценка того, какой демократией стала, или может стать в трансформированном контексте – например, что она больше не сможет обеспечить благого и законного управления, которое демократическое мышление традиционно связывало с самоуправлением. Это также оценка того, как демократия адаптируется или не адаптируется к социальным преобразованиям современности: возможно, ее неспособность быть эффективным в эпоху, когда требования времени и сложности принятия решений подрывают демократическое мышление. «Беспокойство» указывает на неопределенности переходного периода, о котором мы не имеем полного понимания, и к которому мы остаемся амбивалентными.

Выводы

1. Сочетание политики и технологий охватывает концепции, механизмы, личности, усилия и социальные движения, включая, Интернет и другие информационные и коммуникационные технологии (ИКТ).
2. Интернет способствует трансформации авторитарного общества в демократическое и наоборот, демократические в авторитарные, как особая форма активного действия индивида к внешнему миру.
3. В связи с информационными коммуникациями создаются немалые методологические проблемы в идеализации трансформации при операционализации используемых понятий и измерении конкретных показателей.
4. Все изменения в траекториях трансформаций политических режимов подкрепляются техническими средствами в виде усиливающейся скорости коммуникаций за счет интернет-технологий. Мобильные устройства увеличивают участие в политической жизни и в настоящее время выступают даже в качестве устройства для голосования. Увеличение доступности этих технологий расширяют возможности отдельных лиц и групп привлекать внимание к специализированным политическим вопросам и их организовывать.

Литература

1. Ершов А.П. О предмете информатики // Вестник АН СССР. 1984. № 2. – С. 112–113. (Ershov A.P. About the subject of Informatics // Vestnik AN SSSR 1984. № 2. – P. 112–113.)
2. Лотт Джон Р. Объяснение государственного обеспечения школьного образования: Важность идеологической обработки. Журнал права и экономики 1990. XXXIII:199–229.
3. Бюхнер Бр.Дж. Социальный контроль и распространение современных телекоммуникационных технологий: Межнациональное исследование. Американское социологическое обозрение 1988; 53:446–453.
4. Corrales, Javier & Westhoff, Frank. (2006). Information Technology Adoption and Political Regimes. International Studies Quarterly. 50. 911–933. 10.1111/j.1468–2478.2006.00431.x.
5. Володенков, Сергей Владимирович. «Интернет-технологии как инструмент воздействия на современные национальные политические режимы.» Дискурс-Пи 14.3–4 (28–29) (2017): 65–73.
6. Авзалова, Э. И. «Условия и формы политического участия в сети Интернет.» При поддержке: Российского университета дружбы народов, Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, научных журналов:«Политические исследования (Полис)»,«Сравнительная политика»,«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология» 1 (2023): 24.
7. Nadia Urbinati, Democracy Disfigured: Opinion, Truth, and the People Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014, 320 pp.

INFORMATION PROCESSES IN MATTERS OF TRANSFORMATION OF POLITICAL REGIMES

Potapov D.V.
Institute of Socio-Political Research RAS

Information technologies began to influence the speed of spread of political views, communications and, accordingly, political regimes. The article raises a current topic, since the Internet changes the perception of civil society and provides the opportunity to observe important social processes for everyone. Using the example of various countries: China, Saudi Arabia, etc., it is shown how the new cyberspace world penetrates into different spheres of life of society and citizens. The era of stable membership in public organizations, regular meetings and adherence to established rules and traditions is disappearing, instead the Internet is emerging, penetrating all aspects of public life and making it difficult to fully understand. Statistics by country are provided. In conclusion, it is shown that in the modern world, the influence of Internet technologies is transforming political systems, even if there is no change in the political regime, as well as the increasing availability of these technologies expand the capabilities of individuals and groups, drawing attention to specialized political issues and their organization.

Keywords: political regime, information technology, transformation of political power.

Referenses

1. Ershov A.P. On the subject of computer science // Bulletin of the USSR Academy of Sciences. 1984. No. 2. – P. 112–113. (Er-

shov A.P. About the subject of Informatics // Vestnik AN SSSR 1984. No. 2. – R. 112–113.)
2. Lott, John R. Explaining government provision of schooling: The importance of indoctrination. Journal of Law and Economics 1990. XXXIII:199–229.
3. Buchner Br.J. Social control and the diffusion of modern telecommunication technologies: A cross-national study. American Sociological Review 1988; 53:446–453.
4. Corrales, Javier & Westhoff, Frank. (2006). Information Technology Adoption and Political Regimes. International Studies Quarterly. 50. 911–933. 10.1111/j.1468–2478.2006.00431.x.
5. Volodenkov, Sergey Vladimirovich. “Internet technologies as a tool for influencing modern national political regimes.” Discourse-Pi 14.3–4 (28–29) (2017): 65–73.
6. Avzalova, E. I. “Conditions and forms of political participation on the Internet.” With the support of: Peoples’ Friendship University of Russia, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs, scientific journals: “Political Studies (Polis)”, “Comparative Politics”, “Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series Political Science” 1 (2023): 24.
7. Nadia Urbinati, Democracy Disfigured: Opinion, Truth, and the People Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014, 320 pp.

Фактор Сары Вагенкнехт в современной политической жизни Германии

Пушкарева Вера Викторовна,
кандидат политических наук, доцент, Институт истории и социологии, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
E-mail: Veravikt5@yandex.ru

Исследование посвящено актуальной проблеме изучения влияния личности на трансформацию политической конъюнктуры в государстве на примере анализа причин успеха Сары Вагенкнехт в политической жизни Германии. В решении проблемы используется подход, предложенный Ж.Блонделем, показывающий зависимость лидера от комбинации трех аспектов: личностных черт, инструментов, которыми он располагают и ситуации, в которой действует. Определено, что Сара Вагенкнехт вернулась в активную политическую жизнь в начале 2023 г. на волне антимилитаристских настроений в ФРГ и обеспокоенностью по поводу потери суверенитета страны в угоду США и ЕС, а растущая популярность политика объясняется глубоким системным кризисом Германии и неспособностью действующей коалиции в лице СДПГ, Зеленых и СВП кардинально решать сложившиеся проблемы. В стране появилась острая необходимость в лидере, реально отстаивающим интересы Германии. Установлено, что Сара Вагенкнехт, политик, известный огромной популярностью, имеющий высокий рейтинг, и вновь созданная ею организация – «Союз Сары Вагенкнехт – За разум и справедливость» – это весьма успешный партийный проект, в перспективе способный изменить политический ландшафт ФРГ. О программе новой партии, ее перспективах и роли лидера речь пойдет в данной статье.

Ключевые слова*:* Сара Вагенкнехт, Бундестаг, «Светофорная» коалиция, пацифизм, «Союз Сары Вагенкнехт – За разум и справедливость» BSW, левый консерватизм, национальные интересы ФРГ.

В условиях системного кризиса Германия стоит на пороге переформатирования политического ландшафта. Впервые за многие годы существования Единой Германии нарушен социальный мир между обществом и властью. Немецкое общество тревожит переход Германии из бесспорного положения экономического лидера, драйвера Европы в число стран, испытывающих возрастающие социально-экономические трудности, у граждан растет обеспокоенность по поводу потери суверенитета страны в угоду «большому Западу», а также возможной эскалации конфликта между Россией и НАТО.

Причины появления нового проекта Сары Вагенкнехт

Современная Германия оказалась перед вызовом: как обеспечить достойную жизнь своим гражданам в условиях глобализированного мира, где интересы крупного капитала практически не учитывают потребности обычных людей. Необходимость более справедливого распределения богатств и ресурсов осознает немецкое общество, но не правящая элита. Усиление недовольства немцев объясняется тем, что у правительства нет понимания, как выходить из кризиса в экономике, миграционной сфере и внешней политике. По этой причине усиливаются антиправительственные настроения, активизируется протестная деятельность. Сегодня в Германии, по сути, только «Альтернатива для Германии» является единственной политической силой, которая находится в оппозиции по всем направлениям работы правительства О. Шольца, что и формирует симпатии немцев к ней. Рейтинг популярности АдГ достиг отметки в 23% и продолжает расти, поскольку два самых популярных тезиса партии – неприятие иммиграции и сотрудничество с Россией – находят широкий отклик среди немцев. На выборах в землях Гессен и Бавария в ландтаги (земельные парламенты) в октябре 2023 г. АдГ укрепила свои позиции: в Гессене она набрала 18,4% голосов и заняла впервые второе место. В Баварии – 14,6% голосов и расположилась на третьем месте [1]. Однако, правящие круги Германии отказываются признавать новую реальность и следуют политическому завещанию бывшего лидера ХДС А. Меркель – «ни в коем случае не сотрудничать с «АдГ» и не делиться с ней властью». Успехи партии вынуждают власть дискредитировать ее деятельность, она находится под наблюдением Федерального ведомства по защите конституции BfV (немецкая контрразведка), ее характеризуют как правоэкстремистскую, ведут поиски легитимного механизма для запрета. По законам ФРГ, если три федеральные земли признают ее таковой, то государство может запретить АдГ, но власть опасается взрыва недовольства и не предпринимает санкций.

Актуален вопрос – есть ли в Германии политическая сила, которая способна перехватить инициативу у АдГ? Гипотетически это могла бы быть левая партия. Объективные условия для появления авторитетной левой партии, отстаивающей интересы трудящихся в условиях экономического кризиса, созрели. Действующая «die Linke» не готова взять на себя ответственность, она имеет низкие рейтинги, у нее отсутствует стратегия развития, существует дефицит харизматичных лидеров. «Левые» скомпрометировали себя сотрудниче-

ством с СДПГ и поддержкой военной помощи Украине. Они едва сохранили в 2021 году представительство в Бундестаге (4,9%). Сегодня, партия фактически раскололась. Долгое время лицом «Левой» была Сара Вагенкнехт, она с 2009 г. является депутатом Бундестага от партии и неоднократно возглавляла парламентскую фракцию. В октябре 2023 г. С. Вагенкнехт и 10 депутатов Бундестага заявили о выходе из партии. В связи с этим высока вероятность того, что фракция «левых» станет парламентской группой с ограниченными возможностями. Покинувшие партию политики заявили о создании новой силы, которая намного активнее и решительнее нынешних «левых» будет бороться с милитаристскими настроениями в Германии, вести взвешенную политику в отношении мигрантов, добиваться прекращения поставок оружия на Украину и в другие горячие точки, а также возобновления диалога с Россией. Свое объединение единомышленники Сары Вагенкнехт назвали «Союз Сары Вагенкнехт – За разум и справедливость». По мнению Вагенкнехт, «сейчас нужна партия, которая будет поддерживать средний и низший классы, тех, кто отвечает за производственную мощь Германии. Новая партия должна выступать за сильное социальное государство, с одной стороны, и за рестриктивную миграционную политику – с другой. Кроме того, нужно уделять меньше внимания защите климата и меньшинств – это, считает Вагенкнехт, не интересует общественное большинство» [2]. С. Вагенкнехт, говоря о причинах создания новой партии, отмечала: во-первых, это деградация партии «левых»; во-вторых, отсутствие поддержки своих идей и инициатив, направленных против действующей власти.

Политическая карьера Сары Вагенкнехт

Сара Вагенкнехт достаточно долго находится в большой политике, является узнаваемой личностью как в Германии, так и в Европе (как депутат Европейского парламента в 2004–2009 гг. запомнилась будоражащими выступлениями). «Вдумчивая, образованная, со своим взглядом на вещи» – такие черты С. Вагенкнехт отметил А. Пушков, российский политик [2]. Опыт, харизма, блестящие ораторские способности, смелость отстаиваемой позиции позволяют ей добиваться успеха на политическом поприще.

Сара Вагенкнехт родилась в 1969 г. в г. Иена, в Восточной Германии. В 1989 г., за несколько месяцев до падения Берлинской стены, началась ее политическая карьера. Она вступила в Социалистическую единую партию Германии, переименованную в Партию демократического социализма. Выбор партии связывался с ее личными убеждениями и с надеждой на сохранения социалистической модели в ФРГ. С образованием партии «левых» (Die Linke), в 2007 г. бессменно находилась в ее руководстве. Мандат законодательного органа ФРГ, Бундестага, С. Вагенкнехт получила в 2009-м, вскоре став лидером фракции «Левых», сегодня она сложила с себя полномочия главы фракции, но остается действующим депутатом до 2025 г.

В 2004–2009 гг. представляла партию в Европейском парламенте. Образование Сара Вагенкнехт получила в университетах Йены, Берлина и Гронингена, изучая философию и литературу. Став политиком, она продолжила научную деятельность, успешно защитила в 2012 г. диссертацию на тему «The Limits of Choice. Saving Decisions and Basic Needs in Developed Countries» («Пределы выбора. Спасительные решения и основные потребности в развитых странах») и получила степень доктора естествознания. Карьеру ученого и политика ей удается удачно сочетать с активной журналистской деятельностью. По медийной популярности Саре нет равных. Ее канал на YouTube является самым уважаемым среди немцев, поскольку ее критические оценки происходящего в ФРГ близки большому количеству немцев. Например, видеоролик с выступлением на тему экономической политики О. Шольца «Wie bescheuert ist das denn? Wir haben die dümmste Regierung Europas! » от 8 сентября 2022 г. набрал 3,5 миллионов просмотров на Youtube.

На протяжении многих лет общественность Германии считает ее самым талантливым и нестандартным политиком. Ее выступления всегда мотивированы и злободневны по сути. Она единственный политик, который не боится выступать публично с трибуны и называть вещи своими именами. Зачастую она единственная, кто противится господствующей позиции по Украине и открыто заявляет о необходимости диалога с Россией. При этом ее аргументы всегда убедительны, четко сформулированы и, прежде всего, беспристрастны. Для ФРГ характерно участие женщин в политике. Но Вагенкнехт не похожа на действующих проамериканских А.Л. Бербок и У. фон дер Ляйен. Первая не отличается широтой ума, а вторая – ярая сторонница наднациональных институтов ЕС в ущерб национальным. С. Вагенкнехт, в отличие от них, патриотически настроенный политик.

В апреле 2023 г. журнал Der Spiegel поместил на обложке субботнего номера фотографию С. Вагенкнехт с заголовком «Непостижимая» и опубликовал большую статью под названием «Снежная королева», в которой констатируется: популярный в Германии политик вдохновляет избирателей как с левыми взглядами, так и правыми, это вселяет надежду на то, что созданная ею партия произведет революцию в политическом ландшафте Германии [3].

СМИ ФРГ обратили внимание на многогранный бэкграунд политика – она дочь немки и иранца, смогла воплотить в своей программе философию, литературу и идеи Карла Маркса, красива, умна, честна, бесстрашна.

Высоко оценивает личные качества Сары Вагенкнехт немецкий социолог Оливер Нахтвай. «Она – человек из народа, пробившаяся наверх благодаря социальным лифтам… Она добилась признания благодаря хорошему знанию дела, остроте ума и умению хладнокровно прижать к стенке оппонентов. Она с гордостью демонстрирует, что смогла перейти в другой класс общества и сохранила консервативный образ жизни. …культивирует образ левой интеллектуалки, которая не презирает, а уважает буржуазную культуру: прочла всего Маркса, но и «Фауста» Гете знает наизусть. Вот вам коммунистка, которая понимает в веймарском классицизме больше, чем буржуазные господа. И для верхов, и для низов общества ее образ служит идеальной проекцией: чужачка в истеблишменте, представляющая интересы простых людей. Когда ее показывают по телевизору, люди не переключают канал. Она рассуждает о политических альтернативах так, как почти никто в немецкой политике» [4].

Конечно, были и неудачи в ее политической карьере. Не удалось достигнуть цели и объединить сторонников левой идеи независимо от их партийной принадлежности, чтобы остановить рост популярности АдГ в 2018 г. созданному ею движению «Вставайте!» (нем. «Aufstehen»). В связи с этим, Сара Вагенкнехт переосмыслила свои ошибки, опубликовав в 2021 г. политический бестселлер «Die Selbstgerechten» («Самодовольные»), в котором призвала усилить левое движение и не допускать на свое поле другие партии.

Сегодня она уверенно занимает высокое место среди немецких политиков. Исследование политических

предпочтений избирателей, проведенное агентством INSA весной 2023 г., показало неожиданные результаты. **С. Вагенкнехт** – заняла 3-е место в рейтингах популярности, показав более чем приличный результат, набрав 42,9%. Уступив лишь главе военного ведомства **Борису Писториусу –** 52,3%, а также главе **ХСС** и по совместительству министр-президенту Баварии **Маркусу Зёдеру –44,8%** [5]. Новый рейтинг, проведенный в декабре 2023 г. подтвердил популярность политика. Протестный электорат резко растет в Германии, немцы ищут альтернативу, они крайне недовольны состоянием своей страны и проводимым курсом правительства.

«Возращение» Сары Вагенкнехт в активную политику произошло в феврале 2023 г. 10 февраля 2023 г. на портале change.org она опубликовала в соавторстве с лидером феминистского движения Германии, журналисткой Алисой Шварцер «Манифест мира». В нем, с одной стороны, осуждается ввод российских войск на Украину, но, с другой, возлагается на Запад ответственность за эскалацию конфликта. В воззвании с тревогой отмечается, что «мир движется к большой войне, которая в истории человечества не будет первой, но скорее всего – последней». Петицию подписали известные политики и знаменитости, рядовые граждане. Документ собрал более 640 тыс. подписей сторонников мира.

25 февраля 2023 г. Сарой Вагенкнехт и ее соратниками был организован антивоенный митинг под лозунгом «Восстание за мир». Мероприятие приурочили к годовщине конфликта на Украине. Митингующие несли плакаты и флаги со словами «За мир против нацизма, НАТО и поставок оружия в Украину», «Переговоры, а не эскалация!». Выступающие ораторы требовали от правящей коалиции остановить наращивание поставок оружия на Украину и инициировать переговоры с Россией. Было заявлено: «Мы не хотим, чтобы немецкими танками стреляли по правнукам тех, кого вермахт убивал миллионами самым жестоким образом. …Вот почему мы здесь. Это полное забвение истории. Неужели они забыли, какой была история Германии?» [6].

Новую, не менее масштабную, антивоенную акцию Вагенкнехт организовала 23 ноября 2023 г. под лозунгом «Нет войнам – остановите безумие вооружений – сформируйте будущее мирно и справедливо».

О перспективах Союза Сары Вагенкнехт

Эксперты высказывают разные мнения о перспективах новой партии.

Специалист Центра Германских исследований института Европы РАН, Александр Камкин дал неоднозначную оценку новому проекту, склоняясь скорее к негативному результату. Недостатки он видит в том, что это, во-первых, проект спецслужб ФРГ, чтобы оттянуть голоса у правой АдГ, это партия – спойлер. Во-вторых, это партия одного пункта – прекращение поддержки Украины и невступление Германии в конфликт [7]. Указанные аналитиком характеристики не позволят ей стать реальной политической силой.

С ним солидарен Федор Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», считающий, что С.Вагенкнехт «типичная индивидуалка-харизматик, способная распугать всех соратников перетягиванием одеяла на себя» [7]. Он полагает, что реальный рейтинг у нее может быть заметно ниже.

Александр Сосновский, немецкий политолог, уверен, что новая партия Германии не нужна, она ослабит в Бундестаге как фракцию левых, так и фракцию АдГ, а конкурировать, по его мнению, с СДПГ новая сила не сможет [8]. Он заметил, что Вагенкнехт сейчас создаёт не партию, а пока лишь Verein (группа людей, объединённых общим хобби или интересом). Поэтому ССВ имеет отдалённое отношение к партии, процесс оформления растягивается на неопределённое время, за которое Сара Вагенкнехт вполне может потерять своих сторонников [8].

Известный немецкий журналист Владимир Сергиенко констатирует – реальной оппозицией создаваемая Сарой Вагенкнехт партия может быть при условии ее объединения с «Альтернативой для Германии», но смелости на такое объединение у С. Вагенкнехт не хватает [8].

В свою очередь, профессор Варшавского и Дрезденского университетов, доктор Университета Джонса Хопкинса Молли О'Нил, уверена, что партия Вагенкнехт может сдержать рост популярности АдГ [9]. Аналогичной, весьма оптимистичной, оценки придерживается директор Фонда прогрессивной политики Олег Бондаренко. Он считает, что у политика есть шансы на успех. В 2009 г. она уже привела в бундестаг «Левую» партию. Скорее всего, в следующем созыве их уже не будет. ССВ попытается занять освободившиеся места. 10% вполне реальны, – рассуждает эксперт. – У них общий электорат с «Альтернативой для Германии». Но АдГ пока в застое, им получить голоса непросто» [9].

Вывод О. Бондаренко поддерживает немецкий политолог Торстен Фаас убежденный в том, что партия ССВ создает опасность для АдГ, поскольку усиленно фокусирует внимание на антивоенной тематике, привлекающей мощный электоральный потенциал [2].

Алексей Кузнецов, директор ИНИОН РАН, как и многие аналитики, не видит особых перспектив для новой партии. «Немецкая политическая система очень хорошо справляется с нейтрализацией любых новых сил. В стране постоянно проходят выборы в тех или иных землях. В ходе дебатов и неудач в каких-то регионах легко потерять популярность. Даже там, где новичкам сопутствует успех, их могут не взять в коалиционное правительство», – предупреждает он [10].

Профессор политологии Университета Касселя Вольфганг Шрёдер, наоборот, верит в перспективы новой организации. Он отмечает: «У неё сильно отторжение таких «космополитических» идей, как гендерное равноправие, экологизм и интернационализм. Они … противоречат национальным интересам. А призыв проводить более сильную социальную политику привлекает тех, кто имеет средние и низкие доходы, а таких в немецком обществе становится все больше [2]. Ученый высоко оценил программный «Манифест основания партии», сравнив его с аналогичным документом Карла Маркса.

Неопределенность перспектив для новой партии и неверие в ее успех объясняется как устойчивостью политической системы Германии, так и личностными качествами и политическим опытом самой С. Вагенкнехт.

Идеология новой партии

Идеологические пристрастия современного мира обусловлены всей сложностью сегодняшнего этапа цивилизационного развития, требуют прагматичного и рационального обобщения, что практически невозможно сделать в рамках традиционных правых или левых учений. Известно, что С. Вагенкнехт родилась и выросла в ГДР, была членом СЕПГ, глубоко изучала философию и является блестяще образованным диалектиком-марксистом, что в корне отличает её от абсолютного большинства действующих политиков, независимо от их взглядов. Она никогда не стеснялась своего социалистического прошлого.

Сара первая среди западных политиков открыто провозгласила позиции левого консерватизма. Профес-

сор В. Шрёдер даже использовал для описания ее деятельности идиому: «Мигать левым поворотником, сворачивая направо» [2]. Все, что касается вопросов экономики и социальной справедливости, укладывается в положения левой идеологии, к правым постулатам в воззрениях Сары Вагенкнехт можно отнести позиции в области миграции и культурной сфере.

Германист Александр Камкин указывает на то, что в современной Европе, и, в Германии, в частности, востребована политическая идеология «суверенизма». «Суверенизм» – это стремление отстаивать суверенитет государств. Он может быть как правым, так и левым. Правый суверенизм транслирует партия Ад Г. Левый – Сара Вагенкнехт», – считает эксперт [11]. Исходя из этого, можно предположить, что некоторое сходство идеологии партии Сары Вагенкнехт и АдГ не исключает в будущем возможность коалиции.

Есть точка зрения, что новый проект Сары Вагенкенхт созвучен с идеями «Новой восточной политики» Willи Брандта, выдающегося политического деятеля, чьи заслуги признаются всеми, вне зависимости от партийных пристрастий. Именно он предложил деловой, лишенный идеологии, подход к сотрудничеству с СССР [12]. За подобную прагматичную политику взаимодействия с Россией ратует Сара Вагенкнет и ее единомышленники. Идеология этой партии сочетает как левые, так и консервативные идеи. Поэтому и звучат требования «разумной» экономической и миграционной политики, социальной справедливости и мира, ограничения всевластие крупных концернов и обеспечения честной конкуренции, инвестирования в технологии и социальную сферу, а не в оружие и армию, повышения зарплат и пенсий, отказа навязывания «зеленой» энергетики и отмены санкций против России.

Основываясь на опубликованных рейтингах, можно предположить, что у партии Сары Вагенкнехт есть шанс стать ключевым игроком в политике Германии. Он значительно увеличился бы при возможной коалиции с АдГ, исходя из одинаковых подходов к проблемам. Но в настоящее время такого сближения не наблюдается.

У ССВ пока нет Программы. Партия в своей деятельности продолжает руководствоваться «Манифестом основания партии», (Unser Gründungsmanifest), опубликованным в октябре 2023 г. В документе определены цели и задачи, изложенные в 4 главах [13].

Первая глава манифеста называется «Экономическая разумность» («Wirtschaftliche Vernunft»), в ней говорится о том, что немецкая промышленность является основой процветания Германии и должна быть сохранена. Для этого следует ограничить экономическую власть американских компаний, создать условия для отечественных предприятий, сохранить высокооплачиваемые рабочие места, поощрять существование сильного среднего класса.

Во второй главе «Социальная справедливость» («Soziale Gerechtigkeit») отмечается: «Личное процветание не должно быть вопросом социального происхождения, а должно быть результатом усердия и индивидуальных усилий». При этом не следует игнорировать классовый подход и, особо, интересы рабочего класса.

Третья глава «Мир» («Frieden») выступает против «разрешения конфликтов военными средствами», указывает на агрессивную политику НАТО, содержит положение о том, что «интересы США иногда существенно отличаются от интересов ФРГ». Целью является «независимая Европа суверенных демократий в многополярном мире». В четвертой главе Манифеста под названием «Свобода» («Unsere Freiheit») предупреждается «об угрозе свободе, исходящей от «культуры отмены» и «политического авторитаризма, который навязывает людям те или иные взгляды и регулирует их образ жизни или язык». Здесь же речь идет о мигрантах: «Сосуществование различных культур» действительно могло бы служить «обогащению» [общества и культуры]. Однако это допустимо только «тогда, когда приток [беженцев и мигрантов] находится на уровне на порядок меньше, чем сейчас, который не перегружает нашу страну и ее инфраструктуру». Миграция «не является решением проблемы бедности в нашем мире».

Из анализа «Манифеста» следует, что представленная повестка новой политической партии охватывает все злободневные проблемы немецкого общества: вопросы экономики, иммиграции, внешней политики, климата, обороны. Задачи ССВ нацелены на активное отстаивание национальных интересов Германии.

В массмедиа ФРГ муссируется идея о том, что новая политическая сила – пророссийская, а сама С. Вагенкнехт – пропутинский политик. Критика Сарой Вагенкнехт санкций против России, а также оценка конфликта на Украине, как конфликта, спровоцированного Западом, дала почву для дискуссий. Вместе с тем отсутствие антироссийской риторики в программных документах не делает ее автоматически пророссийской. Судя по «Манифесту» – она – прогерманская. приоритеты определены в соответствии с интересами Германии.

Первые шаги ССВ

27 января 2024 г. состоялся 1 съезд партии «Союз Сары Вагенкнехт – За разум и справедливость» (ССВ). В его работе приняли участие около 400 делегатов, представляющих все 16 федеральных земель Германии. Съезд утвердил руководящие структуры партии, Исполнительный комитет, Президиум, Устав. Председателем осталась Сара Вагенкнехт, пост сопредседателя сохранила Амира Мохамед Али, Генеральным секретарем партии избран Христиан Лейе. Партийный актив оказался интернациональным и преимущественно женским по составу. В числе лидеров йеменец Али аль Дайлами, полуегиптянка Амира Мохамед Али, курдянка Севим Дагделен, польская немка Жаклин Настич и др. Да и сама Сара наполовину иранка. Организаторы съезда, практически все бывшие члены «Левой» партии, демонстративно подчеркивали свою отстраненность от нее, при открытии традиционно не прозвучал «Интернационал», выступающие в приветствиях не использовали слово «товарищи», заменив на «друзья и подруги».

В своем выступлении на съезде 27.01.2024 г. «Мы не Левые 2.0» («Wir sind keine LINKE 2.0») лидер партии обозначила основные цели и задачи партии и подчеркнула, что новая сила создана для избирателей, не находящих ответов на свои вопросы ни в одной из политических партий и «от отчаяния» голосующих за АдГ [14].

Красной линией через всю работу съезда проходила антивоенная тема. Съезд открылся в День памяти Холокоста. Прозвучало выступление известной немецкой писательницы и журналистки Даниэлы Дан, в котором она отметила, что «чувствует себя в вечном долгу благодарности Красной Армии, как бы ни менялась за минувшие годы обстановка в мире» и подчеркнула, что Освенцим освобождали солдаты Красной Армии, а не войска союзников, о чем ранее заявляла глава Еврокомиссии У.фон дер Ляйен в связи с годовщиной освобождения концентрационного лагеря Аушвиц (Освенцим). Далее, участники съезда почтили минутой молчания память жертв нацизма.

Делегаты съезда утвердили список кандидатов во главе с Фабио Де Мази и Михаэлем дер Шуленбургом для участия в выборах в Европарламент в июне 2024 г. и предвыборную программу «Независимая Европа суверенных демократий – мирно и справедливо». Выборы в ЕП для партии, созданной несколько месяцев назад, оказались вполне успешными. С первого раза ССВ получил места в ЕП.

Большой резонанс имело выступление Сары Вагенкнехт на ежегодном мероприятии, дающем старт новому политическому году в Германии во время так называемой политической «пепельной среды», 1 февраля 2024 г. Лидер партии раскритиковала политику правящей коалиции, назвав правительство ФРГ «глупым и опасным», особенно в вопросе отношений с Россией. «Светофорная» коалиция – не только самое глупое, но также самое опасное правительство Европы, оно выступает за войну с Россией до победного конца. Войну на Украине можно завершить только путем переговоров, поставки оружия не помогут. … В конфликте на Украине заинтересована не Россия, а Америка» – заявила политик [15].

Опрос, проведенный через два месяца после объявления о создании партии на предмет выяснения популярности политических сил в в ФРГ, показал, что новую организацию поддерживает 12%. Серьёзно уступает ССВ пока что только союзу ХДС/ХСС (29%) и оппозиционной – АдГ (17%) [16].

Заключение

Таким образом, кризисное состояние, в котором оказались как власть, так и оппозиция ФРГ, создало благоприятные условия для возвращения С. Вагенкнехт в активную политику. Экономические и политические реалии Федеративной республики дают неплохой шанс вновь созданной политической партии ССВ (BSW) и ее харизматичному лидеру стать ключевой действующей силой в политике, и проводить курс, отвечающий национальным интересам немецкого народа. От новой партии, ориентированной на человека (самого узнаваемого и яркого немецкого политика), а не на программу, ждут важных перемен в партийно-политическом ландшафте ФРГ.

Однако следует отметить трудности, с которыми сталкивается новая партия:

– во-первых, существует мощная конкуренция в борьбе за электорат, усложняется задача привлечения сторонников тем, что в программе ССВ нет серьезных отличий по ключевым вопросам от других партий; вопрос о союзниках остается открытым;
– во-вторых, отсутствуют дееспособные низовые организации в федеральных землях, идет процесс их становления;
– в-третьих, громкие заявления и острая критика действующего правительства не подкрепляются реальными действиями, кроме антивоенных митингов;
– в-четвертых, правящие власти стремятся скомпрометировать ССВ, позиционируя ее как «пророссийскую».

Литература

1. Рейтинг популярности «Альтернативы для Германии» достиг 23%. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19000549 (дата обращения: 19.06.2024)
2. Сорокин, Н. Воительница. URL: https://zavtra.ru/blogs/voitel_nitca (дата обращения: 19.06.2024)
3. «Непостижимая»! Международная панорама. URL: https://dzen.ru/a/ZD2Ql2ztADzrddBF (дата обращения: 19.06.2024)
4. Триумф воли Сары Вагенкнехт Европейская журналистика и наука по-русски. URL: https://www.dekoder.org/ru/article/sahra-wagenknecht-2023 (дата обращения: 19.06.2024)
5. Это удивительно, но в Германии по степени поддержки Анналена
6. Бербок опережает канцлера Олафа Шольца | Первый Новостной URL: https://dzen.ru/a/ZYa8xScKAQiqa51d (дата обращения 19.06.2024)
7. Telegram: Contact @wagenknecht_na_russkom. URL: https://t.me/wagenknecht_na_russkom/ (дата обращения: 19.06.2024) Сара Вагенкнехт готовит Германии национал-большевистский поворот URL: https://svpressa.ru/politic/article/392102 (дата обращения:19.06.2024)
8. Немецкие политологи оценили перспективы новой партии Сары Вагенкнехт. URL: https://regnum.ru/news/3841583 (дата обращения: 19.06.2024)
9. В Германии появилась еще одна антивоенная партия, теперь и на левом фланге (Responsible Statecraft, США) | 17.11.2023, ИноСМ И. URL: https://inosmi.ru/20231117/vagenknekht-266648807.html (дата обращения: 19.06.2024)
10. Еще один союзник Кремля. Киев теряет ключевого партнера в Европе. URL: https://ria.ru/20240110/germanii-1920333549.html (дата обращения: 19.06.2024)
11. Против санкций и США: новая пророссийская партия покоряет Германию. URL: https://news.ru/europe/protiv-sankcij-i-ssha-novaya-prorossijskaya-partiya-pokoryaet-germaniyu/ (дата обращения: 19.06.2024)
12. Белов, А. Социал-демократия здорового человека. Чем может стать «АльянсСарыВагенкнехт»? URL: https://ruskline.ru/opp/2023/10/30/socialdemokratiya_zdorovogo_cheloveka_chem_mozhet_stat_alyans_sary_vagenkneht (дата обращения: 19.06.2024)
13. Unser Gründungsmanifest. URL: https://buendnis-sahra-wagenknecht.de (дата обращения: 19.06.2024)
14. Официальный сайт BSW (Bündnis Sahra Wagenknecht – Союз Сары Вагенкнехт). URL: https://buendnis-sahra-wagenknecht.de (дата обращения: 19.06.2024)
15. Сара Вагенкнехт назвала федеральное правительство «глупым и опасным» (Die Zeit, Германия) |, ИноСМИ 15.02.2024. URL: https://inosmi.ru/20240215/germaniya-267877365.html (дата обращения: 19.06.2024)
16. Первые рейтинги новой партии Сары Вагенкхент. Ее уже называют Ким Кардашьян – Абсолютный рейтинг – 13 января – 43809278781 – Медиаплатформа МирТесен. URL: https://absolute-rating.mirtesen.ru/blog/43809278781/Pervyie-reytingi-novoy-partii-Saryi-Vagenkhent-Ee-uzhe-nazyivayu (дата обращения: 19.06.2024)

SAHRA WAGENKNECHT' INFLUENCE IN THE MODERN POLITICAL LIFE OF GERMANY

Pushkareva V.V.
Institute of History and Sociology Universitetskaya

The research is devoted to the relevant problem of studying person's influence on the transformation of the political conjuncture in the state on the example of analyzing the reasons for the success of Sahra Wagenknecht in the German political life. The approach proposed by J. Blondel is used in solving the problem, that shows leader's dependence on the combination of three aspects: personal traits, the tools he or she has at the disposal and the situation in which a leader acts. It is revealed that Sahra Wagenknecht returned to active political life in early 2023 on the wave of anti-militarist sentiments in Germany. Such growing popularity of the politician is explained by the deep systemic crisis in Germany and the inability of the current coalition represented by SPD, Greens, and SVP to rad-

ically solve the problems. Sahra Wagenknecht is established to be a politician, known for her huge popularity, having a powerful influence on society, having a high rating, and her newly created organization – 'Sahra Wagenknecht Alliance – Reason and Justice' – is a very successful party project, which in the future can change the political landscape of Germany.

Keywords: Sahra Wagenknecht, Bundestag, 'traffic light' coalition, pacifism,'Sahra Wagenknecht Alliance – Reason and Justice' BSW, the left-wing conservatism, the national interests of Germany.

References

1. The popularity rating of "Alternative for Germany" has reached 23%. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19000549 (date of application: 06/19/2024)
2. Sorokin, N. The Warrior. URL: https://zavtra.ru/blogs/voitel_nitca (date of application: 06/19/2024)
3. "Incomprehensible"! International panorama. URL: https://dzen.ru/a/ZD2QI2ztADzrddBF (date of application: 06/19/2024)
4. The Triumph of Sarah Wagenknecht's will European journalism and Science in Russian. URL: https://www.dekoder.org/ru/article/sahra-wagenknecht-2023 (date of application: 06/19/2024)
5. It is surprising, but in Germany, according to the degree of support, Annalena.
6. Burbok is ahead of Chancellor Olaf Scholz | The First News URL: https://dzen.ru/a/ZYa8xScKAQiqa51d (accessed 06/19/2024)
7. Telegram: Contact @wagenknecht_na_russkom. URL: https://t.me/wagenknecht_na_russkom / (date of reference: 06/19/2024) Sarah Wagenknecht is preparing Germany for a national Bolshevik turn URL: https://svpressa.ru/politic/article/392102 (date of application:19.06.2024)
8. German political scientists have assessed the prospects of Sarah Wagenknecht's new party. URL: https://regnum.ru/news/3841583 (date of application: 06/19/2024)
9. Another anti-war party has appeared in Germany, now on the left flank (Responsible Statecraft, USA) | 11/17/2023, InoSM I. URL: https://inosmi.ru/20231117/vagenknekht-266648807.html (date of address: 06/19/2024)
10. Another ally of the Kremlin. Kiev is losing a key partner in Europe. URL: https://ria.ru/20240110/germanii-1920333549.html (date of appeal: 06/19/2024)
11. Against sanctions and the United States: a new pro-Russian party is conquering Germany. URL: https://news.ru/europe/protiv-sankcij-i-ssha-novaya-prorossijskaya-partiya-pokoryaet-germaniyu / (date of access: 06/19/2024)
12. Belov, A. Social democracy of a healthy person. What can Allianzarywagenknecht become? URL: https://ruskline.ru/opp/2023/10/30/socialdemokratiya_zdorovogo_cheloveka_chem_mozhet_stat_alyans_sary_vagenkneht (date of access: 06/19/2024)
13. Unser Gründungsmanifest. URL: https://buendnis-sahra-wagenknecht.de (date of access: 06/19/2024)
14. Official website of BSW (Bündnis Sahra Wagenknecht – Union of Sarah Wagenknecht). URL: https://buendnis-sahra-wagenknecht.de (date of application: 06/19/2024)
15. Sarah Wagenknecht called the federal government "stupid and dangerous" (Die Zeit, Germany) |, InoSMI 02/15/2024. URL: https://inosmi.ru/20240215/germaniya-267877365.html (date of access: 06/19/2024)
16. The first ratings of the new party of Sarah Wagenkhent. She is already called Kim Kardashian – Absolute rating – January 13–43809278781 – MirTesen media platform. URL: https://absolute-rating.mirtesen.ru/blog/43809278781/Pervyie-reytingi-novoy-partii-Saryi-Vagenkhent-Ee-uzhe-nazyivayu (date of application: 06/19/2024)

Эволюция доктринальных установок реализации концепции «государства всеобщего благосостояния» в Норвегии

Ровинская Ирина Владимировна,
аспирант, Дипломатическая академия МИД России
E-mail: irinarovinskaya97@gmail.com

В статье предлагается общий обзор становления и развития в Королевстве Норвегия государства всеобщего благосостояния с 1945–2024 гг. Многие страны в своей внутренней политике всё больше руководствуются экономическими возможностями и экономической выгодой, из-за чего были вынуждены отойти от политики благосостояния в 1980–1990 гг., однако Норвегия остается одной из стран, где меры и механизмы социальной и экономической защиты еще пользуются популярностью и спросом. Цель исследования: выделить основные этапы развития государства всеобщего благосостояния в Норвегии, определить основные задачи и вызовы. Автор выделяет пять этапов, уделяя внимание эволюции социально-экономических мер и доктринальных установок. Применительно к современности, автор отмечает актуальность для норвежской системы благосостояния таких общемировых тенденций как удорожание содержания системы благосостояния при сокращении её эффективности. При этом, для Норвегии характерно сопротивление реформированию, как со стороны власти, так и общества, и, соответственно, невозможность достигнуть консенсуса по социально-экономической повестке в Стортинге.

Ключевые слова: государство всеобщего благосостояния, Норвегия, внутренняя политика, социальная политика, общественно-политический дискурс.

Кризисы государства всеобщего благосостояния (далее ГВБ) 1970–2000-х гг. предопределили отход многих стран от основных принципов такой политики на рубеже XX–XXI вв. Социальная справедливость, перераспределение материальных благ, обеспечение социальной и экономической безопасности граждан, сокращение социально-экономических различий перестают восприниматься в качестве общественного блага. Страны в своей внутренней политике всё больше руководствуются: экономическими возможностями и экономической выгодой [6, стр.26–29].

Королевство Норвегия, является страной, где меры и механизмы социальной и экономической защиты все еще пользуются популярностью, отстаиваются рядом партий (Рабочая, Центристская, Социалистическая левая, “Красная”) и рассматриваются как черта национальной идентичности.

Реализация концепции ГВБ в Норвегии способствовала превращению общества с безработицей в 33,4% (1933 г.) [18, стр. 363, Table 187] из погрязшего в экономическом, политическом и эмиграционном кризисах и пережившего оккупацию в 1940–1944 гг. в процветающее общество с сильной системой экономической и социальной защиты населения, лидера ряда индексов благосостояния.

Можно выделить несколько этапов, связанных с реализацией и развитием ГВБ в Норвегии после 1945 г.:

1. Программа “Работа для всех”. Работа по созданию общества благосостояния, а именно социальной, экономической и налоговой систем, в которых государство берёт на себя ответственность за экономическое и социальное благополучие граждан “от колыбели до могилы” начинается, когда партии страны представили Стортингу совместную программу для послевоенного общества “Работа для всех” [4]. Программа определяла основы функционирования экономической, политической, налоговой, социальной и производственной систем в стране. Согласно документу, первостепенной задачей страны становилось инвестирование в человеческий капитал и социальную сферу, а конечными целями такой политики были: рост эффективности труда, общественная модернизация, закрепление новых общественных ценностей (работа и интеграция человека в общество) и экономический рост страны. Иными словами, в 1945 г. был обозначен курс на повышение уровня благосостояния и на достижение бóльшей социальной справедливости в послевоенный период.

Законы о пенсиях и о пособиях на детей, принятые в ходе оккупации, были отменены в 1945 г. Тем не менее, оказание поддержки наиболее уязвимым группам населения, расширение сферы социального обеспечения осознавались органами власти и поддерживалась населением. Уже в 1946 г. с минимальными изменениями были заново введены пособия на детей [12], распространившиеся на все семьи с двумя и более детьми.

2. Послевоенное восстановление и роль Рабочей партии (Ар). Социально-экономическое развитие Норвегии связано с деятельностью Рабочей партии в 1945–1965 гг. Это время связано с проведением регулярных реформ в социальной, экономической, налоговой сфе-

рах и промышленности, нацеленных на быстрое восстановление страны через «разумное управление» по плану Партии от 1945 г [3]. “Рабочая партия возрождается как политическое движение, на которое ложится ответственность за восстановление и развитие лучшего норвежского общества” [4, стр. 1].

Введение плановой экономики, ограничений свободного рынка, а также политики частичной национализации, заимствованной у немцев, обеспечили координацию государством приоритетных сфер восстановления и рост экономики страны. Преобразования 1945–1950-х гг., способствующие восстановлению, модернизации и перепрофилированию промышленности, обеспечению производств и населения дешевой гидроэнергией, а также решение жилищного вопроса сопровождались соответственно сокращением безработицы, существенным снижением социальной напряженности и укреплением политической воли и общественной готовности к дальнейшим социально-политическим преобразованиям.

В 1948 г. были приняты первые поправки в Закон о бедных, предполагающие оказание материальной помощи государства гражданам. В 1953 г. Закон был вновь расширен и закрепил ныне основной принцип политики норвежского государства благосостояния – условия помощи граждан самим себе – систему государственной поддержки, которая через государственные структуры способствует самостоятельному выходу индивида из состояния бедности и стимулирует дальнейшее развитие [1].

Ключевым замыслом Рабочей партии было обеспечение населения максимальной защитой от потери дохода [17], что стало возможным благодаря оптимизации налогового законодательства, в основу которого была поставлена прогрессивная шкала налогообложения для физических лиц и бизнеса. Налоговое бремя стало посильным для каждого, а налоги и сборы шли на дальнейшее расширение системы ГВБ, что способствовало росту занятости и доходов государства.

Соразмерно экономическому росту внимание уделялось постепенному повышению среднего уровня заработной платы, развитию систем пенсионного и социального обеспечения, повышению качества услуг здравоохранения и образования и их доступности. В 1945–1970-ее гг. количество работников этих сфер возросло в три раза. Ужесточались и требования к их компетентности.

С введением в 1964 г. Закона о социальной помощи [13] забота о пожилых, инвалидах и неспособных к самообеспечению гражданах перешла под опеку государственных служб. Государство брало на себя обеспечение их достойными жильём, пенсией, медицинской и иной помощью.

В 1945–1965 гг. были расширены системы страхования по безработице и болезни, введено комплексное страхование от несчастных случаев, полное пенсионное обеспечение по старости (1957 г.) и пенсия по инвалидности (1960 г.).

Государство в сотрудничестве с профсоюзами строго контролировало вопросы оплаты труда, проводилась политика выравнивания, касающаяся не только сокращения разницы зарплат рядовых сотрудников и начальников компаний, но и мужского и женского персонала. Так к 1970 г. разрыв зарплат начальника и подчиненного сократился соответственно в два раза, а мужчины и женщины на ¼ [11, стр. 202–221].

Реформы обусловили рост рождаемости, и как следствие, проведение государством серьезной работы с молодежью: популяризация физической культуры, инвестиции в спорт и здоровый, организованный досуг для послевоенного поколения, что способствовало гомогенизации общества, росту взаимоуважения и интеграции среди норвежцев [15].

Благодаря комплексному подходу Рабочей партии, государственному контролю и “умному” управлению, норвежское общество стало более однородным как с социальной, так и экономической точек зрения. Политика Рабочей партии способствовала становлению системы распределения и перераспределения экономических ресурсов, выравниванию доходов населения, сокращению разрыва в уровне жизни. В 1945–1960 гг. Рабочая партия заложила основы системы ГВБ в Норвегии.

3. Период с 1960–1990 гг. можно охарактеризовать как этап структуризации и кодификации ГВБ. Последние годы правления Рабочей партии были направлены на то, чтобы сделать систему ГВБ доступной, чего невозможно было добиться без расширения ответственности местных властей.

В этой связи, начало 1960-х гг. связано с сокращением числа муниципалитетов, с 747 до 454. Преобразование учитывало, что новое муниципальное деление должно отражать естественные границы местных сообществ, так чтобы новые коммуны стали устойчивыми административными единицами, способными с экономической и социальной точек зрения отвечать целям ГВБ, а их границы должны проходить так, чтобы облегчать управление и распределение ресурсов в коммунах [5]. Реформа была подготовкой к передаче части функций ГВБ муниципальным властям.

Одновременно, был запущен процесс кодификации принятых ранее нормативных актов, касающихся социально-экономической политики Норвегии. В 1964 г. был принят первый всеобъемлющий закон – Закон о социальной помощи [13], который включал в себя положения целого ряда актов по организации социально-экономической поддержки граждан, в том числе и разделял компетенции государственных и местных органов власти.

К середине 1960-х гг. идеи социальной и экономической поддержки стали частью программ партий Прогресса, Правой, Социалистической левой, Христианской народной и др. [20]. Консервативное правительство во главе с Правой партией (Н) в 1965 г. продолжило политику благосостояния и кодификацию законодательства ГВБ.

Закон о социальном обеспечении [9] объединил все предшествующие меры социальной политики, касающиеся пособий, пенсий, разных страховых выплат и системы налогообложения, в единую систему и обеспечил взаимосвязь программ относительно объема помощи и контроль за ее реализацией. Закон можно назвать символом норвежского государства благосостояния, так как он закреплял основной принцип системы благосостояния – универсальность. Государство брало ответственность не только за управление системой социального обеспечения, но и за то, чтобы доступ к услугам системы предоставлялся не только гражданам, но и жителям страны. Закон гарантировал: 1) финансовую безопасность; 2) содействие выравниванию доходов; 3) обеспечение условий поддержания достойного уровня жизни при любых обстоятельствах и обеспечение доступа к механизмам предоставления дополнительных социальных гарантий. Финансирование системы ГВБ стало частью государственного и муниципального бюджетов.

В 1991 г. появляется очередной всеобъемлющий нормативный акт «О социальных службах» [14]. В Законе отражены намерения способствовать равенству и равноправию, а также предотвращать социальные проблемы и противостоять новым вызовам при обеспечении

государством экономической и социальной безопасности населения.

4. Период 1992–2010 гг. можно назвать стагнацией мер политики ГВБ. Переломным моментом можно считать обращение Премьер-министра Норвегии Г.Х. Брунтланд, в которой она подчеркнула экономические и социальные успехи Норвегии и обратила внимание на необходимость проявлять солидарность к другим народам, сотрудничать ради повсеместного преодоления проблем: бедности, социальных бедствий, ухудшения состояния окружающей среды [19].

Вовлечение Норвегии в мировую политику ознаменовало сокращение внимания к внутриполитической повестке. Современные климатическая, энергетическая и миграционная политика проводятся таким образом, чтобы подчеркнуть, что ГВБ в стране уже достигнуто: образование и медицина бесплатные, населению гарантирована широкая социальная и экономическая поддержка, при этом экономические возможности и опыт позволяют Норвегии решать глобальные и региональные проблемы.

5. С 2011 г. по настоящее время происходит постепенное сокращение интереса элит к политике благосостояния. Необходимость реформирования системы благосостояния и отдельных ее сфер отмечается всеми партиями в программах последние 10 лет. Тем не менее, ни комплексного, ни частичного реформирования не происходит. Наиболее серьезной попыткой адаптации ГВБ была Пенсионная реформа 2011 г.[7] Однако, из-за общественного недовольства и межпартийных разногласий по отдельным пунктам законопроекта реформа оказалась поверхностной и не отодвинула границу пенсионного возраста (67 лет) при средней продолжительности жизни в 91 год для женщин и 89 лет для мужчин [8]. Основной задачей стало создание условий, при которых оставаться в трудовой жизни выгоднее, чем выходить на пенсию. Такой подход в 2010–2020-е гг. характерен для большинства социально-экономических реформ: население транслирует потребности государству, решения предлагаются партиями, но учитывая суммарно дороговизну, общественное и межпартийное несогласие, в течение более 10 лет принимаются либо поверхностные реформы, либо не происходит никах изменений.

Учреждение в 2001 г. системы нефтекомпенсаций по итогам года из средств Пенсионного фонда Норвегии позволило в 2011–2023 гг. сохранить систему ГВБ без изменений. Ежегодно компенсации составляют до 4% (до 2017 г.) и до 3% (с 2018 г.). Тем не менее, к 2024 г. очевидно, что и этих денег уже не хватает [10] (Рис. 1).

Рис. 1. Увеличение заимствования средств из Пенсионного (нефтяного) фонда в государственный бюджет Норвегии 2001–2023 гг., млрд норвежских крон.

Источник: SSB.no

Таким образом, в развитии норвежского ГВБ можно выделить пять стадий:

1945 г. – программа «Работа для всех», курс на формирование новой государственной системы;

1945–1964 гг. – проведение экономических, социальных, налоговых и административной реформ, становление распределительной и перераспределительной систем;

1964–1992 гг. – кодификация законодательных актов, закрепление принципа универсальности, что обеспечило социальную и экономическую безопасность личности в Норвегии;

1992–2010 гг. – «солидарность» – девиз 90 и 00 гг., переключение внимания власти на международную повестку;

2011 г. – н.в. – отсутствие межпартийного консенсуса по вопросам реформирования, тенденция к удорожанию системы ГВБ на фоне вызовов современности.

Иными словами, можно говорить о том, что кризисы благосостояния, с которыми другие страны столкнулись в 1970–2000 гг., обрушились на Норвегию в 2020-е гг. Сохранение системы ГВБ сегодня зависит от достижения межпартийного консенсуса по социально-экономической повестке и от политической воли следующего политического руководства к реформированию системы.

Литература

1. Масолыгин А.В. Инструменты борьбы с бедностью в Норвегии в рамках ее социально-экономического развития в XX–XXI вв. // Экономика зарубежных стран № 3–4 (60), 2022. URL: https://mirec.mgimo.ru/2022/2022–03/norway-poverty-alleviation (Дата обращения: 10.11.2023)
2. Сидорина Т.Ю. Государство всеобщего благосостояния СПб.: Нестор-История, 2018.
3. Aps Arbeidsprogram. Oslo, 1945. URL: https://res.cloudinary.com/arbeiderpartiet/image/upload/fl_attachment: arbeidsprogram-1945/v1 (Дата обращения: 17.02.2024)
4. Arbeid for alle. De politiske partienes fellesprogram. Oslo, 1945. URL: https://www.norgeshistorie.no/kilder/velferdsstat-og-vestvending (Дата обращения: 12.02.2024)
5. Baldersheim H. Formannskapslovene 175 år: skiftande vilkår for lokalt sjølvstyre 1837–2012. Oslo, 2012. URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/krd/rapporter/rapporter_2012/formannskapslovene175aar_nett.pdf (Дата обращения: 04.12.2023)
6. Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. Cambridge, UK: Polity Press, 1990.
7. Evaluering av Pensjonsreformen 2011// innmeld.no. URL: https://www.innmeldt.no/post/evaluering-av-pensjonsreformen-2011 (Дата обращения: 20.03.2024)
8. Folkehelserapporten 2022 // Folkehelseinstituttet. URL: https://www.fhi.no/he/folkehelserapporten/samfunn/befolkningen/?term=#videre-befolkningsutvikling (Дата обращения: 22.03.2024)
9. Folketrygdloven: (Lov om folketrygd av 17. juni 1966 nr 12), Oslo: Ad notam Gyldendal, 1995, 143 s.
10. Forbruket fra Oljefondet har økt i takt med det handlingsregelen tillater // E24. URL: https://e24.no/norsk-oekonomi/i/APqXeE/regjeringen-oeker-planlagt-oljepengebruk-til-3726-milliarder-kroner (Дата обращения: 25.03.2024)
11. Lange E. Samling om felles mål 1935 1970. Red. Helle K. Oslo, 1998.
12. Lov om barnetrygd 1946 // Lovdata URL: https://lovdata.no/dokument/NLO/lov/1946–10–24–2 (Дата обращения: 12.02.2024)
13. Lov om sosial omsorg // Lovdata. URL: https://lovdata.no/dokument/NLO/lov/1964–06–05–2?q=lov om sosialhjelp (accessed: 12.02.2024)
14. Lov om sosiale tjenester 1991 // Lovdata. URL: https://lovdata.no/dokument/NLO/lov/1991–12–13–81 (Дата обращения: 16.03.2024)

15. Olstad F. Fra løkka til organisert idrett // Norgeshistorie. Institutt for arkeologi, konservering og historie ved Ui O. URL: https://www.norgeshistorie.no/oljealder-og-overflod/1956-fra-lokka-til-organisert-idrett.html (Дата обращения: 17.11.2023)
16. Overbye E. Risk and welfare: examining stability and change in "welfare" policies. Oslo: Norwegian Social Research, 1998.
17. Seip A.L. Veiene til velferdsstaten: norsk sosialpolitikk 1920–75. Oslo, 1994. URL: https://www.nb.no/items/URN: NBN: no-nb_digibok_2014061105072 (Дата обращения: 15.11.2023)
18. Statistisk sentralbyrå: Statistiske oversikter 1948 // Statistical Survey 1948, Oslo 1949. URL: http://www.ssb.no/a/histtat/hs1948.pdf P. 363, Table 187. (Дата обращения: 28.04.2024)
19. Statsminister Gro Harlem Brundtland: Nyttårstale 1.1.1992 // Официальный сайт Правительства Норвегии. URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/smk/vedlegg/taler-og-artikler-av-tidligere-statsministre/gro-harlem-brundtland/1992/nyttarstale-1992.pdf (Дата обращения: 19.03.2024)
20. Torgersen U. Velferdsstat i norsk politisk retorikk, Tidsskrift for velferdsforskning. Oslo 1998.

THE EVOLUTION OF DOCTRINAL GUIDELINES FOR THE IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF THE "WELFARE STATE" IN NORWAY

Rovinskaya I.V.
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article provides a general overview of the Norwegian welfare state, its formation and development from 1945–2024. Many states, increasingly guided by economic benefits and opportunities in their domestic policy, had to move away from welfare policy in 1980–1990´s, but Norway remains one of the few countries were measures and mechanisms of social and economic protection are still popular and in demand. The purpose of the study is to identify the main stages of development of the welfare state in Norway, specify the main tasks and challenges. The author distinguishes five stages, paying attention to the evolution of socio-economic measures and doctrines. The author emphasises that for the current Norwegian welfare system are relevant such global trends as further expensiveness of maintaining the welfare system with its effectiveness reducing. At the same time, there are both public and governmental resistance to reform and, accordingly, the inability to reach consensus on the socio-economic agenda in the Stortinget.

Keywords: welfare state, Norway, internal policy, social policy, socio-political discourse.

References

1. Masolygin A.V. Tools to fight poverty in Norway as part of its socio-economic development in the 20th and 21st centuries. // Foreign countries' economy No. 3–4 (60), 2022. URL: https://mirec.mgimo.ru/2022/2022–03/norway-poverty-alleviation (accessed: 10.11.2023)
2. Sidorina T. Yu. The welfare state of St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2018.
3. Aps Work Program. Oslo, 1945. URL: https://res.cloudinary.com/arbeiderpartiet/image/upload/fl_attachment: arbeidsprogram-1945/v1 (accessed:17.02.2024)
4. Work for all. The joint program of the political parties. Oslo, 1945. URL: https://www.norgeshistorie.no/kilder/velferdsstat-og-vestvending (available: 02.12.2024)
5. Baldersheim H. Formannskapslovene 175 years: changing conditions for local self-government 1837–2012. Oslo, 2012. URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/krd/rapporter/rapporter_2012/formannskapslovene175aar_nett.pdf (accessed: 12.04.2023)
6. Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. Cambridge, UK: Polity Press, 1990.
7. Evaluating the Pension Reform 2011 // innmeld.no. URL: https://www.innmeldt.no/post/evaluating-av-pensjonsreformen-2011 (accessed: 20.03.2024)
8. The Public Health Report 2022 // Institute of Public Health. URL: https://www.fhi.no/he/folkehelserapporten/samfunn/befolkningen/?term=#videre-befolkningsutvikling (accessed: 22.03.2024)
9. Folketrygdloven: (Act on Folketrygd of 17 June 1966 no. 12), Oslo: Ad notam Gyldendal, 1995, 143 p.
10. Consumption from the Oil Fund has increased in line with what the action rule allows // E24. URL: https://e24.no/norsk-oekonomi/i/APqXeE/regjeringen-oeker-planlagt-oljepengebruk-til-3726-billionaire-kroner (accessed: 25.03.2024)
11. Lange E. Collection of common goals 1935–1970. RED. Helle K. Oslo, 1998.
12. Child Benefit Act 1946 // Act data URL: https://lovdata.no/dokument/NLO/lov/1946–10–24–2 (accessed: 12.02.2024)
13. Act on social care // Law data. URL: https://lovdata.no/dokument/NLO/lov/1964–06–05–2?q=lov om sosialhjelp (available: 2024–12–02)
14. Social Services Act 1991 // Law data. URL: https://lovdata.no/dokument/NLO/lov/1991–12–13–81 (accessed: 16.03.2024)
15. Olstad F. From løkka to organized sport // Norgeshistorie. Institute for archaeology, conservation and history at Ui O. URL: https://www.norgeshistorie.no/oljealder-og-overflod/1956-fra-lokka-til-organisert-idrett.html (accessed: 17.11.2023)
16. Go over E. Risk and welfare: examining stability and change in 'welfare' policies. Oslo: Norwegian Social Research, 1998.
17. Seip A.L. Veiene to the welfare state: Norwegian social policy 1920–75. Oslo, 1994. URL: https://www.nb.no/items/URN: NBN: no-nb_digibok_2014061105072 (accessed: 15.11.2023)
18. Statistics Norway: Statistisk osvrryder 1948 // Statistical survey 1948, Oslo 1949. URL: http://www.ssb.no/a/histtat/hs1948.pdf P. 363, Table 187. (accessed: 28.04.2024)
19. Prime Minister Gro Harlem Brundtland: New Year's speech 1.1.1992 // Official website for the Government of Norway. URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/smk/velegg/taler-og-artikler-av-tidligere-statsministre/gro-harlem-brundtland/1992/nyttarstale-1992.pdf (accessed: 19.03 2024)
20. Torgersen U. Welfare state in Norwegian political rhetoric, Tidsskrift for velferdsforskning. Oslo 1998.

Ценностные основания российской цивилизационной идентичности

Бондарев Виктор Геннадьевич,
кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Российский государственный университет правосудия (Северо-Западный филиал)
E-mail: vicbondarev@mail.ru

В статье представлено понятие «цивилизационная идентичность» и описан механизм ее формирования. Сделан вывод о том, что оценить и описать цивилизацию можно следуя по «осям» «материализм – духовность», «коллективизм – индивидуализм». Рассмотрена оппозиция «материализм – духовность» в контексте ценностного спектра россиян. Отмечается направленность российской цивилизации на духовную традицию; обозначена роль религии в формировании и ретрансляции ценностей россиян. Значительное влияние на формирование духовных ценностей в российском обществе сыграло православие. Обозначен характер ценностей россиян в советский период и на текущий момент. Описаны проявления и истоки коллективизма в российской цивилизационной идентичности. Проанализирована проблема смены поколений и трансформации (деструкции) ценностных ориентиров россиян в контексте вестернизации.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность, ценности, россия, менталитет, глобализация, традиционные ценности, коллективизм, индивидуализм, соборность, духовность, иррациональность

Вопросы, связанные с российской цивилизационной идентичностью, менталитетом, исконными ценностями россиян, приобретают сегодня особую *актуальность*. Кризисная эпоха актуализирует обращение к фундаментальным основаниям цивилизационной идентичности россиян.

Цивилизационная идентичность и механизмы ее формирования

В современных исследованиях, посвященных обозначенным выше проблемам, можно встретить широкий спектр синонимичных категорий – «цивилизационная идентичность», «цивилизационный код», «культурный код», «цивилизационная матрица», «ментальность», «менталитет». Все эти термины употребляются для указания на некое нематериальное основание, на котором строится уникальное социокультурное целое – российская цивилизационная идентичность [1, с. 114]. В анализе российской цивилизационной идентичности и ценностей, которые ее формируют, авторы, как правило, выбирают один из двух ракурсов – исторический и современный, основанный на диагностике текущего состояния социально-философского и общественно-политического дискурса. По нашему мнению, наиболее целесообразным будет являться комплексный подход, в рамках которого проблематика российской цивилизационной идентичности рассматривается как в историческом ракурсе, так и с учетом динамики сегодняшних реалий.

Цивилизационная идентичность являет собой результат формирования представлений в индивидуальном и социальном сознании. Эти проявления касаются материального и духовного бытия цивилизации, они основаны на опыте прошлых поколений, тесно укореняются в подсознании носителей конкретного цивилизационного кода и определяют индивидуальное и общественное сознание. Социально-нравственные составляющие, как правило, находятся на доминирующих позициях в структуре цивилизационной идентичности [4, с. 130].

Одними из важнейших «осей», по которым можно оценить и описать цивилизацию, являются диадные оппозиции «материализм – духовность», «коллективизм – индивидуализм». Именно они дают наиболее общее представление о цивилизационном сознании и позволяют отличить ценности одной цивилизационной группы от ценностей другой. В данной связи рассмотрим российскую цивилизационную идентичность и ее ценностные основания согласно двум вышеобозначенным векторам.

Оппозиция «материализм – духовность» в ценностном спектре россиян

Россия, будучи цивилизацией в большей мере восточной, чем западной, тяготеет к нематериальному. При этом в научных дискуссиях о цивилизациях западного и восточного типа довольно часто можно встретить заблуждение или стереотип об отождествлении иррациональности и духовности. Употребляя эти два понятия в качестве разнозначных, исследователи часто приписывают россиянам

иррациональность, включая ее в спектр доминирующих свойств российской ментальности. Тем не менее, более глубинный анализ позволяет понять, что духовность являет собой, прежде всего, ценностную ориентацию, тогда как иррациональность – это характеристика интеллектуальной активности.

Ценностная ориентация выражает цель, к которой стремится человек и социум. Западная Европа представляет собой яркий пример материалистически ориентированной и, при этом, рациональной цивилизации. В подобном контексте Россию можно воспринимать в качестве ценностного антипода западноевропейской цивилизации [2, с. 71].

Данный тезис можно подтвердить, обратившись к научно-философской мысли отечественных и западных авторов. Так, ***русская философия всегда отличалась направленностью на духовную традицию, восходя к духовности Византии и Руси***. Проблема духовности общества и человека всегда была одной из ведущих тем в наследии отечественных философов. Даже в периоды кризиса морали отечественного социума духовная жизнь человека всегда была в фокусе внимания российских мыслителей [3, с. 88].

Специалисты указывают на то, что уже в древнерусской литературе можно отметить отчетливое духовно-нравственное начало, выраженное «в бесхитростных примерах, конкретных деяниях, невольных выражениях чувств, но не в приемах проповеднического наставления» [13, с. 187]. Духовная традиция стала феноменом низовой, простонародной культуры и, одновременно с этим, она не утратила связь с европеизированным образованным сословием – представителями «высокой» русской культур [13, с. 187].

Значительное влияние на формирование духовных ценностей в российском обществе сыграло ***православие***. Православие, которое достаточно долго выступает доминирующей конфессией, всегда оказывало глубокое влияние на российскую культуру, искусство и литературу. Духовные практики играют ключевую роль в повседневной жизни верующих россиян, способствуя формированию коллективного чувства общности и духовного единства.

Веру традиционно причисляют к основным факторам, влияющим на формирование нравственных качеств человека и его мировоззренческой позицию. Религиозность обусловливает интересы, мотивы и психологические установки личности, служит внутренним регулятором и консолидирует общество. Религиозный фактор позволяет объяснить, почему в отечественной культуре духовность всегда отождествлялась с проявлениями религиозности – аскеза, обрядоверие, подвижничество, смирение, созерцательность [13, с. 185]. ***Духовность и религиозность в российском цивилизационном сознании нередко смешиваются или уравниваются***.

Даже в период доминирования марксисткой и неомарксисткой философских парадигм население сохраняло духовное (в религиозном понимании) миропонимание. Конечно, за годы правления Советов представления о духовности и духовные ценности россиян во многом подверглись деструкции, а на смену им пришли новые политико-идеологические критерии. Человек стал пониматься не как высшая, сакральная сущность, аккумулирующая и ретранслирующая в окружающий мир определенные ценностные установки, а как совокупность общественных отношений.

Советский Союз, будучи государством с марксистско-ленинской идеологией, стремился к созданию нового типа человека – «советского человека», свободного от религиозных убеждений. Центральным аспектом этого процесса стало искоренение традиционных духовных и религиозных ценностей, которые считались препятствием на пути к коммунистическому будущему. Для распространения атеистических идей широко использовались средства массовой информации, литература и искусство, школы и университеты. Деструкция духовных ценностей оказала глубокое воздействие на духовный базис советского общества. Резкая смена ценностной парадигмы привела к определенной эрозии моральных норм, деформации морального сознания. Старшее поколение советских граждан испытывало глубинный внутренний конфликт из-за утраты духовных основ. Люди, лишенные традиционных ориентиров, часто демонстрировали нравственный релятивизм и цинизм.

После распада Советского Союза многие страны постсоветского пространства прошли через фазу возрождения интереса к религиозным и духовным ценностям. Наблюдается рост числа верующих и активное участие населения в религиозных обрядах, происходит восстановление и строительство новых храмов. В России, в частности, Русская Православная Церковь (РПЦ) за последнее десятилетие значительно усилила своё влияние в общественной жизни, образовании и культуре. Все чаще интеллектуальные элиты нашей страны и рядовые граждане демонстрируют интерес к традиционным ценностям. Постепенно происходит интеграция духовных и религиозных ценностей в образовательные программы и воспитательные процессы.

По мнению ряда исследователей, религиозность современных россиян кардинально отличается от религиозности, свойственной предыдущим поколениям. Сегодня личность способна самостоятельно выбрать свою духовную траекторию – как в рамках существующих конфессий, так и вне их. Личность осознанно подходит к выбору той или иной веры, опираясь на глубокие размышления о себе, принципах и смысле жизни. Осмысленная вера, безусловно, представляет собой более мощный цивилизационный фундамент, чем вера инстинктивная. Личность, которая причисляет себя к верующим лишь на основании конфессиональной принадлежности ближайшего окружения, не заботится о выборе мировоззренческой позиции – она формируется у нее по инерции, неосознанно и зачастую оказывается поверхностной, неупорядоченной и шаткой [8, с. 13].

Система духовных, в т.ч. религиозных, ориентаций личности является одной из наиболее дискуссионных тематик в политических научных кругах. В условиях переходного состояния общественного сознания, высокой динамики политических и социально-экономических реалий власти и общество все чаще обращаются к истокам духа российской цивилизации. Духовное обновление общества называют единственным способом выхода из кризисного состояния.

Анализ исторического пути российской цивилизации доказывает, что духовность во многом определила социальную структуру российского общества, сформировала его основания, определила его как следующее конвенциональным нормам и представлениям.

Коллективизм и его проявления в российской цивилизационной идентичности

Истоки коллективизма в российском менталитете можно усмотреть в обществе эпохи крепостного права. Крепостничество имело место с XV по XVIII вв. и во многом определило стиль мышления россиян.

Общество эпохи крепостничества было четко разделено на сословия, где помещики занимали высшее положение, а крестьяне находились на низших ступе-

нях социальной лестницы. Условия жизни крестьян требовали высокой степени солидарности и взаимопомощи. Коллективные хозяйственные работы, проживание в расширенных семьях, взаимозависимость членов крестьянской общины – все это способствовало развитию чувства общности и коллективной ответственности.

Жесткая социальная иерархия и зависимость от помещиков способствовали развитию представлений о высокой дистанции власти и уважении к авторитету, что впоследствии транслировалось на другие сферы общественной жизни. Можно предположить, что именно крепостное право стало основным фактором преобладания коллективных ценностей над индивидуальными в российской культуре.

Сельское хозяйство долгое время оставалось основным видом деятельности для большей части населения страны – и это также наложило свой отпечаток на ценностный спектр россиян. По мнению некоторых специалистов, важность сельского хозяйства в жизни людей и непредсказуемость природных стихий во многом обусловили веру людей в высшие силы, в иррациональное. Также некоторые исследователи говорят о том, что сельское хозяйство обусловило склонность искать и находить причины неудач во внешнем мире, а не в себе.

Одним из важных факторов, который привел к доминированию коллективных ценностей над индивидуальными, выступает коллективизм, декларируемый в советском обществе. Жизнь советских людей, согласно идеологическим установкам, была направлена на построение общего будущего, на достижение коллективных целей и порицание индивидуальных амбиций. Безусловно, советский режим еще более укрепил присущий россиянам коллективизм.

Можно также предположить, что истоки коллективистских ценностей в цивилизационном самосознании россиян можно усмотреть в процессах смешения культур народностей, проживавших на территории современной России, и народностей, которые граничили с ней. Так, российское самосознание обладает ярко выраженной и свойственной азиатским народам клановитостью и приоритетом родственных связей.

Коллективизм, присущий российскому цивилизационному самосознанию, не абсолютен. Так, к примеру, христианство (и православие в частности) декларирует соборность, всебратство во Христе в качестве основополагающих ценностей общества, но, при этом, важная роль отводится и индивидуальному выбору. Христианство, таким образом, подразумевает некую дуалистичность человеческой природы: единение, с одной стороны, и личный выбор – с другой [3, с. 89]. При этом в греческой культуре – еще одной наследнице византийских традиций – эта дуалистичность выражена в форме баланса между личным и общественным, тогда как в русской культуре этот баланс явно смещен в сторону коллективных ценностей [3, с. 89].

Смена поколений и трансформация ценностных ориентиров россиян

Сегодня в научной литературе и в СМИ все чаще можно услышать мнение о нарастании деструктивных тенденций в отношении ценностного спектра россиян. Представители нового поколения, рожденного в 1990–2000-х гг., стали свидетелями кардинального переосмысления ценностей и ломки старых поведенческих алгоритмов. Их ценностные ориентиры заданы родителями, в основной массе разделяющими традиционные ценности россиян, но, при этом, реальная жизнь демонстрирует им множество новых ситуаций, для оценки которых у них нет заготовленных ориентиров [10, с. 190].

Все чаще социологи и психологи говорят о том, что новое поколение является поколением индивидуалистов, которые стремятся к тому, чтобы выделиться среди других и достигнуть собственных целей [15, с. 77]. Сегодня довольно сложно однозначно ответить на вопрос о том, ценности какой из двух полярных культур – индивидуалистической или коллективистской – ближе к сознанию современных россиян.

Так, в частности, мы наблюдаем значительную долю молодых людей, поддерживающим установку о заботе о собственном эмоциональном состоянии и ментальном здоровье – это демонстрирует их приверженность взглядам, близким индивидуалистическим культурам. Старшее поколение во многом подобные практики игнорирует или даже порицает [5, с. 470].

Кроме того, молодое поколение все реже «оглядывается» на мнение семьи и окружающих в ситуациях жизненного выбора. Это позволяет им, к примеру, менять профессии, бросать учебу в учреждении образования и не доучиваться из соображений «приличия», выбирать незарегистрированные фактические брачные отношения вместо официального брака. Эта тенденция, безусловно, не является уникальной для России – большая часть коллективистских традиционных культур сталкиваются с подобным обновлением аксиологии среди молодёжи.

Исследователи говорят о том, что в современном мире все сложнее провести черту между цивилизациями материалистическими и духовными, традиционными и современными, коллективистскими и индивидуалистическими. Более того, все больше стран относятся к «расколотым», где соседствуют элементы разных цивилизаций или где элиты и массы тяготеют к разным культурам [12, с. 106]. Культурно-ценностный дуализм в ряде случаев приводит к политическим и экономическим конфликтам.

Кроме того, следует отметить, что глобализация (точнее, вестернизация) продолжает оставаться доминирующей тенденцией современного мира, и именно процессы адаптации западных ценностей становятся основной причиной изменения ценностных установок большинства граждан [9, с. 812]. Интересно, но и сама западная цивилизация также стала объектов внешнего влияния (речь идет о той культуре, которую приносят с собой мигранты из арабских стран, Китая, Индии, Африки и проч.). Культурные факторы, таким образом, мультиплицируются демографическими и поколенческими сдвигами, факторами миграции и глобализации.

Российская власть стремится к обеспечению относительной изоляции социокультурного пространства страны от внешнего влияния. В этих целях проводятся мероприятия по формированию и закреплению структуры массового сознания россиян, по политической пропаганде посредством средств массовой информации [6, с. 120]. Несмотря на масштабность подобных мероприятий, российское общество все равно является «переходным» и в ряде случаев сочетает в себе Восток и Запад, коллективизм и индивидуальность, стремление к достижению общественного блага и к личному обогащению. Можно сказать, что несмотря на декларируемые обществом социоцентристские ценности, в реальных жизненных ситуациях молодые россияне в большей степени сосредоточены на себе [14, с. 93]. В стране сформировался культ роскоши, демонстративного потребления, неограниченного масштаба доходов [7, с. 136].

Трансформацию традиционных ценностей россиян можно рассматривать и с оптимистической точки зре-

ния – как следствие естественного процесса развития общественного сознания, как результат повышения уровня образования, самостоятельности и информированности граждан. Индивидуализм и материализм постепенно проникают в любую культуру – эта тенденция необратима. Следовательно, в задачи государства входит не наложение запретов и искусственную фиксация традиционализма, а снятие диссонансов, уменьшение напряжения, формирование конструктивной мотивации личности с опорой на ценностные установки, исконно присущие массовому сознанию россиян [11, с. 49].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим ***выводам***:

1. Цивилизационная идентичность выражается на двух уровнях: в индивидуальном и в сознании социума. Цивилизационную идентичность формируют проявления касаются материального и духовного бытия цивилизации, исторический опыт, установки, ценности, мораль. Одними из важнейших «осей», по которым можно оценить и описать цивилизацию, являются оппозиции «материализм – духовность», «коллективизм – индивидуализм»
2. Россия, будучи цивилизацией в большей мере восточной, чем западной, тяготеет к нематериальному. Русский фольклор, искусство, философия и наука всегда отличались направленностью на духовную традицию. Значительное влияние на формирование духовных ценностей в российском обществе сыграло православие.
3. Коллективизм выступает одним из ярких проявлений российской цивилизационной идентичности. Истоки коллективизма в российском менталитете можно усмотреть в обществе, основанном на крепостном праве, а также в советском обществе.
4. Все чаще звучит мнение о нарастании деструктивных тенденций в отношении ценностного спектра россиян. Представители нового поколения, рожденного в 1990–2000-х гг., стали свидетелями кардинального переосмысления ценностного спектра, что в долговременной перспективе, безусловно, скажется на цивилизационной идентичности россиян.

Литература

1. Бажов, С. И. К вопросу о российской цивилизационной идентичности / С.И. Бажов // Вестник славянских культур. – 2021. – № 62. – С. 113–119.
2. Вальцев, С.В. Российский менталитет и психотип как контртип американских менталитета и психотипа / С.В. Вальцев // Проблемы Науки. – 2012. – № 4 (4). – С. 71–76.
3. Елдин, М.А. Традиции духовности Византии и России в контексте философии традиционализма XX столетия / М.А. Елдин, А.В. Ширшов // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2023. – № 1 (61). – С. 87–94.
4. Мамедова, Т.Ш. Трансформация менталитета в современном российском обществе / Т.Ш. Мамедлова // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 12. – С. 129–134.
5. Митряева, М.Н. Трансформация представлений о нормах и ценностях в современном российском обществе /М. Н. Митряева // Скиф. – 2021. – № 5 (57). – С. 468–472.
6. Мустакимов, А.В. Периодизация эволюции политического сознания россиян в постсоветский период: структурообразующие концепты / А.В. Мустакимов // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 10. – С. .118–123.
7. Печкуров, И.В. Демонстративное потребление в контексте влияния кризисных периодов / И.В. Печкуров // Гуманитарий Юга России. – 2022. – № 5. – С. 134–144.
8. Писманик, М.Г. Верующие и неверующие: взаимопонимание / М.Г. Писманик // Миссия конфессий. – 2023. – № 67. – С. 12–24.
9. Подгорный, А.С. Преемственность и изменения в общественно-политических ценностях российского общества / А.С. Подгорный // Вестник науки. – 2024. – № 5 (74). – С. 811–818.
10. Пьянкова, В.В. Особенности российского менталитета / В.В. Пьянкова, А.В. Кукарцев // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2012. – № 8. – С. 190–191.
11. Рассадина, Т.А. Ценности россиян в условиях общества риска /Т. А. Рассадина // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. – 2013. – № 1. – С. 47–53.
12. Расторгуев, С.В. Ценности российской молодежи как элемент политической культуры общества / С.В. Расторгуев // Власть. – 2022. – № 4. – С. 105–110.
13. Теплых, Н.В. Специфика духовной сферы российского социума как социально-философский концепт / Н.В. Теплых // Наука. Искусство. Культура. – 2021. – № 2 (30). – С. 179–188.
14. Тюков, Н.А. Концептуальное восприятие ценностей российской молодежью: возрастная, половая и территориальная дифференциация / Н.А. Тюков, В.Л. Шаповалов, Е.Р. Никулин // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2024. – № 1. – С. 82–95.
15. Федотова, В.А. Детерминанты жизнестойкости у трех поколений современной России / В.А. Федотова // Российский психологический журнал. – 2020. – № 1. – С. .74–91.

VALUE BASES OF RUSSIAN CIVILIZATIONAL IDENTITY

Bondarev V.G.
Russian State University of Justice

The article introduces the concept of “civilizational identity” and describes the mechanism of its formation. It is concluded that civilization can be assessed and described following the “axes” “materialism – spirituality”, “collectivism – individualism”. The opposition “materialism – spirituality” is considered in the context of the value spectrum of Russians. The focus of Russian civilization on spiritual tradition is noted; the role of religion in the formation and retransmission of the values of Russians is outlined. Orthodoxy played a significant influence on the formation of spiritual values in Russian society. The nature of the values of Russians in the Soviet period and at the current moment is indicated. The manifestations and origins of collectivism in Russian civilizational identity are described. The problem of generational change and transformation (destruction) of value orientations of Russians in the context of Westernization is analyzed.

Keywords: civilizational identity, values, Russia, mentality, globalization, traditional values, collectivism, individualism, collabority, spirituality, irrationality

References

1. Bazhov, S.I. On the issue of Russian civilizational identity / S.I. Bazhov // Bulletin of Slavic Cultures. – 2021. – No. 62. – pp. 113–119.
2. Valtsev, S.V. Russian mentality and psychotype as a countertype to American mentality and psychotype / S.V. Valtsev // Problems of Science. – 2012. – No. 4 (4). – pp. 71–76.
3. Eldin, M.A. Traditions of spirituality of Byzantium and Russia in the context of the philosophy of traditionalism of the 20th century / M.A. Eldin, A.V. Shirshov // Humanitarian: current problems

of humanitarian science and education. – 2023. – No. 1 (61). – pp. 87–94.
4. Mamedova, T. Sh. Transformation of mentality in modern Russian society / T. Sh. Mamedlova // Social and humanitarian knowledge. – 2017. – No. 12. – pp. 129–134.
5. Mitryaeva, M.N. Transformation of ideas about norms and values in modern Russian society / M.N. Mitryaeva // Scythian. – 2021. – No. 5 (57). – pp. 468–472.
6. Mustakimov, A.V. Periodization of the evolution of the political consciousness of Russians in the post-Soviet period: structure-forming concepts / A.V. Mustakimov // Social and humanitarian knowledge. – 2023. – No. 10. – pp. 118–123.
7. Pechkurov, I.V. Conspicuous consumption in the context of the influence of crisis periods / I.V. Pechkurov // Humanitarian of the South of Russia. – 2022. – No. 5. – pp. 134–144.
8. Pismanik, M.G. Believers and non-believers: mutual understanding / M.G. Pismanik // Mission of confessions. – 2023. – No. 67. – P. 12–24.
9. Podgorny, A.S. Continuity and changes in the socio-political values of Russian society / A.S. Podgorny // Bulletin of Science. – 2024. – No. 5 (74). – pp. 811–818.
10. Pyankova, V.V. Peculiarities of the Russian mentality / V.V. Pyankova, A.V. Kukartsev // Current problems of aviation and astronautics. – 2012. – No. 8. – pp. 190–191.
11. Rassadina, T.A. Values of Russians in a risk society / T.A. Rassadina // Izv. Sarat. University of Nov. ser. Ser. Sociology. Political science. – 2013. – No. 1. – P. 47–53.
12. Rastorguev, S.V. Values of Russian youth as an element of the political culture of society / S.V. Rastorguev // Power. – 2022. – No. 4. – P. 105–110.
13. Teplykh, N.V. Specificity of the spiritual sphere of Russian society as a socio-philosophical concept / N.V. Teplykh // Science. Art. Culture. – 2021. – No. 2 (30). – pp. 179–188.
14. Tyukov, N.A. Conceptual perception of values by Russian youth: age, gender and territorial differentiation / N.A. Tyukov, V.L. Shapovalov, E.R. Nikulin // Scientific result. Social and humanities studies. – 2024. – No. 1. – pp. 82–95.
15. Fedotova, V.A. Determinants of resilience in three generations of modern Russia / V.A. Fedotova // Russian psychological journal. – 2020. – No. 1. – pp. 74–91.

Военные угрозы безопасности Союзного государства на современном этапе

Столяров Александр Николаевич,
к.в.н., старший научный сотрудник Центра военно-стратегических исследований Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, генерал-лейтенант запаса
E-mail: koltco08@mail.ru

Козлов Дмитрий Валерьевич,
к.п.н., доцент кафедры информационного обеспечения Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, полковник запаса
E-mail: plamy13@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы обеспечения военной безопасности Союзного государства, факторы, оказывающие негативное воздействие на ее состояние и развитие военно-политической обстановки в целом, вытекающие из нее военные угрозы и опасности, а также меры, необходимые для их нейтрализации.

Ключевые слова: Союзное государство, военная безопасность, военные угрозы, военные опасности, НАТО.

В соответствии со статьей 18 Договора о создании Союзного государства, подписанного 08 декабря 1999 года президентами России и Беларуси совместная оборонная политика, координация деятельности в области военного строительства, развитие вооруженных сил государств-участников, совместное использование военной инфраструктуры и принятие других мер для поддержания обороноспособности Союзного государства, относятся к совместному ведению двух государств [1].

Проблема обеспечения безопасности сегодня занимает центральное место в общей интеграционной повестке. В широком понимании эта сфера охватывает все остальные направления интеграционного взаимодействия, поскольку и финансово-экономические, и социальные, и культурно-гуманитарные, и иные интеграционные цели и задачи невозможно решить без обеспечения надежной защищенности национальных интересов двух государств от внешних и внутренних угроз.

Еще более актуально это в условиях нынешней военно-политической обстановки и вытекающих из нее военных угроз и опасностей.

Попытки США и их сателлитов на протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. проводить внешнюю политику руководствуясь исключительно своими интересами, без оглядки на международное право и интересы других государств, привели к нарастанию конфронтации в большинстве регионов мира, и, в первую очередь, на европейском континенте непосредственно у границ Союзного государства.

Сам факт сближения двух государств, интеграция финансовых и экономических потенциалов России и Белоруссии, выработка единой внешней политики и единых подходов к обеспечению военной безопасности, противоречит интересам так называемого коллективного запада и вызывает негативную оценку, и активное противодействие. На разных этапах это выражалось в попытках игнорировать упоминание Союзного государства как такового в общественно-политическом дискурсе, до прямого осуждения на высоком политическом уровне как, например, в октябре 2021 года. Тогда Европарламент принял резолюцию, в которой впервые открыто осудил интеграционные процессы между Москвой и Минском по созданию Союзного государства.

Данное заявление было сделано в преддверии 04 ноября 2021 г., когда Президенты России и Белоруссии подписали интеграционный декрет Союзного государства, по сути не менее важный документ, чем Договор о создании Союзного государства. Декрет утверждает 28 союзных программ, а также основные направления реализации положений Договора на 2021–2023 гг.

В своем стремлении противодействовать любым интеграционным процессам на постсоветском пространстве коллективный запад использовал практически весь арсенал невоенных мер:

– санкционное давление на экономики и финансовый сектор государств;
– информационно-психологическое воздействие на население через СМИ и социальные сети с целью дискредитации военно-политического руководства России и Белоруссии;

– создание условий для международной изоляции и дипломатические демарши на площадках международных организаций;
– попытки использовать протестный потенциал управляемой оппозиции для дестабилизации внутриполитической обстановки и организации «цветных революций» и т.д.

Отсутствие существенных результатов от невоенных мер, принимаемых США и их союзниками в сдерживании дальнейшей интеграции России и Беларуси в рамках Союзного государства вынуждает все более задействовать свой военный потенциал и возможности союзников, что оказывает негативное воздействие на военную безопасность Союзного государства.

К настоящему времени *основным негативным фактором* развития военно-политической обстановки на границе Союзного государства остается стремление США и их союзников к сохранению однополярной модели построения мира и глобальному влиянию на мировую экономику и финансы с опорой на военную силу.

США продолжат реализацию стратегии сдерживания в отношении России и Белоруссии, и Союзного государства в целом, через поддержание с помощью союзников напряженности, нестабильности и конфронтации в Европе. Главными инструментами антироссийской политики остаются экономические санкции, гонка вооружений, наращивание военной инфраструктуры НАТО и поддержание нестабильности по периметру границ Российской Федерации.

Конфликт на Украине будет оставаться для США приоритетным направлением для оказания военного давления не только на Россию, но и на Беларусь.

Несмотря на некоторое снижение внимания в связи с конфликтом на Ближнем Востоке, США сохраняют свое военное, финансовое и экономическое влияние на военно-политическое руководство Украины и на сам конфликт в целом. По сути он является прокси-войной США и их союзников против России, и позволяет оказывать существенное военное давление как на Россию, так и на Беларусь.

Таким образом в перспективе дальнейшие действия США и их союзников будут формировать целый ряд *военных угроз и опасностей* для безопасности Союзного государства. К основным из них следует отнести следующее.

Расширение присутствия войск (сил) НАТО в Европе за счет принятия или втягивания по «партнерским программам» новых членов.

Финляндия долгое время придерживалась политики военного неприсоединения и политического консенсуса. После начала Специальной операции РФ на Украине (в середине мая 2022 г.) ее позиция изменилась. Вместе со Швецией она официально заявила о стремлении стать членом НАТО. Обе страны подтвердили готовность и способность исполнять юридические, политические и военные обязательства наряду с обязательствами членства. Были подписаны договоры о присоединении новых союзников. Но только в отношении Финляндии ратифицировали Протокол все стороны Североатлантического альянса, и она завершила присоединение к нему в апреле 2023 г. Тем самым протяженность границы НАТО и России выросла примерно вдвое – до 2600 км (ранее суммарная протяженность сухопутных границ с Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей и Норвегией составляла около 1260 км). Республика Беларусь имеет общую границу с НАТО в лице её стран-участниц Польши, Литвы и Латвии протяжённостью около 1200 км.

Наращивание и совершенствование сил и средств НАТО на Европейском ТВД, в первую очередь за счет усиления присутствия на территории восточноевропейских государств и новых стран-членов альянса.

В настоящее время НАТО рассматривает восточноевропейский регион как наиболее вероятный театр военных действий.

Если в апреле 2022 года руководство НАТО заявляло о примерно 40 тыс. военнослужащих, то уже в июне генеральный секретарь Североатлантического альянса Й. Столтенберг заявил об усилении сил быстрого реагирования НАТО и увеличим их численность до более чем 100 тыс.

В непосредственной близости от границ Союзного государства размещены около 360 тысяч военнослужащих и порядка 8 тысяч единиц бронетехники стран НАТО, 6 тысяч артиллерийских систем и минометов, 650 самолетов и вертолетов. Численность формирований внерегиональных государств Североатлантического блока с прошлого года возросла в 2,5 раза и превысила 30 тысяч.

Совершенствование оперативного оборудования территории у границ Союзного государства, включая развитие аэродромной сети и мест базирования авиационных носителей ядерного оружия и мест его хранения.

Так, например, в открытых источниках указывается на размещение США около 150 ядерных боеприпасов на авиабазах в Европе, среди которых Германия (Бюхель), Италия (Авиано и Геди), Бельгия (Кляйне Брогель), Нидерланды (Волкель) и Турция (Инджирлик).

В марте 2023 г. представителями военно-политического руководства Польши были сделаны заявления о готовности участвовать в программах НАТО по ядерному сдерживанию, т.е. о готовности разместить на своей территории ядерное оружие и его носителей – партнеров, в первую очередь США.

Еще в июне 2022 г. государствами-членами НАТО была принята Стратегическая концепция, которая определяет курс альянса до 2030 г. В ней определено, что стратегические ядерные силы НАТО, особенно США, являются высшей гарантией безопасности НАТО. Независимые стратегические ядерные силы Соединенного Королевства и Франции играют собственную сдерживающую роль и вносят значительный вклад в общую безопасность Североатлантического альянса. При этом НАТО «предпримет все необходимые шаги для обеспечения надежности, эффективности, безопасности и защищенности миссии ядерного сдерживания» [3].

Усиление разведывательной деятельности вблизи границ Союзного государства.

НАТО продолжает усиливать свои разведывательные возможности вблизи границ Союзного государства разворачивая разведывательные центры на территории Восточной Европы, увеличивая интенсивность полетов разведывательной авиации, используя все виды разведки в своих интересах.

Усиление разведывательно-диверсионной и подрывной деятельности на объектах критически важной инфраструктуры, где основное внимание будет уделено топливно-энергетической инфраструктуре и объектам ядерной энергетики.

Диверсия на Северном потоке-2, попытки нанесения ударов по Запорожской АЭС показывает стремление США пресечь любыми доступными средствами оставшееся энергетическое сотрудничество между Европой и Россией.

Украинские спецслужбы под руководством западных кураторов активно используют социальные сети и мессенджеры для вербовки граждан России и Беларуси для совершения террористических актов и подрывных дей-

ствий на объектах критически важной инфраструктуры и руководства их действиями.

Подталкивание военно-политического руководства Украины и Польши к провокационным действиям, направленным на прямое втягивание Белоруссии в конфликт между Украиной и Россией.

Среди факторов, обуславливающих формирование угрозы со стороны Польши называют: увеличение военных расходов в текущем году почти до 3% ВВП и до 4% – в следующем, что в два раза превышает установленный НАТО рекомендованный размер расходов; форсированное перевооружение польской армии, которая в том числе получит американские танки Abrams, реактивные системы залпового огня HIMARS и другую технику; увеличение численности вооруженных сил до 300 тыс. к 2035 году, что в два раза больше, чем сейчас; дальнейшее размещение на ее территории войск (сил) НАТО; формирование военизированных формирований для разведывательно-диверсионной деятельности на территории Белоруссии, создание «подпольных экстремистских ячеек».

Несмотря на то, что в настоящее время основные усилия вооруженных сил Украины сосредоточены на востоке страны, против Республики Беларусь сосредоточена украинская группировка «Север» с численностью до 120 тыс. военнослужащих, из них 17 тыс. человек привлекаются в интересах усиления охраны госграницы. Украинская сторона также привлекает добровольческие формирования для выполнения задач вблизи границы с Белоруссией. Кроме того, на границе регулярно отмечаются ряд мелких провокаций и провокационных действий, основными из которых являются информационно-психологические акции, направленные на белорусских военнослужащих и использование беспилотных летательных аппаратов для нарушения воздушного пространства.

Увеличение количества и масштабов мероприятий боевой и оперативной подготовки в Восточной Европе.

Практически все они в своих сценариях имеют антироссийскую и антибелорусскую направленность. Только в 2023 г. у границ Союзного государства проведено значительное число учений и маневров, основными из которых стали Steadfast Defender в Германии, Польше и странах Балтии в феврале и марте, Defender Europe в которых приняли участие в общей сложности 18 тысяч военнослужащих из более чем 20 стран, включая, помимо США, Великобританию, Германию, Францию, Швецию, Данию и, конечно, Польшу. В Swift Response было задействовано 9 тысяч военных из 17 стран.

В Agile Spirit 2023 года на территории Грузии впервые участвовала сводная бригада Литвы, Польши и Украины (LITPOLUKR Brigade).

В начале 2024 года у границ Союзного государства проведено более двадцати различных учений ОВС НАТО. Одними из крупнейших учений альянса в Европе стали Steadfast Defender-24. В них приняли участие более 100 тыс. военнослужащих из 32 стран, где Польше отведена ключевая роль. Одновременно организованы еще 16 национальных учений: на территории Польши – Dragon-24. В них приняли участие 15 тыс. польских военных и 5 тыс. из США и других стран НАТО. Параллельно с Steadfast Defender-24 проводились Brilliant Jump-24 с задействованием Объединенной оперативной группы повышенной готовности НАТО.

Кроме того, в настоящее время продолжается деградация международной системы контроля над вооружением, режимом нераспространения ядерного оружия и ракетных технологий. Усилилась гонка обычных вооружений, обострилась борьба за рынки сбыта вооружений и военной техники. Активизировалась деятельность по милитаризации космоса и киберпространства [2].

Таким образом, все это потребует принятия ряда мер и контрмер для нейтрализации и противодействия данным угрозам и опасностям военной безопасности Союзного государства. К основным из них следует отнести:

– обновление ряда документов стратегического планирования Союзного государства. В первую очередь разработки и принятия Стратегии безопасности и обновления Военной доктрины Союзного государства, с учетом изменений характера военно-политической обстановки и возникновения новых угроз и опасностей. Разработка и принятие данных документов должна выполнять не только планирующую роль, но и служить одним из факторов стратегического сдерживания, демонстрируя способность, готовность и последовательность реагировать на формируемые угрозы со стороны Запада;
– дальнейшее развитие военного, военно-технического сотрудничества и реализацию союзных программ в области обороны и безопасности. Совместная подготовка военных кадров и специалистов, проведение различных мероприятий боевой, оперативной и мобилизационной готовности, должны носить отчасти открытый характер и широкое освещение в СМИ и новых медиа;
– совершенствование стратегических ядерных сил Российской Федерации, как основного фактора, гарантирующего безопасность Союзного государства. Проведение учений и тренировок ядерных сил должно также носить отчасти открытый характер и освещаться в СМИ;
– развитие объединённой группировки войск (сил), совершенствование форм и способов их применения, а также совершенствование работы органов военного управления;
– усиление совместной деятельности Вооруженных Сил со специальными службами и органами внутренних дел меры по противодействию терроризму и экстремизму, подрывной деятельности на территории Союзного государства;
– усиление защиты информационного пространства, как от информационно-психологического воздействия на граждан, так и информационной инфраструктуры от информационно-технического мер противника.

Литература

1. Договор о создании Союзного государства // Правовой портал Союзного государства. – URL: https://посткомсг.рф/documentation/document/385/ (дата обращения: 11.03.2024).
2. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / под общей ред. А.С. Коржевского. – М.: Изд-во РГГУ, 2021. – 562 с.
3. NATO STRATEGIC CONCEPT 2022 // Официальный сайт NATO. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (дата обращения: 11.03.2024).

THREATS TO THE MILITARY SECURITY OF THE UNION STATE AT THE PRESENT STAGE

Stolyarov A.N., Kozlov D.V.

Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article deals with the problems of ensuring the military security of the Union State, the factors that have a negative impact on its state and the development of the military-political situation as a whole, the military threats and dangers arising from it, as well as the measures necessary to neutralize them.

Keywords: Union State, military security, military threats, military dangers, NATO.

References

1. The Treaty on the Establishment of the Union State // The legal portal of the Union State. – URL: https://посткомсг.рф/documentation/document/385 / (date of request: 11.03.2024).
2. Projected challenges and threats to the national security of the Russian Federation and the directions of their neutralization / under general ed. A.S. Korzhevsky. – M.: Publishing House of the Russian State University, 2021. – 562 p.
3. NATO STRATEGIC CONCEPT 2022 // Official website of NATO. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (date of application: 11.03.2024).

Исследование текущей ситуации и стратегии китайско-российского сотрудничества в области лесного хозяйства в рамках инициативы «Один пояс, Один путь»

Сунь Ин,
доцент, Ляонинский институт внешней торговли и экономики, научно-исследовательский проект Ляонинского института внешней торговли и экономики «Сравнительный анализ китайской и российской лесной терминологии в контексте «Пояса и пути»
E-mail: 70295288@qq.com

Россия является важной страной-партнером китайской инициативы “Один пояс и одна дорога” и важной частью “Экономического пояса Шелкового пути”. Россия занимает одно из ведущих мест в мире по запасам лесных ресурсов и долгое время была важнейшим источником импорта древесины из Китая. В данной статье рассматриваются ключевые направления, субъекты сотрудничества и основные регионы китайско-российского сотрудничества в области лесных ресурсов. В данной статье анализируются ключевые направления китайско-российского сотрудничества в области лесных ресурсов, основные субъекты и регионы сотрудничества, направления китайско-российской торговли лесными ресурсами, каналы транспортировки и проблемы, существующие в китайско-российском сотрудничестве в области лесных ресурсов. Схема китайско-российского сотрудничества в области лесных ресурсов анализируется в контексте истории и реальности. В ней были разъяснены ресурсный потенциал, ключевые области, в которых возможно сотрудничество, и возможные модели развития сотрудничества в области лесного хозяйства между Китаем и Россией в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

Ключевые слова: один пояс один путь, китайско-российское сотрудничество, ресурсный потенциал, лесное хозяйство, российский бизнес, китайский бизнес, стратегическое партнерство, российские компании, китайские компании, сотрудничество в области лесного хозяйства.

Введение

В последние десятилетия устойчивое лесное хозяйство становится критически важным для глобальной экологии и экономики. Инициатива «Один пояс, один путь», запущенная Китаем, открыла новые перспективы для международного сотрудничества в различных отраслях, включая лесное хозяйство. Китайско-российское сотрудничество в этой сфере, обладая значительным потенциалом, приобретает особое значение для обеих стран и глобального сообщества.

Целью данного исследования является проведение комплексного анализа текущего состояния китайско-российского сотрудничества в области лесных ресурсов, выявление экологических последствий такого сотрудничества и потенциальных возможностей их устранения. Анализ также включает изучение перспектив развития и стратегий адаптации сотрудничества с учетом современной экологической и экономической ситуации.

Научная новизна исследования состоит в систематическом подходе к анализу китайско-российского сотрудничества в контексте лесного хозяйства на основе новейших данных и подходов. Впервые исследуются экологические последствия данной кооперации и предлагаются конкретные решения для их минимизации. Особое внимание уделяется стратегиям, которые способны обеспечить устойчивое развитие двухсторонних отношений в данной отрасли.

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленных целей исследования использованы количественные и качественные методы анализа. В качестве основных источников данных применялись официальные документы, статистические отчёты, а также материалы информационных агентств и научные публикации. Анализ проводился с использованием методов сравнительно-исторического анализа, SWOT-анализа для оценки сильных и слабых сторон сотрудничества, а также метода экспертных оценок для прогнозирования развития двусторонних отношений в контексте лесного хозяйства.

Таким образом, представленное исследование предоставляет всесторонний обзор текущей ситуации и перспектив китайско-российского сотрудничества в области лесного хозяйства, освещая его экологические аспекты и стратегические направления развития.

Результаты и обсуждения

Оценка текущей ситуации в китайско-российском сотрудничестве в области лесных ресурсов

Китайско-российское сотрудничество в области лесных ресурсов началось в конце 1980-х годов. В основном это торговля лесоматериалами в форме бартера. Масштабы предприятий невелики, нормативные акты несовершенны, а сотрудничество не стандартизировано. Однако масштабы торговли быстро растут и в основном характе-

ризуются большим количество импортированных бревен из Китая. В настоящее время сотрудничество в области освоения лесных ресурсов между Китаем и Россией перешло от низкоуровневой бартерной торговли древесиной к ориентированной на рынок торговле древесиной, заготовке и пересадке древесины, глубокой переработке древесины, строительству лесопромышленных парков, предотвращению лесных пожаров и другим областям сотрудничества. В последние годы инвестиционные проекты в России переориентировались на отделку сырьем, включая целлюлозу, плиты высокой плотности, комплекты мебели, комплексные деревянные дома и т.д. [19].

На российской стороне в основном базируются 47 лесопромышленных холдингов, сформированных Государственной корпорацией лесной промышленности, и более 600 местных лесопромышленных компаний, а также сотни агентств по торговле лесом, которые установили партнерские отношения с китайскими компаниями. На китайской стороне действуют крупные государственные лесохозяйственные группы, китайские частные инвестиционные компании и китайские индивидуальные мелкие предприятия по заготовке, переработке и торговле древесиной. Согласно статистике Министерства торговли, в 2015 году основными странами для зарубежных инвестиций в китайское лесное хозяйство были Россия, Габон, Канада, Лаос, Камбоджа, Новая Зеландия, Грузия и Гайана. Частные предприятия являются источником инвестиций, на их долю приходится 95% инвестиций, в то время как на государственные предприятия приходится всего 4,8%; Россия является крупнейшей страной, принимающей инвестиции, с объемом инвестиций в размере 22,98 млрд долларов США, что составляет 76% от общего объема инвестиций [20].

Основные регионы китайско-российского сотрудничества. С российской стороны основными направлениями китайско-российского сотрудничества в области лесных ресурсов являются Красноярский край, Иркутская область, Республика Бурятия, Читинская область, Амурская область, Хабаровский край, Приморский край и Иудея в Сибири и на Дальнем Востоке.Этих регионы богаты лесными ресурсами. Вдоль Транссибирской магистрали и железной дороги Беа сосредоточено большое количество российских предприятий лесной промышленности и большое количество крупных центров деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности [21]. Что касается Китая, то он в основном опирается на такие портовые города, как Маньчжурия и Эрлианхот во Внутренней Монголии, Суйфэньхэ и Дуннин в провинции Хэйлунцзян и Хуньчунь в провинции Цзилинь. Здесь расположено большое количество лесоперерабатывающих, торговых и перевалочных баз, и они расположены на северо-востоке, Севере Китая, Северо-западе, Востоке Китай и другие страны. С открытием поезда Китай-ЕС и строительством центра распределения древесины в порту Тайцан, провинция Цзянсу, российские лесные ресурсы постепенно перетекли в прибрежные районы Китая и юго-западные регионы, а сфера сотрудничества постепенно расширилась.

Поговорим также об эффективности сотрудничества. Согласно статистике Министерства коммерции [22], общий объем торговли лесной продукцией между Китаем и Россией в 2016 году составил около 55,7 млрд долларов США. В настоящее время более 200 финансируемых Китаем предприятий осуществляют инвестиционное сотрудничество в области лесного хозяйства в России с общим объемом инвестиций более 33 млрд долларов США. Было построено более 10 лесохозяйственных кооперативных парков определенного масштаба, что позволило создать более 20 000 рабочих мест на местном уровне.

С момента появления статистических данных в 1997 году масштабы торговли лесными ресурсами между Китаем и Россией быстро росли: с 2222 млн долларов США в 1997 году до 1,946 млрд. долларов США в 2005 году и 33,647 млрд. долларов США в 2014 году. По сравнению с 1997 годом объем торговли увеличился в 7,75 раза и 15,4 раза соответственно. Долгое время российские лесные ресурсы поступали в Китай практически в одном направлении, то есть импорт российской древесины в Китай значительно превышает ее экспорт.

Поток лесных ресурсов между Китаем и Россией в основном сосредоточен на исходных продуктах или продуктах грубой обработки, таких как бревна, пиломатериалы, древесная масса, газетная бумага, а также картон и бумага, отличная от газетной бумаги. Общий объем импорта вышеупомянутых товаров вырос с 2220 млн долларов США в 1997 году до 33,31 млрд. долларов США в 2014 году, составив более 99% от общего объема импорта в течение длительного времени, и только в отдельные годы он превышал 97%.Среди них бревна, пиломатериалы и древесная масса уже давно составляют около 95% от общего объема импорта. Однако объем экспорта бревен, пиломатериалов, целлюлозы и т.д. очень мал и практически ничтожен по сравнению с объемом импорта.

В импортной и экспортной торговле лесными ресурсами в Россию также присутствует небольшое количество деревянных полуфабрикатов или готовой продукции, таких как древесная щепа, тонкие пластины, гранулированные плиты, ДВП, фанера и т.д., доля импорта и экспорта составляет менее 1%, а доля в отдельные годы этот показатель составляет 1,04% и 2,23% соответственно, что оказывает очень незначительное влияние на общую структуру торговли древесиной.Среди них в основном импортируются древесная щепа и тонкие пластины, в основном экспортируются древесностружечные плиты, гранулированные плиты, плиты из древесных опилок и фанера, а древесноволокнистые плиты идут исключительно на экспорт.

Если говорить об основных каналах китайско-российского сотрудничества в области лесных ресурсов, то прежде всего следует отметить сухопутные порты. Большая часть российской древесины доставляется в Китай по железной дороге и суше. Основными портами являются Маньчжурия, Эрлианхот и Суйфэньхэ. На валюту этих трех стран приходится более 90% всего импорта и экспорта [23–25]. Помимо трех вышеперечисленных мест, есть также такие порты, как Алашанькоу в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и Хуньчунь в провинции Цзилинь. В Цзяине, Тунцзяне, Фуюане, Хэйхэ, Раохэ, Хулине, Дуннине и других местах китайской провинции Хэйлунцзян также ведется нерегулярная мелкая торговля. Маньчжурийский Рынок торговли лесоматериалами является крупнейшим рынком комплексных услуг по продаже лесоматериалов в Китае. Его услуги охватывают: переработку древесины, торговлю лесоматериалами, логистику и складирование, онлайн-торговлю, таможенные склады для импортной лесоматериалов, кредиты под залог лесных складов, управление недвижимостью и другие услуги.

При этом на тихоокеанском побережье Дальнего Востока России расположены 32 морских порта, расположенных с юга на север. Среди них порты с пропускной способностью для транспортировки древесины – порт Дунфан, порт Находка, порт Владивосток в Приморском крае, порт Ванино в Хабаровском крае, порт Петропавловск в Камчатской области, порт Корсаков в Сахалинской области, и т.д. [26,27] Импорт российской древесины из порта Тайцан в провинции Цзянсу, Китай, сохра-

нил хорошие темпы развития и в настоящее время стал крупнейшим портом для импорта российской древесины по китайскому морскому пути.

Анализ экологических последствий китайско-российского сотрудничества в области лесного хозяйства, возможные пути их устранения

Китайско-российское сотрудничество в лесном хозяйстве, развивающееся в рамках инициативы «Один пояс – один путь», представляет собой важный элемент экономической и стратегической интеграции между двумя странами. Однако реализация этих совместных проектов также сопровождается сложными экологическими вызовами, которые требуют тщательного анализа и принятия мер по их минимизации.

Одной из главных проблем является вырубка лесов в Сибири и Дальнем Востоке России для обеспечения китайской промышленности древесиной. Масштабы этой деятельности вызывают опасения относительно потенциала истощения лесных ресурсов и нарушения природных экосистем. В числе негативных последствий экологическая деградация почвы, утрата биологического разнообразия и изменение местного климата. Китайские компании, действующие в российских регионах, нередко сталкиваются со сложностями в плане соблюдения экологических стандартов и нормативов.

Чтобы смягчить негативное воздействие, Китай и Россия вводят и совершенствуют различные меры экологического регулирования. Например, одним из ключевых шагов стало усиление мониторинговых программ и проверок на соблюдение экологических норм. Введение систем спутникового наблюдения за лесными массивами позволяет оперативно выявлять незаконные вырубки и принимать соответствующие меры. Помимо этого, разрабатываются программы восстановления лесной среды, включающие обязательное лесовосстановление на участках, где велась промышленная заготовка древесины.

Одной из проблем, с которыми сталкиваются китайские компании, является недостаток инфраструктуры для устойчивого лесопользования. Введение передовых технологий и методов управления лесными ресурсами может значительно улучшить ситуацию. Китайские лесные предприятия переходят к использованию техники и методов, снижающих ущерб для экосистем: от проведения выборочных вырубок до внедрения систем управления отходами лесопильного производства. Успешные проекты демонстрируют возможность переработки древесных отходов в биотопливо, что способствует уменьшению углеродного следа.

Еще одним ключевым аспектом является необходимость социального вовлечения и обучения местных сообществ для обеспечения устойчивого управления лесами. Китайские и российские компании инициировали совместные образовательные программы и проекты, направленные на повышение квалификации работников лесной отрасли, распространение знаний об экологически безопасных методах ведения лесного хозяйства.

К примеру, китайская компания «Сенлин», работающая в Амурской области, реализовала проект по созданию местного ресурсного центра, где проводятся тренинги и семинары для работников лесопромышленного комплекса. В рамках этих мероприятий акцент делается на внедрение природоохранных технологий и методов рационального использования лесных ресурсов. Такие инициативы способствуют формированию экологоориентированных бизнес-процессов и повышению уровня экологической ответственности среди всех участников процессов.

Таким образом, китайско-российское сотрудничество в области лесного хозяйства в рамках инициативы «Один пояс – один путь» имеет значительный потенциал для экономического роста и укрепления двусторонних связей. Однако для устойчивого развития данного сотрудничества необходимо продолжать разработку и внедрение экологических мер, направленных на снижение негативного воздействия на природные экосистемы, что будет способствовать сохранению биологического разнообразия и поддержанию экологического баланса в долгосрочной перспективе.

Потенциал развития китайско-российского сотрудничества в области лесных ресурсов и стратегия адаптации

Начнем с того, что к концу 2015 года общая площадь лесов в России составляла 815 млн км2, уровень лесистости – 47,73%, а площадь лесов на душу населения – 5,2 км2. Леса России в основном находятся в государственной собственности. Площадь лесов, находящихся под юрисдикцией Российской лесной службы, составляет около 94% от общей площади лесов страны, а с точки зрения накопления, на нее приходится около 91% от общего объема накоплений в стране. Леса, принадлежащие колхозам и совхозам, составляют 4% от общей площади лесов страны. Площадь и накопление лесных ресурсов в России неуклонно растут. Площадь лесов увеличилась с 809 млн км2 в 1990 году до 815 млн км2 в 2015 году. Лесонасаждения увеличились с 80,04 млрд м3 в 1990 году до 81,488 млрд. м3 в 2015 году.

Совершенно очевидно, что Китай стал крупнейшим в мире потребителем лесной продукции. В 2013 году Китай по промышленному потреблению бревен уступал только Соединенным Штатам, составляя 13% от общего объема мирового потребления; потребление пиломатериалов занимало первое место, составляя 21% от общего объема мирового потребления, потребление древесных плит занимало первое место, составляя 45% мирового потребления. общее потребление; потребление целлюлозы заняло второе место, составив 18% от общего мирового потребления, потребление переработанной бумаги и картона заняло первое место, составив 36% от общего мирового потребления, потребление бумаги и картона заняло первое место, составив 26% от общего мирового потребления [30]. Китай также стал крупнейшим в мире импортером лесной продукции, особенно бревен, пиломатериалов, целлюлозы, переработанной бумаги и картона, которые занимают первое место в мире и на долю которых приходится половина всего мирового импорта. 36%, 21%, 30%, 53%. Проведите конкретный анализ различий в спросе и предложении на бревна, пиломатериалы и древесную массу, пользующиеся наибольшим потребительским спросом в Китае, и сравните их с соответствующими экспортными возможностями России. Можно увидеть, что рыночный потенциал сотрудничества между Китаем и Россией по основным ресурсам древесины невелик.

В связи с расширением спроса на китайском рынке и изменением спроса на различные виды древесины Китай также импортирует большое количество лицензированной лесоматериалов, полуфабрикатов и готовой продукции из других стран, помимо России. В основном это Новая Зеландия, Канада, Вьетнам, Соединенные Штаты, Австралия, Папуа – Новая Гвинея, Таиланд, Соломоновы острова, Индонезия, Малайзия и др. Несмотря на региональную диверсификацию импортируемых Китаем лесных ресурсов, общий объем важных лесных ресурсов (бревен, пиломатериалов и древесной массы), импортируемых из России, по-прежнему занимает первое место, а Россия по-прежнему является самым важным

партнером Китая по лесным ресурсам. Согласно данным, представленным в Ежегоднике лесного хозяйства Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (2015), объем экспорта основных поставщиков лесной продукции из Китая (бревна, тропические бревна для промышленного использования, пиломатериалы и древесная масса) статистически упорядочен.

В связи с корректировкой российской политики в области лесного хозяйства стратегии инвестиций и сотрудничества между лесным хозяйством Китая и Россией также должны быть своевременно скорректированы, и особое внимание следует уделить ключевым направлениям будущего сотрудничества, областям взаимовыгодного сотрудничества между двумя сторонами и устойчивому сотрудничеству. модели. Сотрудничество в области освоения лесных ресурсов, за которое активно выступает китайское правительство, представляет собой органичное сочетание лесозаготовок, переработки, восстановления и защиты лесов. Его суть заключается в достижении устойчивого развития лесных ресурсов. Благодаря реализации инициативы "Один пояс, один путь" и созданию Евразийского экономического союза Китай и Россия ускоряют сотрудничество в области лесного хозяйства – от импорта простых лесных ресурсов до развития углубленного сотрудничества, представленного строительством лесопромышленных комплексов и индустриальных парков, а также ускоряют развитие лесного хозяйства в России. реализация взаимной выгоды и беспроигрышной ситуации. Китайским предприятиям, инвестирующим в лесное хозяйство и сотрудничающим с Россией, следует уделять больше внимания защите окружающей среды и биологического разнообразия, обеспечивать устойчивое управление, уделять больше внимания интеграции развития предприятий в развитие местного общества, создавать больше возможностей для трудоустройства на местном уровне, а также создавать и поддерживать хороший международный имидж.

Выводы

В заключении можно сделать несколько выводов. Во-первых, Россия – страна с самыми богатыми лесными ресурсами в мире, но уровень лесозаготовок низкий. Площадь лесных ресурсов регионов Дальнего Востока и Сибири составляет 71,95% площади лесов страны, а запасы древесины составляют 65,43% территории страны. Наиболее серьезным является старение лесных ресурсов, и доля спелых лесов составляет 48,7% и 59,8% от общей площади лесов ресурсная зона и запасы, соответственно. Существующий уровень лесозаготовок значительно ниже исторического максимума. Из-за недостаточной инфраструктуры лесной промышленности, отставания в дорожном строительстве, низкого технического уровня и недостаточных инвестиций интенсивность добычи леса слишком низкая, а большое количество зрелых лесов засорено и гниет.

Во-вторых, экспорт российской лесной продукции в основном состоит из бревен и пиломатериалов, а промышленный уровень остается низким. Российский экспорт бревен и пиломатериалов занимает первое и второе место в мире, однако объем экспорта лесной продукции в стоимостном выражении составляет всего 3% от объема мировой торговли древесиной. Доля экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью на мировом рынке торговли древесиной очень низка. лесная промышленность в основном основана на лесозаготовках и грубой переработке лесной продукции, и ей не хватает поддержки со стороны предприятий тонкой переработки и высокотехнологичных отраслей по охране окружающей среды.

В-третьих, Китай стал крупнейшим в мире потребителем лесной продукции. По импорту бревен, пиломатериалов, древесной массы, переработанной бумаги и картона он занимает первое место в мире. Разрыв в потреблении огромен. Китай является важным направлением экспорта лесной продукции из России, Соединенных Штатов, Новая Зеландия, Канада и другие страны.

Литература

1. 陈明珍, 焦海静, 刘燕娜. 中俄木质林产品贸易的现状、新态势 及对策[J]. 中国林业经济, 2014, (4): 38–42. [Chen M Z, Jiao H J, Liu Y N. Status, new situation and countermeasures of China and Russian wood forest product trade [J]. China Forestry Economy, 2014, (4): 38–42.]
2. 唐帅, 宋维明. 中俄林业合作面临的形势和发展趋势[J]. 国际经 济合作, 2013, (11): 52–55. [Tang S, Song W M. The situation and trend of China-Russian forestry cooperation[J]. International Eco nomic Cooperation, 2013, (11): 52–55.]
3. 许俊杰. 论中俄林业经济合作[J]. 中国林业企业, 1996, (6): 16–18. [Xu J J. On Sino-Russian forestry economic cooperation[J]. China Forestry Enterprises, 1996, (6): 16–18.]
4. 钟明, 宋魁. 加强黑龙江省同俄罗斯西伯利亚与远东林业合作 的 思 考 [J]. 林 业 科 技, 1999, (3): 53–55. [Zhong M, Song K. Strengthening the cooperation between Heilongjiang Province and Russia's Siberia and far east forestry[J]. Forestry Science and Tech nology, 1999, (3): 53–55.]
5. 孙托宁. 中俄林业合作的机遇[J]. 国际经济合作, 2000, (11): 57–59. [Sun T N. Opportunities for Sino-Russian forestry cooperation [J]. International Economic Cooperation, 2000, (11): 57–59.]
6. 施坦贝格 A B. 中俄在西伯利亚和远东林业合作的前景[J]. 东 欧中亚市场研究, 2001, (12): 53–54. [Steinberg A B. The prospect of Sino-Russian forestry cooperation in Siberia and the Far East [J]. Eastern and Central Asian Market Research, 2001, (12): 53–54.]
7. 孙建. 中俄林业合作的现状及前景展望[J]. 林业经济, 2003, (2): 56–57. [Sun J. Current situation and prospects of Sino-Russian forestry cooperation[J]. Forestry Economics, 2003, (2): 56–57.]
8. 贾雪池. 俄罗斯森林法典的修订及启示[J]. 林业经济, 2007, (6): 78–80. [Jia X C. Revision and enlightenment of Russian forest code[J]. Forestry Economics, 2007, (6): 78–80.]
9. 宋魁, 李萍. 俄罗斯木材出口关税调整趋势及其对策[J]. 俄罗斯 中亚东欧市场, 2008, (12): 1–5. [Song K, Li P. The trend of Rus sian timber export tariff adjustment and its countermeasures [J]. Russia Central and Eastern Europe Market, 2008, (12): 1–5.]
10. 陈正言, 王继富, 杨雪. 新政策法规对中国东北和俄国远东森工 综合体的影响[J]. 东北林业大学学报, 2008, 36(12): 79–81. [Chen Z Y, Wang J F, Yang X. The impact of new policies and reg ulations on the Northeastern and Russian far east forest industry complex[J]. Journal of Northeast Forestry University, 2008, 36(12): 79–81.]
11. Kopylova E. 俄罗斯木材资源和合理采伐[J]. 国际木业, 2008, (5): 12–13. [Kopylova E. Russian timber resources and rational logging [J]. International Wood Industry, 2008, (5): 12–13.]
12. Canby K. 共建中俄和谐林业与贸易[J]. 国际木业, 2008, (5): 22–22. [Canby K. Building Sino- Russian harmonious forestry and trade[J]. International Wood Industry, 2008, (5): 22–22.]
13. 新华网. 中华人民共和国与俄罗斯联邦关于丝绸之路经济带建 设和欧亚经济联盟建设对接合作的联合声明(全文)

[EB/OL]. (2015–05–09)[2018–09–09]. http: //www. xinhuanet. com//world/ 2015–05/09/c_127780866. htm. [Xinhua Net. Joint Statement be tween the People's Republic of China and the Russian Federation on the Construction of the Silk Road Economic Belt and the Con struction of the Eurasian Economic Union (Full Text) [EB/OL]. (2015–05–09)[2018–09–09]. http: //www. xinhuanet. com//world/ 2015–05/09/c_127780866. htm.]
14. 刘清才，支继超. 中国丝绸之路经济带与欧亚经济联盟的对接 合作-基本架构和实施路径[J]. 东北亚论坛，2016, 25(4): 49–59. [Liu Q C, Zhi J C. The docking cooperation between China Silk Road Economic Belt and Eurasian Economic Union- basic structure and implementation path[J]. Northeast Asia Forum, 2016, 25(4): 49–59.]
15. 冯玉军. 论"丝绸之路经济带"与欧亚经济联盟对接的路径[J]. 欧亚经济, 2016, (5): 15–19. [Feng Y J. On the path of the "Silk Road Economic Belt" and the Eurasian economic union[J]. Eur asian Economy, 2016, (5): 15–19.]
16. 马红丽，李文琪. 关于中俄林业投资合作研究[J]. 全国商情(经 济理论研究), 2015, (20): 34–35. [Ma H L, Li W Q. Research on Sino- Russian forestry investment cooperation[J]. National Business Situation(Economic Theory Research), 2015, (20): 34–35.]
17. 王骅. 中俄两国签署林业合作备忘录[EB/OL]. (2016–06–28) [2018–09–10]. http: //www. forestry. gov. cn/main/195/content883968. html. [Wang W. China and Russia Signed a Memoran dum on Forestry Cooperation[EB/OL]. (2016–06–28) [2018–09–10]. http: //www. forestry. gov. cn/main/195/content- 883968. ht ml.]
18. 李俊枝. 中国东北地区与俄罗斯远东及西伯利亚地区林业合作 研究[J]. 对外经贸, 2015, (7): 46–48. [Li J Z. Research on forest ry cooperation between Northeast China and Russia's Far East and Siberia[J]. Foreign Trade and Economics, 2015, (7): 46–48.]
19. FAO. Yearbook of Forest Products (2015) [EB/OL]. (2017–12–22) [2018–08–09]. http: //www. fao. org/forestry/statistics/en.
20. 国家林业局. 中国林业统计年鉴(2006~2015)[M]. 北京: 中国林 业出版社, 2006–2015. [State Forestry Administration. China For estry Statistical Yearbook (2006~2015) [M]. Beijing: China Forest ry Publishing House, 2006–2015.]
21. 中国出口信用保险公司资信评估中心. 国别投资经营便利化状 况 报 告 (2017) [EB/OL]. (2018–05–16) [2018–09–09]. Http: // Www. Sinosure. Com. Cn/Khfw/Wytb/Tzhzcj/Index. Shtml. [China Export Credit Insurance Corporation Credit Rating Center. Coun try Investment Management Facilitation Status Report (2017) [EB/ OL]. (2018–05–16)[2018–09–09]. Http: //Www. sinosure. com. cn/ khfw/wytb/tzhzcj/index. shtml.]
22. 中国木业信息网. 我国林业海外投资现状[EB/OL]. (2016–07–15)[2018–09–21]. http: //www. wood168. net/woodnews/45778. ht ml. [China Wood Industry Information Network. Status of China's Forestry Overseas Investment [EB/OL]. (2016–07–15)[2018–09–21]. http: //www. wood168. net/woodnews/45778. html.]
23. 阿林娜. 中俄木材贸易发展研究[D]. 沈阳: 东北农业大学, 2014. [Alina G. Sino-Russian Timber Trade Development Study [D]. Shenyang: Northeastern Agricultural University, 2014.]
24. 马晓成，温馨. 中俄林业合作加速走向互惠共赢[EB/OL]. (2017–06–17) [2018–10–07]. https: //cn. apdnews. com/Xin HuaNews/676534. html. [Ma X C, Wen X. Sino-Russian Forestry Cooperation Accelerates toward Mutual Benefit and Win-Win [EB/ OL]. (2017–06–17) [2018–10–07]. https: //cn. apdnews. com/Xin HuaNews/676534. html.]
25. 崔愿， 耿彦斌."一带一路"战略之中俄铁路通道发展对策研究 [J]. 综合运输, 2016, 38(12): 15–22. [Cui Y, Yan Y B. Research on the development of China-Russia railway passage in the "One Belt and One Road" strategy [J]. Comprehensive Transportation, 2016, 38(12): 15–22.]
26. 郭晓琼. 黑龙江边境口岸: 成果与问题[J]. 欧亚经济, 2016, (2): 99–109. [Guo X Q. Heilongjiang border port achievements and problems [J]. Eurasian Economy, 2016, (2): 99–109.]
27. 姜毅. 对发展中俄边境地区口岸经济的思考[J]. 欧亚经济, 2017, (6): 2–15. [Jiang Y. Thinking on the development of port economy in the border areas between China and Russia [J]. Eur asian Economy, 2017, (6): 2–15.]
28. 马永亮. 俄罗斯远东海洋运输研究[D]. 哈尔滨: 黑龙江大学, 2012. [Ma Y L. Russian Far East Marine Transportation Research [D]. Haerbin: Heilongjiang University, 2012.]
29. 辻久子， 笪志刚. 中国利用俄罗斯远东"借港出海"的新尝试[J]. 俄罗斯学刊, 2016, 6(1): 85–87. [Shi J Z, Da Z G. A new attempt by China to use Russia's Far East to"rent the port to the sea" [J]. Russian Academic Journal, 2016, 6(1): 85–87.]
30. 关于俄罗斯新森林法的评论[J]. 国际木业, 2007, (8): 24–25. [The new Russian forest code: a review [J]. International Wood In dustry, 2007, (8): 24–25.]
31. 新形势下中国对俄罗斯东部地区投资战略及投资风险防范研 究课题组. 俄罗斯东部地区投资环境研究[J]. 俄罗斯学刊, 2017, 7(3): 5–17. [Research Group on Investment Strategy and In vestment Risk Prevention in Russia's Eastern Region under the New Situation. Research on investment environment in Eastern Russia[J]. Russian Academic Journal, 2017, 7(3): 5–17.]
32. Keenan R J, Reams G A, Achard F, et al. Dynamics of global for est area: results from the FAO global forest resources assessment 2015[J]. Forest Ecology and Management, 2015, 352: 9–20.
33. 中俄资讯网. 俄罗斯将制定 2035 年林业产业发展战略[EB/ OL]. (2018–02–01) [2018–10–09]. http: //www. chinaru. info/ zhongejmyw/jingmaozhengce/51802. shtml. [China- Russia Infor mation Network. Russia Will Develop a 2035 Forest Industry De velopment Strategy[EB/OL]. (2018–02–01)[2018–10–09]. http: // www. chinaru. info/zhongejmyw/jingmaozhengce/51802. shtml.]

A STUDY OF THE CURRENT SITUATION AND STRATEGY OF SINO-RUSSIAN COOPERATION IN THE FIELD OF FORESTRY WITHIN THE FRAMEWORK OF THE "ONE BELT, ONE ROAD" INITIATIVE

Sun Ying
Liaoning Institute of International Trade and Economics

Russia is an important partner country of the Chinese One Belt and One Road initiative and an important part of the Silk Road Economic Belt. Russia occupies one of the leading places in the world in terms of forest resources and has long been the most important source of wood imports from China. This article examines the key areas, subjects of cooperation and the main regions of Chinese-Russian cooperation in the field of forest resource.
This article analyzes the key areas of Sino-Russian cooperation in the field of forest resources, the main subjects and regions of cooperation, the directions of Sino-Russian trade in forest resources, transportation channels and problems existing in Sino-Russian cooperation in the field of forest resources. The scheme of Chinese-Russian cooperation in the field of forest resources is analyzed in the context of history and reality.
It explained the resource potential, key areas in which cooperation is possible, and possible models for developing cooperation in the field of forestry between China and Russia within the framework of the "One Belt, One Road" initiative.

Keywords: one belt one way, Sino-Russian cooperation, resource potential, forestry, Russian business, Chinese business, strategic partnership, Russian companies, Chinese companies, cooperation in the field of forestry.

References

1. 陈明珍，焦海静，刘燕娜. 中俄木质林产品贸易的现状、新态势及对策[J]. 中国林业经济, 2014, (4): 38–42. [Chen M Z, Jiao H J, Liu Y N. Status, new situation and countermeasures of China and Russian wood forest product trade [J]. China Forestry Economy, 2014, (4): 38–42.]
2. 唐帅, 宋维明. 中俄林业合作面临的形势和发展趋势[J]. 国际经 济合作, 2013, (11): 52–55. [Tang S, Song W M. The situation and trend of China-Russian forestry cooperation[J]. International Eco nomic Cooperation, 2013, (11): 52–55.]
3. 许俊杰. 论中俄林业经济合作[J]. 中国林业企业, 1996, (6): 16–18. [Xu J J. On Sino-Russian forestry economic cooperation[J]. China Forestry Enterprises, 1996, (6): 16–18.]
4. 钟明， 宋魁. 加强黑龙江省同俄罗斯西伯利亚与远东林业合作的思考[J]. 林业科技, 1999, (3): 53–55. [Zhong M, Song K. Strengthening the cooperation between Heilongjiang Province and Russia's Siberia and far east forestry[J]. Forestry Science and Tech nology, 1999, (3): 53–55.]
5. 孙托宁. 中俄林业合作的机遇[J]. 国际经济合作, 2000, (11): 57–59. [Sun T N. Opportunities for Sino-Russian forestry cooperation [J]. International Economic Cooperation, 2000, (11): 57–59.]
6. 施坦贝格 A B. 中俄在西伯利亚和远东林业合作的前景[J]. 东 欧中亚市场研究, 2001, (12): 53–54. [Steinberg A B. The prospect of Sino-Russian forestry cooperation in Siberia and the Far East [J]. Eastern and Central Asian Market Research, 2001, (12): 53–54.]
7. 孙建. 中俄林业合作的现状及前景展望[J]. 林业经济，2003，(2): 56–57. [Sun J. Current situation and prospects of Sino-Russian forestry cooperation[J]. Forestry Economics, 2003, (2): 56–57.]
8. 贾雪池. 俄罗斯森林法典的修订及启示[J]. 林业经济，2007，(6): 78–80. [Jia X C. Revision and enlightenment of Russian forest code[J]. Forestry Economics, 2007, (6): 78–80.]
9. 宋魁, 李萍. 俄罗斯木材出口关税调整趋势及其对策[J]. 俄罗斯 中亚东欧市场, 2008, (12): 1–5. [Song K, Li P. The trend of Rus sian timber export tariff adjustment and its countermeasures [J]. Russia Central and Eastern Europe Market, 2008, (12): 1–5.]
10. 陈正言, 王继富, 杨雪. 新政策法规对中国东北和俄国远东森工 综合体的影响[J]. 东北林业大学学报, 2008, 36(12): 79–81. [Chen Z Y, Wang J F, Yang X. The impact of new policies and reg ulations on the Northeastern and Russian far east forest industry complex[J]. Journal of Northeast Forestry University, 2008, 36(12): 79–81.]
11. Kopylova E. 俄罗斯木材资源和合理采伐[J]. 国际木业, 2008, (5): 12–13. [Kopylova E. Russian timber resources and rational logging [J]. International Wood Industry, 2008, (5): 12–13.]
12. Canby K. 共建中俄和谐林业与贸易[J]. 国际木业, 2008, (5): 22–22. [Canby K. Building Sino- Russian harmonious forestry and trade[J]. International Wood Industry, 2008, (5): 22–22.]
13. 新华网. 中华人民共和国与俄罗斯联邦关于丝绸之路经济带建 设和欧亚经济联盟建设对接合作的联合声明(全文)[EB/OL]. (2015–05–09)[2018–09–09]. http: //www. xinhuanet. com//world/ 2015–05/09/c_127780866. htm. [Xinhua Net. Joint Statement be tween the People's Republic of China and the Russian Federation on the Construction of the Silk Road Economic Belt and the Con struction of the Eurasian Economic Union (Full Text) [EB/OL]. (2015–05–09)[2018–09–09]. http: //www. xinhuanet. com//world/ 2015–05/09/c_127780866. htm.]
14. 刘清才，支继超. 中国丝绸之路经济带与欧亚经济联盟的对接 合作-基本架构和实施路径[J]. 东北亚论坛, 2016, 25(4): 49–59. [Liu Q C, Zhi J C. The docking cooperation between China Silk Road Economic Belt and Eurasian Economic Union- basic structure and implementation path[J]. Northeast Asia Forum, 2016, 25(4): 49–59.]
15. 冯玉军. 论"丝绸之路经济带"与欧亚经济联盟对接的路径[J]. 欧亚经济, 2016, (5): 15–19. [Feng Y J. On the path of the "Silk Road Economic Belt" and the Eurasian economic union[J]. Eur asian Economy, 2016, (5): 15–19.]
16. 马红丽, 李文琪. 关于中俄林业投资合作研究[J]. 全国商情(经 济理论研究), 2015, (20): 34–35. [Ma H L, Li W Q. Research on Sino-Russian forestry investment cooperation[J]. National Business Situation(Economic Theory Research), 2015, (20): 34–35.]
17. 王骅. 中俄两国签署林业合作备忘录[EB/OL]. (2016–06–28) [2018–09–10]. http: //www. forestry. gov. cn/main/195/content883968. html. [Wang W. China and Russia Signed a Memoran dum on Forestry Cooperation[EB/OL]. (2016–06–28) [2018–09–10]. http: //www. forestry. gov. cn/main/195/content- 883968. ht ml.]
18. 李俊枝. 中国东北地区与俄罗斯远东及西伯利亚地区林业合作 研究[J]. 对外经贸, 2015, (7): 46–48. [Li J Z. Research on forest ry cooperation between Northeast China and Russia's Far East and Siberia[J]. Foreign Trade and Economics, 2015, (7): 46–48.]
19. FAO. Yearbook of Forest Products (2015) [EB/OL]. (2017–12–22) [2018–08–09]. http: //www. fao. org/forestry/statistics/en.
20. 国家林业局. 中国林业统计年鉴(2006~2015)[M]. 北京: 中国林 业出版社, 2006–2015. [State Forestry Administration. China For estry Statistical Yearbook (2006~2015)[M]. Beijing: China Forest ry Publishing House, 2006–2015.]
21. 中国出口信用保险公司资信评估中心. 国别投资经营便利化状况 报 告 (2017) [EB/OL]. (2018–05–16) [2018–09–09]. Http: // Www. Sinosure. Com. Cn/Khfw/Wytb/Tzhzcj/Index. Shtml. [China Export Credit Insurance Corporation Credit Rating Center. Coun try Investment Management Facilitation Status Report (2017) [EB/ OL]. (2018–05–16)[2018–09–09]. Http: //Www. sinosure. com. cn/ khfw/wytb/tzhzcj/index. shtml.]
22. 中国木业信息网. 我国林业海外投资现状[EB/OL]. (2016–07–15) [2018–09–21]. http: //www. wood168. net/woodnews/45778. ht ml. [China Wood Industry Information Network. Status of China's Forestry Overseas Investment [EB/OL]. (2016–07–15) [2018–09–21]. http: //www. wood168. net/woodnews/45778. html.]
23. 阿林娜. 中俄木材贸易发展研究[D]. 沈阳: 东北农业大学，2014. [Alina G. Sino-Russian Timber Trade Development Study [D]. Shenyang: Northeastern Agricultural University, 2014.]
24. 马晓成，温馨. 中俄林业合作加速走向互惠共赢[EB/OL]. (2017–06–17) [2018–10–07]. https: //cn. apdnews. com/Xin HuaNews/676534. html. [Ma X C, Wen X. Sino-Russian Forestry Cooperation Accelerates toward Mutual Benefit and Win-Win [EB/OL]. (2017–06–17)[2018–10–07]. https: //cn. apdnews. com/Xin HuaNews/676534. html.]
25. 崔愿， 耿彦斌."一带一路"战略之中俄铁路通道发展对策研究 [J]. 综合运输, 2016, 38(12): 15–22. [Cui Y, Yan Y B. Research on the development of China-Russia railway passage in the "One Belt and One Road" strategy [J]. Comprehensive Transportation, 2016, 38(12): 15–22.]
26. 郭晓琼. 黑龙江边境口岸: 成果与问题[J]. 欧亚经济，2016，(2): 99–109. [Guo X Q. Heilongjiang border port achievements and problems [J]. Eurasian Economy, 2016, (2): 99–109.]
27. 姜毅. 对发展中俄边境地区口岸经济的思考[J]. 欧亚经济，2017，(6): 2–15. [Jiang Y. Thinking on the development of port economy in the border areas between China and Russia [J]. Eur asian Economy, 2017, (6): 2–15.]
28. 马永亮. 俄罗斯远东海洋运输研究[D]. 哈尔滨: 黑龙江大学, 2012. [Ma Y L. Russian Far East Marine Transportation Research [D]. Haerbin: Heilongjiang University, 2012.]
29. 辻久子，笪志刚. 中国利用俄罗斯远东"借港出海"的新尝试[J]. 俄罗斯学刊, 2016, 6(1): 85–87. [Shi J Z, Da Z G. A new attempt by China to use Russia's Far East to"rent the port to the sea" [J]. Russian Academic Journal, 2016, 6(1): 85–87.]
30. 关于俄罗斯新森林法的评论[J]. 国际木业, 2007, (8): 24–25. [The new Russian forest code: a review [J]. International Wood In dustry, 2007, (8): 24–25.]
31. 新形势下中国对俄罗斯东部地区投资战略及投资风险防范研 究课题组. 俄罗斯东部地区投资环境研究[J]. 俄罗斯学刊, 2017, 7(3): 5–17. [Research Group on Investment Strategy and Investment Risk Prevention in Russia's Eastern Region under the New Situation. Research on investment environment in Eastern Russia[J]. Russian Academic Journal, 2017, 7(3): 5–17.]
32. Keenan R J, Reams G A, Achard F, et al. Dynamics of global for est area: results from the FAO global forest resources assessment 2015[J]. Forest Ecology and Management, 2015, 352: 9–20.
33. 中俄资讯网. 俄罗斯将制定 2035 年林业产业发展战略[EB/ OL]. (2018–02–01) [2018–10–09]. http: //www. chinaru. info/ zhongejmyw/jingmaozhengce/51802. shtml. [China- Russia Infor mation Network. Russia Will Develop a 2035 Forest Industry De velopment Strategy[EB/OL]. (2018–02–01)[2018–10–09]. http: // www. chinaru. info/zhongejmyw/jingmaozhengce/51802. shtml.]

Соответствие международного и национального законодательства Швеции в области кибербезопасности

Смирнов Михаил Михайлович,
магистрант, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: smirnov2.mm@edu.spbstu.ru

Вожегов Игорь Алексеевич,
магистрант, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: Vozhegov.ia@edu.spbstu.ru

В статье проведен комплексный анализ законодательства Швеции в области кибербезопасности, учитывая как национальные, так и наднациональные аспекты регулирования. В работе подчеркивается значимость кибербезопасности в контексте стремительного развития цифровых технологий и возникающих в связи с этим угроз. Особое внимание уделено директивам и стратегиям Европейского Союза, которые существенно влияют на законодательство Швеции в этой сфере. Также рассматриваются национальные инициативы, такие как Цифровая стратегия и Национальная стратегия кибербезопасности, направленные на защиту информации и повышение устойчивости к киберугрозам. В статье выделены основные направления и задачи, стоящие перед Швецией для обеспечения высокого уровня кибербезопасности, а также отмечается важность международного сотрудничества в данной области.

Ключевые слова: Кибербезопасность, Швеция, цифровизация, Европейский союз, национальная стратегия, законодательство, информационная безопасность.

Начало XXI века в истории человечества отмечено, помимо всего прочего, довольно стремительным развитием информационных технологий. Активный процесс цифровизации оказал существенное влияние на все сферы жизни от повышения эффективности производства до упрощения выполнения базовых задач, с которыми сталкивается человек в своей повседневной жизни. Обратной стороной цифровизации явилось возникновение большого количества рисков, связанных с безопасностью информационных сетей. В связи с этим, вопросы кибербезопасности сегодня входят в число самых актуальных для государств по всему миру. Обеспечение надлежащего уровня кибербезопасности предполагает активную адаптацию законодательной базы государства с целью предотвращения киберугроз. Рассмотрим данный вопрос на примере Швеции, как одном из лидеров в вопросах кибербезопасности.

Начиная с 1995 года, Швеция является государством-участником Европейского Союза. Это означает, что на Швецию распространяются законы и решения ЕС, принятые на наднациональном уровне в том числе и по вопросам кибербезопасности.

7 февраля 2013 года Европейской комиссией была принята Стратегия кибербезопасности Европейского союза (Cybersecurity Strategy of the European Union: An Open, Safe and Secure Cyberspace), которая определила основные цели и подходы к обеспечению кибербезопасности. В данном документе, рассчитанном на семь лет, были выделены пять основных направлений деятельности ЕС для обеспечения наиболее высокого уровня киберзащиты [5]:

1) Достижение «киберустойчивости» путем сотрудничества, обмена информацией, а также повышения осведомленности в области сетевой и информационной безопасности в государственном и частном секторах, как на национальном, так и на наднациональном уровне;
2) Сокращение масштабов киберпреступности за счет повышения квалификации и улучшения координации правоохранительных органов;
3) Разработка законов, способствующих повышению уровня киберзащиты в рамках Общей политики безопасности и обороны ЕС;
4) Развитие промышленных и технологических ресурсов для обеспечения кибербезопасности;
5) Укрепление сотрудничества с другими странами и международными организациями в сфере кибербезопасности.

Данная стратегия также подчеркивала важность созданного в 2004 году Европейского Агентства по сетевой и информационной безопасности в осуществлении контроля обеспечения кибербезопасности, в связи с чем спектр полномочий данной организации был расширен[1].

16 декабря 2020 году на смену данной стратегии пришла новая – The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade. Данный документ содержит в себе конкретные предложения по улучшению эффективности ЕС в сфере кибербезопасности, включающие в себя: пересмотр Директивы о безопасности сетевых и информационных

сетей 2016 года и внесение в нее ряда изменений; создание Совместного киберподразделения, с целью укрепления сотрудничества между национальными и наднациональными органами, ответственными за предотвращение, сдерживание и реагирование на кибератаки; расширение международного сотрудничества в сфере кибербезопасности[10].

Одним из первых регулятивных правовых актов, направленных на поддержание и повышение кибербезопасности и устойчивости информационных систем в странах Европейского Союза, стала, принятая 6 июля 2016 года Европейским парламентом Директива о безопасности сетевых и информационных систем (EU rules on the security of Network and Information Systems – NIS) [3].

Данная директива предполагала принятие всеми государствами-членами ЕС национальных стратегий по обеспечению безопасности сетевых и информационных систем, возлагала на государства ответственность за своевременное реагирование на инциденты, связанные с компьютерной безопасностью, а также учреждала специальную группу сотрудничества государств по обеспечению кибербезопасности [3].

Начиная с 16 января 2023 года в силу вступила новая версия данной директивы – NIS 2, целью которой является повышение общего уровня кибербезопасности Европейского Союза, путем улучшения управления рисками кибербезопасности, гармонизации требований к кибербезопасности в странах-членах ЕС и введения обязательств по отчетности для организаций в таких секторах как здравоохранение, энергетика и транспорт [6].

В отличие от прошлой редакции, действие правил нового документа распространяется на более широкий спектр отраслей экономики, имеющих жизненно важное значение для экономической и общественной жизни стран ЕС. Под действие директивы NIS 2 попадают все средние и крупные предприятия, значение которых для экономики и социума является критически важным (старая версия директивы сохраняла за государствами право самим определять важность роли организаций) [6].

Новая директива также утвердила создание Европейской сети организаций связи по киберкризисам (EU-CyCLONe) для обеспечения координации действий во время крупномасштабных инцидентов.

Также стоит упомянуть о действующем в Европейском Союзе Общем регламенте по защите данных (GDPR), принятом 27 апреля 2016 года (вступил в силу 25 мая 2018 года). Данный регламент заменил действовавшую ранее Директиву о защите данных 1995 года [2].

Основная цель данного регламента заключается в усилении защиты персональных данных граждан ЕС, путем введения правил по их сбору, обработке, распространению и хранению. В тексте регламента также присутствует определение понятия «персональные данные», которое трактуется как набор сведений, способствующих идентификации личности (то есть имя, адрес, номер телефона и др.).

Помимо этого, GDPR вводит ряд штрафов за нарушения, обязывая компании, работающие на территории ЕС, соблюдать строгие стандарты кибербезопасности, равно как и уведомлять о нарушениях безопасности в установленные сроки.

Помимо всех вышеперечисленных нормативно-правовых актов, в Швеции также существует собственная законодательная база по обеспечению кибербезопасности.

Шведское правительство предприняло первые шаги в формировании законодательства в сфере информационной безопасности в 2017 году, путем принятия «Цифровой стратегии устойчивой цифровой трансформации» («Цифровой стратегии»), а также «Национальной стратегии кибербезопасности» [9].

Национальная стратегия кибербезопасности Швеции трактует термин «кибербезопасность» как совокупность мер безопасности, которые направлены на обеспечение конфиденциальности, подлинности и доступности информации [4].

В основе данного документа лежат идеи, определенные правительством в его стратегии национальной безопасности, а также в вышеупомянутой цифровой стратегии:

1. Согласно стратегии национальной безопасности, Швеция должна иметь возможность защищать национальные интересы государства всякий раз, когда они подвергаются риску (в том числе в области информационных технологий);
2. Цифровая стратегия, в свою очередь, отражает стремление Швеции обеспечить гражданам наилучшие условия участия в цифровом обществе.

Исходя из тех идей, прописанных в вышеупомянутых документах, выделяются четыре основные цели, на достижение которых направлена шведская стратегия кибербезопасности, а именно: поддержка конфиденциальности, подлинности и доступности при обработке информации; защита информации, а также систем, используемых для хранения и передачи этой информации; обеспечение качества и эффективности общественных функций, а также предоставление населению возможности пользоваться преимуществами цифровой информации; защита фундаментальных общественных ценностей, таких как демократия, права и свободы человека, суверенитет и безопасность государства, а также его экономический рост и стабильность [4].

Для достижения поставленных целей в стратегии выделяется перечень основных направлений деятельности, имеющих определяющее значение в обеспечении максимально возможного уровня кибербезопасности в обществе. Данный перечень включает в себя: поддержание системного и всестороннего подхода к обеспечению кибербезопасности; повышение безопасности сетей, продуктов и систем; расширение возможностей по обнаружению и предотвращению кибератак и других ИТ-инцидентов и управлению ими; расширение возможностей предотвращения киберпреступлений и борьбы с ними информирование общества и развитие экспертных знаний; укрепление международного сотрудничества. Для каждого из вышеперечисленных пунктов в стратегии четко прописаны свои цели и задачи, а также конкретные действия, которые должно выполнять государство в той или иной сфере.

К примеру пункт «Расширение возможностей предотвращения киберпреступности и борьбы с ней» предполагает постоянную адаптацию шведского законодательства для наиболее эффективного противодействия киберпреступности; снабжение правоохранительных органов необходимыми ресурсами; повышение осведомленности органов, не относящихся к правоохранительным о том, какой они могут внести вклад в предотвращение киберпреступности и т.д.

Также данный документ содержит в себе перечень угроз и рисков безопасности государства в области информационных технологий, включающий в себя, к примеру, кибератаки со стороны государств/отдельных личностей. Примечательно, что внешние физические факторы, такие как пожары, наводнения, солнечные бури или же неисправные подземные кабели также относятся к угрозам кибербезопасности [4].

Главная цель Цифровой стратегии заключается в закреплении Швеции в статусе мирового лидера в сфере

цифровых и информационных технологий. Предполагается создание условий, в которых каждый гражданин Швеции сможет активно пользоваться всеми благами цифрового общества, чувствуя себя в безопасности. Данная стратегия выделяет шесть приоритетных направлений, в которых необходимо развиваться государству для достижения данной цели, а именно: обеспечение как можно большего количества граждан возможностью пользоваться цифровыми средствами удостоверения личности; наличие высоких стандартов безопасности в цифровом обществе; обеспечение неприкосновенности частной жизни в цифровом обществе; сохранение демократии в цифровом обществе и т.д.

Стоит отметить, что Швеция является одной из лидирующих стран по использованию и распространению цифровых технологий. Активно развивающаяся цифровизация является одной из наиболее значимых причин высоких показателей страны в экономическом секторе [9]. Швеция входит в десятку крупнейших экспортеров услуг информационных и коммуникационных технологий, а доля добавленной стоимости данного сектора в Швеции является одной из самых высоких среди стран Организации экономического сотрудничества и развития [9].

Данный факт подчеркивает важность роли Цифровой стратегии в Швеции. Этим же можно объяснить влияние данного документа на Национальную стратегию кибербезопасности, о котором упоминалось выше. Стратегия кибербезопасности, опираясь на идеи цифровой стратегии, содержит в себе те действия, которые будут способствовать безопасному развитию процесса цифровизации в стране.

Также, в настоящий момент, положения о кибербезопасности содержатся и в других шведских нормативно-правовых актах. К примеру, информационная безопасность является одной из трех основных областей защиты в соответствии с Законом о защите информации. Помимо этого, положения об информационной безопасности также содержатся в Законе об архивах, Законе о персональных данных и Законе об электронных коммуникациях.

Являясь скандинавской страной, Швеция также имеет богатый опыт сотрудничества со странами Северной Европы, в том числе в вопросах кибербезопасности. В качестве примера может послужить концепция оборонного сотрудничества Северных стран (Nordefco) на 2025 год, в которой прописывается необходимость стран Северной Европы предпринимать совместные усилия по повышению устойчивости к киберугрозам.

Также на заседании Северного Совета в декабре 2022 года на повестку дня был поставлен вопрос о создании государствами-участниками организации совместной стратегии кибербезопасности [8]. Актуальность данного вопроса была обусловлена возросшим в последние годы количеством кибератак. Стоит отметить, что данная инициатива была поддержана всеми пятью странами, включая Швецию, однако на момент января 2024 года, все ещё не была реализована.

В целом стоит отметить, что Швеция имеет достаточно обширную законодательную базу в сфере кибербезопасности, однако большая часть нормативно-правовых актов в данной сфере принимается на наднациональном уровне по инициативе Европейского союза. Вопросы кибербезопасности на государственном уровне рассматриваются преимущественно как вопросы сферы информационных технологий, что объясняется активным ростом процессов цифровизации в стране [7]. Акцент на развитие цифровизации также прослеживается в основных документах о кибербезопасности на государственном уровне – цифровой стратегии и национальной стратегии кибербезопасности. Также в последние годы все чаще поднимается вопрос о дальнейшем развитии сотрудничества Швеции с другими странами Северной Европы в контексте формирования общей стратегии кибербезопасности.

Литература

1. Гирис В.А. Правовой статус органов и учреждений Европейского Союза в области обеспечения кибербезопасности // Международное право и международные организации. 2023. № 1. С. 26–41.
2. Долинская В.В., Долинская Л.М. Человек, бизнес и информация: Регламент GDPR, его значение для ЕС и Российской Федерации // Актуальные проблемы административного, финансового и информационного права в России и за рубежом: материалы межвузовской научной конференции / редкол. Российский университет дружбы народов. М., 2019. С. 17–24.
3. Ковалев О.Г., Скипидаров А.А. Нормативно-правовое регулирование реализации стратегии кибербезопасности в государствах Европейского Союза // Столыпинский вестник. 2021. Т. 3, № 2. С. 39–50.
4. A national cyber security strategy // Government Offices of Sweden: [эл. доступ]. 2017. URL: https://www.government.se/contentassets/d87287e088834d9e8c08f28d0b9dda5b/a-national-cyber-security-strategy-skr.-201617213 (дата обращения: 20.01.2024).
5. Cybersecurity Strategy of the European Union: An Open, Safe and Secure Cyberspace // European Commission: [эл. доступ]. 2013. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52013JC0001&from=EN (дата обращения: 25.12.2023).
6. ENISA [сайт]. URL: https://www.enisa.europa.eu/ (дата обращения: 10.01.2024).
7. Lindberg A., Makarowski F., Dahlström P. Cybersecurity 2023: Sweden. Trends and Developments // Chambers and Partners [сайт]. URL: https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/cybersecurity-2023/sweden/trends-and-developments (дата обращения: 22.10.2023).
8. Nordic cooperation [сайт]. URL: https://www.norden.org/en (дата обращения: 25.01.2024).
9. OECD Reviews of Digital Transformation: Going Digital in Sweden. Paris: OECD Publishing, 2018. 193 p.
10. The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade // European Commission: [эл. доступ]. 2020. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020JC0018&from=EN (дата обращения: 27.12.2023).

COMPLIANCE WITH SWEDISH INTERNATIONAL AND NATIONAL CYBERSECURITY LEGISLATION

Smirnov M.M., Vozhegov I.A.
Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University

The article provides a comprehensive analysis of Sweden's cybersecurity legislation, considering both national and supranational regulatory aspects. The authors emphasize the importance of cybersecurity in the context of the rapid development of digital technologies and the associated threats. Particular attention is given to the directives and strategies of the European Union, which significantly influence Swedish legislation in this area. National initiatives such as the Digital Strategy and the National Cybersecurity Strategy, aimed at protecting information and enhancing resilience to cyber threats, are also examined. The article outlines the main directions and tasks

that Sweden faces to ensure a high level of cybersecurity and highlights the importance of international cooperation in this field.

Keywords: Cybersecurity, Sweden, digitalization, European Union, national strategy, legislation, information security.

References

1. Giris V.A. The legal status of the bodies and institutions of the European Union in the field of cybersecurity // International law and international organizations. 2023. No. 1. pp. 26–41.
2. Dolinskaya V.V., Dolinskaya L.M. Man, business and information: The GDPR Regulation, its significance for the EU and the Russian Federation // Actual problems of administrative, financial and information law in Russia and abroad: materials of the interuniversity scientific conference / editorial board. Peoples' Friendship University of Russia. Moscow, 2019. pp. 17–24.
3. Kovalev O.G., Turpidarov A.A. Regulatory and legal regulation of the implementation of the cybersecurity strategy in the states of the European Union // Stolypin Bulletin. 2021. Vol. 3, No. 2. pp. 39–50.
4. A national cyber security strategy // Government Offices of Sweden: [email]. 2017. URL: https://www.government.se/contentassets/d87287e088834d9e8c08f28d0b9dda5b/a-national-cyber-security-strategy-skr.-201617213 (date of application: 01/20/2024).
5. Cybersecurity Strategy of the European Union: An Open, Safe and Secure Cyberspace // European Commission: [electronic access]. 2013. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52013JC0001&from=EN (accessed: 12/25/2023).
6. ENISA [website]. URL: https://www.enisa.europa.eu / (accessed: 01/10/2024).
7. Lindberg A., Makarowski F., Dahlström P. Cybersecurity 2023: Sweden. Trends and Developments // Chambers and Partners [website]. URL: https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/cybersecurity-2023/sweden/trends-and-developments (date of request: 10/22/2023).
8. Nordic cooperation [website]. URL: https://www.norden.org/en (accessed: 01/25/2024).
9. OECD Reviews of Digital Transformation: Going Digital in Sweden. Paris: OECD Publishing, 2018. 193 p.
10. The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade // European Commission: [electronic access]. 2020. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:-52020JC0018&from=EN (accessed: 12/27/2023).

Российско-катарское взаимодействие. Перспективы форума стран-экспортёров газа (ФСЭГ)

Тараки Фархад Ахмад,
студент МИЭП МГИМО МИД России
E-mail: farad1998@yandex.ru

В данной статье исследуются российско-катарское взаимодействие и перспективы развития Форума стран-экспортеров газа (ФСЭГ) в свете текущих мировой энергетической конъюнктуры, включая санкционное давление на Россию и изменения в глобальной энергетической политике. Автор анализирует важность укрепления связей между Россией и Катаром, особенно в контексте энергетической безопасности и стабильности мирового газового рынка. Акцент делается на потенциале сотрудничества двух стран в области сжиженного природного газа (СПГ), что может принести значительные экономические и политические выгоды. Статья подчеркивает необходимость координации действий на международных энергетических площадках и рассматривает конкретные механизмы, способные углубить отношения и взаимодействие между двумя мировыми газовыми гигантами.

Ключевые слова: топливно-энергетический комплекс (ТЭК), Форум стран – экспортёров газа (ФСЭГ), Россия, Катар, сжиженный природный газ (СПГ), природный газ, арабский мир, экспорт газа, санкции.

Современные события на мировой арене, среди которых стремительные изменения в архитектуре европейской и в целом общемировой безопасности, беспрецедентное количество введённых в адрес Российской Федерации санкций в энергетической (введение ограничений на поставок российской нефти и газа, введения так называемого «потолка цен» на российские газ и нефть), торгово-экономической и политической областях лишь усиливают взаимодействие России со странами глобального Юга. Необходимость и важность нового разворота на Восток продиктована рядом факторов.

Во-первых, по мере укрепления позиций России на мировой арене на неё будет оказываться ещё большее давление со стороны стран «большой семерки», а конкретно ЕС и США, с целью недопущения роста влияния России в мире, а также становления России полноценной сверхдержавы с экономической точки зрения. Становления России одной из ведущих экономик мира абсолютно недопустимо для «западного блока» и не имеет никакого значения, в лице кого представлено российское руководство.

Во-вторых, существенная часть доходов страны всё ещё формируется за счёт нефтегазовых поступлений. Из 26 130,3 млрд руб. в 2023 г. нефтегазовые доходы в федеральный бюджет России составили 34% – 8 939 млрд. руб. [1]. В этом контексте развитие отношений России со странами Ближнего Востока, учитывая, что Россия и весь исламский мир располагают большей частью всех углеводородов мира, приобретает особое значение. Координация действий на мировых энергетических рынках представляет особую важность для обеих сторон, в том числе в рамках взаимодействия и координации в формате ОПЕК+. Более того, в последние годы растут перспективы Форума стран-экспортёров газа (ФСЭГ), штаб-квартира которого располагается в столице Катара – г. Дохе.

В-третьих, по истечении последних 30 лет ситуация в странах глобального Юга стремительно меняется: влияние и поддержка «западного блока», в первую очередь в лице США, в этом регионе не только существенно снизилась, но и находится на самой критической для них отметке. Антизападные настроения там лишь набирают обороты: антиамериканские шествия в Пакистане; Афганистан, где у власти, спустя 20 лет американского военного присутствия снова находится движение «Талибан»[1] ; Ирак и особенно Иран, являющиеся важными игроками на мировой энергетической арене. Те же тенденции наблюдается и в Сирии, особенно после попыток свержения действующего президента в результате прокатившейся по всему Ближнему Востоку и Северной Африке («MENA») «арабской весны», имевшей эффект «домино».

Стоит признать, что сложно сравнивать нынешнее влияние России с советским влиянием на Ближнем Востоке, Китае, Африке, Латинской Америке и половине Европы, однако в современных условиях и при нынешнем курсе, учитывая общемировые тенденции, уже видны существенные успехи на горизонте внешней политики российского государства. Россия и страны исламского

[1] Деятельность организации запрещена на территории РФ

мира – не просто ключевые партнёры, чья история уходит в глубь веков. Россия является частью исламского мира. Около 15% коренного населения России – представители мусульманской конфессии. Россия является государством-наблюдателем в Организации исламского сотрудничества (ОИС).

Но вернёмся к Катару. Началом отношения между двумя государствами служит установление 02 августа 1988 г. дипломатических отношений между СССР и Государством Катар.

Россия в ситуации с катарским дипломатическим кризисом повела себя предельно сдержанно, несмотря на плотные контакты с Саудовской Аравией и ОАЭ, не попытавшись воспользоваться созданным кризисом ради корыстных целей и сиюминутных политических интересов против Катара – конкурента России на мировом рынке газа.

Многие успехи в двусторонней повестке, которые сейчас наблюдаются, среди которых регулярные контакты лидеров двух стран, наращивание торгово-экономических отношений, участие Катара в ПМЭФ-2021 в качестве страны-гостя, координация в рамках Форума стран-экспортёров газа и др. могут быть объяснены позитивным опытом сдержанной политики Москвы в отношении Дохи, а также сдержанной политики Дохи в отношении Москвы. Это в какой-то степени помогло затушевать неприятные эпизоды, связанные, например, с убийством Яндарбиева в 2004 г. в Дохе. Благодаря взвешенной политике России последних лет удалось увести в прошлое неприятные эпизоды в отношениях между двумя государствами. На современном этапе отношения активно налаживаются и постепенно приобретают новый импульс.

В 2007 г. был создан Российско-Катарский Деловой Совет, целями которого являются:

– расширение контактов с целью сотрудничества между бизнесменами из россии и катара;
– продвижение российского предпринимательства в катаре, а также привлечение инвестиций в Россию;
– защита прав предпринимателей;
– создание площадок для прямого общения между партнёрами из двух стран.

По итогам 2021 г. товарооборот между двумя государствами составил 175,6 млн долл. США, что на 74,5% больше, чем в прошлом году.

Экспорт российской продукции в Катар за 2021 г. оценивается в 124,2 млн долл. США, что почти вдвое больше того же показателя в 2020 г.

Импорт в Россию из Катара по результатам 2021 г. был равен 51,5 млн долл. США, увеличившись при этом на 40,4%.

Сальдо торгового баланса было положительным и составило 72,7 млн долл. США. По сравнению с 2019 г. этот показатель увеличился на 166,2%.

В структуре экспорта России в Катар за прошлый 2021 г. основная доля пришлась на следующие товары:

– металлы и изделия из них – 72,6% от всего объема экспорта;
– продовольствие и сельскохозяйственное сырьё – 15,22%;
– машины, оборудование и транспортные средства – 5,03%;
– товары химической промышленности – 1,67%;
– минеральные продукты – 1,33%;
– древесина и целлюлозно-бумажные изделия – 1,32%.

Анализируя динамику по товарным группам, то наибольший прирост в 2021 г. по сравнению с 2020 г. пришёлся:

– на медь и изделия из неё – рост на 88,6 млн дол. США;
– товары животного и растительного происхождения – рост на 5,3 млн долл. США.

Что касается импорта из Катара в 2021 г., то основная доля поставок пришлась:

– на минеральные продукты – 80,1% от всего объема;
– продукцию химической промышленности – 19%;
– наибольший прирост в импорте из Катара наблюдается по таким товарным группам, как:
– минеральное топливо, нефть и другие её производные – рост на 17, 1 млн долл. США,
– продукты неорганической химии – рост на 1,4 млн долл. США и прочее.

Общий размер катарских капиталовложений в Россию превышает отметку в 940 млн долларов США [2].

В 2013 г. фонд «Qatar Investment Authority» стал одним из крупнейших акционеров российского банка ВТБ.

Контролируемая Катарским инвестиционном фондом «QH Oil Investments» занимает 3 место после АО «РОСНЕФТЕГАЗ» и «BP Russian Investments» в списке владельцев акций российской нефтяной компании «Роснефть», доля уставного капитала которого составляет 18,46% [3]. Несмотря на то, что страны в определённом смысле приходятся друг-другу конкурентами, существуют прямые каналы сотрудничества – почти пятая часть ПАО «НК «Роснефть» принадлежит катарскому инвестиционному фонду. На этом фоне важно отметить, что Катар несмотря на западную ориентированность ведёт себя предельно сдержанно в отношении России, как по актуальной политической повестке (в том числе по вопросу специальной военной операции на Украине). Катар не готов жертвовать отношениями с Россией из-за недолгосрочных политических сдвигов в международных отношениях.

В марте 2018 г. в Катаре был открыт Международный центр исследований и разработок, который стал, по сути, представительством ПАО «НК «Роснефть» в Катаре.

Более того, катарская сторона принимает активное участие в операции по воссоединению семей с детьми, разлученных из-за конфликта на Украине.

Вместе с тем, суверенные фонды Персидского залива являются крупнейшей группой суверенных инвесторов в России, вторыми в списке идут азиатские суверенные фонды благосостояния. Ряд инвестиционных фондов Персидского залива с момента начала проведения Россией специальной военной операции на Украине понесли крупные убытки в связи со снижением стоимости акций ряда российских компаний, таких, как, например, «Роснефть», «Лукойл» и «Газпром» на лондонской бирже, в ценные бумаги которых, как уже отмечалось, вкладывался и катарский инвестфонд.

Российская Федерация и Государство Катар наряду с другими государствами (ИРИ) основали Международный форум государств-экспортёров газа (сокр. ФСЭГ) со штаб-квартирой в столице Катара г. Дохе.

Всё же стоит отметить, что торговое взаимодействие растёт, наблюдается ежегодный прирост, который был зафиксирован даже в период пандемии. И по мере наращивания взаимодействия, товарооборот и сотрудничество в других отраслях будет только расти. Катар – государство, знающее, что такое санкции и как им противостоять, а также чётко понимающее механизмы смены географии торгового сотрудничества.

На современном этапе важным вектором сотрудничества между двумя государствами является взаимодействие в области ТЭК, как в двустороннем формате, так и на международных энергетических площадках. В частности, несмотря на разницу в логистике поставок

из России и Катара, страны могли бы всерьёз рассмотреть сотрудничество не только по линии ФСЭГ с целью стабилизации мирового рынка газа, но и задействовать конкретные механизмы по проведению «своповых» (англ «swap») поставок сжиженного природного газа на азиатские рынки. России, наращивая темпы производства СПГ, в частности на фоне снижения поставок сырья в страны ЕС, активно использует Северный морской путь для реализации своего СПГ. Важным и крупнейшим мировым импортёром газа, как отмечалось, является именно АТР. В этой связи, с учётом ориентированности и курса Катарского ТЭК на долгосрочные договоры поставок и законтрактованность добываемых объёмов, Россия и Катар могут провести «своповые» операции по поставке СПГ: Россия поставляет конкретные объёмы СПГ в Китай (в том числе, возможно, по газопроводу), Южную Корею и Японию из числа тех объемов, которые должна поставить катарская сторона), а Катар, взамен поставляет равноценные объемы СПГ, например, в дружественные для России страны Африки, вместо России. Таким образом, обе страны могут получить дополнительные доходы за счет сокращения логистических расходов и нарастить сотрудничество в сфере ТЭК.

Глобальные процессы энергоперехода и декарбонизации мировой экономики создают значительные риски как для России, так и для Катара, бюджеты которых существенно зависят от нефтегазовых доходов. В то же время невозможно отрицать катастрофические последствия глобального потепления, с которым нужно бороться сообща всеми странами мира. На форуме ПМЭФ-2021 Эмир Государства Катар Шейх Тамим Аль-Тани заявил о необходимости расширения сотрудничества России и Катара в сфере возобновляемой энергетики. У взаимодействия двух сторон в сфере ТЭК есть недооценённый потенциал.

Российско-катарское взаимодействие способно выйти на принципиально новый уровень, в случае начала реального функционирования ФСЭГ. Ведь одной из задач этой организации является объединения стран-лидеров по запасам газа (на данный момент на них приходится около 70% всех запасов газа в мире) и координации действий на мировом рынке газа. Более того, Россия уверено достигает новых рекордов по производству СПГ.

На прошедшем в Санкт-Петербурге форуме ПМЭФ-2022 руководитель российского «Новатэк» Л.В. Михельсон заявил, что Россия имеет всё необходимое для наращивания производства СПГ до отметки в 140 млн тонн до 2035 г., создав для этого своё оборудование и технологии [4].

Объединение усилий по созданию газового картеля будет накладывать на стран-участниц определённые обязательства, как это происходит на примере ОПЕК и ОПЕК+. Более того, такой формат взаимодействия изменит структуру экспорта российского газа, предоставляя России возможность более активного развития СПГ-технологий, особенно в условиях современной газовой конъюнктуры в Европе.

Форум стран – экспортёров газа на данный момент включает в себя 12 наиболее крупных производителей газа, среди которых Алжир, Ливия, Египет, Нигерия, Иран, Россия, ОАЭ, Венесуэла, Боливия, Экваториальная Гвинея, Тринидад и Тобаго. Некоторые их этих стран обладают крупнейшей в мире газовой инфраструктурой: буровыми платформами, насосными станциями, трубопроводной сетью и др.

На 6 саммите ФСЭГ участниками было подчеркнута важность роли организации на фоне обращений из США и Европы с просьбой о дополнительных поставках сырья из-за возможного прекращения поставок российского газа из-за украинского кризиса [5]. Ориентированность западных государств и прежде всего стран ЕС на Катар возрастает.

На пути к амбициозной цели по созданию реально-функционирующего газового картеля стоит ряд сложностей и вызовов, связанных в том числе и с тем, что ситуация на мировой арене накалена до предела:

Во-первых, не до конца понятно, пойдёт ли Катар на создание такого картеля вместе с Россией в условиях её сильной ориентированности на Запад. Необходимо упомянуть, что Катар является важнейшим союзником США вне блока НАТО.

Во-вторых, другим крупным игроком на мировой газовой арене является Иран, который сохраняет доверительные и близкие отношения как с Россией, в противовес западным странам и их санкционной политике сдерживания, так и с Катаром, в противовес политике Эр-Рияда и Абу-Даби, которые несколько лет пытались оказать давление на Катар санкциями во время дипломатического кризиса. Иран активно использует шиитские общины для выстраивания системы противодействия арабским нефтедобывающим монархиям. Не до конца понятно, как будет функционировать такой формат газового взаимодействия.

В-третьих, ряд экспертов упоминает сделку ОПЕК+, исправно действовавшую три года и провалившуюся в марте 2020 г. На повестку встаёт вопрос, о том, не будет ли таких же проблем в газовой коалиции.

Более того, США и Европа не рады созданию «газового ОПЕК», считая, что создание подобного рода организации поставит европейские государства в ещё более жёсткую зависимость от российского газа.

В то же время, амбициозная цель по увеличению цены на газ способна привести к увеличению мирового потребления угля, который и без того занимает первое место в мировом энергетическом балансе. А это совсем не то, на что рассчитывают страны мира в контексте экологической повестки, в том числе в рамках Парижского соглашения по климату.

Анализ перечисленных показателей говорит о том, что сотрудничество между Россией и Катаром всё ещё находится на слабом уровне, он не отвечает потребностям двух государств. Перечисленные торгово-экономические показатели не соответствуют интересам как России, так и Катара, поскольку ресурсная база двух государств имеет гораздо больший потенциал. Обе страны представляют взаимовыгодный интерес. Для российской экономики интересы представлены в сфере добычи и транспортировки газа, координации мировых газовых рынков, добычи и продажи нефти, а также привлечения инвестиций. Перспективы создания «газовой ОПЕК» многообещающие, однако данный вопрос пока что требует более тщательной проработки, а возможность создания такого картеля в ближайшем будущем не предвидится из-за разногласий между ключевыми игроками на мировой энергетической арене. Возможность картелизации рынка СПГ в ближайшие 2–3 года остаётся невысокой, однако перспективы очень серьёзные.

Литература

1. Министерство финансов России. Статистика. Краткая информация об исполнении федерального бюджета. – URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/12/main/final.pdf?ysclid=lvtq2rnbje102226034
2. Внешняя торговля России. Торговля между Россией и Катаром в 2021 г. – URL: https://russian-trade.

com/reports-and-reviews/2022–02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-katarom-v-2021-g/?
3. Роснефть. Структура акционерного капитала. Состав акционеров (держателей акций) ПАО «НК «Роснефть» по состоянию на 1 июля 2021 г. – URL: https://www.rosneft.ru/Investors/structure/share_capital/? (дата обращения: 22.01.22).
4. Россия может нарастить производство СПГ до 140 млн тонн в год к 2035 году, URL: https://tass.ru/ekonomika/6311644?ysclid=lxa92473ra12540911
5. منتدى الدول المصدرة للغاز يوجه رسائل مهمة لأميركا // Qatar News Agency. – URL: https://attaqa.net/2022/02/22/منتدى-الدول-المصدرة-للغاز-يوجه-رسائل-م/

RUSSIAN-QATARI COOPERATION. PROSPECTS OF THE GAS EXPORTING COUNTRIES FORUM (GECF)

Taraki F.Ah.
MGIMO Ministry of Foreign Affairs of Russia

This article examines Russian-Qatari cooperation and the prospects for the development of the Gas Exporting Countries Forum (GECF) in the light of current situation in the international relations, including sanctions pressure on Russia and changes in global energy policy. The author analyzes the importance of strengthening ties between Russia and Qatar, especially in the context of energy security and stability of the global gas market. The focus is on the potential of cooperation between the two countries in the field of liquefied natural gas (LNG), which can bring significant economic and political benefits. The article emphasizes the need for coordination of actions on international energy platforms and examines specific mechanisms that can deepen relations and interaction between the two world gas giants.

Keywords: energy complex (FEC), Gas Exporting Countries Forum (GECF), Russia, Qatar, liquefied natural gas (LNG), natural gas, the Arab world, gas exports, sanctions.

References

1. Ministry of Finance of Russia. Statistics. Brief information on the execution of the federal budget. – URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/12/main/final.pdf?ysclid=lvtq2rnbje102226034
2. Foreign Trade of Russia. Trade between Russia and Qatar in 2021. – URL: https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022–02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-katarom-v-2021-g/?
3. Rosneft. Structure of share capital. Composition of shareholders (shareholders) of Rosneft as of July 1, 2021. – URL: https://www.rosneft.ru/Investors/structure/share_capital/? (accessed 22.01.22).
4. Russia can increase LNG production to 140 million tons per year by 2035. – URL: https://tass.ru/ekonomika/6311644?ysclid=lxa92473ra12540911
5. منتدى الدول المصدرة للغاز يوجه رسائل مهمة لأميركا // Qatar News Agency. – URL: https://attaqa.net/2022/02/22/منتدى-الدول-المصدرة-للغاز-يوجه-رسائل-م/

Молодежный культурный обмен в рамках Российско-Китайского тематического года

Хэ Юйвэй,
бакалавриат, Чжуннаньский университет экономики и права
E-mail: 1850402732@qq.com

В сегодняшней международной ситуации Китай и Россия являются крупнейшими соседями друг друга и установили стратегическое партнерство в рамках сотрудничества. Изучение молодежных культурных обменов между Китаем и Россией имеет большой потенциал в укреплении взаимного доверия, поощрении сотрудничества в экономических и торговых отношениях и дальнейшем развитии стратегического партнерства между двумя странами в новую эпоху. Данная статья посвящена гуманитарным обменам между китайской и российской молодежью в контексте тематического года Китай-Россия, кратко описывает содержание тематического года Китай-Россия и значение его проведения, кратко описывает формы и содержание культурных обменов между китайской и российской молодежью, анализирует особенности обменов и достигнутые успехи, на основе этого анализирует проблемы и возможности для гуманитарных обменов и сотрудничества в соседних регионах Китай-Россия и предлагает соответствующие решения и перспективное планирование. На основе этого анализа анализируются проблемы и возможности гуманитарных обменов и сотрудничества между Китаем и Россией, предлагаются соответствующие решения и планы на будущее.

Ключевые слова: Китайско-Российский Тематический Год; Молодежный Культурный Обмен; Партнерство; Молодежь; Гуманитарное Сотрудничество

Введение

С XXI века конкуренция за культурный дискурс в международном сообществе становится все более острой, и культурные обмены привлекают все больше внимания со стороны разных стран. Россия – дружественный сосед Китая, и в новую эпоху две страны установили всестороннее стратегическое партнерство Китай-Россия. Усиление гуманитарных связей между Китаем и Россией играет важную роль в укреплении дружбы между народами и развитии двустороннего сотрудничества в политической, экономической и торговой сферах, а также в продвижении стратегического партнерства в новом веке. В ходе культурных обменов между двумя странами в новом столетии были достигнуты значимые результаты, однако также возникли некоторые проблемы, которые затрудняют этот процесс. Каким образом можно решить проблемы, влияющие на развитие культурных обменов между Китаем и Россией, и как активно продвигать культурные связи между двумя странами – это важные вопросы, которые стоят перед ними. В этой статье мы в основном разбираем обзор деятельности китайско-российских молодежных обменов за последние годы, выясняем проблемы китайско-российских молодежных обменов, копаясь в глубоком познании китайско-российской молодежи с более глубокого уровня, чтобы найти соответствующие решения. Это обеспечит интеллектуальную поддержку для организации дальнейших молодежных обменов между Россией и Китаем.

Содержание и значение российско-китайского тематического года

В июле 2001 года Китай и Россия подписали Договор о добрососедских отношениях, дружбе и сотрудничестве между Китаем и Россией, в статье 16 которого говорится: «Договаривающиеся стороны будут энергично содействовать развитию обменов и сотрудничества в области культуры, образования, здравоохранения, информации, туризма, спорта и правопорядка» [1]. Подписание данного соглашения стало новым этапом в сотрудничестве и культурных обменах молодежи Китая и России.

Впервые инициатива национальных годов между Россией и Китаем была проведена в 2006/07 годах и именовалась просто «Год России в Китае» и «Год Китая в России» [2]. За указанный период было организовано более 500 различных мероприятий, охватывающих широкий спектр областей – от культурных мероприятий до экономических, научных и технических форумов, а также торговых мероприятий. Это позволило народам двух стран глубже и глубже понять многовековую историю, великолепную культуру, национальные традиции и достижения в государственном строительстве друг друга и положило начало «лихорадке России» и «лихорадке Китая» в двух странах.

Год языков – это одна из важных инициатив для развития дружбы и обменов между Китаем и Россией в гуманитарной сфере. В рамках Года русского языка в Китае в 2009 году проводились различные мероприятия,

Автор выражает признательность за поддержку программы Стипендиального совета Китая (код проекта:202307080009).

включая научные симпозиумы, выставки литературных и художественных произведений и Конкурсы русского языка. Мероприятия нашли отклик у сотен тысяч студентов из более чем 100 китайских университетов, где русский язык является специализацией. Российская сторона создала пять русскоязычных центров в китайских университетах и учредила четыре базы обмена для российских и китайских студентов[3].

Год китайского языка в России 2010 охватывает сферы образования, культуры, СМИ, кино, прессы и издательского дела. В течение года Китай построил в России пять новых Институтов Конфуция, а компания «Ханьбань» предоставила 500 мест для преподавателей и студентов для продолжения обучения в России[4].

В 2012 и 2013 годах состоялся грандиозный дебют «Года туризма», одного из главных тематических годов для Китая и России. Взаимное проведение Года туризма способствовало постоянному совершенствованию механизма сотрудничества в области туризма между Китаем и Россией, и обе стороны провели заседания Подкомитета по туризму Китайско-российского комитета по гуманитарному сотрудничеству, Китайско-российские консультации по безопасности туризма и т.д., которые решительно способствовали углублению и развитию сотрудничества в области туризма между двумя странами[5].

С целью наращивания взаимопонимания и принципа дружбы между молодежью России и Китая, а также для укрепления контуров дружеских отношений поколений две страны организовали обширный тематический Год дружбы и обменов молодежи в 2014 и 2015 годах. Такое решение стало первым опытом организации тематического межгодового года двумя участниками.

В ходе визита Си Цзиньпина в Россию 8 мая 2015 года, который был приурочен к празднованию 70-летия победы в Отечественной войне, главы Китая и России совместно заявили о запуске «Китайско-российского года медиаобменов» в 2016 и 2017 годах.

В 2020–2021 годах Россия и Китай совместно организуют « Год научно – технического и инновационного сотрудничества». В рамках этой программы было проведено более 800 мероприятий. Как отметил в своем поздравительном послании Президент России Владимир Путин «в ближайшее время научно-технические инновации станут одной из самых перспективных отраслей двустороннего сотрудничества[6].

Для дальнейшего расширения двусторонних связей между Россией и Китаем в области физической культуры и спорта, планируется проведение Годов российско-китайского сотрудничества в этой сфере в период с 2022 по 2023 годы.

Российско-китайский год культуры 2024 запланирован на 2024–2025 годы, первым мероприятием в рамках года стала серия празднований китайского Нового года в Москве.

Китайско-российский молодежный культурный обмен является важной частью китайско-иностранного культурного обмена и имеет большое значение в содействии развитию и процветанию китайско-российского молодежного культурного обмена, а также развитию и углублению китайско-российского всеобъемлющего стратегического партнерства. В настоящее время, с укреплением и развитием стратегического партнерства между Китаем и Россией, культурные обмены молодежи стали более активными. Они проводятся на разных уровнях и в различных областях, улучшая взаимопонимание между народами.

Формы и содержание молодежного культурного обмена в рамках российско-китайского тематического года

В данной статье молодежь рассматривается в контексте развития современных Китая и России, при этом возрастной диапазон молодежи определяется как 14–35 лет, и основные выведенные данные основаны на этом диапазоне.

Молодые люди во всех странах представляют собой основной стратегический ресурс нации, являются главными проводниками социально-экономического и технического прогресса, передовых идей глобализации [7].

Каждый шаг молодых людей влияет на развитие страны и ее процветание, и то, чего не может добиться официальная дипломатия, может сделать молодежная дипломатия.

Образование

Изучение языков считается важной предпосылкой для развития молодежных обменов и сотрудничества в образовательной сфере, а взаимодействие в сфере языкового обучения уже долгое время является наиболее активной областью культурного обмена и сотрудничества между молодежью Китая и России. Во-первых, в Китае существует большое количество колледжей и университетов, где можно изучать русский язык. В настоящее время русский язык преподается в 173 учебных заведениях по всей стране, а в автономных районах Хэйлунцзян, Цзилинь и Внутренняя Монголия, граничащих с Россией, курсы русского языка предлагаются в 42 учебных заведениях. Количество колледжей и университетов, в которых предлагаются курсы русского языка, составляет около четверти от общего числа учебных заведений в Китае.

Во-вторых, что касается изучения китайского языка, то на Дальнем Востоке России активно продвигается изучение китайского языка, а изучение иностранных языков является основной потребностью для культурного обмена и сотрудничества между китайской и российской молодежью. В 2006 году на территории Дальневосточного федерального университета был создан Институт Конфуция – первый в России. В университете были собраны высококвалифицированные преподаватели китайского языка, что имело огромное значение для дальнейшего развития культурных связей между молодежью двух дружественных народов. Институт Конфуция оказал значительный вклад в поддержку и продвижение социокультурных обменов и сотрудничества между Россией и Китаем. В рамках инициативы «Пояс и путь» и тематического года «Китай-Россия» Институты Конфуция играют важную роль в развитии региональных культурных обменов и сотрудничества[8]. На Дальнем Востоке России в последние годы Институты Конфуция активно развивают модель «Институт Конфуция плюс», чтобы адаптироваться к местной среде и обучать школьников по специализированным программам «китайский язык + профессия».

В свете инициативы «Один пояс – один путь» и развития экономического коридора Китай-Монголия-Россия, повышается потребность в кадрах с русским языком и международным опытом в Китае и России. Многие университеты обмениваются преподавателями, чтобы предложить студентам высококачественное обучение с обеих сторон.

Спорт

После мероприятий, проведенных в рамках Китайско-российского тематического года, состоялись более двадцати заседаний Подкомитета по спортивному сотрудничеству, что дало толчок для укрепления связей между

Китаем и Россией в области спорта. Спортивные обмены и сотрудничество всегда были на первом месте среди приоритетов развития молодежных и культурных связей между двумя странами.

Как соседние страны, Россия и Китай имеют очень тесные спортивные обмены и сотрудничество, сформирован механизм регулярного проведения спортивных мероприятий между Россией и Китаем. В будущем обе стороны будут укреплять сотрудничество в области выращивания и подготовки спортсменов, кроме того, китайская сторона также должна укреплять сотрудничество с Россией в области спортивных исследований, спортивного здоровья, здравоохранения китайской медицины, санаториев и так далее.

Культура

Китай и Россия обогатили формы и содержание культурных обменов и сотрудничества, опираясь на мероприятия тематического года и брендовые мероприятия Китайско-российской культурной ярмарки. Культурные обмены и сотрудничество между Китаем и Россией являются самой основной и важной областью среди всех областей гуманитарных обменов и сотрудничества[9]. В качестве примера можно привести 7-ю Международную молодежную конференцию, прошедшую в провинции Хэйлунцзян в 2017 году, которая была масштабной и разнообразной по форме и собрала более 1 000 китайских и российских молодых людей.

Обмены и сотрудничество в области искусства, во-первых, художественное образование, Китай по-прежнему следует российской системе художественного образования, что обусловлено большим признанием Китаем российской системы художественного образования. Среди них Северо-Восточный Китай является ведущим регионом китайско-российского обмена и сотрудничества в области художественного образования, а также важным центром китайско-российских художественных обменов[10]. Тематические исследования молодежного культурного обмена в рамках российско-китайского тематического года

1. многоуровневая работа главного органа – от официальных лиц до гражданского общества. В 2006–2007 годах в рамках Китайско-Российского национального года его организационный комитет возглавляли вице-премьер правительства России и вице-премьер Госсовета КНР в качестве организационных комитетов от каждой страны. С тех пор председателями оргкомитетов российско-китайских тематических годов в основном являются чиновники, занимающие одинаковые должности. Это свидетельствует о том значении, которое обе страны придают мероприятиям тематического года. Однако с углублением культурных обменов между российской и китайской молодежью меняются основные участники Года, и в 2006–2007 гг. организаторами Года были в основном государственные министерства и комиссии, а основные участники Года обычно описывались как государства, например, «представители деловых кругов Китая и России», «китайская и российская молодежь». Однако в последующие тематические годы местные китайские и российские правительства и организации привлекались все чаще, что видно по проектам, включенным в тематические годы.

2. мероприятия российско-китайских тематических годов охватывают различные сферы инновационного и разностороннего практического сотрудничества. Изначально «Национальный год» был огромным понятием, охватывающим такие сферы, как политика, экономика, наука, образование, культура, здравоохранение и т.д. Темы каждого года, казалось бы, разные, но все они сконцентрированы на теме «гуманитарные науки» и полностью соответствуют девяти ключевым направлениям деятельности Китайско-российского комитета по молодежным культурным обменам для китайско-российских молодежных культурных обменов.

С углублением мероприятий «тематического года» китайско-российские отношения улучшаются. Восприятие Китая российским населением стало более дружелюбным[11]. Таким образом, проведение мероприятий в рамках «тематического года» оказывает более длительное воздействие на укрепление восприятия доброй воли между двумя сторонами.

Кроме того, различные тематические годы оказывают положительное влияние на различные смежные отрасли: в 1992 году объем торговли между двумя странами составлял всего 5,86 миллиарда долларов США, а в 2018 году объем двусторонней торговли между Китаем и Россией достиг 107,06 миллиарда долларов США, впервые превысив 100 миллиардов долларов США, и по темпам роста занял первое место среди 10 крупнейших торговых партнеров Китая. В 2019 году главы государств Китая и России поставили цель достичь объема двусторонней торговли в 200 миллиардов долларов к 2024 году[12].

Как видно, мероприятия китайско-российского «Года тем» благоприятно способствовали развитию китайско-российского всеобъемлющего стратегического партнерства, внесли важный вклад в дальнейшее продвижение высокого уровня функционирования китайско-российских отношений, ускорили качество и модернизацию сотрудничества между двумя странами в различных областях.

Рациональные анализы молодежного культурного обмена в рамках российско-китайского тематического года

Вызовы

В настоящее время под сенью мероприятий Китайско-российского тематического года китайско-российские молодежные культурные обмены и сотрудничество в целом находятся в устойчивом и прогрессивном тонусе, но далеко не достигли уровня, который должен быть достигнут китайско-российским политическим взаимодоверием, и по-прежнему сталкиваются с рядом проблем.

I. Несбалансированные гуманитарные обмены и сотрудничество

(I) Географические аспекты обменов и сотрудничества

Что касается географических аспектов обменов и сотрудничества, то наиболее активной провинцией в области гуманитарных обменов и сотрудничества между Китаем и соседними с Россией регионами является провинция Хэйлунцзян, потом автономный район Внутренняя Монголия, провинции Цзилинь и Ляонин, в то время как другие провинции развиты относительно слабо. На Дальнем Востоке России в Амурской области, Приморском крае и на северо-востоке Китая гуманитарные обмены и сотрудничество происходят чаще. Такое явление дисбаланса в сфере гуманитарных обменов не способствует развитию культурного обмена и сотрудничества между китайской и российской молодежью.

(II) Содержание обменов и сотрудничества

Основное содержание культурных обменов между молодежью Китая и России сосредоточено на традиционных культурных аспектах, академическом сотрудничестве и в области спортивных мероприятий, в то время как новые современные инновации в области культуры,

такие как новейшие технологии, средства массовой информации, современные танцы и кино, находятся на заднем плане. Отсутствие обменов и совместных инициатив в сфере современной культуры может привести к исчезновению духа инноваций и вдохновения в молодежном культурном обмене между Россией и Китаем.

II. Исторические проблемы, влияющие на культурное восприятие

С распадом Советского Союза две страны начали искать новые пути взаимодействия, несмотря на высокий уровень взаимного политического доверия, но люди двух сторон мало знают друг о друге, в сочетании с искажением некоторыми западными СМИ фактов о Китае, но также усугубили раскол между двумя народами. Кроме того, «демпинговая» экономика также серьезно повлияла на репутацию Китая в России.

. Политические недоразумения и противоречия

Политические недоразумения и противоречия проявляются в основном в подозрительном отношении российской стороны к политическим концепциям Китая. В начале 1990-х годов западные страны жаждали быстро развивающейся экономической мощи и всеобъемлющей национальной силы Китая, и с помощью слухов о «китайской угрозе» и «китайской демографической экспансии» им удалось предотвратить гуманистические обмены и сотрудничество между двумя странами. Подобные слухи в свое время до такой степени повлияли на российскую общественность, что некоторые россияне отказывались пускать китайцев в Россию.

Возможности

I.Прочный политический фундамент

В последние годы обмены между китайской и российской молодежью также привели к дальнейшему укреплению китайско-российского партнерства в области стратегического сотрудничества. Что касается региональных отношений, то центральное правительство под руководством местных властей добилось быстрого прогресса в создании регулярного механизма молодежных обменов между Китаем и Россией.

II. Сильная экономическая поддержка

С точки зрения экономической основы перед Китаем и Россией открываются новые возможности, и обе стороны активно осуществляют экономическое сотрудничество, продвигают состыковку «Один пояс – один союз» и постоянно развивают новые сферы экономического сотрудничества.

III. Способствование новых средств масовых информаций

Новые средства массовой информации, являясь важным средством межкультурной коммуникации, играют важную роль в китайско-российских молодежных культурных обменах и сотрудничестве. По сравнению с официальными СМИ, новые медиа используют более разнообразную графическую и видеопрезентацию для освещения внешнеполитической деятельности, что легче производит впечатление на аудиторию.

Перспективы

Китайско-российские молодежные культурные обмены в 21 веке уже достигли блестящих результатов. Заглядывая в будущее, можно сказать, что в развитии китайско-российских молодежных культурных обменов еще много возможностей для развития и совершенствования, и необходимо приложить больше усилий. Во-первых, необходимо активно развивать китайско-российские молодежные культурные обмены, чтобы они постоянно адаптировались к китайско-российскому всеобъемлющему стратегическому партнерству.

Во-вторых, необходимо активно решать проблему дисбаланса между официальными и частными обменами в культурных обменах между китайской и российской молодежью, укреплять фундамент культурных обменов между китайской и российской молодежью.

В-третьих, Необходимо заложить основы для совместного продвижения, обратить внимание на проблему неравенства в культурных обменах между молодежью Китая и России, а также максимально использовать и раскрыть потенциал, доступный для китайско-российского молодежного культурного сотрудничества.

Заключение

Китайская и российская молодежь являются главной силой и наследниками своих стран, и играют важную роль в установлении связей со всем миром. Культурные обмены важнее, чем любые другие, для развития отношений между нашими странами и укрепления чувств между людьми. Мы надеемся, что молодежь Китая и России смогут обмениваться опытом и учиться друг у друга, чтобы устранить недоразумения, усилить связи и способствовать прогрессу и процветанию наших стран.

Литература

1. Подготовлено Евразийским отделом Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики: «Сборник важных документов, посвященных 60 – летию установления дипломатических отношений между Китаем и Россией» стр. 390. Всемирные знания. 2010
2. Визит в ФРГ. Открытие Российско-германских культурных встреч 2003–2004 годов. Официальный сайт Кремля [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/trips/45471 (Дата обращения: 23.03.2022).
3. Интервью: «Год языков между Китаем и Россией является новаторской инициативой в области межкультурных обменов между различными странами». Сеть правительства Китая [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2010–03/22/content_13225450.htm (Дата обращения: 16.08.2014).
4. Посол КНР в РФ, чрезвычайный и полномочный советник Посольства КНР: «Ощущая очарование Года китайского языка в России». Китайская новостная сеть [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2010–11/21/c_12798976.htm (Дата обращения: 18.08.2014).
5. Сотрудничество в области туризма между Китаем и Россией: основные мероприятия были успешно завершены. Международные сети [Электронный ресурс]. URL: http://gb.cri.cn/40581/2013/11/25/6671s4333646.htm (Дата обращения: 26.10.2014).
6. Клинсман, Н. «Партнеры в науке и инновациях. Пандемия не помешала открытию Годов научно-технического сотрудничества КНР и России». Российская Газета, 27.08.2020 [Электронный ресурс]. (Дата обращения: 20.03.2022).
7. Положенцева, И.В. Молодежь в эпоху глобализации // Власть. – 2019. – Т. 27, № 4. – С. 83–86. – DOI 10.31171/vlast.v27i4.6590.
8. Национальное управление по делам китайского языка. Институты Конфуция / Учебные классы. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hanban.edu.cn/confuciousinstitutes/node_10961.htm (Дата обращения: 06.12.2018).
9. Бай, С. Ситуация и перспективы гуманитарного сотрудничества между Китаем и Россией // Историче-

ская и социально-образовательная мысль. – 2022. – Т. 14, № 3–4. – С. 65–80. – DOI 10.17748/2219–6048–2022–14–3–4–65–80.
10. Ван Юйюнь. Теоретические размышления и практическое исследование в области художественного обмена и сотрудничества между Китаем, Россией и США в контексте обучения. Харбин: Искусство и Время (Выпуск 2). 2013.
11. Опрос ВЦИОМ: более половины россиян считают КНР самой дружественной страной. РИА НОВОСТЬ [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20220831/opros-1813353838.html (Дата обращения: 31.08.2022).
12. Посол КНР: товарооборот России и Китая достигнет $200 млрд к 2024 году. РИА НОВОСТЬ [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20190814/1557493714.html (Дата обращения: 14.08.2019).

YOUTH CULTURAL EXCHANGE WITHIN THE FRAMEWORK OF THE RUSSIA-CHINA THEMATIC YEAR

He Yuwei
Zhongnan University of Economics and Law

In today's international situation, China and Russia are each other's largest neighbors and have established a strategic cooperative partnership. The study of youth cultural exchanges between China and Russia has great potential in strengthening mutual trust, promoting cooperation in economic and trade relations and further developing the strategic partnership between the two countries in the new era. This article focuses on the humanitarian exchanges between Chinese and Russian youth in the context of the China-Russia thematic year, briefly describes the contents of the China-Russia thematic year and the significance of its implementation, briefly describes the forms and contents of cultural exchanges between Chinese and Russian youth, analyzes the characteristics of the exchanges and the successes achieved, on the basis of this, analyzes the problems and opportunities for humanitarian exchanges and cooperation in the neighboring regions of China-Russia and proposes relevant solutions and a forward-looking plan for China-Russia cultural exchanges and cooperation. Based on this analysis, analyzes the problems and opportunities for humanitarian exchanges and cooperation between China and Russia, and proposes relevant solutions and future plan.

Keywords: China-Russia Thematic Year; Youth Cultural Exchange; Partnership; Young People; Humanitarian Cooperation

References

1. Prepared by the Eurasian Department of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China: "Collection of important documents dedicated to the 60th anniversary of the establishment of diplomatic relations between China and Russia" p. 390. 390. World Knowledge. 2010
2. Visit to the FRG. Opening of the Russian-German cultural meetings 2003–2004. Official site of the Kremlin [Electronic resource]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/trips/45471 (Date of application: 23.03.2022).
3. Interview: "The Year of Languages between China and Russia is an innovative initiative in the field of intercultural exchanges between different countries". China Government Network [Electronic resource]. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2010–03/22/content_13225450.htm (Date of application: 16.08.2014).
4. Ambassador of the People's Republic of China to the Russian Federation, Extraordinary and Plenipotentiary Counselor of the Embassy of the People's Republic of China: "Feeling the Charm of the Year of the Chinese Language in Russia". China News Network [Electronic resource]. http://news.xinhuanet.com/world/2010–11/21/c_12798976.htm(Date of application: 18.08.2014).
5. Cooperation in the field of tourism between China and Russia: the main activities have been successfully completed. International Networks [Electronic resource]. http://gb.cri.cn/40581/2013/11/25/6671s4333646.htm (Date of application: 26.10.2014).
6. Klinsman, N. "Partners in Science and Innovation. Pandemic did not prevent the opening of the Years of scientific and technical cooperation between China and Russia". Rossiyskaya Gazeta, 27.08.2020 [Electronic resource]. (Date of application: 20.03.2022).
7. Polozhentseva, I.V. Youth in the era of globalization // Vlast. – 2019. – T. 27, № 4. – P. 83–86. – DOI 10.31171/vlast.v27i4.6590.
8. National Administration of Chinese Language Affairs. Confucius Institutes / Classrooms. [Electronic resource]. URL: http://www.hanban.edu.cn/confuciousinstitutes/node_10961.htm (Date of application: 06.12.2018).
9. Bai, S. Situation and prospects of humanitarian cooperation between China and Russia // Historical and socio-educational thought. – 2022. – T. 14, № 3–4. – C. 65–80. – DOI 10.17748/2219–6048–2022–14–3–4–65–80.
10. Wang Yuyun. Theoretical reflections and practical research on art exchange and cooperation between China, Russia and the United States in the context of learning. Harbin: Art and Time (Issue 2). 2013
11. VCIOM survey: more than half of Russians consider China the friendliest country. RIA Novosti [Electronic resource]. URL: https://ria.ru/20220831/opros-1813353838.html (Date of application: 31.08.2022).
12. Ambassador of the People's Republic of China: trade turnover between Russia and China will reach $200 billion by 2024. RIA Novosti [Electronic resource]. URL: https://ria.ru/20190814/1557493714.html (Date of application: 14.08.2019).

Социально-психологические аспекты работы психолога на фрилансе

Конычева Юлия Дмитриевна,
к.ф.н., доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: YUDKonycheva@fa.ru

Филимонова Инна Витальевна,
к.э.н., доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: IVFilimonova@fa.ru

В связи с политическими событиями спрос на психологическую помощь в 2022 году вырос на 62% в сравнении с 2021 годом. Однако планируемое весной 2024 года внесение на рассмотрение в Государственную Думу закона «О психологической помощи в Российской Федерации», призванного администрировать деятельность психологов, приведет к определённым изменениям к требованиям по образованию психологов, что ставит под вопрос дальнейшую работу психологов, получивших профессиональную переподготовку, но не имеющих профильного образования (бакалавриат, магистратура), большинство из которых являются частными практиками и работают на фрилансе. С учетом вышеперечисленных фактов, исследование социально-психологических особенностей работы психологов на фрилансе является актуальным. Целью исследования является выявление рисков работы психологов на фрилансе с учетом введения нового законодательства и разработки предложений по их нивелированию для создания оптимальных условий для их трудовой деятельности.
С помощью методов анкетирования выявлена психологическая напряжённость работы психолога на фрилансе, заключающаяся в профессиональном выгорании из-за дисбаланса в рабочей нагрузке при выполнении профессиональных обязанностей, а также влияние завышенных профессиональных требований. Выявлено влияние болезненной обратной связи от клиентов на профессиональную самоидентификацию и самооценку психологов, а также влияние неравномерной занятости, связанной с фрилансом, на психологическую устойчивость и ощущение стабильности своего труда.

Ключевые слова: психолог, фриланс, частная психологическая практика, социально-экономические риски, психологические аспекты работы на фрилансе, профессиональное выгорание, выгорание психологов.

В рамках нашего исследования следует уточнить, что мы понимаем под фрилансом. Фриланс – это вид трудовой деятельности, предполагающий работу не по найму, а предоставление услуг на контрактной или проектной основе. Понятие «фриланс» никак не отображено в российском законодательстве, однако может быть определено как самозанятость. С фрилансером возможно заключение гражданско-правового соглашения в соответствии со статьей ст. 779 Гражданского Кодекса РФ как договор возмездного оказания услуг [1], а также договор подряда (или договор на оказание услуг) в соответствие со ст. 702 Гражданского Кодекса РФ. Компании всех типов и размеров могут нанимать фрилансеров для выполнения проекта или задачи, но фрилансеры несут ответственность за уплату собственных налогов, медицинского страхования, пенсий и других личных взносов.

Поскольку фрилансеры работают на себя, они также должны сами покрывать расходы на отпуск и оплату больничных. В то же время самозанятые специалисты могут сами устанавливать свое рабочее время и организовывать работу в соответствии со своим образом жизни – работая удаленно. Существует много разных типов фрилансеров, но, как правило, это работники умственного труда, обладающие высоким уровнем навыков и знаний в определенной области, например, дизайнеры, писатели, программисты, переводчики, менеджеры проектов, к таким работникам в рамках нашего исследования мы относим и психологов, занимающихся частной практикой. Триггеры и стрессы, с которыми часто сталкиваются фрилансеры и самозанятые специалисты, часто включают изоляцию, неопределенную траекторию карьеры, финансовую нестабильность и отсутствие социального страхования. Обозначенные проблемы, с которыми сталкиваются внештатные и/или самозанятые профессионалы, заставляют их обращаться к психологам за консультацией. А как обстоят дела у самих психологов, занимающихся частной практикой? В настоящем исследовании мы ставим задачи выяснить, с какими проблемами сталкиваются психологи на фрилансе, и как они их решают в настоящее время, а также оценить готовность к новым вызовам, связанным с внесением в Государственную Думу законопроекта «О психологической помощи в Российской Федерации» [2].

Методология. Авторы придерживаются общенаучных методов, таких как анализ, синтез, системно-структурный подход, а также метод анкетирования, позволяющий узнать особенности восприятия респондентами определённой в исследовании проблематики.

Результаты исследования. С целью выявления проблемных зон, касающиеся социально-экономического и психологического состояния психологов, авторами была разработана анкета-опросник в google forms, результаты опроса 68 респондентов позволили определить наиболее часто встречающиеся негативные тренды работы психолога на фрилансе. Респондентами являлись практикующие психологи, преимущественно женщины (75%), 44% из которых в возрасте 41–45 лет, 23% в возрасте 36–40 лет, 20% в возрасте 46–50 лет, со стажем работы по профессии более 7 лет (50%) и 4–6 лет (41%). Более половины респондентов никогда не имела опыта работы штатным психологом, 32% из опрошенных ра-

ботали психологом в организациях разных форм собственности.

В настоящее время 30% респондентов оформлены как индивидуальные предприниматели, а 70% как самозанятые, а как известно, для такой формы занятости отчисление страховых взносов на пенсионное страхование не является обязательным, и более половины респондентов-самозанятых ответили, что никак не решают проблему накоплений на будущую пенсию, оставшиеся 41% решают проблему с помощью инвестиций.

44% респондентов ожидают появления новых проблем и трудностей в работе после принятия закона «О психологической помощи в Российской Федерации», например, «несуразных критериев лицензирования», «сдачи экзаменов или нелепых курсов повышения квалификации, которые будут читать люди, не имеющие практического опыта», а также проблемы с сохранением конфиденциальности, ограничений свободы действий психолога.

Несмотря на то, что 94% наших респондентов ответили, что уверены в том, что спрос на услуги психологов будет возрастать в горизонте 1–5 лет (это подтверждают и аналитические материалы), опрос выявил целый ряд серьезных негативных трендов, связанных с работой психологов на фрилансе. Рассмотрим каждый из них более подробно.

1. Профессиональное выгорание.

Профессия психолога относится к специальностям, вызывающим огромные психоэмоциональные перегрузки, с высокой ответственностью и имеющим весьма неопределенные критерии успеха. Регулярное взаимодействие психолога с клиентами – это глубокий, интенсивный, эмоциональной насыщенный диалог, требующий высокого мастерства и включенности. Такого рода продолжительное эмоциональное напряжение может приводить к профессиональному выгоранию. Всемирная Организация Здравоохранения включила профессиональное выгорание с кодом QD85 в 11-ый пересмотр Международной классификации болезней (МКБ-11) в качестве болезненного состояния, обусловленного профессией. Карен О`Коннор, Дейдре Мюллер Нефф (Karen O`Connor, Deirdre Muller Neff) определили «выгорание как психологический синдром, возникающий у профессионалов, работающих с другими людьми в сложных ситуациях, который характеризуется (а) эмоциональным истощением; ощущение перегруженности и истощения эмоциональных и физических ресурсов, (б) деперсонализация; негативное и циничное отношение к людям и (в) сниженное чувство собственного достоинства» [3]. «Психологи потенциально предрасположены к выгоранию, поскольку ставят потребности других выше своих собственных. Например, отчет Британского психологического общества за 2018 год показал, что 70% психотерапевтов считают свою работу стрессовой, 25% считают, что у них наблюдается длительный хронический стресс, 46% сообщили о депрессии» [4]. Согласно данным лонгитюдных международных исследований, проводившихся в период с 1997 по 2017 год во многих странах, уровень выгорания специалистов в области психического здоровья составляет в среднем 40% [5]. По данным других исследований, «определенный уровень выгорания наблюдался в исследованиях психологов на протяжении нескольких лет [6, 7, 8], от 20 до 67% специалистов в области психического здоровья испытывают значительные симптомы выгорания» [9, 10]. «Эмоциональный труд способствует эмоциональному истощению во многих профессиях, однако взаимосвязь эмоционального труда и выгорания у психологов, проводящих психотерапию, только недавно начала привлекать внимание» [11, 12, 13, 14].

Результаты нашего также подтвердили, что 30% респондентов сталкиваются с профессиональным выгоранием. 50% респондентов ответили, что 1 раз в 3 месяца уровень усталости становится настолько высоким, что им необходим перерыв в работе, 31,3% перерыв необходим 1 раз в полгода, 18,8% – 1 раз в год. Наиболее эффективным и часто используемым методом адаптации к профессиональной усталости является общение с друзьями (25% респондентов отметили этот способ), примерно равное количество процентов набрали – отдых на природе, творчество, общение с коллегами, путешествие, общение с домашними питомцами, спорт, личная терапия или супервизия.

2. Влияние завышенных профессиональных требований к специалистам на психологическое состояние психологов, необходимость проходить личную терапию и супервизию.

Профессия психолога относится к одной из самых сложных и энергозатратных, в список профессиональных требований к специалисту входят: умение выстраивать психотерапевтический альянс с клиентом, способность к эмпатическому слушанию, принятие клиента и безоценочное общение, принятие ответственности и рефлексия своих действий, доверие к клиенту как к человеку, имеющему потенциал для решения своих проблем и т.д. Кроме того, психолог обязан прорабатывать свои личные психологические проблемы, посещая психотерапевта, а также посещать супервизора с целью повышения уровня своих психологических знаний, формирования профессиональной идентичности и обретения нового уровня личной зрелости. Всё это – большие затраты, как финансовые, так и временные. Наше исследование подтвердило, что психологи регулярно проходят личную терапию (87,5%). Более 55% респондентов ответили, что регулярно проходят супервизию: 37,5% – 1 раз в месяц, 12,5% – 1 раз в 3 месяца, 6,3% – 1 раз в полгода.

3. Влияние болезненной обратной связи от клиентов на профессиональную самоидентификацию и самооценку психологов.

Главной задачей деятельности любого психолога является оказание психологической помощи с целью улучшения состояния клиента. Однако, как и в ряде других профессий, далеко не все зависит только от психолога, вклад клиента в работу, его желание активно сотрудничать со специалистом, готовность менять свои установки, паттерны поведения, взгляды на ту или иную ситуацию, зачастую становятся даже более важными. Профессор психологии Медицинского университета штата Нью-Йорк Роджер Гринберг подчеркивает, что «даже самые опытные врачи, использующие методы лечения с сильнейшей эмпирической поддержкой, не могут быть эффективными, если пациенты преждевременно прекращают лечение» [15]. 37,5% респондентов ответили, что именно отзывы клиентов являются самым важным фактором, влияющим на уровень их профессиональной самооценки. Даже оценка деятельности от коллег не так важна – этот фактор отметили только 12,5%. 37,5% ответили, что наиболее болезненная обратная связь от клиентов связана с отсутствием реального прогресса в состоянии во время терапии по мнению клиента. Особенно болезненной является ситуация, когда после такой негативной обратной связи клиент отказывается продолжать работать и уходит к другому специалисту. И несмотря на то, что по данным исследований, в среднем от 20 до 50% клиентов прерывают терапию, и это является нормой, психологи отмечают, что такое поведение клиентов негативно отражается на их профессиональной самооценке [16].

4. Влияние неравномерной занятости, связанной с фрилансом, на психологическую устойчивость и ощущение стабильности своего труда.

Опрос показал, что в целом респонденты испытывают довольно высокую тревожность из-за неравномерности занятости и отсутствия стабильности в нагрузке и доходах.

Максимальную тревогу (8 баллов из 10) испытывают 18,8% респондентов, средний уровень тревоги (5–6 баллов) испытывают 44,8% респондентов.

Почти 40% респондентов периодически испытывают тревогу в связи с возможным окончанием терапии текущих клиентов и отсутствием новых клиентов в будущем.

Важным является вопрос поиска клиентов, который также вносит большую долю тревожности и неуверенности в психологическое состояние респондентов. 12,5% респондентов часто, а 37,5% иногда – испытывают трудности с поиском клиентов. Только 18% ответили, что таких сложностей не испытывают. Сезонность спроса отметили большинство респондентов – 50% (иногда) и 12,5% (часто). Только 18,8% не отмечают сезонности или периодического спада спроса на свои услуги. 50% отмечают, как один из главных рисков – нестабильный доход, 31,3% – непостоянную рабочую нагрузку.

Особенности поиска клиентов на фрилансе и используемые инструменты также не добавляют стабильности. 49% ответили, что ищут психологов через советы близких, родственников и друзей, то есть используют так называемое «сарафанное радио». В нашем опросе психологи также выделили этот способ поиска клиентов как предпочтительный – 68,8% отметили, что «сарафанное радио» работает у них лучше всего. Только 25% работают через партнерские сайты-агрегаторы. Нужно отметить, что «сарафанное радио» максимально непрогнозируемый инструмент, практически не поддающийся контролю и планированию со стороны специалиста, который его использует. Таким образом психологи, работающие на фрилансе, оказываются в ловушке – самый эффективный инструмент привлечения клиентов невозможно контролировать, чтобы как-то планировать свою деятельность. Это вносит дополнительную напряженность и неуверенность в будущем.

5. Необходимость постоянного обучения.

Одно из требований к профессии психолога – наличие качественного базового образования и готовность к постоянному повышению квалификации с целью развития своего мастерства.

Важность постоянного развития и овладения самыми современными эффективными методиками и инструментами осознают 92% респондентов.

Согласно Приказу Минтруда № 537н (Профессиональный стандарт) психолог-консультант должен проходить обучение минимум 1 раз в 3 года, участвовать в супервизорской практике – минимум 1 раз в 3 месяца.

Согласно данным нашего опроса за счет собственных средств повышение квалификации 1 раз в год проходит 50% респондентов, 12,5% – 1 раз в полгода, 25% – 1 раз в 3 месяца. Кроме этого, практически все респонденты ответили, что постоянно занимаются самообучением – читают профессиональную литературу, слушают специализированные подкасты, следят за выступлениями коллег на конференциях и мероприятиях. Проблемность этого тренда заключается в том, что расходы специалистов могут доходить до 30% от заработка, и с учетом дополнительных и необходимых трат на собственную терапию и супервизию, это делает их экономическую позицию уязвимой и приносит дополнительную тревожность и неуверенность.

Несмотря на все эти трудности и негативные тренды, респонденты не хотят отказываться от работы психологами на фрилансе. 56% на вопрос «Если вам предложат штатное место психолога в организации, согласитесь ли вы выйти на постоянное место работы?» ответили, что не согласятся, так как видят во фриланс-занятости гораздо больше плюсов. 37,5% ответили, что согласятся, но будут совмещать эту работу с частной практикой, из чего можно сделать заключение, что работа на фрилансе привлекательна для респондентов и является их осознанным выбором.

Заключение

Гипотезой нашего исследования выступало предположение, что в силу характера работы каждый психолог подвержен риску профессионального стресса. Особенно, это может сказаться на психологах, работающих на фрилансе, так как помимо обычных проблем фрилансеров, связанных с нестабильной занятостью и заработком, и отсутствием социального страхования, дополнительному стрессу может способствовать: тенденция сосредотачивать внимание на нуждах других, игнорируя при этом свои собственные потребности и личные проблемы; недостаток досуга и деятельности, не связанной с работой; переутомление (например, слишком много часов психотерапии); дисбаланс в рабочей нагрузке и профессиональных обязанностях и др. Данные, полученные в ходе нашего исследования, подтвердили, что психологи-фрилансеры находятся в уязвимой позиции по многим параметрам – как в социально-экономических аспектах, так и в психоэмоциональных. При этом психологи являются специалистами, которые положительно влияют не только на психологическое здоровье отдельного человека, но и крайне востребованы в российском обществе в связи с острой политической ситуацией. Поэтому, мы считаем, что государство должно быть заинтересовано в развитии и поддержке деятельности этих специалистов, государственные институты должны принимать гораздо большее участие в развитии, поддержке всей отрасли в целом и отдельных специалистов в частности, создавая благоприятные условия труда. Поэтому перечислим предложения, реализация которых, на наш взгляд, сможет нивелировать воздействие негативных факторов на профессиональную деятельность психологов и поможет создать для их работы более благоприятную среду.

1. Включить психологическую помощь в программу ОМС – это поможет как создать новые рабочие места для психологов, многие из которых готовы совмещать работу на фрилансе и постоянную занятость, так и даст возможность значительно расширить объемы помощи населению, которое особенно остро стало нуждаться в помощи в последние 3 года в связи с пандемией и политическими событиями. Уже сейчас понятно, что основной проблемой мужчин, вернувшихся с СВО, станет довольно тяжелое посттравматическое стрессовое расстройство, которое в обязательном порядке требует психотерапевтического вмешательства. Также актуальными будут: травма потери, все виды зависимостей, депрессия, кризис смысла жизни, страх смерти, экзистенциальные вопросы. Клиенты с запросами такого характера однозначно будут нуждаться в комплексной помощи специалистов.

2. В настоящее время в России отсутствует единое профессиональное пространство, где бы психологи могли найти поддержку, поделиться с коллегами насущными проблемами, обменяться опытом, поэтому мы предлагаем под эгидой государственного управления создать психологические профессиональные сооб-

щества и ассоциации (как по отдельным направлениям психотерапии, так и в целом для специалистов, работающих по психологическим специальностям), на базе которых психологи могли бы проходить льготное обучение (бесплатное или с большой скидкой), принимать участие в групповых супервизорских встречах и психотерапевтических группах, обмениваться опытом, обсуждать и предлагать новые идеи для законопроектов с целью развития и совершенствования психологической помощи населению.

3. Сделать базовое психологическое образование более доступным для абитуриентов, открыв больше бюджетных мест в вузах. За счет государственных субсидий сделать платное образование более доступным для практикующих специалистов. Включить обучение по психологическим специальностям в Федеральный проект России «Содействия занятости».

4. На государственном уровне работать над увеличением престижа и ценности для общества профессии психолога, проводить открытые мероприятия на психологические темы с целью привлечения внимания общественности к проблемам психологического здоровья.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ Ст. 779. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/a397ec4ca2dd0c96c211ee4e4436628f0cf581a3/ (дата обращения: 07.05.2024).
2. Проект Федерального закона «О психологической помощи в Российской Федерации». – URL: https://psy.su/content/files/zakonoproekt.pdf (дата обращения: 07.05.2024).
3. Karen O`Connor, Deirdre Muller Neff «Burnout in mental health professionals: A systematic review and meta-analysis of prevalence and determinants», European Psychiatry, 2018,53:74–99.
4. Hannah M. McCormack, Tadhg E. MacIntyre, Deirdre O`Shea. The Prevalence and Causes of Burnout Among Applied Psychologist: A Systamatic Review. Front. Psychol.2018, 9:1897. doi: 10.3389/fpsyg.2018.01897
5. James J. Clarke, Clare S. Rees, Vincent O. Mancini, Lauren J. Breen. Emotional labor and emotional exhaustion in psychologists: Preliminary evidence for the protective role of self-compassion and psychological flexibility. Journal of Contextual Dehavioral Science, 2024,31.
6. McCade, D., Frewen, A., & Fassnacht, D.B. Burnout and depression in Australian psychologists: The moderating role of self-compassion. Australian Psychologist, 2021, 56(2):111–122. https://doi.org/10.1080/00050067.2021.1890979
7. Antonio Crego, José Ramón Yela, Pablo Riesco-Matías, María-Ángeles Gómez-Martínez & Aitor Vicente-Arruebarrena. The Benefits of Self-Compassion in Mental Health Professionals: A Systematic Review of Empirical Research. Psychology Research and Behavior Management.2022,15:2599–2620.
8. Marielle H. Collins & Carolyn K. Cassill. Psychological wellness and self-care: an ethical and professional imperative. Ethics & Behavior. 2022,32(7):634–646.
9. Simionato, Gabrielle & Simpson, Susan. Personal risk factors associated with burnout among psychotherapists: A systematic review of the literature. Journal of Clinical Psychology.2018, 74. 10.1002/jclp.22615.
10. McCormack HM, MacIntyre TE, O'Shea D, Herring MP, Campbell MJ. The Prevalence and Cause(s) of Burnout Among Applied Psychologists: A Systematic Review. Front Psychol. 2018, Oct 16;9:1897. doi: 10.3389/fpsyg.2018.01897.
11. R.F. Hings, C.R.D. Wagstaff, V. Anderson, S. Gilmore, R.C. Thelwell Emotional labor and professional practice in sports medicine and science. Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sports, 28 (2) (2018), pp. 704–716.
12. H. Van Der Merwe Emotional labour and the practicing psychologist: When the psychologist's professional emotions go awry. European Journal for Qualitative Research in Psychotherapy, 9 (2019), pp. 27–40.
13. Clark J.Clarke, Clare S.Rees, Vincent O. Mfnchini Emotional labor and emotional exhaustion in psychologists: Preliminary evidence for the protective role of self-compassion and psychological flexibility, Journal of Contextual Behavioral Science, 2024. https://doi.org/10.1016/j.jcbs.2024.100724
14. J.J. Clarke, C.S. Rees, L.J. Breen, B. Heritage Managing emotional labour in the provision of psychotherapy – what matters most/ Clinical Psychologist (2023), 10.1080/13284207.2022.2121644
15. Swift, J. K., & Greenberg, R.P. Premature discontinuation in adult psychotherapy: A meta-analysis. Journal of Consulting and Clinical Psychology.2012, 80:547–559.
16. Jamie Chamberlin Are your clients leaving too soon? American Psychological Association, Monitor Staff, April 2015, Vol 46, No. 4.
17. Профессиональный стандарт Психолог-консультант. Утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 14 сентября 2022 № 537н. – URL: https://hb.bizmrg.com/rostbk.com-backup/iblock/d87/d87ae89b79686109bacf1d22b326934b/28bb663d4294ccfa4b1d663cb520681d.pdf (дата обращения: 10.05.2024).

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE WORK OF A FREELANCE PSYCHOLOGIST

Konycheva Y.D., Philimonova I.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation

Due to political events, the demand for psychological help in 2022 increased by 62% compared to 2021. However, the planned submission to the State Duma of the law "On Psychological Assistance in Russian Federation" in the spring 2024, designed to administer the activities of psychologists, introduces certain changes to the requirements for the education of psychologists, which calls into question the further work of psychologists who have received professional retraining, but do not have specialized education (bachelor's, master's degrees), most of whom are private practitioners and work as freelancers. Thus, taking into account the above facts, the study of the socio-psychological characteristics of freelance work by psychologists is relevant. The purpose of the research is to identify the risks of freelance work for psychologists, taking into account the introduction of new legislation and to develop proposals for leveling them out to create optimal conditions for their work. Research results. Using survey methods, the psychological stress of freelancing work as a psychologist was revealed, which consists of professional burnout due to an imbalance in the workload when performing professional duties, as well as the influence of inflated professional demands. The influence of painful feedback from clients on the professional self-identification and self-esteem of psychologists was revealed, as well as the influence of uneven employment associated with freelancing on psychological stability and a sense of stability of their work.

Keywords: psychologist, freelance, private psychological practice, socio-economic risks, psychological aspects of freelance work, professional burnout, burnout of psychologists.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part two) dated January 26, 1996 No. 14-FZ Art. 779. – URL: https://www.consult-

ant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/a397ec4ca2dd0c-96c211ee4e4436628f0cf581a3/ (date of access: 05/07/2024).
2. Draft Federal Law “On Psychological Assistance in the Russian Federation”. – URL: https://psy.su/content/files/zakonoproekt.pdf (date of access: 05/07/2024).
3. Karen O`Connor, Deirdre Muller Neff “Burnout in mental health professionals: A systematic review and meta-analysis of prevalence and determinants”, European Psychiatry, 2018,53:74–99.
4. Hannah M. McCormack, Tadhg E. MacIntyre, Deirdre O’Shea. The Prevalence and Causes of Burnout Among Applied Psychologist: A Systamatic Review. Front. Psychol.2018, 9:1897. doi: 10.3389/fpsyg.2018.01897
5. James J. Clarke, Clare S. Rees, Vincent O. Mancini, Lauren J. Breen. Emotional labor and emotional exhaustion in psychologists: Preliminary evidence for the protective role of self-compassion and psychological flexibility. Journal of Contextual Behavioral Science, 2024,31.
6. McCade, D., Frewen, A., & Fassnacht, D.B. Burnout and depression in Australian psychologists: The moderating role of self-compassion. Australian Psychologist, 2021, 56(2):111–122. https://doi.org/10.1080/00050067.2021.1890979
7. Antonio Crego, José Ramón Yela, Pablo Riesco-Matías, María-Ángeles Gómez-Martínez & Aitor Vicente-Arruebarrena. The Benefits of Self-Compassion in Mental Health Professionals: A Systematic Review of Empirical Research. Psychology Research and Behavior Management.2022,15:2599–2620.
8. Marielle H. Collins & Carolyn K. Cassill. Psychological wellness and self-care: an ethical and professional imperative. Ethics & Behavior. 2022,32(7):634–646.
9. Simionato, Gabrielle & Simpson, Susan. Personal risk factors associated with burnout among psychotherapists: A systematic review of the literature. Journal of Clinical Psychology.2018, 74. 10.1002/jclp.22615.
10. McCormack HM, MacIntyre TE, O’Shea D, Herring MP, Campbell MJ. The Prevalence and Cause(s) of Burnout Among Applied Psychologists: A Systematic Review. Front Psychol. 2018, Oct 16;9:1897. doi: 10.3389/fpsyg.2018.01897.
11. R.F. Hings, C.R.D. Wagstaff, V. Anderson, S. Gilmore, R.C. Thelwell Emotional labor and professional practice in sports medicine and science. Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sports, 28 (2) (2018), pp. 704–716.
12. H. Van Der Merwe Emotional labor and the practicing psychologist: When the psychologist’s professional emotions go awry. European Journal for Qualitative Research in Psychotherapy, 9 (2019), pp. 27–40.
13. Clark J. Clarke, Clare S. Rees, Vincent O. Mfnchini Emotional labor and emotional exhaustion in psychologists: Preliminary evidence for the protective role of self-compassion and psychological flexibility, Journal of Contextual Behavioral Science, 2024. https:// doi.org/10.1016/j.jcbs.2024.100724
14. J.J. Clarke, C.S. Rees, L.J. Breen, B. Heritage Managing emotional labor in the provision of psychotherapy – what matters most/ Clinical Psychologist (2023), 10.1080/13284207.2022.2121644
15. Swift, J. K., & Greenberg, R.P. Premature discontinuation in adult psychotherapy: A meta-analysis. Journal of Consulting and Clinical Psychology.2012, 80:547–559.
16. Jamie Chamberlin Are your clients leaving too soon? American Psychological Association, Monitor Staff, April 2015, Vol 46, No. 4.
17. Professional standard Consulting psychologist. Approved by order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated September 14, 2022 No. 537n. – URL: https://hb.bizmrg.com/rostbk.com-backup/iblock/d87/d87ae89b79686109bacf1d22b326934b/28bb663d4294ccfa4b-1d663cb520681d.pdf (access date: 05/10/2024).

Умное управление (smart governance): поиск эффективных структур современного публичного управления

Ушаков Евгений Владимирович,
к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС Санкт-Петербург)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

Статья посвящена широко дискутируемому понятию умного, или разумного, управления (smart governance). Обсуждаются два сложившихся подхода к данному концепту – социально-гуманитарный и информационно-технологический. Обе традиции интерпретации понятия smart governance вполне совместимы в контексте понимания технологических инфраструктур разумного управления как средства для решения важнейших общественных проблем. При этом в статье подчеркивается самостоятельная ценность социально-гуманитарного подхода к умному управлению. В этом подходе обсуждение smart governance понимается как поиск новых структур публичного управления, адекватных современным реалиям. В статье предлагается точка зрения, согласно которой умное управление выступает прежде всего как умение комбинировать ресурсы и способность формирования гибких и действенных управленческих комплексов. Фундаментальной целью структур умного управления является обеспечение адаптации, жизнеспособности, а также дальнейшего комплексного развития социальных систем.

Ключевые слова: публичное управление, публичная политика, цифровизация управления, информационное общество, умные города, хорошее управление

В последнее десятилетие понятие умного управления (smart governance) становится все более широко обсуждаемым. К настоящему времени сформировалось два подхода к истолкованию данного понятия. Первое направление тяготеет к социально-гуманитарному пониманию умного управления, второе – к техническому (или, точнее, к информационно-технологическому).

Первую традицию, в общем, можно рассматривать как стремление найти новые концептуальные основания для управленческой деятельности, адекватные современным реалиям. Умное (или разумное) управление в этом смысле охватывает определенное множество форм, структур, практик управления, а также соответствующие целевые и ценностно-нормативные ориентиры. В совокупности эти составляющие smart governance должны обеспечить надлежащую степень эффективности управления в условиях высокой сложности, неопределенности, динамики, значительного уровня рисков, характерных для современного мира.

Идея умного управления была выдвинута Дж. Эгером еще в 1997 г. [1]. Автор полагал, что развитие постиндустриальной экономики, глобализации, информатизации повлечет за собой необходимость глубоких общественных (в том числе институциональных) изменений. При этом должна образоваться новая форма общества – «умное сообщество» (smart community), в котором устойчивое управление трансформируется в разумное управление. Однако эта идея в работе Дж. Эгера осталась не развернутой.

Термин «умное управление» (SMART) использовался также во время экономических и правительственных реформ в индийском штате Андхра-Прадеш. Однако это было, скорее, удачной аббревиатурой, чем наименованием для новых структур управления, которые можно считать «разумными». Эта аббревиатура состояла в следующем: SMART = Simple, Moral, Accountable, Responsive, Transparent, т.е. управление должно быть простым, моральным, подотчетным, отзывчивым и прозрачным. [2]

В 2007 г. немецкий исследователь Хельмут Вильке разработал идею умного управления на уровне целой концепции. [3]

Согласно Х. Вильке, в современном мире действуют две мегатенденции, которые порождают потребность в разумном управлении социальными системами: это продолжающаяся глобализация и переход от индустриального общества к обществу знаний. Умное управление – это сокращенное обозначение комплекса принципов, факторов и возможностей, которые образуют форму управления, обладающую способностью действовать в условиях и напряженных ситуациях возникающего общества знаний. [4, p.1]

Разумное управление стремится к созданию адекватных форм управления для высоко сложных, взаимосвязанных социальных систем (например, таких, как мегаполисы), отличающихся значительной степенью беспорядка и неконтролируемости [4, p.1].

Под интеллектуальными системами, по Х. Вильке, следует понимать системы, характеризующиеся не только компетентностью их акторов, но и тем, что в этих системах структуры, процессы и совокупности правил пре-

образуются в интеллектуальные системные компоненты [4, p.1].

Разумное управление, по Х. Вильке, можно понимать также как системно организованный, распределенный коллективный интеллект, способный к адаптации, высокоуровневому обучению, стратегическому видению. В частности, умное управление способно создавать формы управления, обеспечивающие жизнестойкость (resilience) социальных систем. Разумное управление позволяет эффективно действовать в условиях неопределенности, сложности, высоких рисков, решая не только задачи адаптации, но и обеспечивая предвидение, превентивные решения, стратегическое осмысление потенциальных возможностей и угроз.

Х. Вильке считает, что одним из способов обеспечения разумности управления выступает повышение интеллектуальности его структур, что означает в том числе увеличение степеней свободы и вариантов архитектуры управления [4, p.2]. В этой связи он предлагает ряд специальных политико-управленческих мер: расширение политической вовлеченности от отдельных лиц до промежуточных социальных объединений; привлечение к управлению частных субъектов, организаций и государственно-частных партнерств; использование сетей и различных гибридных систем и др. [4, p.3]

Одним из примеров реализации идеи разумного управления может служить сфера здравоохранения. Так, в 2012 г. Европейское региональное бюро ВОЗ издало монографию, посвященную новым способам управления в области общественного здоровья [5]. (Один из соавторов этой книги – Илона Кикбуш, активно участвовавшая в развертывании международного проекта здоровых городов).

В данной работе понятие умного управления означает совокупность инновационных подходов к решению наиболее острых проблем здравоохранения. При этом умное управление в интересах общественного здоровья уже реализуется в Европе и во многих других местах, где органы власти используют новые способы управления, основанные на более широком понимании здоровья и на новых формах сотрудничества государства и общества [5, p.52].

К основным компонентам smart governance авторы монографии отнесли управление:

1) посредством сотрудничества (имеются в виду различные типы партнерства: межсекторальное, межведомственное, между учреждениями и др.);

2) на основе вовлечения граждан;

3) с помощью комбинации таких инструментов, как регулирование и убеждение;

4) с участием независимых учреждений и экспертных организаций;

5) посредством адаптивной политики, жизнестойких форм и предвидения [5, p.53].

В данной монографии приводится много конкретных примеров использования идей умного управления в области политики здравоохранения.

На основе изучения этих кейсов авторы приходят к выводу, что умное управление должно применяться в комбинации с такими подходами, как общеправительственный, или «единое правительство» (whole-of-government) и ориентированный на все общество (whole-of-society). [5, p.x]

Общеправительственный подход нацелен на интеграцию правительственных структур для лучшего решения проблем и устранения дисбаланса полномочий; подход «с точки зрения всего общества» направлен на вовлечение гражданского общества, частного сектора, средств массовой информации для решения проблем здравоохранения. Объединение умного управления с данными подходами должно содействовать лучшей мобилизации общества и власти, а также их эффективному взаимодействию в интересах общественного здоровья.

Второе направление развития понятия умного управления – информационно-технологическое, которое на сегодняшний день является гораздо более разработанным. Оно соотносит понятие smart governance с новейшими достижениями в области информационных технологий, инженерно-технических систем, с новыми методами работы с данными и т.п.

Особенно тесно понятие умного управления связано в настоящее время с широкомасштабным развитием умных городов (smart cities). В этом контексте было предложено немало определений smart governance. Некоторые из них имеют узкий, полностью технико-центрический характер, другие предполагают более широкое содержание. Примером узкой дефиниции может служить следующая. В работе Д. Шуурмана с соавт. smart governance понимается как процесс сбора всевозможных данных и информации в отношении публичного управления с помощью сенсоров или сенсорных сетей [6, p.51]

Аналогично, в другой статье разумное управление предстает как способность использования цифровых технологий и интеллектуальных действий при обработке информации и принятии решений [7, p.149].

Имеются и более емкие, расширенные определения умного управления.

В известной работе Р. Гиффингера и соавт., которая стала своего рода исходным пунктом для исследований управления умными городами, smart governance определяется как один из ключевых компонентов умного города (вместе с такими составляющими, как умная экономика, умные люди, умная мобильность, умная окружающая среда и умное качество жизни) [8]. Разумное управление, в свою очередь, включает такие составляющие, как участие в принятии решений, государственные и социальные услуги, прозрачность управления, политические стратегии и перспективы [8, p.12].

Несмотря на то, что понятие умного города все еще остается в известной степени размытым, в целом проект smart cities проделал определенную эволюцию. На первоначальном этапе данный проект имел практически полностью технико-центрический характер (что было во многом связано с продвижением крупными корпорациями своих технологических продуктов); однако позже в процессах формирования умных городов стало уделяться больше внимания социальным, культурным, политическим целям, а технологические платформы умных городов стали рассматриваться в контексте таких параметров, как интеграция в городскую жизнь, обеспечение равенства и охвата граждан в отношении цифровой среды, достижение политического участия граждан в городском самоуправлении и др.

Так, в определении оперативного отдела университета ООН по электронному управлению на основе политики (UNU-EGOV) умный город выступает как непрерывный трансформационный процесс, который опирается на ИКТ в качестве важнейшего средства, а также на привлечение всех заинтересованных сторон и вовлечение граждан в повышение качества жизни и устойчивости [9, p.3]

Две линии разработки понятия умного управления (социально-гуманитарная и техническая) вполне совместимы, и наиболее очевидный контекст их совместимости состоит в том, технологические платформы умного управления не ограничены чисто техническими целями, а предназначены, в конечном счете, для решения важнейших социальных задач.

Примером такого объединяющего подхода может служить работа [10], в которой вводится понятие инфраструктур умного управления (smart governance infrastructures).

Инфраструктура управления, согласно авторам статьи, включает совокупность технологий, людей, политик, практик, ресурсов, социальных норм и информации, взаимодействующих для поддержки управленческой деятельности. Инфраструктуры разумного управления представляют собой новые конфигурации, расширяющие возможности общества по организации, взаимодействию и управлению; при этом инфраструктуры smart governance обеспечивают достижение таких социально значимых целей, как повышение подотчетности правительства, прозрачности, культурного развития и др.

В статье [11] суммируется немало определений smart governance, которые характеризуются с точки зрения ряда базисных атрибутов систем разумного управления: разумное управление как основанное на ICT, на внешнем сотрудничестве и участии, на внутренней координации, на процессах принятия решений, на е-администрировании и на желаемых результатах (outcomes).Эти определяющие элементы разумного управления далее объединены в три категории: использование технологий, организационные процессы и желаемые результаты.

Авторы статьи прогнозируют, что с дальнейшим развитием информационных, вычислительных и других технологий будут расширяться возможности для формирования новых смарт-инфраструктур управления.

С нашей точки зрения, идея умного управления, разрабатываемая в социально-гуманитарном подходе, имеет самостоятельную ценность, не зависящую от технико-инфраструктурного содержания. Концепт умного управления может рассматриваться в этой связи как поиск форм публичного управления, способных эффективно работать в современных условиях. Иными словами, с помощью этого концепта исследователи стремятся дать ответ на вопрос: какими должны быть новые структуры публичного управления в контексте множества политических, социальных, экономических, экологических и других вызовов?

Здесь следует вспомнить, что в англоязычной литературе в области политики и управления последовательно проводится различие между governance и government [12]. Управление (governance) выступает более широким понятием по сравнению с government (которое более тесно связано с формализованными, институциональными правительственными структурами). Governance выходит за рамки традиционных институтов власти, включает различные коллективные практики и процессы участия в управлении. Кроме того, в понятии governance подчеркивается в большей степени недирективный стиль управления, или «руководства» – организация, коммуникация, координация и т.п.

Таким образом, governance в большей степени основано на широких взаимодействиях, особенно – на различных *сетевых* структурах. Такая парадигма управления открыта для вхождения новых участников, а также для создания новых связей внутри сетей, для образования новых сетевых конфигураций (локальных подсетей, временных действующих групп и т.п.). В этой связи умное управление должно быть способным извлекать ценность из богатых возможностей, предоставляемых сетевыми структурами.

В нашем понимании умное управление – прежде всего умение комбинировать ресурсы, выстраивать некие гибкие работающие комплексы для решения сложных проблем. В процессах такой «настройки» управления необходимо учитывать ряд основополагающих аспектов: технологических, организационных, аналитических, политических и др.

Например, к технологическим аспектам относятся выбор и применение технологических платформ, методов сбора и обработки данных, средств поддержки принятия решений (decision support) и др. Организационные аспекты включают вопросы выбора (или проектирования) релевантных организационных структур, распределения функций и задач, ответственности и т.п.

Умение формировать эффективно действующие управленческие комплексы должно реализовываться на основе потенциала самоорганизации, приобретения и осмысления опыта (обучения), применения научных методов поддержки управления и др.

Таким образом, smart governance – это в некотором смысле *мета-уровень* руководства (или высокоуровневое управление), на котором осуществляется руководство разнообразными управленческими ресурсами и процессами.

Важнейшим компонентом smart governance, как раз свидетельствующим о его степени интеллектуальности, является уровень понимания проблем, с которыми сталкиваются (или могут столкнуться) руководимые социальные системы. Действительно, выбор и создание необходимых комбинаций управленческих форм и средств должны быть адекватны характеру предполагаемой к решению проблемы (ее специфики и основных параметров).

Аналитический потенциал умного управления, а также мощные методы обработки данных и работы с информацией дают возможность приобретать необходимые *знания* – в том числе о решаемых проблемах, как актуальных, так и потенциальных (например, о проблемах будущего), что необходимо для опережающих действий и выработки стратегического видения. Так, обработка больших массивов данных позволяет (в том числе на основе технологий Data Mining) выявлять различные тонкие закономерности, паттерны, не распознаваемые более традиционными методами статистики.

Глубокое понимание природы проблем, их основных характеристик является непременным условием для формирования эффективных управленческих комплексов. Следует отметить, что для современного мира характерно многообразие проблем, с которыми сталкиваются или могут столкнуться социальные системы.

Для иллюстрации: проблемы могут быть *латентными* (что, в свою очередь связано с различными факторами: к примеру, с низкими темпами развития проблемы). Необходимость решения проблем, ассоциированных с множественными взаимосвязями и зависимостями, влечет с политико-административной точки зрения их интерпретацию как кросс-секторальных, из чего должны следовать соответствующие межсекторальные стратегии и действия. Еще одним примером служат проблемы, имеющие высоко случайный характер (и поэтому мало предсказуемый, а при наступлении соответствующих неблагоприятных событий – неожиданный). Отсюда вытекает задача выявления и анализа системных предпосылок и общего предрасполагающего фона в отношении проблем как высоко случайных событий.

С точки зрения высокоуровневых целей, структуры умного управления должны быть способны обеспечивать адаптацию и жизнеспособность социальных систем – что особенно важно на фоне множества разрушительных тенденций, процессов, деструктивных факторов, имеющихся и возникающих рисков (одним из ярких примеров таких глобальных деструктивных событий является недавняя пандемия COVID). Более того, умное управление должно обеспечивать не только жизнестой-

кость, но и дальнейшее развитие социальных систем: экономическое, политическое, социальное, культурное и т.д.

Итак, в контексте растущей неопределенности, сложности, непредсказуемости процессов современного мира все более острой становится потребность в создании таких управляющих и одновременно самоорганизующихся структур, которые способны вырабатывать эффективные стратегии, политики и решения, наращивать и использовать потенциал «готовности к будущему».

Литература

1. Eger J. Cyberspace and cyberplace: building the smart communities of tomorrow. San Diego Union-Tribune, Insight, 2, 1997
2. Mooij J.E. Smart Governance? Politics in the Policy Process in Andhra Pradesh, India. Overseas Development Institute Working Paper No.228, 2003.
3. Willke H. Smart governance: governing the global knowledge society. Frankfurt, Campus Verlag, 2007
4. Willke H. Smart Governance. Complexity and the Megacity. In: Matthiesen, U., Mahnken, G. (eds) Das Wissen der Städte. VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009
5. Kickbusch I., Gleicher D. Governance for Health in the 21st Century World Health Organization. Regional Office for Europe, 2012
6. Schuurman D., Baccarne B., De Marez L., Mechant P. Smart Ideas for Smart Cities: Investigating Crowdsourcing for Generating and Selecting Ideas for ICT Innovation in a City Context. Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research, 2012, 7 (3), 49–62
7. Pereira G.V., Parycek P., Falco E., Kleinhans R. Smart governance in the context of smart cities: A literature review. Information Polity, 2018, 23, 143–162.
8. Giffinger R., Fertner C., Kramar H., Kalasek R., Pichler-Milanovic N., Meijers E. Smart Cities – Ranking of European medium-sized cities. Vienna University of Technology, 2007
9. Smart Governance for Cities: Perspectives and Experiences. Lopes N.V. M. (Editor). Springer Verlag, 2019.
10. Johnston E.W., Hansen D.L. Design lessons for smart governance infrastructures. Transforming American governance: Rebooting the public square, 2011, pp.197–212.
11. Bolıvar M. P. R., Mejer A.J. Smart Governance: Using a Literature Review and Empirical Analysis to Build a Research Model. Social Science Computer Review, 2016, 34 (6), 673–692
12. Rhodes R. A.W. The new governance: Governing without government. Political studies, 1996, 44(4), 652–667.

SMART GOVERNANCE: SEARCH OF EFFECTIVE STRUCTURES OF MODERN PUBLIC ADMINISTRATION

Ushakov E.V.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA St. Petersburg)

The article is devoted to the widely debated concept of smart governance. Two established approaches to this concept are discussed – socio-humanitarian and information-technological. Both traditions of interpretation of the concept are quite compatible in the context of understanding the technological infrastructures of smart governance as a means to solve the most important social problems. At the same time, the article emphasizes the independent value of the socio-humanitarian approach to smart governance. In this approach, the discussion of smart governance is understood as a search for new public administration structures that are adequate to contemporary realities. The article suggests a point of view according to which smart governance acts primarily as the ability to combine resources and the capacity to form flexible and effective governing systems. The fundamental purpose of smart governance structures is to ensure adaptation, viability, and further integrated development of social systems.

Keywords: public administration, public policy, digitalization of governance, information society, smart cities, good governance.

References

1. Eger J. Cyberspace and cyberplace: building the smart communities of tomorrow. San Diego Union-Tribune, Insight, 2, 1997
2. Mooij J.E. Smart Governance? Politics in the Policy Process in Andhra Pradesh, India. Overseas Development Institute Working Paper No.228, 2003.
3. Willke H. Smart governance: governing the global knowledge society. Frankfurt, Campus Verlag, 2007
4. Willke H. Smart Governance. Complexity and the Megacity. In: Matthiesen, U., Mahnken, G. (eds) Das Wissen der Städte. VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009
5. Kickbusch I., Gleicher D. Governance for Health in the 21st Century World Health Organization. Regional Office for Europe, 2012
6. Schuurman D., Baccarne B., De Marez L., Mechant P. Smart Ideas for Smart Cities: Investigating Crowdsourcing for Generating and Selecting Ideas for ICT Innovation in a City Context. Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research, 2012, 7 (3), 49–62
7. Pereira G.V., Parycek P., Falco E., Kleinhans R. Smart governance in the context of smart cities: A literature review. Information Polity, 2018, 23, 143–162.
8. Giffinger R., Fertner C., Kramar H., Kalasek R., Pichler-Milanovic N., Meijers E. Smart Cities – Ranking of European medium-sized cities. Vienna University of Technology, 2007
9. Smart Governance for Cities: Perspectives and Experiences. Lopes N.V. M. (Editor). Springer Verlag, 2019.
10. Johnston E.W., Hansen D.L. Design lessons for smart governance infrastructures. Transforming American governance: Rebooting the public square, 2011, pp.197–212.
11. Bolıvar M. P. R., Mejer A.J. Smart Governance: Using a Literature Review and Empirical Analysis to Build a Research Model. Social Science Computer Review, 2016, 34 (6), 673–692
12. Rhodes R. A.W. The new governance: Governing without government. Political studies, 1996, 44(4), 652–667.

Социально-философский анализ самореализации личности: сферный подход

Швачкина Людмила Александровна,
доктор философских наук, доцент, кафедра «Социально-гуманитарные дисциплины», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
E-mail: Shvachkina@mail.ru

Родионова Валентина Ивановна,
доктор философских наук, доцент, кафедра «Социально-гуманитарные дисциплины», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
E-mail: rodionova.disser@mail.ru

Игошева Марина Анатольевна,
доктор философских наук, доцент, кафедра «Философия и история Отечества», ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения»
E-mail: igosheva_marina@mail.ru

Авторы рассматривают проблему социально-философского анализа самореализации личности в различных сферах жизни её культурно-социального бытия, что дает возможность познать данный феномен наиболее полно. Концептуальные подходы к проблеме самореализации используемые авторами, отражают различные научные традиции в объяснении данного процесса, раскрывают связи человека и его роль в обществе, а также помогают показать концепты трансформации личности в ходе восхождения по социальной лестнице по схеме ««Я» – концепция». В рамках сферного подхода авторы анализируют процесс самореализации личности в таких социальных «плоскостях» как спорт, семья, предпринимательская деятельность. Они отмечают, что в спортивной деятельности существуют взаимосвязь между процессом самореализации личности в спортивной деятельности и мотивационно-потребностной сферой личности, включая собственно мотивы и ценностные ориентации спортсменов. Что касается семьи, то с одной стороны, здесь личность раскрывается в спектре сфер семейной деятельности – рекреационной, нравственной, педагогической, хозяйственно-бытовой и др., проходя путь первичной социализации, а с другой стороны, самореализуется внутри данного социального института. Рассматривая такую сферу как профессиональная деятельность, авторы раскрывают процесс самореализации в предпринимательской деятельности, показывая, что здесь аккумулируются инструментальный и социальный аспекты самореализации. Это дает возможность рассматривать данную сферу как благоприятное пространство сознательной самореализации человека.

Ключевые слова: профессиональная самореализация, самореализация личности, деятельностный подход, профессиональная деятельность, философская антропология, социокультурные процессы, предпринимательская деятельность, спорт, семья как социальный институт.

В современном мире личность, с точки зрения философской антропологии, представляет в своей сущности социокультурный феномен. Человек, безусловно, является носителем биологических начал, они первичны по отношению к его культурной и общественной жизни, но основные мотивы раскрытия духовной направленности в нем способствуют развитию и удовлетворению социально обусловленных потребностей. Именно общество делает человека субъектом бытия. С точки зрения философской антропологии, личность можно охарактеризовать как самоорганизующуюся систему, в которой есть место самодетерминации, развитию и воплощению не только биологических потребностей, но и социокультурных устремлений. Это и принято считать содержательной социально-философской проблемой понятия «самореализация». Исходя из заявленной проблематики, объектом теоретического исследования будет являться специфика процесса самореализации в различных сферах жизнедеятельности человека.

Цель статьи – провести понятийный, социально-философский анализ самореализации личности в культурном и социальном смысле в различных сферных проявлениях, что позволит познать данный феномен наиболее полно.

С точки зрения философского понимания социума, личность трактуется как объект социально-значимой системы, включающий в себя уникальные индивидуальные черты, формирующиеся в процессе социализации и являющиеся продуктом индивидуального опыта, полученного в результате взаимодействия в межличностных отношениях. Культурная жизнь, в свою очередь, приписывает личности такие характеристики как уважение к наследию предков, что приводит к грамотной инкультурации в обществе, а также обладание гармонией и равновесием между собственным мировоззрением и мировоззрением подавляющего большинства согласно традициям, обычаям и принятым в обществе нормам. То есть личность должна обладать самоорганизацией. Как утверждает в своей работе современный философ Ворожко Ю.Н., при культур-философском изучении личности допустим акмесинергетический подход, являющийся продуктивный в философско-антропологическом исследовании в отношении нахождения ответов на вопросы о том, как и с помощью каких механизмов происходит самоорганизация человека, что позволяет внести вклад в построение идеальной модели самореализации личности, необходимой для исследования ее трансформации в условиях современной культуры, включающей в себя многие сферы [2]. Мы согласны с выбором данного подхода при изучении проблемы реализации, так как он способствует раскрытию субъектности личности в самореализации в контексте сферного подхода. Под субъектностью понимается способность человека выступать объектом деятельности. Впервые термин «субъектность» употребил Леонтьев А.Н. в работе «Деятельность. Сознание. Личность» [8]. Он описывает ее как определённый набор качеств человека, которые характеризуют сферу его деятельностных способностей, его способность к самодетерминации, творческой активности. Развивая данную идею, мы отметим, что субъ-

ектность в самореализации является одним из главных адаптационных элементов в самореализации, так как именно она соединяет в себе такие составляющие как рефлексию, ответственность, самоценность, автономность, а также креативность. Благодаря совершенствованию данных показателей личность способна грамотно планировать собственную жизнь.

Научные подходы к проблеме самореализации отражают различные научные традиции в объяснении данного феномена. Если в рамках социально-психологической трактовки самореализация человека понимается конкретно, основываясь на характеристики человеческих действий и состояний, то за границами психологического подхода остаются духовные феномены, которые имеют явную связь с процессами самореализации.

В философии поколения двадцать первого века под определением духовности понимается внутреннее осознание человека собственных начал и его желание достичь идеального внутреннего состояния. Бердяев Н.А. считал, что с духовностью связано глубинное «я» человека [1]. Именно духовность, идущая из глубины, по убеждению философа, и есть сила, образующая и поддерживающая личность в человеке. Мы разделяем данное мнение, так как выше мы указали на то, что духовность есть нечто созерцательное, неочевидное для психологии, но при этом имеющее побудительные свойства для образования мотивов к тому или иному виду деятельности, которые основаны исключительно на личностных характеристиках индивида.

Духовный рост, семейная жизнь, творчество и многое другое, куда человек, в качестве субъекта культуры, может простирать свое инобытие является путями самоактуализации. Самореализация является проявлением субъектной деятельности личности – деятельности, результатом которой становится самостоятельное учение, с дальнейшим самооцениванием, преобразованием и адаптацией полученного познания в настоящем и будущем времени, а также раскрытием его личностного я в мире экзистенции, которая отвечает за постановку целей, а также разработку и выбор стратегий их успешной реализации с учетом, естественно, и опыта предшественников.

Данная мысль отражена в научной рефлексии. Так, согласно мнения отечественных философов-современников Герасимову В.П. и Цветковой О.А., самореализация выступает как сознательно осуществляемая субъектом теоретическая деятельность по анализу своей жизненной ситуации, по выявлению наличных жизненных проблем и ресурсов для их решения [3, С. 101]. Получается, что человек не только зависит от социальных и культурных детерминант, но и сам может оказывать активное влияние на состояние собственной экзистенции, тем самым инициируя инновационные культурные и социальные формы.

Самореализация, саморазвитие, самоопределение личности, впрочем, как и другие «само» (самодвижение, самодетерминация), есть факты, которые проявляются реально и повсеместно [9, С. 54]. Наиболее близкими к понятию «самореализация» является понятие «самоактуализация».

Содержание данного понятия можно соотнести с мнением Маслоу А., по которому человек обладает врожденными потребностями. Некоторые из них в своей природе несут неповторимость и уникальность реализации. По Маслоу А., развитие личности заключается в актуализации этих возможностей. Он считает, что внутреннее духовное устройство человека достаточно неустойчивое, оно трансформируется под влиянием культуры и привычки, но даже в сложных жизненных обстоятельствах человек не теряет потребность в самореализации, продолжая идти к успеху в собственной деятельности, к достижению собственных акмеологических вершин [10, С. 34]. Достаточно сложно оспорить данные выводы о тонком устройстве человеческой души. Ведь действительно на человека оказывают большое влияние внешние факторы, которые способны изменить траекторию намеченной деятельности – повлиять на актуальность цели, количество и качество доступных инструментов для успешной ее реализации. Но личность, обладающая высоко-интеллектуальной духовностью и крепкой силой воли, способна даже в условиях изменчивой среды продолжать совершать усилия для достижения самореализции.

В контексте заявленной проблематики, не менее волнующей проблемой в теме самореализации личности, является личностный аспект. Под данным термином понимается объединение таких характеристик личности как психика, сознание, самостоятельная и общественная деятельность, культурные ценности. С точки зрения научных исследований личность в современном обществе является достаточно уязвимой в индивидуальном антропологическом социокультурном развитии. Негативное воздействие оказывает урбанизация, дегуманизация культуры, наличие духовного кризиса, утрата культурных ценностей. К сожалению, на данном этапе современной цивилизации ученые наблюдают увеличение манипулятивных процессов, сокращение сложных когнитивных форм мышления, избежание поисков истины в процессах познания социальной реальности. Современный человек все реже стремится к самопознанию и саморазвитию, экзистенциально находится в состоянии рецессии. В своей научной работе В.Е. Клочко утверждает, что «у современного человека страдает его индивидуальность, все больше появляется склонность к шаблонности в мышлении и деятельности. Присвоенные индивидом знания, полученный культурный опыт, освоенная деятельность, технологии по отношению к индивидуальности человека становится факторами проявлениями самой неповторимости» [9, С. 36]. Из данного высказывания следует, что человек способен проявлять субъектность в различных сферах деятельности и, применяя критическое мышление, осуществлять ее разнообразными наиболее актуальными способами, адаптируя и совершенствуя их, так называемыми процессами самореализации личности. Они позволяют формировать социокультурную сущность как атрибут существования личности, в то же время, опираясь на биологические основы человека. Таким образом, мы можем рассуждать о том, что одним из способов самореализации служит проявление субъектного подхода в деятельности.

Размышляя о сущности деятельности фигуры личности как субъекта, следует отметить, что согласно философским учениям, она может отличаться по направленности. В зависимости от преследуемых целей, можно выделить преобразовательную и познавательную деятельности. Первая, несет в себе некую трансформацию объекта, так как субъект подчиняет ее своим целям, тем самым распредмечивает, а также делит на две плоскости – на реальную в понимании материальной, которая изменяет бытие природное, общественное, то есть ощущаемую в настоящем времени, а также идеальную, которая, в свою очередь, существует лишь в воображении. Вторая же является изучением человека в его экзистенции, в понимании собственной свободы и воли выбора. Как утверждал С. Кьеркегор, экзистенциальная истина должна быть пережита, а человека как личность характеризует осознание его неповторимости [7]. В философском контексте можно резюмировать, что личность

узнает то, что она в состоянии изменить окружающую реальность и какими культурными алгоритмами ему необходимо руководствоваться. Также персональная деятельность отличается используемыми средствами преобразования действительности: воображением, коммуникацией.

Выделим четыре основных вида деятельности человека – игра, учение, общение и труд, которые позволят нам рассуждать о таких сферах деятельности человека как спорт, семья, предпринимательство, наука, искусство, медицина и т.д.

В рамках данного исследования, на основе сферного подхода, остановимся на реализации человека в спорте, семье, а также предпринимательской деятельности.

Рассмотрим процесс самореализации личности в спорте под которым Ильин Е.П. понимает не только специфический вид человеческой деятельности, но и социальное явление, способствующее поднятию престижа не только отдельных личностей, но и целых общностей, в том числе и государства [4, С. 34]. Оценить самореализацию личности в спортивной сфере можно при помощи анализа качества включения и включенности личности в систему занятий избранным видом спорта и направлением возрастосообразной самоактуализации, что выступает инструментом социализации [4, С. 36]. Включенность является показателем осознанности личности, что позволяет рассуждать об ее экзистенциальном значении в реализации собственных потребностей. Возрастосообразная самоактуализация явится неким маркером при прохождении кризисов взросления.

Важной особенностью, которая отличает спортивную деятельность от любой другой является то, что в ней нет четкой границы субъективного и объективного, потому что в процессе деятельности он совершенствует сам себя, то есть саморазвивается. Кроме того, в рамках успешной спортивной деятельности может появиться потребность в самореализации путем передачи опыта следующим поколениям, что даст возможность искать пути самореализации в успехах своих учеников. В данном случае сферный подход в контексте спортивной деятельности демонстрирует проявление гуманистической направленность личности.

Нельзя обойти вниманием семейную сферу жизнедеятельности человека, так как это важный социальный институт. С точки зрения биологии, семья нужна для продолжения рода, что характеризуется биологической самореализацией человека как представителя животного мира. Здесь и кроется первый вариант решения проблемы самореализации личности как представителя всего живого на планете. Семья выступает и объектом реализации социокультурных и духовных личностных начал и позволяет избавиться от чувства одиночества, неполноценности, несовершенности, незавершенности достаточно эффективно [6]. Кроме того, здесь человек сам оказывает эмоциональную поддержку, выполняет различные социальные роли, совершенствуя коммуникативные навыки, столь важные для успешной самоактуализации в семейной сфере. Соответственно семья играет ведущую роль и является базисным фактором, с одной стороны, первичной социализации, а с другой, является механизмом самореализации человека внутри семьи. Для многих, именно внутрисемейные отношения включают человека в ценностные составляющие истинного бытия, что порой важнее чем профессиональная карьера и, кроме того, сопровождается меньшими «энергетическими затратами» и эмоциональными «издержками».

Однако и карьера и семья как социальные пространства для самореализации являются теми сферами, где человек удовлетворяет себя, реализует потребность в признании, любви, уважении. Поэтому далее, с социально-философской точки зрения нахождения человека в социуме, стоит рассмотреть такое явление как самореализация личности в предпринимательской деятельности. В некотором смысле данный род деятельности выступает в качестве профессии, которая отвечает моральным нормам, преследует цель получить прибыль и развивать бизнес в интересах общества. Самоактуализация личности в сфере предпринимательской деятельности возможна при условии добросовестности выбора и отношения к трудовой деятельности с соблюдением моральных норм. Для успешности самореализации личности в рамках предпринимательской деятельности необходимо наличие высокого уровня внутреннего локуса контроля над событиями и их последствиями с опорой на свой опыт при принятии решений.

Основными социально-культурными детерминантами предпринимательской деятельности можно позиционировать следующее: стремление к независимости и автономии, потребность в достижении полноценного воплощения субъектности (развитие самостоятельности и принятие ответственности), финансовый и социальный рост с последующим приобретение нового статуса, власти, влияния.

Современный предприниматель для успешной самореализации должен руководствоваться антропологическими запросами со стороны общества, то есть способствовать раскрытию индивидуального «я» через формирование ответственности, а также отвечать требованиям государственного устройства. Можно сказать, что предпринимательство является той сферой человеческой деятельности, которая позволяет наиболее полно раскрыть способности личности через общественно-значимую деятельность, при этом осуществление этой деятельности детерминировано не только из вне, но и должно выступать внутренней потребностью самой личности.

Зобов Р.А. и Келасьев В.Н. [5] выделяют критерии, позволяющие судить об успешности (не успешности) самореализации в деятельности – собственная удовлетворенность от проделанной работы, количественные и качественные внешние показатели, а также физическое и психическое здоровье. Данные критерии достаточно универсальные для определения реализации потенциала личности в разных направлениях духовного развития. Сложно оставаться продуктивным и не отступать от цели, если сама личность истощена эмоционально и физически, будь то спортивные старты, семейный праздник и же встреча с партнерами по бизнесу. Самореализация возможна при высокой результативности, при отсутствии деструктивных настроений, которые истощают нервно-психическую энергию, а также при принятии личностью «Я» реального. По аккумуляции данных антропологических и психологических показателей можно судить о мере самореализации человека.

Сферный подход к проблеме социально-философского анализа самореализации личности показал, что критическое мышление, а также умение выстраивать социальные и культурные связи в различных сферах жизнедеятельности человека являются общими для любой направленности самореализации, то есть они актуальны в любом роде деятельности. Личность находится в положении, когда ей предоставляется возможность выбора пути реализации глубинных духовных потребностей. Спортсмена, семьянина и предпринимателя объединяет то, что они самостоятельно выбирают жизненные ориентиры, определяют свое отношение к действительности, а также способы нахождения своего места в ней. От их выбора зависит собственное духовное

обогащение, а также культурное развитие окружающих. Личность как представитель любой сферы деятельности способна выбирать методы для созидания обновленного общества и одобрения приоритетов и ценностей. Проблемы самореализации личности находят пути решения в прогрессивно меняющемся процессе развития системы взглядов на внутреннее устройство человека как целостного явления.

Резюмируя отметим, что необходимо развивать исследования, направленные на создание концептуальных основ стратегии опережающего развития образования на новых тщательно методологически проработанных принципах. Такие исследования благоприятно повлияют на формирования новых идей, которые помогут личности в самоопределении и дальнейшей самоактуализации, ведь развитие происходит через познание, что является продуктом образования, а самореализация человека как личности является главным проявлением социокультурной сущности.

Литература

1. Бердяев А.Н. Философия свободного духа / А.Н. Бердяев. – Издательство: Т8, 2018. – 494 с.
2. Ворожко Ю.Н. Особенности самореализации личности в эпоху постмодерна / Ю.Н. Ворожко // Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samorealizatsii-lichnosti-v-epohu-postmoderna (дата обращения: 23.05.2024).
3. Герасимов В.П., Цветкова О.А. Феноменология и онтология самореализации / В.П. Герасимов // Омский научный вестник. – 2013. – № 1 (115). – С. 101–107.
4. Герт В.А. Деятельностный подход: этапы и перспективы развития /В.А. Герт // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 11. – С. 34–42.
5. Зобов Р.А., Келасьев В.Н. Самореализация и социальная компетентность человека / Р.А. Зобов, В.Н. Келасьев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2007. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/samorealizatsiya-i-sotsialnaya-kompetentnost-cheloveka (дата обращения: 25.05.2024).
6. Ильин Е.П. Психология спорта / Е.П. Ильин. – Питер, 2008. – 352 с.
7. Лега В.П. История западной философии. Часть 2. Новое время. Современная западная философия / Лега В.П. – М.: ПСТГУ. 2009. – 337 с.
8. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Смысл, 2005. – 352 с.
9. Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под редакцией Г.В. Залевского. – Издательство Томского университета, 1999. – 154 с.
10. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF PERSONAL SELF-REALIZATION: SPHERAL APPROACH

Shvachkina L.A., Rodionova V.I., Igosheva M.A.
Don State Technical University, Rostov State Transport University

The authors consider the problem of socio-philosophical analysis of a person's self-realization in various spheres of life of his cultural and social existence, which makes it possible to understand this phenomenon most fully. The conceptual approaches to the problem of self-realization used by the authors reflect various scientific traditions in explaining this process, reveal the connections of a person and his role in society, and also help to show the concepts of personality transformation in the course of climbing the social ladder according to the "I" – concept scheme. Within the framework of the spheral approach, the authors analyze the process of personal self-realization in such social "planes" as sports, family, and entrepreneurial activity. They note that in sports activity there is a relationship between the process of self-realization of the individual in sports activity and the motivational-need sphere of the individual, including the actual motives and value orientations of athletes. As for the family, on the one hand, here the personality is revealed in the spectrum of spheres of family activity – recreational, moral, pedagogical, household, etc., going through the path of primary socialization, and on the other hand, self-realization within a given social institution. Considering such an area as professional activity, the authors reveal the process of self-realization in entrepreneurial activity, showing that the instrumental and social aspects of self-realization are accumulated here. This makes it possible to consider this area as a favorable space for conscious self-realization of a person.

Keywords*:* professional self-realization, personal self-realization, activity approach, professional activity, philosophical anthropology, sociocultural processes, entrepreneurial activity, sports, family as a social institution.

References

1. Berdyaev A.N. Philosophy of a free spirit / A.N. Berdyaev. – Publishing house: T8, 2018. – 494 p.
2. Vorozhko Yu.N. Features of personal self-realization in the postmodern era / Yu.N. Vorozhko // Humanities and social sciences. – 2013. – No. 6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samorealizatsii-lichnosti-v-epohu-postmoderna (date of access: 23.05.2024).
3. Gerasimov V.P., Tsvetkova O.A. Phenomenology and ontology of self-realization / V.P. Gerasimov // Omsk Scientific Bulletin. – 2013. – No. 1 (115). – P. 101–107.
4. Gert V.A. Activity approach: stages and prospects of development / V.A. Gert // Pedagogical education in Russia. – 2014. – No. 11. – P. 34–42.
5. Zobov R.A., Kelasev V.N. Self-realization and social competence of a person / R.A. Zobov, V.N. Kelasiev // Bulletin of St. Petersburg University. International relationships. – 2007. – No. 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/samorealizatsiya-i-sotsialnaya-kompetentnost-cheloveka (date of access: 25.05.2024).
6. Ilyin E.P. Psychology of sports / E.P. Ilyin. – Peter, 2008. – 352 p.
7. Lega V.P. History of Western Philosophy. Part 2. New time. Contemporary Western philosophy / Lega V.P. – M.: PSTGU. 2009. – 337 p.
8. Leontyev A.N. Activity. Consciousness. Personality / A.N. Leontyev. – M.: Smysl, 2005. – 352 p.
9. Klochko V. E., Galazhinsky E.V. Personal self-realization: a systemic view / Edited by G.V. Zalevsky. – Tomsk University Publishing House, 1999. – 154 p.
10. Maslow A. Motivation and personality / A. Maslow. – St. Petersburg.: Peter, 2008. – 352 p.